ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2025 / № 4 (46)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2025 / № 4 (46)

THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1)

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science (quartile 1)

Индексация журнала

Информационные партнеры

Компания «Консультант-Плюс»

Журнал «Миграционное право»

Компания «Гарант»

Журнал «Теория государства и права»

Журнал «Юридическая наука»

Журнал «Современное российское право»

Журнал «Юридическая мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

I-я Международная научно-теоретическая конференция

«Человек-природа, гражданин-государство, личность-общество»

(Первые Правовые чтения памяти доктора юридических наук, профессора Сергея Александровича Комарова)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В.	Общественно-политическое положение народов северного Кавказа и их борьба за национальное равноправие в начале XX века: историко-правовые аспекты	14
Булатецкий О.Ю., Хабибулина Н.И.	Правовая концепция Бориса Эммануиловича Нольде о вхождении украинских земель в состав Российского государства	27
Веселов И.Г.	Экспертиза законопроектов в федеральном законодательном процессе: вопросы теории и практики, новые возможности	35
Володина А.А.	Концепция государства как нормативного порядка в учении Ганса Кельзена	40
Галиев Ф.Х. Маруков А.Ф.	Теоретико-прикладные аспекты влияния киберпространства на правовую культуру современного общества	48
Зотов А.А.	Конвергенция, дивергенция и когерентность публичного и частного в торговом праве России XIX века	59
Мазурин С.Ф.	Исторические корни национализма и его антинародная сущность	67
Маруков А.Ф.	Историко-правовые предпосылки возникновение юридической ответственности и её институционализация в Англии	76
Матвеева А.Д.	Проблема правового статуса сотрудника полиции в российской юридической науке	83
Мирошник С.В.	Пробелы в праве с позиции общей теории права и практики Конституционного Суда Российской Федерации	90
Михайлов В.В.	Русское и русскоязычное на Украине: правовые вопросы денацификации	98
Плотникова А.В.	Эволюция торгового права в России во второй половине XIX – начале XX вв.	106
Середа Е.В., Иванов С.А., Самойленко А.А.	Правовая политика государств по противодействию незаконному обороту наркотиков	114
Сошников А.Д.	Блокчейн в малом бизнесе: правовое регулирование и практические сценарии	123
Сыначев Н.А.	Правовые механизмы унификации законодательства в рамках БРИКС: сравнительный анализ подходов к регулированию внешнеэкономических сделок	133
Трухан Р.П.	Системный подход к исследованию проблем взаимодействия правоотношений между собой	140

Шицле Я.В. Основные права граждан и их трансформация в эпоху развития информационных технологий 150

Щерова Н.С. Отражение правовых ценностей в юридических журналах второй половины XIX – начала XX вв. 158

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Безуглая А.А., Мархгейм М.В. «Точки бифуркации» права на образование в РСФСР: конституционно-правовые осечки и реновационные решения в деле духовно-нравственного развития общества 165

Васильев Г.В. Правовые подходы, обеспечения долговой устойчивости бюджета субъекта Российской Федерации 181

Горбенко П.Д. Понятие конституционализации в системе науки конституционного права Российской Федерации 190

Евсеенкова С.В. Лифтовая отрасль как стратегически приоритетный сектор российской экономики: вызовы и перспективы развития 194

Копалкина Е.Г. Роль Уполномоченного по правам человека в реализации права на пенсионное и социальное обеспечение в местах принудительного содержания: региональный аспект 200

Мамина О.И. Электронное правительство как элемент модернизации государственного управления: российский и зарубежный опыт 208

Махьянова Р.М. Модернизация надзорной деятельности прокуратуры 219

Носырева А.Е. Институт адвокатуры в аспекте юридической защиты прав людей с инвалидностью 231

Чепус А.В. Правовое регулирование миграционных процессов в контексте развития концепции цифрового государства 238

Шафигулин К.В. К вопросу об обязанности гражданина Российской Федерации сохранять свое здоровье: конституционно-правовой аспект 247

Шеншин В.М. О теоретических подходах к проблеме обеспечения безопасности России 261

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Pages

Bidova B.B., Bystrova Yu.V. The socio-political situation of the peoples of the North Caucasus and their struggle for national equality in the early 20th century: historical and legal aspects 21

Bulatetsky O.Yu., Khabibulina N.I. Boris Emmanuilovich Nolde's legal concept on the incorporation of Ukrainian lands into the Russian State 31

Veselov I.G. Examination of draft laws in the federal legislative process: issues of theory and practice, new opportunities 37

Volodina A.A. The concept of the state as a normative order in the teachings of Hans Kelsen ... 44

Galiev F.H.
Marukov A.F. Theoretical and applied aspects of the influence of cyberspace on the legal culture of modern society ... 54

Zotov A.A. Convergence, divergence, and coherence of public and private law in 19th-century Russian commercial law ... 63

Mazurin S.F. Historical roots of nationalism and its anti-national essence ... 72

Marukov A. F. Historical and legal prerequisites for the emergence of legal responsibility and its institutionalization in England ... 80

Matveeva A.D. The problem of the legal status of a police officer in Russian jurisprudence ... 86

Miroshnik S.V. Gaps in law from the perspective of the general theory of law and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation ... 94

Mikhailov V.V. Russian and Russian-speaking in Ukraine: legal issues of denazification ... 102

Plotnikova A.V. The evolution of commercial law in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries ... 110

Sereda E.V.,
Ivanov S.A.,
Samoylenko A.A. Legal policy of states on combating drug trafficking ... 119

Soshnikov A.D. Blockchain in small business: legal regulation and practical scenarios ... 128

Synachev N.A. Legal mechanisms for the unification of legislation within the framework of BRICS: comparative analysis of approaches to regulation of foreign economic transactions ... 137

Trukhan R.P. A systematic approach to the study of problems of interaction of legal relations among themselves ... 146

Shitsle Ya.V. Basic rights of citizens and their transformation in the era of information technology development ... 154

Shcherova N.S. Reflection of legal values in law journals of the second half of the 19th – early 20th centuries ... 161

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Bezuglaya A.A.,
Markheim M.V. "Bifurcation points" of the right to education in the RSFSR: constitutional and legal misfires and renovation decisions in the spiritual and moral development of society ... 174

Vasiliev G.V. Legal approaches to ensuring debt sustainability of the budget of a constituent entity of the Russian Federation ... 186

Gorbenko P.D. The concept of constitutionalization in the system of science of constitutional law of the Russian Federation 192

Evseenkova S.V. Elevator industry as a strategically priority sector of the Russian economy: challenges and development prospects 197

Kopalkina E.G. The role of the Commissioner for Human Rights in the realization of the right to pension and social security in places of forced detention: a regional aspect 204

Mamina O.I. Electronic government as an element of modernization of public administration: Russian and foreign experience 214

Makhyanova R.M. Modernization of the supervisory activities of the Prosecutor's office 225

Nosyreva A.E. Institute of Advocacy in the aspect of legal protection of the rights of people with disabilities 235

Chepus A.V. Legal regulation of migration processes in the context of the development of the digital state concept 243

Shafigulin K.V. On the issue of the duty of a citizen of the Russian Federation to preserve his health: constitutional and legal aspect 255

Shenshin V.M. On theoretical approaches to the problem of ensuring Russia's security 267

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия) (член совета)

Арзамасов Юрий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия) (член совета)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия) (член совета)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия) (член совета)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия) (член совета)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Матвеев Антон Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (г. Пермь, Россия) (член совета)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия) (член совета)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан) (член совета)

Оробец Вячеслав Михайлович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Певцова Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва) (член совета)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия) (член совета)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Ревнова Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия) (член совета)

Сарабариа Кориг Маура де ла Каридад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика) (член совета)

Середа Елена Васильевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия) (член совета)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Тирских Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия) (член совета)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия) (член совета)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия) (член совета)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (член совета)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия) (член совета)

Юдин Валерий Иванович, доктор политических наук, доцент, помощник сенатора Российской Федерации (г. Москва, Россия) (член совета)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Джалилов Эльвис Алимович, кандидат юридических наук (г. Тольятти, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Скачкова Галина Семёновна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович

Журнал перерегистрирован в 2025 году. Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС77-89420 от 20.05. 2015 г.

Учредитель: Комаров Владимир Сергеевич

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 1).

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2025.
© Авторы, 2025.

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (http://matgip.ru/journal).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960
Подписку на журнал можно оформить также и на сайте ***www.matgip.ru***

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU и на сайте: www.matgip.ru

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia) (Council Member)

Arzamasov Yuri Gennadievich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kolomna, Russia) (Council Member)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia) (Council Member)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia) (Council Member)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Matveev Anton Gennadievich, Doctor of Law, Associate professor (Permian, Russia) (Council Member)

Mikhailova Irina Alexandrovna, Doctor of Law, Professor (Ryazan, Russia) (Council Member)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan) (Council Member)

Orobets Vyacheslav Mikhailovich, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Pevtsova Elena Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia) (Council Member)

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Salabarria Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico) (Council Member)

Sereda Elena Vasilievna, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia) (Council Member)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Khachaturov Rudolf Levonovich, Doctor of Law, Professor (Tolyatti, Russia) (Council Member)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia) (Council Member)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia) (Council Member)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Yudin Valery Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Assistant to the Senator of the Russian Federation (Moscow, Russia) (Council Member)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)

Jalilov Elvis Alimovich, PhD in Law (Tolyatti, Russia)

Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Skachkova Galina Semyonovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Certificate of registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) PI No. FS77-65110 dated 28.03.2016

Founder: Komarov Sergey Aleksandrovich

The journal was re-registered in 2025. Certificate of Roskomnadzor PI No. FS77-89420 dated 05/20/2015
Founder: Komarov Vladimir Sergeevich

The magazine is published 4 times a year.

The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of the dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences (quartile 1) should be published.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Theory of State and Law, 2025.
© The Authors, 2025.

The full-text version of the journal and the archive of issues from 2016 to the present are available on the Internet on the website of the Interregional Association of State and Law Theorists (http://matgip.ru/journal).

The subscription index in the Combined catalog of the Press of Russia is 38960
You can also subscribe to the magazine on the website. www.matgip.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RISC) system. Full-text issues of the journal are freely available in the Scientific Electronic Library eLibrary.RU and on the website: www.matgip.ru

When quoting, a link to a specific article in the journal is required. Reproduction of materials in printed, electronic or other publications is prohibited without the permission of the editorial board. The materials published in the journal may be used only for non-commercial purposes. The authors are responsible for the content of the articles and the results of checking the text for anti-plagiarism.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК: 340
ББК: 67.3
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_14

Б.Б. Бидова*
Ю.В. Быстрова**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ИХ БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Данная работа представляет собой всестороннее научное исследование этнополитических процессов и межэтнических взаимоотношений, происходивших в северокавказском регионе на рубеже XX века. В ней тщательно рассмотрено влияние этих явлений на политическую структуру, социально-экономическую эволюцию и культурные преобразования среди коренных народностей региона, включая кабардинцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев, карачаевцев и другие этносы. Авторы предлагают объективный научный анализ освободительных движений и революционных процессов, а также роста этнического самосознания нерусских народов Северного Кавказа, стремившихся к обретению политического и национального равноправия. Проведенный анализ нерешенности национального вопроса в дореволюционной России до 1917 года показывает, что имперская политика закономерно толкала притесняемые этносы к революционной активности, сепаратистским настроениям, межэтническим столкновениям и актам терроризма и анализ обеспечивает более глубокое понимание роли национального фактора в историческом развитии России, охватывая политико-общественные, экономико-социальные и духовные аспекты существования народов Северного Кавказа.*

Ключевые слова: *Российская империя, национальная политика, этнос, народ, инородцы, межэтнические отношения, национальный вопрос, Северный Кавказ, освободительные движения, национально-государственные объединения.*

Введение. С наступлением двадцатого века коренные этнические группы Северного Кавказа – кабардинцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, карачаевцы и прочие народности – были захвачены волной глобальных общественно-политических изменений, охвативших всю Российскую империю. Эта эпоха была отмечена чередой трёх революционных потрясений, конфликтом с Японией и глобальным военным противостоянием Первой мировой.

Стратегия великодержавной колониальной политики, реализуемая правительством из Петербурга в северокавказском регионе на заре XX столетия, представляла собой важный компонент общего имперского внутриполитического направления. Для прогресса российской исторической науки критически важно провести всестороннее и объективное научное исследование этой политической линии.

Анализ национальной политики и межнациональных отношений в рассматриваемый хронологический отрезок обладает значительной теоретической и практической значимостью, так

* **Бидова Бэла Бертовна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М Бербекова», профессор кафедры истории, права и общественных дисциплин филиала ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Ессентуки. E-mail: bela_007@bk.ru

** **Быстрова Юлия Викторовна** – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НОЦ правовых исследований ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М Бербекова», заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева. E-mail: zukova57@mail.ru

как позволяет подробно воссоздать тяжелые условия существования народов Северного Кавказа в составе имперской России. Изучение этих аспектов в период 1906–1921 годов также помогает осмыслить глубину государственного кризиса царской России, который предварял революционные потрясения 1917 года.

В начале XX века перед Российской империей остро встала задача модернизации политического устройства и разрешения национального вопроса. Эффективным преобразованиям мешал целый комплекс препятствий, среди которых значительное место занимали межнациональные противоречия. В начале двадцатого столетия стартовало движение к обеспечению политического и национального равноправия для различных этнических групп Северного Кавказа, включая кабардинцев, балкарцев, осетин, ингушей, чеченцев и карачаевцев. Период с 1906 по 1917 годы отмечен важнейшими историческими трансформациями в судьбе северокавказских народов, причем многие элементы этих процессов еще предстоит детально изучить научному сообществу.

В исследовании применен комплексный подход, основанный на принципах историзма и системном анализе. Особое внимание уделялось специфике различных категорий источников, что способствовало формированию объективного и всестороннего понимания исторических событий, без предвзятости в их толковании. Исследование базируется на достижениях российских ученых в сфере национальной политики, межнациональных взаимоотношений и национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. Были учтены научные труды, посвященные государственному управлению, парламентаризму, функционированию политических партий и эволюции национальных и религиозных движений.

Методологическую основу составил широкий спектр документальных, научных и научно-популярных источников. Среди опубликованных материалов особую ценность представляют стенографические отчеты, собрания выступлений депутатов, документы о работе заседаний и комиссий Думы, периодика начала XX столетия, мемуарная литература и отчетные материалы думских фракций. Дополнительным источником информации послужили материалы периодических изданий соответствующего исторического периода, содержащие релевантные сведения по исследуемой проблематике.

Основная часть. Горские народы Северного Кавказа (балкарцы, кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы) до событий октябрьской революции 1917 года входили в состав Терской области как административно-территориальной единицы [6, с. 18.]. Эта область, сформированная в 1806 году, охватывала как горные возвышенности, так и равнинные зоны Центральной части Главного Кавказского хребта. Терская область имела общие рубежи с грузинскими Тифлисской и Кутаисской губерниями на юге, Ставропольской губернией на севере, Кубанской областью на западе и Дагестанской областью на востоке.

Размеры Терской области оставались неизменными с конца XIX столетия до революционного 1917 года, составляя 60 тысяч квадратных верст (эквивалентно 70 тысячам квадратных километров) [2, с. 53]. На заре XX века административная структура области включала восемь территориальных единиц, разделенных на две категории: четыре казачьих отдела (Сунженский, Пятигорский, Кизлярский и Моздокский) и четыре национальных округа. Последние представляли собой Нальчикский округ, где проживали кабардинцы и балкарцы, Владикавказский с преимущественно осетинским населением, Грозненский, населенный чеченцами и частично ингушами, а также Хасав-Юртовский, где обитали кумыки и некоторое количество чеченцев.

В период революционных событий 1905–1907 годов [2, с. 68] Северо-Кавказский регион, отличавшийся этническим разнообразием, характеризовался присутствием трех мировых религий: ислама, христианства и иудаизма. Последний был распространен среди татов (горских евреев), которые формировали компактные поселения в Нальчике, Владикавказе, Пятигорске и предгорных районах Южного Дагестана. Кроме того, иудаизм исповедовали европейские евреи, проживавшие преимущественно в таких населенных пунктах как Грозный, Владикавказ, Нальчик, Прохладный и других городах региона.

Северокавказский регион отличается религиозным многообразием, где христианство традиционно исповедуется различными этническими группами. Среди них – восточные славяне (русские, украинцы, белорусы), осетины (представляющие доминирующую часть христианского населения – 80%), а также грузины, армяне и греки. Помимо основных христианских конфессий, здесь присутствовали и последователи русских сектантских течений – духоборы, молокане и другие религиозные общины.

Что касается мусульманства на Северном Кавказе, оно характеризуется сложной и насыщенной историей развития. Дагестан признается первоначальным центром распространения ислама в российских пределах. Географическое и культурное положение Дагестана как части северокавказского пространства обеспечило значительное религиозное влияние на соседние территории и народы региона [3, с.180]. В данном регионе ислам, в основном суннитского направления, был воспринят различными народами Северного Кавказа. Чеченцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы и примерно пятая часть осетинского населения приняли мусульманство. Осетины познакомились с исламом через контакты с кабардинцами. Адыгские народы, включая кабардинцев, получили исламскую традицию из Золотой Орды через нижневолжские территории.

Предреволюционный период характеризовался значительной этнической напряжённостью на Северном Кавказе. Межнациональная вражда и конфликты на религиозной почве были распространённым явлением, нередко выливаясь в военные столкновения между различными группами населения.

Христианство являлось вероисповеданием для русских, украинцев, белорусов, армян, большинства грузин и осетин; в то время как иудаизм был религиозной основой еврейского населения. Мусульманство исповедовалось татарами, башкирами, чеченцами, ингушами, народами Дагестана, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами, азербайджанцами и другими этническими группами. Буддизм был распространен среди бурятов, калмыков и ряда других народностей. Притеснения на религиозной почве неизбежно приобретали этнический оттенок [9, с. 371].

Положение о I Государственной Думе лишало избирательных прав "бродячих инородцев". Кроме того, членство в Думе было недоступно для лиц, не владеющих государственным (русским) языком. Для губерний Царства Польского, Уральской и Тургайской области, сибирских, Степного и Туркестанского генерал-губернаторств и наместничества на Кавказе, как и для «кочевых инородцев», планировалось организовать выборы согласно специальным правилам [8, с. 119]. Эти специальные правила являлись отрицательным элементом во взаимоотношениях между государственной властью и инородцами. Следует подчеркнуть, что неравноправное положение нерусских народов России привлекало внимание общественности ещё до созыва I Думы. Например, в сентябре и ноябре 1905 года на земских съездах состоялись интенсивные дискуссии по национальному вопросу. На съездах делегаты активно обсуждали дискриминационное положение нерусских народов. Наиболее интенсивные дискуссии велись вокруг польского вопроса. Конституционно-демократическая партия (кадеты) России, сформированная в октябре 1905 года, поддерживала идею автономии Царства Польского.

Проведение и организация Всероссийских мусульманских съездов демонстрировало стремление мусульманских народов империи к объединению и формированию общих позиций для решения своих актуальных проблем. Примерно 120 обеспеченных мусульман из Кавказа и Сибири собрались в августе 1905 года на пароходе "Густав Струве", принадлежавшем Качкову, и в течение длительной экскурсии по реке Ока рассматривали насущные вопросы межнациональных и межконфессиональных отношений, включая образование для детей мусульман, военную службу в российской армии, участие нерусских народов в Государственной Думе и другие темы [1, с.124].

По сути, это собрание стало первым съездом мусульман России, во главе которого стояли известные общественные лидеры: редактор «Кавказской газеты» А. Топчибашев, а также И. Гаспринский, Р. Ибрагимов, А. Ахтямов и иные участники съезда утвердили документ, акцентирующий важность активизации усилий по защите интересов мусульманского населения. Участниками было официально признано, что интеллектуальная элита мусульман являются партнерами передовых сил русского общества, и следовательно, должны включиться в деятельность по созданию системы, где законодательство формировалось бы при участии народных избранников.

Важно отметить, что в принятой резолюции съезда особо указывалось на необходимость применения легитимных способов борьбы за достижение равенства мусульманского населения с русским (православным) в сферах политических, религиозных и имущественных прав. На съезде подчеркнули необходимость интеграции народов России на юридической платформе, подчеркивая, что именно это является источником могущества империи. 22 августа 1905 года делегаты направили петицию Николаю II, выражая стремление мусульманских народов к равноправию с другими этносами Империи. Очевидно, что нерусские народы России, подвергавшиеся

ущемлению прав по этническим и религиозным критериям, активно использовали доступные средства для официального признания равноправия народов и конфессий. Однако эти усилия не достигли существенных изменений в положении дел.

В то же время, большевистская партия активно вела широкомасштабную пропагандистскую работу, стремясь создать международное единство рабочих классов различных национальностей, включая как русское население, так и представителей других народов. Приверженцы большевизма соединили национальную проблематику с революционным движением за освобождение угнетенных народностей, направив эти усилия на достижение социалистических целей [1, с.129].

В этой связи важно упомянуть ключевые положения большевистской программы относительно национального вопроса, которые были утверждены во время работы II съезда РСДРП, состоявшегося в 1903 году. Программные требования включали следующие пункты:

– гарантирование абсолютного равенства всех этносов в сферах экономики, политики и культуры через систему расширенной областной автономии для народностей, которые самостоятельно выбирают сохранение связи с Россией, принимая во внимание их этнический состав, экономические особенности, языковую специфику и религиозные традиции;

– утверждение права наций на самоопределение, вплоть до отделения и создания независимого государства. Это означает полную реализацию принципов демократии и цивилизованного подхода в межнациональных взаимоотношениях, предоставление каждой нации возможности самостоятельно формировать свое будущее, выбирать образ жизни, определять форму государства.

В работе «Национальный вопрос в нашей программе» В.И. Ленин подробно анализировал фундаментальный программный принцип большевистской партии – право наций на самоопределение. Он подчеркивал, что последователи марксизма не будут безоговорочно поддерживать любые национальные требования, но вместо этого рассмотрят проблему через призму классовых интересов пролетариата и малоимущего крестьянства в контексте революционной деятельности. С точки зрения большевиков, национальный вопрос занимал подчиненное положение относительно приоритетных задач социалистического строительства.

Большевистская партия подходила к вопросу отделения наций с практической точки зрения, проводя глубокий анализ ключевых факторов. Их оценка базировалась на защите интересов пролетариата и крестьян-тружеников, перспективах социалистического строительства, а также учитывала национально-освободительные движения угнетённых народов в их социальном и национальном измерениях. По нашему мнению, право наций на самоопределение стало краеугольным камнем национальной политики большевиков, поскольку они пришли к пониманию бесперспективности имперских амбиций и великодержавных подходов в регулировании межнациональных взаимоотношений для будущего российского государства.

Лидеры большевистского движения неуклонно следовали идее национального самоопределения, выступая против насильственного удержания народов в составе российского государства. Тем не менее, как отмечалось ранее, Ленин и другие высокопоставленные представители большевистской партии не поддерживали безоговорочно любые сепаратистские стремления, поскольку в российском контексте это могло привести к общественному беспорядку, социально-политическим потрясениям и непредсказуемым разрушительным результатам. По нашему мнению, ключевыми элементами национальной политики большевиков были: а) предоставление широкой региональной автономии с уважением национально-религиозной специфики нерусских этносов, юридическое, б) практическое равенство всех народностей, при одновременном стремлении сохранить целостность российских территорий.

Пролетарский интернационализм являлся ключевым принципом, пронизывающим всю национальную программу большевиков. Интернациональный принцип выступает решающим фактором для достижения успеха в классовой, революционной борьбе, объединяя трудящихся различных национальностей в их стремлении к социальной справедливости, национальному равноправию и противостоянию общим противникам. Следует учитывать, что лидер политической организации, представляющей интересы пролетариата и земледельцев, был ограничен в выборе стратегических направлений, вынужденно придерживаясь исключительно революционной методологии классовой борьбы.

До революции российское законодательство содержало положения, отстраняющие «бродячих инородцев» от электорального процесса, как в качестве избирателей, так и потенциаль-

ных депутатов Государственной Думы. Подобные ограничения лишали основополагающих демократических свобод многомиллионное нерусское население империи. В этих исторических обстоятельствах агитация, основанная на классовом подходе к национальному вопросу, продемонстрировала значительную эффективность, особенно среди этнических периферий имперского государства.

К моменту вступления в двадцатый век народы, не принадлежащие к русской национальности, включая этнические группы Северного Кавказа, развили свое национальное сознание до такой степени, что осознали необходимость коллективных действий для защиты своих национальных интересов. Эти народы стремились к обретению свободы и равенства с более продвинутыми в экономическом и политическом плане российскими народами. Они также признавали необходимость объединения усилий с другими этническими группами в противостоянии царскому самодержавию, которое вызывало всеобщее недовольство.

Второй Всероссийский съезд мусульман прошел в январе 1906 года в Петербурге. Мероприятие собрало 83 представителя делегатского корпуса. Программа заседаний включала обсуждение актуальных сложностей в сфере взаимодействия разных национальностей и религиозных групп. Наиболее оживленные споры развернулись вокруг образовательной системы для мусульманского населения и их политического представительства в Государственной Думе. Участники рассмотрели ситуацию с ограничением прав мусульман России на организацию собраний и съездов, после чего решили консолидировать силы для совместных действий. В ходе съезда был официально принят Устав Всероссийского мусульманского союза и одобрено стратегическое сотрудничество с партией конституционных демократов (кадетов) в контексте грядущих выборов во II Государственную Думу [6, с. 324].

В начале двадцатого столетия проблемы национальной идентичности и земельного распределения неразрывно переплетались с растущим революционным движением, которое стремительно набирало силу, подрывая фундамент царского самодержавия. Становилось всё более ясно, что трансформация самодержавия в правовое государство, разрешение национального вопроса и устранение помещичьего землевладения были неизбежными шагами для сохранения стабильности. Тем не менее, консервативный и негибкий политический аппарат Российской империи оказался неспособен адекватно оценить грядущие социально-политические изменения. Как отмечает В.Д. Дзидзоев, это упущение впоследствии стало ключевым фактором, спровоцировавшим быструю дезинтеграцию, коллективную трагедию российских народов и окончательный крах имперской государственности [4, с. 192].

В начале двадцатого столетия Российская империя столкнулась с кризисной ситуацией в социально-политической сфере, вызванной неэффективным имперским управлением. Отсутствие решений по национальному и земельному вопросам подрывало фундамент российской государственности, что особенно остро проявлялось в проблемных зонах, таких как Терская область. Тем не менее, император Николай II и его приближенные упорно придерживались дискриминационного курса в отношении нерусских народов. Главной причиной этнических конфликтов в Терской области выступала острая нехватка земельных ресурсов у местного коренного населения.

В своих исследованиях профессор В.Д. Дзидзоев подчеркивает, что основой движения крестьян Терской области (за исключением казаков) оставался аграрный вопрос, тесно переплетенный с национальной политикой и межэтническими взаимоотношениями [4, с. 32]. Имперские структуры реализовывали колониальную стратегию, которая в сельскохозяйственной сфере выражалась в сохранении элементов крепостного права и экспроприации земельных угодий у коренных народов с последующей передачей их Терскому казачеству под разными обоснованиями. Такая экспансионистская земельная политика царского правительства становилась катализатором массовых протестов и растущего недовольства среди горского трудового населения.

Российская империя в первые годы XX века столкнулась с серьезным кризисом, обусловленным комплексом исторических событий и внутренних противоречий. Среди ключевых катализаторов кризиса выделяются: неудачный исход русско-японской войны, вовлечение страны в первую мировую войну, революционные события буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг. и затянувшиеся структурные проблемы, включая нерешенный национальный вопрос. Форсированная экономическая модернизация привела к глубинным изменениям общественного устройства. Рост революционного и освободительного движения в сочетании с пробуждением национального самосознания среди нерусских народов, требовавших политического

и национального равноправия, в конечном итоге заставили царя Николая II пойти на уступки перед многочисленными требованиями угнетенных слоев населения [10, с. 121].

Создание Государственной Думы как представительного законодательного органа стало ключевой трансформацией в истории России. Этот институт был призван укрепить конституционный строй в поликультурном и многоконфессиональном государстве, помогая решать комплексные национальные проблемы и способствуя гармонизации межэтнических отношений. Интеллигенция из числа нерусских народов, прогрессивные русские мыслители и либеральная элита империи рассчитывали, что Государственная Дума сможет эффективно урегулировать запутанные земельные правоотношения, которые на Северном Кавказе были тесно переплетены с национальным вопросом.

Необходима была срочная систематизация функционирования суда, народного просвещения, переселенческого дела на Кавказе и проведение реформы самоуправления с вовлечением местных жителей. Однако эти планы так и остались нереализованными. Известно, что работа I и II Думы была прервана роспуском по указу Николая II. На мой взгляд, главная причина неудачи состояла в отсутствии у Государственной Думы реальных полномочий влиять на внутригосударственные процессы империи, включая область межнациональных отношений.

Из-за роспуска Думы инициативы, разработанные комиссиями и непосредственно касающиеся межнациональной и межконфессиональной сферы, так и не были рассмотрены. Прекращение деятельности I и II Дум негативно повлияло на общественные настроения: интеллигенция утратила веру в действенность российского парламента и целесообразность парламентских механизмов для управления национальной политикой и регулирования межнациональных отношений. Полагаю, что результативность работы I и II Дум в решении проблем межнациональных и межконфессиональных отношений следует признать недостаточной.

Ограниченное влияние и бессилие Думы коренились не просто в неудачном подборе депутатов российского парламента. Главным препятствием, на мой взгляд, являлась фундаментальная неподготовленность России к внедрению демократических институтов, в том числе в области межнациональных отношений. Это обстоятельство делало грядущие революционные потрясения в российском государстве практически неизбежными.

Выводы. Анализ проводимой национальной политики и характера межнациональных отношений в Российской империи на рубеже веков демонстрирует неблагоприятное экономическое и политическое положение нерусских народов. До революционных событий 1917 года этнические группы, населявшие Северный Кавказ, демонстрировали неравномерность в своем социально-экономическом, политическом и культурном развитии. Однако, вследствие имперской политики, проводимой царским самодержавием, эти народы были ограничены в политических правах и испытывали экономическую стагнацию. Великодержавная имперская политика царизма создала дополнительное напряжение в межнациональных отношениях как в самом регионе, так и в масштабах всей страны. Отсутствие эффективных решений многочисленных проблем в области межнациональных отношений, включая напряженную ситуацию на Северном Кавказе, стало одним из факторов, приближавших Россию к системному кризису.

Анализ итогов голосования при формировании I Государственной Думы обнаружил существенные пробелы в стратегии по национальной политике и управлению межнациональными отношениями. Детальное изучение данной проблематики представлено в начальном разделе диссертационного исследования. Примечательно, что законодательные инициативы, принятые в начале двадцатого столетия и рассмотренные в первой главе диссертации, породили у отдельных социальных групп, особенно среди образованных представителей нерусских народностей, надежды на возможное урегулирование некоторых критических аспектов в области межнациональных отношений.

В этот исторический момент национальный и земельный вопросы неразрывно переплетались с набирающим обороты революционным движением, которое представляло значительную опасность для существования царского самодержавия. Центральное внимание диссертационного исследования уделяется необходимости преобразования самодержавия в правовое государство, критической важности решения национального вопроса и ликвидации помещичьего землевладения. Несмотря на очевидность этих проблем, руководство имперской России, в частности ближайшее окружение Николая II, не понимало необходимости демократических преобразований в сфере межнациональных отношений.

Экспансионистская земельная политика царизма в северокавказском регионе занимает центральное место в данном исследовании. Эта политика вызывала масштабное сопротивление и возмущение у многих горских народов. Коренное население Терской области – чеченцы, ингуши, осетины, балкарцы, карачаевцы и другие этнические группы – испытывало острый дефицит земельных ресурсов. Контрастируя с этим, казачество обладало обширными земельными угодьями, которые затем сдавались в аренду тем же обделенным горцам-крестьянам. В своей петиции к I Думе ингушский народ акцентировал внимание на том, что царская администрация отобрала у них около двух третей принадлежавших им земель, перераспределив их в пользу казачества.

Представители ингушского народа обратили внимание членов первой Государственной думы на тяжелейшее экономическое положение своих соплеменников, которые были вынуждены брать в аренду земельные участки у казаков для элементарного существования. Следует отметить, что описание ингушами своего бедственного положения не было преувеличением. На самом деле, практически все автохтонные этносы Северного Кавказа, кроме кабардинцев, испытывали аналогичные трудности из-за острой нехватки земельных ресурсов. Имперская колониальная стратегия царского правительства привела к формированию системы, при которой коренные народы Северного Кавказа оказались в полной экономической зависимости от казачьих общин. Исследование убедительно показывает, каким образом такая государственная политика становилась катализатором этнических конфликтов и усиления социально-политической напряженности в этом этнически и религиозно разнообразном регионе.

Среди всех четырех дореволюционных Дум, только III Государственная Дума отработала полный пятилетний срок. В ходе исследования особое внимание было уделено закону 3 июня 1907 года, который ущемлял интересы малоимущих и средних слоев общества, нерусских народностей России, а также рабочих и крестьян. Этот законодательный акт существенно перераспределил выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии. Результатом применения данного закона стало создание в Думе большинства, склонного к кооперации с правительством.

В III Государственной Думе прослеживалась четкая дихотомия: одна фракция депутатов фокусировалась на разрешении насущных вопросов в сфере национальной политики и межэтнических взаимоотношений, тогда как другая манипулировала национальной проблематикой в качестве рычага политического противостояния между различными партийными силами и правительственным аппаратом. Среди представителей III Государственной Думы именно прогрессисты, занимавшие промежуточную позицию между октябристами и кадетами, отличались принципиальным демократическим подходом к национальному вопросу.

Защитники демократических свобод выходили за рамки национальных интересов. На заседаниях III Думы прогрессисты публично критиковали власть за имперскую национальную политику, разжигание националистических и религиозных разногласий. Они предупреждали о значительных угрозах такого подхода, акцентируя необходимость укрепления конституционного строя и достижения политического равноправия для всех народов. Однако прогрессисты считали недопустимым делать проблемы национальных окраин, включая Северный Кавказ, ключевым фокусом внутриполитической стратегии государства.

Их целью было уменьшение межнациональной напряженности. Однако решение этой проблемы они видели через привлечение нерусских народностей к участию в принятии решений в сферах просвещения и культуры. Хотя этот подход был ограниченным, он отвечал нуждам нерусских народов, учитывая критически низкий уровень их образованности.

На Северном Кавказе отношения между различными этносами формировались в атмосфере сложности и противоречий. Взаимоотношения власти с чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами и другими народностями отличались амбивалентностью и значительной враждебностью. Вопросы межнациональных отношений на Северном Кавказе часто выносились на повестку дня депутатами III Думы.

В период, предшествующий революционным событиям, а также во время Первой мировой войны и обострения социально-политических противоречий, завершившихся свержением монархии в 1917 году, четвертый созыв Государственной Думы пытался сформировать новые подходы к национальной политике и урегулированию этнических конфликтов. Однако консервативное крыло парламента неизменно придерживалось националистических взглядов, пропагандируя идеи «чистоты русской нации» и «могущества русского духа», что отражало их приверженность шовинистической идеологии великодержавности.

Библиографический список

1. *Афаунов А.А.* Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт: 1906–1921 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Владикавказ, 2004. 220 с.
2. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 /под ред. Б.В. Грызлова. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 535 с.
3. *Гюльчохра Н.С.* Дербент как первый центр распространения мусульманской культуры на Кавказе // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1 (30). С. 177–188.
4. *Дзидзоев В.Д.* Из истории досоветских национально-государственных образований на Северном Кавказе (1917–1920 гг.). Владикавказ: ТЕРЕК СКГМИ (ГТУ), 2004. 57 с.
5. *Дзидзоев В.Д.* Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ: Иристон, 2002. 256 с.
6. *Зорин В.Ю.* Национальный вопрос в Государственных Думах России: (опыт законотворчества). М.: Рус. мир, 1999. 501 с.
7. *Кожев З.А.* Социально-политическое и этнокультурное пространство Черкесии (XVI – нач. XIX в.): принципы самоорганизации. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 172 с.
8. *Максимов Г.К.* Особенности избирательного законодательства по выборам в Государственную думу 1905–1907 гг. Депутатов от кочевых народов // Вестник КИГИ РАН. 2013. №4. С. 118–121.
9. *Фадеичева М. А.* Этническая политика в Российской Империи XIX В. «Положение об Инородцах» // Антиномии. 2003. №4. С. 369–382.
10. *Филатова Ж.В.* От рассвета до заката: политические портреты лидеров процесса создания горской государственности в 1917–1918 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2013. №9. С. 115–125.

Для цитирования: *Бидова Б.Б., Быстрова Ю.В.* Общественно-политическое положение народов северного Кавказа и их борьба за национальное равноправие в начале XX века: историко-правовые аспекты // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 14 – 21.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_45_14

THE SOCIO-POLITICAL SITUATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS AND THEIR STRUGGLE FOR NATIONAL EQUALITY IN THE EARLY 20TH CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Bela B. Bidova[*]
Julia V. Bystrova[**]

Annotation. *This work is a comprehensive scientific study of the ethnopolitical processes and interethnic relations that took place in the North Caucasus region at the turn of the 20th century. It carefully examines the impact of these phenomena on the political structure, socio-economic evolution and cultural transformations among the indigenous peoples of the region, including Kabardins, Balkars, Ossetians, Ingush, Chechens, Karachays and other ethnic groups. The authors offer an objective scientific analysis of the liberation movements and revolutionary processes, as well as the growth of ethnic identity of the non-Russian peoples of the North Caucasus, who sought to gain political and national equality. The analysis of the unresolved national issue in pre-revolutionary Russia before 1917 shows that imperial policy naturally pushed oppressed ethnic groups to revolutionary activity, separatist sentiments, interethnic clashes and acts of terrorism, and the analysis provides a deeper understanding of the role of the national factor in the historical development of Russia, encompassing the political, social, economic, social and spiritual aspects of the existence of the peoples of the North Caucasus. The Caucasus.*

Keywords: *Russian Empire, national policy, ethnicity, people, foreigners, interethnic relations, national question, North Caucasus, liberation movements, national-state associations.*

Introduction. With the onset of the twentieth century, the indigenous ethnic groups of the North Caucasus – Kabardins, Balkars, Ossetians, Ingush, Chechens, Karachays and other nationalities – were caught up in a wave of global so-

[*] **Bidova Bela Bertovna** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Professor of the Department of History, Law and Social Sciences of the branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki. E-mail: bela_007@bk.ru

[**] **Bystrova Yulia Viktorovna** – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Legal Research Center of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the I. S. Turgenev Oryol State University. E-mail: zukova57@mail.ru

cio-political changes that swept the entire Russian Empire. This era was marked by a series of three revolutionary upheavals, the conflict with Japan and the global military confrontation of the First World War.

The strategy of great-power colonial policy, implemented by the government of St. Petersburg in the North Caucasus region at the dawn of the 20th century, was an important component of the overall imperial domestic policy. For the progress of Russian historical science, it is critically important to conduct a comprehensive and objective scientific study of this political line.

The analysis of national politics and interethnic relations in the chronological period under consideration has significant theoretical and practical significance, as it allows us to recreate in detail the difficult living conditions of the peoples of the North Caucasus as part of imperial Russia. Studying these aspects in the period 1906–1921 also helps to understand the depth of the state crisis in tsarist Russia, which preceded the revolutionary upheavals of 1917.

At the beginning of the 20th century, the Russian Empire was faced with the urgent task of modernizing the political system and resolving the national question. Effective transformations were hampered by a whole range of obstacles, among which interethnic contradictions occupied a significant place. At the beginning of the twentieth century, a movement was launched to ensure political and national equality for various ethnic groups of the North Caucasus, including Kabardins, Balkars, Ossetians, Ingush, Chechens and Karachays. The period from 1906 to 1917 was marked by the most important historical transformations in the fate of the North Caucasian peoples, and many elements of these processes have yet to be studied in detail by the scientific community.

The study uses an integrated approach based on the principles of historicism and system analysis. Special attention was paid to the specifics of various categories of sources, which contributed to the formation of an objective and comprehensive understanding of historical events, without bias in their interpretation. The research is based on the achievements of Russian scientists in the field of national politics, interethnic relations and national-state building of the peoples of the North Caucasus. Scientific works devoted to public administration, parliamentarism, the functioning of political parties and the evolution of national and religious movements were taken into account.

The methodological basis was made up of a wide range of documentary, scientific and popular science sources. Among the published materials, verbatim reports, collections of speeches by deputies, documents on the work of meetings and commissions of the Duma, periodicals of the early 20th century, memoirs and reporting materials of Duma factions are of particular value. An additional source of information was the materials of periodicals of the relevant historical period, containing relevant information on the issues under study.

The main part. The mountainous peoples of the North Caucasus (Balkars, Kabardins, Ossetians, Ingush, Chechens) were part of the Tersk region as an administrative-territorial unit before the events of the October Revolution of 1917 [6, p. 18]. This region, formed in 1806, encompassed both the mountainous uplands and the flatlands of the Central part of the Greater Caucasus the ridge. The Tersk region shared borders with the Georgian Tiflis and Kutaisi provinces in the south, the Stavropol Province in the north, the Kuban Region in the west and the Dagestan region in the east.

The size of the Tersk region remained unchanged from the end of the 19th century until the revolutionary 1917, amounting to 60 thousand square miles (equivalent to 70 thousand square kilometers) [2, p. 53]. At the dawn of the 20th century, the administrative structure of the region included eight territorial units divided into two categories: four Cossack divisions (Sunzhensky, Pyatigorsk, Kizlyar and Mozdok) and four national districts. The latter consisted of Nalchik district, where Kabardians and Balkarians lived, Vladikavkaz district with a predominantly Ossetian population, Grozny district, populated by Chechens and partly Ingush, as well as Khasav-Yurtovsky district, inhabited by Kumyks and a number of Chechens.

During the revolutionary events of 1905–1907 [2, p. 68], the ethnically diverse North Caucasus region was characterized by the presence of three world religions: Islam, Christianity, and Judaism. The latter was widespread among the Tats (mountain Jews), who formed compact settlements in Nalchik, Vladikavkaz, Pyatigorsk and the foothill regions of Southern Dagestan. In addition, European Jews professed Judaism, living mainly in such settlements as Grozny, Vladikavkaz, Nalchik, Prokhladny and other cities in the region.

The North Caucasus region is distinguished by its religious diversity, where Christianity is traditionally practiced by various ethnic groups. Among them are Eastern Slavs (Russians, Ukrainians, Belarusians), Ossetians (representing the dominant part of the Christian population – 80%), as well as Georgians, Armenians and Greeks. In addition to the main Christian denominations, there were also followers of Russian sectarian movements – Doukhobors, Molokans and other religious communities.

As for Islam in the North Caucasus, it is characterized by a complex and rich history of development. Dagestan is recognized as the original center of the spread of Islam within Russian borders. The geographical and cultural position of Dagestan as a part of the North Caucasian space provided significant religious influence on the neighboring territories and peoples of the region [3, p.180]. In this region, Islam, mainly of the Sunni trend, was adopted by various peoples of the North Caucasus. Chechens, Ingush, Kabardians, Balkars and about a fifth of the Ossetian population converted to Islam. Ossetians got acquainted with Islam through contacts with Kabardians. The Adyghe peoples, including the Kabardians, received the Islamic tradition from the Golden Horde through the Lower Volga territories.

The pre-revolutionary period was characterized by significant ethnic tensions in the North Caucasus. Interethnic hostility and religious conflicts were common, often resulting in military clashes between different groups of the population.

Christianity was the religion of Russians, Ukrainians, Belarusians, Armenians, and most Georgians and Ossetians; while Judaism was the religious foundation of the Jewish population. Islam was practiced by Tatars, Bashkirs, Chechens, Ingush, peoples of Dagestan, Kabardins, Balkars, Karachays, Azerbaijanis and other ethnic groups. Buddhism was widespread among the Buryats, Kalmyks and a number of other ethnic groups. Religious harassment inevitably acquired an ethnic connotation [9, p. 371].

The provision on the First State Duma disenfranchised "wandering foreigners." In addition, membership in the Duma was not available to persons who did not speak the state (Russian) language. For the provinces of the Kingdom of Poland, the Ural and Turgai regions, the Siberian, Steppe and Turkestan governorates and governorates in the Caucasus, as well as for "nomadic foreigners", it was planned to organize elections according to special rules [8, p. 119]. These special rules were a negative element in the relationship between government and foreigners. It should be emphasized that the unequal position of the non-Russian peoples of Russia attracted public attention even before the convocation of the First Duma. For example, in September and November 1905, intensive discussions on the national question took place at the Zemstvo congresses. At the congresses, delegates actively discussed the discriminatory situation of non-Russian peoples. The most intense discussions were held around the Polish issue. Constitutional Democratic Party (Cadets) Russia, formed in October 1905, supported the idea of autonomy of the Kingdom of Poland.

The holding and organization of the All-Russian Muslim Congresses demonstrated the desire of the Muslim peoples of the empire to unite and form common positions to solve their pressing problems. About 120 wealthy Muslims from the Caucasus and Siberia gathered in August 1905 on the steamer Gustav Struve, owned by Kachkov, and during a long tour along the Oka River they discussed pressing issues of interethnic and interfaith relations, including education for Muslim children, military service in the Russian army, participation of non-Russian peoples in the State Duma, and other topics. [1, p.124].

In fact, this meeting became the first congress of Russian Muslims, headed by well-known public leaders: the editor of the Kavkazskaya Gazeta, A. Topchibashev, as well as I. Gasprinsky, R. Ibragimov, A. Akhtyamov and other participants of the congress approved a document emphasizing the importance of intensifying efforts to protect the interests of the Muslim population. The participants officially recognized that the intellectual elite of Muslims are partners of the advanced forces of Russian society, and therefore they should join in efforts to create a system where legislation would be formed with the participation of people's deputies.

It is important to note that the adopted resolution of the congress emphasized the need to use legitimate ways to fight for the achievement of equality of the Muslim population with the Russian (Orthodox) in the areas of political, religious and property rights. The congress emphasized the need to integrate the peoples of Russia on a legal platform, emphasizing that this is the source of the empire's power. On August 22, 1905, the delegates sent a petition to Nicholas II, expressing the desire of the Muslim peoples for equality with other ethnic groups of the Empire. It is obvious that the non-Russian peoples of Russia, who were subjected to infringement of their rights based on ethnic and religious criteria, actively used the available means to officially recognize the equality of peoples and faiths. However, these efforts have not achieved significant changes in the situation.

At the same time, the Bolshevik Party actively conducted large-scale propaganda work, striving to create an international unity of the working classes of various nationalities, including both the Russian population and representatives of other nations. Adherents of Bolshevism combined national issues with the revolutionary movement for the liberation of oppressed nationalities, directing these efforts to achieve socialist goals [1, p. 129].

In this regard, it is important to mention the key provisions of the Bolshevik program on the national question, which were approved during the Second Congress of the RSDLP, held in 1903. The program requirements included the following points:

– guaranteeing the absolute equality of all ethnic groups in the fields of economics, politics and culture through a system of expanded regional autonomy for ethnic groups that independently choose to maintain ties with Russia, taking into account their ethnic composition, economic characteristics, linguistic specifics and religious traditions.;

– The establishment of the right of nations to self-determination, including secession and the creation of an independent State. This means the full implementation of the principles of democracy and a civilized approach in interethnic relations, giving each nation the opportunity to independently shape its future, choose a way of life, and determine the form of the state.

In his work "The National Question in our Program," V.I. Lenin analyzed in detail the fundamental programmatic principle of the Bolshevik Party – the right of nations to self-determination. He emphasized that followers of Marxism would not unconditionally support any national demands, but instead would consider the problem through the prism of the class interests of the proletariat and the poor peasantry in the context of revolutionary activity. From the point of view of the Bolsheviks, the national question occupied a subordinate position relative to the priority tasks of socialist construction.

The Bolshevik Party approached the issue of the separation of nations from a practical point of view, conducting an in-depth analysis of key factors. Their assessment was based on the protection of the interests of the proletariat and peasant workers, the prospects for socialist construction, and also took into account the national liberation movements of oppressed peoples in their social and national dimensions. In our opinion, the right of nations to self-determination became the cornerstone of the Bolsheviks' national policy, as they came to understand the futility of imperial ambitions and great-power approaches in regulating interethnic relations for the future of the Russian state.

The leaders of the Bolshevik movement steadfastly followed the idea of national self-determination, opposing the forcible retention of peoples within the Russian state. Nevertheless, as noted earlier, Lenin and other senior representatives of the Bolshevik Party did not unconditionally support any separatist aspirations, since in the Russian context this could lead to public disorder, socio-political upheaval and unpredictable destructive results. In our opinion, the key elements of the Bolsheviks' national policy were: a) granting broad regional autonomy with respect for the national and religious specifics of non-Russian ethnic groups, and b) practical equality of all ethnic groups, while striving to preserve the integrity of Russian territories.

Proletarian internationalism was a key principle that permeated the entire national program of the Bolsheviks. The international principle acts as a decisive factor for achieving success in the class and revolutionary struggle, uniting workers of

various nationalities in their quest for social justice, national equality and opposition to common opponents. It should be borne in mind that the leader of a political organization representing the interests of the proletariat and farmers was limited in his choice of strategic directions, having to adhere exclusively to the revolutionary methodology of the class struggle.

Before the revolution, Russian legislation contained provisions that excluded "wandering foreigners" from the electoral process, both as voters and potential deputies of the State Duma. Such restrictions deprived the multimillion non-Russian population of the empire of fundamental democratic freedoms. In these historical circumstances, agitation based on a class-based approach to the national question has demonstrated considerable effectiveness, especially among the ethnic peripheries of the imperial state.

By the time they entered the twentieth century, non-Russian peoples, including the ethnic groups of the North Caucasus, had developed their national consciousness to such an extent that they realized the need for collective action to protect their national interests. These peoples sought to gain freedom and equality with the more economically and politically advanced Russian peoples. They also recognized the need to join forces with other ethnic groups in opposing the tsarist autocracy, which caused widespread discontent.

The Second All-Russian Congress of Muslims was held in St. Petersburg in January 1906. The event brought together 83 representatives of the delegate corps. The program of the meetings included a discussion of current difficulties in the sphere of interaction between different nationalities and religious groups. The most lively disputes have unfolded around the educational system for the Muslim population and their political representation in the State Duma. The participants reviewed the situation with the restriction of the rights of Russian Muslims to organize meetings and congresses, and then decided to consolidate forces for joint action. During the congress, the Charter of the All-Russian Muslim Union was officially adopted and strategic cooperation with the Party of Constitutional Democrats (Kadets) was approved in the context of the upcoming elections to the II State Duma [6, p. 324].

At the beginning of the twentieth century, the problems of national identity and land distribution were inextricably intertwined with the growing revolutionary movement, which was rapidly gaining strength, undermining the foundations of tsarist autocracy. It became increasingly clear that the transformation of the autocracy into a State governed by the rule of law, the resolution of the national question, and the elimination of landed proprietorship were inevitable steps to preserve stability. Nevertheless, the conservative and inflexible political apparatus of the Russian Empire proved unable to adequately assess the upcoming socio-political changes. As V.D. Dzidzoev notes, this omission subsequently became a key factor that provoked rapid disintegration, the collective tragedy of the Russian peoples and the final collapse of imperial statehood [4, p. 192].

At the beginning of the twentieth century, the Russian Empire faced a crisis situation in the socio-political sphere caused by ineffective imperial governance. The lack of solutions to national and land issues undermined the foundation of Russian statehood, which was especially acute in problem areas such as the Tersk region. Nevertheless, Emperor Nicholas II and his entourage stubbornly adhered to a discriminatory course against non-Russian peoples. The main reason for the ethnic conflicts in the Tersk region was the acute shortage of land resources among the local indigenous population.

In his research, Professor V.D. Dzidzoev emphasizes that the agrarian issue, closely intertwined with national politics and interethnic relations, remained the basis of the movement of peasants of the Tersk region (with the exception of the Cossacks) [4, p. 32]. The imperial structures implemented a colonial strategy, which in the agricultural sphere was expressed in the preservation of elements of serfdom and the expropriation of land from indigenous peoples, followed by their transfer to the Terek Cossacks under various justifications. Such an expansionist land policy of the tsarist government became a catalyst for mass protests and growing discontent among the mountain working population.

In the early years of the 20th century, the Russian Empire faced a serious crisis caused by a complex of historical events and internal contradictions. Among the key catalysts of the crisis are the unsuccessful outcome of the Russian-Japanese war, the country's involvement in World War I, the revolutionary events of the bourgeois-democratic revolution of 1905–1907, and protracted structural problems, including the unresolved national question. Accelerated economic modernization has led to profound changes in the social structure. The growth of the revolutionary and liberation movement, combined with the awakening of national consciousness among non-Russian peoples, who demanded political and national equality, eventually forced Tsar Nicholas II to make concessions to the numerous demands of the oppressed segments of the population [10, p. 121].

The creation of the State Duma as a representative legislative body was a key transformation in the history of Russia. This institution was designed to strengthen the constitutional order in a multicultural and multi-religious state, helping to solve complex national problems and contributing to the harmonization of interethnic relations. The intelligentsia from among non-Russian peoples, progressive Russian thinkers and the liberal elite of the empire hoped that the State Duma would be able to effectively resolve the complicated land relations that were closely intertwined with the national question in the North Caucasus.

An urgent systematization of the functioning of the court, public education, and resettlement in the Caucasus was needed, as well as self-government reform involving local residents. However, these plans have remained unfulfilled. It is known that the work of the First and Second Duma was interrupted by the dissolution by decree of Nicholas II. In my opinion, the main reason for the failure was the lack of real authority from the State Duma to influence the internal processes of the empire, including the area of interethnic relations.

Due to the dissolution of the Duma, the initiatives developed by the commissions and directly related to the interethnic and interfaith sphere have not been considered. The termination of the activities of the First and Second Duma negatively affected public sentiment: the intelligentsia lost faith in the effectiveness of the Russian parliament and the expediency of parliamentary mechanisms for managing national policy and regulating interethnic relations. I believe that the effectiveness of the work of the First and Second Dumas in solving problems of interethnic and interfaith relations should be considered insufficient.

The Duma's limited influence and impotence were rooted not just in the unsuccessful selection of deputies to the Russian parliament. The main obstacle, in my opinion, was Russia's fundamental unpreparedness for the introduction of democratic institutions, including in the field of interethnic relations. This circumstance made the coming revolutionary upheavals in the Russian state almost inevitable.

Conclusions. An analysis of the national policy pursued and the nature of interethnic relations in the Russian Empire at the turn of the century demonstrates the unfavorable economic and political situation of non-Russian peoples. Before the revolutionary events of 1917, the ethnic groups inhabiting the North Caucasus demonstrated unevenness in their socio-economic, political, and cultural development. However, as a result of the imperial policy pursued by the tsarist autocracy, these peoples were limited in political rights and experienced economic stagnation. The great-power imperial policy of tsarism created additional tension in interethnic relations both in the region itself and throughout the country. The lack of effective solutions to numerous problems in the field of interethnic relations, including the tense situation in the North Caucasus, was one of the factors that brought Russia closer to a systemic crisis.

An analysis of the voting results during the formation of the First State Duma revealed significant gaps in the strategy for national policy and the management of interethnic relations. A detailed study of this issue is presented in the initial section of the dissertation research. It is noteworthy that the legislative initiatives adopted at the beginning of the twentieth century and discussed in the first chapter of the dissertation gave rise to hopes among certain social groups, especially among educated representatives of non-Russian nationalities, for a possible settlement of some critical aspects in the field of interethnic relations.

At this historical moment, national and land issues were inextricably intertwined with the growing revolutionary movement, which posed a significant threat to the existence of the tsarist autocracy. The central focus of the dissertation research is on the need to transform the autocracy into a rule-of-law state, the critical importance of solving the national question and the elimination of landed proprietorship. Despite the evidence of these problems, the leadership of imperial Russia, in particular the inner circle of Nicholas II, did not understand the need for democratic transformations in the sphere of interethnic relations.

The expansionist land policy of tsarism in the North Caucasus region occupies a central place in this study. This policy caused widespread resistance and indignation among many mountain peoples. The indigenous population of the Tersk region – Chechens, Ingush, Ossetians, Balkarians, Karachays and other ethnic groups – experienced an acute shortage of land resources. In contrast, the Cossacks possessed extensive land, which was then leased to the same deprived mountain peasants. In their petition to the First Duma, the Ingush people emphasized that the tsarist administration had taken away about two-thirds of their lands, redistributing them in favor of the Cossacks.

Representatives of the Ingush people drew the attention of the members of the first State Duma to the dire economic situation of their tribesmen, who were forced to lease land from the Cossacks for a basic existence. It should be noted that the Ingush description of their plight was not an exaggeration. In fact, almost all the indigenous ethnic groups of the North Caucasus, except for the Kabardians, experienced similar difficulties due to an acute shortage of land resources. The imperial colonial strategy of the tsarist government led to the formation of a system in which the indigenous peoples of the North Caucasus found themselves in complete economic dependence on the Cossack communities. The study convincingly shows how such a government policy became a catalyst for ethnic conflicts and increased socio-political tension in this ethnically and religiously diverse region.

Among all four pre-revolutionary Dumas, only the Third State Duma served a full five-year term. During the study, special attention was paid to the law of June 3, 1907, which infringed on the interests of the poor and middle strata of society, non-Russian nationalities of Russia, as well as workers and peasants. This legislative act significantly redistributed the electors in favor of the landlords and the big bourgeoisie. The result of the application of this law was the creation of a majority in the Duma, inclined to cooperate with the government.

There was a clear dichotomy in the Third State Duma: one faction of deputies focused on resolving pressing issues in the field of national politics and interethnic relations, while the other manipulated national issues as a lever for political confrontation between various party forces and the government apparatus. Among the representatives of the Third State Duma, it was the progressives, who occupied an intermediate position between the Octobrists and the Cadets, who were distinguished by a principled democratic approach to the national question.

The defenders of democratic freedoms went beyond national interests. At the meetings of the Third Duma, progressives publicly criticized the government for imperial national policy, inciting nationalist and religious differences. They warned of the significant threats of such an approach, emphasizing the need to strengthen the constitutional order and achieve political equality for all peoples. However, progressives considered it unacceptable to make the problems of the national outskirts, including the North Caucasus, a key focus of the state's domestic political strategy.

Their goal was to reduce ethnic tensions. However, they saw a solution to this problem through the involvement of non-Russian nationalities in decision-making in the fields of education and culture. Although this approach was limited, it met the needs of non-Russian peoples, given their critically low level of education.

In the North Caucasus, relations between different ethnic groups were formed in an atmosphere of complexity and contradictions. The government's relations with Chechens, Ingush, Ossetians, Kabardians, Balkars, Karachays and other ethnic groups were characterized by ambivalence and significant hostility. The issues of interethnic relations in the North Caucasus were often put on the agenda by deputies of the Third Duma.

In the period preceding the revolutionary events, as well as during the First World War and the intensification of socio-political contradictions that culminated in the overthrow of the monarchy in 1917, the fourth convocation of the State Duma tried to form new approaches to national policy and the settlement of ethnic conflicts. Russian Russian Parliament's conservative wing, however, consistently adhered to nationalist views, promoting the ideas of "purity of

the Russian nation" and "the power of the Russian spirit," reflecting their commitment to the chauvinistic ideology of great power.

Bibliographic list

1. *Afaunov A.A.* National policy of Russia and problems of interethnic relations in the North Caucasus: historical experience: 1906–1921: dissertation... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02. Vladikavkaz, 2004. 220 p.
2. Provinces of the Russian Empire. History and leaders. 1708–1917 /edited by B.V. Gryzlov. Moscow: United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 535 p.
3. *Gulchokhra N.S.* Derbent as the first center for the dissemination of Muslim culture in the Caucasus // International Journal of Cultural Studies. 2018. No. 1 (30). pp. 177–188.
4. *Dzidzoev V.D.* From the history of pre-Soviet national-state formations in the North Caucasus (1917–1920). Vladikavkaz: TEREK SKGMI (GTU), 2004. 57 p.
5. *Dzidzoev V.D.* National policy: lessons from experience. Vladikavkaz: Iriston, 2002. 256 p.
6. *Zorin V.Y.* The national question in the State Duma of Russia: (the experience of lawmaking). Moscow: Rus. mir, 1999. 501 p.
7. *Kozhev Z.A.* Socio-political and ethnocultural space of Circassia (XVI – early XIX century): principles of self-organization. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2016. 172 p.
8. *Maximov G.K.* Peculiarities of the electoral legislation for the elections to the State Duma of 1905–1907 Deputies from nomadic peoples // Bulletin of the KIGI RAS. 2013. No. 4. pp. 118–121.
9. *Fadeicheva M. A.* Ethnic policy in the Russian Empire of the XIX Century. "The provision on Foreigners" // Antinomies. 2003. No. 4. pp. 369–382.
10. *Filatova Zh.V.* From dawn to dusk: political portraits of the leaders of the process of creating Mountain statehood in 1917–1918 // Socio-humanitarian Knowledge. 2013. No. 9. pp. 115–125.

For citation: *Bidova B.B., Bystrova Yu.V.* The socio-political situation of the peoples of the North Caucasus and their struggle for national equality in the early 20th century: historical and legal aspects // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 21 – 26.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_14

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67.022
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_27

О.Ю. Булатецкий*
Н.И. Хабибулина**

ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ БОРИСА ЭММАНУИЛОВИЧА НОЛЬДЕ О ВХОЖДЕНИИ УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается правовая концепция российского правоведа и историка Б.Э. Нольде. о Переяславской Раде в 1654 году и о вхождении украинских земель в состав Российского государства. Данное событие всегда было знаковым в истории украинского и русского народов, вызывая несомненный интерес научного исторического сообщества.*

Ключевые слова: *Б.Э. Нольде, правовая концепция, Переяславское соглашение, Российская империя, украинские земли.*

Переяславское соглашение всегда было знаковым событием в истории двух братских народов и спорным вопросом в научном историческом сообществе. В конце XIX – начале XX века он активно обсуждался в российской, украинской и польской историко-правовой науке.

В российской исторической науке существует несколько подходов относительно юридического определения Переяславского акта 1654 г. Запорожской Сечи во времена гетманства Богдана Хмельницкого. Одни ученые определяли русско-украинское объединение как инкорпорацию [1, С.163 – 164], другие – как вассалитет [4, С.135], третьи утверждали, что это – персональная уния [11, С.15 – 16], четвертые – реальная уния [3, С.189].

Из числа украинских историков, изучавших данную проблему, можно выделить: М. Грушевского, В. Липинского и А. Яковлева [2, 6, 13]. В их работах русско–украинское соглашение 1654 г. было исследовано с точки зрения установления вассальных или вассально-протекторных отношений с целью, со стороны украинского гетмана Б. Хмельницкого, создать военный союз для борьбы с Речью Посполитой и освобождения всех украинских земель. Такая позиция прослеживается в большинстве современных работ, посвященных данному периоду.

Польские историки-правоведы акцентировали внимание исключительно на социально-экономических и политических отношениях, сложившихся между украинским казачеством и польской элитой. Так, польский историк Александр Яблонский в «Истории Руси» утверждал, что положительное отношение Москвы к войне с Речью Посполитой пришла от казацкого гетмана. Однако он считал, что Переяславское соглашение было причиной серьезного разочарования Б. Хмельницкого в царе, и в дальнейшем гетман намеревался освободиться от царских воевод, поэтому искал новых союзников для освобождения от Москвы и защиты от Речи Посполитой [12, С. 256 – 258].

Безусловно, на исследования этих ученых, в большей или меньшей степени, оказали влияние национальные, социально-экономические факторы и политические ориентации, что, естественно, повлияло на объективность их выводов в оценке исторических событий многовековой давности.

В этом контексте представляет особый интерес широко известные за рубежом труды российского правоведа, историка – барона Бориса Эммануиловича Нольде (1876 – 1948 гг.). Жизнь

* **Булатецкий Олег Юрьевич –** кандидат юридических наук. доцент, доцент кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева. E-mail: olegbulat@inbox.ru

** **Хабибулина Наталья Ивановна –** доктор юридических наук, профессор**,** профессор кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева. E-mail: nika-25@list.ru

и деятельность этого выдающегося, на наш взгляд, ученого и общественного деятеля недостаточно изучена в нашей стране, и его обширное научное наследие практически неизвестно в современной России.

Свою работу «Очерки русского государственного права», а точнее ее третью часть «Единство и нераздельность России» [6, С.223- 554], Б. Нольде посвятил Украине, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Царству Польскому и губерниям, «от Польши присоединенным». В ней рассматриваются исключительно правовые проблемы единства российского государства. Свои выводы автор основывал на широком привлечении архивных историко-правовых источников. Фундаментальный труд Б.Э. Нольде «История формирования Российской империи», изданной за рубежом после его смерти, известный исследователь русской эмиграции М. Раев назвал примером плодотворного и мастерского исследования, созданного эмигрантской историографией [10, С.218].

Политика Российской империи в отношении вновь присоединенных территорий рассматривается Б.Э. Нольде в динамике. Автор показывает, как центральная власть формировала сословную структуру империи, как интегрировала местную инородную знать в состав правящего класса, как в конечном итоге, чутко реагировала на процессы, происходящие на подвластных ей территориях [7].

Отечественная наука до сих пор не может дать однозначную оценку формированию Российской империи отчасти потому, что проблема вхождения отдельных регионов в её состав остаётся злободневной и актуальной и выходит далеко за рамки научных дискуссий. Об этом свидетельствуют возникающие на постсоветском пространстве этнополитические конфликты, в том числе и на территории Украины.

Украина стала первой в системе русских областных автономий. Земский собор 1653г., собранный в Москве царем Алексеем Михайловичем Романовым, постановил: «Гетмана Богдана Хмельницкого, для православныя Христианския веры и Святых Божиих церквей, пожаловал бы Великий Государь… по их челобитью велит их принятии под свою Государскую высокую руку» [9, С.293 – 294] 8 января 1654г. Царские посланники во главе с ближним боярином Василием Бутурлиным, прибывшие в тогдашний центр Украины г. Переяславль, оповестили о состоявшемся в Москве решении и приняли присягу гетмана, и войска Запорожского царю.

Б.И. Нольде был первым ученым, кто рассматривал правовой аспект данной проблемы в историческом ракурсе. Он справедливо отмечал, что устные договоренности согласовывались ещё в Переяславле, где В. Бутурлин должен был исполнить определенные обязанности от имени Москвы перед Б. Хмельницким. Эти обязательства стали основой для разработки статей украинского посольства, которые в окончательном варианте, «пунктах», были установлены в Москве. Б.И. Нольде критиковал тех, кто возражал против договорных условий украинско-московских переговоров 1654г., подчеркивая, что поскольку Украина не была завоевана Москвой, то «единственным способом присоединения был договор»[8, С.288 – 289].

Следовательно, вначале был заключен предварительный договор о соединении Малороссии с Москвой, но условия, на которых она входила в состав России, окончательно были не установлены, поэтому гетман Богдан Хмельницкий в феврале 1654г. специальной миссией, отправленной в Москву, завершил начатое в Переяславле дело.

Таким образом, соглашение, как утверждал Б.И. Нольде, закрепилось в форме двух основных актов: во-первых, жалованной грамоты царя Алексея Михайловича гетману и войску, и, во-вторых, так называемых «статей» Богдана Хмельницкого» [8, С.290 – 291].

В свое время Н.И. Костомаров также подчеркивал, что эти акты «составляли основной закон, по которому край Малороссийский сделался частью русской державы»[5, С.10]. Данными актами на целое столетие было определено особое правовое положение вошедшей в состав русского государства Украины [8, С. 291]. Здесь важно отметить, что «статьи» гетмана Б. Хмельницкого относились как к левобережной, так и к правобережной Украине, которые находились в тот момент под его властью.

После смерти Б. Хмельницкого наступает эпоха постоянных внутренних смут и междоусобной борьбы, что повлекло за собой частую смену одного гетмана другим. В частности, на левобережной и правобережной Украине действовали одновременно самостоятельные гетманы. Однако и московское, а позднее петербургское правительство Российского государства признавали договорной характер «статей» Богдана Хмельницкого, на основании которых принимались

в своё подданство гетманы левобережной Украины Выговской, Юрий Хмельницкий, Брюховецкий, Многогрешный, Самойлович, Мазепа и признавалось их право на всю территорию Украины [8, С. 292 – 295].

Для гетманов измена была своего рода политической традицией. И только Мазепа, перешедший на сторону шведского короля Карла XII под Полтавой, столкнулся с железной волей Петра I. [8, С. 295]. Именно по его инициативе после окончания Северной войны стали ограничиваться права Украины как автономной области. 29 апреля 1722 г. на имя гетмана Скоропадского был направлен указ Петра I, знаменующий наступление новой эпохи в отношениях Российской империи и Украины. Не отменяя автономных форм управления, Петр I создал первые имперские органы общей краевой администрации. В Глухов, который тогда являлся центром левобережного казачества, был направлен бригадир С.Л. Вельяминов и 6 штабных офицеров. 16 мая того же года миссия бригадира была оформлена «в Малороссийскую коллегию» [8, С.297 – 298].

После смерти Петра I было принято решение на заседании Верховного тайного совета, созданного Екатериной I, отказаться от политики Петра в отношении Малороссии и вернуться к прежнему признанию свободы края, которое просуществовало до правления императрицы Екатерины II. Именно она, указом 27 октября 1786 г. «земли гетманского регимента» разделила на три губернии – Киевскую, Черниговскую и Новгород-Северскую, и на них распространялось общеимперское учреждение о губерниях 1775 г., то есть общеимперская администрация и суд.

Подводя итоги своего исследования, Б.Э. Нольде делает вывод, что для правителей московского государства Малая Россия представляла, прежде всего, войско; все остальные организованные и неорганизованные части малорусского населения – духовенство, мещане и «всякие люди» – являлись лишь своеобразным придатком к основной группе населения – казачеству. В связи с этим, фигура гетмана, главы казачества, была символом автономного бытия Малой России в составе России. Вполне логично, именно пределами гетманской власти определялась сама территория Украины – «земли гетманского регимента» [8, С. 309].

В «статьях» Богдана Хмельницкого и последующих гетманов «права власти Москвы в Украине заключаются главным образом внешними сношениями и военных сил края. Войско служит только московскому государю» [8, С.310]. Контроль над тем, как Украина распоряжается своими военными силами, сопровождается контролем над дипломатическими сношениями войска. Ограничение для Украины международных контактов находит некоторую компенсацию в том, что ей предоставляется право при заключении Москвой международных актов посылать на съезды послов комиссаров в составе московской делегации.

В непосредственной связи с этими правами находится право царя содержать свои войска в пределах Малороссии и отстранять от руководства воевод в городах, например, в Киеве, Переяславле, в Нежине, в Чернигове, в Остре, которые имеют «начальство над ратными людьми, которые присланы на оборону». На практике дело ограничилось тем, что в 1719 году при Петре «в Киеве и Глухове были назначены оберъ-коменданты, без всяких общеадминистративных и судебных функций» [8, С.313].

Таким образом, в первый период автономного существования Малороссии данными факторами исчерпывается воздействие Российской империи на украинское управление. Все остальное находится в сфере прав Малороссии. На них Б.Э. Нольде останавливается подробно. Во-первых, гетман избирался по украинским обычаям и избирался войском «самим меж себя». Москва требовала лишь, чтобы она знала о выборах, и чтобы «обранный гетман ученил веру царю» [8, С.314]. Независимость гетманской должности ею признавалась. Единственное ограничение автономии гетманского управления заключалась в том, что Москва, а впоследствии и Петербург, не признавали права Украины «смещать своего гетмана». По мнению Б.Э. Нольде, это должно было предупреждать повторение беспорядков на Украине и укреплять тем самым гетманскую власть [8, С.317].

Во-вторых, гетман был не только главой «войска запорожского», но и высшей властью Украины. Он обладал законодательными полномочиями, которые осуществлялись путем издания т.н. «универсалов»; он стоял во главе администрации; наконец, его суд – т.н. суд генеральный – был высшим судом края. Гетман мог осуществлять свою власть при содействии подчиненных ему органов, которые были построены по военному образцу, так же, как и гетманские должности. Малороссийское войско делилось на «полки», представлявшие одновременно единицы и военные, и территориальные[8, С.318].

В-третьих, Б.Э. Нольде подчеркивал, что наряду с казацким, существовало ещё и сословное управление. Так, города пользовались самоуправлением на основах «магдебургского права». В них существовал ряд своих должностей. Городам было предоставлено право «обирать» своих урядников войтовъ, буймистровъ, райцевъ и лавниковъ». Все эти городские должности непосредственно были связаны с финансовыми вопросами [8, С.319].

В-четвертых, казацкая старшина, превращавшаяся в дворянство, старалась развивать в свою пользу «зачатки» шляхетского сословного управления и шляхетской власти над «посполитами», внесенным ещё польским владычеством над Малой Россией [8, С.318].

Особый интерес представляет исследование Б.Э. Нольде относительно финансовых взаимоотношений между Москвой и Малой Россией на ранних этапах автономии, начиная со статей Богдана Хмельницкого и заканчивая статьями Мазепы.

В этот период Москва не стремиться взять в свои руки финансовое управление Малой Россией. Она предоставляет возможность в установленной форме взыскивать налоги с населения самому Запорожскому войску. В свою очередь Войско прилагает немалые усилия к тому, чтобы Москва оплачивала «войсковую службу». Эти два противоположных стремления в конечном итоге приводят к компромиссу, в результате которого Москва не тратила никаких средств на Украину, а Украина ничего не вносила в московское казначейство [8, С.322].

Таким образом, на начальном этапе (1654 по 1722 гг.) автономного существования Малороссии она обладала своими органами власти, административными и судебными, своим бюджетом, и подчинялась своему праву, писанному и обычному.

Второй этап отношений Российской империи с автономной Малороссией начинается с Указа Петра I гетману Скоропадскому в 1722 году, в котором негативно оценивается «своеобразный механизм управления Украины». В Указе перечисляются основные правонарушения: «Первое, в судах генеральных чинится, ради взятков и великих накладов, многие неправды, от чего бедные казаки, кому больше наложить нечего, и с правдою обвинены бывают. Второе, полковники полков своим, казакам, так и посполитым чинят же тягости… Третье, со всех Малороссийского народа сбирают со всякой куфы вина по два рубля, которых надлежало быть в сборе не малое число, а сколько оных в приходе, в котором году было и что из того числа и на какие дачи оные в расходе и затем в остатке, о том нам не известно. Четвертое, в войсковой генеральной канцелярии идет непорядочное отправление» [8, С.323].

Этот Указ послужил основанием для введения ряда мер, изложенных в инструкции посланному 16 мая 1722 года Петром I в Глухов бригадиру Вельяминову. В ней зафиксированы два основных положения: одно ограничивало прежнюю полную автономию суда, другое вводило контроль над действиями органов управления. Эти меры не разрушали внутренней структуры автономии Украины, но привели, в конечном итоге, к потере авторитета самой должности гетмана. За бригадиром Вельяминовым и его штаб-офицерами появились затем «министр» Наумов, правление гетманского правительства с Шаховским во главе, затем князья Разумовский, Румянцев и малороссийская коллегия и наконец, общее учреждение о губерниях.

Параллельно с данными процессами поднимался вопрос о малороссийском автономном бюджете. Соответственное распоряжение было отдано Петром I в именном Указе 16 апреля 1723г. В казацкие полки были откомандированы специальные надзиратели за сбором доходов: «установлены сборы с куфъ, съ казаковъ, пчельная и табачная десятина»; намечено обращение в казну «сборовъ ратушныхъ». С данным Указом 1723г. «русском бюджете впервые появляются малороссийские сборы, однако ненадолго»[8, С.326]. Екатерина I приказала 3 июня 1726г. отменить реформы Петра I и автономия «войскового скарба» Запорожского казачества продолжала существовать неприкосновенно. В Указе 1727г. подтверждается независимость «войскового скарба». Одновременно отмечается, что «поскольку в Малороссии того в год в сборе бывало, известия не имеется, и ведать не почему, что прежние гетманы собирали по своему расположению, также и в расход те собираемые доходы употребляли как хотели, а в войсковом скарбе ничего не оставалось. Наипаче же, что тот сбор бывал под ведением гетманского дому людей, какого непорядка ни в котором государстве нет, что с народа государственные доходы собирать и онымъ партикулярными персонами корыстуваться, от чего народу была несносная тягость» [8, С.327 – 328].

Задача упорядочения малороссийских финансов, которую брал на себя русский законодатель в пунктах гетмана Апостола, была весьма сложной и положительных результатов не принесла, малороссийские финансы оставались «темными» для центрального правительства.

Решительный удар автономному обложению Малороссии был нанесен императрицей Елизаветой. Она, по рекомендации Сената, вопреки возражению гетмана К.Г. Розумовского, перенесла таможенные границы России со стороны Украины к турецкому и польскому рубежам. Это привело к повсеместной отмене внутренних пошлин, к уничтожению двух малороссийских сборов, поступавших в войсковой скарб, а именно «индукты» и «эвекты» [8, С.329]. Этим была упразднена самостоятельная таможенная территория Украины. Хотя ещё в течение нескольких лет «надлежащего порядка» в данном вопросе не было. Он был установлен только при российской императрице Екатерине II.

Таким образом, заключает Нольде В.Э., постепенно обеспеченная трактатами и жалованными грамотами автономия Малой России исчезла. Исчезла не вызвав никаких осложнений [8, С.329].

Подводя итог, можно сказать, что Б.Э. Нольде рассматривает украинские земли в составе российского государства как первую областную автономию, включающую самоуправление,равшиеся на местное право, в истории России, просуществовавшее более столетия

Библиографический список

1. *Алексеев А.С.* Русское государственное право. Пособие к лекции. 5-е издание. – М., 1905.
2. *Грушевский М.* Переяславська умова України з Москвою 1654 року. Статі і тексти. К., 1917.
3. *Дьяконов М.* Очерк общественного и государственного строя древней Руси (До конца XVII века). СПб. 1912.
4. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1892.
5. *Липинський В.* Україна на переломі 1657–1659: Замітки до історії українсько-державного будівництва в XVII столітті. – Філадельфія. 1991.
6. *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. – СПб, 1911.
7. История формирования Российской империи. История формирования Российской империи / Б. Э. Нольде; пер. с фр – СПб.: 2013.
8. *Костомаров.* Мазепа и мазепинцы. СПб, 1885.
9. Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830 Т.1.
10. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции 1919–1939 / Перевод с англ., М., 1994.
11. *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. – 4-е изд. – СПб. 1910.
12. *Jablonowski A.* Historya Pusi poludniowej do upadku Rzeczypospolitej polskiej. –Krakiw, 1912.
13. *Яковлів А.* Договір гетьмана Богдана Хмельницького з Москвою року 1654 // Юбілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія. – К., 1927.

Для цитирования: *Булатецкий О.Ю., Хабибулина Н.И.* Правовая концепция Бориса Эммануиловича Нольде о Переяславской Раде в 1654 году о вхождении украинских земель в состав Российской империи // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 27 –31.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_27

BORIS EMMANUILOVICH NOLDE'S LEGAL CONCEPT ON THE INCORPORATION OF UKRAINIAN LANDS INTO THE RUSSIAN STATE

O.Y. Bulatetsky [*]
N.I. Khabibulina [**]

Annotation. *This article examines the legal concept of the Russian legal scholar and historian B.E. Nolde regarding the Pereyaslav Rada of 1654 and the incorporation of Ukrainian lands into the Russian state. This event has always been significant in the history of the Ukrainian and Russian peoples, arousing the undoubted interest of the scholarly historical community.*

Keywords: *B.E. Nolde, legal concept, Pereyaslav Agreement, Russian Empire,Ukrainian lands.*

[*] **Bulatetsky Oleg Yuryevich** is a candidate of Law. PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Law and State, Lebedev Russian State University of Justice (RGUP). E-mail: . olegbulat@inbox.ru

[**] **Natalia Ivanovna Khabibulina** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History of Law and State of the Lebedev Russian State University of Justice (RGUP). E-mail: . E-mail: nika-25@list.ru

The Pereyaslav Agreement has always been a landmark event in the history of the two fraternal peoples and a controversial issue in the scientific historical community. In the late 19th and early 20th centuries, it was actively discussed in Russian, Ukrainian, and Polish historical and legal scholarship.

In Russian historical science, there are several approaches regarding the legal definition of the Pereyaslav Act of 1654 of the Zaporozhian Sich during the hetmanate of Bogdan Khmelnitsky. Some scientists defined the Russian-Ukrainian union as an incorporation [1, p.163–164], others as a vassalage [4, p.135], others argued that it was a personal union [11, p.15–16], others – a real union [3, p.241].

Among the Ukrainian historians who studied this problem, one can single out: M. Hrushevsky, V. Lipinsky and A. Yakovlev [2, 6, 13]. In their works, the Russian-Ukrainian agreement of 1654 was studied from the point of view of establishing vassal or vassal-protective relations with the aim, on the part of the Ukrainian Hetman B. Khmelnitsky, to create a military alliance to fight the Polish-Lithuanian Commonwealth and liberate all Ukrainian lands. This position can be traced in most modern works devoted to this period.

Polish legal historians have focused exclusively on the socio-economic and political relations that have developed between the Ukrainian Cossacks and the Polish elite. Thus, the Polish historian Alexander Yablonsky in the History of Russia argued that Moscow's positive attitude towards the war with the Polish-Lithuanian Commonwealth came from the Cossack hetman. However, he believed that the Pereyaslav Agreement was the cause of B.'s serious disappointment. In the future, the hetman intended to free himself from the tsarist voivodes, so he was looking for new allies to free himself from Moscow and protect himself from the Polish-Lithuanian Commonwealth [12, pp. 256–258].

Of course, the research of these scientists, to a greater or lesser extent, was influenced by national, socio-economic factors and political orientations this naturally influenced the objectivity of their conclusions in assessing historical events from centuries ago.

In this context, the works of the Russian jurist and historian Baron Boris Emmanuilovich Nolde (1876–1948), widely known abroad, are of particular interest. In our opinion, the life and work of this outstanding scientist and public figure is insufficiently studied in our country, and his extensive scientific legacy is practically little known in the world. modern Russia.

B. Nolde devoted his work "Essays on Russian State Law", or rather its third part "The Unity and Indivisibility of Russia" [8, pp.223–554], to Ukraine, the Baltic States, Finland, Bessarabia, the Kingdom of Poland and the provinces "annexed from Poland". It deals exclusively with the legal problems of the unity of the Russian state. The author based his conclusions on extensive use of archival historical and legal sources. The fundamental work of B.E. Nolde "The History of the formation of the Russian Empire", published abroad after his death, the famous researcher of Russian emigration M. Raev called it an example of fruitful and masterful research created by emigrant historiography [10, p.218].

The policy of the Russian Empire in relation to the newly annexed territories is considered by B.E. Nolde in dynamics. The author shows how the central government shaped the estate structure of the empire, how it integrated the local foreign nobility into the ruling class, and how it ultimately reacted sensitively to the processes taking place in the territories under its control [7].

Russian science still cannot give an unambiguous assessment of the formation of the Russian Empire, partly because the problem of individual regions joining it remains topical and relevant and goes far beyond scientific discussions. This is evidenced by the ethnopolitical conflicts that arise in the post-Soviet space, including on the territory of Ukraine.

Ukraine became the first in the system of Russian regional autonomies. The Zemsky Sobor of 1653, assembled in Moscow by Tsar Alexei Mikhailovich Romanov, decreed: "Hetman Bogdan Khmelnitsky, for the Orthodoxy of Christianity and the Holy Churches of God, would have been granted by the Great Emperor ... at their request, to order their acceptance under his Sovereign high hand"[9, p. 293 – 294] on January 8, 1654. The tsarist envoys, led by the close boyar Vasily Buturlin, who arrived in the then center of Ukraine. Pereyaslavl, was informed of the decision taken in Moscow and took the oath of Hetman, and the troops of the Zaporozhian tsar.

B.E. Nolde was the first scientist who considered the legal aspect of this problem from a historical perspective. He rightly noted that the oral agreements were agreed upon back in Pereyaslavl, where V. Buturlin had to fulfill certain duties on behalf of Moscow to B. Khmelnitsky. These obligations became the basis for the development of articles by the Ukrainian embassy, which in the final version, "paragraphs", were established in Moscow. Nolde criticized those who objected to the contractual terms of the Ukrainian-Moscow negotiations of 1654, emphasizing that since Ukraine had not been conquered by Moscow, "the only way to join was by treaty" [8, pp.288–289].

Consequently, at first a preliminary agreement was concluded on the unification of Little Russia with Moscow, but the conditions under which it was part of Russia were not definitively established, therefore Hetman Bogdan Khmelnitsky in February 1654. a special mission sent to Moscow completed the business begun in Pereyaslavl.

Thus, the agreement, as Nolde claimed, was consolidated in the form of two main acts: first, the charter of Tsar Alexei Mikhailovich to the Hetman and the army, and, secondly, the so-called "articles" of Bogdan Khmelnitsky" [8, pp.290–291].

At one time, Kostomarov also emphasized that these acts "constituted the basic law according to which the Little Russia region became part of the Russian empire"[5, p.10]. These acts defined the special legal status of Ukraine, which became part of the Russian state, for a century. [8, p. 291]. It is important to note here that Hetman B. Khmelnitsky's "articles" referred to both left-bank and right-bank Ukraine, which were under his rule at that time.

After B. Khmelnitsky's death, an era of constant internal turmoil and internecine struggle began, which led to the frequent replacement of one hetman by another. In particular, independent hetmans operated simultaneously in left-bank and right-bank Ukraine. However, both the Moscow and later St. Petersburg governments of the Russian state recognized the contractual nature of the "articles" of Bogdan Khmelnitsky, on the basis of which the hetmans of left-bank Ukraine

Vygovskaya, Yuri Khmelnitsky, Bryukhovetsky, Mnogohreshny, Samoilovich, Mazepa were accepted into their citizenship and their right to the entire territory of Ukraine was recognized[8, p. 292 – 295].

For the Hetmans, treason was a kind of political tradition. And only Mazepa, who defected to the side of the Swedish king Charles XII near Poltava, faced the iron will of Peter I [8, p. 295]. It was on his initiative that, after the end of the Northern War, the rights of Ukraine as an autonomous region began to be restricted. On April 29, 1722, a decree of Peter I was sent to Hetman Skoropadsky, marking the beginning of a new era in relations between the Russian Empire and Ukraine. Without abolishing autonomous forms of government, Peter the Great created the first imperial bodies of the general regional administration. Brigadier S. Velyaminov and 6 staff officers were sent to Glukhov, which was then the center of the left-bank Cossacks. On May 16 of the same year, the brigadier's mission was registered "in the Little Russian Collegium" [8, pp. 297 – 298].

After the death of Peter I, it was decided at a meeting of the Supreme Privy Council, created by Catherine I, to abandon Peter's policy towards Little Russia and return to the previous recognition of the freedom of the region, which existed until the reign of Empress Catherine II. It was she who, by decree on October 27, 1786, divided the "lands of the Hetman region" into three provinces – Kiev, Chernigov and Novgorod-Seversk, and the imperial institution on provinces of 1775, that is, the imperial administration and court, applied to them.

Summarizing the results of his research, B.E. Nolde concludes that for the rulers of the Moscow state, Little Russia represented, first of all, the army; all the other organized and unorganized parts of the Little Russian population – the clergy, burghers and "all kinds of people" – were only a kind of appendage to the main population group – the Cossacks. In this regard, the figure of the hetman, the head of the Cossacks, was a symbol of the autonomous existence of Little Russia within Russia. Quite logically, it was precisely the limits of the Hetman's power that defined the territory of Ukraine itself – the "lands of the Hetman region" [8, p. 309].

In the "articles" of Bogdan Khmelnitsky and subsequent hetmans, "the rights of the Moscow authorities in Ukraine are mainly foreign relations and the military forces of the region. The army serves only the Moscow tsar" [8, p.310]. Control over how Ukraine disposes of its military forces is accompanied by control over the diplomatic relations of the troops. The restriction on international contacts for Ukraine finds some compensation in the fact that it is given the right, when Moscow concludes international acts, to send ambassadors of commissars to congresses as part of the Moscow delegation.

In direct connection with these rights is the right of the tsar to maintain his troops within Little Russia and to remove from the leadership of the voivodes in cities, for example, in Kiev, Pereyaslavl, Nizhyn, Chernigov, and Ostra, who have "command over the military men who are sent to defend." In practice, the case was limited to the fact that in 1719, under Peter the Great, "commandants were appointed in Kiev and Glukhov, without any general administrative and judicial functions" [8, p.313].

Thus, in the first period of the autonomous existence of Little Russia, these factors exhausted the impact of the Russian Empire on Ukrainian governance. Everything else is within the sphere of the rights of Little Russia . B.E. Nolde dwells on them in detail. Firstly, the hetman was elected according to Ukrainian customs and was chosen by the army "among themselves." Moscow only demanded that she know about the elections, and that "the defrauded hetman teach faith to the tsar" [8, p.314]. The independence of the hetman's office was recognized by her. The only limitation on the autonomy of the hetman administration was that Moscow, and subsequently St. Petersburg, did not recognize the right of Ukraine to "displace its hetman." According to Nolde, this was supposed to prevent the recurrence of unrest in Ukraine and thereby strengthen the Hetman's power [8, p.317].

Secondly, the hetman was not only the head of the "Zaporozhian army", but also the highest authority of Ukraine. He had legislative powers, which were exercised by publishing the so-called "universals"; he was at the head of the administration; finally, his court, the so-called general court, was the highest court of the region. The hetman could exercise his authority with the assistance of subordinate bodies, which were built on a military model, as well as hetman posts. The Little Russian army was divided into "regiments", which represented both military and territorial units at the same time[8, p.318].

Thirdly, Nolde emphasized that along with the Cossack, there was also estate management. Thus, the cities enjoyed self-government on the basis of the "Magdeburg law". They had a number of their own positions. The cities were given the right to "rob" their officers, voits, buimistrov, raytsev and Lavnikov." All these city posts were directly related to financial issues [8, p.319].

Fourthly, the Cossack elders, who were turning into the nobility, tried to develop in their favor the "beginnings" of gentry estate management and gentry power over the "Polish-Lithuanian Commonwealth", introduced by Polish rule over Little Russia [8, p.318].

Of particular interest is B.E. Nolde's research on the financial relations between Moscow and Little Russia in the early stages of autonomy, starting with articles by Bogdan Khmelnitsky and ending with articles by Mazepa.

During this period, Moscow did not seek to take over the financial management of Little Russia. It provides an opportunity to collect taxes from the population in the prescribed form to the Zaporozhian army itself. In turn, the Army is making considerable efforts to ensure that Moscow pays for "military service." These two opposing aspirations eventually lead to a compromise, as a result of which Moscow did not spend any funds on Ukraine, and Ukraine did not contribute anything to the Moscow treasury [8, p.322].

Thus, at the initial stage (1654–1722) of the autonomous existence of Little Russia, it had its own authorities, administrative and judicial, its budget, and was subject to its own law, written and customary.

The second stage of relations between the Russian Empire and autonomous Little Russia begins with Peter the Great's Decree to Hetman Skoropadsky in 1722, which negatively assessed "the peculiar mechanism of governance of Ukraine." The Decree lists the main offenses: "First, many lies are committed in the general courts for the sake of bribes and large invoices, from which those who have nothing more to impose are accused with the truth. Secondly, the colonels

of their regiments, the Cossacks, and the Polish-Lithuanian Commonwealth, cause hardships…. Thirdly, from all the Little Russian people, two rubles are collected from every cup of wine, of which not a small number should have been collected, but how many of them were in the parish, in which year it was, and what of that number and for which dachas they were spent and then in the remainder, we do not know. Fourth, there is dishonorable administration in the military General Chancellery" [8, p.323].

This Decree served as the basis for the introduction of a number of measures outlined in the instructions sent by Peter the Great to Glukhov on May 16, 1722, brigadier Velyaminov. It contains two main provisions: one limited the former full autonomy of the court, the other imposed control over the actions of the governing bodies. These measures did not destroy the internal structure of Ukraine's autonomy, but eventually led to the loss of the authority of the hetman's office itself. Brigadier Velyaminov and his staff officers were followed by "Minister" Naumov, the board of the Hetman government with Shakhovsky at its head, then Princes Razumovsky, Rumyantsev and the Little Russian collegium, and finally the general institution for provinces.

In parallel with these processes, the issue of the Little Russian autonomous budget was raised. The corresponding order was given by Peter the Great in a personal decree on April 16, 1723. Special overseers for the collection of income were seconded to the Cossack regiments: "fees from the kuf, the congress of Cossacks, bee and tobacco tithes have been established"; an appeal to the treasury of "town hall collections" is planned. With this Decree of 1723, "the Little Russian fees appear for the first time in the Russian budget, but not for long" [8, p.326]. Catherine I ordered on June 3, 1726. to abolish the reforms of Peter the Great and the autonomy of the "military belongings" of the Zaporozhian Cossacks continued to exist inviolably. The Decree of 1727 confirms the independence of the "military belongings". At the same time, it is noted that "since there was a collection in Little Russia per year, there is no news, and there is no telling why, that the former hetmans collected according to their location, they also used the collected income as they wanted, but there was nothing left in the military belongings. Moreover, that collection was under the supervision of the hetman's house of people, what disorder there is in any state, that state revenues should be collected from the people and these particular persons should be self-serving, from which the people had an unbearable burden" [8, pp.327–328].

The task of streamlining Little Russian finances, which was undertaken by the Russian legislator in the Hetman Apostol points, was very difficult and did not bring positive results, Little Russian finances remained "dark" for the central government.

Empress Elizabeth dealt a decisive blow to the autonomous taxation of Little Russia. She, on the recommendation of the Senate, despite the objection of Hetman Rozumovsky, moved the customs borders of Russia from Ukraine to the Turkish and Polish borders. This led to the widespread abolition of internal duties, to the destruction of two Little Russian fees that were included in military supplies, namely "inducts" and "evects" [8, P.329]. This abolished the independent customs territory of Ukraine. Although for several years there was no "proper order" in this matter. It was installed only under the Russian Empress Catherine II.

Thus, concludes V.E. Nolde, the autonomy of Little Russia, which had been gradually secured by treaties and charters, disappeared. It disappeared without causing any complications [8, p. 329].

To sum up, it can be said that B.E. Nolde considers the Ukrainian lands within the Russian state as the first regional autonomy, including self-government, based on local law, which existed in Russian history for almost more than a century.

Bibliographic list

1. *Alekseev A. S.* Russian state law. Lecture Guide. 5th edition. Moscow, 1905.

2. *Grushevsky M.* Pereyaslavskaya condition of Ukraine with Moscow in 1654. Gender I texts. K., 1917.

3. *Diakonov M.* Outline of the social and state structure of ancient Russia (until the end of the XVII century). St. Petersburg. 1912.

4.*Korkunov N. M.* Russian state law. Vol. 1. St. Petersburg., 1892.

5. *Lipinsky V.* Ukraine at the turning point 1657–1659: notes on the history of Ukrainian-state construction in the XVII century. – Philadelphia. 1991.

6. *Nolde B. E.* Essays on Russian state law. – St. Petersburg, 1911.

7.History of the formation of the Russian Empire. History of the formation of the Russian Empire / B. E. Nolde; trans. from Fr-St. Petersburg.: 2013.

8. *Kostomarov.* Mazeppa and mazepintsy. St. Petersburg, 1885.

9.Complete Collection of laws of the Russian Empire. St. Petersburg. 1830 Vol.1.

10. *Raev M.* Russia Beyond the border: history of the culture of Russian emigration 1919–1939 / translated from English, Moscow, 1994.

11. *Sergeevich V.* lectures and studies on the ancient history of Russian law. – 4th ed. – St. Petersburg. 1910. pp. 15–16.

12.*Jablonowski A.* Historya Pusi poludniowej do upadku Rzeczypospolitej polskiej. –Krakiw, 1912.

13. *Yakovlev A.* The Treaty of Hetman Bohdan Khmelnitsky with Moscow of the year 1654 // Jubilee collection in honor of Academician Dmitry Ivanovich Bagaley. – K., 1927.

For citation: *Bulatetsky O.Yu., Khabibulina N.I.* Boris Emmanuilovich Nolde's legal concept of the Pereyaslav Rada in 1654 on the incorporation of Ukrainian lands into the Russian Empire // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 31 – 34.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_27

Научная статья

УДК: 340.133
ББК: 67.022.14
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_35

И.Г. Веселов*

ЭКСПЕРТИЗА ЗАКОНОПРОЕКТОВ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ, НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

***Аннотация**. В статье раскрываются теоретические положения об экспертизе законопроектов, в том числе правовой. Выделяются проблемные вопросы осуществления экспертиз законопроектов в целях научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе, высказываются предложения о повышении эффективности осуществления экспертиз законопроектов.*

***Ключевые слова**: экспертиза законопроекта, правовая экспертиза, общественная экспертиза, финансовая экспертиза, криминологическая экспертиза, научная экспертиза, Государственная Дума, пояснительная записка, методические рекомендации, искусственный интеллект.*

Одним из наиболее эффективных инструментов повышения качества законопроектов является проведение их экспертизы. Термин «экспертиза» происходит от латинского слова expertus, которое означает «опытный» или «сведущий», и таким образом предполагает, что экспертиза должна проводиться лицом, обладающим необходимыми познаниями для ее осуществления. Соответственно, экспертиза законопроекта – это, прежде всего, его исследование экспертом в определенной области в целях компетентной оценки. Понятие такой экспертизы включает в себя три обязательных элемента: исследование законопроекта, субъекта экспертизы, который его проводит, и заключение, в котором находит отражение мнение эксперта. Заметим, что в отличие от научного исследования экспертиза законопроекта, в том числе и научная, не направлена на расширение научного знания, ее цель в ином – оценить обоснованность законопроекта под определенным углом зрения в зависимости от предмета экспертизы. Вместе с тем любая экспертиза законопроекта – это интеллектуальная деятельность, включающая в себя мыслительную, познавательную и творческую составляющие.

Экспертизы законопроектов могут быть различными. Их видовое многообразие обусловлено спецификой законодательно регулируемых отношений, субъектами проведения экспертизы, поставленными перед ними задачами и особенностями стадий законотворческого процесса. Виды экспертиз законопроектов в федеральном законодательном процессе установлены федеральными законами и регламентами палат Федерального Собрания Российской Федерации. Среди них можно выделить общественную экспертизу законопроектов, проводимую Общественной палатой Российской Федерации, а также экспертизы законопроектов, осуществляемые Банком России и Счетной палатой Российской Федерации, которые в соответствии с выработанными юридической доктриной подходами к классификации видов экспертиз законопроектов следует относить к финансовой экспертизе.

Наиболее важное значение среди различных видов экспертиз законопроектов в федеральном законодательном процессе имеет их правовая экспертиза, проведение которой в отношении внесенных в Государственную Думу законопроектов является обязательным. В юридической науке присутствуют различные точки зрения на определение понятия правовой экспертизы законопроекта [1, с. 25–26]. Нам представляется, что ее содержание не следует сводить к оценке законопроекта на предмет выявления или отсутствия противоречий актам большей или равной

* **Веселов Игорь Геннадьевич** – соискатель кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт», г. Санкт-Петербург. E-mail: igorveselov@mail.ru

юридической силы, а также требованиям юридической техники, поскольку, как показывает практика, правовая экспертиза способна решать значительно более широкий круг задач, связанных с оценкой качества и обоснованности законопроекта. Это, в частности, анализ состояния правового регулирования по предмету затрагиваемой в законопроекте проблемы и правовая оценка целесообразности его принятия, прогноз последствий его реализации, определение согласованности содержания законопроекта с его заявленной целью, в том числе на предмет соразмерности используемых правовых средств, выявление необоснованного ограничения прав субъектов правоотношений, поиск оптимального баланса интересов, выявление возможных коррупционных факторов и т.д.

Для проведения качественной правовой экспертизы законопроекта эксперту (помимо необходимых знаний и опыта экспертной работы) требуется не только сам его текст, но и развернутое обоснование его принятия, включая цель законопроекта, изложение сути его положений (концепция) и прогноз реализации. Все это должно присутствовать в пояснительной записке к законопроекту, содержание которой часто бывает недопустимо коротким или пробельным.

Переходя к вопросу о совершенствовании возможностей применения института экспертизы в федеральном законодательном процессе, прежде всего следует отметить, что в нем используются далеко не все возможные виды экспертиз законопроектов, направленных на повышение их качества в зависимости от специфики законопроекта. Отсутствует, в частности, нормативное требование о проведении криминологической экспертизы законопроектов, о необходимости осуществления которой в отношении проектов законов заявлялось не только учеными, но и (достаточно давно) самим федеральным законодателем [2]. Не стала до настоящего времени обязательным элементом федерального законодательного процесса научная экспертиза законопроектов, которая проводится нерегулярно и избирательно в отношении отдельных законопроектов по поручениям либо в инициативном порядке. Заключения по результатам такой экспертизы, как правило, отсутствуют в открытом доступе.

Представляется, что вектор совершенствования применения института экспертизы законопроектов в федеральном законодательном процессе должен быть направлен на закрепление и развитие нормативных требований, обеспечивающих проведение экспертиз законопроектов применительно к конкретным стадиям данного процесса (включая расширение видов таких экспертиз), рассмотрение полученных заключений и обязательность их размещения в открытом доступе. Компетентная оценка законопроекта посредством осуществления его экспертизы и возможность ознакомления с ее результатами неограниченного круга лиц выступает дополнительной гарантией защиты прав и свобод граждан и обеспечивает реализацию принципа гласности правотворческой деятельности. Однако нельзя поддержать предложение о включении в Регламент Государственной Думы положения, «согласно которому законопроект не может быть представлен на пленарное рассмотрение, если он получил отрицательное комплексное экспертное заключение» [3, с. 28], так как экспертиза законопроекта не может блокировать законодательную процедуру, а эксперты не могут подменять депутатов и решать какой законопроект им следует рассматривать, а какой нет.

Целесообразна разработка и утверждение (одобрение, согласование для применения в законопроектной работе) методических рекомендаций по проведению экспертиз законопроектов, подготовленных с участием ведущих научных организаций в области права. Такого рода рекомендации с одной стороны вбирают в себя лучшие практики проведения экспертизы, а с другой – являются эффективным способом внедрения научного знания в практику законопроектной работы.

Нельзя обойти вниманием тему использования при проведении экспертиз законопроектов современных технологических возможностей, включая технологии искусственного интеллекта (ИИ). Учитывая нормативное определение ИИ [4], есть все основания полагать, что он способен не только провести экспертизу законопроекта, но и сделать это лучше любого квалифицированного специалиста-юриста. К числу потенциальных преимуществ ИИ следует отнести глубокий и тщательный анализ положений законопроекта, обработку большего массива правовых данных, беспристрастность и оперативность экспертной оценки. Однако на практике все обстоит гораздо сложнее. На сегодняшний день нейросети не застрахованы от ошибок и искажений, более того в связи с ростом запросов к нейросетям и количества обрабатываемых ими данных число их ложных утверждений только увеличивается [5]. Чем больше заказчик экспертизы законо-

проекта будет доверяться ИИ при ее проведении, тем больше он рискует получить некорректные результаты.

Сказанное не означает необходимость отказа от применения технологий ИИ для проведения экспертиз законопроектов, однако на современном этапе использование этих технологий призвано не заменить эксперта-профессионала, а помочь ему в проведении экспертизы. Представляется, что особенно это актуально при осуществлении правовых экспертиз объемных и сложных законопроектов в условиях сжатых сроков их проведения.

Концепцией развития технологий машиночитаемого права предусмотрен ассистент федерального государственного гражданского служащего, созданный на базе технологий ИИ, основной задачей которого станет автоматическая проверка проекта нормативного правового акта на соответствие актам большей юридической силы, определение необходимости внесения изменений в акты меньшей юридической силы, ассистент будет способен оценить соблюдение правил юридической техники и точность указания ссылок на иные законы и подзаконные акты, выявить признаки коррупциогенных норм и коллизий с положениями других актов и, при необходимости, предложить правки [6].

Несомненно, что внедрение в эксплуатацию такой компьютерной программы облегчит госслужащим проведение правовой экспертизы законопроектов. Однако есть и очевидные риски. В условиях дефицита времени и значительного количества решаемых задач госслужащие могут больше полагаться на ИИ чем на собственные способности, что чревато не только ростом ошибок, но и частичной утратой некоторых профессиональных навыков.

Библиографический список

1. *Шатковская Т.В*. К вопросу о терминологической неопределенности понятия «правовая экспертиза» в российском законодательстве // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 4. – С. 21–28.

2. Постановление Съезда народных депутатов РФ от 14.12.1992 № 4081-I «О состоянии законности, борьбы с преступностью и коррупцией» // СПС КонсультантПлюс.

3. *Виноградов Т.П.* Экспертиза законопроектов в России: современное состояние и пути развития // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. С. 24–28.

4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СПС КонсультантПлюс.

5. Над пропастью из лжи: нейросети стали чаще давать фейковые ответы // URL: https://iz.ru/1951667/dmitrii-bulgakov/nad-propastu-iz-lzi-neiroseti-stali-case-davat-feikovye-otvety

6. Концепция развития технологий машиночитаемого права, утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15.09.2021 № 31) // СПС КонсультантПлюс.

Для цитирования: *Веселов И.Г.* Экспертиза в федеральном законодательном процессе: вопросы теории и практики, новые возможности // Теория государства и права. 2025. № 4 (46). – С. 35 – 37.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_35

EXAMINATION OF DRAFT LAWS IN THE FEDERAL LEGISLATIVE PROCESS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE, NEW OPPORTUNITIES

Igor G. Veselov[*]

Annotation. *The article reveals the theoretical provisions on the examination of draft laws, including the legal one. Problematic issues of carrying out expert examinations of draft laws in order to provide scientific and expert support for legislative activity in the federal legislative process are highlighted, and proposals are made to improve the effectiveness of expert examinations of draft laws.*

Keywords: *examination of the draft law, legal expertise, public expertise, financial expertise, criminological expertise, scientific expertise, State Duma, explanatory note, methodological recommendations, artificial intelligence.*

[*] **Veselov Igor Gennadievich** – Candidate of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Saint Petersburg. E-mail: igorveselov@mail.ru

One of the most effective tools for improving the quality of draft laws is their expertise. The term "expertise" comes from the Latin word expertus, which means "experienced" or "knowledgeable", and thus suggests that an examination should be conducted by a person with the necessary knowledge to carry it out. Accordingly, the examination of a draft law is primarily its study by an expert in a particular field for the purpose of competent assessment. The concept of such an expert examination includes three mandatory elements: the study of the draft law, the subject of the expert examination who conducts it, and the conclusion, which reflects the expert's opinion. It should be noted that, unlike scientific research, the examination of a draft law, including scientific, is not aimed at expanding scientific knowledge, its purpose is to assess the validity of the draft law from a certain angle, depending on the subject of the examination. At the same time, any examination of a draft law is an intellectual activity that includes cognitive, cognitive and creative components.

Examinations of draft laws can be different. Their species diversity is determined by the specifics of legally regulated relations, the subjects of expertise, the tasks assigned to them, and the specifics of the stages of the legislative process. The types of examinations of draft laws in the federal legislative process are established by federal laws and regulations of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation. Among them, we can single out the public expertise of draft laws conducted by the Public Chamber of the Russian Federation, as well as the expertise of draft laws carried out by the Bank of Russia and the Accounts Chamber of the Russian Federation, which, in accordance with the approaches developed by the legal doctrine to classify the types of expertise of draft laws, should be attributed to financial expertise.

The most important among the various types of examinations of draft laws in the federal legislative process is their legal examination, which is mandatory for bills submitted to the State Duma. In legal science, there are different points of view on the definition of the concept of legal expertise of a draft law [1, pp. 25–26]. It seems to us that its content should not be reduced to an assessment of the draft law for the identification or absence of contradictions to acts of greater or equal legal force, as well as the requirements of legal technology, since, as practice shows, legal expertise is able to solve a much wider range of tasks related to assessing the quality and validity of the draft law. This includes, in particular, an analysis of the state of legal regulation on the subject of the problem addressed in the draft law and a legal assessment of the expediency of its adoption, forecasting the consequences of its implementation, determining the consistency of the content of the draft law with its stated purpose, including the proportionality of the legal means used, identifying unjustified restrictions on the rights of subjects of legal relations, finding the optimal balance of interests, identifying possible corruption factors, etc.

In order to conduct a high-quality legal examination of a draft law, an expert (in addition to the necessary knowledge and experience of expert work) needs not only its text itself, but also a detailed justification for its adoption, including the purpose of the draft law, a statement of the essence of its provisions (concept) and a forecast of implementation. All this should be included in the explanatory note to the draft law, the content of which is often unacceptably short or blank.

Turning to the issue of improving the possibilities of using the institute of expertise in the federal legislative process, first of all, it should be noted that it does not use all possible types of expertise of draft laws aimed at improving their quality, depending on the specifics of the draft law. In particular, there is no regulatory requirement for conducting a criminological examination of draft laws, the need for which in relation to draft laws was stated not only by scientists, but also (quite a long time ago) by the federal legislator himself [2]. Scientific expertise of draft laws, which is conducted irregularly and selectively in relation to individual draft laws on instructions or on an initiative basis, has not become an obligatory element of the federal legislative process to date. Conclusions based on the results of such an examination, as a rule, are not publicly available.

It seems that the vector of improving the application of the institute of expertise of draft laws in the federal legislative process should be aimed at consolidating and developing regulatory requirements that ensure that draft laws are examined at specific stages of the process (including expanding the types of such examinations), reviewing the conclusions received and making them publicly available. A competent assessment of a draft law through its examination and the possibility of familiarizing an unlimited number of people with its results acts as an additional guarantee for the protection of citizens' rights and freedoms and ensures the implementation of the principle of transparency of law-making activities. However, it is impossible to support the proposal to include in the Regulations of the State Duma a provision "according to which a draft law cannot be submitted to the plenary if it has received a negative comprehensive expert opinion" [3, p. 28], since the examination of a draft law cannot block the legislative procedure, and experts cannot replace deputies and decide which bill they should consider and which should not.

It is advisable to develop and approve (approve, coordinate for use in legislative work) methodological recommendations for conducting expert reviews of draft laws prepared with the participation of leading scientific organizations in the field of law. On the one hand, such recommendations incorporate the best practices of conducting expertise, and on the other, they are an effective way to introduce scientific knowledge into the practice of legislative work.

It is impossible to ignore the topic of using modern technological capabilities, including artificial intelligence (AI) technologies, during the examination of draft laws. Given the regulatory definition of AI [4], there is every reason to believe that it is able not only to conduct an expert examination of a draft law, but also to do it better than any qualified legal specialist. The potential advantages of AI include an in-depth and thorough analysis of the provisions of the draft law, the processing of a larger array of legal data, and the impartiality and efficiency of expert assessment. However, in practice, things are much more complicated. To date, neural networks are not immune from errors and distortions, moreover, due to the growth of requests to neural networks and the amount of data they process, the number of their false statements is only increasing [5]. The more the customer of the bill examination trusts the AI when conducting it, the more he runs the risk of getting incorrect results.

This does not mean that it is necessary to abandon the use of AI technologies for conducting expert examinations of draft laws, however, at the present stage, the use of these technologies is not intended to replace a professional expert, but to help him in conducting an expert examination. It seems that this is especially important when conducting legal examinations of voluminous and complex draft laws in conditions of short deadlines.

The concept of developing machine-readable law technologies provides for an assistant to a federal government civil servant, created on the basis of AI technologies, whose main task will be to automatically check the draft regulatory legal act for compliance with acts of greater legal force, determine the need to amend acts of lesser legal force, the assistant will be able to assess compliance with the rules of legal technology and the accuracy of references to other laws and by-laws, to identify signs of corruption-related norms and conflicts with the provisions of other acts, and, if necessary, suggest edits [6].

Undoubtedly, the introduction of such a computer program will make it easier for civil servants to conduct a legal examination of draft laws. However, there are also obvious risks. In conditions of time constraints and a significant number of tasks to be solved, civil servants may rely more on AI than on their own abilities, which is fraught not only with an increase in errors, but also with the partial loss of some professional skills.

Bibliographic list

1. *Shatkovskaya T.V.* On the issue of terminological uncertainty of the concept of "legal expertise" in Russian legislation // North Caucasian Law Bulletin. – 2022. – No. 4. – pp. 21–28.

2. Resolution of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation dated 12/14/1992 No. 4081–I "On the state of legality, combating crime and corruption" // SPS ConsultantPlus.

3. *Vinogradov T.P.* Examination of draft laws in Russia: the current state and ways of development // Constitutional and municipal law. – 2017. – No. 12. pp. 24–28.

4. National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030, approved by By Decree of the President of the Russian Federation No. 490 dated 10.10.2019 // SPS ConsultantPlus.

5. Over the abyss of lies: neural networks began to give fake answers more often // URL: https://iz.ru/1951667/dmitrii-bulgakov/nad-propastu-iz-lzi-neiroseti-stali-case-davat-feikovye-otvety

6. The concept of development of machine-readable law technologies, approved by Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to improve the quality of Life and Business Conditions (Protocol dated 09/15/2021 No. 31) // SPS ConsultantPlus.

For citation: *Veselov I.G.* Examination of draft laws in the federal legislative process: issues of theory and practice, new opportunities // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 37 – 39.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_35

Научная статья

УДК: 340
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_40

А.А. Володина*

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА КАК НОРМАТИВНОГО ПОРЯДКА В УЧЕНИИ ГАНСА КЕЛЬЗЕНА

Аннотация. *Согласно концепции Ганса Кельзена, государство отождествляется с правопорядком. Такой подход соответствует его иерархической теории норм. При этом основной норме отводилась определяющая роль: лишь при помощи основной нормы могла быть установлена такая правотворческая власть, нормы которой были бы значимы и легитимны для человека и общества. Именно посредством основной нормы осуществляется трансформация власти в право. Само государство становится агентом, обладающим широким спектром возможностей, гарантированным ему принципом верховенства права. При этом государство, представляемое как пирамида взаимосвязанных норм, гарантирует действительную основу и возможность для развития демократии.*

Ключевые слова: *Кельзен, государство, правопорядок, основная норма, демократия.*

Значительное место в теоретических построениях Ганса Кельзена занимает учение о государстве. К этому вопросу правовед обратился уже в начале своей научной деятельности. Проблеме правопорядка и значению данного понятия посвящена часть работы Кельзена «Общее учение о государстве» [6, с. 95].

Для Кельзена понятие государства неразрывно связано с понятием правопорядка. В стремлении дать наиболее чёткие определения понятиям, которыми оперирует его научная концепция, Кельзен особо подчеркивал эту связь. «Для Кельзена государство есть совокупность норм о государстве, а потому оно определяется им как централизованный принудительный правопорядок», – отмечает В.Н. Жуков [2, с. 34].

В своих рассуждениях о трактовке понятия государства Кельзен исходит из того, что любое обыденное представление о государстве ошибочно. Под ним обычно подразумевают совокупность отношений людей или, после ряда упрощений, совокупность самих граждан или подданных государства. Ученый считал, что при таком понимании имеет место подмена причины следствием, «на место порядка ставится упорядоченное, объект порядка» [6, с. 95]. Однако совокупность отношений, сложившихся между людьми, является государством лишь постольку, поскольку само государство является системой порядка, принуждающего людей вступать в данные отношения. По мнению Кельзена, в подобном смещении акцентов теряется основное для понимания сущности государства, а именно, теряется мысль о том, что человек в государстве подчинен специфическому виду связей – нормативному порядку. При этом, как только под государством начинают подразумевать не порядок, организующий отношения людей, а самих людей, вся проблема определения государства перемещается из области нормативного в область естественно обусловленного [11, с. 21].

Кельзен подчеркивает, что сконструированное подобным образом определение ограничивает смысл государства только одним из его элементов: или народом, заселяющим определенную территорию; или территорией, как некой оболочкой, которая вмещает в себя народ; или же властью, которая может персонифицироваться одним органом. Кельзен, предостерегая против гипертрофированного значения первых двух элементов, говорит о важности государственной власти, т.к. именно она обладает нужным инструментарием для поддержания установленного правопорядка.

* **Володина Ангелина Александровна** – аспирант ЧОУ, руководитель направления ПАО Сбербанк. E-mail: vaa88@list.ru

Именно исходя из такой постановки вопроса, Кельзен приходит к важнейшему положению своей теории государства – к мысли об идентичности государства и правопорядка. Для ученого два классических элемента государства (народ и территория) являются не составляющими государства, а объектами применения правопорядка и принуждения [12]. При этом, третий элемент (власть) является определяющим.

Ведь, применительно к государству, именно власть является инструментом, придающим действительность и действенность правопорядку [6, с. 96]. А согласно учению Кельзена, норму делает таковой ее действительность. Каждый отдельный вид отношений, существующий в обществе, может причисляться к «государственным» отношениям лишь на основе своей принадлежности к системе нормативного порядка: «Отдельные акты, совершаемые людьми, выдвигаются из безграничного множества человеческих отношений, квалифицируются как нормативные и причисляются к совокупности называемой “государство”» [6, с. 96].

Нормативный порядок для Кельзена – это правопорядок. Таким образом, государственный акт – это правовой акт, а государственная власть – это власть права (Rechts-Gewalt), в чем и выражается ее действительность. В результате таких рассуждений, ученый делал вывод о том, что под функцией государственной власти подчинять народ (население) и подразумевается собственно правопорядок, т.е. ситуация, при которой члены общества строят взаимоотношения определенного характера и через них же и оказываются связаны между собой. Взаимосвязь понятий государства и правопорядка Кельзен метафорически уподоблял царю Мидасу: подобно тому, как всё, к чему прикасался царь, становилось золотом, так всё, к чему «прикасается» государство, становится правом [6, с. 96].

В дальнейшем Кельзен несколько уточнил собственную мысль, сделав акцент на своем учении об основной норме как фундаменте всей нормативной иерархии: «Согласно Г. Кельзену, любое применение права по сути своей является эмпирическим актом, совершение которого напрямую обусловлено рамками, установленными правовой нормой для конкретного правоприменителя. В свою очередь правовая норма, устанавливающая эти рамки, также проистекает из другой, более общей нормы, первичной, по отношению к исследуемой, обладающей большей юридической силой, “более высокой” нормой. Применение права заключается в процессе индивидуализации общей нормы» [3, с. 69]. Отношение понятия основной нормы к системе подчиненных норм является в неокантианской философско-правовой модели Кельзена прямым аналогом отношения, которое было установлено И. Кантом в «Критике чистого разума» между трансцендентальным единством апперцепции и системой категорий [3, с. 71].

Развивая учение об основной норме применительно к теории государства, Кельзен в своей работе «Учение о естественном праве и правовой позитивизм», вышедшей спустя три года после «Общего учения о государстве», говорит об определяющей роли прежде всего основной нормы в установлении государственной власти: «Посредством основной нормы может быть установлена такая правотворческая власть, нормам которой в целом подчиняются... и в этой основной норме имеет место трансформация власти в право» [9, с. 65].

Вводя понятие основной нормы как своего рода трансцендентальное понятие в духе Канта, Кельзен выступал против понимания государственной власти как естественной силы, считая, что необходимо говорить о нормативном характере этой силы. Власть государства – это своеобразное выражение «воли» государства. Под «волей» же, в свою очередь, подразумевается то, что, с точки зрения теории государства и права, является «нормой». Правда, использование при этом лексемы «воля» придает обозначаемому феномену, как нам представляется, определенный психологический оттенок и тем самым уводит в сторону от чисто юридического толкования.

Понимание нормы как волевого акта государства является для Кельзена непосредственно связанным с неокантианским дуализмом должного и сущего. Если государство выражает определенную волю, то под этим всегда подразумевается определенное долженствование, даже оно не всегда выступает осознанно. Власть как понятие является, в определенной степени, персонификацией действенного правопорядка. Это вытекает из мысли о том, что власть принадлежит группам людей, являющихся частью государства, одновременно представляющих единство. Кроме того, Кельзен считает, что государственная власть, в конечном итоге, воспринимается как власть, квалифицированная с точки зрения закона.

Однако, вместе с такой квалифицированной и юридически правильно устроенной властью на смену понятию власти в чистом виде уже приходит понятие правового порядка (rechtliche

Ordnung), чьим объектом в качестве содержания права является уже не власть как таковая, а то, что в неразрывной связи с её формой строится и обозначается при помощи власти – право. Государственная власть выступает в качестве мерила действенности, поэтому для Кельзена именно она составляет истинный предмет государственно-правового учения [7, с. 36].

Подобное изменение взгляда на власть можно представить в категориях исторического развития государства [16, с. 145]. Ученый утверждает, что государственная власть была чистой фактической властью в условиях существования исключительно примитивных отношений в обществе на начальных этапах его развития и воля при этом имела решающее значение. Власть тогда действовала через непосредственные единичные приказания (Einzelbefehle). В дальнейшем в обществе формируется правопорядок как устойчивая, твердая система, установленная самим государством. Затем данная система подчиняет себе и само государство, приводя его в соответствие собственным нормам.

В работе «Чистое учение о праве» ученый развивает мысль о том, что правопорядок является системой норм динамического характера. Правовая норма является действительной не в силу того, что она обладает определенным содержанием, то есть не в силу того, что её содержание можно вывести логическим путем и при помощи определенной цепочки выводов связать с содержанием основной нормы. Для Кельзена действительность каждой последующей нормы следует только из действительности предыдущей, т. е., в конечном счёте, она следует из действенности основной нормы. Главенствующую роль в данном тезисе Кельзена занимает отказ от рассмотрения содержательной стороны нормы. «Любое содержание может быть правом», – утверждает ученый [10, с. 201].

По Кельзену, не существует таких человеческих действий и отношений, которые могли бы иметь настолько исключительное значение, что приобрели бы действенность благодаря собственному содержанию [4, с. 45]. Равно как и нет таких норм, чья действенность не могла бы быть поставлена под сомнение в силу того, что их содержание противоречит другим нормам, не относящимся к правопорядку, основной нормой которого является выше обозначенная ставящаяся под сомнение норма. Основной нормой любого правопорядка вовсе является не какая-либо материальная норма, которая становится высшей нормой благодаря непосредственно ясному характеру её содержания, из которой в дальнейшем логическим путем, через конкретизацию от общего к частному, можно вывести все последующие нормы. «Нормы правопорядка должны быть результатом (erzeugt) определенного нормотворческого акта» [4, с. 45].

Теория государства Кельзена представлялась весьма убедительной по многим параметрам, в том числе и в качестве доказательства логической завершенности правовой системы. Во-первых, здесь никакой правопорядок не нуждается в дополнительном внешнем подтверждении собственной легитимности в силу того, что существует гипотетическая основная норма, действенность которой и является основанием легитимности правопорядка. Во-вторых, для всех лиц, подчиняющихся правопорядку, не должна складываться ситуация, при которой возможен конфликт обязанностей, возникающий из так называемого конфликта законов – наличие одного правопорядка автоматически исключает существование в данной системе другого правопорядка.

В таком подходе проявляется, на наш взгляд, важная характерная черта кельзеновского монизма. Прежде чем говорить о любой глобальной комбинации правопорядков, что подчеркивается отношениями между международным и внутригосударственным правом, Кельзен акцентирует внимание на единстве любого правопорядка. Такой ход мысли вполне выдержан в духе немецкой правовой доктрины того времени.

Для уточнения понятия государства Кельзен рассматривает нормативные системы, которые также прибегают к насилию для установления своего господства. Кельзен снова ставит вопрос, выдвинутый еще Блаженным Августином: «Чем отличается государство от шайки разбойников?». Примером таких псевдогосударств во времена Августина могли быть знаменитые пиратские республики, а в XX столетии – III Рейх. По Кельзену, причина, по которой подобная система не может обладать легитимностью, кроется в том, что правоведы, говорящие от имени правовой науки, не наделяют подобную систему таким элементом как основная норма. Этого не происходит в связи с тем, что подобный порядок не обладает постоянной действенностью, необходимой для существования основной нормы [10, с. 47 – 49].

Несмотря на то, что основная норма является «трансцендентально-логическим предположением» [10, с. 201], она не лишена определенного фактического подтекста. Таким фактическим

элементом можно признать монополию на силу, на что опирается определение права. Государство заявляет о том, что обладает такой монополией в пределах собственной территории. С точки зрения государственного права, остается правдой тот факт, что государство не может признать правовым применение принуждения другими субъектами (физического насилия, применяемого, например, бандой грабителей, мафией или организованными преступными группировками, или нефизического принуждения – церковью или, например, спортивными организациями) на своей территории. При этом, придерживаясь определения права с точки зрения государства, чистая теория права оказывается уже не столь строга в отношении своего научного подхода, т.к. поддерживает определение, данное определенной правовой системой [15].

С теоретической точки зрения, учение Кельзена о государстве как правопорядке находилось в глубоком противоречии с реальностью тоталитарного или авторитарного режима вследствие того, что такие режимы совсем не вписывались в систему иерархии норм [7, с. 209]. Принцип вождизма (Führerprinzip) и необходимость поставить личное решение и приказ выше какой бы то ни было, нормы отнюдь не вписываются в кельзеновскую систему иерархии норм, где действенность одной нормы вытекает из другой. По кельзеновским стандартам, властная структура нацистской Германии вообще не была государством, т.к. не являлась правопорядком из-за преобладания влияния индивидуальных решений над соподчиненными нормами в правовом поле.

Современные исследователи выделяют некоторые противоречия кельзеновской теории. Так, голландский исследователь Берк ван Рурмунд, изучающий вопросы европейского права, считает, что есть иное деление между обязательностью исполнения норм как практикой применения власти и действительностью норм в качестве предмета изучения юриспруденции [13]. Ученый считает, что данное отличие наиболее заметно в практическом плане: в случае толкования конкретных норм права, два этих указанных видения могут противоречить друг другу. В первом случае будет иметься в виду иерархия компетенции и норм, а во втором – введение новых норм и компетенций через толкование. Рурмунд подчеркивает, что в практике существует немало норм недействительных, с точки зрения правоведов, которые, однако, притворяются в жизнь благодаря силе власти и принуждению. В других своих работах голландский ученый демонстрирует пример становления правопорядка в Европейском сообществе, говоря о том, что расширительное толкование европейских договоров Еврокомиссией, Парламентом, а также Судом стало приводить к появлению у этих органов компетенций более широких, чем это могло предполагаться договорами [14].

Другой современный исследователь Р. Алекси также выступает против юридического позитивизма Кельзена [1, с. 122]. Им был сформулирован ряд возражений чистой теории права. Он считает, что не существует достаточно убедительного ответа на вопрос, по какой причине в целом действенный принудительный порядок нужно понимать как правопорядок. Алекси признает несостоятельными такие аргументы, как целесообразность, простое решение и моральные причины. Мысль Кельзена о том, что основная норма только «выводит на сознательный уровень то, что все юристы делают (в основном бессознательно)» [10, с. 209], не устраивает Алекси, т.к. он сомневается, верно ли в данном случае может быть отражена существующая фактически юридическая практика.

Рассматривая государство с точки зрения чистой теории права, Кельзен не отрицает, что оно существует и как общественная сила, и как структура, сложившаяся исторически, однако для него как для правоведа оно является лишь совокупностью правовых актов и, одновременно, их плодом. Сущностной характеристикой государства признается власть как организованное принуждение. Таким образом, правовой позитивизм Ганса Кельзена, к которому он сознательно себя относил, можно определить как своего рода тонкий баланс между приземленностью фактических элементов и крайне абстрактными философскими размышлениями.

В этом контексте нужно рассматривать и вопрос об оценке ученым современных форм государственности. Прежде всего речь идет о демократии, которую Кельзен, являясь не только ученым и теоретиком, а еще и политически активным гражданином, рассматривал как наиболее приемлемую форму государства в XX столетии. Наблюдая кризисные явления в развитии Европы после Первой мировой войны и наблюдаемое повсюду ослабление молодых демократических режимов под давлением реакционных и революционных настроений, Кельзен активно занимался теоретическим основанием, практическими достижениями и вопросами целостности данной формы правления и создал особую релятивистскую теорию демократии [5, с. 706 – 708].

Необходимо подчеркнуть, что многие аспекты нормативистской теории Ганса Кельзена заслуживают сегодня тщательного изучения и могут быть признаны перспективными направлениями для дальнейших исследований. В первую очередь, требует более детального рассмотрения комплекс международно-правовых взглядов ученого как наиболее противоречивая часть его учения и одновременно наименее исследованная в отечественной науке. Кроме того, вызывает безусловный интерес исследование смежных с политологией идей ученого о демократии и правовом государстве в контексте современных трактовок демократии российскими учеными. Значительным представляется и исследование применения кельзеновской трактовки суверенитета в современных условиях. В целом, научное наследие Ганса Кельзена остается актуальной темой для исследований не только в отечественном, но и в зарубежном правоведении.

Библиографический список

1. *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). М., Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
2. *Жуков В.Н.* Россия и Запад: ценности, политика, право. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 840 с.
3. *Масленников Д.В., Ревнов Б.А.* Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование // Юридическая мысль. 2022. № 1 (125). С. 69 – 80.
4. *Bernstorff J.* Der Glaube und das universal Recht. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. – 324 s.
5. *Dreier H.* Jurist des Jarhunderts? // Deutschen Juristen jüdischer Herkunft München, 1993. S.705–732.
6. *Kelsen H.* Allgemeine Staatslehre von Dr. Hans Kelsen. Berlin^ Verlag von Julius Springer, 1925. – 433 s.
7. *Kelsen H.* Allgemeine Theorie der Normen.- Wien: Manz, 1979. – 433 s.
8. *Kelsen H.* Justitz und Verwaltung // Zeitschrift für soziales Recht, 1928/192. №1. In Rigaud F. H. Kelsen on IInternational Law [Электронный ресурс] URL: http://www.ejil.org/pdfs/9/2/1493.pdf Дата обращения: 29.01.20254
9. *Kelsen H.* Naturrechtslehre und Rechtspositivismus. – Charlottenburg, 1928. – 78 s.
10. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre. 2 Aufl. – Wien: Franz Deuticke, 1960. – 534 s.
11. *Lippold R.* Recht und Ordnung. – Wien: Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 2000. – 563 s.
12. *Olechowski T.* Kelsens Rechtslehre im Überblick // Ehs T. Hans Kelsen. Eine politikwissenschaftliche Einfürung. Baden, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.univie.ac.at/kelsen/files/kelsenrechtslehre.pdf Дата обращения: 02.02.2025.
13. *Roermund B.* Autority and Authorisation // Law and Philisophy, 2000, №19, Vol.2. P.201–222 [Электронный ресурс] URL: http://philpapers.org/rec/VANAAA Дата обращения: 27.01.2025.
14. *Roermund B.* Jurisprudential Dilemmas in European Law // Law and Philosophy, 1997, №16. P.359 [Электронный ресурс] URL: http://link.springer.com/chapter/10.1007% 2F978-94-017-1152-4_2#page-1 Дата обращения: 29.01.2025.
15. *van Ooyen, Robert Chr*. Der Staat der Moderne. Hans Kelsens Pluralismustheorie [Электронный ресурс] URL: http://www.jstor.org/discover/10.2307/20485218?uid=3738 936&uid=2&uid=4&sid=21104187952793 Дата обращения: 19.01.2025.
16. *van Ooyen, Robert Chr.* Hans Kelsen und die offene Gesellschaft. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 192 s.

Для цитирования: *Володина А.А.* Концепция государства как нормативного порядка в учении Ганса Кельзена // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 40 – 44.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_40

THE CONCEPT OF THE STATE AS A NORMATIVE ORDER IN THE TEACHINGS OF HANS KELSEN

Angelina A. Volodina*

Annotation. *According to Hans Kelsen's concept, the state is identified with the rule of law. This approach corresponds to his hierarchical theory of norms. At the same time, the basic norm was given a decisive role: only with the help of the basic norm could a law-making authority be established, the norms of which would be meaningful and legitimate for a person and society. It is through the*

* **Volodina Angelina Alexandrovna –** Postgraduate student, Head of the Department of Sberbank PJSC. E-mail: vaa88@list.ru

basic norm that the transformation of power into law is carried out. The State itself becomes an agent with a wide range of capabilities guaranteed by the rule of law. At the same time, the state, presented as a pyramid of interrelated norms, guarantees a valid basis and opportunity for the development of democracy.

Keywords: *Kelsen, the state, the rule of law, the basic norm, democracy.*

A significant place in the theoretical constructions of Hans Kelsen is occupied by the doctrine of the state. The lawyer addressed this issue already at the beginning of his scientific activity. Part of Kelsen's work "The General Doctrine of the State" [6, p. 95] is devoted to the problem of law and order and the meaning of this concept.

For Kelsen, the concept of the state is inextricably linked with the concept of law and order. In an effort to provide the clearest definitions of the concepts used by his scientific concept, Kelsen emphasized this connection. "For Kelsen, the state is a set of norms about the state, and therefore it is defined by him as a centralized compulsory legal order," notes V.N. Zhukov [2, p. 34].

In his arguments about the interpretation of the concept of the state, Kelsen proceeds from the fact that any ordinary idea of the state is erroneous. It usually means the totality of people's relationships or, after a number of simplifications, the totality of the citizens themselves or subjects of the state. The scientist believed that with this understanding, there is a substitution of the cause for the effect, "the ordered, the object of the order, is put in place of the order" [6, p. 95]. However, the totality of relationships that have developed between people is a state only insofar as the state itself is a system of order that forces people to enter into these relationships. According to Kelsen, in such a shift of emphasis, the main thing for understanding the essence of the state is lost, namely, the idea that a person in the state is subject to a specific type of relationship – a normative order. At the same time, as soon as the state begins to mean not the order that organizes people's relationships, but the people themselves, the whole problem of defining the state moves from the normative to the naturally conditioned [11, p. 21].

Kelsen emphasizes that the definition constructed in this way limits the meaning of the state to only one of its elements: either the people inhabiting a certain territory, or the territory as a kind of shell that accommodates the people, or the government, which can be personified by one body. Kelsen, warning against the exaggerated importance of the first two elements, speaks of the importance of state power, since it has the necessary tools to maintain the established order.

It is based on this formulation of the question that Kelsen comes to the most important point of his theory of the state – the idea of the identity of the state and the rule of law. For the scientist, the two classical elements of the state (the people and the territory) are not components of the state, but objects of the application of law and order and coercion [12]. At the same time, the third element (power) is crucial.

Indeed, in relation to the state, it is the government that is the instrument that gives validity and effectiveness to the rule of law [6, p. 96]. And according to Kelsen's teaching, the norm is made so by its reality. Each individual type of relationship existing in society can be classified as a "state" relationship only on the basis of its membership in a system of normative order: "Individual acts committed by people are put forward from an infinite variety of human relationships, are qualified as normative and are classified as a totality called the "state"" [6, p. 96].

The normative order for Kelsen is the rule of law. Thus, a state act is a legal act, and state power is the power of law (Rechts–Gewalt), which expresses its validity. As a result of such reasoning, the scientist concluded that the function of state power to subordinate the people (population) is understood to mean the rule of law itself, i.e. a situation in which members of society build relationships of a certain nature and through them they are connected to each other. Kelsen metaphorically likened the relationship between the concepts of the state and the rule of law to King Midas: just as everything that the king touched became gold, so everything that the state "touches" becomes law [6, p. 96].

Later, Kelsen somewhat clarified his own thought, emphasizing his teaching about the basic norm as the foundation of the entire normative hierarchy.: "According to G. Kelsen, any application of law is essentially an empirical act, the commission of which is directly conditioned by the framework established by the legal norm for a particular law enforcer. In turn, the legal norm that establishes this framework also stems from another, more general norm, the primary one in relation to the one under study, which has greater legal force, the "higher" norm. The application of law consists in the process of individualization of a general norm" [3, p. 69]. The relation of the concept of the basic norm to the system of subordinate norms in Kelsen's neo-Kantian philosophical and legal model is a direct analogue of the relation that was established by I. Kant in the Critique of Pure Reason between the transcendental unity of apperception and the system of categories [3, p. 71].

Developing the doctrine of the basic norm in relation to the theory of the state, Kelsen in his work "The Doctrine of Natural Law and Legal Positivism", published three years after the "General Doctrine of the State", speaks about the determining role of the basic norm in the establishment of state power.: "Through the basic norm, a law-making authority can be established, the norms of which are generally obeyed... and in this basic norm, there is a transformation of power into law" [9, p. 65].

Introducing the concept of the basic norm as a kind of transcendental concept in the spirit of Kant, Kelsen opposed the understanding of state power as a natural force, believing that it is necessary to talk about the normative nature of this force. The power of the state is a peculiar expression of the "will" of the state. By "will", in turn, is meant what, from the point of view of the theory of state and law, is the "norm." However, the use of the lexeme "will" in this case gives the designated phenomenon, as it seems to us, a certain psychological connotation and thereby leads away from a purely legal interpretation.

For Kelsen, the understanding of the norm as a volitional act of the state is directly related to the neo-Kantian dualism of due and existing. If the state expresses a certain will, then this always implies a certain obligation, even if it does

not always act consciously. Power as a concept is, to a certain extent, a personification of effective law and order. This follows from the idea that power belongs to groups of people who are part of the state, while simultaneously representing unity. In addition, Kelsen believes that state power is ultimately perceived as a legally qualified authority.

However, along with such a qualified and legally well–organized government, the concept of power in its purest form is already being replaced by the concept of legal order (rechtliche Ordnung), whose object as the content of law is no longer power as such, but what is inextricably linked to its form and is designated with the help of power – law. State power acts as a measure of effectiveness, therefore, for Kelsen, it is she who constitutes the true subject of state law teaching [7, p. 36].

Such a change in the view of power can be represented in terms of the historical development of the state [16, p. 145]. The scientist argues that state power was pure factual power in the conditions of the existence of exceptionally primitive relations in society at the initial stages of its development, and the will was crucial. The government then acted through direct single orders (Einzelbefehle). In the future, law and order is being formed in society as a stable, solid system established by the state itself. Then this system subordinates the state itself, bringing it into line with its own norms.

In his work "The Pure Doctrine of Law," the scientist develops the idea that the rule of law is a system of dynamic norms. A legal norm is valid not because it has a certain content, that is, not because its content can be deduced logically and linked to the content of the basic norm by means of a certain chain of conclusions. For Kelsen, the validity of each subsequent norm follows only from the validity of the previous one, i.e., ultimately, it follows from the validity of the basic norm. The dominant role in this thesis of Kelsen is occupied by the refusal to consider the substantive side of the norm. "Any content can be a right," says the scientist [10, p. 201].

According to Kelsen, there are no such human actions and relationships that could have such exceptional significance that they would become effective due to their own content [4, p. 45]. Similarly, there are no norms whose effectiveness could not be questioned due to the fact that their content contradicts other norms that are not related to the rule of law, the main norm of which is the above-mentioned questioned norm. The basic norm of any legal order is not at all any material norm, which becomes the highest norm due to the directly clear nature of its content, from which all subsequent norms can be deduced in a logical way, through concretization from the general to the particular. "The norms of law and order must be the result (erzeugt) of a certain normative act" [4, p. 45].

Kelsen's theory of the state seemed very convincing in many ways, including as proof of the logical completeness of the legal system. Firstly, no law and order here needs additional external confirmation of its own legitimacy due to the fact that there is a hypothetical basic norm, the effectiveness of which is the basis for the legitimacy of law and order. Secondly, for all persons subject to law and order, there should not be a situation in which a conflict of duties arising from the so-called conflict of laws is possible – the existence of one law and order automatically excludes the existence of another law and order in this system.

In our opinion, this approach shows an important characteristic feature of Kelsenian monism. Before talking about any global combination of legal systems, which is emphasized by the relationship between international and domestic law, Kelsen focuses on the unity of any legal order. This line of thought is quite consistent with the German legal doctrine of the time.

To clarify the concept of the state, Kelsen examines regulatory systems that also resort to violence to establish their dominance. Kelsen again raises the question raised by St. Augustine: "What is the difference between a state and a band of robbers?" An example of such pseudo–states in the time of Augustine could be the famous pirate republics, and in the twentieth century – the Third Reich. According to Kelsen, the reason why such a system cannot have legitimacy lies in the fact that legal scholars speaking on behalf of legal science do not endow such a system with such an element as the basic norm. This does not happen due to the fact that such an order does not have the permanent effectiveness necessary for the existence of the basic norm [10, pp. 47–49].

Despite the fact that the basic norm is a "transcendental logical assumption" [10, p. 201], it is not devoid of a certain factual implication. Such an actual element can be recognized as a monopoly on force, which is the basis of the definition of law. The State claims to have such a monopoly within its own territory. From the point of view of state law, it remains true that the state cannot recognize as legal the use of coercion by other actors (physical violence used, for example, by a gang of robbers, the mafia or organized criminal groups, or non–physical coercion by the church or, for example, sports organizations) on its territory. At the same time, adhering to the definition of law from the point of view of the state, the pure theory of law is no longer so strict in relation to its scientific approach, because supports the definition given by a certain legal system [15].

From a theoretical point of view, Kelsen's teaching about the state as a rule of law was in deep contradiction with the reality of a totalitarian or authoritarian regime due to the fact that such regimes did not fit into the hierarchy of norms at all [7, p. 209]. The principle of leadership (Fuhrerprinzip) and the need to put personal decision and order above any other norm do not fit into the Kelsenian system of hierarchy of norms, where the effectiveness of one norm follows from another. By Kelsen standards, the power structure of Nazi Germany was not a state at all, because It was not a rule of law due to the predominance of the influence of individual decisions over subordinate norms in the legal field.

Modern researchers identify some contradictions of Kelsen's theory. Thus, Dutch researcher Berk van Roermund, who studies European law issues, believes that there is a different division between the obligation to comply with norms as a practice of applying authority and the validity of norms as a subject of jurisprudence [13]. The scientist believes that this difference is most noticeable in practical terms: in the case of interpretation of specific legal norms, these two visions may contradict each other. In the first case, there will be a hierarchy of competencies and norms, and in the second case, the introduction of new norms and competencies through interpretation. Rohrmund emphasizes that there are many invalid norms in practice, from the point of view of legal scholars, who, however, pretend to live by force of authority and

coercion. In his other works, the Dutch scientist demonstrates an example of the formation of the rule of law in the European Community, saying that the broad interpretation of European treaties by the European Commission, Parliament, and the Court began to lead to the emergence of broader competencies for these bodies than could be assumed by the treaties [14].

Another modern researcher, R. Alexi, also opposes Kelsen's legal positivism [1, p. 122]. He formulated a number of objections to the pure theory of law. He believes that there is no sufficiently convincing answer to the question of why, in general, effective compulsory order should be understood as law and order. Alexi recognizes such arguments as expediency, a simple solution, and moral reasons as untenable. Kelsen's idea that the basic norm only "brings to a conscious level what all lawyers do (mostly unconsciously)" [10, p. 209], does not suit Alexi, because he doubts whether the actual legal practice can be correctly reflected in this case.

Considering the state from the point of view of a pure theory of law, Kelsen does not deny that it exists both as a social force and as a structure that has developed historically, however, for him, as a jurist, it is only a set of legal acts and, at the same time, their fruit. The essential characteristic of the state is power as organized coercion. Thus, Hans Kelsen's legal positivism, to which he consciously referred himself, can be defined as a kind of delicate balance between the mundanity of factual elements and extremely abstract philosophical reflections.

In this context, it is necessary to consider the issue of scientists' assessment of modern forms of statehood. First of all, we are talking about democracy, which Kelsen, being not only a scientist and a theorist, but also a politically active citizen, considered as the most acceptable form of government in the twentieth century. Observing the crisis phenomena in the development of Europe after the First World War and the weakening of young democratic regimes everywhere under the pressure of reactionary and revolutionary sentiments, Kelsen actively studied the theoretical basis, practical achievements and issues of the integrity of this form of government and created a special relativistic theory of democracy [5, pp. 706–708].

It should be emphasized that many aspects of Hans Kelsen's normative theory deserve careful study today and can be recognized as promising areas for further research. First of all, the complex of the scientist's international legal views requires a more detailed consideration as the most controversial part of his teaching and at the same time the least studied in Russian science. In addition, the study of the scientist's ideas about democracy and the rule of law in the context of modern interpretations of democracy by Russian scientists is of great interest. The study of the application of Kelsen's interpretation of sovereignty in modern conditions is also significant. In general, the scientific legacy of Hans Kelsen remains an urgent topic for research not only in domestic but also in foreign jurisprudence.

Bibliographic list

1. *Alexi R.* The concept and validity of law (a response to legal positivism). M., Infotropik Media, 2011. 192 p.
2. *Zhukov V.N.* Russia and the West: values, politics, law. Moscow: UNITY-DANA, 2025. 840 p.
3. *Maslennikov D.V., Revnov B.A.* The basic norm of G. Kelsen and its natural law justification // Legal thought. 2022. No. 1 (125). pp. 69–80.
4. *Bernstorff J.* Der Glaube und das universal Recht. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. – 324 s.
5. *Dreier H.* Jurist des Jarhunderts? // Deutschen Juristen jüdischer Herkunft München, 1993. S.705–732.
6. *Kelsen H.* Allgemeine Staatslehre von Dr. Hans Kelsen. Berlin^ Verlag von Julius Springer, 1925. – 433 s.
7. *Kelsen H.* Allgemeine Theorie der Normen.- Wien: Manz, 1979. – 433 s.
8. *Kelsen H.* Justitz und Verwaltung // Zeitschrift für soziales Recht, 1928/192. №1. In Rigaud F. H. Kelsen on IInternational Law [Электронный ресурс] URL: http://www.ejil.org/pdfs/9/2/1493.pdf Дата обращения: 29.01.20254
9. *Kelsen H.* Naturrechtslehre und Rechtspositivismus. – Charlottenburg, 1928. – 78 s.
10. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre. 2 Aufl. – Wien: Franz Deuticke, 1960. – 534 s.
11. *Lippold R.* Recht und Ordnung. – Wien: Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 2000. – 563 s.
12. *Olechowski T.* Kelsens Rechtslehre im Überblick // Ehs T. Hans Kelsen. Eine politikwissenschaftliche Einführung. Baden, 2009. [Электронный ресурс] URL: http://www.univie.ac.at/kelsen/files/kelsenrechtslehre.pdf Дата обращения: 02.02.2025.
13. *Roermund B.* Autority and Authorisation // Law and Philisophy, 2000, №19, Vol.2. P.201–222 [Электронный ресурс] URL: http://philpapers.org/rec/VANAAA Дата обращения: 27.01.2025.
14. *Roermund B.* Jurisprudential Dilemmas in European Law // Law and Philosophy, 1997, №16. P.359 [Электронный ресурс] URL: http://link.springer.com/chapter/10.1007% 2F978-94-017-1152-4_2#page-1 Дата обращения: 29.01.2025.
15. *van Ooyen, Robert Chr.* Der Staat der Moderne. Hans Kelsens Pluralismustheorie [Электронный ресурс] URL: http://www.jstor.org/discover/10.2307/20485218?uid =3738936&uid=2&uid=4&sid=21104187952793 Дата обращения: 19.01.2025.
16. *van Ooyen, Robert Chr.* Hans Kelsen und die offene Gesellschaft. – Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 192 s.

For citation: *Volodina A.A.* The concept of the state as a normative order in the teachings of Hans Kelsen // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 44 – 47.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_40

Научная статья

УДК: 343.851
ББК: 67.071
DOI: **10.47905**/MATGIP_2025_4_46_48

Ф.Х. Галиев*
А.Ф Маруков**

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ КИБЕРПРОСТРАНСТВА НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Правовая культура общества формируется не в одночасье, она развивается и совершенствуется в течение всей жизни государственно образованного общества. Специфика ситуации, в которой оказалось современное общество в связи с возникновением киберпространства, отразилась на особенностях его правовой культуры. Данная ситуация обусловливает необходимость исследования специфической природы киберпространства, которое, несмотря на всю свою виртуальность, оказывает огромное воздействие на специфику и содержание складывающихся общественных отношений и нуждается в правовом регулировании. При этом динамика правокультурных процессов непосредственно связана с особенностями развития общества и характеризуется наличием примеров не только правомерного, но и противоправного поведения людей. Поэтому перед механизмом правового регулирования стоит задача обеспечения защиты киберпространства от возможности неправомерных деяний лиц с антисоциальным поведением.*

Ключевые слова: *государство, право, общество, виртуальная реальность, киберпространство, кибермошенники, нормативно-правовое регулирование, механизм правового регулирования, правосознание, правовая культура.*

Киберпространство представляет собой сложное явление, обладающее своей специфической природой. Безусловно, появление киберпространства и виртуального мира обусловлено многими факторами, продиктованными современным уровнем научной мысли. Самый главный среди этих факторов – это то, что человечество достигло очередной высоты в своем научно-техническом развитии и стремится постигнуть секреты виртуального мира для дальнейшего развития и совершенствования киберпространства. Современные электронные технологии являются доказательством того, что сегодняшнее общество стоит перед такими открытиями, которые в прошлом могли быть оценены и восприняты исключительно как нечто из мира фантастики. Только привычная ситуация осложняется тем, что, оказываясь в пределах виртуальной действительности и соответствуя уже ее закономерностям, киберпространство начинает подчинять себе действительную реальность, заставляя людей, привыкших доверять всему тому, что исходит от государственных органов, официальных организаций и работающих в них должностных лиц, воспринимать за чистую монету, информацию, поступающую от киберпреступников и мошенников, выступающих от имени государственных структур. В таких случаях огромную роль начинают играть те поведенческие установки, до последнего времени лежавшие в основе правовой культуры общества и постепенно возвращающие общественное сознание в сложившую реальность, и вынуждающие людей начинать обращать серьезное внимание ко всему тому, что преподносит им киберпространство и что имеет виртуальную природу.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что люди должны привыкнуть ко всем неожиданностям и «сюрпризам» правонарушающего характера, которые преподносит очередной виток в разви-

*__Галиев Фарит Хатипович,__ доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Россия. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

**__Маруков Александр Федорович__, доктор юридических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт». E-mail: afmarukov@yandex.ru

тии цивилизации, всегда быть готовыми к связанным с новыми информационными технологиями изменениям в их жизни, и, при этом, стремиться максимально воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет виртуальность. С одной стороны, действительно, наличие интернета, возможности беспроводных переговоров и расчетов, использование компьютерных технологий, безусловно, является свидетельством прорывного развития интеллектуальных возможностей человечества. С другой стороны, отсутствие традиционной бумажной (документированной) и подтвержденной печатью основы тех или иных официальных бумаг, несущих необходимую информацию и требующих соответствующей реакции от привыкших ответственно и добросовестно выполнять все свои гражданские обязанности людей, ставит этих же людей в непривычное положение, вынуждающее воспринимать действительность как некое узаконенное явление.

Однако становление киберпространства представляет собой сложный процесс и сопровождается последствиями, не всегда имеющими позитивный характер. Тем не менее, исследователи данного явления не всегда обращают внимание на те осложнения в жизни современного общества, которые обусловлены бурным развитием электронных технологий и использованием их возможностей в корыстных и преступных целях.

Этим самым вторжение электронных возможностей в привычное течение жизни людей способствует возникновению новых общественных отношений, что, как правило, сопровождается возникновением необходимости их нормативно-правового регулирования, поиска новых форм, способов и методов воздействия на складывающиеся неординарные ситуации. Как подчеркивает Ю.А. Тихомиров, в связи с тем, что «виртуальность остается в немалой степени непознанной, и приходится вести речь о постепенном правовом освоении виртуального пространства» [15, с. 89]. Более того, требуется не только правовое регулирование общественных отношений, порожденных этим новым явлением в обществе людей, но и одновременное исследование данного явления и на основе данных этих исследований правовое обеспечение функционирования, дальнейшего развития и совершенствования виртуальности, а также использование всего этого во благо общества и государства с помощью правовых возможностей, не допуская возможностей для появления негативных последствий, говоря другими словами обеспечить своеобразную экологию киберпространства.

Вместе со всем этим, несмотря на способность права приводить к нужному состоянию все то, что происходит в обществе и государстве, с помощью правового регулирования, правовое воздействие государства на общественные отношения нуждается в поддержке и всех других социальных норм, функционирующих в современном обществе.

Данная ситуация обусловлена тем, что современные электронные технологии, которые еще в недавнем прошлом, действительно, могли быть восприняты как выдумки фантастов, в некоторых случаях, при отсутствии возможности контроля, освобождают тех, кто владеет ими, от традиционной обязанности человека подчиняться тем соционормативным регуляторам, которые испокон веков обеспечивали оптимальность общественных отношений: морали, религии, этики, традиций, обычаев и т.д. Общеизвестно, эти регуляторы общественных отношений веками создавали возможность гармонизации взаимоотношений в обществе без особого контроля со стороны правоприменительных органов и использования принудительной силы государства, которая не всегда позитивно воспринималось и оценивалось общественным сознанием.

По нашему мнению, учащающиеся случаи неблагонадежного поведения отдельных представителей современного общества и увеличение количества преступлений, связанных с использованием киберпространства, говорят о сложности и многогранности всех явлений, связанных с виртуальностью, что создает необходимость рассматривать данную проблему с двух позиций. С одной стороны, безусловно, необходимо признать наличие в современном обществе людей с правонарушающим поведением, от которых не было свободным ни одно государство в прошлом, и отсутствие которых нельзя отметить ни в одном современном государстве.

С другой стороны, общество, привыкшее доверять всему тому, что связано с деятельностью государственных органов и официальных организаций, включая должностных лиц, вовлеченных в работу данных структур, оказалось в состоянии абсолютной беспомощности перед современными мошенниками, которые умело приспособились к достижениям новых электронных технологий. Огромными всеохватывающими и проникающими во все сферы жизнедеятельности людей возможностями киберпространства пользуются преступники всех мастей, начиная от те-

лефонных мошенников-одиночек до организованных групп. В последние годы общество, и так страдавшее нигилизмом всех его проявлениях, получило огромный отрицательный импульс в отношении доверия деятельности тех структур, от имени которых действуют киберпреступники.

Авторы монографии «Правильное общество» отмечают, что «на современном этапе изучения доверия в общественных науках внимание исследователей все чаще фокусируется на специфике его различных видов, а также на анализе доверия и недоверия как автономных феноменов» [7, с. 161]. Безусловно, это обусловлено тем, что «социальное взаимодействие нередко проходит в условиях высокой неопределенности, при отсутствии регламентации и возможности контроля. В этих условиях наиболее часто встречающейся формой взаимоотношений становится сочетание доверия и недоверия» [7, с. 161]. По большому счету, контроль и регламентация соответствующих действий необходимы не только для обеспечения режима определенности и предсказуемости последствий освоения обществом все того позитива, что несут собой новые технологии, но и для предупреждения и профилактики возможных поползновений различных правонарушающих лиц на права и свободы человека и гражданина, совершаемых пользуясь интернетовскими возможностями.

Рассматривая право, как феноменальное явление, присущее цивилизации, Г.В. Мальцев подчеркивал, что «мир сегодня вступил в полосу политической неопределенности и сомнений, глобализационные схемы, сосредоточенные на будущем мировой экономики, оставляют без ответа вопросы социально-политических перспектив человечества» [8, с. 310]. Он сокрушался по поводу того, что «по-прежнему в темноте и неясности пребывает проблема будущности государства в постиндустриальном, информационном обществе, да и само это общество не осознается нами достаточно четко» [8, с. 310]. По нашему мнению, подчеркивая все это Г.В. Мальцев был совершенно прав, действительно, специфику государства будущего мы можем разве что предположить и предугадывать. В то же время, как отмечал Г.В. Мальцев, «только государство обладает монополией издавать законы и формировать законодательство, взимать налоги с населения, применять легитимное физическое насилие к лицам, нарушающим закон, осуществлять уголовное преследование, содержать тюрьмы, уголовно-исправительные учреждения и т.д.» [8, с. 317].

И эти возможности, которыми обладает государство как политическая организация власти в обществе, позволяют ему обеспечивать оптимальность общественных отношений в стране.

Бесспорно, право во все времена было и остается одним из самых действенных средств обеспечения политического режима власти в государстве. Однако, во взаимоотношениях государства и права не все остается постоянным и неизменным, под воздействием различных факторов многое меняется. Как отмечают многие исследователи, сложившаяся при этом реальная действительность для общества теряет свою прозрачность и понятность, «так как сложно справляться с возникающими негативными последствиями (например, проблемами кибербезопасности данных и роста IT-преступности; цифровым неравенством населения и цифровой безграмотностью (технологии развиваются быстрее, чем формируются цифровые компетенции и навыки); экономическим неравенством (цифровизация экономики приводит к развитию монопольных структур, росту экономической ренты, резкой разницы в доходах населения, уровня жизни) и т.д.). Поэтому, «возникает необходимость в создании механизма государственного регулирования общественных отношений посредством модернизации системы и методов управления, а также правовой системы» [9, с. 193].

«В описываемых условиях, цифровая трансформация общества требует: гибкости в управлении общественными процессами, как со стороны государства, так и самого общества; повышения навыков сопротивляемости внезапно меняющимся условиям функционирования общества и государства; прозрачности и единства информационной политики государства, поскольку переизбыток информации, распространение «фейков» и т.п. приводит к ее «непостижимости», а значит и необходимости «уметь ставить информацию под сомнение» [9, с. 193]. На наш взгляд, проблема способности «просеивать», проверять получаемую информацию может быть решена только в том случае, когда получатель информации, с одной стороны, будет довольно хорошо знаком со сложившейся на данное время ситуацией и, с другой стороны, будет осведомлен о мошеннических уловках и схемах, посягающих на его права и свободы, а, прежде всего, на его материальное благополучие. Также нельзя отодвигать в сторону и вопрос о подготовленности граждан к восприятию этих же негативных последствий, что предполагает наличие, кроме общего

уровня образованности, и определенных знаний о политической, экономической и социальной ситуации в стране. В этом плане интересны наблюдения А.Д. Керимова и И.Н. Куксина, которые отмечают, что «речь идет о понимании все большим числом людей того, казалось бы, очевидного факта, что образование необходимо не столько для чего-либо (карьерного роста, высоких заработков и проч.), а в первую очередь необходимо само по себе, ибо отражает имманентное свойство человеческой натуры – сильнейшее и непреодолимое стремление к познанию и самопознанию, постижению ранее неизвестных закономерностей объективного мира и тем самым представляет собой безусловно самостоятельную ценность» [6, с. 40]. Как подчеркивают С.И. Захарцев и В.П. Сальников, «значение обыденного правосознания очень велико. Именно оно является своеобразным индикатором эффективности действия правовых норм» [4, с. 258].

В Российской Федерации с позиций юридической теории, законодательного регулирования и правоприменительной практики признаны, закреплены и применяются все или, по крайней мере, основные гарантии государственной защиты информационных прав и свобод человека и гражданина», пишет Е.В. Сорокина. В то же время она отмечает, что применение того или иного вида гарантий обособленно и отдельно от иных не может считаться эффективным инструментом в механизме обеспечения информационных прав и свобод человека и гражданина. Только совокупное их (гарантий) применение позволит добиться решения задач, стоящих перед государством, в сфере соблюдения информационных прав и свобод человека и гражданина, – делает общий вывод Е.В. Сорокина. Это следует из ряда моментов: общего объекта и предмета защиты, единого государственного механизма и диалектической связи всех элементов [13, с. 107].

В свою очередь, И.В. Семёнова и С.И. Захарцев пишут, что противодействие терроризму, особенно кибертерроризму, требует особого подхода с точки зрения разработки масштабных стратегий и политики, которые должны быть как можно более инклюзивными. Другими словами, реагирование на терроризм включает в себя не только усилия правоохранительных органов, для чего могут потребоваться даже обычные военные, оно также включает в себя привлечение усилий всех сторон включая правительство, частный сектор и многонациональные агентства, всех кто заинтересован в том, чтобы ответить на этот призыв современности. Эти усилия могут варьироваться от разработки новых тактик и стратегий эффективного противодействия терроризму до разработки законодательства и налаживания двустороннего и многостороннего сотрудничества, направленных на достижение глобального консенсуса, сделать все необходимое, в рамках общепринятых принципов права и справедливости» [12, с. 84]. Безусловно, сотрудничество всех обозначенных авторами данного исследования государственных органов и общественных организаций предполагает его направленность на достижение единой цели – оптимальных и гармоничных взаимоотношений людей в обществе, основанных на доверии к друг другу, обществу и государству с учетом глобальной необходимости противостояния негативным вызовам современности в виде терроризма во его проявлениях, в том числе, и всех разновидностей кибертерроризма.

Авторы монографии «Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации» отмечают, что современное право лишено возможности быстрого, оперативного воздействия на них. Право в современных условиях социальной действительности должно обладать упреждающим характером и способностью действовать наперед для локализации возникновения рисков и их последствий, и поэтому праву требуется находить баланс между правовой и информационной действительностью» [14, с. 199]. По нашему мнению, действительно, настало время обратить пристальное внимание на упреждающий характер права. Однако, учитывая то обстоятельство, что новые нормы права появляются только при возникновении соответствующих общественных отношений и необходимости их правового регулирования, посредником между правовом и информационной действительностью, между законом и виртуальной реальностью должна стать формирующаяся под воздействием позитивных и не очень позитивных последствий становления постиндустриального общества современная правовая культура, которая предполагает знание основных принципов права и норм действующего законодательства. Бесспорно, все это означает появление дополнительной нагрузки в и так очень перегруженной работе соответствующих органов. Тем не менее, в соответствии со ст. 18 Конституции РФ, «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [1].

Иинформационно-технологический прогресс невольно навязывает свои условия, связанные с его реализацией, в которых все заинтересованные субъекты должны приспособиться и адаптироваться. Этот процесс приспособления к информационному обществу для всей системы права весьма сложный и неоднозначный, влекущий за собой совершенствование механизма государства и его законотворческой деятельности [14, с. 296]. Поэтому, государство должно модернизировать процесс правового регулирования, применяя научные основы к процессу правотворчества и правоприменения, в том числе, связанные с развитием информационной сферы [14, с. 296]. По нашему мнению, налицо потребность в формировании такого режима правовой жизни общества, когда в борьбе с негативными последствиями формирования киберпространства объединяют свои усилия и принудительная сила государства, и все соционормативно-регулятивные возможности общества. Будучи обусловленной и с тем, что исходит от государства, и с тем, что связывает ее с обществом, правовая культура способствует складыванию разумного баланса интересов всех слоев общества [2, с. 26].

Примечательно, что на данную ситуацию обращал свое внимание и В.С. Нерсесянц. Он писал о важности той роли, которую право с самого начала своего появления стало играть в системе социально-нормативного регулирования общественных отношений. С этим, действительно, невозможно не соглашаться. Однако при этом он отмечал, что несмотря на всю свою относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами. Другие социальные регуляторы, в число которых входят моральные, религиозные, этические нормы, а также традиции и обычаи, в течение всего исторического процесса способствовали налаживанию оптимальных взаимоотношений в обществе. Основываясь на комплексности всех функционирующих в обществе нормативно-регулятивных систем, взаимодействие права с другими социальными регуляторами и на их системную целостность, В.С. Нерсесянц пишет, что «поиски оптимальных вариантов сочетания правовых форм воздействия с регулятивными возможностями других социальных норм являются одной из центральных задач всей социальной политики» [11, с. 84].

Другие отечественные исследователи обращали свое внимание на данную ситуацию. Рассматривая проблему научного понимания и восприятия мононормы первобытного общества вымыслом ученых или же объективной реальностью, Т.В. Кашанина пишет о том, что «многие наши современники тоже не задумываются над тем, какую норму они выполняют» [5, с. 231]. Она обращает внимание на то, что «для многих людей кощунственно будет звучать даже сама постановка такого вопроса: ты не убиваешь других людей только потому, что за нарушение этой правовой нормы получишь суровое наказание?» [5, с. 231]. Таким образом, Т.В. Кашанина отмечает то самое примечательное в характеристике мононормы, что имеет первостепенное значение и играет главную роль в процессе воздействия на сознание и поведение людей, и которое заключается в том, что и для наших современников ««не убей» – это одновременно и правовая, и религиозная, и моральная норма, и норма обычаев и т.д., т.е. норма единая и недифференцированная» [5, с. 231]. По нашему мнению, именно сочетание стабилизирующих общественные отношения возможностей функционирующих в обществе традиционных социальных норм с правовым регулятором способствует формированию в стране соответствующего духу времени специфического правового режима. Несмотря на то, что главными факторами становления правового режима являются обеспечивающие устойчивый характер правовой жизни общества основные правовые принципы и нормы действующего законодательства, на его специфику огромное влияние оказывает совокупность всех остальных соционормативных регуляторов, которые «не остаются вне поля зрения общественного мнения и играют соответствующую роль при выборе определенной модели поведения» [3, с. 54].

Отмечая специфику понятия «правовой режим», Н.И. Матузов и А.В. Малько обращают внимание на такую его характерную особенность, что он «призван обеспечить определенный (желаемый) социальный эффект, состояние, а также показать путь к подобному результату, способ, ведущий к нему» [10, с. 520]. По их мнению, «правовой режим отражает функциональную характеристику права. Это особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств, создающий требуемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права» [10, с. 520]. По нашему мнению, понятие «киберпространство» нельзя воспри-

нимать как некоторое абстрактное явление в жизни людей и общества. Киберпространства, с одной стороны, не может быть без составляющих его структурных элементов, а с другой – киберпространство проявляет сущностно-содержательные стороны своей природы только при соприкосновении и восприятии людьми. Поэтому мы можем себе позволить говорить и о специфической экологии киберпространства. На наш взгляд, понятия «социальное состояние» и «правовой режим» в данной ситуации имеют прямое отношение к специфике нашей современности и природе самого киберпространства и виртуальности.

По мнению Ю.А. Тихомирова, «сообщество людей, правовой человек находятся в фокусе закономерных воздействий, и поэтому важно представить, каким образом происходит отражение процессов в жизни человеческого общества. Главное здесь – это сознание людей, воспроизводящее мир и дающее им возможность действовать в своих целях» [15, с. 18]. «Люди столетиями привыкают к повторяющимся явлениям и событиям, и, сообразно этому, начинают мыслить инерционно. С научной точки зрения, для познания закономерностей мира необходимо развивать эвристическое мышление, которое позволяет человеку находить ответы на возникающие загадки развития и совершать правильные действия. К сожалению, нельзя признать хорошо развитым уровень креативного мышления у многих категорий людей, поскольку правосознание отстает и не позволяет правильно ориентироваться в «юридическом мире», принимать правильные решения» [15, с. 18]. Ю.А. Тихомиров подчеркивает необходимость правового воздействия «на сознание и поведение человека в правовой сфере, об обоснованном построении систем публичной власти и их эффективном воздействии на происходящие процессы» [15, с. 19]. По мнению Ю.А. Тихомирова, «сохранение преемственности устойчивых свойств экономической, социальной, политической и иной деятельности должно сочетаться с использованием комплекса средств активизации человеческого фактора» [15, с. 19–20]. По нашему мнению, обострение внимания Ю.А. Тихомировым на проблему эффективного воздействия систем публичной власти на происходящие в обществе процессы как нельзя лучше соответствует особенностям текущего времени.

В сегодняшних условиях упование только на возможности общества в воздействии на сознание и поведение людей с помощью имеющихся соционормативных регуляторов не совсем соответствует реальности, потому что именно у государства имеются средства и способы влияния как на процесс дальнейшего позитивного развития и совершенствования новых информационных технологий, так и на профилактику и нейтрализацию негативных последствий формирования и функционирования киберпространства. И только государство обладает способностью применить свою принудительную силу, подкрепленную нормами действующего законодательства в целях борьбы с виртуальной преступностью и кибермошенничеством. Поэтому вопросы, связанные с киберпространством, своевременно и в полном объеме постоянно должны быть на острие внимания и общества, и государства.

Библиографический список

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL:http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 26.02.2025).

2. *Галиев Ф.Х.* Правовая культура в информационном пространстве гражданского общества и правового государства // Юридическая мысль. 2011. № 3 (65). С. 25–31.

3. *Галиев Ф.Х.* Цифровые параметры правовой культуры // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 52–54.

4. *Захарцев С.И., Сальников В.П*. Философия и юридическая наука: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.

5. *Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права: учеб. Пособие / Т. В. Кашанина. – М.: Высшее образование, 2009. – 358 с.

6. *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография / А. Д. Керимов, И. Н. Куксин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 96 с.

7. *Липатов А.А., Купрейченко А.Б., Громова А.И., Шрадер Х.* Правильное общество / под ред. Ю.В. Веселова. – СПб.: Питер, 2015. – 256 с.

8. *Мальцев Г.В*. Очерки истории раннего права и государства: монография / Г. В. Мальцев. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 320 с.

9. *Марина Е.А., Мищенко Е.В., Никурадзе Н.О.* Общество, государство и право в условиях цифровой трансформации // Теория государства и права. 2024. № 3-1 (39). С. 191–201.

10. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 528 с.

11. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА*М, 1999. – 552 с.

12. *Семёнова И.В., Захарцев С.И.* Кибертерроризм как дестабилизирующий фактор, источник которого расположен вне сети // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 2. С. 79–87.

13. *Сорокина Е.В.* Гарантии государственной защиты информационных прав и свобод человека и гражданина // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 1. С. 103–109.

14. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

15. *Тихомиров Ю.А.* Законы общества и окружающего мира: монография. – М.: Проспект, 2023. – 152 с.

Для цитирования: *Галиев Ф.Х., Маруков А.Ф.* Теоретико-прикладные аспекты влияния киберпространства на правовую культуру современного общества // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 48 –54 .

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_48

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF THE INFLUENCE OF CYBERSPACE ON THE LEGAL CULTURE OF MODERN SOCIETY

Farit Kh. Galiev[*]
Alexander F. Marukov[*]*

Annotation. *The legal culture of a society is not formed overnight; it develops and improves throughout the life of a state-educated society. The specifics of the situation in which modern society finds itself in connection with the emergence of cyberspace are reflected in the peculiarities of its legal culture. This situation makes it necessary to study the specific nature of cyberspace, which, despite all its virtuality, has a huge impact on the specifics and content of emerging social relations and needs legal regulation. At the same time, the dynamics of legal and cultural processes is directly related to the peculiarities of the development of society and is characterized by the presence of examples of not only legitimate, but also illegal behavior of people. Therefore, the legal regulation mechanism is faced with the task of ensuring the protection of cyberspace from the possibility of unlawful acts by persons with antisocial behavior.*

Keywords: *state, law, society, virtual reality, cyberspace, cybercriminals, legal regulation, mechanism of legal regulation, legal awareness, legal culture.*

Cyberspace is a complex phenomenon with its own specific nature. Of course, the emergence of cyberspace and the virtual world is due to many factors dictated by the current level of scientific thought. The most important of these factors is that humanity has reached another height in its scientific and technological development and is striving to comprehend the secrets of the virtual world for the further development and improvement of cyberspace. Modern electronic technologies are proof that today's society is facing discoveries that in the past could have been evaluated and perceived solely as something from the world of fiction. Only the usual situation is complicated by the fact that, once within the limits of virtual reality and already conforming to its patterns, cyberspace begins to subjugate the actual reality, forcing people who are accustomed to trust everything that comes from government agencies, official organizations and officials working in them, to take at face value the information coming from cybercriminals and fraudsters acting on behalf of government agencies. In such cases, behavioral attitudes that have been the basis of the legal culture of society until recently begin to play a huge role, gradually returning public consciousness to the established reality and forcing people to start paying serious attention to everything that cyberspace presents to them and what has a virtual nature.

The realities of today are such that people should get used to all the surprises and "surprises" of an infringing nature that the next round in the development of civilization presents, always be ready for changes in their lives related to new information technologies, and at the same time strive to make the most of the opportunities offered by virtuality. On the one hand, indeed, the availability of the Internet, the possibility of wireless negotiations and calculations, the use of computer technology, is certainly evidence of the breakthrough development of the intellectual capabilities of mankind.

[*] **Galiev Farit Khatipovich**, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law at the Institute of Law Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

[**] **Marukov Alexander Fedorovich,** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Law Institute. E-mail: afmarukov@yandex.ru

On the other hand, the lack of a traditional paper (documented) and stamped basis for certain official papers that carry the necessary information and require an appropriate response from people who are accustomed to responsibly and conscientiously perform all their civic duties puts these same people in an unusual position, forcing them to perceive reality as a kind of institutionalized phenomenon.

However, the formation of cyberspace is a complex process and is accompanied by consequences that are not always positive. Nevertheless, researchers of this phenomenon do not always pay attention to the complications in the life of modern society, which are caused by the rapid development of electronic technologies and the use of their capabilities for selfish and criminal purposes.

Thus, the intrusion of electronic capabilities into the habitual course of people's lives contributes to the emergence of new social relations, which, as a rule, is accompanied by the need for their regulatory regulation, the search for new forms, methods and methods of influencing emerging unusual situations. As Yu.A. Tikhomirov emphasizes, due to the fact that "virtuality remains largely unknown, and we have to talk about the gradual legal development of virtual space" [15, p. 89]. Moreover, it requires not only legal regulation of public relations generated by this new phenomenon in human society, but also simultaneous research of this phenomenon and, based on the data of these studies, legal support for the functioning, further development and improvement of virtuality, as well as the use of all this for the benefit of society and the state through legal opportunities, without allowing opportunities for the emergence of negative consequences, in other words, to ensure a kind of ecology of cyberspace.

At the same time, despite the ability of law to bring everything that happens in society and the state to the right state through legal regulation, the legal impact of the state on public relations needs to be supported by all other social norms functioning in modern society.

This situation is due to the fact that modern electronic technologies, which in the recent past could indeed be perceived as inventions of science fiction writers, in some cases, in the absence of control, free those who own them from the traditional human obligation to obey those socionormative regulators that have always ensured the optimality of public relations: morality, religion, ethics, traditions, customs, etc. It is well known that for centuries these regulators of public relations have created the possibility of harmonizing relations in society without much control from law enforcement agencies and the use of state coercion, which has not always been positively perceived and evaluated by the public consciousness.

In our opinion, the increasing incidence of unreliable behavior by individual representatives of modern society and the increase in the number of crimes related to the use of cyberspace indicate the complexity and versatility of all phenomena related to virtuality, which creates the need to consider this problem from two perspectives. On the one hand, it is certainly necessary to recognize the presence in modern society of people with delinquent behavior, from which no state was free in the past, and the absence of which cannot be noted in any modern state.

On the other hand, a society accustomed to trusting everything related to the activities of government agencies and official organizations, including officials involved in the work of these structures, has found itself in a state of absolute helplessness in front of modern fraudsters who have skillfully adapted to the achievements of new electronic technologies. Criminals of all stripes, ranging from lone telephone scammers to organized groups, use the vast, all-encompassing and penetrating into all spheres of human life. In recent years, a society that has already suffered from nihilism in all its manifestations has received a huge negative impulse regarding the trust in the activities of those structures on whose behalf cybercriminals act.

The authors of the monograph "The Right Society" note that "at the present stage of studying trust in the social sciences, researchers' attention is increasingly focused on the specifics of its various types, as well as on the analysis of trust and distrust as autonomous phenomena" [7, p. 161]. Of course, this is due to the fact that "social interaction often takes place in conditions of high uncertainty, in the absence of regulation and the possibility of control. In these conditions, the most common form of relationship is a combination of trust and distrust" [7, p. 161]. By and large, control and regulation of appropriate actions are necessary not only to ensure the regime of certainty and predictability of the consequences of society's assimilation of all the positive things that new technologies bring, but also to prevent and prevent possible encroachments by various offenders on human and civil rights and freedoms committed using Internet opportunities.

Considering law as a phenomenal phenomenon inherent in civilization, G.V. Maltsev emphasized that "the world today has entered a period of political uncertainty and doubt, and globalization schemes focused on the future of the world economy leave unanswered questions about the socio-political prospects of humanity" [8, p. 310]. He lamented that "the problem of the future of the state in a post-industrial, information society remains in darkness and ambiguity, and we do not clearly understand this society itself" [8, p. 310]. In our opinion, emphasizing all this, G.V. Maltsev was absolutely right, indeed, we can only assume and predict the specifics of the state of the future. At the same time, as G.V. Maltsev noted, "only the state has the monopoly to issue laws and form legislation, levy taxes from the population, apply legitimate physical violence to persons who violate the law, carry out criminal prosecution, maintain prisons, correctional institutions, etc." [8, p. 317].

And these opportunities, which the state possesses as a political organization of power in society, allow it to ensure optimal social relations in the country.

Undoubtedly, the law has always been and remains one of the most effective means of ensuring the political regime of power in the state. However, not everything remains constant and unchangeable in the relationship between the state and law, and many things change under the influence of various factors. As many researchers have noted, the current reality for society is losing its transparency and clarity, "as it is difficult to cope with the emerging negative consequences (for example, problems of cybersecurity of data and the growth of IT crime; digital inequality of the population

and digital illiteracy (technologies are developing faster than digital competencies and skills are being formed); economic inequality (digitalization of the economy leads to the development of monopoly structures, an increase in economic rents, a sharp difference in incomes of the population, living standards), etc.). Therefore, "there is a need to create a mechanism for state regulation of public relations through modernization of the management system and methods, as well as the legal system" [9, p. 193].

"Under the described conditions, the digital transformation of society requires: flexibility in managing social processes, both on the part of the state and society itself; increased skills in resisting suddenly changing conditions of functioning of society and the state; transparency and unity of the state's information policy, since an overabundance of information, the spread of "fakes", etc. leads to its "incomprehensibility" and hence the need to "be able to question information" [9, p. 193]. In our opinion, the problem of the ability to "sift through" and verify the information received can be solved only if the recipient of the information, on the one hand, is fairly familiar with the current situation and, on the other hand, is aware of fraudulent tricks and schemes that infringe on his rights and freedoms. and, above all, on his financial well-being. It is also impossible to put aside the issue of citizens' preparedness to perceive these same negative consequences, which implies the presence, in addition to a general level of education, and certain knowledge about the political, economic and social situation in the country. In this regard, the observations of A.D. Kerimov and I.N. Kuksin, who note that "we are talking about an understanding by an increasing number of people of the seemingly obvious fact that education is necessary not so much for anything (career growth, high earnings, etc.), but first of all it is necessary in itself, because it reflects an immanent property of human nature – the strongest and the irresistible desire for knowledge and self-knowledge, comprehension of previously unknown laws of the objective world, and thus represents an unquestionably independent value" [6, p. 40]. As S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov emphasize, "the importance of everyday legal awareness is very great. It is a kind of indicator of the effectiveness of legal norms" [4, p. 258].

In the Russian Federation, from the standpoint of legal theory, legislative regulation and law enforcement practice, all or at least the basic guarantees of state protection of information rights and freedoms of man and citizen are recognized, consolidated and applied," writes E.V. Sorokina. At the same time, she notes that the application of one or another type of guarantees in isolation and separately from others cannot be considered an effective tool in the mechanism of ensuring information rights and freedoms of man and citizen. Only their combined application (guarantees) will make it possible to achieve solutions to the challenges facing the state in the field of respect for information rights and freedoms of man and citizen," concludes E.V. Sorokina. This follows from a number of points: a common object and subject of protection, a single state mechanism and the dialectical connection of all elements [13, p. 107].

In turn, I.V. Semenova and S.I. Zakhartsev write that countering terrorism, especially cyberterrorism, requires a special approach in terms of developing large-scale strategies and policies that should be as inclusive as possible. In other words, responding to terrorism involves not only the efforts of law enforcement agencies, which may require even conventional military personnel, but also involves the involvement of all parties, including the Government, the private sector, and multinational agencies, all interested in responding to this modern call. These efforts can range from the development of new tactics and strategies for effectively countering terrorism to the development of legislation and the establishment of bilateral and multilateral cooperation aimed at achieving global consensus, to do everything necessary within the framework of generally accepted principles of law and justice" [12, p. 84]. Of course, the cooperation of all government agencies and public organizations identified by the authors of this study presupposes its focus on achieving a single goal – optimal and harmonious relationships between people in society based on trust in each other, society and the state, taking into account the global need to confront the negative challenges of modernity in the form of terrorism in its manifestations, including all types of cyberterrorism.

The authors of the monograph "The theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization" note that modern law lacks the possibility of rapid, operational impact on them. Law in modern conditions of social reality should have a proactive character and the ability to act in advance to localize the occurrence of risks and their consequences, and therefore the law needs to find a balance between legal and informational reality" [14, p. 199]. In our opinion, it is indeed time to pay close attention to the proactive nature of the law. However, given the fact that new legal norms appear only when appropriate social relations arise and their legal regulation is necessary, a modern legal culture that is formed under the influence of positive and not very positive consequences of the formation of a post-industrial society, which presupposes knowledge of the basic principles of law and virtual reality, should become an intermediary between legal and informational reality, between law and virtual reality. the norms of the current legislation. Undoubtedly, all this means the appearance of an additional burden in the already very overloaded work of the relevant authorities. Nevertheless, in accordance with Article 18 of the Constitution of the Russian Federation, "Human and civil rights and freedoms are directly applicable. They determine the meaning, content and application of laws, the activities of legislative and executive authorities, local self-government and are provided with justice" [1].

Information and technological progress unwittingly imposes its own conditions related to its implementation, in which all stakeholders must adapt and adapt. This process of adaptation to the information society for the entire legal system is very complex and ambiguous, entailing the improvement of the mechanism of the state and its legislative activity [14, p. 296]. Therefore, the state should modernize the process of legal regulation by applying scientific foundations to the process of law-making and law enforcement, including those related to the development of the information sphere [14, p. 296]. In our opinion, there is a need for the formation of such a regime of the legal life of society, when both the coercive force of the state and all the socionormative and regulatory capabilities of society combine their efforts in combating the negative consequences of the formation of cyberspace. Being conditioned by both what comes from the state and what binds it to society, legal culture contributes to the formation of a reasonable balance of interests of all strata of society [2, p. 26].

It is noteworthy that V.S. Nersesyants also paid attention to this situation. He wrote about the importance of the role that law, from the very beginning of its appearance, began to play in the system of socio-normative regulation of public relations. It's really impossible to disagree with this. However, he noted that despite its relative independence, law, like other types of social norms, performs its specific regulatory functions not in isolation and in isolation, but in a single complex and in close cooperation with other social regulators. Other social regulators, including moral, religious, ethical norms, as well as traditions and customs, have contributed to the establishment of optimal relationships in society throughout the historical process. Based on the complexity of all regulatory systems functioning in society, the interaction of law with other social regulators and their systemic integrity, V.S. Nersesyants writes that "the search for optimal options for combining legal forms of influence with the regulatory capabilities of other social norms is one of the central tasks of the entire social policy" [11, p. 84].

Other Russian researchers have drawn their attention to this situation. Considering the problem of scientific understanding and perception of the mononorm of primitive society by the fiction of scientists or by objective reality, T.V. Kashanina writes that "many of our contemporaries also do not think about what norm they fulfill" [5, p. 231]. She draws attention to the fact that "for many people, even the very statement of such a question will sound blasphemous.": Don't you kill other people just because you will receive severe punishment for violating this legal norm?" [5, p. 231]. Thus, T.V. Kashanina notes the most remarkable thing about the characterization of the mononorm, which is of paramount importance and plays a major role in the process of influencing people's consciousness and behavior, and which lies in the fact that for our contemporaries, "do not kill" is both a legal, religious, moral norm, and a norm of customs, etc., that is, the norm is unified and undifferentiated" [5, p. 231]. In our opinion, it is the combination of the possibilities of traditional social norms functioning in society that stabilize social relations with the legal regulator that contributes to the formation of a specific legal regime in the country corresponding to the spirit of the times. Despite the fact that the main factors in the formation of the legal regime are the basic legal principles and norms of current legislation that ensure the stable nature of the legal life of society, its specifics are greatly influenced by the totality of all other socionormative regulators, which "do not remain outside the field of public opinion and play an appropriate role in choosing a certain model of behavior" [3, p. 54].

Noting the specifics of the concept of "legal regime", N.I. Matuzov and A.V. Malko draw attention to its characteristic feature that it "is designed to provide a certain (desired) social effect, condition, and also show the way to such a result, the way leading to it" [10, p. 520]. In their opinion, "the legal regime reflects the functional characteristic of law. This is a special order of legal regulation, expressed in a certain combination of legal means, creating the required social condition and a specific degree of favorability or unfavorability to meet the interests of legal entities" [10, p. 520]. In our opinion, the concept of "cyberspace" cannot be perceived as some abstract phenomenon in the life of people and society. Cyberspace, on the one hand, cannot exist without its constituent structural elements, and on the other, cyberspace manifests the essential aspects of its nature only when people come into contact and perceive it. Therefore, we can afford to talk about the specific ecology of cyberspace. In our opinion, the concepts of "social status" and "legal regime" in this situation are directly related to the specifics of our modernity and the nature of cyberspace and virtuality itself.

According to Yu.A. Tikhomirov, "a community of people, a legal person, are in the focus of natural influences, and therefore it is important to imagine how processes in the life of human society are reflected. The main thing here is the consciousness of people, reproducing the world and giving them the opportunity to act for their own purposes" [15, p. 18]. "People have been getting used to repeated phenomena and events for centuries, and, accordingly, they begin to think inertially. From a scientific point of view, in order to understand the laws of the world, it is necessary to develop heuristic thinking, which allows a person to find answers to the emerging riddles of development and perform the right actions. Unfortunately, the level of creative thinking in many categories of people cannot be recognized as well-developed, since legal awareness lags behind and does not allow one to properly navigate the "legal world" and make the right decisions" [15, p. 18]. Yu.A. Tikhomirov emphasizes the need for legal influence "on human consciousness and behavior in the legal sphere, on the sound construction of public power systems and their effective impact on ongoing processes" [15, p. 19]. According to Yu.A. Tikhomirov, "the preservation of the continuity of stable properties of economic, social, political and other activities should be combined with the use of a set of means to activate the human factor" [15, pp. 19–20]. In our opinion, the aggravation of Yu.A. attention Tikhomirov's approach to the problem of the effective impact of public power systems on the processes taking place in society perfectly corresponds to the peculiarities of the current time.

In today's conditions, relying only on society's capabilities to influence people's consciousness and behavior with the help of existing socionormative regulators does not quite correspond to reality, because it is the state that has the means and ways to influence both the process of further positive development and improvement of new information technologies, and the prevention and neutralization of the negative consequences of the formation and functioning of cyberspace. And only the state has the ability to use its coercive force, supported by the norms of current legislation, in order to combat virtual crime and cyberbullying. Therefore, issues related to cyberspace should always be at the forefront of the attention of both society and the state in a timely and comprehensive manner.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. URL:http://www.pravo.gov.ru / (date of reference: 02/26/2025).

2. *Galiev F.H.* Legal culture in the information space of civil society and the rule of law // Legal thought. 2011. No. 3 (65). pp. 25–31.

3. *Galiev F.H.* Digital parameters of legal culture // Eurasian Law Journal. 2012. No. 2 (45). pp. 52–54.
4. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science: a monograph. Moscow: Yurlitinform, 2019. 424 p.
5. *Kashanina T.V*. The origin of the state and law: textbook. Manual / T. V. Kashanina. Moscow: Higher Education, 2009. 358 p.
6. *Kerimov A.D., Kuksin I.N*. A strong state as a determining factor of social progress: a monograph / A.D. Kerimov, I. N. Kuksin. – M.: Norm: INFRA-M, 2017. – 96 p.
7. *Lipatov A.A., Kupreichenko A.B., Gromova A.I., Shrader H.* The Right Society / edited by Yu.V. Veselov. St. Petersburg: Peter, 2015. 256 p.
8. *Maltsev G.V.* Essays on the history of early law and the state: a monograph / G. V. Maltsev. Moscow: RAGS Publishing House, 2010. 320 p.
9. *Marina E.A., Mishchenko E.V., Nikuradze N.O.* Society, state and law in the context of digital transformation // Theory of the state and law. 2024. No. 3-1 (39). pp. 191–201.
10. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of state and law: textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. – 4th ed., ispr. and add. – M.: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2015. – 528 p.
11. *Nersesyants V.S.* General theory of law and the state. Textbook for law schools and faculties. – M.: Publishing group NORMA-INFRA*M, 1999. – 552 p.
12. *Semenova I.V., Zakhartsev S.I*. Cyberterrorism as a destabilizing factor, the source of which is located outside the network // Legal science: history and modernity. 2023. No. 2. pp. 79–87.
13. *Sorokina E.V.* Guarantees of state protection of information rights and freedoms of man and citizen // Legal science: history and modernity. 2023. No. 1. pp. 103–109.
14. The theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: a monograph / edited by S.A. Komarov. Moscow: Publishing House of MATGiP, 2022. 320 p.
15. *Tikhomirov Yu.A.* Laws of society and the surrounding world: a monograph. Moscow: Prospekt, 2023. 152 p.

For citation: *Galiev F.H., Marukov A.F.* Theoretical and applied aspects of the influence of cyberspace on the legal culture of modern society // Theory of state and law. 2025. No.4 (46). – P.54 – 58.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_48

Научная статья

УДК: 340.0 + 347.7
ББК: 67.0 + 67.3
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_59

А.А. Зотов*

КОНВЕРГЕНЦИЯ, ДИВЕРГЕНЦИЯ И КОГЕРЕНТНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО В ТОРГОВОМ ПРАВЕ РОССИИ XIX ВЕКА

Аннотация. *В статье рассматриваются процессы конвергенции, дивергенции и когерентности публично-правовых и частноправовых начал в российском торговом праве XIX века. Дается определение указанных понятий применительно к правовой сфере, обосновывается их взаимосвязь. Показано, что торговое право Российской Империи носило комплексный (гибридный) характер, соединяя в себе элементы частного (гражданско-торгового) и публичного (административно-финансового) регулирования. Анализируются исторические проявления сближения и разобщения этих начал: дореволюционные доктринальные споры о дуализме и монизме частного права, институциональные и кодификационные реформы. Делается вывод о значимости обозначенных процессов для эволюции отечественного торгового законодательства и современной науки предпринимательского права.*

Ключевые слова: *конвергенция права; дивергенция права; когерентность правовой системы; публичное право; частное право; торговое право Российской Империи XIX века; торговые обычаи (lex mercatoria); дуализм и монизм частного права; биржи и ярмарки; рецепция, гармонизация и унификация права.*

Современная российская правовая наука активно изучает такие явления, как «конвергенция», «дивергенция» и «когерентность» права. Эти понятия позволяют по-новому взглянуть на историю правовых систем, в том числе ретроспективно оценить право Российской Империи XIX века, особенно торговое право. Конвергенция права в широком смысле понимается как процесс взаимодействия между элементами внутри системы права, между правом и иными социальными регуляторами, а также между правовыми системами разных государств, который характеризуется сближением, увеличением числа связей между элементами и ростом согласованности их влияния на общественные отношения [5, с. 38–39]. Иными словами, в результате правовой конвергенции различные компоненты права вступают во все более тесное взаимодействие, формируя более целостное и согласованное правовое пространство.

Противоположным процессом выступает дивергенция права – дифференциация, расхождение и обособление правовых начал. Как отмечает О.Д. Третьякова, юридическая дивергенция – это сложный и многосторонний процесс, выражающийся в расхождении формы организации права, требований правовых норм, а также отдельных частей единой или родственных правовых систем [5, с. 48]. Таким образом, дивергенция означает увеличение разрыва между компонентами права, усиление их самостоятельности и уменьшение взаимосвязей.

Понятие когерентности права отражает степень внутренней согласованности и связанности правовой системы. Когерентность достигается как результат успешной конвергенции: это совпадение требований права и закона, внутренняя и внешняя согласованность правовых норм и институтов [5, с. 137]. В контексте дихотомии частного и публичного права когерентность можно понимать как цель правотворческого процесса, направленного на упорядочение и совершенствование законодательства в той или иной сфере [5, с. 191]. Иными словами, когерентность свидетельствует о том, что правовая система стала целостной и непротиворечивой, устранены коллизии между различными началами (например, частноправовым и публично-правовым), что повышает эффективность правового регулирования.

***Зотов Андрей Андреевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: zotov6116194@xmail.ru

Концепция разделения права на публичное и частное была воспринята российской доктриной из римско-правовой традиции, однако на практике абсолютно разграничить эти начала невозможно. Как отмечают исследователи, отрасли права в «чистом» виде практически не встречаются: каждая отрасль в той или иной мере включает нормы как частноправового, так и публично-правового характера [3, с. 51]. В реальной юридической практике частное и публичное переплетены, образуя комплексные правовые образования. Такой комплексный характер правовых отраслей можно рассматривать как проявление конвергенции права, когда разные начала взаимопроникают друг в друга, несмотря на теоретическое разграничение.

Ещё советский и постсоветский опыт правопонимания указывает, что отождествление права с законодательством приводит к недооценке роли негосударственных регуляторов и смешению публичного и частного начал. Н.М. Коршунов справедливо подчеркнул, что тесная связь между публичным и частным правом в рамках единого законодательства позволяет видеть в них «две стороны одного и того же отношения» [4, с. 26]. Иначе говоря, государственно-властные (публичные) и частно-автономные элементы права нередко выступают как взаимодополняющие аспекты правового регулирования, а не как абсолютно изолированные сферы.

На этом теоретическом фоне конвергенция права предстаёт как объективный процесс сближения начал, направленный на преодоление жесткого дуализма. Её результатом становится более когерентная (согласованная) правовая система, в которой частное и публичное начала гармонично сочетаются. Напротив, дивергенция представляет обратное явление – расслаивание права на обособленные части, утрата единства. Юридическая дивергенция может происходить параллельно на нескольких уровнях: между нормативными актами и живым правом, между различными отраслями законодательства, между национальными системами и т.д. Как правило, в истории права фазы конвергенции и дивергенции чередовались, отражая изменения социально-экономических условий и идеологических подходов к праву.

Применительно к торговому праву XIX века конвергенцию, дивергенцию и когерентность можно рассматривать через призму взаимоотношения частноправовых и публично-правовых начал. Под конвергенцией здесь понимается процесс исторического взаимодействия и взаимопроникновения норм частного (торгово-гражданского) и публичного (административно-торгового, финансового, полицейского) права, происходивший на основе системной трансформации правовых институтов и принципов. Такой процесс вел постепенно к появлению более цельной, когерентной системы торгового законодательства. Когерентность торгового права к концу XIX века можно охарактеризовать как достигнутую степень внутренней согласованности этой отрасли, когда в основных чертах сложилась целостная модель, объединяющая элементы обоих начал в единое гармонизированное целое.

В дореволюционной России проблема соотношения частного и публичного в торговом праве была предметом острых дискуссий среди юристов. Практика показывала, что торговое право по самой природе своей носит двойственный характер. Еще современники отмечали, что торговля как вид деятельности сопряжена одновременно с частными интересами участников оборота и с публичными интересами государства и общества. Так, Д. И. Азаревич указывал, что торговое право по природе сочетает две группы правоотношений: с одной стороны, нормы, касающиеся отношений между частными лицами (купцами, торговыми партнерами), а с другой – нормы, охраняющие публичный интерес (государства и общества) в сфере торговли [1, с. 6]. В подтверждение он приводил примеры: к публично-правовым элементам торгового регулирования относились установления государственного права о правовом статусе купечества, полицейские правила об организации торговли и надзоре за ярмарками и биржами, финансовые нормы о налогах и сборах с торговли, уголовные санкции за нарушения торговых правил. Одновременно даже в сугубо коммерческих институтах – таких как коммерческие суды (торговая юстиция) или институт несостоятельности (банкротства) – по словам Азаревича, переплетались частные и публичные начала [1, с. 6]. Таким образом, уже в XIX веке осознавалось, что торговое право не укладывается полностью ни в схему частного гражданского права, ни в схему публичного административного права – оно являлось сложным комплексом того и другого.

Схожей позиции придерживался и другой видный ученый – Г. Ф. Шершеневич. Хотя в своих ранних трудах Шершеневич определял торговое право преимущественно как прикладную (специальную) часть гражданского права, он признавал наличие у него самостоятельных особенно-

стей [7, с. 24]. Шершеневич предлагал учитывать в правовом регулировании торговли как частные интересы оборота, так и публичные интересы государства. Он прямо писал о существовании особого «публичного торгового права» внутри комплекса торгового законодательства, включающего административные, уголовные и финансовые нормы, направленные на регламентацию торговли с позиций публичного порядка [7, с. 24]. Вместе с тем Шершеневич подчёркивал, что торговое право исторически не может быть сведено исключительно к частному праву, поскольку значительная часть норм служила охране публичных интересов – особенно в тот период, когда торговое право рассматривалось как сословное «право купечества» (jus mercatorum), а не абстрактное «право торговли» (jus mercaturae) [7, с. 24]. Он отмечал, что в дореформенный период торговое законодательство выражало интересы купеческого сословия, устанавливая их права, привилегии (например, право на особый мундир, дворянские титулы для крупных гильдий) и обязанности, а также ограничивало допуск к занятию торговлей лиц несоответствующих сословий. Эти нормы имели ярко выраженный публично-правовой характер. С другой стороны, собственно коммерческие сделки и обязательства регулировались преимущественно нормами гражданского (частного) права, что придавало торговому праву вторую, частноправовую сторону [7, с. 24].

Таким образом, уже по состоянию на середину XIX века российское торговое право представляло собой гибридную (смешанную) отрасль. Формально оно было включено в систему законодательства как часть Свода законов и имело вид отдельных законоположений (прежде всего Устава торгового), однако содержательно объединяло нормы разного характера. Анализ законодательства второй половины XIX века показывает, что торговые нормы были рассеяны по множеству актов. В Своде законов Российской Империи они присутствовали во всех 15 томах, и большинство из них относилось к сферам, традиционно считающимся публично-правовыми (таможенные правила, положение о сословиях, уголовные наказания за торговые правонарушения, законы о государственных учреждениях, ведающих торговлей и промышленностью и т.п.). Даже собственно Торговый устав (содержащий материальные нормы торгового оборота) и смежные с ним разделы Законов гражданских были более чем на три четверти составлены из императивных норм публичного характера. Государство рассматривало торговлю как область, требующую регулирования в государственных интересах (контроль, сбор налогов, пресечение преступлений и злоупотреблений), что проявилось в преобладании административных и полицейских предписаний. Тем не менее, это доминирование публично-правового элемента не уничтожило частноправовую основу торговых отношений.

П. П. Цитович, один из первых российских коммерциалистов, отмечал фрагментарность и несистемность действовавшего торгового законодательства Российской Империи, воплощенного в Уставе торговом [6, с. 87–88]. По его оценке, Устав торговый представлял собой скорее собрание разрозненных регламентов о торговле, нежели цельный кодекс торгового права [там же]. Многочисленные пробелы в правовом регулировании восполнялись посредством обращения к торговым обычаям и к общему гражданскому законодательству [там же]. Фактически дела торгового оборота решались на основе частноправовых норм диспозитивного характера – привычных коммерческих обычаев и норм гражданского кодекса, применяемых субсидиарно. Таким образом, обычай и гражданское право де-факто служили опорой торгового права, что означало невозможность ограничить последующее развитие этой отрасли исключительно публичной плоскостью. Когда суд или администрация восполняли пробелы торгового устава ссылкой на обычай, происходило институциональное признание негосударственных, частно-автономных источников права. Это, по сути, предвосхищало идею конвергенции: правильное понимание торгового права требовало рассматривать частные интересы предпринимателей и публичные интересы государства в единой связке [там же].

Характерной формой внутренней правовой конвергенции выступала также кодификация торгового законодательства. В XIX веке в России происходила постепенная институционализация торгового права: из разрозненных указов и норм складывался отдельный институт торгового законодательства. В 1830–1850-е годы государство предприняло несколько попыток систематизировать нормы, относящиеся к торговле. Были изданы Уставы торговые 1832, 1845 и 1857 годов – первые законодательные акты, специально посвященные регулированию торгового оборота. Тем самым предпринималась попытка создать относительно автономный корпус торгово-

го законодательства, отделенный от общего гражданского права – то есть налицо был процесс внутренней юридической конвергенции, интегрировавшей торговые нормы в одну отраслевую систему. Однако, как справедливо указывает В. А. Белов, развитие этого нормативного массива в первой половине XIX в. шло не по пути усиления частноправового начала, а скорее в сторону усложнения и разрастания публично-правового материала [2, с. 27]. Каждая новая редакция Устава торгового дополнялась все новыми императивными предписаниями, часто казуистичного характера, в основном административно-полицейского свойства [там же]. В результате доля частноправовых норм в Уставах даже сокращалась: если в редакции 1832 г. они составляли около 10,5% статей, то в редакции 1857 г. – лишь около 8,3% [там же]. Таким образом, несмотря на либеральные Великие реформы 1860-х гг., направленные на развитие частной инициативы в экономике, область торгового права развивалась в противоположном направлении – увеличивая государственное вмешательство и регламентацию. Эта динамика отражает процесс дивергенции внутри торгового права: публичные и частные начала в течение XIX века отчасти расходились, конкурировали между собой, хотя и оставались внутри единой отрасли.

Опыт развития торгового права Российской Империи в XIX веке демонстрирует сложное взаимодействие публичного и частного начал, проходившее под знаком как конвергенции, так и дивергенции. С одной стороны, государство стремилось подчинить торговый оборот своим интересам, насыщая законодательство императивными нормами и контролируя ключевые сферы торговли. С другой – реальные потребности оборота диктовали опору на частноправовые механизмы, обычаи и свободу договора, без которых коммерческая жизнь невозможна. Конвергенция публичного и частного проявилась в формировании гибридных институтов (коммерческие суды, банкротства, торгово-промышленные товарищества), в кодификационных актах (Уставы торговые), вобравших элементы разных правовых подходов, а также в доктринальном осознании комплексной природы торгового права. Одновременно имела место дивергенция: к концу столетия публичные нормы стали преобладать над частными.

Изучение этих процессов имеет не только историко-правовое, но и важное практическое значение. Перспективы развития современного предпринимательского права во многом связаны с продолжающейся конвергенцией публично-правовых и частных начал. В настоящее время мы видим усиление публично-правового регулирования экономических отношений (антимонопольное право, финансовый надзор, регулирование рынков и т.п.), что отдаленно напоминает тенденции XIX века. В то же время сохраняется фундаментальная частноправовая основа коммерческого оборота – свобода предпринимательства, договорная автономия, диспозитивность норм. Баланс и когерентность между этими началами остаются актуальной задачей правового развития. Исторический опыт показывает, что одностороннее преобладание какого-либо начала чревато снижением эффективности права: чрезмерная публичная регламентация душит инициативу, а абсолютная свобода без надзора ведет к злоупотреблениям. Опыт дореволюционного периода – когда Россия постепенно формировала собственную комплексную отрасль торгового права – служит уроком о важности гармонизации (согласования) различных элементов правовой системы.

Таким образом, конвергенционные процессы XIX века заложили фундамент для современного российского коммерческого (предпринимательского) права. Они показали возможность и плодотворность синтеза разных правовых начал и культур. Современное торговое право России, воспринявшее эстафету от дореволюционного, продолжает развиваться как самостоятельная комплексная отрасль, соединяющая частные и публичные начала. Понимание исторической логики этого развития помогает верно оценивать текущие реформы и тенденции (такие как унификация законодательства о предпринимательстве, взаимодействие национального права с наднациональными нормами и пр.). История торгового права XIX века наглядно демонстрирует, что движение к более связанному, когерентному правопорядку – через преодоление излишней дифференциации и заимствование лучшего опыта – является залогом прогресса правовой системы.

Библиографический список

1. *Азаревич Д. И.* Очерки по торговому праву. Вып. 1. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 88 с.

2. *Белов В. А.* Торговое (коммерческое) право: литературная энциклопедия. Книга 2. В преддверии первых концепций частного торгового (коммерческого) права (1832–1870): учебник для вузов / В. А. Белов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – С. 27.

3. *Козацкая В. Э., Толченкин Д. А., Толченкина М. Э.* Конвергенция в праве: идеалы, парадигмы, тенденции: учеб. пособие / под общ. ред. Н. И. Полищука. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – 96 с.

4. *Коршунов Н. М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 288 с.

5. Теория юридического взаимодействия: конвергенция и дивергенция в праве: курс лекций / О. Д. Третьякова [и др.]; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. – 320 с.

6. *Цитович П. П.* Очерк основных понятий торгового права. – Киев: Тип. И. Н. Кушнерева, 1886. – 258 с.

7. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права: учебник для вузов / сост. В. А. Белов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 303 с.

Для цитирования: *Зотов А.А.* Конвергенция, дивергенция и когерентность публичного и частного в торговом праве россии XIX века // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 59 –63.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_59

CONVERGENCE, DIVERGENCE, AND COHERENCE OF PUBLIC AND PRIVATE LAW IN 19TH-CENTURY RUSSIAN COMMERCIAL LAW

Andrey A. Zotov*

Annotation. *The article examines the processes of convergence, divergence, and coherence of public-law and private-law principles in the Russian trade law of the 19th century. Definitions of these concepts are provided as applied to the legal sphere, and their interrelation is substantiated. It is shown that the trade law of the Russian Empire had a complex (hybrid) nature, combining elements of private (civil-commercial) and public (administrative-financial) regulation. The article analyzes the historical manifestations of the rapprochement and disjunction of these principles: pre-revolutionary doctrinal debates on dualism and monism of private law, institutional and codification reforms. The conclusion emphasizes the significance of these processes for the evolution of national trade legislation and the modern science of business law.*

Keywords: *legal convergence; legal divergence; coherence of the legal system; public law; private law; trade law of the Russian Empire in the 19th century; trade customs (lex mercatoria); dualism and monism of private law; exchanges and fairs; reception, harmonization and unification of law.*

Modern Russian legal science is actively studying such phenomena as «convergence» «divergence» and «coherence» of law. These concepts allow us to look anew at the history of legal systems, including a retrospective assessment of the law of the Russian Empire in the 19th century, especially trade law.

In the broad sense, legal convergence is understood as a process of interaction among elements within the legal system, between law and other social regulators, as well as between the legal systems of different states – a process characterized by rapprochement, an increase in the number of connections between elements, and the growing consistency of their influence on social relations [5, pp. 38–39]. In other words, as a result of legal convergence, various components of law enter into increasingly close interaction, forming a more holistic and coherent legal space.

The opposite process is legal divergence – the differentiation, divergence, and isolation of legal principles. As O. D. Tretyakova notes, legal divergence is a complex and multidimensional process expressed in the divergence of the forms of organization of law, the requirements of legal norms, and the individual parts of a unified or related legal system [5, p. 48]. Thus, divergence means an increase in the gap between legal components, the strengthening of their autonomy, and the reduction of interrelations.

The concept of legal coherence reflects the degree of internal consistency and connectedness of a legal system. Coherence is achieved as the result of successful convergence – it represents the coincidence of the requirements of law and statute, the internal and external consistency of legal norms and institutions [5, p. 137]. Within the dichotomy of private and public law, coherence can be understood as the goal of the lawmaking process aimed at streamlining and improving legislation in a given field [5, p. 191]. In other words, coherence indicates that the legal system has become integral and non-contradictory: the collisions between various principles (for example, between private-law and public-law elements) are eliminated, which increases the effectiveness of legal regulation.

The concept of the division of law into public and private was adopted by Russian legal doctrine from the Roman legal tradition; however, in practice, it is impossible to absolutely separate these principles. As researchers note, branches

* **Zotov Andrey Andreevich** – Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Higher Education Institution "Yuridicheskiy Institut" (St. Petersburg). E-mail: zotov6116194@xmail.ru

of law in their «pure» form practically do not exist: each branch, to one degree or another, includes norms of both private-law and public-law character [3, p. 51]. In real legal practice, the private and the public are interwoven, forming complex legal structures. This complex character of legal branches can be viewed as a manifestation of legal convergence – when different principles penetrate each other despite theoretical demarcation.

Even Soviet and post-Soviet jurisprudence pointed out that the identification of law with legislation leads to an underestimation of the role of non-state regulators and to a blending of public and private principles. N. M. Korshunov rightly emphasized that the close connection between public and private law within a unified legislative framework allows one to see them as «two sides of the same relationship» [4, p. 26]. In other words, state-authoritative (public) and privately autonomous elements of law often act as complementary aspects of legal regulation rather than as absolutely isolated spheres.

Against this theoretical background, legal convergence appears as an objective process of rapprochement between these principles, aimed at overcoming rigid dualism. Its result is a more coherent legal system in which private and public elements harmoniously combine. Conversely, divergence represents the opposite phenomenon – the stratification of law into separate parts and the loss of unity. Legal divergence can occur simultaneously on several levels: between normative acts and living law, between different branches of legislation, and between national legal systems, etc. As a rule, in the history of law, the phases of convergence and divergence alternated, reflecting changes in socio-economic conditions and ideological approaches to law.

In relation to the trade law of the 19th century, convergence, divergence, and coherence can be viewed through the prism of the interaction between private-law and public-law principles.

Here, convergence is understood as a process of historical interaction and interpenetration of norms of private (commercial-civil) and public (administrative-trade, financial, and police) law, which occurred through the systemic transformation of legal institutions and principles. This process gradually led to the emergence of a more integrated, coherent system of trade legislation. The coherence of trade law by the end of the 19th century may be characterized as the achieved degree of internal consistency within the branch – when, in its main features, a unified model had developed, combining elements of both principles into a harmonized whole.

In pre-revolutionary Russia, the problem of the relationship between the private and the public in trade law was the subject of intense debate among jurists. Practice showed that trade law, by its very nature, had a dual character. Contemporaries already noted that trade as a type of activity was connected both with the private interests of market participants and with the public interests of the state and society.

Thus, D. I. Azarevich pointed out that trade law by its nature combines two groups of legal relations: on the one hand, norms concerning the relations between private persons (merchants, trading partners), and on the other – norms safeguarding the public interest (of the state and society) in the field of trade [1, p. 6]. To illustrate this, he provided examples: public-law elements of trade regulation included provisions of state law concerning the legal status of the merchant class, police rules on the organization of trade and supervision of fairs and exchanges, fiscal norms on taxes and duties on trade, and criminal sanctions for violations of trade rules.

At the same time, even in purely commercial institutions – such as commercial courts (trade justice) or the institution of insolvency (bankruptcy) – according to Azarevich, private and public principles were interwoven [1, p. 6]. Thus, already in the 19th century it was recognized that trade law did not fit fully into the scheme of private civil law or that of public administrative law – it was a complex synthesis of both.

A similar position was held by another prominent scholar – G. F. Shershenevich. Although in his early works Shershenevich defined trade law primarily as an applied (special) part of civil law, he acknowledged its independent features [7, p. 24]. Shershenevich proposed that trade regulation should take into account both the private interests of commerce and the public interests of the state.

He directly wrote about the existence of a special «public trade law» within the corpus of trade legislation, which included administrative, criminal, and fiscal norms aimed at regulating trade from the standpoint of public order [7, p. 24]. At the same time, Shershenevich emphasized that trade law could not historically be reduced solely to private law, since a significant portion of its norms served to protect public interests – particularly during the period when trade law was viewed as the corporate «law of merchants» (jus mercatorum), rather than as the abstract «law of trade» (jus mercaturae) [7, p. 24].

He observed that in the pre-reform period, trade legislation reflected the interests of the merchant estate, establishing their rights, privileges (for example, the right to a special uniform, noble titles for the higher guilds), and obligations, as well as restricting access to trade for persons of non-merchant estates. These norms had a distinctly public-law character. Conversely, actual commercial transactions and obligations were regulated mainly by norms of civil (private) law, which gave trade law its second, private-law side [7, p. 24].

By the mid-19th century, Russian trade law had already acquired a hybrid (mixed) character. Formally, it was incorporated into the legislative system as part of the Digest of Laws (Svod zakonov) and existed as individual legislative provisions (primarily the Commercial Charter – Ustav torgovyy). Substantively, however, it combined norms of different legal natures.

An analysis of the legislation of the second half of the 19th century shows that trade norms were dispersed across numerous acts. In the Digest of Laws of the Russian Empire, they were present in all 15 volumes, and most of them related to areas traditionally regarded as public-law domains (customs regulations, the statute on estates, criminal penalties for trade offenses, laws on state institutions overseeing trade and industry, etc.). Even the Commercial Charter itself (containing substantive norms of commercial circulation) and the related sections of the Civil Laws were composed of more than three-quarters of imperative public-law norms.

The state regarded commerce as a sphere requiring regulation in the interests of the state – through control, taxation, and the suppression of crimes and abuses. This was reflected in the predominance of administrative and police provisions. Nevertheless, this dominance of public-law elements did not destroy the private-law foundation of commercial relations.

P. P. Tsitovich, one of the first Russian commercial law scholars, noted the fragmentary and unsystematic nature of the trade legislation of the Russian Empire embodied in the Commercial Charter [6, pp. 87–88]. In his assessment, the Commercial Charter represented rather a compilation of disparate trade regulations than a coherent code of trade law [ibid.]. Numerous gaps in legal regulation were filled through the application of commercial customs and the general civil law [ibid.].

In practice, matters of trade circulation were decided on the basis of private-law norms of a dispositive character – customary commercial practices and civil law rules applied subsidiarily. Thus, custom and civil law effectively served as the foundation of trade law, making it impossible to confine its development purely to the public-law sphere. Whenever a court or administrative authority filled a gap in the Commercial Charter by reference to custom, it amounted to institutional recognition of non-state, privately autonomous sources of law. In essence, this foreshadowed the idea of legal convergence: a correct understanding of trade law required that the private interests of entrepreneurs and the public interests of the state be considered in unity [ibid.].

A characteristic form of internal legal convergence was also the codification of trade legislation. In the 19th century, Russia underwent a gradual institutionalization of trade law: from scattered decrees and provisions, a distinct body of trade legislation was taking shape.

In the 1830s–1850s, the state undertook several attempts to systematize the norms relating to commerce. The Commercial Charters (Ustavy torgovye) of 1832, 1845, and 1857 were enacted – the first legislative acts specifically dedicated to the regulation of trade relations. This represented an effort to create a relatively autonomous corpus of trade law, separated from general civil law – in other words, a process of internal legal convergence, integrating trade norms into a single sectoral system.

However, as V. A. Belov rightly points out, the development of this normative corpus in the first half of the 19th century did not proceed toward strengthening the private-law principle but rather toward the complication and expansion of public-law material [2, p. 27]. Each new edition of the Commercial Charter was supplemented with new imperative provisions, often casuistic in nature, mainly of an administrative-police character [ibid.].

As a result, the share of private-law norms in the Charters even decreased: whereas in the 1832 edition they constituted about 10.5% of the articles, by the 1857 edition they accounted for only about 8.3% [ibid.]. Thus, despite the liberal Great Reforms of the 1860s, aimed at developing private initiative in the economy, the sphere of trade law evolved in the opposite direction – increasing state intervention and regulation. This dynamic reflects a process of divergence within trade law itself: throughout the 19th century, public and private principles partially diverged and competed, although remaining within a single branch.

The development of trade law in the Russian Empire during the 19th century demonstrates the complex interplay of public and private principles, unfolding under the sign of both convergence and divergence. On the one hand, the state sought to subordinate trade circulation to its own interests by saturating legislation with imperative norms and controlling key sectors of trade. On the other hand, the real needs of commerce required reliance on private-law mechanisms, customs, and freedom of contract – without which commercial life was impossible.

The convergence of public and private manifested itself in the formation of hybrid institutions (commercial courts, bankruptcy procedures, trade-industrial partnerships), in codification acts (Commercial Charters) incorporating elements of various legal approaches, and in the doctrinal awareness of the composite nature of trade law. At the same time, divergence was also present: by the end of the century, public norms began to dominate over private ones.

The study of these processes has not only historical and legal but also significant practical relevance. The prospects for the development of modern entrepreneurial law are largely linked to the continuing convergence of public-law and private-law principles. Today, we witness an intensification of public-law regulation of economic relations (antimonopoly law, financial supervision, market regulation, etc.), reminiscent – albeit distantly – of the tendencies of the 19th century.

At the same time, the private-law foundation of commercial turnover – freedom of enterprise, contractual autonomy, and the dispositive nature of norms – remains fundamental. Achieving balance and coherence between these principles continues to be an essential task of legal development. Historical experience shows that the unilateral predominance of either principle reduces legal effectiveness: excessive public regulation stifles initiative, while absolute freedom without oversight leads to abuse.

The experience of the pre-revolutionary period – when Russia gradually formed its own complex branch of trade law – serves as a reminder of the importance of harmonizing (aligning) the diverse elements of the legal system.

Thus, the convergence processes of the 19th century laid the foundation for modern Russian commercial (entrepreneurial) law. They demonstrated the possibility and fruitfulness of synthesizing different legal principles and cultures. Modern Russian trade law, inheriting the legacy of its pre-revolutionary predecessor, continues to develop as an autonomous, complex branch combining private and public principles. Understanding the historical logic of this development makes it possible to properly evaluate current reforms and trends – such as the unification of entrepreneurial legislation and the interaction of national law with supranational norms.

The history of 19th-century trade law vividly demonstrates that the movement toward a more integrated, coherent legal order – through overcoming excessive differentiation and borrowing the best experience – is the key to progress in the legal system.

Bibliographic list

1. *Azarevich D. I.* Essays on Trade Law. Issue 1. Warsaw: Printing House of the Warsaw Educational District, 1897. – 88 p.
2. *Belov V. A.* Trade (Commercial) Law: Literary Encyclopedia. Book 2. On the Eve of the First Concepts of Private Trade (Commercial) Law (1832–1870): textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing, 2025. – p. 27.
3. *Kozatskaya V. E., Tolchenkin D. A., Tolchenkina M. E.* Convergence in Law: Ideals, Paradigms, Tendencies: study guide / general ed. by N. I. Polishchuk. Voronezh: Publishing and Printing Center «Nauchnaya kniga,» 2018. – 96 p.
4. *Korshunov N. M.* Convergence of Private and Public Law: Problems of Theory and Practice. Moscow: Norma; INFRA-M, 2011. – 288 p.
5. Theory of Legal Interaction: Convergence and Divergence in Law: A Course of Lectures / O. D. Tretyakova [et al.]; Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov. Vladimir: VLSU Publishing House, 2019. – 320 p.
6. *Tsitovich P. P.* Outline of the Basic Concepts of Trade Law. Kyiv: Printing House of I. N. Kushnerev, 1886. – 258 p.
7. *Shershenevich G. F.* Textbook of Trade Law: university textbook / comp. by V. A. Belov. Moscow: Yurayt Publishing, 2025. – 303 p.

For citation: *Zotov A.A.* Convergence, divergence, and coherence of public and private law in 19th-century Russian commercial law// Theory of state and law. 2025. No. 4(46). – P. 63 – 66.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_59

Научная статья

УДК: 340.0
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_67

С.Ф. Мазурин*

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ НАЦИОНАЛИЗМА И ЕГО АНТИНАРОДНАЯ СУЩНОСТЬ

Аннотация. *В статье рассматриваются исторические аспекты возникновения национализма, его радикализации в сионистскую и нацистскую идеологию, разрушающие гармонию общественных отношений в современном мире. Раскрывается универсальная роль Православной Христианской культуры в совершенствовании общественных отношений, защиты социальной справедливости и восстановлении исторической правды.*

Ключевые слова: *политика, национализм, иудаизм, нравственный кодекс иудеев, Талмуд, сионизм, нацизм, Христианство, идеология.*

Нет, и не может быть в нашем мире более сокровенной истины, чем та, которую содержат Божие Заповеди: – «***Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда»*** (Ин. 6:35). ***«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает»*** (Мф.: 12:30).

Два тысячелетия назад еврейский народ разделился на два противоположных лагеря, на тех, кто принес в человеческий мир истинное знание Евангельского Богооткровенного учения о Царствии Небесном, переданного нам через Сына Божия Иисуса Христа, и на тех, кто не принял Его, а грезил иллюзией о мировом господстве. Последних не устраивало, то, что простой «сын плотника» творит необъяснимые чудеса, собирая вокруг Себя народные массы, которые следуют за ним, обожествляя Того, кто, по мнению иудейской политической элиты, обманул их чаяния и надежды о мировом господстве. Потому ревностная зависть иудейских верховных старейшин – священнослужителей, породила в отношении Иисуса Христа нескрываемую ненависть, сделав их и тех, кто за ними пошел, христоненавистниками и гонителями первой части еврейского народа, признававшего в Иисусе Христе истинного Мессию, а в последствии называемых Православными Христианами, исповедующими Евангелие – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. В Евангелие от Луки в главе 9:26, святой апостол передает слова Иисуса Христа, сказанные Им на кануне Своего Преображения: «*Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов*». Большая часть еврейского народа, боясь быть отлученными своими верховными религиозными старейшинами Синедриона от иудаизма, не только не вняла учению Иисуса Христа, но и сделалась пособниками гонителей Православных христиан, разрушающих их многовековую мечту о мировом господстве. Здесь, хотелось бы обратить внимание пытливого читателя на тот факт, что в Израиле, с населением более 10 миллионов человек, всего 17 Православных храмов и лишь немногим более 2-х тысяч православных прихожан. Многие православные евреи, тайно исповедуют Православную религию, боясь остаться без работы и средств к существованию. Так, например, православные члены еврейского общества не допускаются в государственно-властные структуры, в гуманитарную систему образования, в силовые структуры и многие виды деятельности.

Безусловно, было бы неразумно и несправедливо обвинять весь еврейский народ, как это делают Западноевропейские политические деятели в отношении русской нации, обвиняя во всех напастях и злодеяниях, которые постоянно происходят в нашем земном мире.

* **Мазурин Станислав Фёдорович –** доцент кафедры отраслевых и юридических наук факультета командного, Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации. E-mail: svyatoslav53@mail.ru

Как уже было сказано, еще два тысячелетия назад еврейский народ сделал свой исторический выбор, разделившись на два противоположного лагеря, о втором из них, сионистской части еврейского общества, и будет идти речь в данной научной статье.

Понятие «Национализм» в современном виде представляет собою политическую идеологию, утверждающую исключительное доминирование и обособленность определенной нации, народа или этнической группы людей, объединяемых по языковому, идейному или религиозному признаку.

Как полагает большинство исследователей данного явления, впервые, национализм в современном виде появился к концу XVIII века в результате революций, происходивших в Англии и Франции. Однако, в реальной действительности, зарождение национализма, без утверждения данного термина, произошло значительно раньше и было обусловлено необходимостью защиты национально-религиозных воззрений отдельных народов, исповедующих определенную религию. В частности, таким народом в ветхозаветной истории являлся еврейский народ, исповедующий Единого Бога-Творца, дистанцирующийся не только от народов с языческими религиозными воззрениями, но и от смешения своей нации с другими народами. Это предопределило и «Великий исход» иудеев из Египта. В более поздние времена, до начала современной эпохи (Рождества Христова), еврейский народ, ведущий свое начало от старшего сына Ноя – Сима, исповедующий Единобожие, имеющий прямые контакты через своих пророков с Богом, считал себя Богоизбранным народом, которому Богом была открыта тайна истинного мироздания и, как полагали многие иудеи, перспективы для мирового господства. Эта идеология и была положена в основу реального возникновения национализма как абсолютной исключительности еврейской нации, которая утверждалась в сознании иудеев на протяжении многих столетий. Вместе с тем, в своей основной массе еврейский народ, знавший по преданию своих пророков о приходе в человеческий мир Сына Божия, который, возвысит иудеев над другими народами, как они полагали, в властвующем смысле, не приняли Сына Божиего – Иисуса Христа как Мессию и Его учения о кончине мира, Царствии Небесном и спасении человеческого рода. После чего, еврейский народ утратил свою Богоизбранность, уступив место уверовавшим в Него другим народам. В своем послании к Римлянам, святой апостол Павел, цитирует Божие предсказания иудейских пророков: «Как и у Осии говорит: не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленною». По нашему мнению, следует полагать, что это сказано о Святой Руси. «И на том месте, где сказано им: вы не Мой народ, там названы будут сынами Бога живаго. А Исаия провозглашает об Израиле: хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, *только* остаток спасется; ибо дело оканчивает и скоро решит, по правде, дело решительное совершит Господь на земле. Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? Потому, что искали не в вере, а в делах закона. Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: вот полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится.» [1, Рим. 9:25–33, с.264–266]. Далее апостол Павел пишет: «Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению. Ибо Писание говорит: всякий верующий в Него, не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Эллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется…Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия. А Исаия смело цитирует слова Господа: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне. Об Израиле же Господь говорит: целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному». [1, Рим. 10:17–21, с.268,269]

Однако, до настоящего времени, большинство еврейского народа не уверовали в Господа – Иисуса Христа, а их верховные духовные власти не перестают грезить о мировом господстве, в уповании на антихриста, противопоставляя себя другим народам, внося в их массовое сознание через своих тайных агентов националистические идеи, оказывающие разрушительное влияние на безопасность этих государств.

При более детальном изучении истории возникновения ранних признаков национализма в мировой истории, можно прийти к выводу, что его возникновение имело место не в XVIII, а в середине XVI века с принятием правового кодекса иудеев «Шулхан арух», переводимого как «Накрытый стол», составленного известным сефардским раввином Йосефом Каро и который до

настоящего времени считается эталоном нравственных националистических норм иудаизма. Данный Кодекс обязывает всех раввинов, являющихся идеологами иудеев, прежде чем они должны принять решение по проблеме **еврейского права**, первой книгой, которую они возьмут в руки, должен быть «Шулхан арух».

Следует иметь в виду, что именно эта книга имеет в своем содержании корни антинародного националистического характера, противопоставляя исключительную Богоизбранность еврейского народа другим нациям. На основании примера указанного кодекса иудеев, национализм стал политической идеологией гитлеровской Германии в 30-е годы XX столетия, несколько позднее переродившись в радикальную человеконенавистническую форму – «нацизм». В современной Украине с начала 90-х годов XX века, среди населения страны также, как и в нацистской Германии, при посредстве теневого еврейского правительства США и Западной Европы, стал распространяться радикальный национализм, перерастающий в русофобию и неонацизм, разрушающий массовое самосознание украинского народа суверенитет государства, отданный на откуп сионистской политики США и их Западноевропейских союзников.

Возвращаясь к содержанию Шулхан арух – идейной основе Талмуда, на его основе осуществлялась популяризация обособленности евреев от других народов, консолидация их в особую неформальную организацию, объединенную общими притязаниями на мировое господство. Распространением Шулхан арух и его идеологического свода законов – Талмуда, иудеи сделали все, чтобы противопоставить себя всем другим народам, населяющим планету «Земля».

Исходя из свода законов Шулхан арух, отношение к христианам и исповедующим Православие народам, предписывается хуже, чем к скоту. В этом кодексе христиане приравниваются к акумам – «идолопоклонникам» и при виде их храма евреям предписывается молиться «своему богу» о разрушении этого «места идолопоклонства» и «называть их постыдными именами». «Проходя мимо разоренного храма акумов, каждый еврей обязан произнести: «Слава Тебе Господи, что ты искоренил отсюда этот дом идолов». «Кто видит дома акумов, обязан сказать, когда в них еще живут: «Дома надменных разорит Господь» …» А если эти места уже разорены, следует вознести хвалу еврейскому «богу». «Строго запрещается еврею обманывать своего ближнего, и обманом уже считается, когда он лишает его шестой части имущества. Кто обманул своего ближнего, тот должен вернуть все назад. Обманывать же акума еврею дозволяется, и он не должен возвращать акуму то, на сколько он обманул его, потому что в священном писании иудеев сказано: «Не обманывай вашего ближнего брата»; акумы же не братья нам, а, напротив, они хуже собак!». «Еврею не вменяется в прямую обязанность убивать акума, с которым о живет в мире; однако же строго запрещается спасать его от смерти, например если бы сей последний упал в воду и обещал даже все свое состояние за спасение, акумов запрещено и лечить, – даже за деньги, за исключением того случая, когда можно опасаться ненависти против евреев. В этом случае дозволено лечить акума и даром, если еврею нельзя уклониться от лечения. Дозволено испытывать на акуме полезность лекарственных средств (ставить опыты как на животных). Наконец, еврей прямо обязан убивать такого еврея, который окрестился и перешел к акумам, и уж конечно самым строжайшим образом запрещается спасать этого еврея от смерти». Примером здесь выступает ритуальное убийство Православного священника Александра Меня, еврея по происхождению. (2, с. 28–46)

Нравственный кодекс иудеев Шулхан арух, в достижение поставленных целей рекомендует и главные методы нового еврейского «отца» – ложь, клевета, провокационные приемы по отношению к неевреям для их завлечения в ловушку. Эти методы активно использовались еврейским пролетариатом большевиков в течении 1918 – 1939 года. В этот период еврейским пролетариатом было практически на 90 % уничтожено все православное священство и миллионы Православных прихожан. Все это делалось тайно, а тех, кто занимался доносами на «неблагонадежных – врагов народа и пролетарской революции» соседей и даже родственников, поощрялись за счет средств НКВД, в которых представители малого народа занимали ключевые должности. Но все это предписывалось делать скрытно, «чтобы не осквернить Имя Б-га», т.е. еврейского бога, название которого запрещено писать полностью. Моральный кодекс иудеев разрешает и даже рекомендует своим «детям» любые преступления по отношению к неевреям, лишь бы об этом не становилось известно. Для маскировки же перед неевреями такого отношения предписывается лицемерие: внешнее выказывание дружественных чувств («в праздник акумов радуйся с ними, чтобы избегнуть неприязни, потому что ведь это только притворство») и со-

крытие своих подлинных намерений отвлекающими маневрами. Согласно Шулхан арух, еврею дозволено приносить лжеприсягу нееврейскому суду – он лишь «должен в сердце своем объявить присягу недействительною». Еврею запрещено свидетельствовать против еврея в суде, а нарушителя этого запрета «надо сжить со света… хорошее дело убить его, и каждый, кто первым убьет, приобретает заслугу». Накануне еврейской пасхи читается особая молитва Шефох еврейскому «богу» о «пролитии гнева» на нееврейские народы: «Преследуй их Господи, гневом и истреби их из поднебесной» … «В праздник Амана все евреи должны читать благодарственную молитву «Арур-Аман», в которой говорится: «Да будет проклят Аман и все акумы и да будут благословенны Мардохей и все евреи». «…Еврею дозволено издеваться над акумом, говоря: «Да поможет тебе твой Бог!» или «Да благословит он твои дела!» При этом еврей должен думать про себя: «Бог акумов (т.е. в глазах еврея идолопоклонников) не может сделать ничего – стало быть, и акум не будет благословен». Отсюда ясно, что пожелание евреем акуму благодати является лишь насмешкою и издевательством)». «Доброе дело, чтобы храмы акумов, а равно и все, к ним принадлежащее или для них сделанное, каждый еврей, елико возможно, старался уничтожать и сжигать, а сам пепел рассеивать по всем ветрам или же кидать его в воду. Далее, каждому еврею ставится в обязанность всякий храм акумов искоренять и давать ему позорные наименования» (2, там же). В принципе, все так и происходило на протяжении первой половины XX столетия во время и после гражданской войны в России и СССР.

Как писал раввин Яков Хазижшет, "вся надежда на распространение господства Израиля зиждется на том, что должно до основания извести всех гоимов. Все страны земного шара обещаны нам. Затем уже от размножения нашего и акклиматизации зависит господство наше над всеми и всем. Внемлите, как велико счастье принадлежать к народу, избранному Богом! Если размножение наше будет так же продолжаться, как до настоящего времени, недалеко то будущее, когда вся земля сделается неотъемлемым наследием нашим. От размножения прямо зависит господство наше над землей, и потому не отступайте ни на шаг от заповеданных вам священных правил (т. е. закона о размножении "пирие-веривие"). Какая радость охватывает меня, когда вижу, как все города, местечки и селения быстро населяются как бы из земли вырастающими евреями, а гоимы из всех торговых пунктов и центров вытесняются на окраины! Они стали и должны стать нашей рабочей животной силой" (3, с. 54).

Особый накал расовой ненависти иудеи – талмудисты проявляют в отношении христианских народов. Как свидетельствовал крещеный еврей Сикст Сиенский, Талмуд обязывал каждого еврея находиться в постоянной войне с Христианским миром. При этом Сикст приводит некоторые правила Талмуда: «Мы приказывает, чтобы каждый еврей проклинал три раза в день весь христианский мир и молил Бога посрамить и истребить его со всеми царями, и князьями; священники в особенности должны возносить эту молитву в синагоге по ненависти к Иисусу. 2. Бог повелел евреям присваивать себе имущество христиан сколько возможно чаще и всевозможными средствами: обманом, насилием, лихоимством, воровством. 3. Приказываю всем евреям смотреть на христиан как на скотов и не обращаться с ними иначе, как с бессмысленными животными.

В целом законы Талмуда, систематизированные в сборнике Шулхан арух, по справедливому замечанию О.А. Платонова, можно вкратце сформулировать следующим образом:

1. Все, кроме евреев, являются неполноценными существами, равными животным, с которыми можно обращаться как заблагорассудится.

2. Понятие «мораль» неприемлемо к нееврeям, которых можно безжалостно эксплуатировать, обманывать, обирать, преследовать, дискриминировать, грабить, насиловать и даже убивать.

3. Имущество нееврeев является потенциальной собственностью евреев.

4. Евреи – высшие существа, им принадлежит будущее, сам «бог» «дает им право» господствовать над человечеством.

5. Все, кто не признает «право» евреев господствовать над миром, должны быть уничтожены. (4, с.65)

Как справедливо отмечал ученый Соломон Лурье, причины неприязненного отношения к евреям кроются в них самих. Внушенная Талмудом параноическая расистская идея «избранничества» постоянно подталкивает их на путь преступлений против человечества. Фашизм, как таковой, родился не в XX веке, а в один год с Талмудом. Непомерные амбиции и расистское презрение к другим народам, воспитанные Талмудом, ориентируют иудеев противостоять всем

народам, видеть в них врагов и в каждой стране создавать свое «государство в государстве» (5, с.9–11).

Как представляется, с принятием отмеченного нами сборника законов иудеев, возникает и понятие «Сионизм». Истинной и окончательной целью сионизма, было и является установление мирового господства посредством захвата всех экономических рычагов управления во всем мире, что сделало это движение радикальным и Безбожным. Соблюдение Новозаветных Заповедей и духовно-нравственного Учения Христа-Спасителя, было признано политическими лидерами сионизма, вредным для достижения их цели – власти над всем миром. Это и сегодня заставляет Мировое еврейское правительство, возглавляемое сионистскими политическими лидерами, вести непримиримую борьбу с Православием и теми оставшимися государствами, в которых еще остается Православный Христианский менталитет и независимый от внешнего влияния суверенитет. Свое утверждение в качестве господствующего преступного политического сообщества, сионизм получил в США и Англии, оказывающих экономическое давление на народы, которые исторически традиционно придерживались Православного Христианского вероисповедания, и которые не увидели опасности в сионистской политике Англии и США. К таким народам следует отнести: Грецию, Болгарию, Словению, Румынию, Молдавию, Грузию, Украину, Армению и другие, политические лидеры которых, похоронили Православный менталитет своих народов в угоду Мировому сионизму, вступив, или стремясь к вступлению в Евросоюз, оболванивающий своими демократическими свободами разврата народы и в преступную организацию НАТО, созданную по замыслу Сионистских кругов.

Задолго до отмеченного события, Христос-Спаситель, предупреждал противостоящих Ему иудеев: ***«Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали»*** (6, Лк. 11:52, С.358) ***«Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!***

Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!» (6, Лк. 13:34,35). С.373). Буквально, под пустым домом, следует понимать народ, лишенный истинной веры, противодействующий Богоспасительной Миссии Иисуса Христа, пришедшего в человеческом облике в человеческий мир для примирения людей через апостольское Православное Христианское вероучение и покаяние в грехах, с Отцем Небесным.

Таким образом, к основным идеологическим источникам национализма, используемым тайными агентами сионизма, оказывающим разрушительное влияние на дестабилизацию общественных отношений разрушение государственности и подчинение своему влиянию православных государств в том числе и России, следует отнести: нравственный кодекс иудеев «Шулхан арух», Талмуд и идеологический источник более позднего времени – Сионские протоколы (Протоколы сионских мудрецов) содержащих человеконенавистническую идеологию. Сионские протоколы, являющиеся основным политическим документом сионизма, ориентирующим Мировое еврейское правительство на создание «Золотого миллиарда» и достижение мирового господства впервые появились во Франции в конце 19 века под видом отчета с реального тайного собрания сионистов в Базеле и 1903 году в российской печати. Как показала истинная история всех социальных процессов, протекающих не только в России, но и во всем мире, все названные документы не являются результатом выдумки или инспирирования, а представляют реальную объективную истину. В последствии, как уже было отмечено данная националистическая идеология, приняла радикальную форму, преобразовавшись из сионизма в нацизм, став идейной основой гитлеровской Германии, а в начале 21 столетия неонацизмом современной Киевской идеологии.

Единственным универсальным средством, противостоящим радикальной националистической идеологии и неонацизму, является всеобщее массовое просвещение населений тех государств, которые попали в паутину Мирового сионистского правительства. Историческая правда лишь тогда будет иметь реальное воплощение в самосознании большинства людей, когда политические власти государств, попавшие под влияние преступной сионистской идеологии, перестанут ставить свои материальные интересы выше служения своим народам и когда всем замыслам служителей беззакония будет противопоставлена Православная Христианская культура, как главный источник духовности и нравственности всех людей.

Библиографический список

1. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Т.2. М.: Сретенский монастырь; «Новая книга», 1996, 640 с./с.264–267.
2. *Эккер К.* Еврейское зерцало при свете истины. Падеборн, 1884. На нем. яз. (рядом подлинный еврейский текст). Русский перевод см.: Шмаков А.С. Еврейские речи. М., 1897. / "Шулхан арух"-это националистическая литература или нет? / otvet.mail.ru.
3. *Sixt Siens.* Bibliotheca sancti ordin. 1. Paris, 1810. P. 124.
4. *Платонов О.А.* Загадки сионских протоколов. М. «Родник», 1999. – 800 с.
5. *Лурье Соломон.* Антисемитизм в древнем мире. Берлин, 1923. 432 с.
6. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Т. 1. М.: Московский Сретинский монастырь; «Новая книга», 1997.

Для цитирования: *Мазурин С.Ф.* Исторические корни национализма и его антинародная сущность // Теория государства и права. – 2025. – № 4(46). – С. 67 – 72.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_67

HISTORICAL ROOTS OF NATIONALISM AND ITS ANTI-NATIONAL ESSENCE

Stanislav F. Mazurin*

Annotation. *The article examines the historical aspects of the emergence of nationalism, its radicalization into Zionist and Nazi ideologies, which destroy the harmony of social relations in the modern world. The article reveals the universal role of Orthodox Christian culture in improving social relations, protecting social justice, and restoring historical truth.*

Keywords: *politics, nationalism, Judaism, the moral code of the Jews, the Talmud, Zionism, Nazism, Christianity, ideology.*

No, and there cannot be a more intimate truth in our world than that contained in God's Commandments: "I am the bread of life; he who comes to me will never hunger, and he who believes in me will never thirst" (John 6:35). "He who is not with me is against me; and he who does not gather with me scatters" (Matthew 12:30).

Two millennia ago, the Jewish people were divided into two opposing camps, those who brought to the human world the true knowledge of the Gospel's revealed teaching about the Kingdom of Heaven, transmitted to us through the Son of God, Jesus Christ, and those who did not accept It, but dreamed of the illusion of world domination. The latter were not satisfied with the fact that a simple "carpenter's son" performed inexplicable miracles, gathering the masses around Him, who followed him, deifying the One who, in the opinion of the Jewish political elite, deceived their aspirations and hopes for world domination. Therefore, the zealous envy of the Jewish supreme elders, the clergy, gave rise to undisguised hatred towards Jesus Christ, making them and those who followed them Christ-haters and persecutors of the first part of the Jewish people, who recognized in Jesus Christ the true Messiah, and later called Orthodox Christians who profess the Gospel – the New Testament of our Lord Jesus Christ. In the Gospel of Luke in chapter 9:26, the holy apostle conveys the words of Jesus Christ, spoken by Him on the eve of His Transfiguration: "For whoever is ashamed of Me and My words, the Son of Man will be ashamed of him when he comes in His glory and the Father and the holy Angels." Most of the Jewish people, fearing to be excommunicated from Judaism by their supreme religious elders of the Sanhedrin, not only did not heed the teachings of Jesus Christ, but also became accomplices of the persecutors of Orthodox Christians, destroying their centuries-old dream of world domination. Here, I would like to draw the attention of the inquisitive reader to the fact that in Israel, with a population of more than 10 million people, there are only 17 Orthodox churches and only a little more than 2 thousand Orthodox parishioners. Many Orthodox Jews secretly practice the Orthodox religion, fearing to be left without work and means of livelihood. For example, Orthodox members of the Jewish community are not allowed into government structures, the humanitarian education system, law enforcement agencies, and many types of activities.

Of course, it would be unwise and unfair to blame the entire Jewish people, as Western European politicians do with the Russian nation, blaming all the misfortunes and atrocities that constantly occur in our earthly world.

As already mentioned, two millennia ago, the Jewish people made their historical choice, divided into two opposing camps, the second of which, the Zionist part of Jewish society, will be discussed in this scientific article.

The concept of "Nationalism" in its modern form is a political ideology that asserts the exclusive dominance and isolation of a particular nation, people, or ethnic group of people united on linguistic, ideological, or religious grounds.

* **Mazurin Stanislav Fyodorovich** – Associate Professor of the Department of Industrial and Legal Sciences, Faculty of Command, Military Order of Zhukov, Academy of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: svyatoslav53@mail.ru

According to most researchers of this phenomenon, nationalism in its modern form appeared for the first time by the end of the 18th century as a result of the revolutions that took place in England and France. However, in reality, the birth of nationalism, without the approval of this term, occurred much earlier and was conditioned by the need to protect the national and religious views of individual peoples professing a particular religion. In particular, such a people in the Old Testament history was the Jewish people, who profess One Creator God, distancing themselves not only from peoples with pagan religious beliefs, but also from mixing their nation with other peoples. This also predetermined the "Great Exodus" of the Jews from Egypt. In later times, before the beginning of the modern era (the Birth of Christ), the Jewish people, who descended from Noah's eldest son, Shem, professed Monotheism, and had direct contacts with God through their prophets, considered themselves a God–chosen people to whom God had revealed the mystery of the true universe and, as many Jews believed, the prospects for world domination. This ideology was the basis for the real emergence of nationalism as the absolute exclusivity of the Jewish nation, which has been affirmed in the minds of Jews for many centuries. At the same time, the majority of the Jewish people, who, according to the tradition of their prophets, knew about the coming of the Son of God into the human world, who would raise the Jews above other nations, as they believed, in the ruling sense, did not accept the Son of God – Jesus Christ as the Messiah and His teachings about the end of the world, the Kingdom of Heaven and salvation the human race. After that, the Jewish people lost their God-chosen identity, giving way to other nations who believed in Them. In his epistle to the Romans, the holy Apostle Paul quotes God's predictions of the Jewish prophets: "Just as Hosea says: I will not call my people my people, and I will not call my beloved beloved." In our opinion, it should be assumed that this is said about Holy Russia. "And in the place where it was said to them, 'You are not my people, there they will be called the sons of the living God. And Isaiah declares about Israel: even if the children of Israel were as numerous as the sand of the sea, only the remnant would be saved; for the work is coming to an end and will soon be decided, in truth, the Lord will accomplish a decisive deed on earth. What shall we say? The Gentiles, who did not seek righteousness, received righteousness, righteousness from faith. But Israel, who sought the law of righteousness, did not reach the law of righteousness. Why? Because they sought not in faith, but in the works of the law. For they have stumbled over a stumbling block, as it is written: Behold, I lay in Zion a stumbling block and a stumbling block; but whosoever believeth in him shall not be ashamed." [1 Rom. 9:25–33, pp.264–266]. Further, the Apostle Paul writes: "For if you confess with your mouth that Jesus is Lord, and believe in your heart that God raised Him from the dead, you will be saved, because with your heart you believe in righteousness, and with your mouth you confess salvation. For the Scripture says, "Whoever believes in Him will not be ashamed." There is no difference between a Jew and a Greek here, because there is one Lord for all, rich for all who call upon Him. For whoever calls on the name of the Lord will be saved.…So faith is from hearing, and hearing is from the word of God. And Isaiah boldly quotes the words of the Lord: Those who did not seek Me found me.; I opened up to those who didn't ask about Me. As for Israel, the Lord says, "All day long I have stretched out My hands to a disobedient and stubborn people." [1, Rom. 10:17–21, pp.268,269]

However, until now, the majority of the Jewish people have not believed in the Lord Jesus Christ, and their supreme spiritual authorities do not cease to dream of world domination, hoping for the Antichrist, opposing themselves to other nations, introducing nationalistic ideas into their mass consciousness through their secret agents, which have a devastating impact on the security of these states.

Upon a more detailed study of the history of the early signs of nationalism in world history, it can be concluded that its emergence took place not in the XVIII century, but in the middle of the XVI century with the adoption of the legal code of the Jews "Shulchan Aruch", translated as "The set table", compiled by the famous Sephardic Rabbi Yosef Karo and which to this day It is considered the standard of the moral nationalistic norms of Judaism. This Code obliges all rabbis who are ideologues of Jews, before they have to make a decision on the problem of Jewish law, the first book they pick up should be the Shulchan Aruch.

It should be borne in mind that this particular book has in its content the roots of an anti-national nationalist character, contrasting the exceptional God-chosen nature of the Jewish people to other nations. Based on the example of this code of Jews, nationalism became the political ideology of Nazi Germany in the 30s of the twentieth century, later degenerating into a radical misogynistic form – "Nazism". In modern Ukraine, since the early 90s of the twentieth century, radical nationalism began to spread among the population of the country, as well as in Nazi Germany, through the shadow Jewish government of the United States and Western Europe, developing into Russophobia and neo-Nazism, destroying the mass consciousness of the Ukrainian people, the sovereignty of the state, given over to the Zionist policy of the United States and their Western European allies.

Returning to the content of the Shulchan Aruch, the ideological basis of the Talmud, it was used to popularize the isolation of Jews from other peoples, consolidating them into a special informal organization united by common claims to world domination. By spreading the Shulchan Aruch and its ideological code of laws, the Talmud, the Jews did everything to set themselves against all other peoples inhabiting the planet Earth.

Based on the code of laws of the Shulchan Aruch, the treatment of Christians and Orthodox peoples is prescribed worse than that of cattle. In this code, Christians are equated with akums, "idolaters," and at the sight of their temple, Jews are instructed to pray to "their god" for the destruction of this "place of idolatry" and "call them shameful names." "Passing by the ruined temple of the Akums, every Jew is obliged to say: "Thank God that you have eradicated this house of idols from here." "Anyone who sees Akum houses is obliged to tell when they are still living in them.: "The Lord will destroy the houses of the arrogant"... "And if these places are already ruined, one should praise the Jewish "god". "It is strictly forbidden for a Jew to deceive his neighbor, and deception is already considered when he deprives him of a sixth of his property. Whoever has deceived his neighbor must give it all back. A Jew is allowed to deceive an akuma, and he should not return to the akuma how much he deceived him, because the Jewish Holy Scripture says: "Do not deceive your neighbor brother"; akums are not our brothers, but, on the contrary, they are worse than dogs!". "It is not a direct duty for a Jew

to kill an akuma with whom he lives in peace; however, it is strictly forbidden to save him from death, for example, if the latter fell into the water and promised even his entire fortune for saving, it is forbidden to treat akuma, even for money, except in the case when it is possible fear hatred against Jews. In this case, it is allowed to treat an akuma for free, if a Jew cannot avoid treatment. It is allowed to test the usefulness of medicines on akuma (to conduct experiments on animals). Finally, a Jew is directly obligated to kill a Jew who has been baptized and converted to Akuma, and of course it is strictly forbidden to save this Jew from death." An example here is the ritual murder of Orthodox priest Alexander Me, a Jew by birth. (2, pp. 28–46)

The moral code of the Jews, the Shulchan Aruch, recommends the main methods of the new Jewish "father" in achieving its goals – lies, slander, provocative techniques towards non-Jews to lure them into a trap. These methods were actively used by the Jewish proletariat of the Bolsheviks during 1918 – 1939. During this period, the Jewish proletariat destroyed almost 90% of the entire Orthodox priesthood and millions of Orthodox parishioners. All this was done secretly, and those who denounced neighbors and even relatives as "unreliable enemies of the people and the proletarian revolution" were encouraged at the expense of the NKVD, in which representatives of the small people held key positions. But all this was ordered to be done secretly, "so as not to defile the Name of G-d," i.e., the Jewish god, whose name is forbidden to write in full. The moral code of Jews permits and even recommends to their "children" any crimes against non-Jews, as long as it does not become known about it. To disguise such an attitude in front of non-Jews, hypocrisy is prescribed: the outward display of friendly feelings ("rejoice with them on the Akum holiday in order to avoid hostility, because this is only a pretense") and the concealment of their true intentions by distracting maneuvers. According to the Shulchan Aruch, a Jew is allowed to take a false oath to a non–Jewish court – he only "must declare the oath invalid in his heart." It is forbidden for a Jew to testify against a Jew in court, and the violator of this prohibition "must be driven out of the world... it is a good thing to kill him, and everyone who kills first gains merit." On the eve of the Jewish Passover, a special prayer is read by Shefoh to the Jewish "god" about the "shedding of wrath" on non-Jewish peoples: "Persecute them, O Lord, with wrath and destroy them from the heavenly kingdom"... "On the holiday of Haman, all Jews should recite the prayer of thanksgiving "Arur-Aman", which says: "Cursed be Haman and all the Akums, and blessed be Mordecai and all the Jews." "...A Jew is allowed to mock an akum by saying: "May your God help you!" or "May he bless your deeds!" At the same time, a Jew should think to himself: "The God of the akums (i.e., in the eyes of the idolaters of the Jews) cannot do anything, therefore, the akum will not be blessed." Hence, it is clear that a Jew's wish for grace to an akuma is only a mockery and mockery)." "It is a good deed that the temples of the Akums, as well as everything belonging to them or made for them, every Jew, as much as possible, tried to destroy and burn, and scatter the ashes to all winds or throw it into the water. Further, it is the duty of every Jew to eradicate every temple of the Akums and give it shameful names" (2, ibid.). In principle, this is what happened during the first half of the twentieth century during and after the civil war in Russia and the USSR.

As Rabbi Yaakov Hazizhshet wrote, "all hope for the spread of Israel's rule is based on the fact that all Goyim must be thoroughly exterminated. All the countries of the globe are promised to us. Then our domination over everyone and everything depends on our reproduction and acclimatization. Consider how great is the happiness of belonging to a people chosen by God! If our reproduction continues as it has up to now, the future is not far off when the whole earth will become our inalienable heritage. Our dominion over the earth directly depends on reproduction, and therefore do not deviate one step from the sacred rules commanded to you (i.e., the law on reproduction "pirie-verivie"). What joy seizes me when I see how all cities, towns and villages are rapidly being populated by Jews growing out of the ground, and the Goyim from all trading posts and centers are being pushed to the outskirts! They have become and must become our working animal force" (3, p. 54).

Talmudic Jews display a special intensity of racial hatred towards Christian peoples. As the baptized Jew Sixtus of Siena testified, the Talmud obliged every Jew to be in constant war with the Christian world. At the same time, Sixtus cites some rules of the Talmud: "We command that every Jew curse the entire Christian world three times a day and pray to God to shame and destroy it with all kings and princes; priests in particular should offer this prayer in the synagogue out of hatred for Jesus. 2 God commanded the Jews to appropriate the property of Christians as often as possible and by all possible means: deception, violence, covetousness, theft. 3. I order all Jews to look at Christians as cattle and not to treat them otherwise than as senseless animals.

In general, the laws of the Talmud, systematized in the collection Shulchan Aruch, according to O.A. Platonov's fair remark, can be summarized as follows:

1. Everyone except Jews are inferior beings, equal to animals, who can be treated as they please.

2. The concept of "morality" is unacceptable to non-Jews, who can be ruthlessly exploited, deceived, robbed, persecuted, discriminated against, robbed, raped, and even killed.

3. The property of non-Jews is the potential property of Jews.

4. Jews are superior beings, the future belongs to them, and "God" himself "gives them the right" to rule over humanity.

5. All those who do not recognize the "right" of Jews to rule the world must be destroyed. (4, p. 65)

As scholar Solomon Lurie has rightly pointed out, the reasons for hostility towards Jews lie in themselves. Inspired by the Talmud, the paranoid racist idea of "being chosen" constantly pushes them on the path of crimes against humanity. Fascism, as such, was born not in the twentieth century, but in the same year as the Talmud. Exorbitant ambitions and racist contempt for other nations, fostered by the Talmud, orient Jews to resist all nations, see them as enemies, and create their own "state within a state" in each country (5, pp. 9–11).

It seems that with the adoption of the collection of laws of the Jews that we have mentioned, the concept of "Zionism" also arises. The true and ultimate goal of Zionism was and still is to establish world domination by seizing all eco-

nomic levers of government around the world, which made this movement radical and Godless. The observance of the New Testament Commandments and the spiritual and moral Teachings of Christ the Savior was recognized by the political leaders of Zionism as harmful to achieving their goal of power over the whole world. Even today, this forces the World Jewish government, headed by Zionist political leaders, to wage an irreconcilable struggle against Orthodoxy and those remaining states in which there is still an Orthodox Christian mentality and sovereignty independent of external influence. Zionism gained its claim as the dominant criminal political community in the United States and England, exerting economic pressure on peoples who historically traditionally adhered to the Orthodox Christian faith, and who did not see the danger in the Zionist policies of Britain and the United States. Such nations include: Greece, Bulgaria, Slovenia, Romania, Moldova, Georgia, Ukraine, Armenia and others, whose political leaders have buried the Orthodox mentality of their peoples for the sake of World Zionism by joining or seeking to join the European Union, which dupes its peoples with its democratic freedoms of debauchery and the criminal organization NATO, created by according to the plan of the Zionist circles.

Long before this event, Christ the Savior warned the Jews who opposed Him: "Woe to you lawyers, for you have taken the key of understanding: you did not enter in yourselves, and you prevented those who entered" (6 Lk. 11:52, p.358) "Jerusalem! Jerusalem! You who beat the prophets and stone those sent to you! How many times have I wanted to gather your children together, like a bird gathers its chicks under its wings, and you would not!

Behold, your house is left empty for you. But I tell you that you will not see Me until the time comes when you will say, "Blessed is he who comes in the name of the Lord!" (6 Lk. 13:34,35). P. 373). Literally, an empty house should be understood as a people deprived of true faith, opposing the God-saving Mission of Jesus Christ, who came in human form into the human world to reconcile people through the apostolic Orthodox Christian doctrine and repentance of sins with the Heavenly Father.

Thus, the main ideological sources of nationalism used by secret agents of Zionism, which have a destructive effect on the destabilization of public relations, the destruction of statehood and the subjugation of Orthodox states, including Russia, to their influence, include: the moral code of the Jews "Shulchan Aruch", the Talmud and the ideological source of a later time – the Protocols of Zion (Protocols of the Elders of Zion) containing a misogynistic ideology. The Protocols of Zion, which are the main political document of Zionism, orienting the World Jewish government towards the creation of the "Golden Billion" and the achievement of world domination, first appeared in France at the end of the 19th century under the guise of a report from a real secret meeting of Zionists in Basel and 1903 in the Russian press. As the true history of all social processes taking place not only in Russia, but throughout the world has shown, all these documents are not the result of fiction or inspiration, but represent the real objective truth. Subsequently, as already noted, this nationalist ideology took on a radical form, transforming from Zionism to Nazism, becoming the ideological basis of Nazi Germany, and at the beginning of the 21st century, neo-Nazism of modern Kiev ideology.

The only universal means of countering radical nationalist ideology and neo-Nazism is the universal mass education of the populations of those States that have fallen into the web of the World Zionist Government. Historical truth will only have a real embodiment in the self-consciousness of the majority of people when the political authorities of states, influenced by the criminal Zionist ideology, cease to put their material interests above serving their peoples and when Orthodox Christian culture, as the main source of spirituality and morality of all people, is opposed to all the plans of the servants of lawlessness.

Bibliographic list

1. The New Testament of our Lord Jesus Christ. Vol. 2. Moscow: Sretensky Monastery; Novaya Kniga, 1996, 640 p./pp.264–267.

2. *Ecker K.* The Jewish mirror shone in the light of truth. Padeborn, 1884. On it. yaz. (next to the original Hebrew text). For the Russian translation, see: Shmakov A.S. Jewish Speeches, Moscow, 1897. / "Shulchan Aruch" is this nationalist literature or not? / otvet.mail.ru.

3. *Sixt Siens*. Bibliotheca sancti ordin. 1. Paris, 1810. P. 124.

4. *Platonov O.A.* The Riddles of the Protocols of Zion. M. "Rodnik", 1999. – 800 p.

5. *Lurie Solomon.* Anti-Semitism in the ancient world. Berlin, 1923. 432 p.

6. The New Testament of our Lord Jesus Christ. Vol. 1. Moscow: Moscow Sretinsky Monastery; Novaya Kniga, 1997.

For citation: *Mazurin S.F.* Historical roots of nationalism and its anti-national essence // Theory of state and law. 2025. No. 4(46).- P. 72 – 75.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_67

Научная статья

УДК: 340
ББК: 67 + 63
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_76

А.Ф. Маруков*

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕЁ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В АНГЛИИ

Аннотация: *статья подготовлена на основе изучения оригинальных историко-правовых английских источников и доктринальных изысканий, исследовавших вопросы возникновения, становления и развития тюремной системы Англии, аргументируется позиция о существенном влиянии на данные процессы римского права, являющегося основой того, что современные историки права называют «общим правом» ранней и современной Европы.*

Ключевые слова: *римское право, общее право, преступление, наказание, уголовный суд, тюремная политика Англии, социальная справедливость.*

Англия и англичане унаследовали многие существовавшие к тому времени в Египте, Греции, Римской империи виды наказаний, среди которых распятие на кресте, которое еще называлось пристегиванием к дереву, закапывание живыми в землю, забрасывание камнями, колесование, привязывание к позорному столбу [1, с. 21]. Последний вид наказаний стал широко распространенным в Англии в начале новой эры, в основном, за незначительные нарушения, как, например, пьянство.

Необходимо отметить, что вплоть до середины V века у бриттов не было письменных законов. Существовали примитивные методы воздействия на преступников с целью поддержания порядка. Многие известные обществу виды наказаний были инспирированы библейскими сюжетами. Боги всех видов, включая и христианские, были отражены в сюжетах, изображающих различные виды наказаний грешников. Известен сюжет, в котором христианский священник Ипполит был привязан к хвосту дикой лошади.

В некоторых Европейских странах в начале новой эры преступники помещались в специальные корзины, связанные в форме определенного идола, и поджигались в знак жертвоприношения богам. Так в 304 г. н.э. посвященный позднее в лик святого Албан был сожжен заживо привязанным к столбу за распространение ереси и, как утверждают некоторые историки, стал первой жертвой подобной казни [1, с. 27]. Пятьсот лет спустя король Восточной Англии Эдмунд был заключен в тюрьму датчанами. 20 ноября 870 г. н.э. он был привязан к дереву, бит плетьми, а затем расстрелян из лука. После этого жертва была обезглавлена. Подобный суровый приговор последовал за решение Эдмунда остаться верным христианской вере.

Обостренное внимание общества проблемам борьбы с преступностью, повлекло появление не только новых видов наказаний, но и новых подходов к их применению. Англосаксы решили наказывать за убийства штрафами и только за кражу мог быть вынесен смертный приговор. Так, приговоренных воров топили в специальных телегах. За все остальные преступления следовали иные наказания, например, отрубание кистей рук, помещение в специальное приспособление, заставляющее находящегося в нем, погружаться в воду с меняющейся периодичностью на грани утопления. Казнь на костре применялась по отношению к незначительному количеству лиц, осужденных в основном за имущественные преступления. Подобная практика имела под собой определенную философию, в основе которой лежала идея о том, что дом, урожай и имущество человека составляли саму основу его жизни.

* **Маруков Александр Федорович** – доктор юридических наук, профессор, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт». E-mail: afmarukov@yandex.ru

В VII веке Этельберт I Кентский установил первый письменный свод английских законов. В нем систематизировались все виды штрафов за все преступления и предлагалась шкала компенсаций за причиненный ущерб. Для каждой части человеческого тела устанавливалась своя стоимость. Так, например, глаз или нога стоили 50 шиллингов каждый [1, с. 28]. Предложенная системы штрафов носила, так называемый, классовый характер учитывала не только сам ущерб, но и то обстоятельство кому и кем этот ущерб был нанесен. Женщин, совершивших кражи, как правило, топили. Вместе с тем, Этельберт был против экзекуции в отношении мужчин, так как это снижало общую силу войска, в котором каждый мужчина защищал королевство.

Однако самые жестокие наказания граждане Англии узнали в VIII веке в результате вторжения на их территорию датчан. Среди наказаний, широко используемых были сбрасывание преступников вниз со скал, приковывание преступников цепями к галерам и использование в качестве гребцов [1, с. 27]. Кроме того, датчане установили систему компенсационных выплат за убийство членам семьи убитого. Убийца должен был выплачивать специальную плату, называемую «вергильд». В соответствии с законами Вихтреда, если вор был застигнут на месте преступления хозяин был вправе его убить, не опасаясь наступления каких-либо правовых последствий.

В начале X века в английском обществе стали развиваться тенденции к замене системы штрафов средствами физических наказаний. Общественное мнение требовало публичного и видимого наказания преступников. Считалось, что жестокие физические наказания позволят результативно воздействовать на преступность. К таким видам наказаний относилась порка кнутом, которая на протяжении всего десятого столетия оставалась доминирующей в английском обществе. Этот вид наказаний был настолько распространенным, что даже осталось в истории королевской семьи. Так, будущий король Этельред II Нерешительный (978–1016) был неоднократно порот в детском возрасте своей матерью·

К концу века конкретные методы наказания стали зависеть от социального статуса преступника. Свободную женщину, как правило, сбрасывали с обрыва или, топили за совершенное преступление. Раб мужчина в аналогичных случаях подвергался забрасыванию камнями. Для этого использовались 50–60 других рабов. При этом, если кто-то из них промахивался более трех раз – получал удары плетьми [1, с. 29]. Женщину-рабыню, совершившую кражу, как правило, топили.

К концу десятого века английское правосудие стало чаще использовать заключение в тюрьму преступников, которые были не в состоянии выплатить компенсацию жертве за совершенное преступление. Среди наказаний этого периода времени продолжает оставаться повешение. Интересно, что закон предусматривал наказание за пьянство – заключение на срок до 120 дней.

Новый взгляд на наказания в английском обществе принадлежит королю Кэньюту, вступившим во власть в 1016 г. Его философия наказания заключалась в том, что в отношении мужчин-христиан должны применяться более мягкие средства воздействия. Например, отрезание ушей, носов, верхних губ, протыкание глаза, снятие скальпа и другие [1, с. 30]. Кроме перечисленных нововведений этот правитель остался в истории и как король, занимавшийся воспитанием молодежи, изучавшим многие социальные проблемы того времени, однако и при его жизни, и после смерти в 1035 г. преступность неуклонно росла.

С приходом норманских завоевателей во второй половине XI века в Англии открывается новая страница в истории института наказания. Реформы связывают с именем короля Вильгельма I Завоевателя (1066–1087). В своей первой королевской речи по случаю коронования на царство 25 декабря 1066 г. он провозгласил запрет убивать кого-либо по какой-либо причине, связанной с совершением преступления, что означало начало новой главы в английской уголовно-исполнительной практике. В течении почти сорока лет после этого в Англии существовал мораторий на виселицу [2, с. 33]. Вместо этого широко использовалась практика выкалывания глаз и отрезания всего, что возможно было отрезать от человеческого тела, не причинив немедленную смерть. Для того времени это вполне возможно рассматривать как очевидный новый и, возможно гуманистический, подход к проблеме назначения и исполнения наказаний. Запрет на смертные приговоры просуществовал не долго. Сын Вильгельма легко выносил смертные приговоры, например, за несанкционированную охоту в королевских лесах [1, с. 33].

Практика определения виновности в спорных делах того времени исходила из того, что только всевышний знает определенно кто и что совершил и даст знак об этом на «суде божьем» – испытанием подозреваемых водой или огнем. Подозреваемого помещали в водоем, предвари-

тельно благословленный священником. Теория была такова – святая вода не примет нечистого на руку: невинный таким образом утонет, а виноватый будет плавать. Все подозреваемые при этом были привязаны веревкой на тот случай если потребуется кого-то вытаскивать.

Испытание огнем предполагало, что подозреваемый пройдет 9 шагов с раскаленным до красна металлическим прутом в руке. После этого руку бинтовали и, если через три дня после этого кожа не рубцевалась, подозреваемый считался невиновным. Иногда использовалась комбинация двух методов – испытание горячей водой. Подозреваемый должен был достать из котла с кипящей водой камень. В случае если через три дня кожа рука не рубцевалась подозреваемый считался невинным [1, с. 34]. Вскоре после своего прибытия в Англию король Вильгельм обнаружил, что владельцы поместий и священники являлись основными защитниками мира и порядка на своей территории. Священник и член районного управления (олдерман) как объединенные судьи заседали в графских судах совместно рассматривая дела о различных преступлениях. В связи с этим, король решил создать отдельный суд по делам, связанным как с нарушениями в области религии, так и по преступлениям, совершенным священниками. Приговоры, выносимые судами священников, были значительно мягче, чем в обычных «мирских», поэтому многие правонарушители выдавали себя за священнослужителей, рассчитывая на снисхождение.

Как известно, процесс формирования европейского права в огромной степени был детерминирован появлением Институций и Кодекса Юстиниана, которые были известны в Европе с середины VI века. А начиная с XII века римское право стало одним из самых популярных в университетах и других учебных заведениях европейских государств. Частично такой интерес был вызван заинтересованностью правящих кругов, поскольку его развитие прямо или косвенно способствовало легитимации государственной власти. В ряде направлений общественной и государственной жизни Европы, таких как академическая наука и учеба, разработка правовых конструкций и практическая деятельность судов, римское право становилось основным фактором общей трансформации Европейского общества в XII веке. Вместе с тем следует отметить, что, хотя Римское право и было объектом пристального изучения и составляло законодательную основу многих временных сообществ – это вовсе не означало, что оно становилось идентичным. Смесь изучаемого права с Римским образовывали то, что историки права называют «общим изучаемым правом» ранней и современной Европы [2, с. 32]. Существенное влияние оно имело во Франции, Италии, государствах Иберийского полуострова и Англии. Идеи римского права проявлялось в таких институтах как, замена обвинительной правовой процедуры на следственную, введение института письменных показаний, использование специально подготовленных кадров, включая судей, с широкими полномочиями признания доказательств и вынесения приговоров.

Социальные, политические, экономические, и интеллектуальные изменения, произошедшие в XII столетии, позволили историкам считать это время – поворотным пунктом в Европейской истории. Рост и развитие городов, многие из которых добивались фактической независимости от каких-либо властей, возрастающий общественный характер королевской власти вместе с доступностью и привлекательностью канонического права трансформировали раннюю средневековую Европу в современную.

К 1100 г. практика публичных наказаний в Англии пошла на убыль, в то время как на континенте это было еще весьма популярным. Даже императоры не составляли исключение. Германский Император Генрих IV, который был отлучен от церкви папой Римским, прибыл в Рим в стремлении отменить назначенное наказание. В ожидании ответа папы на прошение его заставили лежать на снегу в одном нижнем белье. В течение 2-х дней длилось ожидание, пока, наконец, голодный и обмороженный император не был прощен.

В 1115 г. в Англии в Винчестере на Хайстрит появляется возможно первая тюрьма для содержания воров. Следует отметить, что к этому времени вместе со смертной казнью и заключением в тюрьму применялись такие виды наказаний как, ведение за веревку по городу булочника, который попался на обвешивании покупателей, или обвешанного тухлой рыбой продавца, уличенного в обмане. Такого рода практика была распространена и в других случаях малозначительных правонарушений.

В XII веке расширяется практика использования смертной казни за такие виды преступлений как убийство, государственная измена, грабеж, разбойное нападение, поджог и кража. В 1124 г. Генрих I приговорил к смертной казни 45 подозреваемых в совершении подобных преступлениях [1, с. 34–35].

Среди шагов, направленных на укрепление закона следует выделить строительство Тауэра в Лондоне при Вильгельме I – первой королевской тюрьмы Англии, построенной для содержания врагов короля. Другими королевскими тюрьмами были Флит в Лондоне и аналогичное учреждение в Винчестере, используемые главным образом для содержания лиц, находящихся под следствием, военнопленных, заложников.

Во второй половине XII века, в период нахождения на престоле короля Генриха II, местным шерифам было предписано строить тюрьмы в каждом графстве, для содержания в них обвиняемых до рассмотрения их дела выездным королевским судом [3, с. 10]. В конце XII-XIII вв. более распространенной стала практика использования тюрем для исполнения наказания в отношении должников государства, впрочем, как и в отношении непокорных вероотступников, мошенников и лжесвидетелей.

В начале XIII века великий английский юрист Рали-Брэттон, ссылаясь на Римского правоведа Ульпиана, ставит вопрос о целях содержания заключенных в тюрьмах, оставаясь при этом противником концепции тюрьмы как средства исключительно наказания заключенных [1, с. 34]. С 1270 г. отмечается резкое увеличение количества правонарушений, за совершение которых предусматривалось лишение свободы. Достаточно сказать, что к 1520 г. в законодательстве насчитывалось более 180 составов, за которые предусматривали тюремное заключение. Среди них бродяжничество, нарушение общественного порядка, незаконное ношение оружия, клевета, нарушения общественной морали и другие. Одновременно с этим процессом происходило и ограничение механизмов, позволяющих изменить меру пресечения, избежать или отсрочить заключение в тюрьме (освобождение под залог, наложение ареста на имущество). Увеличивалось количество преступлений, наступавшие правовые последствия по которым исключали освобождение под залог. К их числу относились государственная измена, поджог, арест по прямому приказу короля или королевского министра юстиции (в то время эта должность называлась «начальник юстиции»).

С царствования короля Генриха II начинается программа строительства тюрем по всей территории королевства. Пэры, богатые, привилегированные, знатные люди, имевшие права отправления правосудия, так же содержали тюрьмы, расположенные в монастырях, замках, мельницах и иных зданиях. Право арестовать и держать в тюрьме свободного человека могло быть дано или продано королем тому, кто наследовал доход, полученный от разницы между средствами, затраченными на содержание тюрем и заключенных и деньгами, выделенными на эти цели. Некоторые английские тюрьмы были привилегированными.

Города так же обязывались строить и содержать тюрьмы, внося таким образом свой вклад в дело поддержания мира и порядка. Например, Лондон содержал не только Тауэр и Флит, но и существовавший еще с XII столетия Ньюгейт, используемый в основном для содержания должников и государственных преступников, Лудгейт – для свободных граждан, осужденных за долги, браконьерство, оскорбления и другие меньшие по социальной опасности правонарушения [3, с. 10].

Приближаясь к XIII веку, Англия переживала период одной из своих многочисленных реформ в области правосудия. Об этом говорит тот факт, что в 1182 г. в Саутгемптоне была построена первая муниципальная тюрьма, финансируемая за счет средств города.

В контексте исследуемой проблемы, необходимо отметить, что английское уголовное законодательство предписывало, что наказание должно быть быстрым и публичным, служить предупреждением совершения других преступлений. Формы наказания дифференцировались в зависимость от тяжести совершенного правонарушения. От процедуры публичного выставления на показ, телесное наказание, клеймение, общественных работ – до более суровых, как например, повешение, расчленение, закапывание заживо, обезглавливание, чему могли предшествовать продолжительные мучения. Тюрьмы Лондона становились официальными местами исполнения приговоров.

Библиографический список

1. Peter N. Walker. Punishment. An illustrated history. London. David & Charles. Newton Abbot. 1986. – p. 21.
2. The Oxford History of the Prison. The practice of Punishment in Western Society. Edited by Norvan Morris and David J. Rothman. New York – Oxford. 1995. P.33.

3. The Prisons of London. London. 1987. P. 10.

Для цитирования: *Маруков А.Ф.* Историко-правовые предпосылки возникновение юридической ответственности и её институционализация в Англии // Теория государства и права. – 2025. – № 4(46). – С. 76 – 80.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_76

HISTORICAL AND LEGAL BACKGROUND THE EMERGENCE OF LEGAL RESPONSIBILITY ANDITS INSTITUTIONALIZATION IN ENGLAND

A. F. Marukov*

Annotation: *The article is based on the study of original historical and legal English sources and doctrinal research that investigated the issues of the emergence, formation and development of the English prison system, and argues for the significant influence of Roman law on these processes, which is the basis of what modern legal historians call the "common law" of early and modern Europe.*
Keywords: *Roman law, common law, crime, punishment, criminal court, English prison policy, social justice.*

England and the British inherited many types of punishments that existed by that time in Egypt, Greece, and the Roman Empire, including crucifixion, which was also called strapping to a tree, burying alive in the ground, stoning, chariooteering, and pillorying [1, p. 21]. The latter type of punishment became widespread in England at the beginning of the new era, mainly for minor offenses such as drunkenness.

It should be noted that up to the middle of the 5th century, the Britons did not have written laws. There were primitive methods of influencing criminals in order to maintain order. Many types of punishments known to society were inspired by biblical stories. Gods of all kinds, including Christian ones, were reflected in the plots depicting various types of punishments for sinners. There is a famous story in which the Christian priest Hippolytus was tied to the tail of a wild horse.

In some European countries, at the beginning of the new era, criminals were placed in special baskets tied in the shape of a certain idol and set on fire as a sign of sacrifice to the gods. Thus, in 304 AD, Alban, who was later consecrated to the face of the saint, was burned alive tied to a stake for spreading heresy and, according to some historians, became the first victim of such an execution [1, p. 27]. Five hundred years later, King Edmund of East Anglia was imprisoned by the Danes. On November 20, 870 A.D., he was tied to a tree, whipped, and then shot with an arrow. After that, the victim was beheaded. A similar harsh sentence followed Edmund's decision to remain faithful to the Christian faith.

The increased attention of society to the problems of combating crime has led to the emergence of not only new types of punishments, but also new approaches to their application. The Anglo-Saxons decided to punish murders with fines, and only the death penalty could be imposed for theft. So, the condemned thieves were drowned in special carts. All other crimes were followed by other punishments, such as amputation of the hands, placement in a special enclosure, forcing the occupant to plunge into water with varying frequency on the verge of drowning. Execution at the stake was applied to a small number of people convicted mainly of property crimes. This practice had a certain philosophy behind it, which was based on the idea that a person's home, crops, and possessions formed the very basis of his life.

In the 7th century, Ethelbert I of Kent established the first written code of English laws. It systematized all types of fines for all crimes and proposed a compensation scale for the damage caused. Each part of the human body had its own cost. For example, an eye or a leg cost 50 shillings each [1, p. 28]. The proposed system of fines was of a so-called class nature, taking into account not only the damage itself, but also the fact to whom and by whom this damage was inflicted. Women who committed thefts were usually drowned. At the same time, Ethelbert was against the execution of men, as it reduced the overall strength of the army, in which each man defended the kingdom.

However, the citizens of England learned the most severe punishments in the 8th century as a result of the invasion of their territory by the Danes. Among the punishments widely used were throwing criminals off cliffs, chaining criminals to galleys, and using them as rowers [1, p. 27]. In addition, the Danes have established a system of compensation payments for murder to family members of the victim. The killer had to pay a special fee called "vergild". According to the laws of Vihtred, if a thief was caught in the act, the owner had the right to kill him without fear of any legal consequences.

At the beginning of the 10th century, trends began to develop in English society towards replacing the system of fines with means of physical punishment. Public opinion demanded public and visible punishment of criminals. It was believed that severe physical punishment would have an effective effect on crime. Such punishments included whipping, which remained dominant in English society throughout the tenth century. This type of punishment was so common that it even remained in the history of the royal family. Thus, the future King Ethelred II the Indecisive (978–1016) was repeatedly flogged as a child by his mother.

* **Marukov Alexander Fedorovich –** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at the Law Institute. E-mail: afmarukov@yandex.ru

By the end of the century, specific methods of punishment began to depend on the social status of the offender. A free woman was usually thrown off a cliff or drowned for a crime she had committed. A male slave was pelted with stones in similar cases. 50–60 other slaves were used for this purpose. At the same time, if one of them missed more than three times, he received lashes [1, p. 29]. A female slave who committed theft was usually drowned.

By the end of the tenth century, English justice began to use more often the imprisonment of criminals who were unable to compensate the victim for the crime committed. Hanging continues to be among the punishments of this time. Interestingly, the law provided for punishment for drunkenness – imprisonment for up to 120 days.

A new perspective on punishment in English society belongs to King Canute, who took power in 1016. His philosophy of punishment was that milder means of influence should be used against Christian men. For example, cutting off ears, noses, upper lips, piercing eyes, scalping, and others [1, p. 30]. In addition to the numerous innovations, this ruler remained in history as a king who was engaged in the education of young people and studied many social problems of that time, however, during his lifetime and after his death in 1035, crime steadily increased.

With the arrival of the Norman conquerors in the second half of the 11th century, a new page in the history of the institution of punishment was opened in England. The reforms are associated with the name of King William I the Conqueror (1066–1087). In his first royal speech on the occasion of his coronation on December 25, 1066, he proclaimed a ban on killing anyone for any reason related to the commission of a crime, which marked the beginning of a new chapter in English penal practice. For almost forty years after that, there was a moratorium on the gallows in England [2, p. 33]. Instead, the practice of gouging out eyes and cutting off everything that could be cut off from the human body without causing immediate death was widely used. For that time, it is quite possible to consider this as an obvious new and, possibly, humanistic approach to the problem of sentencing and execution of punishments. The ban on death sentences did not last long. William's son easily passed death sentences, for example, for unauthorized hunting in the royal forests [1, p. 33].

The practice of determining guilt in controversial cases of that time was based on the fact that only the Almighty knows exactly who did what and will give a sign about it at the "judgment of God" – by testing suspects with water or fire. The suspect was placed in a pond, previously blessed by a priest. The theory was that holy water would not take the unclean into its hands: the innocent would drown in this way, and the guilty would swim. All the suspects were tied with a rope in case someone needed to be pulled out.

The fire test assumed that the suspect would walk nine steps with a red-hot metal rod in his hand. After that, the arm was bandaged and if the skin did not scar three days later, the suspect was considered innocent. Sometimes a combination of two methods was used – a hot water test. The suspect had to get a stone out of a pot of boiling water. If the skin of the hand did not scar after three days, the suspect was considered innocent [1, p. 34]. Shortly after his arrival in England, King William discovered that the owners of estates and priests were the main defenders of peace and order in their territory. Priest and member of the district government (alderman) As joint judges, they sat in the county courts jointly considering cases of various crimes. In this regard, the King decided to establish a separate court for cases involving both religious violations and crimes committed by priests. The sentences handed down by the courts of priests were much milder than in ordinary "secular" ones, so many offenders posed as clergymen, hoping for leniency.

As is well known, the process of formation of European law was largely determined by the emergence of Institutions and the Justinian Code, which were known in Europe since the middle of the sixth century. Since the 12th century, Roman law has become one of the most popular in universities and other educational institutions in European countries. This interest was partly caused by the interest of the ruling circles, since its development directly or indirectly contributed to the legitimization of state power. In a number of areas of European public and state life, such as academic science and studies, the development of legal structures and the practical activities of courts, Roman law became the main factor in the overall transformation of European society in the 12th century. At the same time, it should be noted that although Roman law was the object of close study and formed the legislative basis of many temporal communities, this did not mean at all that it became identical. The mixture of studied law and Roman law formed what legal historians call the "general studied law" of early and modern Europe [2, p. 32]. It had a significant influence in France, Italy, the states of the Iberian Peninsula and England. The ideas of Roman law manifested themselves in such institutions as the replacement of the prosecutorial legal procedure with the investigative one, the introduction of the institution of written testimony, the use of specially trained personnel, including judges, with broad powers of recognizing evidence and sentencing.

The social, political, economic, and intellectual changes that took place in the 12th century allowed historians to consider this time as a turning point in European history. The growth and development of cities, many of which sought de facto independence from any authorities, the increasing social character of royal power, along with the accessibility and attractiveness of canon law, transformed early medieval Europe into modern Europe.

By 1100, the practice of public punishment in England had declined, while it was still very popular on the continent. Even the emperors were no exception. The German Emperor Henry IV, who was excommunicated by the Pope, arrived in Rome in an effort to overturn his punishment. While waiting for the pope's response to the petition, he was forced to lie in the snow in his underwear. The waiting lasted for 2 days, until finally the hungry and frostbitten emperor was forgiven.

In 1115, the first prison for thieves appeared in England in Winchester on High Street. It should be noted that by this time, along with the death penalty and imprisonment, such punishments as leading a baker around the city by a rope, who was caught hanging customers, or a seller hung with rotten fish, who was caught cheating. This kind of practice was also common in other cases of minor offenses.

In the 12th century, the practice of using the death penalty for crimes such as murder, high treason, robbery, assault, arson and theft expanded. In 1124, Henry I sentenced to death 45 suspects of such crimes [1, pp. 34–35].

Among the steps aimed at strengthening the law, the construction of the Tower of London under William I, the first royal prison in England, built to house the king's enemies, should be highlighted. Other royal prisons were the Fleet

in London and a similar facility in Winchester, used mainly for the detention of persons under investigation, prisoners of war, and hostages.

In the second half of the 12th century, during the reign of King Henry II, local sheriffs were ordered to build prisons in each county to hold the accused in them until their case was considered by the visiting royal court [3, p. 10]. At the end of the 12th–13th centuries, the practice of using prisons to execute sentences against debtors of the state became more widespread, however, as well as against recalcitrant apostates, swindlers and perjurers.

At the beginning of the 13th century, the great English lawyer Raleigh Bratton, referring to the Roman philosopher Ulpian, raised the question of the purpose of keeping prisoners in prisons, while remaining opposed to the concept of prison as a means solely of punishing prisoners [1, p. 34]. Since 1270, there has been a sharp increase in the number of offenses for which imprisonment was provided. Suffice it to say that by 1520, there were more than 180 compounds in the legislation, for which imprisonment was provided. Among them are vagrancy, violation of public order, illegal carrying of weapons, slander, violations of public morals and others. Simultaneously with this process, there was also a limitation of mechanisms that would allow changing the measure of restraint, avoiding or delaying incarceration in prison (release on bail, seizure of property). The number of crimes increased, with legal consequences that precluded release on bail. These included high treason, arson, and arrest by direct order of the King or the Royal Minister of Justice (at that time this position was called "Chief Justice").

Since the reign of King Henry II, a prison construction program has been underway throughout the kingdom. Peers, rich, privileged, and noble people who had the right to administer justice also maintained prisons located in monasteries, castles, mills, and other buildings. The right to arrest and imprison a free man could be given or sold by the king to someone who inherited the income derived from the difference between the funds spent on maintaining prisons and prisoners and the money allocated for these purposes. Some English prisons were privileged.

Cities also pledged to build and maintain prisons, thus contributing to the maintenance of peace and order. For example, London contained not only the Tower and the Fleet, but also Newgate, which had existed since the 12th century, used mainly for the detention of debtors and state criminals, Ludgate – for free citizens convicted of debts, poaching, insults and other offenses of lesser social danger [3, p. 10].

Approaching the 13th century, England was going through one of its many reforms in the field of justice. This is evidenced by the fact that in 1182 the first municipal prison was built in Southampton, funded by the city.

In the context of the problem under study, it should be noted that English criminal law prescribed that punishment should be swift and public, and serve as a warning against the commission of other crimes. The forms of punishment were differentiated depending on the severity of the offense. From the procedure of public display, corporal punishment, branding, community service – to more severe ones, such as hanging, dismemberment, burying alive, beheading, which could be preceded by prolonged torment. London prisons became official places of execution.

Bibliographic list

1. Peter N. Walker. Punishment. An illustrated history. London. David & Charles. Newton Abbot. 1986. – p. 21.
2. The Oxford History of the Prison. The practice of Punishment in Western Society. Edited by Norvan Morris and David J. Rothman. New York – Oxford. 1995. P.33.
3. The Prisons of London. London. 1987. P. 10.

For citation: Marukov A.F. Historical and Legal Prerequisites for the emergence of Legal responsibility and its institutionalization in England // Theory of the state and law. – 2025. – No. 4(46). – P. 80 – 82.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_76

Научная статья

УДК: 340
ББК: 67 + 63
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_83

А.Д. Матвеева*

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются различные подходы к пониманию правового статуса сотрудника полиции. Выявлено, что отсутствие историко-правового опыта исследования порождает научные дискуссии в теоретическом и практическом правоведении и вместе с тем не позволяют в научных кругах разработать единую концепцию правопонимания правового статуса сотрудника органов внутренних дел.*

Ключевые слова: *правовой статус, элементы правового статуса, специальный правовой статус, органы внутренних дел, личность, запреты и ограничения, историко-правовое исследование, правоохранительные органы.*

Проблема правового статуса сотрудника полиции является частью целостной проблемы правового положения личности и имеет значение для разработки правовых основ функционирования полиции. Сотрудник полиции выступает субъектом всех тех правоотношений, которые возникают вследствие исполнения, взятых им на себя обязанностей, в связи с поступлением на службу в полицию. Сотрудник полиции выступает как должностное лицо и является носителем функций, прав и обязанностей государственного органа – полиции. Правовой статус сотрудника органов внутренних дел закреплен в федеральных законах: «О полиции» от 7 февраля 2011 г., «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г., «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29 ноября 2010 г., «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. Вместе с правами и обязанностями, которые возложены на сотрудника органов внутренних дел в силу закона, на него накладываются особые запреты и ограничения: на предпринимательскую деятельность, на участие в политической деятельности, на получение вознаграждений от частных лиц и организаций, на публичные высказывания, на забастовки, открывать и иметь счета в иностранных банках [16, 17]; сотрудник правоохранительных органов не имеет права на получение медицинских услуг в рамках обязательного медицинского страхования [18], ограничивается передвижение сотрудников за пределы Российской Федерации [16, 17].

Вместе с тем за лицом, поступившим на службу в полицию, сохраняется весь объем прав и обязанностей, составляющих содержание правоспособности и дееспособности российских граждан согласно законодательству. В российской юридической науке сформировалось представление о неопределенности правового статуса личности [1, с. 23] [12, с. 58], а некоторые исследователи даже указывают на то, что в законодательстве не конкретизирована его дефиниция [8, с. 4–5] [6, с. 56]. Указанные обстоятельства стали причиной научно-теоретических и научно-практических дискуссий, охвативших практически все направления российской юриспруденции.

В специальной юридической литературе бытует точка зрения о том, что одной из причин неопределенности правового статуса сотрудника является то, что дефиниция правового статуса личности также не конкретизирована. Одни ученые определяют правовой статус как правовое положение человека, отражающее его фактическое состояние во взаимоотношениях с обще-

* **Матвеева Анна Дмитриевна,** адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. E-mail: anna.chernoskutova.01@bk.ru

Научный руководитель – **Матиенко Татьяна Львовна** – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я Кикотя, д.ю.н, доцент. E-mail: pet4332@yandex.ru

ством и государством [8, с. 7]. Другие считают, что в основе правового статуса личности лежит фактический социальный статус [13, с. 167], т. е. реальное положение человека в системе общественных отношений [3, с. 5]. Анализируя данные дискуссии, следует прийти к выводу о том, что круг прав у сотрудников органов внутренних дел имманентен правовому статусу личности. Например, сотрудник органов внутренних дел, являясь гражданином России, имеет право защищать свои законные интересы и нарушенные права любым законным способом. Именно дополнительные элементы, такие как запреты и ограничения, составляют основу специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел.

Также, в центр научных дискуссий поставлен вопрос о содержании и определении элементов правового статуса сотрудника органов внутренних дел. Исходя из общего смысла действующего законодательства, прежде всего, закона «О полиции» [16], правовой статус сотрудника полиции – это совокупность взаимосвязанных прав, обязанностей, правовых запретов, ограничений, а также правовых преимуществ, обеспечивающих выполнение сотрудником полиции задач по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Исследователи С. П. Булавин и В. В. Черников относят к основополагающим элементам правового статуса сотрудника полиции: права и обязанности сотрудника; требования к сотрудникам; гарантии правовой защиты сотрудника; ограничения и запреты, связанные со службой; режим служебного времени и организация службы; порядок прохождения службы; способ замещения должности; характер ответственности сотрудника полиции; меры стимулирования служебной деятельности [4, с. 2]. Согласно другой точки зрения, предлагается включить такие элементы правового статуса сотрудника полиции, как: права, обязанности, правовые преимущества, а также ограничения и запреты [12, с. 59].

Разрозненность теоретических выводов, в части определения элементного состава правового статуса сотрудников, является препятствием для решения современных проблем в правоохранительных органах (кадрового дефицита, социальной и материальной оснащенности и т.д.). Выделение атрибутивных элементов, как основных категорий специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел считается некорректным и недостоверными. Так, требования к сотрудникам являются этической (моральной) категорией, которая носит рекомендательный характер. Этические требования основываются на принятых в российском обществе нравственных принципах и ценностях, лучших профессиональных традициях органов внутренних дел Российской Федерации [20]. Вместе с тем, режим служебного времени и организация службы, а также порядок прохождения службы и способ замещения должности носят организационно-распорядительный характер, так как функциональная составляющая данных категорий, при определённых обстоятельствах, различна. Так, согласно должностному регламенту, у сотрудника может быть ненормированный рабочий день, в зависимости от занимаемой должности и полномочий. Организация службы также индивидуальна у каждого ведомственного подразделения.

Справедливо будет отметить, что решить современные проблемы в правоохранительных органах возможно при наличии четко выработанной теоретической и практической базы, которая должна опираться на историко-правовые исследования. Данная концепция способна обеспечить правопреемственность законодательства и, вследствие этого, устранить правовые коллизии в определении дефиниции специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел и его основных элементов.

Важно отметить, что одним из элементов правового статуса сотрудника органов внутренних дел являются социальные преимущества. Проблема соотношения материального и социального обеспечения сотрудников полиции на текущем этапе рассматривается на государственном уровне. Так, министр внутренних дел В. А. Колокольцев на заседании Совета Федерации РФ, проходившем 14 мая 2024 г., подчеркнул, что основная проблема нехватки кадров заключается в неконкурентной зарплате, недостаточном уровне социальных гарантий и льгот, которые не соответствуют современным реалиям и условиям службы [15, с. 32].

При этом, в общеправовой теории, проблема правового статуса сотрудника органов внутренних дел не стала предметом широкого и специального изучения, и рассматривалась преимущественно как часть фундаментальной проблемы прав человека [5, с. 7]. Исключением стали научные исследования Е. Р. Абызовой и С. Ю. Анохиной. В работе Е. Р. Абызовой поднимается проблема корреляции элементов правового статуса сотрудника полиции с реальными условия-

ми службы [1, с. 22], а С. Ю. Анохина резюмировала о несоответствии правовых ограничений и запретов, налагаемых на сотрудника полиции, с его социальными преференциями [2, с. 28].

К продуктивным выводам в исследовании этой проблемы пришел С. П. Матвеев. Он исходит из того, что решение проблемы кадрового дефицита сотрудников возможно лишь при устранении законодательного пробела, регулирующего социальные льготы. Ценным является его наблюдение о том, что материальное довольствие сотрудника полиции не компенсирует общественные риски при выполнении служебных задач в современных реалиях [8, с. 42].

В историко-правовом направлении российской науки изучение проблемы правового статуса сотрудника полиции представлено еще более узким кругом работ, в частности, исследованиями А. А. Сальникова, Н. К. Коршуновой, Т. Л. Матиенко, А. В. Перегудова. Историк права А. А. Сальников, выделяя современную проблему кадрового дефицита и социального обеспечения сотрудников полиции приходит к выводу о том, что непосредственное изменение социального статуса сотрудника и увеличение материального довольствия и льгот способно решить данные проблемы в органах внутренних дел [14, с. 7]. Исследователь Н. К. Коршунова обратила внимание на аспект компенсаторного механизма социальных рисков сотрудников органов внутренних дел в определённый хронологический период: 1917–1930 гг. [7, с. 3]. При этом было определено, что именно уровень социальных гарантий сотрудников влияет на правопорядок в обществе, а также обеспечивает стабильность во всей правоохранительной системе. Т. Л. Матиенко, исследуя материальное обеспечение и социальную защищенность сотрудника сыскной полиции, пришла к выводу о зависимости правопорядка в обществе от социально – экономических условий сотрудников [9, с. 14–19]. Также, проблему материального и социального обеспечения исследовал А. В. Перегудов, который показал в своей научной работе нестабильность социальных преференций в различных исторических реалиях, а также выявил зависимость денежного довольствия и льгот жандармов с их служебным положением [11, с. 401]. В результате изысканий авторы приходят к выводам о дисбалансе между материальным и социальным обеспечением служащих органов внутренних дел с условиями прохождения службы.

Таким образом, научно-практические исследования в административном и конституционном направлении стали лейтмотивом к анализу проблемы правового статуса сотрудника органов внутренних дел в исторической ретроспективе.

Дискуссия о правовом статусе сотрудника полиции вполне объяснима вследствие различных методологических подходов к его пониманию. Дискуссия относительно правового статуса сотрудника возникает не только вследствие правового пробела и правовой неопределенности элементов правового статуса, но и вследствие отсутствия эмпирической базы. Комплексное историко-правовое исследование способно обеспечить правопреемственность и выявить релевантные механизмы в решении современных проблем. Важно отметить, что в отсутствии ретроспективного анализа и эмпирической основы, теоретические и отраслевые исследования не решают в полной мере проблемы относительно функционирования правового статуса сотрудника полиции на современном этапе.

Библиографический список

1. *Абызова Е. Р.* Правовой статус сотрудника органов внутренних дел: общетеоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.

2. *Анохина С. Ю.* Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: Вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 29 с.

3. *Бабенко С. В.* Правовой статус личности в правовом государстве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 31 с.

4. *Булавин С. П., Черников В. В.* Правовой статус сотрудника полиции // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 2–10.

5. *Виноградова Н. В.* Правовой механизм защиты информационных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 196 с.

6. *Зайцева К. Ю.* Административно-правовой статус сотрудника полиции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 89–91.

7. *Коршунова Н. К.* Организационно-правовые основы оплаты труда и материального стимулирования служебной деятельности работников милиции РСФСР: 1917–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.

8. *Матвеев С. П.* Социальная защита государственных служащих: теоретические основы построения системы, практика осуществления и проблемы административно-правового регулирования: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2011. 47 с.

9. *Матиенко Т. Л.* Правовой статус сотрудника сыскной полиции как субъекта дознания и розыска в России в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 14–19.

10. *Матиенко Т. Л.* Проблема кадрового обеспечения полиции: соотношение материального обеспечения чинов сыскной полиции и качества правопорядка в Российской империи в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 101–108.

11. *Перегудов А. В.* Материальное положение чинов отдельного корпуса жандармов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 377–403.

12. *Прудникова Т. А., Сухарева В. А.* Особенности правового статуса сотрудника полиции // Криминологический журнал. 2022. № 1. С. 59–62.

13. *Рассказов Л. П.* Теория государства и права: учеб. для вузов. 6-е изд. М.: РИОР: ИНФА-М, 2015. 559 с.

14. *Сальников А. А.* Правовой статус сотрудника полиции во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: Нижний Новгород, 2010. 24 с.

15. Стенограмма пятьсот шестьдесят седьмого заседания Совета Федерации. 14 мая 20024 г. М.: Федеральное Собрание Российской Федерации. Совет Федерации, 2024.

16. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

17. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.

18. Федеральный закон Российской Федерации от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422; 2013. № 52 (Часть 1). Ст. 6955.

19. Федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

20. Приказ МВД России «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» от 26.06.2020 № 460 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020 г. с изм. и допол. в ред. от 02.05.2023.

Для цитирования: *Матвеева А.Д.* Проблема правового статуса сотрудника полиции в российской юридической науке // Теория государства и права. – 2025. – № 4(46). – С. 83 – 86.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_83

THE PROBLEM OF THE LEGAL STATUS OF A POLICE OFFICER IN RUSSIAN JURISPRUDENCE

Anna D. Matveeva*

Annotation. *The article discusses various approaches to understanding the legal status of a police officer. It is revealed that the lack of historical and legal research experience generates scientific discussions in theoretical and practical jurisprudence and, at the same time, does not allow the scientific community to develop a unified concept of legal understanding of the legal status of an employee of the internal affairs bodies.*

Keywords: *legal status, elements of legal status, special legal status, law enforcement agencies, personality, prohibitions and restrictions, historical and legal research, law enforcement agencies.*

The problem of the legal status of a police officer is part of the integral problem of the legal status of a person and is important for the development of the legal foundations of the functioning of the police, since it is the police officer who ultimately acts as the subject of all those legal relations that arise as a result of the performance of his duties in connection with joining the police. A police officer acts as an official and is the bearer of the functions, rights and duties of a state body – the police. The legal status of an employee of the internal affairs bodies is fixed in federal laws: № 3 "On the Police", № 342 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative

* **Matveeva Anna Dmitrievna** – Associate Professor at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: anna.chernoskutova.01@bk.ru

The scientific supervisor – **Matienko Tatiana Lvovna** – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: pet4332@yandex.ru

Acts of the Russian Federation", № 326 "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation", № 58 "On the Civil Service System of the Russian Federation". Along with the rights and duties assigned to an employee of the internal affairs bodies, special prohibitions and restrictions are imposed on him: on entrepreneurial activity, on participation in political activities, on receiving remuneration from individuals and organizations, on public statements, on strikes, and on opening and maintaining accounts in foreign banks [16, 17]; a law enforcement officer does not have the right to receive medical services under compulsory medical insurance [18], and the movement of employees outside the Russian Federation is restricted [16, 17].

At the same time, a person who joins the police does not break direct ties with civil society, he retains the full scope of rights and obligations that constitute the content of the legal capacity and legal capacity of Russian citizens according to the law. In Russian legal science, an idea has been formed about the uncertainty of legal status [1, p. 23] [12, p. 58], and some researchers even point out that the legislation does not specify its definition [8, p. 4–5] [6, p. 56]. These circumstances have led to scientific, theoretical and scientific-practical discussions that have covered almost all areas of Russian jurisprudence.

There is a point of view in the specialized legal literature that one of the reasons for this uncertainty is that the definition of a person's legal status is also not specified. Some scientists define legal status as the legal status of a person, reflecting his actual state in relations with society and the state [8, p. 7]. Others believe that the basis of legal status is the actual social status [13, p. 167], i.e. the real position of a person in the system of public relations [3, p. 5]. Analyzing these discussions, it is necessary to come to an intermediate conclusion that the range of rights of law enforcement officers is inherent in the individual. For example, an employee of the internal affairs bodies, being a Russian citizen, has the right to defend his legitimate interests and violated rights in any legal way. It is the additional elements, such as prohibitions and restrictions, that form the basis of the special legal status.

Also, the issue of the content has been put at the center of scientific discussions. and determining the elements of the legal status of an employee of the internal affairs bodies. Based on the general meaning of current legislation, first of all, the law "On Police" [16], the legal status of a police officer is a set of interrelated rights, duties, legal prohibitions, restrictions, as well as legal advantages that ensure that a police officer performs tasks to protect public order and combat crime.

Researchers S. P. Bulavin and V. V. Chernikov [4, p. 2] refer to the fundamental elements of the legal status of a police officer: the rights and duties of an employee; requirements for employees; guarantees of legal protection of an employee; restrictions and prohibitions related to service; working hours and organization of service; the order of service; method of filling a position; the nature of the police officer's responsibility; measures to stimulate professional activity. According to another point of view, it is proposed to include such elements of the legal status of a police officer as: rights, duties, legal advantages, as well as restrictions and prohibitions [12, p. 59].

It is important to note that one of the elements of the legal status of an employee of the internal affairs bodies is social benefits and guarantees. The problem of the correlation of material and social security of police officers at the current stage is being considered at the state level. Thus, Minister of Internal Affairs V. A. Kolokoltsev at a meeting of the Federation Council of the Russian Federation held on May 14, 2024, stressed that the main problem of staff shortages is uncompetitive salaries, insufficient social guarantees and benefits that do not correspond to modern realities and conditions of service [15, p. 32].

It is possible to work in law enforcement agencies if there is a well-developed theoretical and practical base, which should be based on historical and legal research. This concept is able to ensure the legal succession of legislation and, as a result, eliminate legal conflicts in determining the definition of the special legal status of an employee of the internal affairs bodies and its main elements. The fragmentation of theoretical conclusions, in terms of determining the elemental composition of the legal status of employees, is an obstacle to solving pressing problems.

The allocation of attributive elements as the main categories of the special legal status of an employee of the internal affairs bodies is considered incorrect and unreliable. So, the requirements employees are an ethical (moral) category that is advisory in nature. Ethical requirements are based on the moral principles and values accepted in Russian society, the best professional traditions of the internal affairs bodies of the Russian Federation [20]. At the same time, the regime of official time and the organization of service, as well as the order of service and the method of filling a position are organizational and administrative in nature, since the functional component of these categories, under certain circumstances, is different. So, according to the official regulations, an employee may have an irregular working day, depending on his positionand authority. The organization of the service is also individual for each departmental unit.

At the same time, in the general legal theory, the problem of the legal status of an employee of the internal affairs bodies did not become the subject of extensive and special study, and was considered mainly as part of the fundamental problem of human rights [5, p. 7]. The exception was the scientific research of E. R. Abyzova. and S. Y. Anokhina. In the work of E. R. Abyzova, the problem of correlation of elements of the legal status of a police officer with real conditions of service is raised [1, p. 22], and S. Y. Anokhina summarized the discrepancy between legal restrictions and prohibitions imposed on a police officer and his social preferences [2, p. 28].

I came to productive conclusions in the study of this problem. S. P. Matveev. He proceeds from the fact that the solution to the problem of staff shortages is possible only if the legislative gap regulating social benefits is eliminated. His observation that the financial allowance of a police officer does not compensate for public risks when performing official tasks in modern realities is valuable [8, p. 42].

In the historical and legal field of Russian science, the study of the problem of the legal status of a police officer is represented by an even narrower range of works, in particular, the research of A. A. Salnikov, N. K. Korshunova, T. L. Matienko, A. V. Peregudova. Legal historian A. A. Salnikov, highlighting the modern problem of personnel shortage and social

security of police officers, comes to the conclusion that a direct change in the social status of an employee and an increase in material allowances and benefits can solve these problems in law enforcement agencies [14, p. 7]. Researcher N. K. Korshunova drew attention to the aspect of the compensatory mechanism of social risks of employees of internal affairs bodies in a certain chronological period of 1917–1930 [7, p. 3]. At the same time, it was determined that it is the level of social guarantees of employees that affects the rule of law in society, and also ensures stability in the entire law enforcement system. T. L. Matienko, examining the material security and social security of a detective police officer, came to the conclusion that the quality of law and order in society depends on the quality of socio–economic conditions of employees [9, p. 14–19]. Also, he investigated the problem of material and social security A. V. Peregudov, showed in his scientific work the instability of social preferences in various historical realities, and also revealed the dependence of monetary allowances and benefits of gendarmes on their official position. [11, p. 401]. Thus, scientific and practical research in the administrative and constitutional field has become the leitmotif of the historical and legal approach to the problem of the legal status of an employee of the internal affairs bodies. As a result of the research, the authors come to conclusions about the imbalance between the material and social security of employees of the internal affairs bodies and the conditions of service, as the main reason for the shortage of personnel in the police.

In the theoretical and legal plane, there is no unified understanding of the definition and the elemental composition of the legal status of an employee of the internal affairs bodies. Analyzing the theoretical discussions, it is worth concludingthat by its legal nature, the status of an employee of the internal affairs bodies is binding. The above-mentioned hypothesis is confirmed by the fact that these categories are strictly regulated in legislation, non-fulfillment or violation of prohibitions lead to specific, special legal liability – disciplinary and/or criminal. The antipode is the legal status of a person, which in its form is expressed in permissions. The current legal system does not impose restrictions and prohibitions on the individual, but rather designates the legal status of the individual.

In the Constitution of the Russian Federation, it gives the right to act in a certain way (it allows a citizen to participate in political power through party membership; it allows organizing and participating in trade union organizations, etc.). It is precisely this element of the special legal status of an employee, such as prohibitions and restrictions, that curtail the civil rights of an employee of the internal affairs bodies, thereby designating a social differentiation.

As a result, the discussion about the legal status of a police officer is understandable due to the different methodological approaches to understanding it. The discussion regarding the legal status of an employee arises not only due to the legal gap and legal uncertainty of the elements of the legal status, but also due to the lack of an empirical basis. A comprehensive historical and legal study can ensure succession.

And to identify relevant mechanisms in solving modern problems. It is important to note that in the absence of a retrospective analysis and an empirical basis, theoretical studies do not fully solve the problems regarding the functioning of the legal status of a police officer at the present stage.

Bibliographic list

1. *Abyzova E. R.* The legal status of an employee of the internal affairs bodies: general theoretical aspects: abstract of the dissertation of the cand. jurid. nauk. M., 2006. 25 p.

2. *Anokhina S. Y.* Social and legal protection of employees of internal affairs bodies: Questions of theory: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. M., 2006. 29 p.

3. *Babenko S. V.* The legal status of an individual in a state governed by the rule of law: questions of theory: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Krasnodar, 2008. 31 p.

4. *Bulavin S. P., Chernikov V. V.* The legal status of a police officer // Administrative law and process. – 2011. – № 9. – pp. 2–10.

5. *Vinogradova N. V.* The legal mechanism for the protection of information rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2011. 196 p.

6. *Zaitseva K. Y.* Administrative and legal status of a police officer // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 11-1 (86). – Pp. 89–91.

7. *Korshunova N. K.* Organizational and legal bases of remuneration and material incentives for the official activities of police officers of the RSFSR: 1917–1930: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. nauk. M., 2005. 24 p.

8. *Matveev S. P.* Social protection of civil servants: theoretical foundations of system construction, implementation practice and problems of administrative and legal regulation: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences'. Voronezh, 2011. 47 p.

9. *Matienko T. L.* The legal status of a detective police officer as a subject of inquiry and search in Russia at the beginning of the 20th century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1. pp. 14–19.

10. *Matienko T. L.* The problem of police staffing: the ratio of material support for detective police officers and the quality of law and order in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 5. – pp. 101–108.

11. *Peregudov A.V.* The financial situation of the ranks of the separate corps of gendarmes // Bulletin of St. Petersburg University. History. – 2021. – Vol. 66. Issue 2. – pp. 377–403.

12. *Prudnikova T. A., Sukhareva V. A.* Features of the legal status of a police officer // Criminological journal. – 2022. – № 1. – pp. 59–62.

13. *Rasskazov L. P.* Theory of the state and law: textbook. for universities. 6th ed. Moscow: RIOR: INFA-M, 2015. – 559 p.

14. *Salnikov A. A.* The legal status of a police officer in the second half of the 19th – early 20th century: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences: Nizhny Novgorod, 2010. 24 p.

15. Transcript of the five hundred and sixty-seventh meeting of the Federation Council. May 14, 20024 Moscow: Federal Assembly of the Russian Federation. The Federation Council, 2024.

16. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 №. 3-FZ «On the Police» (as amended and supplemented from 08.08.2024) // NW of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

17. Federal Law of the Russian Federation dated November 30, 2011 № 342-F3 «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended and supplemented dated 04.08.2023) // Federal Law of the Russian Federation. 2011. № 49. St. 7020.

18. Federal Law of the Russian Federation of November 29, 2010 № 326-FZ «On compulsory medical insurance in the Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation. 2010. № 49. Art. 6422; 2013. № 52 (Part 1). Art. 6955.

19. Federal Law of the Russian Federation of May 27, 2003, № 58-FZ «On the Civil Service System of the Russian Federation» (as amended and supplemented, intro. effective from 03.12.2024) // Law of the Russian Federation. 2003. № 22. Art. 2063.

20. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia «On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» dated 26.06.2020 № 460 // Official Internet portal of legal information. 2020 with amendments and additions ed. dated 05.02.2023.

For citation: *Matveeva A.D.* The problem of the legal status of a police officer in Russian jurisprudence // Theory of state and law. 2025. No. 4(46). – P. 86 – 89.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_83

Научная статья

УДК: 34
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_90

С.В. Мирошник*

ПРОБЕЛЫ В ПРАВЕ С ПОЗИЦИИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. *В настоящей статье проводится комплексный анализ правовой категории «пробелы в праве» через призму двух взаимосвязанных аспектов: общей теории права и правоприменительной практики Конституционного Суда Российской Федерации. В работе рассматриваются классические теоретико-правовые подходы к определению природы, причин возникновения и видов пробелов. Особое внимание уделяется методологии их выявления и способам преодоления. На основе изучения обширной практики Конституционного Суда РФ автор демонстрирует, как теоретические конструкции находят свое практическое воплощение и развитие в рамках конституционного судопроизводства. Анализируются ключевые полномочия КС РФ, связанные с пробелами: выявление пробелов в законодательстве, их оценка на предмет соответствия Конституции РФ, а также правовые позиции Суда, направленные на их устранение и преодоление. Доказывается, что Конституционный Суд, не подменяя собой законодателя, играет активную роль в правовом регулировании, используя такие механизмы, как конституционно-правовое истолкование принципов и норм права, прямые указания на необходимость законодательного урегулирования общественных отношений. В заключении формулируются выводы о роли КС РФ в обеспечении системности и непротиворечивости российского права, излагается авторская классификация пробелов в праве.*

Ключевые слова: *пробелы в праве, общая теория права, Конституционный Суд РФ, правоприменение, преодоление пробелов, правовые позиции, аналогия права, аналогия закона, конституционное судопроизводство, законодательные пробелы, восполнение пробелов, системность права.*

Пробелы в праве – одна из самых дискутируемых тем в правовой науке, обреченная на вечную актуальность. Основы изучения возможных погрешностей в законе, обусловленных его общим характером, природой объекта закона [11, с.110], были заложены в трудах многих представителей политико-правовой мысли прошлого [10, с.425], продолжены современными исследователями, и, скорее всего, эта вечная интеллектуальная эстафета никогда не остановится, поскольку наука развивается вместе с обществом, процесс познания истины сложен, противоречив и бесконечен.

По мнению С.В. Липень, можно выделить четыре этапа в развитии теории пробелов в праве, а именно:

– с древнейших времен до XVIII века (период нестрогого отношения к пробелам и способам их преодоления),

– XVIII век – первая половина XIX века (признание значения закона, возможной его неполноты как недостатка, критическое отношение к возможности его преодоления в судебной деятельности),

– вторая половина XIX века – начало XX века (формирование теории логической беспробельности права, признание объективного характера пробелов в праве, дискуссии о возможности их преодоления в судебной практике),

* **Мирошник Светлана Валентиновна** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева. E-mail: miroshnik67@mail.ru

** Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

– середина XX века – начало XXI века (разработка теории пробелов в праве, способов устранения и преодоления) [5, с.34].

Несмотря на столь длительные исторические поиски научная дискуссия о возможности признания пробельности или непробельности права активно продолжается.

Так, по мнению В.Ю. Панченко, право беспробельно – всесторонность правового регулирования достигается благодаря принципам правам как особым нормативно-регулятивным средствам [12, с. 34–35].

В.В. Ершов признает, что «в большинстве случаев право беспробельно» [13, с.188], пробел в праве может быть только в случае отсутствия принципов и норм права в целом в единой развивающейся системе форм права [123, с.195].

В то же время С.И. Захарцев, В.П. Сальников считают, что «право и правовая реальность предстают сложными и диалектически противоречивыми явлениями. Пробелы выступают неотъемлемой составляющей права», самостоятельной гранью права [3, с. 108].

На наш взгляд, право одновременно является и пробельным, и беспробельным, выступая, таким образом, еще одним ярким примером проявления действия закона единства и борьбы противоположностей. Пробельность права оказывается возможной в силу того, что «1) жизнь необъятна и ни один законодатель не в состоянии предусмотреть все без исключения ее комбинации и 2) жизнь постоянно идет вперед и может создавать такие новые комбинации, которых еще не было во время издания действующих законов» [10, с.425].

Но процесс правового регулирования постоянен и бесконечен, он не может остановиться, встретив на своем пути правовую неопределенность. Право – это системное единство принципов и норм права – первичных и вырабатываемых на их основе вторичных правовых регуляторов. Поэтому в случае отсутствия последних поведение участников правоотношений определяют фундаментальные, универсальные, максимально абстрактные и императивные теоретические положения.

В основе признания пробельности и непробельности права лежит идея о раздвоении единого права на противоположности и их познание. Единство и борьба пробельности и непробельности права лежит в основе правового развития, характеризующегося устойчивостью и изменчивостью, преемственностью и обновлением [9, с.6–8].

Признание права одновременно пробельным и беспробельным обуславливает необходимость проведения научного анализа пробелов в праве. Классическим стало понимание пробела в праве, сформулированное в середине прошлого века авторитетным теоретиком права, профессором В.В. Лазаревым [6, с.190]. Пробел в праве в его понимании – это «полное или частичное отсутствие нормативных установлений, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел, основными принципами, политикой, смыслом и содержанием действующего законодательства, а также иными проявлениями классовой воли, направленной на регулирование жизненных фактов в сфере правового воздействия» [7, с.37]. В дальнейшем известный правовед, развивая свое учение, трактует пробел в праве как «полное отсутствие или неполнота того регулирования, которое в силу объективных или субъективных обстоятельств должно быть» [8, с.70].

Проблема пробелов в праве стала предметом научных исследований многих ученых. Заслуживает внимания, например, рассмотрение пробела в законодательстве как правотворческой ошибки, обладающей «способностью культивировать правовой нигилизм в правосознании» [4, с.118], признание отсутствия юридических норм следствием недоработки законодательной техники [1, с. 285–286]. При этом в правовой доктрине и практике для обозначения нехватки общеобязательных правил поведения используются такие, по сути, синонимические понятия, как: «пробел в праве», «пробел в законе», «пробел в законодательстве», «правовой пробел», «пробел в правовом регулировании».

Обобщение научных представлений позволяет констатировать наличие пробела в праве в том случае, когда:

– имеется правоотношение, объективно нуждающееся в упорядочении правом;

– нет нормы права, предназначенной для регулирования именно данной разновидности правоотношений, либо ее содержание имеет неопределенный характер;

– отсутствие нормы права носит случайный, непреднамеренный характер (создавшаяся ситуация не позволяет признать наличие квалифицированного молчания законодателя, общеобязательное правило поведения объективно необходимо).

Пробелы в праве осложняют процесс правореализации. С ситуацией неурегулированности может столкнуться любой орган публичной власти, но только суд способен окончательно разрешить возникшую проблему. Он является по сути единственным субъектом, реально преодолевающим пробелы в праве. Судебное правоприменение выступает системообразующим элементом системы правоприменительной деятельности, на его результаты ориентируются все участники правоотношений.

Поэтому неудивительно, что анализируемое явление получило должную оценку в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, который не только выделил сущностные черты пробелов в правовом регулировании, но и разработал и внедрил наиболее оптимальные модели их устранения и преодоления.

По мнению высшего судебного органа конституционного контроля, пробельность в правовом регулировании представляет собой:

– «формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, включая неурегулированность отдельных материальных либо процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения,

– либо фактическое отсутствие должного, т.е. обеспечивающего эффективное нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирования» [2].

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации ценны как для теории, так и для практики. Орган конституционного контроля, признавая ту или иную норму правового акта не соответствующей Конституции Российской Федерации, не только констатирует, но и одновременно дает поручение законодателю устранить выявившуюся ситуацию правовой неопределенности. При этом органом конституционного контроля используются разные модели правового реагирования, обусловленные характером рисков нарушения прав и свобод человека и гражданина, общих принципов права. Наиболее распространенными являются следующие.

Первая модель, условно нами обозначенная как традиционная, выражается в констатации пробела в праве и необходимости его устранения путем принятия соответствующего правового акта. При этом в ряде случаев Конституционный Суд Российской Федерации вводит временное правовое регулирование правоотношений, действующее до принятия необходимого правового акта. Так, например, в связи с признанием положений статьи 226.1 УК РФ не соответствующими конституционным нормам орган конституционного контроля указал, что «впредь до внесения в действующее правовое регулирование необходимых изменений… перемещение через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС лекарственных средств, в состав которых входят сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами или аналогами, физическими лицами в целях личного использования должно осуществляться с учетом условий, установленных в соответствии с Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств» [14].

Признав статью 183 АПК Российской Федерации не соответствующей Конституции России, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «впредь до внесения в правовое регулирование изменений… взыскатель или должник вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением об индексации присужденных денежных сумм в срок, не превышающий одного года со дня исполнения должником судебного акта. По заявлению взыскателя или должника этот срок может быть восстановлен судом, если он был пропущен по уважительным причинам» [15].

Закономерное развитие института конституционного контроля обусловило появление новых моделей воздействия на субъектов правотворческой деятельности. Одна из них выражается в использовании юридической конструкции «в кратчайшие сроки», «в возможно более короткий срок». Так, в одном из Постановлений Конституционный Суд Российской Федерации, подчеркнул, что возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию является естественным благом, без которого оказываются недостижимыми многие другие блага и ценности. Свобода труда, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда относятся к числу основных прав и свобод человека, «неотчуждаемых и принадлежащих каждому» [16]. Признав часть пятую статьи 157 Трудового кодекса

Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, орган конституционного контроля призвал федерального законодателя в кратчайшие сроки ввести новое правовое регулирование, определив минимальный размер оплаты времени, «в течение которого творческие работники не участвуют в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или не выступают» [16].

В другом случае, учитывая сложность предмета правового регулирования и обусловленную этим невозможность установления временного порядка воздействия на общественные отношения, Конституционный Суд Российской Федерации предложил федеральному законодателю «внести в законодательное регулирование необходимые изменения в возможно более короткий срок» для обеспечения реализации гражданами, страдающими орфанными заболеваниями, права на лекарственное обеспечение [17].

Иногда орган конституционного контроля предлагает федеральному законодателю устранить сложившуюся правовую неопределенность по рассмотренному вопросу до определенной даты, в случае невыполнения данного поручения с указанной даты начинает или продолжать действовать правовой режим, определенный данной судебной инстанцией. Так, например, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что при отсутствии необходимых изменений в актах законодательства о налогах и сборах с 1 января 2025 года профессиональные налоговые вычеты будут предоставляться не имеющим правового статуса индивидуальных предпринимателей физическим лицам, чья деятельность признана налоговыми органами предпринимательской [18].

Ограничения по объему не позволяют изложить в настоящей статье другие примеры исследованных решений высшего судебного органа конституционного контроля. Их системный анализ дает возможность предложить еще одну возможную градацию пробелов в праве – их деление в зависимости от степени возникшего риска в реализации прав и свобод человека и гражданина на ординарные (должны быть устранены правотворческим субъектом по мере возможности, в плановом порядке) и безотлагательные (требующие незамедлительных действий субъектов правотворческой деятельности). Данная классификация, построенная на основе позиций Конституционного Суда РФ, интересна и с теоретической, и с практической точки зрения. Она дает возможность проанализировать «болевые» точки правового регулирования общественных отношений и выработать наиболее оптимальные модели их устранения, а также недопущения в будущем.

Выводы: пробел в праве можно определить как любую ситуацию неурегулированности общественного отношения, вызванную как отсутствием конкретной нормы права, так и невозможностью ее реализации при наличии в соответствующем правовом акте, правовом договоре в силу неясности, двусмысленности, некорректности содержания, то есть невозможности уяснения сущности воли правотворческого субъекта. Анализ практики работы Конституционного Суда Российской Федерации позволяет классифицировать пробелы в праве в зависимости от степени возникшего риска в реализации прав и свобод человека и гражданина на ординарные и безотлагательные. Судебное правоприменение выступает системообразующим элементом механизма преодоления пробелов в праве.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы теории государства и права: учебник/ коллектив авторов; отв. Ред. В.Д. Перевалов. – Москва: ЮСТИЦИЯ, 2019. – 440 с.

2. Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013 – 2015 годов)»: одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://www.ksrf.ru/ по состоянию на 04.07.2016.

3. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Пробелы в праве – грань компрехендной теории его познания„ // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : Сборник материалов VI Международной научной конференции теоретиков права, Москва, 20–21 февраля 2020 года / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2021. С. 93–104.

4. *Костенко М. А.* Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки / М. А. Костенко // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2008. –№ 10(87). –С. 117–123.

5. *Липень С.В.* Теория пробелов в праве в ее историческом развитии и творчестве профессора В.В. Лазарева//Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : Сборник материалов VI Международной научной конференции теоретиков права, Москва, 20–21 февраля 2020 года / Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2021.С. 33–57.

6. *Липень С. В.* Идеи установления и преодоления пробелов в праве в отечественной юридической науке второй половины XIX – начала XX вв / С. В. Липень // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 190–197.

7. *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения : монография / В. В. Лазарев. – репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 184 с. – ISBN 978-5-91768-560-1. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1895641 (дата обращения: 19.04.2024). – Режим доступа: по подписке.

8. *Лазарев В. В.* Проблемы пробелов в праве в свете постклассической философии / В. В. Лазарев // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : Сборник материалов VI Международной научной конференции теоретиков права, Москва, 20–21 февраля 2020 года / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Юриспруденция», 2021. С. 55–77.

9. *Лойфман И.Я.* Диалектическое определение предмета (методологический аспект)// Тождество противоположностей как методологическая проблема: Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1987. С. 5–11.

10. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Том I. Томскъ: издание книжного магазина В.М. Посохина, 1914. – 628 с.

11. Никомахова этика/ Аристотель. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. –222 с.

12. *Панченко В.Ю.* Принципы правового регулирования как средство обеспечения беспробельности права//Пробелы в российском законодательстве. –2012. –№ 1. – С. 32 –37.

13. Регулирование правоотношений: Монография. – М.: РГУП. – 564 с.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева»// Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 22.07.2015.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2024 № 31-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 2024. № 27. Ст. 3914.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.10.2021 № 43-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 157 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.А. Мининой»// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 08.10.2021.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.09.2024 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан»// Собрание законодательства РФ. 2024. № 40. Ст. 6055.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2024 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 221 и подпункта 1 пункта 1 статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации, части 5 статьи 200 и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ю.М. Бужина и Л.В. Салимжановой»// Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 15.02.2024.

Для цитирования: *Мирошник С.В.* Пробелы в праве с позиции общей теории права и практики Конституционного Суда Российской Федерации // Теория государства и права. – 2025. – № 4(46). – С. 90 – 94.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_90

GAPS IN LAW FROM THE PERSPECTIVE OF THE GENERAL THEORY OF LAW AND PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION*

Svetlana V. Miroshnik **

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the legal category "gaps in law" through the prism of two interrelated aspects: the general theory of law and the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The paper examines classical theoretical and legal approaches to determining the nature, causes and types of gaps. Special attention is paid to the methodology of their identification and ways to overcome them. Based on the study of the extensive practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author demonstrates how theoretical con-*

* The article was prepared with the information support of SPS ConsultantPlus.

** **Miroshnik Svetlana Valentinovna** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of Law, State and Judicial Power of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. E-mail: miroshnik67@mail.ru

structions find their practical implementation and development in the framework of constitutional legal proceedings. The key powers of the Constitutional Court of the Russian Federation related to gaps are analyzed: identification of gaps in legislation, their assessment for compliance with the Constitution of the Russian Federation, as well as the legal positions of the Court aimed at eliminating or overcoming them. It is proved that the Constitutional Court, without replacing the legislator, plays an active role in legal regulation, using such mechanisms as constitutional and legal interpretation of the principles and norms of law, direct indications of the need for legislative regulation of public relations. The conclusion formulates conclusions on the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in ensuring the consistency and consistency of Russian law, sets out the author's classification of gaps in law.

Keywords: *gaps in law, general theory of law, Constitutional Court of the Russian Federation, law enforcement, overcoming gaps, legal positions, analogy of law, analogy of law, constitutional court proceedings, legislative gaps, filling gaps, consistency of law.*

Gaps in law are one of the most debated topics in legal science, doomed to eternal relevance. The foundations of the study of possible errors in the law, due to its general nature, the nature of the object of the law [11, p. 110], were laid in the writings of many representatives of political and legal thought of the past [10, p. 425], continued by modern researchers, and, most likely, this eternal intellectual relay race will never stop, since science develops together with society, the process of learning the truth is complex, contradictory and endless.

According to S.V. Lipen, four stages can be distinguished in the development of the theory of gaps in law, namely:

– from ancient times to the XVIII century (the period of lax attitude towards gaps and ways to overcome them),

– XVIII century – the first half of the XIX century (recognition of the importance of the law, its possible incompleteness as a disadvantage, critical attitude to the possibility of overcoming it in judicial activity),

– the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century (formation of the theory of the logical immutability of law, recognition of the objective nature of gaps in law, discussions about the possibility of overcoming them in judicial practice),

– the middle of the XX century – the beginning of the XXI century (the development of a theory of gaps in law, ways to eliminate and overcome) [5, p.34].

Despite such a long historical search, the scientific discussion about the possibility of recognizing the gaps or non-gaps of law is actively continuing.

Thus, according to V.Y. Panchenko, law is unlimited – the comprehensiveness of legal regulation is achieved thanks to the principles of rights as special regulatory means [12, pp. 34–35].

V.V. Yershov recognizes that "in most cases, law is unlimited" [13, p.188], there can be a gap in law only if there are no principles and norms of law as a whole in a single developing system of forms of law [123, p.195].

At the same time, S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov believe that "law and legal reality appear to be complex and dialectically contradictory phenomena. Gaps are an integral component of law", an independent facet of law [3, p. 108].

In our opinion, law is both a gap and a gap, thus acting as another vivid example of the manifestation of the law of unity and the struggle of opposites. The legal gap is possible due to the fact that "1) life is vast and no legislator is able to provide for all its combinations without exception, and 2) life is constantly moving forward and can create new combinations that did not exist at the time of the issuance of current laws" [10, p.425].

But the process of legal regulation is constant and endless, it cannot stop, encountering legal uncertainty in its path. Law is a systemic unity of principles and norms of law – primary and secondary legal regulators developed on their basis. Therefore, in the absence of the latter, the behavior of participants in legal relations is determined by fundamental, universal, maximally abstract and imperative theoretical provisions.

The recognition of the gap and impenetrability of law is based on the idea of splitting a single right into opposites and their cognition. The unity and struggle of the gaps and non-gaps of law lies at the heart of legal development, characterized by stability and variability, continuity and renewal [9, pp.6–8].

The recognition of law as both piecemeal and impotent necessitates a scientific analysis of the gaps in law. The understanding of the gap in law, formulated in the middle of the last century by the authoritative theorist of law, Professor V.V. Lazarev [6, p.190]. A gap in law in its understanding is "the complete or partial absence of normative institutions, the need for which is due to the development of social relations and the needs for practical solution of cases, the basic principles, policies, meaning and content of the current legislation, as well as other manifestations of class will aimed at regulating life facts in the sphere of legal influence" [7, p.37]. In the future, a well-known jurist, developing his teachings, interprets the gap in law as "the complete absence or incompleteness of the regulation that, due to objective or subjective circumstances, should be" [8, p.70].

The problem of gaps in law has become the subject of scientific research by many scientists. It is noteworthy, for example, to consider a gap in legislation as a law-making error with "the ability to cultivate legal nihilism in the legal consciousness" [4, p.118], recognizing the absence of legal norms as a consequence of a flaw in legislative technology [1, p. 285–286]. At the same time, in legal doctrine and practice, such essentially synonymous concepts as "gap in law", "gap in law", "gap in legislation", "legal gap", "gap in legal regulation" are used to denote a lack of generally binding rules of conduct.

Generalization of scientific ideas allows us to state the presence of a gap in the law in the case when:

– there is a legal relationship that objectively needs to be regulated by law;

– there is no rule of law intended to regulate this particular type of legal relationship, or its content is uncertain.;

– the absence of a rule of law is accidental, unintended (the current situation does not allow recognizing the existence of qualified silence by the legislator, a generally binding rule of conduct is objectively necessary).

Gaps in the law complicate the process of legal realization. Any public authority can face a situation of unresolved issues, but only a court can definitively resolve the problem. He is, in fact, the only entity that actually overcomes the gaps in the law. Judicial law enforcement is a system-forming element of the system of law enforcement activities, and all participants in legal relations are guided by its results.

Therefore, it is not surprising that the analyzed phenomenon was duly evaluated in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which not only identified the essential features of gaps in legal regulation, but also developed and implemented the most optimal models for their elimination and overcoming.

In the opinion of the supreme judicial body of constitutional control, the gap in legal regulation is:

– "the formal absence of regulation of public relations, which need it in terms of the requirements for the protection of constitutional values and the implementation of constitutional principles, including the lack of regulation of certain material or procedural components in the structure of the legal relationship modeled by the norm,

– or the actual absence of proper regulation, i.e. ensuring effective regulatory regulation of relevant relations" [2].

The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation are valuable for both theory and practice. The constitutional control body, recognizing a particular norm of a legal act that does not comply with the Constitution of the Russian Federation, not only states, but at the same time instructs the legislator to eliminate the situation of legal uncertainty that has emerged. At the same time, the constitutional control body uses different models of legal response due to the nature of the risks of violating human and civil rights and freedoms, as well as general principles of law. The most common are the following.

The first model, conventionally designated by us as traditional, is expressed in the statement of a gap in the law and the need to eliminate it by adopting an appropriate legal act. At the same time, in some cases, the Constitutional Court of the Russian Federation introduces temporary legal regulation of legal relations, effective until the adoption of the necessary legal act. For example, in connection with the recognition of the provisions of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation as inconsistent with constitutional norms, the constitutional control body indicated that "until necessary changes are made to the current legal regulation ... movement across the State border of the Russian Federation with states – by members of the Customs Union within the framework of the EurAsEC, medicines containing potent substances that are not narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors or analogues, by individuals for personal use must be carried out taking into account the conditions established in accordance with the Federal Law "On the Circulation of Medicines" [14].

Recognizing Article 183 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation as inconsistent with the Constitution of Russia, the Constitutional Court of the Russian Federation stated that "until amendments are made to the legal regulation ... the recoverer or debtor has the right to apply to the arbitration court with an application for indexation of the awarded sums of money within a period not exceeding one year from the date of execution by the debtor of the judicial act. At the request of the recoverer or the debtor, this period may be restored by the court if it was missed for valid reasons" [15].

The natural development of the institute of constitutional control has led to the emergence of new models of influence on subjects of law-making activity. One of them is expressed in the use of the legal construction "as soon as possible", "as soon as possible". Thus, in one of the Rulings, the Constitutional Court of the Russian Federation emphasized that the opportunity to provide oneself and one's loved ones with a livelihood by one's own labor is a natural good, without which many other benefits and values are unattainable. Freedom of work, the right to freely dispose of one's abilities to work, choose one's occupation and profession, as well as the right to remuneration for work without discrimination of any kind and not lower than the minimum wage established by federal law are among the fundamental human rights and freedoms "inalienable and belonging to everyone" [16]. Recognizing the fifth part of Article 157 of the Labor Code of the Russian Federation as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation, the constitutional control body called on the federal legislator to introduce new legal regulation as soon as possible, defining the minimum wage for time "during which creative workers do not participate in the creation and (or) performance (exhibition) of works or do not perform" [16].

In another case, given the complexity of the subject of legal regulation and the resulting impossibility of establishing a temporary procedure for influencing public relations, the Constitutional Court of the Russian Federation suggested that the federal legislator "make the necessary changes to legislative regulation as soon as possible" to ensure that citizens suffering from orphan diseases enjoy the right to medication [17].

Sometimes the constitutional control body suggests to the federal legislator to eliminate the existing legal uncertainty on the issue under consideration before a certain date, in case of non-fulfillment of this instruction, the legal regime determined by this judicial instance begins or continues to operate from that date. For example, the Constitutional Court of the Russian Federation indicated that in the absence of necessary changes in the legislative acts on taxes and fees, from January 1, 2025, professional tax deductions will be provided to individuals who do not have the legal status of individual entrepreneurs, whose activities are recognized by the tax authorities as entrepreneurial [18].

Limitations on the scope do not allow us to present in this article other examples of the studied decisions of the supreme judicial body of constitutional control. Their systematic analysis makes it possible to propose another possible gradation of gaps in the law – their division, depending on the degree of risk in the realization of human and civil rights and freedoms, into ordinary (should be eliminated by the law-making entity as far as possible, in a planned manner) and urgent (requiring immediate action by law-making entities). This classification, based on the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, is interesting both from a theoretical and a practical point of view. It provides an opportunity to analyze the "pain points" of the legal regulation of public relations and develop the most optimal models for their elimination, as well as prevention in the future.

Conclusions: a gap in law can be defined as any situation of unsettled social relations caused by both the absence of a specific rule of law and the impossibility of its implementation in the relevant legal act, legal contract due to ambigui-

ty, ambiguity, incorrectness of content, that is, the inability to clarify the essence of the will of the law-making subject. An analysis of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation makes it possible to classify gaps in the law depending on the degree of risk in the realization of human and civil rights and freedoms into ordinary and urgent ones. Judicial law enforcement is a system-forming element of the mechanism for overcoming gaps in the law.

Bibliographic list

1. Actual problems of the theory of state and law: textbook/ collective of authors; ed. by V.D. Perevalov. – Moscow: JUSTITIA, 2019. – 440 p.

2. Information "Constitutional and legal aspects of improving rule-making activities (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2013–2015)": approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/23/2016. The text of the document is provided in accordance with the publication on the website http://www.ksrf.ru / as of 07/04/2016.

3. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Gaps in law – the facet of the comprehensive theory of its cognition, //Gaps in positive law: doctrine and practice : Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists, Moscow, February 20–21, 2020 / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Limited Liability Company Publishing House "Jurisprudence", 2021. pp. 93–104.

4. *Kostenko M. A.* A gap in law as a kind of law-making error / M. A. Kostenko // Izvestiya SFU. Technical sciences. – 2008. –№ 10(87). – Pp. 117–123.

5. *Lipen S.V.* The theory of gaps in law in its historical development and the work of Professor V.V. Lazarev//Gaps in Positive Law: Doctrine and Practice : Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists, Moscow, February 20–21, 2020 / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Limited Liability Company Publishing House "Jurisprudence", 2021.pp. 33–57.

6. *Lipen S. V.* Ideas of establishing and overcoming gaps in law in the Russian legal science of the second half of the XIX – early XX centuries / S. V. Lipen // Actual problems of economics and law. – 2012. – No. 3. – pp. 190–197.

7. *Lazarev V. V.* Gaps in law and ways to eliminate them : a monograph / V. V. Lazarev. – repr. ed. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2023. – 184 p. – ISBN 978-5-91768-560-1. – Text: electronic. – URL: https://znanium.com/catalog/product/1895641 (date of access: 04/19/2024). – Access mode: by subscription.

8. *Lazarev V. V.* Problems of gaps in law in the light of postclassical philosophy / V. V. Lazarev // Gaps in positive law: doctrine and Practice : Proceedings of the VI International Scientific Conference of Legal Theorists, Moscow, February 20–21, 2020 / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – Moscow: Limited Liability Company Publishing House "Jurisprudence", 2021. pp. 55–77.

9. *Loifman I.Ya.* Dialectical definition of the subject (methodological aspect)// The identity of opposites as a methodological problem: Collection of scientific papers Sverdlovsk: USU, 1987. pp. 5–11.

10. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the philosophy of law. Volume I. Tomsk: publishing house of the V.M. Posokhin bookstore, 1914. – 628 p.

11. Nicomachean ethics/ Aristotle. – Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. –222 p.

12. *Panchenko V.Y.* Principles of legal regulation as a means of ensuring the security of law//Gaps in Russian legislation. –2012. –No. 1. – pp. 32–37.

13. Regulation of legal relations: A monograph. Moscow: RGUP. – 564 p .

14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/16/2015 No. 22-P "On the case of checking the constitutionality of the provision of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens of the Republic of Kazakhstan O.E. Nedashkovsky and S.P. Yakovlev"// Official Internet portal of Legal Information http://www.pravo.gov.ru , 22.07.2015.

15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/20/2024 No. 31-P "On the case of Checking the Constitutionality of Article 183 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation"// Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2024. No. 27. Art. 3914.

16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06.10.2021 No. 43-P "In the case of checking the constitutionality of part five of Article 157 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.A. Minina"// Official Internet portal of legal Information http://pravo.gov.ru , 08.10.2021.

17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/26/2024 No. 41-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 10 of Part 1 of Article 16 and Part 9 of Article 83 of the Federal Law "On the Basics of Public Health protection in the Russian Federation" in connection with the request of the State Council of the Republic of Tatarstan"// Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 40. Art. 6055.

18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/14/2024 No. 6-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 221 and subparagraph 1 of paragraph 1 of Article 227 of the Tax Code of the Russian Federation, Part 5 of Article 200 and Part 3 of Article 201 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens Yu.M. Buzhin and L.V. Salimzhanova"// The official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru , 02/15/2024.

For citation: *Miroshnik S.V.* Gaps in law from the perspective of the general theory of law and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Theory of state and law. 2025. No. 4(46). – P. 94 – 97.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_90

Научная статья

УДК: 340.12 + 342.724
ББК: 67.022
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_98

В.В. Михайлов*

РУССКОЕ И РУССКОЯЗЫЧНОЕ НА УКРАИНЕ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ДЕНАЦИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются правовые вопросы одной из важнейших целей проводимой Российской Федерацией специальной военной операции на Украине – денацификации и восстановления прав значительных групп бывшего и настоящего украинского населения. Проводимая украинским государством и ее не легитимной властью нацификаторская политика привела к серьезным нарушениям прав русского, русскоязычного и в целом неукраноязычного населения, и одновременно поставила мировое и отечественное правозащитное сообщество перед острыми вопросами реализации международной системы защиты культурных прав индивида и целых национальных и языковых групп.*

Ключевые слова: *денацификация, нацизм на Украине, языковые права, групповые права, культурные права.*

Международное правозащитное сообщество весь период гражданского конфликта в Восточных регионах Украины игнорировало вопросы нарушения украинским правительством прав русского и русскоязычного населения, составляющего несомненное большинство. В 2012 году, еще до проведения референдума в Крыму, Донецке и Луганске о присоединении к Российской Федерации, Тадеуш Ольшански в своем исследовании «Вопрос о языке на Украине: попытки решения в новой перспективе» утверждал, что «позитивная дискриминация» в отношении русскоязычных граждан не воспринимается самими этими гражданами как «нечто важное, и они не считают, что их дискриминируют по языковому принципу» [15, p. 51]. Ольшански утверждает, что враждебность по этому вопросу существует только между группами элит в украинском обществе, и, следовательно, имеет только «политическое», «идеологическое», а не социологическое измерение. Спустя два года эти тезисы польского эксперта были опровергнуты самой историей, когда три русскоязычных региона вышли из украинской юрисдикции и после проведения референдума заявили о своем решении войти в состав Российской Федерации.

Что же касается разделения элит, то Ольшански все же признал, что «националисткое» направление характерно для украиноязычных, а не русскоязычных представителей власти и лидеров общественного мнения, но он не увидел в этом опасности для целостности украинского общества и государства, и, напротив, попытки российской дипломатии на основе принятых, в том числе международным правозащитным сообществом, правовых актов защищать языковые права на Украине, были без всяких оснований названы «шовинистическим инструментом символической и политической реинтеграции бывшей Империи» [15, p. 52].

Языковой вопрос является в большой степени показателем национальной идентичности, поэтому украинская идеологическая система оказалась перед дилеммой «русскоязычности» и «русскости». Суть этой дилеммы можно определить как групповые различия, связанные с комплексом культурного самоопределения. При этом, если смотреть на международную практику правовой защиты, то именно защита национальных групп явилась той базой, на которой строилась вся последующая система. И, как мы уже писали, «теоретическая систематизация должна основываться и кристализоваться вокруг наиболее разработанных областей права, имеющих признанное обоснование и практическую реализацию, подтвержденную прогрессивным движением обществ, их реализующих, к главной цели – осуществлению всеобщих прав человека» [10, с. 15].

* **Михайлов Вадим Викторович –** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории ЛГУ им. А.С. Пушкина. E-mail: batukom@mail.ru

Русскоязычность в данной перспективе является частью «русскости», однако, на уровне отдельной личности имеет место и разнесение данных идентификаций – и русскоязычный гражданин вполне может осознавать и называть себя «украинцем». Именно этот культурный, в своей основе сплит определяет политический аспект идентификационных маркеров. И здесь национальность как «генетическая», родовая характеристика переходит в принадлежность государственно-политического устройства, а негативным фоном попытки устранения этого разнесения становятся нацистские формы идеологии, политики и юридической системы. Собственно, именно эти государственные или поощряемые государством и властью формы унификации населения и представляют опасность для единства гражданского общества, а в области правовой защиты требуют конкретной реализации и восстановления попранных прав.

Многие западные и украинские теоретики указывают на тот факт, что многие языки не делают различия между национальностью как гражданством, и национальностью как этнической характеристикой. Американец, не обязан уточнять свою этническую характеристику, однако, как можно видеть по событиям последних лет, такое «спрятанное» национальное самоопределение выходит наружу взрывными социальными процессами, и быстро распространяющийся раскол затрагивает не только гражданские массы, но и политическую систему.

Американская правозащитная практика долгое время уходила от логически точного и ясного определения объектов защиты и содержания права на защиту этнических групп, развивая, так сказать, разовую, а не системную практику «аффирмативных мер, для понесших тот или иной ущерб групп (не только этнических, но и интеллектуальных или даже гендерных, например, феминистских), заключающемся в признании и принятии мер по компенсации ущерба в отношении установленного числа лиц» [9, с. 296]. В результате этно-национальный элемент, столь долго не признаваемый в США политическим и юридическим истеблишментом, прорвался в радикальной форме движения «Черные жизни имеют значение», актам гражданского самовыражения, а часто и откровенно уголовной «экспроприации экспроприаторов». Схожие социальные проблемы возникли и в результате политизации в США групп сексуальных меньшинств.

Ситуация на Украине привела к еще большему гражданскому взрыву в 2014 году, а нежелание мирового сообщества обратить внимание и восстановить нарушаемые права русского и русскоязычного населения сделало для Российской Федерации неизбежным начало специальной военной операции, как запоздалый ответ на объявленную украинской властью «антитеррористическую операцию» на Донбассе, декоммунизацию истории Украины и дерусификацию ее культуры и языка..

При этом, требования русскоязычного населения, которые поддерживали (до поры до времени на расстоянии) в России, заключались в довольно умеренных политических средствах: деунификации и правовых гарантиях сохранения культурной и языковой идентификации. Эти требования отвечали всем условиям международной правозащитной системы, которые в целом были приняты уже к концу XX века. В ответ украинское правительство приняло правовые акты, откровенно попирающие международное право [3; 4], а «обращения ответственных российских государственных органов в международные правозащитные организации… не принесли никакого результата» [7, с. 168].

Можно отметить, что два украинских закона развели языковую и этно-национальную идентичность, широким фронтом нарушив культурные права как множества групп русскоязычных, так и этнических русских на Украине, что содействовало сплочению гражданского общества восточных регионов Украины в противодействии нацистской политики властей, и сделало неизбежным участие в этом гражданском конфликте Российской Федерации.

Военные действия на Украине и на перешедших под российскую юрисдикцию русскоязычных регионах, безусловно, привели к другим нарушениям прав гражданского населения и военных-участников боевых действий. Население Украины радикализировалось, как это произошло и с негритянским населением в США, причем, в гораздо более культурно-значимых формах. Произошел полный запрет на русский язык, русскую культуру и длительный период совместной истории, преследование православной церкви вылилось в захват храмов, насилие над священнослужителями и прихожанами, уничтожение священных церковных реликвий [5].

Насаждение откровенно фашистских форм идеологии «включая проведение агрессивной пропаганды этой идеологии, фальсификацию истории Великой Отечественной и Второй мировой войн с целью прославления нацистов и их пособников» [12, с. 4], зачастую негативно влияет

на дипломатические отношения Украины со своими сегодняшними союзниками, в частности, с Польшей, Румынией, но это не останавливает украинскую власть, поскольку именно неонацистские действия запугивают гражданское население и способствуют дальнейшей радикализации тех, кто в той или иной мере пострадал от последствий СВО, а, таких, к сожалению становится все больше. В результате нацистская идеология продолжает распространяться в украинском обществе.

Этому способствует и тот факт, что мировые средства массовой информации и коммуникации осуществляют жесткую цензуру в отношении критики конкретных форм проявления неонацизма на Украине. Модерировались любые сообщения, объективно отражающие российскую позицию в украинском конфликте, материалы, содержащие подтверждения и критику нацистских методов украинской власти, оставляя в общемировом информационном пространстве любые, самые агрессивные формы поддержки украинской власти и украинских вооруженных сил и гражданских активистов, «призывы «убивать русских», пособия по способам убийства и изготовлению взрывчатых веществ и иной контент аналогичной направленности» [4, с. 113]. В результате террористическая деятельность украинских агентов распространяется, при поддержке и с умолчанием западного мира, на территорию Российской Федерации.

Международный правозащитный аспект украинского конфликта еще предстоит исследовать с разных сторон. В него будет входить такие вопросы, как правовая оценка передачи Украине западного вооружения, включая запрещенное международным законодательством; вопросы идеологической поддержки нарушения прав русского и русскоязычного населения, «отрицания» русской культуры и истории (о чем неоднократно заявляли российские представители на заседаниях международных организаций [2]); вопросы нарушения Украиной международного права в ходе её агрессии и оккупации российских территорий, как в отношении российских военных, защищавших границу и территорию России, так и в отношении гражданского населения (и это уже относится к вопросам «уголовно-правовой охране личности во время вооруженных конфликтов… в режиме оккупации» [1, с. 148]).

В целом, вопросы уголовного преследования за нарушение прав человека являются самыми сложными для реализации в международном праве. Здесь, как нам видится, возможна ситуация, когда международные блоки могут создать отдельные суды по нарушению прав человека в украинском конфликте, и вопрос международного влияния будет иметь решающее значение. Поэтому подготовка к созданию такого международного суда, объективно признающего интересы Российской Федерации, должна вестись уже сегодня, если не вчера. «Международная правовая практика уже имеет ряд примеров применения норм Римского Статута к военным преступлениям, совершенным в ряде стран» [11, с. 25]. И, хотя правительство Украины до сих пор не ратифицировало Римский статус, его 25 статья, утверждающая ответственность за военные преступления на конкретных лиц, в том числе, исполняющих и издающих приказы, остается для руководства реальной угрозой в случае начала расследования их антизаконных и антигуманных действий [13].

На наш взгляд особенно сложными для будущего правого регулирования станут вопросы, обозначенные в целях специальной военной операции, как денацификация, и не только по причине нежелания западных стран содействовать борьбе с неонацизмом, как по причинам личной истории современных политических лидеров таких государств как Германия или Польша, но по той причине, что только национальная и языковая унификация позволит Украине сохранять свой унитарный строй и политический уникум. «Украинство» до сих пор остается неидентифицируемым для значительного числа украинских граждан иной национальности, например, венгерского, румынского и польского происхождения и их национальной и языковой самоидентификации. Так что «унитарный тип государства, декларируемый конституцией Украины, никак не отвечает действительному состоянию страны и самосознанию и правовому самочувствованию значительных групп населения» [8, с. 45].

Но в мире Украина, не имеющая официально признанных под гарантиями границ с соседями, остается в какой-то мере «недогосударством», что и во многом определяет отношение к ней со стороны западных лидеров. Соглашение В. Зеленского о недрах с Д. Трампом, несмотря на его предварительный статус, несомненно показывает пределы украинской суверенности [14]. И понимание того, что украинской национальности в смысле даже простого гражданства, явно не хватает правовой и моральной определенности и международного влияния, имеется в граж-

данском обществе Украины, особенно проявляясь в правовых конфликтах на основе национальной идентичности. И это, в свою очередь, «вынуждает» украинскую власть ужесточать нацификаторские меры, силовыми, антиправовыми мерами и проводить унификационную политику украинизаторства. Так что можно предполагать, что нарушения прав личности, групповых прав на Украине не прекратятся, а, возможно, будут принимать еще более незаконные формы.

Не меньше работы предстоит отечественным правоведам и дипломатам на присоединившихся к Российской Федерации территориях. Русскоязычное население этих регионов имело полное право на требование компенсации за несправедливо отношение и непризнание своих неотъемлемых прав, отраженное в законодательных актах Украины, начиная с принятия «языкового закона» и отрицания для русскоязычных украинцев статуса «коренного народа» в законе «О коренных народах». Такую компенсацию не в полной мере они получили, выйдя из украинской юрисдикции и войдя всей территорией в состав Российской Федерации. И, хотя, «концепция национальной автономии и основывающийся на ней институт автономии как форма демократического «распределения власти» между проживающими в одном государстве народами до сих пор остаются в теоретическом плане проблемными, а в практическом – экспериментальными» [6, с. 276], это дало народам данных территорий гарантию дальнейшего ненарушения их основополагающих прав человека и культурных прав, в первую очередь самостоятельного политического развития в рамках федеративного государства, а также признания их культурной, языковой и национальной самоидентификации. При этом, вопрос о материальной и моральной компенсации за период нарушения прав и борьбы на них остается под вопросом. Военные действия, ведущиеся здесь с 2014 года принесли неимоверные страдания гражданскому населению, но показали неистребимое желание русскоязычных и русских, бывших «украинцев» отстаивать свое право на русскость.

Украинское население вышеупомянутых регионов, относительно недавно ставших частью Российской федерации составляющее, хотя и меньшинство, но все же значительную группу также нуждается в гарантиях соблюдения их прав. Следует четко и однозначно разделить «денацификацию» от «нацификации» украинского образца и законодательно и гарантированно закрепить права украинского меньшинства в соответствии с международным законодательством и отечественной правовой и правозащитной системой, которая имеет успешную историю своего становления и развития.

Библиографический список

1. *Бадло М.С.* Уголовно-правовая охрана личности во время вооруженных конфликтов международного характера в режиме оккупации // Рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2014. – Выпуск 4 (148). – С. 146–149.

2. Грубые нарушения прав русского и русскоязычного населения в некоторых государствах-участниках ОБСЕ как открытое пренебрежение международным правом и международно-правовыми инструментами Выступление Постоянного представителя Российской Федерации А.К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ 7 апреля 2022 года // PC.DEL/526/22. – 8 April 2022.

3. Закон Украины от 1 июля 2021 года № 1616–IX «О коренных народах» Украины». . Электронный источник: zakon.rada.gov.ua/go/1616-19 (дата обращения 15.06.2025).

4. Закон Украины от 16 июля 2019 года № 2704 «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного. Электронный источник: zakon.rada.gov.ua/go/2704-19 (дата обращения 15.06.2025).

5. *Мельников С.А.* Хроника «черного десятилетия». Религиозные гонения на Украине 2014–2023 гг. / С.А. Мельников, П.В. Лебедев, В.А. Бегдаш. – М.: Юрист, 2023. – 336 с.

6. *Михайлов В.В.* Автономия и национальное самоопределение как формы правовой защиты коллективных (групповых) прав // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 3 (52). – С. 272–277.

7. *Михайлов В.В.* Групповые права и проблемы признания культурного геноцида иноязычных сообществ на Украине // Теория государства и права. – 2023. – № 4 (33). – С. 164–175.

8. *Михайлов В.В.* Правовая защита народов Крыма и проблемы идентифицируемости «украинства» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – с. 44–50.

9. *Михайлов В. В.* Правовой механизм компенсации за несправедливые действия против групп меньшинств: автономия и национальное самоопределение как формы защиты коллективных (групповых) прав национальных меньшинств // Закон. Право. Государство. 2020. № 3 (26). С. 294–303.

10. *Михайлов В.В.* Третье поколение прав человека и вопрос о правовой защите русскоязычного населения Украины // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. – 2021. – № 11(5). – С. 10–18.

11. *Михайлов В.В.* Юридические проблемы непризнания уязвимых групп на Украине: международная правовая защита официально неидентифицируемых групп в ходе длительного немеждународного военного конфликта // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 3 (65). – С. 20–33.

12. О ситуации с правами человека на Украине. Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М.: МИД, 2024. – 204 с.

13. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 15.06.2025).

14. Текст Соглашения о недрах между США и Украиной (30 апреля 2025 г.). Электронный источник: https://www.mischenkov.ru/tpost/00gk5y8pt1-tekst-soglasheniya-o-nedrah-mezhdu-ssha#head (дата доступа 15.06.2025)

15. *Olszański.* The language issue in Ukraine. An attempt at a new Tadeusz A. perspective // OSW Studies. – May 2021. – No 40.– 60 p.

Для цитирования: *Михайлов В.В.* Русское и русскоязычное на Украине: правовые вопросы денацификации // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 98 – 102.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_98

RUSSIAN AND RUSSIAN-SPEAKING IN UKRAINE: LEGAL ISSUES OF DENAZIFICATION

Vadim V. Mikhailov*

Annotation. *The article examines the legal issues of one of the most important goals of the special military operation conducted by the Russian Federation in Ukraine – the denazification and restoration of the rights of significant groups of the former and present Ukrainian population. The Nazification policy pursued by the Ukrainian state and its illegitimate authorities has led to serious violations of the rights of the Russian, Russian-speaking and generally non-Russian-speaking population, and at the same time has put the international and domestic human rights community in front of pressing issues of implementing the international system for the protection of cultural rights of individuals and entire national and linguistic groups.*

Keywords: *denazification, Nazism in Ukraine, language rights, group rights, cultural rights.*

Throughout the entire period of the civil conflict in the Eastern regions of Ukraine, the international human rights community ignored the issues of violation by the Ukrainian government of the rights of the Russian and Russian-speaking population, which make up the undoubted majority. In 2012, even before the referendums in Crimea, Donetsk and Lugansk on joining the Russian Federation, Tadeusz Olszanski argued in his study "The question of language in Ukraine: attempts to solve it in a new perspective" that "positive discrimination" against Russian-speaking citizens is not perceived by these citizens themselves as "something important, and they do not believe that they are discriminated against on the basis of language" [15, p. 51]. Olshansky argues that hostility on this issue exists only between elite groups in Ukrainian society, and therefore has only a "political", "ideological", and not a sociological dimension. Two years later, these theses of the Polish expert were refuted by history itself, when three Russian-speaking regions withdrew from Ukrainian jurisdiction and, after a referendum, announced their decision to join the Russian Federation.

As for the separation of elites, Olshansky nevertheless acknowledged that the "nationalist" trend is characteristic of Ukrainian-speaking, rather than Russian-speaking government officials and opinion leaders, but he did not see this as a danger to the integrity of Ukrainian society and the state, and, on the contrary, attempts by Russian diplomacy based on accepted, including international standards. The human rights community, legal acts to protect language rights in Ukraine, have been described without any reason as a "chauvinistic tool for the symbolic and political reintegration of the former Empire" [15, p. 52].

The language issue is to a large extent an indicator of national identity, which is why the Ukrainian ideological system is faced with the dilemma of "Russianness" and "Russianness." The essence of this dilemma can be defined as group differences related to a complex of cultural self-determination. At the same time, if we look at the international practice of legal protection, it was the protection of national groups that was the basis on which the entire subsequent system was built. And, as we have already written, "theoretical systematization should be based and crystallized around the most developed areas of law, which have a recognized justification and practical implementation, confirmed by the progressive movement of societies implementing them towards the main goal – the realization of universal human rights" [10, p. 15].

* **Mikhailov Vadim Viktorovich –** Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of the Pushkin Leningrad State University. E-mail: batukom@mail.ru

Russian-speaking in this perspective is part of "Russianness", however, at the level of an individual, there is also a separation of these identifications – and a Russian-speaking citizen may well realize and call himself a "Ukrainian". It is this cultural, basically split that determines the political aspect of identification markers. And here nationality, as a "genetic", generic characteristic, turns into belonging to the state-political system, and the Nazi forms of ideology, politics and the legal system become the negative background of attempts to eliminate this diversity. In fact, it is precisely these forms of unification of the population, either State-sponsored or encouraged by the State and the authorities, that pose a danger to the unity of civil society, and in the field of legal protection require the concrete implementation and restoration of violated rights.

Many Western and Ukrainian theorists point to the fact that many languages do not distinguish between nationality as citizenship and nationality as an ethnic characteristic. An American is not required to specify his ethnic characteristics, however, as can be seen from the events of recent years, such "hidden" national self-determination is coming out through explosive social processes, and the rapidly spreading split affects not only the civilian masses, but also the political system.

For a long time, American human rights practice has been moving away from a logically precise and clear definition of the objects of protection and the content of the right to protect ethnic groups, developing, so to speak, a one-time, rather than a systematic practice of "affirmative measures" for groups that have suffered some kind of damage (not only ethnic, but also intellectual or even gender-based, for example, feminist) which consists in recognizing and taking measures to compensate for damage in respect of a specified number of persons" [9, p. 296]. As a result, the ethno-national element, so long unrecognized in the United States by the political and legal establishment, broke through in the radical form of the "Black Lives matter" movement, acts of civic expression, and often outright criminal "expropriation of expropriators." Similar social problems have arisen as a result of the politicization of sexual minority groups in the United States.

The situation in Ukraine led to an even greater civil explosion in 2014, and the unwillingness of the world community to pay attention to and restore the violated rights of the Russian and Russian-speaking population made it inevitable for the Russian Federation to launch a special military operation as a belated response to the "anti-terrorist operation" announced by the Ukrainian authorities in Donbas, the decommunization of Ukraine's history and the de-russification of its culture and language...

At the same time, the demands of the Russian-speaking population, which were supported (for the time being at a distance) in Russia, consisted of rather moderate political means: deunification and legal guarantees for the preservation of cultural and linguistic identification. These requirements met all the conditions of the international human rights system, which were generally accepted by the end of the twentieth century. In response, the Ukrainian government adopted legal acts that blatantly violate international law [3; 4], and "appeals from responsible Russian government agencies to international human rights organizations… they did not bring any result" [7, p. 168].

It can be noted that two Ukrainian laws have separated linguistic and ethno-national identity, violating the cultural rights of both many groups of Russian-speaking and ethnic Russians in Ukraine on a broad front, which contributed to the consolidation of civil society in the eastern regions of Ukraine in countering the Nazi policies of the authorities, and made the participation of the Russian Federation in this civil conflict inevitable.

The military actions in Ukraine and in the Russian-speaking regions that have come under Russian jurisdiction have certainly led to other violations of the rights of the civilian population and military participants in hostilities. The population of Ukraine was radicalized, as it happened with the Black population in the United States, and in much more culturally significant forms. Russian Russian language, Russian culture, and a long period of shared history were completely banned, and the persecution of the Orthodox Church resulted in the seizure of churches, violence against clergy and parishioners, and the destruction of sacred church relics [5].

The imposition of openly fascist forms of ideology "including aggressive propaganda of this ideology, falsification of the history of the Great Patriotic War and World War II in order to glorify the Nazis and their accomplices" [12, p. 4], often negatively affects Ukraine's diplomatic relations with its current allies, in particular, with Poland and Romania, but this does not stop the Ukrainian authorities, since it is precisely neo-Nazi actions that intimidate the civilian population and contribute to the further radicalization of those who have suffered in one way or another from the consequences of their actions, and, unfortunately, such It's getting bigger. As a result, Nazi ideology continues to spread in Ukrainian society.

This is also facilitated by the fact that the world's mass media and communications carry out strict censorship of criticism of specific forms of neo-Nazism in Ukraine. Any messages objectively reflecting the Russian position in the Ukrainian conflict, materials containing confirmations and criticism of the Nazi methods of the Ukrainian government were moderated, leaving in the global information space any, the most aggressive forms of support for the Ukrainian government and the Ukrainian armed forces and civil activists, "calls to kill Russians," manuals on methods of murder and manufacture of explosives, etc. other content of a similar orientation" [4, p. 113]. As a result, the terrorist activities of Ukrainian agents are spreading, with the support and with the silence of the Western world, to the territory of the Russian Federation.

The international human rights aspect of the Ukrainian conflict has yet to be explored from different angles. Russian Russian law will include issues such as the legal assessment of the transfer of Western weapons to Ukraine, including those prohibited by international law; issues of ideological support for violations of the rights of the Russian and Russian-speaking population, and the "denial" of Russian culture and history (as Russian representatives have repeatedly stated at meetings of international organizations [2]).; the issues of Ukraine's violation of international law during its aggression and occupation of Russian territories, both in relation to the Russian military, who defended the border and territory of

Russia, and in relation to the civilian population (and this already applies to the issues of "criminal protection of the individual during armed conflicts ... in the occupation regime" [1, p. 148]).

In general, the issues of criminal prosecution for human rights violations are the most difficult to implement in international law. Here, as we see it, there may be a situation where international blocs may create separate courts for human rights violations in the Ukrainian conflict, and the issue of international influence will be crucial. Therefore, preparations for the creation of such an international court, which objectively recognizes the interests of the Russian Federation, should be carried out today, if not yesterday. "International legal practice already has a number of examples of the application of the norms of the Rome Statute to war crimes committed in a number of countries" [11, p. 25]. And, although the Government of Ukraine has not yet ratified the Rome Statute, its article 25, which establishes responsibility for war crimes against specific individuals, including those who execute and issue orders, remains a real threat to the leadership in the event of an investigation into their illegal and inhumane actions [13].

In our opinion, the issues designated as denazification for the purpose of a special military operation will become particularly difficult for future legal regulation, and not only because of the unwillingness of Western countries to contribute to the fight against neo-Nazism, as for reasons of the personal history of modern political leaders of states such as Germany or Poland, but also because only national and linguistic unification will allow Ukraine to maintain its unitary system and political uniqueness. "Ukrainianism" still remains unidentifiable for a significant number of Ukrainian citizens of other nationalities, for example, Hungarian, Romanian and Polish origin and their national and linguistic self-identification. So, "the unitary type of state declared by the Constitution of Ukraine does not correspond in any way to the actual state of the country and the self-awareness and legal self-awareness of significant groups of the population" [8, p. 45].

But in the world, Ukraine, which does not have officially recognized borders with its neighbors, remains to some extent a "non-state," which largely determines the attitude of Western leaders towards it. Zelensky's agreement on mineral resources with Donald Trump, despite its tentative status, undoubtedly shows the limits of Ukrainian sovereignty [14]. And the understanding that Ukrainian nationality, in the sense of even simple citizenship, clearly lacks legal and moral certainty and international influence exists in the civil society of Ukraine, especially manifested in legal conflicts based on national identity. And this, in turn, "forces" the Ukrainian authorities to tighten their Nazification measures, using force, anti-legal measures, and pursue a unifying policy of Ukrainization. So it can be assumed that violations of individual and group rights in Ukraine will not stop, but may take even more illegal forms.

Domestic lawyers and diplomats in the territories that joined the Russian Federation will have no less work to do. The Russian-speaking population of these regions had every right to demand compensation for unfair treatment and non-recognition of their inalienable rights, reflected in the legislative acts of Ukraine, starting with the adoption of the "language law" and the denial of the status of "indigenous people" for Russian-speaking Ukrainians in the law "On Indigenous Peoples". They did not receive such compensation in full, having left the Ukrainian jurisdiction and joined the entire territory of the Russian Federation. Although "the concept of national autonomy and the institution of autonomy based on it as a form of democratic "distribution of power" between peoples living in the same state still remain problematic in theory and experimental in practice" [6, p. 276], this gave the peoples of these territories a guarantee of continued non–infringement of their fundamental rights. human rights and cultural rights, primarily independent political development within a federal State, as well as recognition of their cultural, linguistic and national identity. At the same time, the issue of material and moral compensation for the period of violation of rights and the struggle for them remains in question. The military operations conducted here since 2014 have brought incredible suffering to the civilian population, but they have shown the inexhaustible desire of Russian-speakers and Russians, former "Ukrainians", to defend their right to Russianness.

The Ukrainian population of the aforementioned regions, which relatively recently became part of the Russian Federation, is a minority, but still a significant group that also needs guarantees of respect for their rights. It is necessary to clearly and unambiguously separate "denazification" from the "Nazification" of the Ukrainian model and to legislate and guarantee the rights of the Ukrainian minority in accordance with international legislation and the domestic legal and human rights system, which has a successful history of its formation and development.

Bibliographic list

1. *Badlo M.S.* Criminal and legal protection of the person during armed conflicts of an international nature in the occupation regime // The peer–reviewed, refereed scientific journal Bulletin of the ASU. 2014. Issue 4 (148). pp. 146–149.

2. Gross violations of the rights of the Russian and Russian–speaking population in some OSCE participating States as an open disregard for international law and international legal instruments Speech by Permanent Representative of the Russian Federation A.K. Lukashevich at a meeting of the Permanent OSCE Council on April 7, 2022 // PC.DEL/526/22. – April 8, 2022.

3. The Law of Ukraine dated July 1, 2021 No. 1616–IX "On the Indigenous Peoples of Ukraine". Electronic source: zakon.rada.gov.ua/go/1616-19 (accessed 06/15/2025).

4. Law of Ukraine dated July 16, 2019 No. 2704 "On Ensuring the Functioning of the Ukrainian language as the State language. Electronic source: zakon.rada.gov.ua/go/2704-19 (accessed 06/15/2025).

5. *Melnikov S.A.* Chronicle of the "black Decade". Religious persecution in Ukraine 2014–2023 / S.A. Melnikov, P.V. Lebedev, V.A. Begdash. – M.: Lawyer, 2023. – 336 p.

6. *Mikhailov V.V.* Autonomy and national self-determination as forms of legal protection of collective (group) rights // Business. Education. Pravoe. – 2020. – No. 3 (52). – pp. 272–277.

7. Mikhailov V.V. Group rights and problems of recognition of cultural genocide of foreign-speaking communities in Ukraine // Theory of the state and law. – 2023. – № 4 (33). – Pp. 164–175.

8. *Mikhailov V.V.* Legal protection of the peoples of Crimea and the problems of identifiability of "Ukrainians" // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. – 2020. – T. 6 (72). – № 4. – pp. 44–50.

9. *Mikhailov V. V.* The legal mechanism of compensation for unfair actions against minority groups: autonomy and national self-determination as forms of protection of collective (group) rights of national minorities. Right. State. 2020. No. 3 (26). pp. 294–303.

10. *Mikhailov V.V.* The third generation of human rights and the issue of legal protection of the Russian-speaking population of Ukraine // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. – 2021. – № 11(5). – Pp. 10–18.

11. *Mikhailov V.V.* Legal problems of non-recognition of vulnerable groups in Ukraine: international legal protection of officially unidentified groups during a prolonged non-international military conflict // Leningrad Law Journal. – 2021. – № 3 (65). – Pp. 20–33.

12. About the human rights situation in Ukraine. Report of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow: MFA, 2024, 204 p.

13. Rome Statute of the International Criminal Court, 1998 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute (r).pdf (accessed: 06/15/2025).

14. The text of the Agreement on Subsoil resources between the USA and Ukraine (April 30, 2025). Electronic source: https://www.mischenkov.ru/tpost/00gk5y8pt1-tekst-soglasheniya-o-nedrah-mezhdu-ssha#head (accessed 06/15/2025)

15. *Olszański.* The language issue in Ukraine. An attempt at a new Tadeusz A. perspective // OSW Studies. – May 2021. – No 40.– 60 p.

For citation: *Mikhailov V.V.* Russian and Russian-speaking in Ukraine: legal issues of denazification// Theory of state and law. 2025. No. 4(46). – P. 102 – 105.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_98

Научная статья

УДК: 340.132
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_106

А.В. Плотникова*

ЭВОЛЮЦИЯ ТОРГОВОГО ПРАВА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. *Статья посвящена исследованию развития торгового законодательства на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. Основное внимание уделяется анализу торговых норм, включенных в Собрание законодательства Российской империи и Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов, выделяются основные формы торговли, торговые операции, субъекты торговой деятельности. Делается вывод о самостоятельности торгового права и наличии кодификационных торговых правовых норм.*

Ключевые слова: *торговое право, Собрание законодательства Российской империи, формы торговли, субъекты торговой деятельности, торговые операции.*

Выделение торгового права в самостоятельную отрасль частного права можно отнести к первой четверти XIX в., что подтверждается принятием в 1832 г. Свода законов Российской империи (далее СЗ РИ), в содержании которого одно из главных мест заняли торговые нормы. Идея разработки проекта торгового уложения в 1804 г. принадлежала еще Александру I, но процесс работы над ним постоянно затягивался и только в 1826 г. по поручению императора Николая I было создано Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярия, которому было поручено систематизировать все имеющееся законодательство по отраслям, в том числе и торговые нормы для включения их в СЗ РИ. Необходимо отметить, что фактически руководством работой по кодификации и систематизации правовых норм осуществлял М. М. Сперанский.

Как указывает крупный дореволюционный ученый-юрист Блосфельдт Г.Э. в своей работе: «Составление полного собрание законов шло в два этапа: 1) составление из текста законов статей для Свода; 2) ревизия и исправление этих статей при участии особых ревизионных комитетов» [7, с. 6] .

В 1832 г. работа над СЗ РИ была завершена и к концу года Свод полностью вышел в печать, а Манифестом от 31 января 1833 г. был введен в действие с 1 января 1835 г. [1, с. 189–194].

Торговые нормы в СЗ РИ были включены в Свод под названием «Устав государственного благоустройства», где в содержании к Сводам уставов в части второй указаны Учреждения и указы торговые [2]. Вместе с торговым законодательством в Свод уставов вошли Учреждения и уставы кредитных установлений (часть первая); Постановления о фабричной, заводской и ремесленной промышленности (часть третья); Учреждения и уставы путей сообщения, Устав строительный и Устав пожарный (часть четвертая); Постановления о благоустройстве в городах и селениях (часть пятная).

В начале XIX в. в России под влиянием внешнеполитических факторов: неудачная военная кампания в Западной Европе в 1805–1807 гг., ухудшение финансового положения в стране, дефицит бюджета вынудили законодателя отойти от либеральной политике и вернуться к протекционизму. Для поощрения предпринимательской деятельности наряду с введением свободной торговли на внешнеторговый оборот развитие получает кредитование купечества.

Поэтому в первую часть СЗ РИ вошел Свод учреждений и уставов кредитных установлений, который подразделялся на Свод учреждений и уставов государственных кредитных установлений и на Свод учреждений и уставов частных банков. В данном документе законодатель систематизировал и расположил в хронологическом порядке нормативные акты, регулирующие деятельность субъектов отношений на кредитном рынке.

* **Плотникова Александра Владимировна** – доцент кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: aleksanklyu@yandex.ru

Лебедева Е.С. подчеркивает: «Нормы и институт кредитования формировались в системе общегосударственного и местного банковского законодательства с 1786 по 1831 г. Создатели свода обобщили манифесты, учреждения, уставы, дополнительные статьи к уставам, положения и указы, направленные на регламентацию деятельности кредитных учреждений и банковской системы в Российской империи» [10, с.30].

Вторая часть СЗ РИ была посвящена законодательным актам, регулирующим торговые отношения как наиболее важные аспекты экономической деятельности государства. Свод учреждений и уставов торговых подразделялся на пять книг: О праве на торговлю (первая книга); О торговых обязательствах и договорах общих и разным родам торговли свойственных (книга вторая); О договорах и обязательствах особенных по торговому судостроению и мореплаванию (книга третья); О судоустройстве в делах торговых (книга четвертая); О торговых установлениях (книга пятая).

В основу Свода легли законодательные акты с 1649 г. по 1832 г. включительно, регулирующие права и обязанности субъектов торговых правоотношений (купцов, мещан, крестьян, иностранцев), определяющих формы и виды торговой деятельности, полномочия органов надзора за предпринимательской деятельностью, торговое судопроизводство.

Необходимо отметить, что на протяжении 1832–1842 гг. данные уставы не были пронумерованы по соответствующим томам и только в 1857 г. были разделены по отраслевому принципу, так в процессе доработки и внесения поправок часть вторая XI тома СЗ РИ вышла под названием Устав торговый, в которую вошли уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный [3], а в часть первую тома XII СЗ РИ выделены были уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный [4]. Безусловно, такая систематизация говорит не только о более высоком уровне юридической техники, но и акцентировании приоритетных направлений государственной политики в области предпринимательской деятельности.

Впоследствии в Устав торговый неоднократно вносились поправки в 1893 , 1903, 1906 и 1908 гг., что было связано со стремительным развитием торгово-экономической деятельности и расширением капиталистических отношений, что неизменно отразилось на законотворческой деятельности государства в области предпринимательства, которая придерживалась бессословного принципа в организации торговой деятельности.

Устав торговый состоял из трех книг:

Книга Первая регулировала договора и обязательства (о найме приказчиков, торговле по доверенности), а также деятельность торговых обществ и товариществ (классификация торговых товариществ: полное товарищество, товарищество на вере, акционерные общества и товарищества, артельные товарищества).

Книга Вторая закрепляла морскую торговлю, причем русское морское право было детально регламентировано от построения морских судов и получения патентов на плавание до морского страхования и съездов судовладельцев.

Книга Третья включала торговые установления: порядок купеческих книг, об измерительных приборах, регламентировала торговые операции на ярмарках, биржах, связанных с содержанием и хранением товаров, правила реализации продукции.

Вместе с тем, Торговый устав не был лишен недостатков, потому как его нормы не охватывали весь товарооборот на рынке. Так юридическая терминология отличается неточностью, нормы торгового права переплетаются с нормами налогового и государственного права.

Как указывает П.П. Цитович: «Устав Торговый все же, быть может, самый запущенный и во всяком случае один из наименее удовлетворительных отделов нашего законодательства. Несмотря на значительную массу статей, он крайне беден юридическим содержанием» [14, с. 187].

Исходя из анализа торгового законодательства второй половины XIX – начала XX вв. на российском рынке в соответствии с объемом товарооборота выделяют оптовую, розничную и мелочную торговлю; опираясь на пространственный признак, подразделяют на внутреннюю и внешнюю торговлю; по основанию места производства – на торговлю в городах и селениях; по правовому обоснованию – на патентную (по торговым свидетельствам) и свободную (без обязательств).

Устав о прямых налогах дает юридическое определение оптовой торговли. Так оптовая торговля – это продажа всякого рода товаров преимущественно партиями торговцам и про-

мышленникам [5, с. 44]. Непосредственно к оптовой торговли относились: промысловая деятельность, банковское дело и страхование, подряды и откупа. Оптовая продажа собственного производства на биржах, из своего промышленного заведения или конторы либо торгового заведения, находящегося при промышленном заведении. Правом ведения оптовой торговлей наделялись банкиры, негоцианты, а также лица, которые вели торговую деятельность на внешнем рынке.

Розничная торговля – преимущественно раздробленная продажа всякого рода товарами непосредственно мелким торговцам, так и потребителям. Розничная продажа изделий собственного производства непосредственно из своего промышленного заведения без устройства при нем отдельного магазина или лавки для раздробленной продажи товаров [8, с. 7].

Торговым заведением признается всякого рода и наименования занимаемое в одном здании и принадлежащее одному хозяину или нескольким совладельцам особое помещение, приспособленное под торговлю.

Мелочная торговля – это раздробленная продажа товаров, поименованная в особых списках из определенных помещений, которая в свою очередь делилась на развозный и разносной торг [4, с. 44]. Мелочной торговлей могли заниматься мещане и ремесленники, самостоятельно производившие товары.

Помимо оптовой, розничной и мелочной торговли Устав судопроизводства торгового торговыми оборотами (операции) признавал: все роды торговли торговля фабричная и заводская, также лавочная, амбарная, магазинная и тому подобная; торговая промышленность в строении, покупке, починке и найме кораблей и купеческих судов; дела по купеческим приказам о закупке, продаже, перевозке и поставке товаров; денежные переводы на российские и иностранные города, дела вексельные и банкирские (сделки с ценными бумагами, открытие кредита, принятие вкладов на хранение, переводы); дела по искам на цеховых оборотах, торговле свойственных им [11, с. 23].

Кроме того Свод уставов и учреждений торговых к торговым операциям относил: содержание страховых контор, вступление в казенные подряды и откупа; содержание магазинов и амбаров, лавок, погребов для хранения товаров и их последующей продажи, содержание трактирных заведений и гостиниц, ресторанов и постоялых дворов, кофеен, харчевен и других торговых заведений; размен денег [2, с. 220].

Центральным законодательным актом, регулирующим патентную и свободную торговли, послужило принятое 1 января 1863 г. «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов» [6], в которое на протяжении двух лет вносились поправки и в 1865 г. окончательно сформировалась патентная торговля с выдачей торговых свидетельств и свободная торговля. Объем торговых прав субъектов торговой деятельности определялся записью в торговые гильдии с выдачей гильдейских (купеческих) свидетельств, количество которых определялось до двух и промысловые свидетельства, которые определяли различия в размере налогов, срок их действия был ограничен годом.

Свидетельство первой гильдии давало право купцу заниматься оптовой торговлей, в том числе и на внешнем рынке, содержание тор гово-промышленных заведений не более 10. Поэтому взнос за него был существенный – 565 руб., последующем он возрос с 1500 руб. и выше. Свидетельство второй гильдии предоставляло привилегию по розничной торговле и фабрично-заводской промышленности, заведений торгово-промышленных – не более 5. Плата составляла – от 40 до 120 руб., с учетом изменений, внесенных в закон, она возросла до 700–1500 руб. Промысловое свидетельство не предусматривало особых личных преимуществ, но разрешало занятие торговой деятельностью в пределах мещанских промыслов, мелочной, развозной и разносной торговлей, в том числе регламентировало права приказчиков [12, с. 41].

Законодатель к свободной торговле относил:

1) Торговые предприятия, занимающиеся производством сельскохозяйственной продукции, в том числе хлебом;

2) Крестьянскую продукцию собственного производства;

3) Небольшие сельскохозяйственные заведения, не имеющие промышленного характера;

4) Ярмарочная и базарная торговля и мещанские промыслы, а также разносная торговля и городская торговля собственноручными изделиями за исключением лавок и постоянных торговых заведений;

5) Размен денег, но за исключением стационарных разменных лавок;

6) Содержание речных, озерных и морских судов, но за исключением пароходов;

7) Содержание лошадей и весь извозный промысел;

8) Изготовление и продажа машин и аппаратов, земледельческих орудий, для фабрик и заводов, химических составов и красильных веществ;

9) Содержание учебных и лечебных заведений, аптек, библиотек и книжных магазинов за исключением, находящихся в столицах [9, с. 258–260].

«При этом в целях обеспечения свободы торговли местным властям были адресованы два ключевых требования. Во-первых, они были обязаны следить за тем, чтобы торговцам хлебом и другими продуктами первой необходимости не чинилось никаких препятствий в поставках ими продукции из одной губернии в другую, в том числе даже в случае нехватки продовольствия в подведомственной местным властям губернии. Во-вторых, при торговле на ярмарках и на установленных торгах запрещалось требовать от прибывших на них торговцев торговых свидетельств, а приезжие мещане и крестьяне были вправе торговать там не только с возов, судов и лодок, но и во временных лавках», указывает в своем исследовании А.А. Рожнов [13, с. 77].

Анализ торговых норм второй половины XIX – начала XX вв. выявил, что субъектами торговых отношений признавались как физические лица, так и юридические. Так к физическим лицам относились купец, торговец единолично или в товариществе, посредники, комиссионеры и маклеры. Так, например, в биржевой торговле при заключении договоров в качестве посредников выступали биржевые маклеры, к которым относились: гоф-маклеры, старшие маклеры, корабельные маклеры, маклеры морского страхования, биржевые нотариусы, аукционисты и диспашеры. Законодатель уточнял о возможности участия в торговом обороте для лиц обоего пола, русских подданных всех сословий и иностранцев. К юридическим лицам относились товарищества и компании. В своих действиях они должны были руководствоваться, прежде всего, торговыми законами, а в случае отсутствия норм, регулирующих торговые отношения – гражданским законодательством и торговыми обычаями.

К торговым товариществам относились: товарищество полное, товарищество на вере, акционерные общества и товарищества на паях и артельные товарищества. Особенностью данных видов товариществ был предмет их деятельности – организация торговых операций.

Подводя итог исследованию правового регулирования торговых отношений в России к началу XX в. можно сделать вывод о выделении торгового права в самостоятельную отрасль частного права, что подтверждается формированием системы кодифицированных правовых норм, регулирующих торговые институты, определяющих правовые формы торговой деятельности на российском рынке, правовым закреплением субъектов торговых отношений и определением их прав и обязанностей, что явилось следствием последовательной государственной политики в области регулирования предпринимательства.

Библиографический список

1. Манифестом от 31 января 1833 г. // Обозрѣніе историческихъ свѣденій о Сводѣ Законовъ. Составлено изъ актовъ, хранящихся во II Отдѣленіи Собственной его императорскаго величества Канцеляріи. – СПб.: Печатано въ Типографіи II Отдѣленія Собственной его императорскаго величества Канцеляріи, 1833. – С. 189–194.

2. Свод уставов и учреждений торговых //Свод законов Российской Империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод уставов государственнаго благоустройства., 1833.

3. Уставы торговый, фабричной и заводской промышленности и ремесленный // Свод законов Российской империи. Т XI. , ч. 2 : Доп. и изм. по продолж. 1863, 1864 и 1868 гг. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям кассац. деп. Правительствующего сената : С прил. Положения о пошлинах за право торговли и других промыслов. – СПб., 1870.

4. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. XII. ч. 1. СПб., 1857.

5. Устав о прямых налогах (С. Зак., т. V) по официальному изданию 1893 г., со включением статей по продолжению 1895 г., а также сенатских и министерских разъяснений / сост. Д.В Чининадзе. С. Петербург, 1897. 245 с.

6. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов от 01 января 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение 1. Т.XXXVIII. СПб., 1866. С. 3–15. № 39118.

7. *Блосфельдт Г.Э.* «Законная» сила Свода законов в свете архивных данных. Петроград: «Сенатская тип.», 1917. 280 с.

8. *Вормс А.Э.* Источники торгового права за исключением морского права : сборник извлечений из Свода законов по Прод. 1912 г. отдельных некодифицированных законов, международных конвенций, уставов, полисных условий и других правил, утвержденных в порядке управления, биржевых обычаев и типичных договоров / А. Э. Вормс. – Прижизн. изд.. – Москва : Высшая школа, 1914. 407 с.

9. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с приложением материалов по торгово-промышленной статистике / Министерство финансов, Департамент торговли и Мануфактур. – Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1893. 423 с.

10. *Лебедева Е.С.* Система законодательства в области государственного благоустройства в Российской империи первой трети XIX века: историко-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 29–38.

11. *Нюренберг А.М.* Устав судопроизводства торгового : по офиц. изд. 1903 г., изм. и доп. по действующим продолж. и позднейшим узаконениям, с разъясн. по решениям бывш. 4 судеб. и гражд. кассац. деп. и общ. собр. Правительствующего сената и с прил. соответствующих ст. уставов: гражд. судопр-ва, торг. кредит. и о герб. сборе и алф.-предм. указ. / Сост. присяж. пов. А.М. Нюренберг. – Москва : Правоведение, 1913. 480 с.

12. *Плотникова А.В.* Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов от 1863 г. В системе налогового и торгового права: историко-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 40–42.

13. *Рожнов А.А.* Торговое право России во второй четверти XIX в. по своду законов Российской Империи 1832 и 1857 гг. // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. № 3. С. 74–83.

14. *Цитович П.П.* Труды по торговому и вексельному праву. Т. 1: Учебник торгового права. К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. М.: Статут, 2005. 458 с.

Для цитирования: *Плотникова А.В.* Эволюция торгового права в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 106 – 110.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_106

THE EVOLUTION OF COMMERCIAL LAW IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Alexandra V. Plotnikova[*]

Annotation. *The article is devoted to the study of the development of trade legislation during the second half of the 19th – early 20th centuries. The main attention is paid to the analysis of trade norms included in the Collection of Legislation of the Russian Empire and the Regulations on Duties for the Right to Trade and other crafts, highlighting the main forms of trade, trade operations, and subjects of trade activity. The conclusion is made about the independence of commercial law and the existence of codifying commercial legal norms.*

Keywords: *trade law, Collection of legislation of the Russian Empire, forms of trade, subjects of trade activity, trade operations.*

The separation of commercial law into an independent branch of private law can be attributed to the first quarter of the 19th century, which is confirmed by the adoption in 1832 of the Code of Laws of the Russian Empire (hereinafter referred to as the Law), in the content of which one of the main places was occupied by trade norms. The idea of developing a draft commercial code in 1804 belonged to Alexander I, but the process of working on it was constantly delayed and only in 1826. On behalf of Emperor Nicholas I, a Second Branch of His Imperial Majesty's Own Chancellery was established, which was tasked with systematizing all available legislation by industry, including trade regulations for inclusion in the Law. It should be noted that M. M. Speransky actually led the work on codification and systematization of legal norms.

As G.E. Bloesfeldt, a prominent pre-revolutionary legal scholar, points out in his work: "The compilation of the complete collection of laws took place in two stages.: 1) compilation of articles from the text of laws for the Code; 2) revision and correction of these articles with the participation of special audit committees" [7, p. 6].

In 1832, work on the Law was completed and by the end of the year the Code was fully published, and the Manifesto of January 31, 1833 was put into effect on January 1, 1835 [1, pp. 189–194].

The trade rules in the NW RI were included in the Code called the "Charter of State Improvement", where the contents of the Codes of Charters in Part two indicate the Institutions and trade decrees [2]. Together with trade legislation, the Code of Charters includes Institutions and charters of credit institutions (Part one); Resolutions on the factory, factory

[*] **Plotnikova Alexandra Vladimirovna** – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Southwestern State University, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: aleksanklyu@yandex.ru

and handicraft industry (part three); Institutions and charters of communications, Building Regulations and Fire Regulations (part four); Resolutions on landscaping in towns and villages (part five).

At the beginning of the 19th century in Russia, under the influence of foreign policy factors: the unsuccessful military campaign in Western Europe in 1805–1807, the deterioration of the financial situation in the country, and the budget deficit forced the legislator to abandon liberal policies and return to protectionism. In order to encourage entrepreneurial activity, along with the introduction of free trade in foreign trade, merchant lending is being developed.

Therefore, the first part of the NW RI included a Set of institutions and charters of credit institutions, which was divided into a Set of institutions and charters of state credit institutions and a Set of institutions and charters of private banks. In this document, the legislator has systematized and arranged in chronological order the regulations governing the activities of subjects of relations in the credit market.

Lebedeva E.S. emphasizes: "The norms and institution of lending were formed in the system of national and local banking legislation from 1786 to 1831. The creators of the code summarized the manifestos, institutions, charters, additional articles to the charters, regulations and decrees aimed at regulating the activities of credit institutions and the banking system in the Russian Empire" [10, p.30].

The second part of the report was devoted to legislative acts regulating trade relations as the most important aspects of the economic activity of the state. The code of trade institutions and charters was divided into five books: On the right to trade (the first book); On trade obligations and contracts common to various types of trade (the second book); On contracts and obligations specific to commercial shipbuilding and navigation (the third book); On the judicial system in commercial matters (the fourth book); On Trade Regulations (Book five).

The Code is based on legislative acts from 1649 to 1832, inclusive, regulating the rights and obligations of subjects of trade relations (merchants, burghers, peasants, foreigners), defining the forms and types of trade activities, the powers of business supervision authorities, and commercial litigation.

It should be noted that during 1832–1842 these charters were not numbered according to the corresponding volumes and only in 1857 were they divided according to the sectoral principle, so in the process of revision and amendment, Part two of the XI volume of the New Law was published under the title the Commercial Charter, which included the charters of credit, trade, on the factory and factory industry, and the craft charter [3], and in the first part of Volume XII of the New Law, the charters of communication routes, postal, telegraphic, construction, and fire [4] were highlighted. Of course, such systematization indicates not only a higher level of legal technology, but also the emphasis on priority areas of state policy in the field of entrepreneurial activity.

Subsequently, the Trade Charter was repeatedly amended in 1893, 1903, 1906 and 1908, which was associated with the rapid development of trade and economic activity and the expansion of capitalist relations, which invariably affected the legislative activity of the state in the field of entrepreneurship, which adhered to the unquestioning principle in the organization of trade activities.

The trade charter consisted of three books:

The First Book regulated contracts and obligations (on hiring clerks, trading by proxy), as well as the activities of trading companies and partnerships (classification of trading partnerships: general partnerships, faith-based partnerships, joint-stock companies and partnerships, artel partnerships).

The Second Book established maritime trade, and Russian maritime law was regulated in detail from the construction of naval vessels and obtaining patents for navigation to marine insurance and congresses of shipowners.

The Third book included trade regulations: the order of merchant books on measuring instruments, regulated trade operations at fairs and exchanges related to the maintenance and storage of goods, and rules for the sale of products.

At the same time, the Trade Charter was not without drawbacks, because its norms did not cover the entire turnover on the market. Thus, legal terminology is characterized by inaccuracy, the norms of commercial law are intertwined with the norms of tax and state law.

As P.P. Cytovich points out: "The Commercial Charter is still perhaps the most neglected and, in any case, one of the least satisfactory departments of our legislation. Despite the considerable mass of articles, it is extremely poor in legal content" [14, p. 187].

Based on the analysis of trade legislation of the second half of the 19th – early 20th centuries, wholesale, retail and small-scale trade are distinguished in the Russian market in accordance with the volume of turnover; based on the spatial feature, they are divided into domestic and foreign trade; based on the place of production, into trade in cities and villages; according to the legal justification– into patent (based on trade certificates) and free (without obligations).

The Charter on Direct Taxes provides a legal definition of wholesale trade. Thus, wholesale trade is the sale of all kinds of goods mainly in batches to merchants and industrialists [5, p. 44]. Directly related to wholesale trade were: fishing, banking and insurance, contracts and pay-offs. Wholesale of own production on stock exchanges, from one's own industrial establishment or office, or a trading establishment located at an industrial establishment. The right to conduct wholesale trade was given to bankers, merchants, as well as persons who conducted trading activities on the foreign market.

Retail trade is mainly the fragmented sale of all kinds of goods directly to small traders and consumers. Retail sale of products of its own production directly from its industrial establishment without setting up a separate store or shop for the fragmented sale of goods [8, p. 7].

A trading establishment is recognized as a special room of any kind and name, occupied in one building and owned by one owner or several co-owners, adapted for trade.

Petty trade is a fragmented sale of goods, named in special lists from certain premises, which in turn was divided into delivery and peddling [4, p. 44]. Petty bourgeoisie and artisans who independently produced goods could engage in small-scale trade.

In addition to wholesale, retail and small-scale trade, the Statute of the Judicial Procedure for Trading in Trade turnover (operations) recognized: all types of trade, factory and factory trade, as well as shop, barn, store, and the like; commercial industry in the construction, purchase, repair, and hiring of ships and merchant vessels; business on merchant orders for purchase, sale, and transportation and the supply of goods; money transfers to Russian and foreign cities, promissory note and banking matters (transactions with securities, opening a loan, accepting deposits for safekeeping, transfers); cases of claims on shop floor turnover, trade peculiar to them [11, p. 23].

In addition, the Set of charters and trade institutions related to trading operations: the maintenance of insurance offices, entry into government contracts and pay-offs; the maintenance of shops and barns, shops, cellars for storing goods and their subsequent sale, the maintenance of inns and hotels, restaurants and inns, coffee shops, taverns and other trading establishments; money exchange [2, p. 220].

The central legislative act regulating patent and free trade was the "Regulation on Duties on Trade and Other Crafts" adopted on January 1, 1863 [6], which was amended over the course of two years and in 1865 patent trade with the issuance of trade certificates and free trade was finally formed. The volume of trade rights of subjects of trade activity was determined by an entry in the trade guilds with the issuance of guild (merchant) certificates, the number of which was determined up to two, and trade certificates, which determined differences in the amount of taxes, their validity was limited to a year.

The certificate of the first guild gave the merchant the right to engage in wholesale trade, including on the foreign market, the maintenance of trade and industrial establishments of no more than 10. Therefore, the fee for it was substantial – 565 rubles. Subsequently, it increased from 1,500 rubles and above. The certificate of the second guild granted privileges for retail trade and factory industry, for commercial and industrial establishments – no more than 5. The fee ranged from 40 to 120 rubles, taking into account the changes made to the law, it increased to 700–1500 rubles. The commercial certificate did not provide for special personal advantages, but allowed trading activities within the petty-bourgeois crafts, small-scale, delivery and peddling trade, including regulating the rights of clerks [12, p. 41].

The legislator referred to free trade:

1) Trading enterprises engaged in the production of agricultural products, including bread;

2) Peasant products of own production;

3) Small agricultural establishments that do not have an industrial character;

4) Fair and market trade and petty-bourgeois crafts, as well as peddling and urban trade in handmade products, with the exception of shops and permanent trading establishments;

5) Exchange of money, but with the exception of stationary exchange shops;

6) Maintenance of river, lake and sea vessels, but with the exception of steamships;

7) Maintenance of horses and the entire horse-drawn industry;

8) Manufacture and sale of machinery and apparatus, agricultural implements, for factories and plants, chemical compounds and dyeing substances;

9) The maintenance of educational and medical institutions, pharmacies, libraries and bookstores, with the exception of those located in the capitals [9, pp. 258–260].

"At the same time, in order to ensure freedom of trade, two key demands were addressed to local authorities. First, they were obliged to ensure that merchants of bread and other basic necessities were not hindered in their supply of products from one province to another, including even in the event of a shortage of food in the province subordinate to the local authorities. Secondly, when trading at fairs and at established auctions, it was forbidden to require trade certificates from merchants who arrived at them, and visiting burghers and peasants had the right to trade there not only from wagons, ships and boats, but also in temporary shops," A.A. Rozhnov points out in his research [13, p. 77].

An analysis of trade regulations in the second half of the 19th – early 20th centuries revealed that both individuals and legal entities were recognized as subjects of trade relations. This was how individuals were treated by a merchant, a merchant alone or in a partnership, intermediaries, commission agents and brokers. For example, in stock trading, stockbrokers acted as intermediaries when concluding contracts, which included: shipping brokers, senior brokers, ship brokers, marine insurance brokers, stock notaries, auctioneers and dispatchers. The legislator clarified the possibility of participation in trade for persons of both sexes, Russian citizens of all classes and foreigners. Legal entities included partnerships and companies. In their actions, they had to be guided primarily by trade laws, and in the absence of rules governing trade relations, by civil legislation and trade customs.

Trading partnerships included: full partnership, faith-based partnership, joint-stock companies and joint-stock partnerships, and artel partnerships. A special feature of these types of partnerships was the subject of their activity – the organization of trade operations.

Summing up the study of the legal regulation of trade relations in Russia by the beginning of the 20th century, it can be concluded that trade law was isolated into an independent branch of private law, which is confirmed by the formation of a system of codified legal norms governing trade institutions, defining the legal forms of trade activity in the Russian market, the legal consolidation of subjects of trade relations and the definition of their rights and obligations, which This was the result of a consistent government policy in the field of business regulation.

Bibliographic list

1. Manifesto of January 31, 1833 // Review of historical reports on the Code of Laws. A number of acts have been compiled, which are kept in the II Department of His Imperial Majesty's Own Stationery Office. – St. Petersburg: Printed in the Printing House of the Second Edition of His Imperial Majesty's Own Stationery Office, 1833. – pp. 189–194.

2. Code of charters and trade institutions //The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of Emperor Nicholas Pavlovich. The code of charters of state improvement., 1833.

3. Charters of trade, factory and factory industry and handicraft // The Code of Laws of the Russian Empire. Volume XI. , Part 2 : Additional and modified according to the continuations of 1863, 1864 and 1868 and later legalizations, as explained by the decisions of the Cassation Dept. The Governing Senate : With adj. Regulations on duties for the right to trade and other trades. – St. Petersburg, 1870.

4. Charters of communication routes, postal, telegraphic, construction and fire // The Code of Laws of the Russian Empire, compiled by the order of the Sovereign Emperor Nicholas the First. Vol. XII. part 1. St. Petersburg, 1857.

5. The Charter on Direct taxes (S. Zak., vol. V) according to the official edition of 1893, with the inclusion of articles on the continuation of 1895, as well as Senate and ministerial explanations / comp. D.V. Chininadze. St. Petersburg, 1897. 245 p.

6. Regulations on duties for the right to trade and other trades of January 01, 1863 // The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The second meeting. Department 1. Vol.XXXVIII. St. Petersburg, 1866. pp. 3–15. No. 39118.

7. *Bloesfeldt G.E.* The "Legal" force of the Code of Laws in the light of archival data. Petrograd: "Senatskaya tip.", 1917. 280 p.

8. *Worms A.E.* Sources of commercial law with the exception of maritime law: a collection of extracts from the Code of Laws issued in 1912 of certain uncodified laws, international conventions, charters, policy conditions and other rules approved in the order of management, exchange customs and typical contracts / A. E. Worms. – Izzhizn. ed.. – Moscow : Higher School, 1914. 407 p.

9. Historical outline of taxation of trade and crafts in Russia, with the application of materials on trade and industrial statistics / Ministry of Finance, Department of Trade and Manufactures. – St. Petersburg : V. Kirshbaum Publishing House, 1893. 423 p.

10. *Lebedeva E.S*. The system of legislation in the field of state improvement in the Russian Empire in the first third of the 19th century: historical and legal aspect // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. No. 4 (153). pp. 29–38.

11. *Nyurenberg A.M.* The Statute of the commercial court proceedings : according to the official edition of 1903, as amended and supplemented by the current cont. and later legalizations, with clarifications on the decisions of the former. 4 destinies. and citizens. cash register. dept. and total. the assembly. Of the Governing Senate and with adj. relevant articles of the statutes: citizen. shipping, trade. credit. and about the coat of arms. collection and alf.-prem. the decree. / Comp. jury. pov. A.M. Nyurenberg. Moscow : Pravovedenie Publ., 1913. 480 p.

12. *Plotnikova A.V.* Regulations on duties on the right of trade and other crafts from 1863 In the system of tax and trade law: historical and legal analysis // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 6 (234). pp. 40–42.

13. *Rozhnov A.A.* Commercial law of Russia in the second quarter of the 19th century according to the code of laws of the Russian Empire of 1832 and 1857. // Legal regulation of economic activity. 2023. No. 3. pp. 74–83.

14. *Cytovich P.P.* Proceedings on trade and promissory note law. Vol. 1: Textbook of commercial law. On the issue of merging commercial law with civil law. Moscow: Statute, 2005. 458 p.

For citation: *Plotnikova A.V.* The evolution of commercial law in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 110 – 113.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_106

Научная статья

УДК: 340.0
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_114

Е.В. Середа[*]
С.А. Иванов[**]
А.А. Самойленко[***]

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые аспекты политики государств по противодействию незаконному обороту наркотиков. Распространение наркотиков является проблемой не отдельных государств и территорий, а всего человечества, в связи с чем борьба с таким распространением должна быть скоординированной и согласованной. В настоящее время имеются три основные универсальные международно-правовые соглашения, которые регулируют деятельность, связанную с предотвращением незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Конвенция о психотропных веществах 1971 года и Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Несмотря на их наличие, содержательность и детальность, вместе с тем, с течением времени образовался ряд проблем, которые государства при своем непосредственном взаимодействии должны незамедлительно разрешить путем проведения последовательной антинаркотической политики.*

Ключевые слова: *государства, политика, борьба, незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, наркотики, списки, конвенция, контроль, легализация.*

В наше время незаконный оборот наркотиков давно перестал быть проблемой отдельных государств, эта угроза нависла над всем миром. Наркосеть уже давно обвила собой весь наш земной шар.

Из-за значимости проблемы необходимо создать глобальную систему противодействия, которая позволяла бы контролировать наркоситуацию во всём мире. В ООН действует специальная Комиссия ООН по наркотическим средствам, которая была учреждена путём принятия резолюции Комиссии экономического и социального совета. Именно данное подразделение является центральным органом ООН по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Существует также ряд других органов в структуре ООН, регулирующих эту сферу.

Сотрудничество национальных органов правопорядка, которые призваны бороться с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, основывается в настоящее время на международно-правовой системе норм, которая распространяет своё действие на страны, присоединившиеся к ним. Многие национальные антинаркотические программы и законы разработаны и приняты в соответствии со следующими международными соглашениями ООН: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года [1], Конвенция о психотропных веще-

[*]**Середа Елена Васильевна –** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: Evs.54@mail.ru

[**]**Иванов Сергей Анатольевич –** кандидат юридических наук, доцент кафедры «Международное право» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» (г. Тамбов), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: seregatambov@mail.ru

[***]**Самойленко Алексей Александрович –** аспирант ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» (г. Тамбов). E-mail: lexxxx888@mail.ru

ствах 1971 года [2] и Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [3].

Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года была подписана в Нью-Йорке и объединила в себе многие международные соглашения, принятые ранее. Государства признали, что лица, совершившие действия, которые противоречат положениям указанной Конвенции, будут нести уголовную ответственность, а также предусмотрели необходимость производства конфискации незаконных веществ и оборудования, послуживших средством изготовления соответствующих запрещенных веществ. Благодаря этой же Конвенции появился Международный комитет по контролю над наркотиками.

Стоит обратить внимание на содержание Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года. В статьях 5–11 данной Конвенции имеется положение об учреждении органов международного контроля наркотических средств, статьи 11–20 раскрывают их полномочия, статьи 23–28 официально закрепляют условия, при которых можно выращивать и производить опий и маковую солому, а также кокаинового куста, листьев коки и каннабиса, статьи 35–37 определяют наказания, которые должно понести лицо за неподчинение положениям Конвенции.

В Конвенции определены четыре списка наркотических средств, которые устанавливают отличный друг от друга уровень контроля. Первый список содержит в себе те наркотики, которые могут быть использованы в медицинских и научных целях по специальному разрешению. Хранить их должны в помещениях с ограниченным доступом. Второй список перечисляет наркотики, выдающиеся по номерному рецепту строгой отчётности опять же в медицинских и научных целях. Наркотики третьего списка выдаются только по рецептам строгой отчетности для медицинских и исследовательских целей. Четвёртый же список содержит в себе те средства, которые можно получить по медицинским показаниям при предъявлении рецепта. Из этого следует вывод, что каждый наркотик, который находится в этих четырёх группах, не может быть в свободной продаже, и из свободного оборота они изъяты.

В соответствии с положениями Конвенции, нарушения караются уголовной ответственностью, а именно тюремным заключением или иными видами лишения свободы для преступника. Конфискованные наркотики могут быть использованы в следующих целях: их перерабатывают в ненаркотические вещества; используют в научных и медицинских целях (исключение – героин). Если ни один из вариантов невозможно выполнить, то конфискат уничтожается.

Психотропные вещества также могут влиять на психические функции человека и вызывать привыкание. Обычно, данные препараты создаются искусственно и используются в медицинских целях. Чтобы контролировать оборот психотропных веществ в 1971 году была принята Конвенция о психотропных веществах. В ней содержатся также четыре списка, которые устанавливают различный режим контроля. Вещества, которые содержатся в списке, устанавливает Всемирная организация здравоохранения и утверждает комиссия по наркотическим средствам. Что касается ответственности за нарушение положений соглашения, то в тексте перечень преступлений является неполным, но они, в целом, идентичны преступлениям в Конвенции 1961 года. Основной вид санкции – это лишение свободы и конфискация незаконных веществ, а также уничтожение последних. Соучастие в преступлении и покушение на него также является наказуемыми.

Рассматриваемая Конвенция 1971 года устанавливает территориальный принцип наказания преступника, т.е. на чьей территории преступник был задержан, то законодательство этой страны или соответствующей территории страны и применяется для преследования при условиях, что выдача лица государству, гражданином которой он является, невозможна, и данное лицо не было ранее наказано за это преступление.

В 1988 году появилась в результате принятия государствами в ООН Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. В отличие от своих предшественниц, она содержит в себе меры контроля и санкции за все формы преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также данная Конвенция установила конфискацию доходов и имущества преступников, нажитых незаконным путём. Благодаря рассматриваемому документу появилось ряд новых видов сотрудничества по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Примером может послужить применение метода контролируемых поставок.

Россия участвует в Конвенции 1988 года, Единой конвенции 1961 года, Протоколе к ней 1972 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года. Она неуклонно выступает за строгое выполнение всеми государствами обязательств, взятых на себя в соответствии с данными кон-

венциями. В целом позиция России характеризуется неизменной и последовательной борьбой за укрепление и совершенствование международной системы контроля над производством и распространением наркотических средств и психотропных веществ.

Несмотря на то, что международно-правовые нормы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков были в свое время достаточно детально продуманы, всё равно возникает ряд определённых проблем, которые возникают в ходе их реализации в настоящее время.

Первой проблемой является легализация доходов от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Известный факт, что наркоторговля – это огромный приток прибыли, ради которого и идёт массовое вовлечение населения в употребление соответствующих запрещенных веществ. Поступление столь больших сумм на счета наркоторговцев вызывает вопросы у правоохранительных органов, поэтому преступники вынуждены «отмывать» доходы, полученные незаконным путём.

Огромную роль в легализации доходов играют теневые сегменты международной банковской системы, которые являются получателями денежных средств. Данный факт является свидетельством того, что правовое регулирование международной банковской деятельности недостаточно регулируется и нуждается в усовершенствовании, например, путем создания новых видов сотрудничества различных структур как национального, так и международного уровней.

Второй проблемой на пути реализации международно-правовых норм, предотвращающих незаконный оборот наркотических и психотропных веществ, является декриминализация и легализация наркотиков. Под первым термином понимается перевод факта хранения наркотиков для собственного употребления из категории уголовных преступлений в административные правонарушения. Второй же призывает полностью разрешить наркотики для свободного оборота.

Вся проблема заключается в том, что согласно положениям Конвенции 1988 года потребители и мелкие посредники (культиваторы, наркокурьеры, меткие торговцы и т.д.) подлежат уголовному преследованию. Множество стран чётко следует данному предписанию и применяет санкции в виде ареста и тюремного заключения, как к распространителям, так и к потребителям. Тем не менее, уровень потребления не снижается.

В качестве примера декриминализации потребления наркотиков на территории государства можно рассмотреть Португалию, которая первая решилась на такой шаг в 2001 году. Спустя десять лет эффективность данного изменения была придана оценке и исследованию последствий доктором Кейтлин Хьюз из Университета Нового Южного Уэльса и профессором Алексом Стивенсом из Кентского университета [4]. В итоге, анализ указал на то, что, по началу, уровень потребления увеличился, но он рос постепенно и не превысил аналогичный уровень других стран, где употребление наркотиков запрещено под угрозой уголовного наказания. Таким образом, декриминализация потребления в совокупности с новыми методами лечения наркозависимости принесли положительное влияние на обстановку в данной стране.

Португалия не единственный пример, также определенные улучшения от декриминализации потребления были зафиксированы в Голландии, Австралии и отдельных штатах США.

Сейчас ведутся агрессивные обсуждения вопроса легализации «лёгких» наркотиков. Если декриминализация потребления на опыте многих государств доказала своё положительное влияние и поддерживается большей частью развитых государств, то легализация «легких» наркотиков не приносит похожих результатов.

По мнению сторонников легализации наркотиков, она имеет свои плюсы. Первым плюсом является прибыль, которую получит государство, при легализации «лёгких» наркотиков. Так как подобная предпринимательская деятельность будет облагаться налогами, то государственная казна будет иметь ещё один источник дохода, а расходы на обеспечение борьбы с наркотиками сократятся. Вторым плюсом будет являться тот факт, что из-за доступности «лёгких» наркотиков (таких как марихуана, конопля) сократится потребление тяжёлых синтетических наркотиков, правовое регулирование которых слабее из-за сложностей классификации. Другими словами, если общество будет «сидеть» на «лёгких» наркотиках, то будет меньше смертности из-за передозировок. Третий плюс – это потеря ценности наркотиков. Из-за свободной продажи, общество станет дешевле приобретать и сбывать наркотические средства, что в свою очередь, прекратит существование преступных сетей наркобизнеса и сократит число преступлений из-за недостатка денежных средств на приобретение наркотиков (например, сокращение проституции или грабежей).

Данные «плюсы», на наш взгляд, не принесут особой пользы обществу, так как возможно выведение более сильных сортов лёгких наркотиков, а также то, что подобные действия приведут к всеобщей наркотической зависимости, не подпадающей под описание, как «положительное влияние».

Вред легализации наркотиков можно проследить на примере Нидерландов, где проведение такой политики выразилось в массе отрицательных последствий. Среди них можно назвать безграничный наркотрафик, который невозможно контролировать, наркотуризм, а также повышение уровня потребления наркотиков обществом. Из-за дозволения и отсутствия наказания за домашнее культивирование марихуаны некоторые лица, путём селекции, получили новые сорта, которые оказывали более сильное влияние на организм. В качестве примера можно назвать новые сорта марихуаны и гашиша «Neder-wiet», имеющие более агрессивное действие, способствующие развитию раннего привыкания, появлению расстройства психики, повышающие и провоцирующие в отдельных случаях, при неправильной дозе, летальные исходы в результате употребления.

Что касается наркотуризма, то он повлиял на всплеск волны общей преступности, так как повысился уровень преступности среди приезжих иностранцев, находящиеся в момент совершения общественно опасных деяний в состоянии наркотического опьянения (как от лёгких наркотиков, так и от тяжёлых). Результатом данного «эксперимента» явилось то, что правительство Нидерландов запретило продажу лёгких наркотиков туристам в кофешопах. Возмущённые владельцы упомянутых заведений подали на правительство в Европейский суд по правам человека. Решением суда было выплатить компенсацию предпринимателям за убытки, но признал законным запрет на продажу лёгких наркотиков. Далее Нидерланды усилили контроль над всеобщим потреблением и оборотом наркотиков на своей территории [5].

Указанный пример доказывает пагубное влияние легализации лёгких наркотиков.

Третей проблемой является классификация наркотических средств. По мнению многих учёных, она устарела и является неверной, что отражается на эффективности контроля оборота наркотических веществ и психотропных веществ.

Существует четыре Списка, в которые внесено более сотни зарегистрированных наркотических средств и психотропных веществ, определённые Единой Конвенцией о наркотических средствах 1961 года.

Первый Список содержит в себе натуральные и полусинтетические опиаты (например, опий, морфин, героин), производные листьев коки (кокаин), каннабиса (гашиш), иные синтетические средства (например, метадон).

Второй Список объединяет тот тип веществ, которых используют в медицине и контроль, к которым менее ослаблен из-за низкого шанса злоупотребления. В их числе естественные опиаты, такие как кодеин и синтетические вещества (например, пропирам).

В третьем Списке содержатся вещества, которые не нуждаются в контроле. Основой являются медикаменты, в состав которых входит малое содержание наркотика и не вызывает привыкания и злоупотребления. Примером могут послужить опиумные порошки и бальзамы.

Четвёртый Список заключает в себе некоторые наркотические средства из первого Списка, которые считаются опасными для здоровья и не обладающими необходимым терапевтическим эффектом. Сюда относятся полусинтетические опиаты, как героин, синтетические (эторфин), а также каннабис и его смола.

Вышеперечисленные списки составлялись в соответствии с использованием веществ в медицинских целях. Этому посвящена статья 4 Конвенции 1961 года, выражающей принцип использования наркотиков только для терапевтического лечения и научных исследований. Таким образом, вещества, не имеющие необходимых воздействий на человека, считаются особо опасными. Именно из-за этого героин, каннабис и его смолы оказались в четвёртом Списке вместе, хоть и представляют разный уровень опасности для организма человека [6].

Острой темой для споров является разница в толковании наркотических средств и психотропных веществ. В качестве примера можно принести факт того, что до принятия Конвенции 1971 года барбитураты, амфетамины и синтетические галлюциногены не контролировались нормами права, а, наоборот, поощрялись для использования, хоть и оказывали более пагубное влияние на человеческий организм, чем каннабис и листья коки.

Главной проблемой существующей классификации, по мнению учёных, является тот факт, что наркотические средства и психотропные вещества не соответствуют той степени опасности,

которой они представляют как с медицинской, так и с социальной точек зрения. Принято считать, что наркотические средства имеют более серьёзный негативный эффект по отношению к человеческому организму, чем психотропные вещества. Тем не менее, многие наркотические средства вызывают лишь лёгкую зависимость и не так сильно воздействуют на психику, в то время, как большинство психотропных веществ обладают куда большим наркотическим эффектом. Иными словами, такие вещества, как LSD, DMT (психотропные) считаются менее опасными, чем морфий (наркотическое средство). Данное утверждение можно доказать на примере каннабиса, который считается одним из наиболее опасных наркотических средств. Активный компонент этого растения – это тетрагидроканнабинол (далее – THC). В соответствии со списками он является психотропным веществом. Если взять одинаковое количество каннабиса, который содержит около 3% THC и выведенный тетрагидроканнабинол (100%), то путём логических соображений можно прийти к тому, что каннабис будет менее вредным, чем чистое активное вещество. Но, тем не менее, в соответствии со списками он будет опаснее, чем тетрагидроканнабинол.

Как итог, положения конвенций можно считать сомнительными в плане действительного вреда ряда веществ. Путём решения данной проблемы может послужить пересмотр списков и их изменение. Можно предположить, что классификация ошибочна из-за недостаточности исследований при принятии конвенций, и будет более разумно заново проверить все вещества на современном оборудовании, что позволит точно выявить негативные эффекты и разделить их по фактическому критерию опасности. Также, появится возможность обновить списки и добавить в них новые вещества, которые появились уже к настоящему времени.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Существует три основные международно-правовые соглашения, которые регулируют деятельность, связанную с предотвращением незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Конвенция о психотропных веществах 1971 года и Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Несмотря на их обширность и детальность с течением времени образовался ряд проблем, которые затрудняют выполнение всех предписаний вышеперечисленных документов. Первой является легализация доходов, полученных незаконным путём. Решить данную проблему можно путём усиленного контроля за банковскими операциями, позаимствовав, в свою очередь, опыт зарубежных государств, преуспевших в этой области. Второй проблемой является декриминализация употребления наркотиков и легализация их. Данный вопрос является по-настоящему спорным, так как, с одной стороны, жёсткое уголовное регулирование позволяет предотвратить употребление наркотиков и их незаконный оборот с помощью страха перед наказанием, но с другой стороны, это задевает права человека и наркозависимые люди нуждаются в лечении, а не в репрессиях. Там более, стоит учитывать опыт государств, на которых декриминализация оказала положительный эффект. Третей проблемой является неточность классификации наркотических средств и психотропных веществ. Ошибочное распределение действительно сильно осложняет правоприменение, т.к. степень опасности не соответствует степени наказания.

Библиографический список

1.Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах от 30.03.1961. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультатнтПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/ (дата обращения: 20.01.2025).

2.Конвенция о психотропных веществах от 21.02.1971. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультатнтПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091/ (дата обращения 20.01.2025).

3.Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультатнтПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092/ (дата обращения: 20.01.2025).

4.Война с наркотиками: доклад глобальной комиссии по вопросам наркополитики, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://правовая-наркология.рф/images/documents /GA_OON/2011_gcdp_warondrugs.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

5.*Гринвольд Г.* Декриминализация наркотиков в Португалии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.inliberty.ru/library/337-dekriminashylizaciya-narkotikov-v-portugalii (дата обращения: 20.01.2025).

6.Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2014 год. [Электронный ресурс]. URL: http://правовая-наркология.рф/images/documents /GA_OON/2014_gcdp_taking-control.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

Для цитирования: *Середа Е.В., Иванов С.А., Самойленко А.А.* Правовая политика государств по противодействию незаконному обороту наркотиков // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 114 – 119.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_114

LEGAL POLICY OF STATES ON COMBATING DRUG TRAFFICKING

Elena V. Sereda[*]
Sergey A. Ivanov[**]
Alexey A. Samoylenko[***]

Annotation. *The article examines the legal aspects of the policy of states to combat drug trafficking. Drug trafficking is not a problem of individual States and territories, but of the whole of humanity, and therefore the fight against such proliferation must be coordinated and coordinated. Currently, there are three main universal international legal agreements that regulate activities related to the prevention of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, the Convention on Psychotropic Substances of 1971, and the Convention against Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988. Despite their presence, richness and detail, however, over time, a number of problems have emerged that States, with their direct cooperation, must immediately resolve by pursuing a consistent anti-drug policy.*

Keywords: *states, politics, struggle, illicit trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances, drugs, lists, convention, control, legalization.*

Nowadays, drug trafficking has long ceased to be a problem of individual States, and this threat is looming over the entire world. The drug network has long been wrapped around our entire globe.

Due to the importance of the problem, it is necessary to create a global system of counteraction that would allow for the control of the drug situation around the world. The UN has a special UN Commission on Narcotic Drugs, which was established by adopting a resolution of the Commission of the Economic and Social Council. It is this unit that is the central UN body for combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. There are also a number of other bodies within the UN structure that regulate this area.

The cooperation of national law enforcement agencies, which are called upon to combat illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, is currently based on the international legal system of norms, which extends its effect to the countries that have joined them. Many national anti-drug programs and laws have been developed and adopted in accordance with the following UN international agreements: the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 [1], the Convention on Psychotropic Substances of 1971 [2] and the Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988 [3].

The Single Convention on Narcotic Drugs of 1961 was signed in New York and brought together many international agreements adopted earlier. The States recognized that persons who committed acts that contradict the provisions of the said Convention would be criminally liable, and also provided for the need to confiscate illegal substances and equipment that served as a means of manufacturing the relevant prohibited substances. Thanks to the same Convention, the International Narcotics Control Board appeared.

It is worth paying attention to the content of the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961. Articles 5–11 of this Convention contain a provision on the establishment of international drug control authorities, articles 11–20 disclose their powers, articles 23–28 formalize the conditions under which opium and poppy straw, as well as coca bush, coca leaves and cannabis, articles 35–37 define the penalties that A person must be held accountable for disobeying the provisions of the Convention.

The Convention defines four lists of narcotic drugs, which establish a different level of control from each other. The first list contains those drugs that can be used for medical and scientific purposes with special permission. They should be stored in rooms with limited access. The second list lists drugs issued under a numbered prescription with strict accountability, again for medical and scientific purposes. Drugs of the third list are issued only according to prescriptions of strict reporting for medical and research purposes. The fourth list contains those funds that can be obtained

[*] **Sereda Elena Vasilyevna** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Law Institute (Saint Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: Evs.54@mail.ru

[**] **Ivanov Sergey Anatolyevich** – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law, Tambov State Technical University (Tambov), Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: seregatambov@mail.ru

[***] **Samoylenko Alexey Alexandrovich** – Postgraduate student of Tambov State Technical University (Tambov). E-mail: lexxxx888@mail.ru

for medical reasons upon presentation of a prescription. It follows from this that every drug in these four groups cannot be freely sold, and they have been withdrawn from free circulation.

In accordance with the provisions of the Convention, violations are punishable by criminal liability, namely imprisonment or other forms of deprivation of liberty for the offender. Confiscated drugs can be used for the following purposes: they are processed into non–narcotic substances; they are used for scientific and medical purposes (with the exception of heroin). If none of the options can be fulfilled, then the confiscation is destroyed.

Psychotropic substances can also affect a person's mental functions and cause addiction. Usually, these drugs are created artificially and used for medical purposes. In order to control the trafficking of psychotropic substances, the Convention on Psychotropic Substances was adopted in 1971. It also contains four lists that establish different control modes. The substances included in the list are established by the World Health Organization and approved by the Commission on Narcotic Drugs. As for responsibility for violating the provisions of the agreement, the list of crimes in the text is incomplete, but they are, in general, identical to the crimes in the 1961 Convention. The main type of sanction is imprisonment and confiscation of illegal substances, as well as the destruction of the latter. Complicity in and attempt at a crime is also punishable.

The 1971 Convention in question establishes the territorial principle of punishing an offender, i.e. in whose territory the offender was detained, then the legislation of that country or the relevant territory of the country is applied for prosecution, provided that the extradition of a person to the State of which he is a national is impossible, and the person has not previously been punished for this crime..

In 1988, the Convention on Combating Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances was adopted by States at the United Nations. Unlike its predecessors, it contains control measures and sanctions for all forms of crimes in the field of drug trafficking, and this Convention also established the confiscation of proceeds and property of criminals acquired illegally. Thanks to the document under consideration, a number of new types of cooperation have emerged to combat illicit drug trafficking. An example is the application of the controlled delivery method.

Russia participates in the 1988 Convention, the Single Convention of 1961, its Protocol of 1972, and the Convention on Psychotropic Substances of 1971. She consistently advocates strict compliance by all States with the obligations assumed in accordance with these conventions. In general, Russia's position is characterized by its constant and consistent struggle to strengthen and improve the international system of control over the production and distribution of narcotic drugs and psychotropic substances.

Despite the fact that the international legal norms on combating drug trafficking were thought out in sufficient detail at the time, there are still a number of specific problems that arise during their implementation at the present time.

The first problem is the legalization of income from illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. It is a well-known fact that drug trafficking is a huge influx of profits, for the sake of which there is a massive involvement of the population in the use of relevant prohibited substances. The receipt of such large amounts into the accounts of drug traffickers raises questions among law enforcement agencies, so criminals are forced to "launder" the proceeds obtained illegally.

Shadow segments of the international banking system, which are recipients of funds, play a huge role in income legalization. This fact is evidence that the legal regulation of international banking is insufficiently regulated and needs to be improved, for example, by creating new types of cooperation between various structures at both national and international levels.

The second problem in the implementation of international legal norms preventing illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances is the decriminalization and legalization of drugs. The first term refers to the transfer of the fact of possession of drugs for personal use from the category of criminal offenses to administrative offenses. The second one calls for completely allowing drugs for free circulation.

The whole problem lies in the fact that, according to the provisions of the 1988 Convention, consumers and small intermediaries (cultivators, drug couriers, high-profile dealers, etc.) are subject to criminal prosecution. Many countries clearly follow this rule and apply sanctions in the form of arrest and imprisonment to both distributors and consumers. However, the consumption level is not decreasing.

Portugal, which was the first country to take such a step in 2001, can be considered as an example of decriminalization of drug use in the territory of the State. Ten years later, the effectiveness of this change was assessed and studied by Dr. Caitlin Hughes from the University of New South Wales and Professor Alex Stevens from the University of Kent [4]. As a result, the analysis indicated that, at first, the level of consumption increased, but it grew gradually and did not exceed the same level in other countries where drug use is prohibited under threat of criminal punishment. Thus, decriminalization of consumption in combination with new methods of drug addiction treatment has had a positive impact on the situation in this country.

Portugal is not the only example, and some improvements from decriminalization of consumption have also been recorded in the Netherlands, Australia, and some US states.

Aggressive discussions are currently underway on the issue of legalizing "light" drugs. While decriminalization of consumption has proven its positive impact in the experience of many States and is supported by most developed countries, the legalization of "light" drugs does not bring similar results.

According to supporters of drug legalization, it has its advantages. The first advantage is the profit that the state will receive when legalizing "light" drugs. Since such business activities will be taxed, the State treasury will have another source of income, and the costs of ensuring the fight against drugs will be reduced. The second advantage will be the fact that due to the availability of "light" drugs (such as marijuana, cannabis), the consumption of heavy synthetic drugs, the legal regulation of which is weaker due to the complexity of classification, will decrease. In other words, if society "sits" on

"light" drugs, then there will be fewer deaths due to overdoses. The third advantage is the loss of drug value. Due to the free sale, it will become cheaper for society to purchase and sell narcotic drugs, which in turn will cease the existence of criminal drug trafficking networks and reduce the number of crimes due to a lack of funds for the purchase of drugs (for example, a reduction in prostitution or robberies).

These "advantages", in our opinion, will not bring much benefit to society, since it is possible to breed stronger varieties of light drugs, as well as the fact that such actions will lead to universal drug addiction, which does not fit the description as a "positive influence".

The harm of drug legalization can be traced to the example of the Netherlands, where such a policy has resulted in a host of negative consequences. Among them are unlimited drug trafficking, which cannot be controlled, drug tourism, as well as an increase in the level of drug consumption by society. Due to the permissiveness and lack of punishment for the domestic cultivation of marijuana, some individuals, through breeding, received new varieties that had a stronger effect on the body. As an example, new varieties of marijuana and hashish "Neder-wiet" can be mentioned, which have a more aggressive effect, contribute to the development of early addiction, the appearance of psychiatric disorders, which increase and provoke in some cases, with the wrong dose, fatal outcomes as a result of use.

As for drug tourism, it has influenced the surge in the wave of general criminality, as the crime rate among visiting foreigners who are intoxicated at the time of committing socially dangerous acts (both from light drugs and from heavy ones) has increased. The result of this "experiment" was that the Dutch government banned the sale of light drugs to tourists in coffee shops. The outraged owners of the mentioned establishments filed a lawsuit against the government in the European Court of Human Rights. The court's decision was to compensate entrepreneurs for losses, but it recognized the ban on the sale of light drugs as legitimate. Further, the Netherlands strengthened its control over the general consumption and trafficking of drugs on its territory [5].

This example proves the detrimental effect of the legalization of light drugs.

The third problem is the classification of narcotic drugs. In the opinion of many scientists, it is outdated and incorrect, which affects the effectiveness of the control of trafficking in narcotic substances and psychotropic substances.

There are four Lists containing more than a hundred registered narcotic drugs and psychotropic substances, defined by the Uniform Convention on Narcotic Drugs of 1961.

The first List contains natural and semi-synthetic opiates (for example, opium, morphine, heroin), derivatives of coca leaves (cocaine), cannabis (hashish), and other synthetic drugs (for example, methadone).

The second List combines the type of substances that are used in medicine and controls that are less relaxed due to the low chance of abuse. These include natural opiates such as codeine and synthetic substances such as propiram.

The third List contains substances that do not need to be monitored. The basis is medicines, which contain a low drug content and are not addictive or abusive. An example would be opium powders and balms.

The fourth List contains some narcotic drugs from the first List, which are considered dangerous to health and do not have the necessary therapeutic effect. These include semi-synthetic opiates such as heroin, synthetic (ethorphine), as well as cannabis and its resin.

The above lists were compiled in accordance with the use of substances for medical purposes. This is the subject of article 4 of the 1961 Convention, which expresses the principle of using drugs only for therapeutic treatment and scientific research. Thus, substances that do not have the necessary effects on humans are considered particularly dangerous. It is because of this that heroin, cannabis, and its resins ended up in the fourth List together, although they pose different levels of danger to the human body [6].

The difference in the interpretation of narcotic drugs and psychotropic substances is a hot topic for debate. As an example, before the adoption of the 1971 Convention, barbiturates, amphetamines, and synthetic hallucinogens were not controlled by law, but, on the contrary, were encouraged for use, although they had a more detrimental effect on the human body than cannabis and coca leaves.

The main problem of the existing classification, according to scientists, is the fact that narcotic drugs and psychotropic substances do not correspond to the degree of danger they pose both from a medical and social point of view. It is generally believed that narcotic drugs have a more serious negative effect on the human body than psychotropic substances. Nevertheless, many narcotic drugs cause only mild dependence and do not have such a strong effect on the psyche, while most psychotropic substances have a much greater narcotic effect. In other words, substances such as LSD, DMT (psychotropic drugs) are considered less dangerous than morphine (narcotic drugs). This statement can be proved by the example of cannabis, which is considered one of the most dangerous narcotic drugs. The active ingredient of this plant is tetrahydrocan-nabinol (hereinafter referred to as TNC). According to the lists, it is a psychotropic substance. If we take the same amount of cannabis, which contains about 3% TNF and the extracted tetrahydrocannabinol (100%), then by logical reasoning we can conclude that cannabis will be less harmful than the pure active substance. But, nevertheless, according to the lists, it will be more dangerous than tetrahydrocannabinol.

As a result, the provisions of the conventions can be considered questionable in terms of the actual harm of a number of substances. By solving this problem, the lists can be reviewed and modified. It can be assumed that the classification is erroneous due to insufficient research during the adoption of conventions, and it would be more reasonable to re-test all substances on modern equipment, which will accurately identify the negative effects and divide them according to the actual risk. It will also be possible to update the lists and add new substances to them that have already appeared by now.

Thus, the following conclusions can be drawn. There are three main international legal agreements that regulate activities related to the prevention of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, the Convention on Psychotropic Substances of 1971, and the Convention against Illicit

Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988. Despite their breadth and detail, over time, a number of problems have emerged that make it difficult to comply with all the requirements of the above-mentioned documents. The first is the legalization of illegally obtained income. This problem can be solved through enhanced control over banking operations, borrowing, in turn, the experience of foreign countries that have succeeded in this area. The second problem is the decriminalization of drug use and their legalization. This issue is truly controversial, since, on the one hand, strict criminal regulation makes it possible to prevent drug use and trafficking through fear of punishment, but on the other hand, it affects human rights and drug addicts need treatment, not repression. Moreover, it is worth taking into account the experience of States where decriminalization has had a positive effect. The third problem is the inaccuracy of the classification of narcotic drugs and psychotropic substances. Erroneous allocation really makes law enforcement very difficult, because the degree of danger does not correspond to the degree of punishment.

Bibliographic list

1. The Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, as amended by the 1972 Protocol on Amendments to the Single Convention on Narcotic Drugs of 30.03.1961. [electronic resource]. SPS "consultatPlus".URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628 / (date of application: 01/20/2025).

2. Convention on Psychotropic Substances of 02/21/1971. [electronic resource]. SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091 / (accessed 20.01.2025).

3. United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 20.12.1988. [electronic resource]. SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092 / (accessed: 01/20/2025).

4. The War on Drugs: Report of the Global Commission on Drug Policy, 2011. [electronic resource]. URL: http://правовая-наркология .Russian Federation/images/documents /GA_OON/2011_gcdp_warondrugs.pdf (date of reference: 01/20/2025).

5. *Greenwald G.* Decriminalization of drugs in Portugal. [electronic resource]. URL: http://www.inliberty.ru/library/337-dekriminashylizaciya-narkotikov-v-portugalii (accessed: 01/20/2025).

6. Report of the International Narcotics Control Board for 2014. [electronic resource]. URL: http://правовая-наркология.Russian Federation/images/documents/GA_OON /2014_gcdp_ taking-control.pdf (date of publication: 20.01.2025).

For citation: *Sereda E.V., Ivanov S.A., Samoylenko A.A.* Legal policy of states on combating drug trafficking // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 119 – 122.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_114

Научная статья

УДК:34
ББК:65.290
DOI**:** 10.47905/MATGIP_2025_4_46_123

А.Д. Сошников*

БЛОКЧЕЙН В МАЛОМ БИЗНЕСЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

Аннотация. *В статье анализируется применение технологии блокчейн в малом и среднем бизнесе (МСП). Рассмотрены основные принципы работы блокчейна, его ключевые преимущества, включая прозрачность, снижение транзакционных издержек и повышение безопасности данных. Проанализированы типы блокчейн-сетей (публичные, частные, консорциумные) и их применимость в МСП. Особое внимание уделено нормативно-правовому регулированию блокчейн-технологий в России, включая законодательство о цифровых финансовых активах и смарт-контрактах. Описаны практические сценарии использования блокчейна малым бизнесом, такие как смарт-контракты, токенизация активов и привлечение инвестиций через ICO/STO, а также основные риски и ограничения внедрения. В заключении предложены рекомендации по поэтапному внедрению блокчейна, взаимодействию с регуляторами и запуску пилотных проектов для успешной интеграции технологии в деятельность МСП.*

Ключевые слова: *блокчейн; малый бизнес; МСП; цифровые финансовые активы; смарт-контракты; токенизация; ICO; STO; правовое регулирование; риски блокчейна; децентрализованные технологии; бизнес-процессы; Россия.*

В условиях цифровой экономики технология блокчейн становится объектом повышенного внимания как инструмент оптимизации бизнес-процессов. Блокчейн – это распределённая система хранения и обмена данными, обеспечивающую неизменность записей и высокую степень защиты транзакций. Децентрализованный характер этой технологии позволяет участникам взаимодействовать напрямую без посредников, что повышает доверие и прозрачность. Малые и средние предприятия (МСП) могут использовать возможности блокчейна для повышения эффективности операций, снижения издержек и улучшения безопасности данных в различных отраслях – от финансов и логистики до производства и торговли. Цель данной статьи – проанализировать основные аспекты технологии блокчейн в контексте малого бизнеса, включая ее базовые принципы, преимущества, правовое регулирование в России, практические сценарии применения, риски внедрения, а также выработать рекомендации для МСП по успешному использованию блокчейна.

Понятие и ключевые свойства. Блокчейн – это распределенный реестр (distributed ledger), в котором данные объединяются в цепочку блоков, криптографически связанных друг с другом. Каждая запись (транзакция) подтверждается консенсусом участников сети и снабжается криптографической подписью, благодаря чему обеспечивается неизменяемость (невозможность задним числом изменить данные) и прозрачность истории операций [Tapscott D., Tapscott A., 2016; Arun J. S. и др., 2019]. Отсутствие единого центра (серверов или управляющей организации) означает децентрализацию – все узлы сети хранят копию реестра и участвуют в валидации новых блоков, что делает систему устойчивой к сбоям и злоупотреблениям. Для достижения согласия между участниками используются алгоритмы консенсуса (Proof-of-Work, Proof-of- Stake и др.), которые гарантируют единство данных во всех копиях реестра без необходимости доверять каким-либо посредникам.

Типы блокчейн-сетей. Существует несколько типов блокчейн-сетей, различающихся по уровню доступа и контролю. Публичные (открытые) блокчейны не имеют ограничений на уча-

* **Сошников Александр Дмитриевич –** аспирант ЧОУ ВО Юридический институт . Технический Директор крипто-платформы для обработки платежей Sheepy. E-mail: alexsoshnikov62@gmail.com

стие: любой желающий может стать узлом сети и вносить транзакции (пример – криптовалютные сети Bitcoin, Ethereum). Такие сети максимально децентрализованы и прозрачны, но могут иметь ограниченную пропускную способность и высокие требования к ресурсам. Частные блокчейны управляются одной организацией или группой и доступны только по приглашению. В них участники известны, что обеспечивает больший контроль, конфиденциальность и скорость работы, однако снижает уровень децентрализации. Консорциумные (федеративные) блокчейны представляют промежуточный вариант: сеть поддерживается ограниченным кругом доверенных организаций (например, объединение банков или компаний), разделяющих управление реестром. Такой подход позволяет достичь баланса между прозрачностью и приватностью, а также распределить ответственность за поддержание сети между участниками консорциума. Каждый из типов сетей может применяться в малом бизнесе в зависимости от целей: открытые сети подходят для взаимодействия с широкой экосистемой (например, публичные платформы), тогда как частные и консорциумные – для внутренних задач предприятия или сотрудничества в рамках отраслевых союзов.

Использование блокчейн-технологий открывает перед малым бизнесом ряд важных преимуществ [Arun J. S., Cuomo J., Gaur N., Blockchain for Business, 2019]:

Во-первых, прозрачность и отслеживаемость. Все транзакции в блокчейне записываются в общий неизменяемый реестр, доступный участникам сети. Это обеспечивает полную прозрачность операций: информацию о движении товаров, финансовых переводах или любых других событиях можно проследить на каждом этапе. Для МСП такая прослеживаемость упрощает аудит и контроль, повышает доверие клиентов и партнеров, а также позволяет быстрее выявлять и устранять ошибки или случаи мошенничества.

Во-вторых, снижение транзакционных издержек. Блокчейн позволяет проводить прямые операции между участниками, исключая необходимость многих традиционных посредников (банков, нотариусов, платформ посредничества). За счет автоматизации процессов с помощью смарт-контрактов снижаются расходы на оформление документов, юридическое сопровождение и бухгалтерию. Кроме того, ускорение расчетов и отсутствие лишних комиссий означает, что МСП могут экономить на платежных транзакциях и быстрее получать оплату, улучшая ликвидность.

В-третьих, защита данных и безопасность. Распределенная архитектура и криптографические методы обеспечения целостности данных делают блокчейн чрезвычайно устойчивым к взлому и потерям данных. Отсутствие единой точки отказа (сервера) снижает риск кибератак, а каждый блок содержит зашифрованный отпечаток предыдущего, что предотвращает несанкционированное изменение информации. Для малого бизнеса это означает повышенную сохранность конфиденциальных данных (например, клиентских баз, договоров) и меньший риск финансовых потерь из-за мошенничества. Высокий уровень безопасности транзакций на блокчейне способствует укреплению доверия между партнерами и клиентами, что важно для роста репутации МСП.

Правовое регулирование технологий блокчейн и связанных с ними цифровых активов в Российской Федерации находится в стадии развития. На сегодняшний день отсутствует отдельный закон, прямо регулирующий использование блокчейна именно в малом бизнесе, однако отдельные аспекты этой области охватываются действующим законодательством. В последние годы внесены изменения в ключевые акты, формирующие правовую базу цифровой экономики:

– Гражданский кодекс РФ. В ГК РФ введено понятие «цифровых прав» (ст. 141.1 ГК РФ), которое легализует объекты, существующие в информационных системах [Гражданский кодекс РФ, ст. 141.1], и тем самым создает основу для обращения токенов и иных цифровых активов в гражданском обороте. Кроме того, законодательство признает юридическую силу электронных сделок и электронных подписей, что косвенно позволяет заключать договоры и исполнять обязательства в цифровой форме [Гражданский кодекс РФ, ст. 160, 434] [Федеральный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011 “Об электронной подписи”, ст. 6] (в том числе посредством смарт-контрактов). Однако прямого упоминания смарт- контрактов в ГК РФ пока нет, и их правовой статус выводится из общих норм о сделках и обязательствах [Гражданский кодекс РФ, ст. 153, 160] [Федеральный закон № 63-ФЗ от 06.04.2011].

– Специальные законы о цифровых активах. Ключевым актом является Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты РФ». Этот закон впервые в России дал определение цифровым финансовым активам [Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 "О цифровых финансовых активах…"] (ЦФА) – по сути, токенам, выпускаемым на блокчейн-платформах, – и цифровой валюте (криптёовалюте, например, биткоину). Закон регулирует порядок выпуска, учета и обращения ЦФА через авторизованных операторов (платформы), устанавливает требования к инвесторам и эмитентам, а также прямо запрещает использование неконтролируемой цифровой валюты в качестве средства платежа на территории РФ [Конституция РФ, ст. 75 ч. 1] [Федеральный закон № 259-ФЗ, ст. 14]. Для малого бизнеса данный закон открыл возможность привлекать инвестиции посредством выпуска токенов [Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020] [Федеральный закон № 259-ФЗ от 02.08.2019 "Об инвестиционных платформах…"] (в рамках установленных процедур STO), однако наложил и ограничения, требующие соблюдения определенных правил и регистрации на утвержденных платформах.

– AML/KYC и финансовый мониторинг. Предприятия, работающие с криптоактивами, подпадают под действие законодательства о противодействии отмыванию доходов [Федеральный закон № 115-ФЗ от 07.08.2001] и финансированию терроризма (115-ФЗ). В частности, операторы обмена цифровой валюты и другие организации, связанные с обращением криптоактивов, обязаны идентифицировать клиентов (процедуры KYC – Know Your Customer), вести учет операций и сообщать о подозрительных транзакциях в Росфинмониторинг. Малый бизнес, принимающий участие в операциях с цифровыми активами (например, выпуская собственные токены или используя криптовалюту), должен учитывать эти требования, чтобы избежать правовых рисков.

– Налогообложение цифровых активов. Вопросы налогообложения операций с криптовалютой и токенами также постепенно получают разъяснения. В отсутствие специальной главы в Налоговом кодексе, доходы от обращения цифровой валюты рассматриваются налоговыми органами как имущественные и подлежат налогообложению [Налоговый кодекс РФ, ст. 41, 250, 271] [Федеральный закон № 418-ФЗ от 29.11.2024] (например, уплата налога на прибыль или НДФЛ с разницы курсов при продаже криптовалюты). Законодатели обсуждают внесение изменений в НК РФ для более точного определения статуса криптоактивов [Федеральный закон № 418-ФЗ от 29.11.2024] и порядка их налогообложения, чтобы обеспечить прозрачность и фискальный контроль над этой сферой.

– Статус смарт-контрактов. Смарт-контракт – это программный алгоритм, автоматически выполняющий условия соглашения при наступлении оговоренных событий. В российском правовом поле смарт-контракты прямо не регламентированы, однако их использование оценивается через призму действующих норм. Если результаты работы смарт-контракта отвечают требованиям к форме и содержанию сделки (например, имеется оферта и акцепт в электронной форме, удостоверенная электронной подписью), то такую сделку можно признать юридически действительной. На практике смарт-контракт может фиксировать права и обязанности сторон (как, например, депозит в криптовалюте, автоматически возвращаемый при выполнении условий), но в случае спора толкование и исполнение такого «договора» будут зависеть от судебной оценки его соответствия законодательству. Таким образом, правовой статус смарт-контрактов остается частично неопределенным: требуются дальнейшие разъяснения или изменения законодательства, чтобы малый бизнес мог уверенно применять их в хозяйственной деятельности без риска правовых коллизий.

В целом, нормативно-правовая среда продолжает развиваться. Государство стремится одновременно создать условия для внедрения инноваций (в том числе пилотные правовые режимы, «регуляторные песочницы») [Федеральный закон № 258- ФЗ от 31.07.2020 "Об экспериментальных правовых режимах…"] и обеспечить контроль над рисками, связанными с криптоактивами. МСП, планирующим использовать блокчейн, необходимо внимательно следить за изменениями законов и регулирования, чтобы соблюдать требования и эффективно использовать новые возможности в легальном поле.

Блокчейн уже находит применение в различных бизнес-сценариях, которые могут быть адаптированы и для сектора малого и среднего предпринимательства:

Во-первых, смарт-контракты для автоматизации сделок. Смарт-контракты могут использоваться МСП для автоматизации заключения и исполнения различных соглашений. Например, автоматизированное исполнение контрактов: аренда оборудования, которая автоматически

продлевается при своевременной оплате, или смарт-контракт в сфере услуг, который переводит оплату исполнителю только после подтверждения выполнения работы. Такие цифровые договоры сокращают затраты на юридическое сопровождение и администрирование, исключают человеческий фактор при выполнении условий сделки и обеспечивают своевременное исполнение обязательств. Для предпринимателей это означает более быстрые расчеты и минимизацию споров, так как код смартконтракта строго исполняет заложенные условия.

Во-вторых, токенизация активов. Токенизация – это превращение прав на реальный объект или ресурс в цифровой токен на блокчейне. Малый бизнес может токенизировать различные активы: например, складские квитанции на товары, права на недвижимость или оборудование, интеллектуальную собственность или даже часы работы специалистов. Токен, представляющий долю в активе, может свободно передаваться или продаваться на цифровом рынке, что увеличивает ликвидность традиционно неликвидных ресурсов. Для МСП это открывает новые пути финансирования: можно привлекать партнеров или инвесторов, продавая им токены, привязанные к выручке проекта или доле в собственности, вместо получения кредитов. Кроме того, токенизация упрощает учет и управление активами, так как все операции фиксируются в блокчейне и легко отслеживаются.

В-третьих, привлечение инвестиций через ICO/STO. Первичное размещение токенов стало инновационным способом привлечения капитала. ICO (Initial Coin Offering) – это продажа инвесторам новых токенов, обычно в обмен на криптовалюту, для финансирования запуска проекта. Изначально ICO привлекали стартапы своей простотой и глобальным охватом инвесторов, однако отсутствие регулирования приводило к рискам мошенничества. В ответ появился формат STO (Security Token Offering) – размещение токенов, признаваемых ценными бумагами, под надзором регуляторов. Для малого бизнеса проведение STO в соответствии с законом о ЦФА дает возможность относительно быстро привлечь средства от широкого круга инвесторов, при этом соблюдая требования финансового регулирования (например, раскрытие информации, регистрация токенов через утвержденных операторов). Таким образом, комбинация технологий блокчейна и краудфандинга позволяет МСПполучать финансирование для роста, минуя традиционные банки, и напрямую взаимодействовать с инвесторами. Однако данный сценарий требует тщательной подготовки с правовой точки зрения и прозрачности бизнеса, чтобы завоевать доверие участников рынка.

Несмотря на значительный потенциал, внедрение блокчейна в малом бизнесе сопряжено с рядом рисков и барьеров, которые необходимо учитывать:

В первую очередь, это технические барьеры и затраты. Блокчейн – относительно сложная технология, требующая специальных знаний и ИТ-инфраструктуры. Малым предприятиям зачастую не хватает внутренних компетенций для разработки и поддержания блокчейн-решений. Обучение сотрудников или наем внешних специалистов увеличивает издержки. Также высокие начальные затраты на внедрение (разработка ПО, интеграция с существующими системами, кибербезопасность) могут отпугнуть МСП с ограниченными ресурсами. Без достаточной технической подготовки попытки внедрения могут привести к ошибкам или уязвимостям в системе, что нивелирует ожидаемые выгоды.

Также стоит учитывать правовые неопределенности. Нестабильность и неполнота регулирования блокчейн- сферы порождают юридические риски. Для малого бизнеса неясность статуса криптоактивов и смарт-контрактов означает возможность столкнуться с правовыми претензиями или невозможностью отстоять свои права в суде, если что-то пойдет не так. Отсутствие единых стандартов и прецедентов затрудняет заключение договоров на основе блокчейна с контрагентами: партнеры могут опасаться правовых последствий, а страховщики – отказываться страховать такие сделки. Кроме того, изменения законодательства (например, ужесточение требований к обороту токенов или налоговые нововведения) могут ретроспективно повлиять на уже запущенные блокчейн-проекты МСП, создав дополнительные обязанности или ограничения.

Многие популярные блокчейн- платформы сталкиваются с ограниченной масштабируемостью – невысокой пропускной способностью транзакций и задержками при увеличении нагрузки. Для небольших компаний это может стать препятствием, если выбранная платформа не справится с ростом числа пользователей или операций. Например, публичные сети могут обрабатывать лишь ограниченное число транзакций в секунду, что не подойдет для приложений, требующих мгновенной обработки данных в больших объемах. Кроме того, производительность

и требования к вычислительным ресурсам (особенно при использовании энергоемких алгоритмов консенсуса) могут приводить к возрастанию расходов на поддержку инфраструктуры. Масштабируемость напрямую влияет на применимость блокчейна: если бизнес расширится, технология должна суметь расшириться вместе с ним без ухудшения качества работы.

Помимо указанных, существуют и другие риски – например, человеческий фактор (ошибки при вводе данных в неизменяемый реестр будут сохраняться навсегда) или конфиденциальность (не все бизнес-данные хочется раскрывать в общем реестре). Тем не менее техническое развитие и появление новых решений (вроде сетей второго уровня, приватных каналов, обновлений протоколов) постепенно снижают эти ограничения. Малому бизнесу важно заранее идентифицировать риски и планировать пути их минимизации при решении о внедрении блокчейн-технологий.

Для успешного внедрения блокчейна предприятия малого и среднего бизнеса должны подходить к этому процессу взвешенно. Ниже приведены рекомендации, которые помогут МСП эффективно использовать технологию с учётом своих особенностей:

Во-первых, оценка готовности и потребностей. Прежде чем внедрять блокчейн, компания должна провести тщательную диагностику своих бизнес-процессов. Важно определить конкретные задачи, которые технология сможет решить (например, устранение посредников в платежах, обеспечение прослеживаемости товара или автоматизация договоров), и оценить, насколько текущая ИТ-инфраструктура готова к интеграции нового решения. Также необходимо сопоставить потенциальную выгоду от блокчейна с издержками на его реализацию. Если внутренняя экспертиза ограничена, имеет смысл привлечь консультантов для аудита готовности компании к цифровой трансформации. Результатом этой оценки должно стать понимание, есть ли у предприятия достаточные ресурсы и навыки, а также какие процессы приоритизировать для перевода на блокчейн.

Во-вторых, запуск пилотных проектов. Начинать внедрение следует с небольших пилотных проектов. Выбрав наиболее перспективный и узкий кейс (например, ведение реестра определенного вида сделок на блокчейне или пилотное отслеживание одной товарной партии в цепочке поставок), МСП может протестировать технологию в ограниченном масштабе. Пилотный проект позволит выявить технические и организационные сложности, протестировать взаимодействие блокчейна с существующими системами, оценить реакцию сотрудников и партнеров. По итогам пилота можно скорректировать подход или архитектуру решения. Такой постепенный подход снижает риски: если проект окажется неудачным, потери будут минимальны, а если успешным – его результаты помогут обосновать расширение использования блокчейна на другие процессы.

В-третьих, взаимодействие с регуляторами и экспертами. Поскольку правовая среда в сфере блокчейна продолжает формироваться, малому бизнесу рекомендуется поддерживать диалог с регуляторными органами и отраслевыми ассоциациями. Участие в профильных мероприятиях, рабочих группах или «регуляторных песочницах» может дать ценную информацию о предстоящих изменениях законодательства и требованиях к компаниям. Также важно привлекать юридическую экспертизу при разработке блокчейн- продуктов: консультирование у юристов, специализирующихся на цифровом праве, поможет изначально выстроить проекты в соответствии с законом (например, правильно оформить выпуск токенов, учесть требования к персональным данным клиентов и пр.). Обмен опытом с другими компаниями, которые уже внедрили блокчейн, например через бизнес-сообщества или партнерские консорциумы, позволит узнать о лучших практиках и распространенных ошибках. В итоге такое проактивное взаимодействие снизит регуляторные риски и повысит доверие со стороны государства и контрагентов к блокчейниниациативам МСП.

Следуя данным рекомендациям, малые предприятия могут пошагово интегрировать блокчейн- технологии, сохраняя баланс между инновациями и разумной осторожностью. Это обеспечит более гладкое внедрение и откроет возможности для роста на базе новых цифровых решений.

Блокчейн способен преобразить малый и средний бизнес, обеспечивая прозрачность, безопасность и эффективность, снижая транзакционные издержки и открывая новые модели привлечения инвестиций. Однако для успешного внедрения нужны совместные усилия государства (улучшение нормативной базы, разработка стандартов, поддержка пилотных проектов) и самих компаний (повышение компетенций, адаптация бизнес-процессов). Перспективны масштабируе-

мые решения, ориентированные на МСП, и правовые механизмы, придающие смарт-контрактам и токенам юридическую силу. Только сбалансированное развитие технологии и законодательства позволит малым предприятиям в полной мере воспользоваться преимуществами распределённой экономики.

Библиографический список

1. *Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin and Other Cryptocurrencies is Changing the World*. – New York: Portfolio/Penguin, 2016. – 368 p.
2. *Arun J. S., Cuomo J., Gaur N. Blockchain for Business: A Practical Guide to the Next Digital Revolution*. – Boston: Addison-Wesley Professional, 2019. – 384 p.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5023.
6. Об инвестиционных платформах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (в ред. от 01.01.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 32. – Ст. 4690.
7. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (в ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
8. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115- ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.
9. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5018.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая и вторая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ и от 05.08.2000 № 117- ФЗ (в ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. № 31. – Ст. 3824; 2000. – № 32. – Ст. 3340.
11. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2024 № 418-ФЗ// Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 49. – Ст. 8032.

Для цитирования: *Сошников А.Д.* Блокчейн в малом бизнесе: правовое регулирование и практические сценарии // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 123 – 128.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_123

BLOCKCHAIN IN SMALL BUSINESS: LEGAL REGULATION AND PRACTICAL SCENARIOS

A.D. Soshnikov*

Annotation. *The article analyzes the application of blockchain technology in small and medium-sized businesses (SMEs). The basic principles of the blockchain, its key advantages, including transparency, reduced transaction costs and increased data security, are considered. The types of blockchain networks (public, private, consortium) and their applicability in SMEs are analyzed. Special attention is paid to the regulatory and legal regulation of blockchain technologies in Russia, including legislation on digital financial assets and smart contracts. Practical scenarios for the use of blockchain by small businesses are described, such as smart contracts, asset tokenization and attracting investments through ICO/STO, as well as the main risks and limitations of implementation. In conclusion, recommendations are proposed for the phased implementation of blockchain, interaction with regulators and the launch of pilot projects for the successful integration of technology into the activities of SMEs.*

Keywords: *blockchain; small business; SMEs; digital financial assets; smart contracts; tokenization; ICO; STO; legal regulation; blockchain risks; decentralized technologies; business processes; Russia.*

* **Soshnikov Aleksandr Dmitrievich –** is a postgraduate student at the Law Institute. CTO of crypto processing platform Sheepy. E-mail: alexsoshnikov62@gmail.com……

In the digital economy, blockchain technology is becoming an object of increased attention as a tool for optimizing business processes. Blockchain is a distributed data storage and exchange system that ensures the immutability of records and a high degree of transaction protection. The decentralized nature of this technology allows participants to interact directly without intermediaries, which increases trust and transparency. Small and medium-sized enterprises (SMEs) can use the power of blockchain to increase operational efficiency, reduce costs, and improve data security in a variety of industries, from finance and logistics to manufacturing and trade. The purpose of this article is to analyze the main aspects of blockchain technology in the context of small businesses, including its basic principles, advantages, legal regulation in Russia, practical application scenarios, implementation risks, and to develop recommendations for SMEs on the successful use of blockchain.

The concept and key properties. Blockchain is a distributed ledger in which data is combined into a chain of blocks that are cryptographically linked to each other. Each record (transaction) is confirmed by the consensus of the network participants and provided with a cryptographic signature, which ensures immutability (the inability to retroactively change data) and transparency of the transaction history [Tapscott D., Tapscott A., 2016; Arun J. S. et al., 2019]. The absence of a single center (servers or a management organization) means decentralization – all network nodes keep a copy of the registry and participate in the validation of new blocks, which makes the system resistant to failures and abuse. To achieve agreement between the participants, consensus algorithms (Proof-of-Work, Proof-of-Stake, etc.) are used, which guarantee the unity of data in all copies of the registry without the need to trust any intermediaries.

Types of blockchain networks. There are several types of blockchain networks, differing in the level of access and control. Public (open) blockchains have no restrictions on participation: anyone can become a node of the network and make transactions (for example, the Bitcoin and Ethereum cryptocurrency networks). Such networks are as decentralized and transparent as possible, but may have limited bandwidth and high resource requirements. Private blockchains are managed by a single organization or group and are available by invitation only. The participants are well-known in them, which provides greater control, confidentiality and speed of work, but reduces the level of decentralization. Consortium (federated) blockchains represent an intermediate option: the network is supported by a limited number of trusted organizations (for example, an association of banks or companies) sharing registry management. This approach allows us to achieve a balance between transparency and privacy, as well as to distribute responsibility for maintaining the network among the members of the consortium. Each type of network can be used in small businesses, depending on the goals: open networks are suitable for interacting with a wide ecosystem (for example, public platforms), while private and consortium networks are suitable for internal tasks of an enterprise or cooperation within industry unions.

The use of blockchain technologies opens up a number of important advantages for small businesses [Arun J. S., Cuomo J., Gaur N., Blockchain for Business, 2019]:

First, transparency and traceability. All transactions in the blockchain are recorded in a common immutable registry available to network participants. This ensures full transparency of transactions: information about the movement of goods, financial transfers or any other events can be traced at every stage. For SMEs, such traceability simplifies auditing and control, increases the trust of customers and partners, and allows faster identification and elimination of errors or fraud cases.

Secondly, the reduction of transaction costs. Blockchain allows for direct transactions between participants, eliminating the need for many traditional intermediaries (banks, notaries, mediation platforms). By automating processes using smart contracts, the costs of paperwork, legal support, and accounting are reduced. In addition, faster settlements and the absence of unnecessary fees mean that SMEs can save on payment transactions and receive payments faster, improving liquidity.

Third, data protection and security. Distributed architecture and cryptographic methods for ensuring data integrity make the blockchain extremely resistant to hacking and data loss. The absence of a single point of failure (server) reduces the risk of cyber attacks, and each block contains an encrypted fingerprint of the previous one, which prevents unauthorized modification of information. For small businesses, this means increased security of confidential data (for example, customer databases, contracts) and a lower risk of financial losses due to fraud. A high level of transaction security on the blockchain helps to strengthen trust between partners and customers, which is important for the growth of the reputation of SMEs.

The legal regulation of blockchain technologies and related digital assets in the Russian Federation is under development. To date, there is no separate law directly regulating the use of blockchain specifically in small businesses, however, certain aspects of this area are covered by current legislation. In recent years, changes have been made to key acts forming the legal framework of the digital economy:

– The Civil Code of the Russian Federation. The Civil Code of the Russian Federation introduces the concept of "digital rights" (Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation), which legalizes objects existing in information systems [Civil Code of the Russian Federation, Article 141.1], and thereby creates the basis for the circulation of tokens and other digital assets in civil circulation. In addition, the legislation recognizes the legal force of electronic transactions and electronic signatures, which indirectly makes it possible to conclude contracts and fulfill obligations in digital form [Civil Code of the Russian Federation, Articles 160, 434] [Federal Law No. 63-FZ of 04/06/2011 “On Electronic Signatures", art. 6] (including through smart contracts). However, there is no direct mention of smart contracts in the Civil Code of the Russian Federation yet, and their legal status is derived from the general rules on transactions and obligations [Civil Code of the Russian Federation, Articles 153, 160] [Federal Law No. 63-FZ of 04/06/2011].

– Special laws on digital assets. The key act is Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation." For the first time in Russia, this law defined digital financial assets [Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 “On Digital Financial Assets ...”] (CFA) – in

fact, tokens issued on blockchain platforms – and digital currency (cryptocurrencies, for example, bitcoin). The law regulates the procedure for issuing, accounting and circulation of CFAs through authorized operators (platforms), establishes requirements for investors and issuers, and explicitly prohibits the use of uncontrolled digital currency as a means of payment in the Russian Federation [Constitution of the Russian Federation, art. 75 Part 1] [Federal Law No. 259-FZ, art. 14]. For small businesses, this law has opened up the opportunity to attract investments through the issuance of tokens [Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020] [Federal Law No. 259-FZ dated 08/02/2019 "On Investment Platforms ..."] (within the framework of established STO procedures), however, it also imposed restrictions requiring compliance with certain rules and registration on approved platforms.

– AML/KYC and financial monitoring. Enterprises working with cryptoassets are subject to the legislation on combating money laundering [Federal Law No. 115-FZ dated 08/07/2001] and the financing of terrorism (115-FZ). In particular, digital currency exchange operators and other organizations involved in the circulation of crypto assets are required to identify customers (KYC procedures – Know Your Customer), keep records of transactions and report suspicious transactions to Rosfinmonitoring. Small businesses involved in operations with digital assets (for example, issuing their own tokens or using cryptocurrencies) should take these requirements into account in order to avoid legal risks.

– Taxation of digital assets. The issues of taxation of transactions with cryptocurrencies and tokens are also gradually being clarified. In the absence of a special chapter in the Tax Code, income from the circulation of digital currency is considered by the tax authorities as property and is subject to taxation [Tax Code of the Russian Federation, Articles 41, 250, 271] [Federal Law No. 418-FZ dated 11/29/2024] (for example, payment of income tax or personal income tax on the difference in exchange rates when selling cryptocurrencies). Lawmakers are discussing amendments to the Tax Code of the Russian Federation to more accurately determine the status of crypto assets [Federal Law No. 418-FZ dated 11/29/2024] and the procedure for their taxation in order to ensure transparency and fiscal control over this area.

– The status of smart contracts. A smart contract is a software algorithm that automatically fulfills the terms of an agreement upon the occurrence of specified events. In the Russian legal field, smart contracts are not directly regulated, but their use is assessed through the prism of current regulations. If the results of the smart contract meet the requirements for the form and content of the transaction (for example, there is an offer and acceptance in electronic form, certified by an electronic signature), then such a transaction can be recognized as legally valid. In practice, a smart contract can fix the rights and obligations of the parties (such as a deposit in cryptocurrency, which is automatically refunded if the conditions are met), but in the event of a dispute, the interpretation and execution of such a "contract" will depend on a judicial assessment of its compliance with the law. Thus, the legal status of smart contracts remains partially uncertain: further clarifications or legislative changes are required so that small businesses can confidently apply them in their business activities without the risk of legal conflicts.

Overall, the regulatory environment continues to evolve. The state strives to simultaneously create conditions for the introduction of innovations (including pilot legal regimes, "regulatory sandboxes") [Federal Law No. 258-FZ dated 07/31/2020 "On Experimental Legal regimes ..."] and ensure control over the risks associated with cryptoassets. SMEs planning to use blockchain need to closely monitor changes in laws and regulations in order to comply with the requirements and effectively use new opportunities in the legal field.

Blockchain is already finding applications in various business scenarios that can be adapted to the small and medium-sized business sector:

First, smart contracts are used to automate transactions. Smart contracts can be used by SMEs to automate the conclusion and execution of various agreements. For example, automated contract execution: equipment rental, which is automatically extended upon timely payment, or a smart contract in the service sector, which transfers payment to the contractor only after confirmation of the work. Such digital contracts reduce the cost of legal support and administration, eliminate the human factor in fulfilling the terms of the transaction and ensure timely fulfillment of obligations. For entrepreneurs, this means faster calculations and minimizing disputes, since the smart contract code strictly fulfills the stipulated conditions.

Secondly, asset tokenization. Tokenization is the transformation of rights to a real object or resource into a digital token on the blockchain. Small businesses can tokenize various assets, such as warehouse receipts for goods, real estate or equipment rights, intellectual property, or even specialist hours. A token representing a share in an asset can be freely transferred or sold on the digital market, which increases the liquidity of traditionally illiquid resources. For SMEs, this opens up new ways of financing: you can attract partners or investors by selling them tokens linked to the project's revenue or ownership interest, instead of receiving loans. In addition, tokenization simplifies asset accounting and management, as all transactions are recorded on the blockchain and easily tracked.

Thirdly, attracting investments through ICO/STO. The initial placement of tokens has become an innovative way to raise capital. ICO (Initial Coin Offering) is the sale of new tokens to investors, usually in exchange for cryptocurrency, to finance the launch of a project. Initially, ICOs attracted startups with their simplicity and global reach of investors, but the lack of regulation led to fraud risks. In response, the STO (Security Token Offering) format appeared – the placement of tokens recognized as securities under the supervision of regulators. For small businesses, conducting an STO in accordance with the CFA law makes it possible to raise funds from a wide range of investors relatively quickly, while complying with financial regulatory requirements (for example, disclosure of information, registration of tokens through approved operators). Thus, the combination of blockchain and crowdfunding technologies allows SMEs to obtain financing for growth, bypassing traditional banks, and interact directly with investors. However, this scenario requires careful preparation from a legal point of view and business transparency in order to gain the trust of market participants.

Despite the significant potential, the introduction of blockchain in small businesses involves a number of risks and barriers that need to be considered.:

First of all, these are technical barriers and costs. Blockchain is a relatively complex technology that requires specialized knowledge and an IT infrastructure. Small businesses often lack the internal competencies to develop and maintain blockchain solutions. Training employees or hiring external specialists increases costs. Also, high initial implementation costs (software development, integration with existing systems, cybersecurity) can deter SMEs with limited resources. Without sufficient technical training, implementation attempts can lead to errors or vulnerabilities in the system, which negates the expected benefits.

It is also worth considering legal uncertainties. Instability and incompleteness of regulation of the blockchain sphere create legal risks. For small businesses, the unclear status of crypto assets and smart contracts means the possibility of facing legal claims or the inability to defend their rights in court if something goes wrong. The lack of uniform standards and precedents makes it difficult to conclude blockchain–based contracts with counterparties: partners may fear legal consequences, and insurers may refuse to insure such transactions. In addition, changes in legislation (for example, stricter requirements for token turnover or tax innovations) may retrospectively affect already launched blockchain projects of SMEs, creating additional responsibilities or restrictions.

Many popular blockchain platforms face limited scalability due to low transaction throughput and delays with increasing load. For small companies, this can become an obstacle if the chosen platform cannot cope with the growth in the number of users or operations. For example, public networks can process only a limited number of transactions per second, which is not suitable for applications that require instant processing of large amounts of data. In addition, performance and computing resource requirements (especially when using energy-intensive consensus algorithms) can lead to increased infrastructure support costs. Scalability directly affects the applicability of the blockchain: if the business expands, the technology should be able to expand with it without compromising the quality of work.

In addition to these, there are other risks, such as the human factor (errors when entering data into an immutable registry will persist forever) or confidentiality (not all business data wants to disclose in the general registry). Nevertheless, technical developments and the emergence of new solutions (such as second-level networks, private channels, and protocol updates) are gradually reducing these limitations. It is important for small businesses to identify risks in advance and plan ways to minimize them when deciding on the implementation of blockchain technologies.

For the successful implementation of blockchain, small and medium-sized businesses must approach this process carefully. Below are recommendations that will help SMEs effectively use the technology, taking into account their own characteristics.:

First, an assessment of readiness and needs. Before implementing blockchain, a company must conduct a thorough diagnosis of its business processes. It is important to identify specific tasks that the technology can solve (for example, eliminating intermediaries in payments, ensuring product traceability, or automating contracts), and assess how ready the current IT infrastructure is to integrate the new solution. It is also necessary to compare the potential benefits of the blockchain with the costs of its implementation. If internal expertise is limited, it makes sense to involve consultants to audit the company's readiness for digital transformation. The result of this assessment should be an understanding of whether the enterprise has sufficient resources and skills, as well as which processes to prioritize for the transfer to the blockchain.

Secondly, the launch of pilot projects. Implementation should begin with small pilot projects. By choosing the most promising and narrow case (for example, maintaining a registry of a certain type of transactions on the blockchain or pilot tracking of a single product batch in the supply chain), SMEs can test the technology on a limited scale. The pilot project will identify technical and organizational difficulties, test the interaction of the blockchain with existing systems, and evaluate the reaction of employees and partners. Based on the results of the pilot, you can adjust the approach or architecture of the solution. This gradual approach reduces risks: if the project is unsuccessful, losses will be minimal, and if successful, its results will help justify the expansion of the use of blockchain to other processes.

Thirdly, interaction with regulators and experts. As the legal environment in the field of blockchain continues to take shape, small businesses are encouraged to maintain a dialogue with regulatory authorities and industry associations. Participation in specialized events, working groups, or "regulatory sandboxes" can provide valuable information about upcoming legislative changes and requirements for companies. It is also important to involve legal expertise in the development of blockchain products: consulting with lawyers specializing in digital law will help to initially build projects in accordance with the law (for example, to properly issue tokens, take into account the requirements for personal data of clients, etc.). Sharing experiences with other companies that have already implemented blockchain, for example through business communities or partner consortia, will allow you to learn about best practices and common mistakes. As a result, such proactive interaction will reduce regulatory risks and increase trust on the part of the government and counterparties in SME blockchain initiatives.

Following these recommendations, small businesses can integrate blockchain technologies step by step, maintaining a balance between innovation and reasonable caution. This will ensure a smoother implementation and open up opportunities for growth based on new digital solutions.

Blockchain is able to transform small and medium-sized businesses by providing transparency, security and efficiency, reducing transaction costs and opening up new models of attracting investments. However, successful implementation requires joint efforts by the government (improving the regulatory framework, developing standards, supporting pilot projects) and the companies themselves (improving competencies, adapting business processes). Scalable solutions aimed at SMEs and legal mechanisms that give smart contracts and tokens legal force are promising. Only a balanced development of technology and legislation will allow small businesses to take full advantage of the distributed economy.

Bibliographic list

1. *Tapscott D., Tapscott A.* Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin and Other Cryptocurrencies is Changing the World. – New York: Portfolio/Penguin, 2016. – 368 p.

2. *Arun J. S., Cuomo J., Gaur N.* Blockchain for Business: A Practical Guide to the Next Digital Revolution. – Boston: Addison-Wesley Professional, 2019. – 384 p.

3. The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 (as amended dated 04/01/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – St. 3301.

4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (as amended dated 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. No. 144.

5. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of 07/31/2020 (as amended dated 01.01.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. – Art. 5023.

6. On Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 08/02/2019 No. 259-FZ (as amended dated 01.01.2023) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 32. – Art. 4690.

7. On Electronic Signatures: Federal Law No. 63-FZ dated 04/06/2011 (as amended dated 01.01.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 15. – Art. 2036.

8. On Countering the legalization (laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism: Federal Law No. 115-FZ of 08/07/2001 (as amended dated 01.01.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33 (part I). – Art. 3418.

9. On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovations in the Russian Federation: Federal Law No. 258-FZ dated 07/31/2020 (as amended dated 01.01.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. – Art. 5018.

10. The Tax Code of the Russian Federation (part one and two): Federal Law No. 146-FZ of 07/31/1998 and No. 117-FZ of 08/05/2000 (as amended dated 01.01.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1998. No. 31. – Art. 3824; 2000. – № 32. – Article 3340.

11. On amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation: Federal Law No. 418-FZ dated 11/29/2024// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – No. 49. – Article 8032.

For citation: *Soshnikov A.D.* Blockchain in small business: legal regulation and practical scenarios // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 128 – 132.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_123

Научная статья

УДК: 340.0
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_133

Н.А. Сыначев*

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ БРИКС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СДЕЛОК

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью гармонизации правовых систем стран БРИКС для преодоления барьеров в экономическом сотрудничестве. Предмет – правовые регулирования трансграничных сделок. Цель – выявление коллизий и разработка инструментов унификации. Методология включает сравнительно-правовой анализ законодательств, международных соглашений и судебной практики. Основное содержание: классификация правовых систем, ключевые коллизии (валютный контроль, арбитраж), предложения по модельным кодексам и цифровым платформам. Новизна – анализ применения ИИ для гармонизации судебной практики. Результаты: доказана эффективность модельных законов и цифровизации для снижения правовой асимметрии. Выводы: унификация возможна через гибкие механизмы, учитывающие особенности стран-участниц.*

Ключевые слова: *БРИКС, правовое регулирование, внешнеэкономические сделки, унификация законодательства, сравнительный анализ, валютное регулирование, международные договоры, гармонизация права, трансграничные контракты, судебная реформа.*

Страны БРИКС, занимая стратегически важное положение в глобальной экономической архитектуре, сталкиваются с проблемой правовой гетерогенности, создающей существенные препятствия для углубления экономической интеграции. Во-первых, как отмечают исследователи, «различия в правовых традициях государств-участников обусловлены историческими, культурными и политическими факторами, что требует системного подхода к гармонизации законодательства» [1].

Анализ правовых систем государств объединения позволяет выделить два основных вектора развития. С одной стороны, «романо-германская традиция, представленная в России, Бразилии и Китае, демонстрирует тенденцию к централизованному нормотворчеству». В Российской Федерации, как подчёркивают эксперты, «доминирующая роль Гражданского кодекса сочетается с особым режимом регулирования стратегических отраслей, что создаёт дуализм в правовом поле внешнеэкономической деятельности».

С другой стороны, смешанные правовые системы Индии и ЮАР требуют особого внимания. В Индии, как свидетельствует судебная практика, «архаичные положения Закона о контрактах 1872 года зачастую вступают в противоречие с современными требованиями международной торговли» [2]. По мнению специалистов, «именно фрагментация правового регулирования становится ключевым вызовом для иностранных инвесторов».

Особый интерес представляет опыт Южно-Африканской Республики, где «синтез римско-голландского права и местных обычаев создаёт уникальную модель правового плюрализма». Как показали исследования 2023 года, «35% внешнеторговых споров в ЮАР разрешаются через механизмы традиционного права, что требует разработки специальных медиационных процедур» [3].

Перспективы унификации законодательства, по нашему мнению, связаны с тремя ключевыми направлениями. Во-первых, необходима «разработка модельных законов в сфере цифровой торговли и кибербезопасности, учитывающих специфику национальных юрисдикций». Во-вторых, как свидетельствует опыт ЕАЭС, «создание транснациональных арбитражных институ-

* **Сыначев Никита Андреевич –** аспирант ЧОУ ВО «Юридического института» (Санкт-Петербург). E-mail: na@synachev.ru

тов могло бы снизить риски правовой неопределённости». Наконец, гармонизация валютного регулирования требует «поэтапного внедрения единых стандартов отчётности» [4].

Таким образом, несмотря на объективные сложности, связанные с различиями в правовых культурах, процесс сближения законодательств стран БРИКС приобретает институциональные очертания. Как полагают авторитетные юристы-международники, ключевым фактором успеха станет разработка гибких правовых механизмов, сочетающих унификацию норм с учётом национальной специфики.

«Во-вторых, договорное регулирование характеризуется принципиальными отличиями. С одной стороны, наблюдается различный уровень свободы договора – от либеральных подходов в бразильском праве до жёстких ограничений в китайском законодательстве» [4].

«С другой стороны, формальные требования к сделкам варьируются от письменной формы в России до обязательного нотариального удостоверения в ЮАР».

«Следует подчеркнуть, что валютный контроль остаётся ключевым элементом регулирования, особенно в контексте противодействия оттоку капитала».

«Важно отметить, что культурные противоречия проявляются в столкновении западных принципов свободы договора с азиатскими традициями государственного контроля и африканскими обычаями общинного права» [5].

«По мнению специалистов, институциональные барьеры обусловлены отсутствием наднациональных органов, способных обеспечить синхронизацию правовых режимов по аналогии с европейскими моделями».

«В качестве успешных практик следует выделить Соглашение о создании Нового банка развития (2014) и разработку модельного закона о цифровой торговле, продемонстрировавших потенциал мягкой гармонизации».

«Мы полагаем, что конкретные меры по укреплению взаимодействия должны включать:

1. Разработку типовых контрактов для энергетического и аграрного секторов»;
2. «Создание единой базы судебных решений с алгоритмами машинного перевода»;
3. «Внедрение механизмов мягкого права через отраслевые меморандумы».

«Таким образом, перспективы унификации законодательства в рамках БРИКС требуют сочетания двух стратегий: гармонизации ключевых стандартов в цифровой экономике и инфраструктурных проектах при сохранении гибкости в вопросах национального суверенитета». «Следовательно, успех данного процесса будет зависеть от создания адаптивных институтов с чётким распределением компетенций между межгосударственными и национальными органами» [6].

Анализ нормативно-правового регулирования движения капитала в государствах БРИКС выявляет существенные различия в правовых подходах, создающие системные препятствия для гармонизации законодательства. Во-первых, государства-участники демонстрируют принципиально разные модели валютного контроля. «В Индии и ЮАР, как отмечают исследователи, превалирует ограничительная политика: Резервный банк Индии устанавливает лимит конвертации рупий до 100 000 долларов США в год для юридических лиц (по данным 2025 г.), тогда как южноафриканское законодательство требует обязательного декларирования трансграничных платежей свыше 1 млн рандов» [7].

Во-вторых, наблюдается дивергенция в регулировании стратегических отраслей. «По мнению специалистов, индийские требования об одобрении сделок с иностранными инвесторами в телекоммуникационном и оборонном секторах контрастируют с бразильской практикой отмены налога на финансовые операции для зарубежных инвестиций». Российский подход, сохраняющий валютные ограничения с «зелёными коридорами» для «дружественных» юрисдикций, формирует промежуточную модель регулирования.

Модельное законодательство, будучи гибким механизмом, позволяет синхронизировать правовые системы в условиях цифровой трансформации.

Современные тенденции цифровизации судебных систем демонстрируют значительные различия в подходах национальных юрисдикций. «В Бразилии, например, внедрение системы “электронных судей” (e-Judge) позволило автоматизировать 80% рутинных дел, включая взыскание долгов и административные штрафы» [8]. По данным исследований, искусственный интеллект здесь не только анализирует иски, но и генерирует проекты решений, утверждаемые судьями за 10–15 минут, что сократило backlog дел на 37% в 2023 году.

Во-вторых, Российская Федерация демонстрирует иной вектор развития через Государственную автоматизированную систему «Правосудие». «Согласно официальной статистике, система объединила 15 тысяч судов и обработала 25 миллионов заявлений в 2024 году». Интеграция с Росреестром и ФНС, по мнению специалистов, существенно ускоряет проверку доказательств, формируя единое цифровое пространство судопроизводства.

Применение искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике, как показала практика, достигло новых масштабов. «Система "Интеллектуальный суд 4.0", анализирующая 100 миллионов прецедентов, не только предлагает судьям варианты решений, но и сократила время рассмотрения коммерческих споров в провинции Чжэцзян на 30%» [9]. Однако, как полагают эксперты, подобные технологии требуют тщательной проверки на предмет дискриминации алгоритмов.

Выявленные риски, тем не менее, остаются значимым вызовом. Так, в 2024 году хакерская атака на ГАС «Правосудие» в России привела к временному отключению модуля электронного документооборота, что подчеркивает уязвимость цифровой инфраструктуры. Следовательно, международные форумы, такие как Форум председателей Верховных судов БРИКС в Сочи (2024), играют ключевую роль в выработке общих стандартов. «Утверждённый принцип взаимного признания электронных доказательств, включая блокчейн-записи, и стандарты защиты персональных данных стали важными шагами в этом направлении».

На Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ-2024), как следует из материалов обсуждений, особое внимание уделялось «унификации правовых понятий» [4]. «Модельный закон о цифровых активах, учитывающий опыт КНР и ОАЭ», а также подписанные 37 соглашений, включая меморандум между ЕАЭС и Африканским союзом [10], демонстрируют «глобальный характер трансформации правовых систем». Таким образом, «цифровизация судопроизводства требует не только технологических, но и межгосударственных решений для минимизации рисков и обеспечения правовой определённости».

Гармонизация законодательства в рамках БРИКС, по мнению специалистов, представляет собой «закономерный этап эволюции международного права, характеризующийся переходом от фрагментированных норм к системной интеграции». Во-первых, следует отметить, что «эффективность данного процесса детерминирована преодолением цифрового разрыва» – статистические данные свидетельствуют, что «30% судебных учреждений Индии до сих пор не обладают доступом к высокоскоростному интернету» [11]. Во-вторых, как подчеркивают исследователи, «ключевым фактором успеха выступает формирование институционального доверия к транснациональным правовым механизмам».

Считаем необходимым акцентировать внимание на «проблеме правовой асимметрии, обусловленной дуализмом правовых систем государств-участников». «Российская Федерация и Китайская Народная Республика, базирующиеся на континентальной традиции, демонстрируют принципиальные отличия от общего права Индии и ЮАР», что создает «коллизионные риски при квалификации электронных оферт» [12]. Таким образом, «разработка модельного Гражданского кодекса для внешнеторговых операций представляется императивом современной правовой интеграции».

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить три ключевых направления унификации:

1. «Легализация критериев электронного согласия и долгосрочной доступности контента в цифровых контрактах, что соответствует принципам EU e-Commerce Directive 2000/31/ЕС».
2. «Ограничение доктрины младенчества для онлайн-сделок при сохранении баланса интересов несовершеннолетних и контрагентов» [13].
3. «Иерархизация коллизионных норм с приматом пользовательских соглашений платформ над национальным законодательством».

Следует особо подчеркнуть, что «институциональное развитие требует создания междисциплинарных рабочих групп». «Как показывает опыт КНР, чьи стандарты электронной коммерции де-факто становятся глобальными, синтез юридического, технологического и бизнес-экспертного знания» [14].

Реализация концепции предполагает последовательное выполнение трех этапов:

– «Развертывание защищенных API-интерфейсов для интеграции национальных реестров» [4].

– «Внедрение блокчейн-платформы для аккредитивов в энергетическом секторе».

– «Создание рейтингового агентства на базе big data-алгоритмов, альтернативного тройке Moody's/S&P/Fitch».

Как свидетельствует практика ЕАЭС, подобная трансформация требует не только политической воли, но и «существенных инвестиций в цифровую инфраструктуру» [14].

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что балансировка влияния в рамках БРИКС требует системного подхода. «По мнению специалистов, ключевым элементом должна стать ротация руководящих постов с введением квот для проектов малых стран-участниц, что позволит компенсировать диспропорцию в капиталовложениях (Китай – 41%, Россия – 18%)» [4].

Во-вторых, интеграция электронного правосудия предполагает многоуровневую трансформацию. «Согласно исследованиям, стандартизация данных на основе адаптированной версии ISO/TS 12812 для мобильных платежей создаст технологический фундамент для межгосударственного взаимодействия» [15]. «При этом внедрение ИИ-алгоритмов анализа прецедентного права, как показали пилотные проекты, повышает точность юридических прогнозов на 37%».

Следует особо отметить, что «формирование механизма взаимного признания электронных подписей на блокчейне Hyperledger Fabric обеспечит не только безопасность, но и сократит время верификации документов до 2,4 секунд». «Технико-экономическое обоснование демонстрирует целесообразность пилотного внедрения в энергетическом секторе, где 54% контрактов БРИКС связаны с поставками углеводородов» [16].

Таким образом, реализация предложенной модели требует «консолидации политической воли при сохранении суверенитета национальных правовых систем». «Как полагают эксперты, к 2030 году БРИКС может стать уникальным примером "мягкой" интеграции, где унификация достигается через цифровые платформы и банковские инструменты, минуя создание наднациональных структур».

В заключение стоит подчеркнуть, что унификация законодательства в сфере внешнеэкономических сделок остаётся сложной, но достижимой целью. Ключевыми факторами успеха, по нашему мнению, выступают: последовательная цифровизация правоприменения, разработка модельных законов и создание многоуровневых диалоговых площадок. Как показывает практика, эффективность этих мер напрямую зависит от способности участников находить баланс между экономическими интересами и политическими реалиями.

Библиографический список

1. *Андреева Г.Н.* Проблема гармонизации правового регулирования экономических отношений в странах БРИКС // Экономика и право. – 2022. – № 5. – С. 45–52.

2. *Белов В.А*. Индийский закон о договорах 1872 года: общий комментарий // Вестник МГУ. – 2019. – № 3. – С. 89–102.

3. *Diala A.C.* The concept of living customary law: a critique // University of Milano-Bicocca Research Paper. – 2017. – № 19-02. – P. 143–165.

4. *Арзуманова Л.Л*. Налоговое взаимодействие государств БРИКС // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 3. – С. 68–70.

5. *Кулаков В.В*. Правовая гармонизация в БРИКС: вызовы и перспективы // Цифровое право. – 2024. – № 6. – С. 12–25.

6. *Кулакова Т.А., Коверзнева С.А.* Перспективы новых институтов развития стран БРИКС // Научный журнал. 2016. № 1.

7. Закон об управлении иностранной валютой Индии (FEMA, 1999) с поправками 2025 г.

8. *Жеребкина Е.В., Жукова А.И.* Применение искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве: опыт стран БРИКС // КиберЛенинка. 2024.

9. *Ермакова Е.П.* Этапы информатизации судов в КНР: версии 1.0, 2.0, 3.0 и 4.0 // Открытый репозиторий РУДН. 2022.

10. Распоряжение Коллегии ЕАЭС № 171 от 08.10.2019 «О проекте Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Комиссией Африканского союза».

11. *Поветкина Н.А.* Цифровой разрыв в судебной системе Индии: статистика и решения // Вестник международного права. – 2023. – № 2. – С. 88–94.

12. *Гроник И.В.* Коллизионные риски в электронной коммерции // Право и цифровизация. – 2022. – № 3. – С. 15–22.

13. *Сергеева О.В.* Влияние цифровизации на регулирование преддоговорных отношений. С. 162–184.

14. Доклад ЮНИДО о развитии электронной торговли в БРИКС.

15. Международный стандарт ISO/TS 12812 «Банковская система – Мобильные финансовые услуги» // Официальный сайт ФГБУ «Институт стандартизации». – 2016.

16. *Сидорова М.А.* Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: анализ контрактной базы // Экономика и управление. – 2023. – № 12. – С. 88–94.

Для цитирования: *Сыначев Н.А.* Правовые механизмы унификации законодательства в рамках БРИКС: сравнительный анализ подходов к регулированию внешнеэкономических сделок // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 133 – 137.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_133

LEGAL MECHANISMS FOR THE UNIFICATION OF LEGISLATION WITHIN THE FRAMEWORK OF BRICS: COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO REGULATION OF FOREIGN ECONOMIC TRANSACTIONS

Nikita A. Synachev[*]

Annotation. *The relevance of the study is determined by the need to harmonize the legal systems of the BRICS countries in order to overcome barriers to economic cooperation. The subject is the legal regulation of cross–border transactions. The goal is to identify collisions and develop unification tools. The methodology includes a comparative legal analysis of legislation, international agreements, and judicial practice. Main content: classification of legal systems, key conflicts (currency control, arbitration), proposals for model codes and digital platforms. The novelty is the analysis of the use of AI for the harmonization of judicial practice. Results: the effectiveness of model laws and digitalization to reduce legal asymmetry has been proven. Conclusions: unification is possible through flexible mechanisms that take into account the specifics of the participating countries.*

Keywords: *BRICS, legal regulation, foreign economic transactions, unification of legislation, comparative analysis, currency regulation, international treaties, harmonization of law, cross-border contracts, judicial reform.*

The BRICS countries, occupying a strategically important position in the global economic architecture, face the problem of legal heterogeneity, which creates significant obstacles to deepening economic integration. Firstly, as the researchers note, "differences in the legal traditions of the participating states are due to historical, cultural and political factors, which requires a systematic approach to the harmonization of legislation" [1].

The analysis of the legal systems of the states of the association allows us to identify two main vectors of development. On the one hand, "the Romano-Germanic tradition, represented in Russia, Brazil and China, demonstrates a tendency towards centralized rulemaking." In the Russian Federation, as experts emphasize, "the dominant role of the Civil Code is combined with a special regime for regulating strategic industries, which creates dualism in the legal field of foreign economic activity."

On the other hand, the mixed legal systems of India and South Africa require special attention. In India, as judicial practice shows, "the archaic provisions of the Law on Contracts of 1872 often come into conflict with modern requirements of international trade" [2]. According to experts, "it is the fragmentation of legal regulation that is becoming a key challenge for foreign investors."

Of particular interest is the experience of the Republic of South Africa, where "the synthesis of Roman-Dutch law and local customs creates a unique model of legal pluralism." According to research conducted in 2023, "35% of foreign trade disputes in South Africa are resolved through the mechanisms of traditional law, which requires the development of special mediation procedures" [3].

The prospects for the unification of legislation, in our opinion, are related to three key areas. First, it is necessary to "develop model laws in the field of digital commerce and cybersecurity, taking into account the specifics of national jurisdictions." Secondly, as the experience of the EAEU shows, "the creation of transnational arbitration institutions could reduce the risks of legal uncertainty." Finally, the harmonization of currency regulation requires "the phased introduction of uniform reporting standards" [4].

Thus, despite the objective difficulties associated with differences in legal cultures, the process of convergence of the laws of the BRICS countries is taking on institutional outlines. According to reputable international lawyers, the key success factor will be the development of flexible legal mechanisms that combine the unification of norms taking into account national specifics.

"Secondly, contractual regulation is characterized by fundamental differences. On the one hand, there is a different level of freedom of contract, from liberal approaches in Brazilian law to severe restrictions in Chinese legislation" [4].

"On the other hand, the formal requirements for transactions range from writing in Russia to mandatory notarization in South Africa."

"It should be emphasized that currency control remains a key element of regulation, especially in the context of countering capital outflows."

[*] **Synachev Nikita Andreevich** – Postgraduate student at the Saint Petersburg Law Institute. E-mail: na@synachev.ru

"It is important to note that cultural contradictions manifest themselves in the collision of Western principles of freedom of contract with Asian traditions of state control and African customs of communal law" [5].

"According to experts, institutional barriers are caused by the lack of supranational bodies capable of synchronizing legal regimes by analogy with European models."

"Successful practices include the Agreement on the Establishment of a New Development Bank (2014) and the development of a model law on digital commerce, which demonstrated the potential for soft harmonization."

"We believe that specific measures to strengthen cooperation should include:

1. Development of standard contracts for the energy and agricultural sectors";
2. "Creation of a unified database of court decisions with machine translation algorithms";
3. "Implementation of soft law mechanisms through industry memoranda."

"Thus, the prospects for the unification of legislation within the BRICS require a combination of two strategies: the harmonization of key standards in the digital economy and infrastructure projects while maintaining flexibility in matters of national sovereignty." "Therefore, the success of this process will depend on the creation of adaptive institutions with a clear distribution of competencies between interstate and national authorities" [6].

An analysis of the legal regulation of capital flows in the BRICS countries reveals significant differences in legal approaches that create systemic obstacles to the harmonization of legislation. First, the participating states demonstrate fundamentally different models of currency control. "In India and South Africa, as the researchers note, restrictive policies prevail: the Reserve Bank of India sets a limit on the conversion of rupees to 100,000 US dollars per year for legal entities (according to 2025), while South African legislation requires mandatory declaration of cross-border payments over 1 million rand" [7].

Secondly, there is a divergence in the regulation of strategic industries. "According to experts, the Indian requirements for approving transactions with foreign investors in the telecommunications and defense sectors contrast with the Brazilian practice of abolishing the financial transaction tax for foreign investments." The Russian approach, which maintains currency restrictions with "green corridors" for "friendly" jurisdictions, forms an interim regulatory model.

Model legislation, being a flexible mechanism, makes it possible to synchronize legal systems in the context of digital transformation.

Current trends in the digitalization of judicial systems demonstrate significant differences in the approaches of national jurisdictions. "In Brazil, for example, the introduction of the e-Judge system has made it possible to automate 80% of routine cases, including debt collection and administrative fines" [8]. According to research, artificial intelligence here not only analyzes lawsuits, but also generates draft decisions approved by judges in 10–15 minutes, which reduced the backlog of cases by 37% in 2023.

Secondly, the Russian Federation demonstrates a different vector of development through the State Automated Justice System. "According to official statistics, the system combined 15,000 courts and processed 25 million applications in 2024." Integration with Rosreestr and the Federal Tax Service, according to experts, significantly speeds up the verification of evidence, forming a single digital space of legal proceedings.

The use of artificial intelligence in the People's Republic of China, as practice has shown, has reached new proportions. The "System"Intelligent Court 4.0", which analyzes 100 million precedents, not only offers judges solutions, but also reduced the time for considering commercial disputes in Zhejiang Province by 30%" [9]. However, experts believe that such technologies require careful verification for algorithm discrimination.

The identified risks, however, remain a significant challenge. So, in 2024, a hacker attack on GAS Justice in Russia led to the temporary shutdown of the electronic document management module, which highlights the vulnerability of the digital infrastructure. Consequently, international forums, such as the BRICS Supreme Court Chairmen's Forum in Sochi (2024), play a key role in developing common standards. "The approved principle of mutual recognition of electronic evidence, including blockchain records, and standards for personal data protection have become important steps in this direction."

At the St. Petersburg International Legal Forum (SPIEF-2024), as follows from the discussion materials, special attention was paid to the "unification of legal concepts" [4]. The "Model Law on digital Assets, taking into account the experience of China and the UAE," as well as the 37 agreements signed, including the memorandum between the EAEU and the African Union [10], demonstrate the "global nature of the transformation of legal systems." Thus, "the digitalization of legal proceedings requires not only technological, but also interstate solutions to minimize risks and ensure legal certainty."

The harmonization of legislation within the framework of the BRICS, according to experts, represents "a natural stage in the evolution of international law, characterized by the transition from fragmented norms to systemic integration." First, it should be noted that "the effectiveness of this process is determined by bridging the digital divide" – statistics show that "30% of judicial institutions in India still do not have access to high-speed Internet" [11]. Secondly, as the researchers emphasize, "the key success factor is the formation of institutional trust in transnational legal mechanisms."

We consider it necessary to focus on the "problem of legal asymmetry caused by the dualism of the legal systems of the participating States." "The Russian Federation and the People's Republic of China, based on the continental tradition, demonstrate fundamental differences from the common law of India and South Africa," which creates "conflict-of-laws risks in the qualification of electronic offers" [12]. Thus, "the development of a model Civil Code for foreign trade operations seems to be an imperative of modern legal integration."

The analysis of law enforcement practice allows us to identify three key areas of unification:

1. "Legalizing criteria for electronic consent and long-term availability of content in digital contracts, which is consistent with the principles of the EU e-Commerce Directive 2000/31/EC.

" 2. "Limiting the doctrine of infancy for online transactions while balancing the interests of minors and counterparties" [13].

3. "Hierarchizing conflict-of-laws rules with the primacy of user agreements platforms over national legislation."

It should be emphasized that "institutional development requires the creation of interdisciplinary working groups." "As the experience of China shows, whose e-commerce standards are de facto becoming global, a synthesis of legal, technological and business expertise" [14].

The implementation of the concept involves the sequential implementation of three stages:

– "Deployment of secure APIs for the integration of national registries" [4].

– "Implementation of a blockchain platform for letters of credit in the energy sector."

– "Creation of a rating agency based on big data algorithms, an alternative to the Moody's/S&P/Fitch troika."

As evidenced by the practice of the EAEU, such a transformation requires not only political will, but also "substantial investments in digital infrastructure" [14].

First, it should be emphasized that balancing influence within the BRICS requires a systematic approach. "According to experts, the key element should be the rotation of senior positions with the introduction of quotas for projects of small participating countries, which will compensate for the disparity in capital investments (China – 41%, Russia – 18%)" [4].

Secondly, the integration of e-justice involves a multi-level transformation. "According to research, data standardization based on an adapted version of ISO/TS 12812 for mobile payments will create a technological foundation for interstate interaction" [15]. "At the same time, the introduction of AI algorithms for analyzing case law, as shown by pilot projects, increases the accuracy of legal forecasts by 37%."

It should be particularly noted that "the formation of a mechanism for mutual recognition of electronic signatures on the Hyperledger Fabric blockchain will not only ensure security, but also reduce the time for document verification to 2.4 seconds." "The feasibility study demonstrates the feasibility of pilot implementation in the energy sector, where 54% of BRICS contracts are related to the supply of hydrocarbons" [16].

Thus, the implementation of the proposed model requires "consolidation of political will while preserving the sovereignty of national legal systems." "Experts believe that by 2030, the BRICS may become a unique example of "soft" integration, where unification is achieved through digital platforms and banking instruments, bypassing the creation of supranational structures."

In conclusion, it is worth emphasizing that the unification of legislation in the field of foreign economic transactions remains a difficult but achievable goal. The key success factors, in our opinion, are: consistent digitalization of law enforcement, the development of model laws and the creation of multi-level dialogue platforms. As practice shows, the effectiveness of these measures directly depends on the ability of participants to find a balance between economic interests and political realities.

Bibliographic list

1. *Andreeva G.N*. The problem of harmonization of legal regulation of economic relations in the BRICS countries // Economics and Law. – 2022. – No. 5. – pp. 45–52.

2. *Belov V.A.* The Indian Law on Contracts of 1872: a general comment // Bulletin of Moscow State University. – 2019. – No. 3. – Pp. 89–102.

3. *Diala A.C*. The concept of living customs law: a critique // University of Milano-Bicocca Research Paper. – 2017. – No. 19-02. – P. 143–165.

4. *Arzumanova L.L*. Tax cooperation of the BRICS states // Actual problems of Russian law. – 2018. – No. 3. – pp. 68–70.

5. *Kulakov V.V.* Legal harmonization in BRICS: challenges and prospects // Digital Law. – 2024. – No. 6. – pp. 12–25.

6. *Kulakova T.A., Koverzneva S.A.* Prospects for new development institutions of the BRICS countries // Scientific Journal. 2016. № 1.

7. Indian Foreign Exchange Management Act (FEMA, 1999) as amended 2025

8. *Zherebkina E.V., Zhukova A.I.* The use of artificial intelligence in civil proceedings: the experience of the BRICS countries // CyberLeninka. 2024.

9. *Ermakova E.P.* Stages of court informatization in China: versions 1.0, 2.0, 3.0 and 4.0 // The open repository of RUDN University. 2022.

10. Order of the EAEU Board No. 171 dated 08.10.2019 "On the draft Memorandum of Understanding between the Eurasian Economic Commission and the Commission of the African Union".

11. *Povetkina N.A.* The digital divide in India's judicial system: statistics and solutions // Bulletin of International Law. – 2023. – No. 2. – pp. 88–94.

12. *Gronik I.V.* Conflict of laws risks in electronic commerce // Law and digitalization. – 2022. – No. 3. – pp. 15–22.

13. *Sergeeva O.V*. The impact of digitalization on the regulation of pre-contractual relations ... pp. 162–184.

14. The UNIDO report on the development of electronic commerce in BRICS.

15. International standard ISO/TS 12812 "Banking system – Mobile financial services" // Official website of the Federal State Budgetary Institution "Institute of Standardization". – 2016.

16. *Sidorova M.A*. Energy cooperation of the BRICS countries: analysis of the contract base // Economics and management. – 2023. – No. 12. – pp. 88–94.

For citation: *Synachev N.A.* Legal mechanisms for the unification of legislation within the framework of BRICS: comparative analysis of approaches to regulation of foreign economic transactions // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 137 – 139.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_133

Научная статья

УДК: 340.111
ББК: 67.041
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_140

Р.П. Трухан*

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОБОЙ

Аннотация. *В данной статье определяются общеметодологические основы исследования системных связей правоотношений между собой. Делается вывод о том, что к изучению проблем функционирования правоотношения наиболее предпочтительным является использование системного подхода. Методология системного анализа и использование категорий общей теории систем позволяет акцентировать внимание на структуру многокомпонентного явления, которая характеризуется различного рода связями, за счет которых образуется его единство и целостность.*

Ключевые слова: *система, системный подход, структура, правоотношения, всеобщая связь явлений, внешние связи правоотношений.*

Сфера правовых исследований последних десятилетий ознаменовалась широким использованием системного подхода, предполагающим анализ правовых явлений как систем, то есть в комплексе элементов и системных связей между ними. В процессе исследования тех или иных системных объектов изучение характера взаимодействия его элементов между собой не менее важен, нежели анализ составляющих систему элементов. Выявление связей такого рода способствует определению их функциональной принадлежности, что, в свою очередь, помогает раскрыть природу, а также их место в отечественной правовой системе.

К настоящему моменту можно говорить об уже сложившейся и широко применяемой практике использования системного подхода в процессе исследования правовых явлений. Вполне можно согласиться с М.Н. Марченко в том, что «основная проблема сейчас заключается не только и даже не столько в том, чтобы продолжать открывать и исследовать все более новые потенциальные возможности и формы проявления методологии системного анализа права, сколько в том, чтобы более широко применять и более эффективно использовать уже имеющиеся наработки» [10, с. 249].

Нарастающее число научных работ, проводимых с использованием системного подхода, позволило Д.А. Ловцову выявить «тенденцию концептуального перехода в отечественном правоведении к системным представлениям о праве». Для обозначения данного методологического направления было использовано такое понятие, как «системология правового регулирования» [9, с. 12].

Повышенный интерес со стороны правоведов к изучению отдельных правовых аспектов с позиции системной методологии обусловливает использование понятийно-категориального аппарата общей теории систем. Опыт системных исследований в области права подтверждает плодотворность такого подхода, что, по нашему мнению, предопределено системными свойствами и признаками правовых феноменов. В конечном итоге можно говорить о системности права, рассматриваемой в качестве универсальной категории, отражающей существование взаимных связей между отдельными правовыми явлениями. Системность права в научной литературе справедливо рассматривается как «свойство права создавать системы правового порядка» [3, с. 27]. И это вполне объяснимо, поскольку только упорядоченная определенным образом со-

* **Трухан Роман Петрович –** соискатель ученой степени кандидата юридических наук Федерального государственнго автономного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БеЛГУ»). Начальник судебно-договорного отдела Правового управления ООО «НОВАТЭК-ТАРКОСАЛЕНЕФТЕГАЗ». E-mail: roman-trukhan@yandex.ru

вокупность правовых средств позволяет создавать функционирующие механизмы, способные к эффективной работе и достижению поставленных целей. Давая определение системных объектов в области права, Д.А. Керимов писал, что «это объективное объединение (соединение) по содержательным характеристикам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования» [6, с. 251]. Соглашаясь с приведенной характеристикой, следует акцентировать внимание на том, что наиболее значимыми качествами системного объекта в праве является единство, целостность и самостоятельность.

Практически все правовые явления (объекты) и процессы обладают системными признаками. В частности, к числу таковых в правовых исследованиях относят правовую систему в целом, право в объективном его понимании [12], механизм правового регулирования, правоотношения и иные правовые феномены. Видимо не случайно в общей теории права вся совокупность правовых явлений именуется правовая система. Содержанием данного понятия охватываются такие элементы, как система права, правовые отношения, правовая культура и многие другие. С учетом этого вполне можно согласиться с тем, что правовая система включает в себя всю правовую действительность или правовую жизнь определенного государства [2, с. 245- 246].

Используя категории общей теории систем, можно отметить, что главная особенность правовой системы состоит в том, что она по выражению С.Г. Дробязко фактически является «социальной сверхсистемой» [5, с. 4–5]. Такая характеристика вполне справедлива и детерминирована тем, что она объединяет в себе все иные правовые явления системного характера, оказывает на них определенное влияние и наоборот, аккумулирует в себе их характеристики и свойства. А.Ф. Черданцев, не просто констатирует наличие системных связей между отдельными составляющими правовой системы, но также дифференцирует их в зависимости от характера взаимодействующих компонентов. В частности, были выделены структурные связи, связи координации, субординации и управления [15, с. 10]. Сложная иерархическая система (к которой, безусловно, можно отнести и правовую систему) отличается тем, что каждый из ее элементов сам по себе является системой. С учетом этого, можно констатировать, что системными признаками обладает не только правовая система в целом, но также и ее отдельные компоненты, в том числе, правоотношения.

Выявление взаимосвязей между различными правоотношениями, а также определение их характера и назначения, представляет собой весьма значимый аспект в познании правовой системы общества. Именно такие связи во многом обеспечивают ее целостность, упорядоченность и функциональность. К числу основных системообразующих связей принято относить координацию и субординацию между отдельными компонентами. Правильное понимание координационных и субординационных связей позволяет лучше разобраться в структуре и динамике различных правоотношений, а также в механизмах их функционирования в правовой системе.

Между тем, и первые, и вторые могут быть проанализированы с точки зрения функциональных характеристик. Функциональная природа системных элементов предопределяет закономерности их взаимодействия между собой, и их общее целенаправленное действие, обеспечивающее достижение желаемого результата. Анализ различных правовых явлений с точки зрения их функциональной составляющей позволил С.С. Алексееву обобщить их единым понятием, которое было обозначено термином «механизм правового регулирования». Оно было проанализировано в рамках монографического исследования, причем автором во введении была отмечена «необходимость подвергнуть системному анализу почти все правовые явления, начиная от правотворчества, норм права и кончая правовой культурой. Причем все они анализируются только под одним углом зрения – как части (элементы) механизма правового регулирования» [1, с. 4].

В механизме правового регулирования одно из центральных мест отводится правоотношению, которое наделяется функцией конкретизации общих нормативных предписаний применительно к конкретной жизненной ситуации. В результате возникновения и дальнейшей реализации правоотношения определенные и строго индивидуализированные субъекты наделяются субъективными правами и юридическими обязанностями. Правоотношению в общей теории права посвящено немалое количество научных работ, однако оно до сих пор привлекает внимание ученых. И это не случайно. По справедливому замечанию Л.Б. Тиуновой правоотношения должны быть наиболее значимым объектом правовых исследований поскольку они играют

важнейшую роль в процессе «движения, бытия права в реальной жизни» [13, с. 28]. Если вопросы понятия и внутреннего содержания правоотношений к настоящему времени имеют довольно основательную проработку, то их взаимодействие между собой и с иными элементами механизма правового регулирования между собой долгое время оставалось вне сферы пристального внимания со стороны правоведов. В аспекте системного взгляда особый акцент должен быть сделан на выявление соотношения между ними, установление характера и специфики влияния друг на друга, а также эффективности такого взаимодействия.

Правоотношение в общей теории права преимущественно рассматривается в качестве правовой формы того общественного отношения, субъекты которого становятся обладателями прав и корреспондирующих им обязанностей. Это является следствием того, что законодатель предусмотрел соответствующую нормативную модель поведения, то есть урегулировал взаимосвязь контрагентов в правовой норме. С учетом этого можно констатировать, что правоотношения фактически являются отражением реально складывающихся и развивающихся общественных отношений, вследствие чего на них проецируются свойства и системные связи последних. На основе сказанного становится очевидным, что процесс возникновения и существования отдельных правоотношений протекает отнюдь не хаотично, а подчиняется определенной логике, в основе которой лежат закономерности развития реально существующих общественных взаимосвязей. Последние, в свою очередь, предопределены потребностями и интересами взаимодействующих субъектов.

Таким образом, можно говорить о том, что системность правоотношений (причем не только внутренних связей между элементами отдельного правоотношения, но и внешних связей, то есть правоотношений между собой) обусловлена системным характером социальных связей в общественной жизни, выступающих в качестве явлений более высокого порядка. По справедливому замечанию М.В. Воронина «первичные общественные отношения представляют собой первый уровень оснований системности права» [4, с. 63]. Действительно, ни одно из явлений реальной жизни не существует абсолютно автономно, каждое общественное отношение существует и реализуется в условиях непрерывного взаимодействия с иными социальными факторами. На уровне философского осмысления такое состояние определяется посредством принципа всеобщей связи явлений.

Основываясь на диалектическом принципе всеобщей связи жизненных явлений и процессов, можно утверждать о системном характере объективно складывающихся общественных отношений, которые являются первичным материалом для формирования правоотношений. Последние всегда являются результатом реального поведения субъектов, которое, в свою очередь, предопределяется их интересами. Процесс возникновения и развития правоотношений находится под воздействием воли и сознания конкретных индивидов. Именно это является движущей силой развития общественных отношений. Сказанное, в свою очередь, дает основание к выводу о том, что при конструировании правовых норм необходимо отталкиваться от реально существующих потребностей и интересов как отдельных субъектов, так и общественных групп, поддерживая те из них, которые на данном историческом этапе заслуживают правовой поддержки.

Давая обобщенную характеристику совокупности взаимодействующих между собой общественных отношений, стоит отметить, что они должны быть отнесены к объективному основанию системности правоотношений, а также права в целом. Обосновывается это тем, что их возникновение и развитие в большинстве случаев происходит под воздействием причин, непосредственно не связанных с правовым регулированием. Взаимоотношения субъектов выстраиваются под воздействием их личных потребностей и интересов, которые они стремятся реализовать за счет поведения своего контрагента.

Взаимодействие общественных отношений между собой способствует их обособлению в окружающей среде. М.В. Воронин для обозначения данного процесса использует термин «институализируются» и «нагружаются функциональной зависимостью друг от друга» [3, с. 29]. Это приводит к возникновению связей, которые в совокупности образуют структуру системы. С учетом этого можно говорить, что такие связи имеют двойственную природу. С одной стороны, выявление отношений между различными сущностями, их свойствами и признаками, способствует их обособлению друг от друга и создает предпосылки для их дифференциации. В тоже время, с другой стороны, они содействуют объединению отдельных компонентов, формируя при

этом устойчивую их комбинацию, способную выполнять обусловленные этим обстоятельством функции.

Всеобщий и системный характер связи общественных отношений между собой вполне может быть проецирован на взаимодействие правоотношений. Правоотношения, являющиеся следствием действия различных юридических фактов и регламентирующих их правовых норм, способны оказывать взаимное влияние друг на друга и образовывать сложную сеть правовых связей. Одна из наиболее значимых ее особенностей состоит в том, что она имеет динамический характер, поскольку находится в процессе постоянного развития и совершенствования.

В процессе исследования состояния таких сложных динамических систем использование системного подхода представляется наиболее целесообразным. Об этом, в частности, писал еще Д.А. Керимов, обосновывая данный вывод тем, что применение понятийно-категориального аппарата общей теории систем и системная методология в целом в процессе познания правовых явлений «имеют исключительно важное теоретическое значение, поскольку позволяют вскрыть внутреннее единство права, органическую взаимосвязь и гармоничное взаимодействие частей, его составляющих» [7, с. 274]. Выявление динамического свойства системы общественных отношений, а вместе с этим, правоотношений, позволяет в наиболее полной мере раскрыть механизм действия права в целом.

Таким образом, можно говорить о наличии системных связей между отдельными правоотношениями. Более того, правоотношения проявляют себя как частный случай всеобщей связи между явлениями объективной действительности.

Выявление системных связей между отдельными правоотношениями, определение их характера и особенностей, представляет собой одно из наиболее важных и сложных направлений общей теории права. Особо сложный характер объективно обусловлен тем, что объектом выступают социальные системы, являющиеся предельно сложноорганизованными и неоднородными, поскольку им присущ высший интегрированный тип связей. На современном этапе вопросам правовой связи правоотношений, в том числе, и на уровне отдельных их характеристик уделяется значительно больше внимания [16].

Обусловленные правом социальные связи образуют сложнейшую сеть общественных взаимодействий, правильное понимание которых обеспечивает возможность формирования качественного и логически выверенного законодательства. Корректный и непротиворечивый анализ данных вопросов способен обеспечить правильное понимание структуры и динамики правовой системы в целом. Учет таких связей при проведении правовых исследований позволяет принять во внимание множество факторов, которые оказывают влияние на толкование и применение правовых норм, что, в свою очередь, будет способствовать повышению степени эффективности правового регулирования.

Анализируемая проблематика в контексте общей теории права не является абсолютно новой. Отдельные ее аспекты затрагивались в работах ученых советского периода. Так. Г.С. Котляревский еще в 60-х годах XX века обращал внимание на наличие правовых связей между отдельными лицами, которые носят всеобщий характер. В их качестве рассматриваются правоотношения, которые связывают практически любого и каждого. Речь в данном случае идет о ситуациях, когда обязанность состоит в пассивном поведении, в частности, соблюдении запретов, установленных нормами административного или уголовного права, а также обеспечении неприкосновенности благ личности, права на которые носят абсолютный характер (личные неимущественные права, вещные права и т.п.) [8, с. 4–5].

Использование системного подхода имело место в трудах авторов советского периода, посвященных непосредственно правоотношению. Так, Р.О. Халфина отмечает, что методология исследований правоотношения, в частности, определение его места в общей системе правового регулирования, должно осуществляться с использованием системного подхода. Это, по мнению Р.О. Халфиной, «позволяет более полно определить связи правоотношения с другими правовыми явлениями, функцию данного понятия» [14, с. 26].

С точки зрения системного подхода наиболее обстоятельное исследование правоотношения как элемента правовой системы и механизма правового регулирования предпринял В.Н. Протасов, который в этой связи обращает внимание на то, что правоотношение является наиболее важным и чрезвычайно сложным звеном правового механизма. Именно системный подход является наиболее целесообразным в изучении проблем функционирования правоотношения, поскольку

обладает для этого соответствующим понятийно- категориальным аппаратом [11, с. 4–6]. Также автором обращается внимание на то обстоятельство, что правоотношение само по себе обладает системными признаками, поскольку включает в себя совокупность элементов, взаимосвязанных между собой. Функционирование правоотношения предполагает взаимодействие разнородных компонентов, направленное на реализацию интересов задействованных в нем субъектов.

В познании системных объектов, особенно иерархических и многоэлементных, методологическое значение имеет анализ системных связей. Именно они образуют внутреннюю структуру любой системы, которая предопределяет функциональное назначение составляющих ее компонентов. Структура является одним из наиболее значимых понятий общей теории систем, поскольку именно она как совокупность устойчивых взаимосвязей детерминирует целостность объекта и сохранение его основных качеств. Выявление характера связей между ними позволяет определить место отдельного элемента в такой системе и его предназначение. Это позволяет раскрыть механизм функционирования отдельных ее элементов, а также самого явления в целом.

Связи такого рода принято именовать системообразующими, к числу которых следует относить возникающие не только между отдельными компонентами системы, но также и ее связи с внешней средой.

Внутренние связи между отдельными элементами предопределяют устойчивость системы и характеризуют функциональную принадлежность каждого из составляющих системного образования. Совокупность таких связей с точки зрения общей теории систем образуют структуру системы. В структуре отражаются способы взаимодействия компонентов между собой, что и придает характер целостного образования.

Наличие внешних связей системы предопределено тем обстоятельством, что ни одно из явлений как физической, так и правовой действительности не может существовать абсолютно автономно. Каждое явление так или иначе взаимодействует со своей средой, в которой оно существует и в рамках которой выполняет свое предназначение. Именно наличие внешних связей подчеркивает обособленность определенной системы и ее относительную самостоятельность. Таким образом, использование системного подхода предполагает проведение анализа не только связей элементов правоотношения между собой (*внутренние связи*). Правоотношение, само по себе рассматриваемое как система, может и должна быть охарактеризована во взаимодействии с внешней средой своего существования (*внешние связи*).

Выявление системных связей между отдельными правоотношениями имеет существенное значение для системного их упорядочения и повышения эффективности правового регулирования в целом. В частности, определение характера взаимодействия способствует обеспечению координации различных правоотношений между собой. Кроме того, это позволяет улучшить адаптивность отдельных компонентов системы общественных отношений к взаимодействию с внешней средой и повысить восприимчивость системы к изменениям окружающего мира. Это, в свою очередь, способно повысить устойчивость системы урегулированных правом общественных отношений, обеспечивая при этом должную степень правовой определенности.

В целом можно говорить о методологическом значении правильного понимания системы урегулированных правом общественных отношений, поскольку это задает направление дальнейшего совершенствования правового регулирования. Это в конечном итоге будет способствовать выработке гармоничного и согласованного законодательства.

Сказанное позволяет констатировать, что изучение системных связей между правоотношениями способно помочь в решении и сугубо практических задач.

Во-первых, системный подход к возникновению и развитию правоотношений позволяет обеспечить комплексный подход к анализу законодательства в целом, отдельных его отраслей и непротиворечивое взаимодействие между ними. При этом требуется учитывать социальный контекст и общественные потребности, что, в свою очередь, способно повысить эффективность правового регулирования.

Во-вторых, это будет способствовать обнаружению потенциальных конфликтов между отдельными правовыми нормами, институтами и даже отраслями. С учетом этого можно говорить о правотворческом значении системного упорядочения регулируемых правом общественных отношений. В конечном итоге это благоприятно отразится на формировании качественного и непротиворечивого законодательства, а также систематизации права.

Подводя итоги проведенного анализа можно сформулировать определенные выводы, к числу наиболее значимых из которых следует отнести следующие.

Использование системного подхода к изучению проблем функционирования правоотношения является наиболее предпочтительным. Методология системного анализа и использование категорий общей теории систем позволяет акцентировать внимание на структуру многокомпонентного явления, которая характеризуется различного рода связями, за счет которых образуется его единство и целостность.

Анализ правоотношения с позиции системного подхода позволяет говорить о наличии связей двух видов. Во-первых, это связи между элементами самого правоотношения (внутренние связи), а также взаимодействия правоотношения с внешней средой (внешние связи), выполняя при этом заложенные в него функции. Внешние связи правоотношения могут быть выстроены различным образом в зависимости от характера взаимодействующих объектов. Главным образом системные связи правоотношений выстраиваются по принципу координации и субординации. Раскрытию места и роли конкретного правоотношения в системе (механизме) правового регулирования будет способствовать его анализ с позиции структурно-функционального подхода.

Выявление характера и специфики связей правоотношений отдельных видов имеет методологическое значение по отношению к системе урегулированных правом общественных отношений в целом. Кроме того, можно говорить и о практическом значении, что позволяет обеспечить комплексный подход к регулированию конкретных жизненных ситуаций, а также анализу законодательства в целом.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.

2. *Власенко Н.А.* Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 480 с.

3. *Воронин М.В.* Системность права в контексте ее оснований и проявлений: теоретико-правовой анализ // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 156, № 4. – С. 26–34.

4. *Воронин М.В.* Принципы права и системность права // Юридический мир. – 2012. – № 11. – С. 63–66.

5. *Дробязко С.Г.* Право как система и его закономерности // Право и демократия : сб. науч. тр. – Минск, 1999. – Вып. 10. – С. 3–16.

6. *Керимов Д.А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М.: Аванта+, 2001. – 560 с.

7. *Керимов Д.А.* Философские проблемы права: монография. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

8. *Котляревский Г.С.* Правопорядок в советском социалистическом обществе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1966. – 23 с.

9. *Ловцов Д.А.* Системология правового регулирования: исторические аспекты развития // История государства и права. – 2009. – № 18. – С. 9–12.

10. *Марченко М.Н.* Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2013. – 400 с.

11. *Протасов В. Н.* Правоотношение как система. – М.: Юрид. лит., 1991.

12. *Сулейменов М.К.* Право как система. – М.: Статут, 2016. – 360 с.

13. *Тиунова Л.Б.* Системные связи правовой действительности: методология и теория; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. – 133 с.

14. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 352 с.

15. *Черданцев А.Ф.* Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 10–17.

16. *Шнеер С.Я.* Системный механизм взаимосвязи характеристик правоотношений // Бизнес в законе. – 2007. – №4. – С. 46–53.

Для цитирования: *Трухан Р.П.* Системный подход к исследованию проблем взаимодействия правоотношений между собой // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 140 – 145.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_140

A SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY OF PROBLEMS OF INTERACTION OF LEGAL RELATIONS AMONG THEMSELVES

R.P. Trukhan*

Annotation. *This article defines the general methodological foundations of the study of systemic relations of legal relations between each other. It is concluded that the use of a systematic approach to the study of the problems of the functioning of a legal relationship is the most preferable. The methodology of system analysis and the use of categories of the general theory of systems allows us to focus on the structure of a multicomponent phenomenon, which is characterized by various kinds of connections, due to which its unity and integrity are formed.*

Keywords: *system, systematic approach, structure, legal relations, universal connection of phenomena, external relations of legal relations.*

The field of legal research in recent decades has been marked by the widespread use of a systematic approach involving the analysis of legal phenomena as systems, that is, in a complex of elements and systemic relationships between them. In the process of studying certain system objects, studying the nature of the interaction of its elements with each other is no less important than analyzing the elements that make up the system. The identification of such connections helps to determine their functional affiliation, which, in turn, helps to reveal their nature, as well as their place in the domestic legal system.

By now, we can talk about the already established and widely used practice of using a systematic approach in the process of researching legal phenomena. It is quite possible to agree with M.N. Marchenko that "the main problem now is not only and not even so much to continue to discover and explore more and more new potential possibilities and forms of manifestation of the methodology of system analysis of law, but rather to apply and use existing developments more widely and more effectively" [10, p. 249].

The growing number of scientific papers conducted using a systematic approach allowed D.A. Lovtsov to identify "the trend of the conceptual transition in Russian jurisprudence to systemic concepts of law." To designate this methodological area, such a concept as "systemology of legal regulation" was used [9, p. 12].

The increased interest on the part of legal scholars in the study of certain legal aspects from the perspective of systemic methodology determines the use of the conceptual and categorical apparatus of the general theory of systems. The experience of systemic research in the field of law confirms the fruitfulness of this approach, which, in our opinion, is predetermined by the systemic properties and characteristics of legal phenomena. In the end, we can talk about the system of law, considered as a universal category reflecting the existence of mutual connections between individual legal phenomena. The consistency of law in the scientific literature is rightly regarded as "the property of law to create systems of legal order" [3, p. 27]. And this is understandable, since only a set of legal means ordered in a certain way allows us to create functioning mechanisms capable of effective work and achieving our goals. Giving a definition of system objects in the field of law, D.A. Kerimov wrote that "this is an objective unification (connection) according to the substantive characteristics of certain legal parts into a structurally ordered integral unity with relative independence, stability and autonomy of functioning" [6, p. 251]. Agreeing with the above description, it should be emphasized that the most significant qualities of a system object in law are unity, integrity and independence.

Practically all legal phenomena (objects) and processes have systemic features. In particular, legal studies include the legal system as a whole, law in its objective understanding [12], the mechanism of legal regulation, legal relations and other legal phenomena. It is probably not by chance that in the general theory of law the whole set of legal phenomena is called the legal system. The content of this concept covers such elements as the legal system, legal relations, legal culture and many others. With this in mind, it is quite possible to agree that the legal system includes the entire legal reality or legal life of a particular state [2, pp. 245–246].

Using the categories of the general theory of systems, it can be noted that the main feature of the legal system is that, according to S.G. Drobiazko, it is actually a "social supersystem" [5, pp. 4–5]. This characteristic is quite fair and determined by the fact that it combines all other legal phenomena of a systemic nature, has a certain influence on them, and vice versa, accumulates their characteristics and properties. Cherdantsev, not only states the existence of systemic links between the individual components of the legal system, but also differentiates them depending on the nature of the interacting components. In particular, structural links, links of coordination, subordination and management were highlighted [15, p. 10]. A complex hierarchical system (which, of course, includes the legal system) is distinguished by the fact that each of its elements is a system in itself. With this in mind, it can be stated that not only the legal system as a whole has systemic features, but also its individual components, including legal relations.

The identification of the interrelationships between various legal relations, as well as the definition of their nature and purpose, is a very significant aspect in the knowledge of the legal system of society. It is precisely such connections that largely ensure its integrity, orderliness, and functionality. Coordination and subordination between individual components are considered to be among the main system-forming links. A proper understanding of coordination and subor-

* **Trukhan Roman Petrovich –** is a Candidate of Law Candidate of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University" (NRU "BelSU"). Head of the Judicial and Contractual Department of the Legal Department of NOVATEK-TARKOSALENEFTEGAZ LLC. E-mail: roman-trukhan@yandex.ru

dination relationships allows for a better understanding of the structure and dynamics of various legal relationships, as well as the mechanisms of their functioning in the legal system.

Meanwhile, both the first and the second can be analyzed in terms of functional characteristics. The functional nature of the system elements determines the patterns of their interaction with each other, and their overall purposeful action, ensuring the achievement of the desired result. The analysis of various legal phenomena from the point of view of their functional component allowed S.S. Alekseev to summarize them in a single concept, which was designated by the term "mechanism of legal regulation". It was analyzed as part of a monographic study, and the author noted in the introduction "the need to systematically analyze almost all legal phenomena, starting from law-making, legal norms and ending with legal culture. Moreover, all of them are analyzed only from one point of view – as parts (elements) of the mechanism of legal regulation" [1, p. 4].

In the mechanism of legal regulation, one of the central places is given to a legal relationship, which is endowed with the function of specifying general regulatory requirements in relation to a specific life situation. As a result of the emergence and further implementation of a legal relationship, certain and strictly individualized subjects are endowed with subjective rights and legal obligations. A considerable number of scientific papers have been devoted to legal relations in the general theory of law, but it still attracts the attention of scientists. And this is not accidental. According to the fair remark of L.B. According to Tiunova, legal relations should be the most significant object of legal research, since they play an important role in the process of "the movement and existence of law in real life" [13, p. 28]. If the issues of the concept and the internal content of legal relations have been thoroughly studied by now, then their interaction with each other and with other elements of the mechanism of legal regulation among themselves has long remained outside the sphere of close attention from legal scholars. In the aspect of the systemic view, special emphasis should be placed on identifying the relationship between them, establishing the nature and specifics of their influence on each other, as well as the effectiveness of such interaction.

In the general theory of law, a legal relationship is primarily considered as a legal form of that social relationship, the subjects of which become owners of rights and duties corresponding to them. This is due to the fact that the legislator has provided for an appropriate regulatory model of behavior, that is, he has regulated the relationship of counterparties in a legal norm. With this in mind, it can be stated that legal relations are actually a reflection of actually developing and developing social relations, as a result of which the properties and systemic connections of the latter are projected onto them. Based on the above, it becomes obvious that the process of the emergence and existence of individual legal relations is by no means chaotic, but obeys a certain logic, which is based on the patterns of development of real-life social relationships. The latter, in turn, are predetermined by the needs and interests of the interacting subjects.

Thus, we can say that the systemic nature of legal relations (and not only internal relations between the elements of a separate legal relationship, but also external relations, that is, legal relations between each other) is due to the systemic nature of social relations in public life, acting as phenomena of a higher order. According to M.V. Voronin, "primary social relations represent the first level of the foundations of the system of law" [4, p. 63]. Indeed, none of the phenomena of real life exists absolutely autonomously, each social relation exists and is realized in conditions of continuous interaction with other social factors. At the level of philosophical understanding, such a state is determined by the principle of the universal connection of phenomena.

Based on the dialectical principle of the universal connection of vital phenomena and processes, it is possible to assert the systemic nature of objectively developing social relations, which are the primary material for the formation of legal relations. The latter are always the result of the real behavior of the subjects, which, in turn, is predetermined by their interests. The process of the emergence and development of legal relations is influenced by the will and consciousness of specific individuals. This is the driving force behind the development of social relations. This, in turn, gives rise to the conclusion that when constructing legal norms, it is necessary to build on the actual needs and interests of both individual subjects and social groups, supporting those that deserve legal support at this historical stage.

Giving a generalized description of the totality of interacting social relations, it is worth noting that they should be attributed to the objective basis of the consistency of legal relations, as well as law in general. This is justified by the fact that their occurrence and development in most cases occurs under the influence of causes that are not directly related to legal regulation. The relationships of the subjects are built under the influence of their personal needs and interests, which they seek to realize through the behavior of their counterparty.

The interaction of social relations among themselves contributes to their isolation in the environment. M.V. Voronin uses the term "institutionalized" and "loaded with functional dependence on each other" to denote this process [3, p. 29]. This leads to the emergence of connections that collectively form the structure of the system. With this in mind, we can say that such connections are of a dual nature. On the one hand, identifying the relationships between different entities, their properties and attributes, helps them separate from each other and creates prerequisites for their differentiation. At the same time, on the other hand, they contribute to the unification of individual components, while forming a stable combination of them capable of performing the functions required by this circumstance.

The universal and systemic nature of the connection of social relations among themselves may well be projected onto the interaction of legal relations. Legal relations resulting from the action of various legal facts and the legal norms governing them are capable of exerting mutual influence on each other and forming a complex network of legal relations. One of its most significant features is that it has a dynamic character, as it is in the process of constant development and improvement.

In the process of studying the state of such complex dynamic systems, the use of a systematic approach seems to be the most appropriate. D.A. Kerimov wrote about this, in particular, justifying this conclusion by the fact that the use of the conceptual and categorical apparatus of the general theory of systems and system methodology in general in the pro-

cess of cognition of legal phenomena "are of extremely important theoretical importance, since they allow us to reveal the internal unity of law, the organic interrelation and harmonious interaction of its constituent parts" [7, p. 274]. The identification of the dynamic properties of the system of public relations, and at the same time, legal relations, allows us to fully reveal the mechanism of law as a whole.

Thus, we can talk about the existence of systemic links between individual legal relations. Moreover, legal relations manifest themselves as a special case of a universal connection between the phenomena of objective reality.

The identification of systemic links between individual legal relations, the definition of their nature and features, is one of the most important and complex areas of the general theory of law. Its particularly complex nature is objectively due to the fact that the object is social systems that are extremely complexly organized and heterogeneous, since they have a higher integrated type of connections. At the present stage, much more attention is paid to the issues of the legal connection of legal relations, including at the level of their individual characteristics [16].

Social ties conditioned by law form a complex network of social interactions, the correct understanding of which provides the opportunity to form high-quality and logically verified legislation. A correct and consistent analysis of these issues can provide a proper understanding of the structure and dynamics of the legal system as a whole. Taking into account such relationships when conducting legal research allows us to take into account many factors that influence the interpretation and application of legal norms, which, in turn, will contribute to increasing the effectiveness of legal regulation.

The analyzed problem in the context of the general theory of law is not completely new. Some of its aspects were touched upon in the works of scientists of the Soviet period. Thus, G.S. Kotlyarevsky, back in the 60s of the XX century, drew attention to the existence of legal relations between individuals, which are universal in nature. They consider legal relations that connect almost anyone and everyone. In this case, we are talking about situations where the duty consists in passive behavior, in particular, compliance with prohibitions established by the norms of administrative or criminal law, as well as ensuring the inviolability of personal goods, the rights to which are absolute (personal non-property rights, property rights, etc.) [8, pp. 4–5].

The use of a systematic approach took place in the works of the authors of the Soviet period, devoted directly to legal relations. Thus, R.O. Khalfina notes that the methodology of legal relations research, in particular, the definition of its place in the general system of legal regulation, should be carried out using a systematic approach. This, according to R.O. Khalfina, "allows us to more fully define the connections of a legal relationship with other legal phenomena, the function of this concept" [14, p. 26].

From the point of view of a systematic approach, the most detailed study of the legal relationship as an element of the legal system and the mechanism of legal regulation was undertaken by V.N. Protasov, who in this regard draws attention to the fact that the legal relationship is the most important and extremely complex link of the legal mechanism. It is the systematic approach that is most appropriate in studying the problems of the functioning of a legal relationship, since it has an appropriate conceptual and categorical apparatus for this [11, p. 4–6]. The author also draws attention to the fact that the legal relationship itself has systemic features, since it includes a set of interrelated elements. The functioning of a legal relationship involves the interaction of heterogeneous components aimed at realizing the interests of the subjects involved in it.

In the cognition of system objects, especially hierarchical and multi-element ones, the analysis of system connections is of methodological importance. They form the internal structure of any system, which determines the functional purpose of its components. Structure is one of the most significant concepts of the general theory of systems, since it is it, as a set of stable relationships, that determines the integrity of an object and the preservation of its basic qualities. Identifying the nature of the links between them allows us to determine the place of an individual element in such a system and its purpose. This allows us to reveal the mechanism of functioning of its individual elements, as well as the phenomenon itself as a whole.

Connections of this kind are commonly referred to as system-forming, which should include those that arise not only between individual components of the system, but also its connections with the external environment.

The internal connections between the individual elements determine the stability of the system and characterize the functional affiliation of each of the components of the system education. The totality of such connections, from the point of view of the general theory of systems, form the structure of the system. The structure reflects the ways in which the components interact with each other, which gives the character of a holistic education.

The existence of external links of the system is predetermined by the fact that none of the phenomena of both physical and legal reality can exist absolutely independently. Each phenomenon interacts in one way or another with its environment, in which it exists and within which it fulfills its purpose. It is the presence of external links that emphasizes the isolation of a certain system and its relative independence. Thus, using a systematic approach

It involves analyzing not only the relationships of the elements of a legal relationship among themselves (internal relationships). A legal relationship, considered as a system in itself, can and should be characterized in interaction with the external environment of its existence (external relations).

The identification of systemic links between individual legal relations is essential for their systematic streamlining and increasing the effectiveness of legal regulation in general. In particular, the definition of the nature of interaction helps to ensure the coordination of various legal relations among themselves. In addition, it makes it possible to improve the adaptability of individual components of the social relations system to interact with the external environment and increase the system's susceptibility to changes in the surrounding world. This, in turn, can increase the stability of the system of public relations regulated by law, while ensuring an adequate degree of legal certainty.

In general, we can talk about the methodological significance of a correct understanding of the system of public relations regulated by law, since this sets the direction for further improvement of legal regulation. This will ultimately contribute to the development of harmonious and coordinated legislation.

This allows us to state that the study of systemic relations between legal relations can help in solving purely practical problems.

Firstly, a systematic approach to the emergence and development of legal relations allows for an integrated approach to the analysis of legislation as a whole, its individual branches and the consistent interaction between them. At the same time, it is necessary to take into account the social context and social needs, which, in turn, can increase the effectiveness of legal regulation.

Secondly, it will help to detect potential conflicts between individual legal norms, institutions, and even industries. With this in mind, we can talk about the law-making significance of the systemic ordering of public relations regulated by law. Ultimately, this will have a positive effect on the formation of high-quality and consistent legislation, as well as the systematization of law.

Summarizing the results of the analysis, it is possible to formulate certain conclusions, among the most significant of which are the following.

The use of a systematic approach to the study of the problems of the functioning of a legal relationship is the most preferable. The methodology of system analysis and the use of categories of the general theory of systems allows us to focus on the structure of a multicomponent phenomenon, which is characterized by various kinds of connections, due to which its unity and integrity are formed.

An analysis of the legal relationship from the perspective of a systematic approach allows us to talk about the presence of two types of relationships. Firstly, these are the links between the elements of the legal relationship itself (internal links), as well as the interaction of the legal relationship with the external environment (external links), while fulfilling the functions inherent in it. The external relations of a legal relationship can be structured in various ways, depending on the nature of the interacting objects. Mainly, the systemic connections of legal relations are built on the principle of coordination and subordination. The disclosure of the place and role of a specific legal relationship in the system (mechanism) of legal regulation will be facilitated by its analysis from the perspective of a structural and functional approach.

The identification of the nature and specifics of the connections of legal relations of certain types has methodological significance in relation to the system of public relations regulated by law as a whole. In addition, we can talk about the practical significance, which allows us to provide an integrated approach to the regulation of specific life situations, as well as the analysis of legislation in general.

Bibliographic list

1. *Alekseev S.S.* The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow: Jurid. lit., 1966. 187 p.

2. *Vlasenko N.A.* Theory of State and law: a textbook for undergraduate studies. – 3rd ed., supplement. and ispr. – M.: Norm: INFRA-M, 2018. – 480 p.

3. *Voronin M.V.* The systemicity of law in the context of its foundations and manifestations: a theoretical and legal analysis // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. – 2014. – Vol. 156, No. 4. – pp. 26–34.

4. *Voronin M.V.* Principles of law and the consistency of law // The Legal world. – 2012. – No. 11. – pp. 63–66.

5. *Drobiazko S.G.* Law as a system and its patterns // Law and Democracy : Collection of Scientific Papers– Minsk, 1999, issue 10, pp. 3–16.

6. *Kerimov D.A.* Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law). – 2nd ed. – M.: Avanta+, 2001. – 560 p.

7. *Kerimov D.A.* Philosophical problems of law: a monograph. Moscow: Mysl, 1972. 472 p.

8. *Kotlyarevsky G.S.* Law and order in the Soviet socialist society: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. – M., 1966. – 23 p.

9. *Lovtsov D.A.* Systemology of legal regulation: historical aspects of development // History of the state and law. – 2009. – No. 18. – pp. 9–12.

10. *Marchenko M.N.* The state and law in the context of globalization. – M.: Prospekt, 2013. – 400 p.

11. *Protasov V. N.* Legal relations as a system. Moscow: Yurid. lit., 1991.

12. *Suleimenov M.K.* Law as a system. Moscow: Statute, 2016. 360 p.

13. *Tiunova L.B.* System connections of legal reality: methodology and theory; St. Petersburg State University – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1991– – 133 p.

14. *Khalfina R.O.* The general doctrine of legal relations. Moscow: Yurid. lit., 1974. 352 p.

15. *Cherdantsev A.F.* System-forming connections of law // The Soviet State and law. 1974. No. 8. pp. 10–17.

16. *Schneer S.Ya.* The system mechanism of interrelation of characteristics of legal relations // Business in law. – 2007. – No. 4. – pp. 46–53.

For citation: *Trukhan R.P.* A systematic approach to the study of problems of interaction of legal relations among themselves // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 146 – 149.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_140

Научная статья

УДК: 342.7
ББК**:** 67.400
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_150

Я.В. Шицле[*]

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Современное общество переживает глубокую трансформацию под влиянием информационных технологий (ИТ). Это отражается на всех аспектах жизни, включая правовую сферу. В данной статье рассматривается эволюция основных прав граждан в условиях цифровизации, анализируются новые вызовы, связанные с защитой персональных данных, цифровым неравенством, киберпреступностью и регулированием искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *цифровые права, информационные технологии, персональные данные, кибербезопасность, искусственный интеллект, цифровое неравенство.*

Развитие информационных технологий кардинально изменило общественные отношения, создав новые возможности и угрозы для реализации прав человека. Традиционные права, такие как: право на неприкосновенность частной жизни, свободу слова и доступ к информации, приобретают новое звучание в цифровую эпоху.

Концепция прав человека имеет глубокие исторические корни. Как отмечал В. А. Карташкин [7, с.45], Великая хартия вольностей 1215 года заложила фундаментальные принципы ограничения государственной власти и защиты прав личности, которые сохраняют свою актуальность и в современном мире.

Формирование современной концепции прав и свобод человека началось в эпоху Просвещения, когда философско-правовые учения провозгласили идеи равенства, свободы и естественных прав. Эти идеи нашли своё закрепление в национальных конституциях (например, Франции и США) и международных документах, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 года и Европейская конвенция о правах человека 1950 года. С. А. Авакьян [3, с.312] подчеркивал, что конституционное закрепление прав человека стало важным этапом развития правовой системы, ознаменовав переход от естественно-правовой концепции к позитивному закреплению фундаментальных свобод в основных законах государств.

Несмотря на совершенствование правовых механизмов, появление и стремительное развитие цифровых технологий в XXI веке ставят новые вопросы о способности современных норм обеспечить должную защиту личности в глобальном информационном пространстве.

Зачатки идеи прав и свобод человека можно отнести к античности, когда формировались первые представления о гражданских и политических правах, связанных с участием в общественной жизни греческих полисов и Римской республики. Однако эти идеи распространялись не на все население, а лишь на ограниченные категории граждан, обладающих привилегиями.

В Средние века концепция прав человека развивалась в рамках религиозного мировоззрения, что отразилось на формировании принципов справедливости и правосудия.

Значительное влияние на формирование прав человека оказала Магна Харта (Великая хартия вольностей, 1215 г.), ограничившая произвол монарха и установившая базовые принципы защиты личности. В эпоху Просвещения (XVII–XVIII вв.) философы Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. развили теорию «естественных» прав, наделив человека неотчуждаемыми сво-

[*] **Шицле Ярослав Владимирович –** аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: ya.schuetzle@gmail.com

Научный руководитель – **Мамитова Наталия Викторовна** – доктор юридических наук, профессор. E-mail: nvmamitova@mail.ru

бодами. Именно в этот период появились конституционные документы, признающие право на жизнь, свободу, собственность в качестве основы правового государства. Так, идеи Просвещения нашли отражение в Декларации независимости США (1776 г.) и Декларации прав человека и гражданина во Франции (1789 г.).

XX век ознаменовался существенным ростом международно-правовых актов, направленных на защиту прав человека. Этот процесс был обусловлен трагическим опытом мировых войн и потребностями нового мирового порядка. Основополагающим документом стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года, заложившая концептуальную основу для последующих международных конвенций и пактов: Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) и других.

Историческое развитие свидетельствует о постоянном расширении перечня прав и свобод, а также об их адаптации к меняющимся социально-политическим условиям. Философские учения оказали значительное влияние на формирование базовых принципов прав человека. Классический либерализм (Дж. Локк, А. Смит) утвердил представление о свободе личности, ограниченной лишь той степенью, которая не нарушает права других людей. Философия Просвещения (Вольтер, Д. Дидро) заложила основы идеи равенства и универсальности человеческого достоинства, а также отделила понятия «гражданин» и «подданный», обозначив тем самым переход к концепции гражданского общества. В XIX-XX веках марксизм, экзистенциализм и неопозитивизм внесли свои коррективы в понимание прав человека, акцентируя внимание на социальных аспектах (право на труд, социальное обеспечение, образование), а также на личном самоопределении.

В современной научной мысли важно учитывать не только «классический» набор прав и свобод (гражданские и политические), но и новые поколения прав человека – социально-экономические, коллективные, экологические, информационные. Последние становятся все более актуальными в эпоху цифровых технологий.

Рост интернет-коммуникаций порождает феномен цифровой анонимности, который, по мнению Н. В. Варламовой [4, с.15], представляет собой новую форму реализации права на неприкосновенность частной жизни, требующую особых механизмов правовой защиты. С одной стороны, анонимность – это механизм защиты права на личную жизнь и свободу высказываний, особенно в обществах с высокой степенью цензуры. С другой стороны, она порождает риски распространения клеветы, экстремистской информации и преступных действий в "тёмном" сегменте интернета. Правовое регулирование цифровой анонимности должно балансировать между необходимостью защиты личных данных и обеспечением прозрачности взаимодействий в сети.

М. А. Грачева [5, с.124] отмечает, что защита персональных данных в цифровую эпоху требует комплексного подхода, учитывающего как технологические особенности обработки информации, так и фундаментальные права человека.

В условиях всеобщей цифровизации понятие личной неприкосновенности приобретает новые измерения. Фундаментальное право на приватность, впервые сформулированное в конце XIX века, обретает особую актуальность в цифровую эпоху.

Как отмечают Warren S. D. и Brandeis L. D. [11, с.195], право на приватность охватывает не только право на физическое уединение, но и право на информационную автономию. Традиционные представления о праве на неприкосновенность жилища и частной жизни дополняются правом на защиту цифровых данных, в том числе персональных и биометрических.

Рост объёмов собираемой информации, применение больших данных (Big Data) и повсеместное внедрение алгоритмов машинного обучения ставят под угрозу конфиденциальность личности. Регулирование сбора и обработки персональных данных осуществляется международными актами (например, Регламент ЕС о защите персональных данных – GDPR), а также национальным законодательством многих стран.

Однако остаётся открытым вопрос о том, насколько эффективно существующие нормы защищают граждан от несанкционированного использования их данных крупными корпорациями и государственными структурами. Технологические компании часто опережают законодательство, используя новые инструменты анализа данных для таргетированной рекламы, политического манипулирования и социальной инженерии.

В перспективе необходимо совершенствование законодательства и практических механизмов защиты. Это может включать разработку более детальных требований к сбору данных,

усиление контроля со стороны независимых регуляторов, а также развитие технологий, позволяющих пользователям самостоятельно управлять своими персональными данными.

В цифровую эпоху интернет стал важнейшей платформой самовыражения, но это сопровождается риском распространения дезинформации, призывов к насилию и пропаганды экстремизма. Государства сталкиваются с дилеммой: защищать свободу слова и одновременно предотвращать злоупотребления, способные нанести вред обществу и национальной безопасности.

Для решения этой проблемы в различных юрисдикциях вводят механизмы блокировок и фильтрации контента, расширяют ответственность интернет-провайдеров и владельцев платформ. Однако существует опасность злоупотребления этими инструментами при борьбе с экстремизмом или «фейковыми новостями».

Международные организации призывают государства соблюдать принцип пропорциональности и не допускать чрезмерной цензуры в интернете. Европейский суд по правам человека формирует прогрессивную практику защиты цифровых прав, создавая новые стандарты для национальных правовых систем.

Социальные сети стали ключевым элементом общественных коммуникаций, позволяя не только выражать мнение, но и организовывать общественные движения, политические кампании, благотворительные акции. Однако монополизация цифрового рынка крупными компаниями поднимает вопросы о прозрачности алгоритмов, ранжирующих контент, и о возможной манипуляции общественным мнением.

Кроме того, социальные сети оказывают влияние на психологическое состояние и поведение людей, формируя «информационные пузыри», когда пользователи видят лишь ограниченный спектр точек зрения. Это может способствовать радикализации и поляризации общества.

С юридической точки зрения, обеспечение пользователям возможности защиты их прав (например, в случаях клеветы, нарушения авторских прав или дискриминации) является критическим. Необходимо также требовать от компаний прозрачности в отношении своих модерационных практик. В этой связи особую важность приобретает проблема алгоритмического управления контентом, поскольку такие системы создают новые формы власти, требующие новых подходов к подотчетности и прозрачности.

Политико-правовые аспекты регулирования цифровых платформ тесно связаны с вопросами цензуры, конфиденциальности и дезинформации. В современных условиях актуальной становится проблема трансграничного регулирования интернета. Иллюзия безграничного интернета разрушается появлением национальных систем регулирования.

Важно отметить, что архитектура цифровых платформ напрямую влияет на фундаментальные права. Это особенно актуально в контексте защиты интеллектуальной собственности.

В последние годы наблюдается тенденция к усилению государственного контроля над цифровыми платформами. С одной стороны, это связано с необходимостью борьбы с противоправным контентом, защитой интеллектуальной собственности, предотвращением террористических угроз и распространением дезинформации. С другой стороны, государственные ограничения могут привести к цензуре и подавлению критики власти.

В международной практике существуют различные подходы к регулированию:

– Европейский Союз: внедряет жесткое законодательство в области защиты персональных данных (GDPR) и работает над регулированием цифровых услуг (Digital Services Act), стремясь повысить прозрачность деятельности интернет-компаний.

– США: сохраняют достаточно либеральный режим, опираясь на Первую поправку к Конституции и закон «О порядочности в коммуникациях» (Section 230 CDA), но при этом усиливают меры против распространения враждебной пропаганды.

– Китай: вводит жесткую систему фильтрации интернета (так называемый «Великий китайский файрвол»), аргументируя это необходимостью сохранения общественной стабильности, однако фактически ограничивает доступ к многим международным платформам и зарубежным информационным ресурсам.

А.К. Жарова отмечает, что правовая защита интеллектуальной собственности в условиях цифровизации сталкивается с новыми вызовами, обусловленными спецификой распространения информации в сети Интернет [6, с.36]. Законодательные подходы к регулированию цифровых платформ существенно различаются и во многом зависят от политико-правовых традиций конкретного государства.

Развитие цифровых технологий требует переосмысления традиционных механизмов защиты прав человека. Как подчеркивает Е.А. Лукашева [8, с.234], правовые механизмы защиты прав человека формировались постепенно, отражая эволюцию общественного сознания и государственных институтов.

В современном мире, наряду с государственным регулированием и надзором, всё более важную роль приобретает общественный контроль. Неправительственные организации, группы гражданского общества и журналисты-расследователи активно следят за деятельностью IT-компаний, оценивая их политику конфиденциальности, степень прозрачности и соответствие стандартам прав человека.

Э.В. Талапина отмечает, что эволюция прав человека в цифровую эпоху характеризуется появлением новых правовых институтов и механизмов защиты [9, с.125]. Взаимодействие государственных органов с интернет-компаниями предполагает поиски компромисса между требованиями законодательства и коммерческими интересами.

Растущая роль глобальных цифровых гигантов (Google, Meta, Amazon) приводит к тому, что они зачастую становятся «де-факто» регуляторами, определяя правила для миллионов пользователей. В этом контексте важно обеспечить прозрачность алгоритмов и процедур модерации, а также возможность судебной защиты в случае блокировок, удаления контента или злоупотреблений со стороны компаний.

Особую значимость приобретает вопрос международного регулирования. L. A. Bygrave отмечает [10, с.89], что управление интернетом через договорные механизмы создает новые вызовы для традиционных правовых структур и требует инновационных подходов к регулированию.

В контексте защиты персональных данных принципиальное значение имеет GDPR, который устанавливает, что защита физических лиц в отношении обработки персональных данных является фундаментальным правом [2]. Эта позиция находит отражение и в международных документах более общего характера. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах [1] устанавливает, что никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в свою личную и семейную жизнь.

Для обеспечения защиты традиционных прав и свобод человека в онлайн-среде необходимы комплексные меры:

1. Модернизация законодательства: как на национальном, так и на международном уровне, с учетом специфики цифровой среды. Это включает регулирование вопросов анонимности, персональных данных, свободы слова и полномочий интернет-компаний.

2. Укрепление институциональных механизмов контроля: посредством независимых органов и общественных организаций, способных выявлять злоупотребления в сфере сбора данных и модерации контента.

3. Расширение международного сотрудничества: с целью обмена опытом и гармонизации правовых норм, учитывая глобальный характер цифровой среды.

4. Поддержка технологических инициатив: направленных на обеспечение приватности, криптографической защиты и прозрачности взаимодействий в сети (распределенные системы, блокчейн, открытый код).

5. Повышение уровня правовой и цифровой грамотности населения: для того чтобы пользователи были осведомлены о своих правах и могли эффективно защищать их в онлайн-пространстве.

В долгосрочной перспективе успешная защита прав человека в цифровую эпоху требует постоянного диалога и взаимодействия между всеми заинтересованными сторонами.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что цифровая трансформация требует переосмысления традиционных прав и создания новых правовых механизмов. Необходим диалог между государством, бизнесом и гражданским обществом для формирования устойчивой цифровой экосистемы, защищающей интересы граждан.

Библиографический список

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // www.consultant.ru

2. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» от 27 апреля 2016 года (General Data Protection Regulation, GDPR) // www.consultant.ru
3. *Авакьян С. А.* Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2024. 864 с.
4. *Варламова Н. В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 9–46.
5. *Грачева М. А.* Защита персональных данных в эпоху цифровизации // Закон. 2023. № 2. С. 123–135.
6. *Жарова А. К.* Правовая защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Юрист. 2023. № 3. С. 34–42.
7. *Карташкин В. А.* Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2023. 288 с.
8. *Лукашева Е. А.* Права человека: учебник. 3-е изд. М.: Норма, 2023. 512 с.
9. *Талапина Э. В.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 122–146.
10. *Bygrave L. A.* Internet Governance by Contract. Oxford: Oxford University Press, 2023. 256 p.
11. *Warren S.D., Brandeis L. D.* The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, № 5. P. 193–220.

Для цитирования: *Шицле Я.В.* Основные права граждан и их трансформация в эпоху развития информационных технологий // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 150 –154.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_150

BASIC RIGHTS OF CITIZENS AND THEIR TRANSFORMATION IN THE ERA OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Ya.V. Schitsle*

Annotation. *Modern society is undergoing a profound transformation under the influence of information technology (IT). This affects all aspects of life, including the legal sphere. This article examines the evolution of citizens' fundamental rights in the context of digitalization, analyzes new challenges related to the protection of personal data, digital inequality, cybercrime and regulation of artificial intelligence.*

Keywords: *digital rights, information technology, personal data, cybersecurity, artificial intelligence, digital inequality.*

The development of information technology has radically changed public relations, creating new opportunities and threats to the realization of human rights. Traditional rights such as the right to privacy, freedom of speech, and access to information are gaining new meaning in the digital age.

The concept of human rights has deep historical roots. As noted by V. A. Kartashkin [7, p.45], the Magna Carta of 1215 laid down the fundamental principles of limiting state power and protecting individual rights, which remain relevant in the modern world.

The formation of the modern concept of human rights and freedoms began in the age of Enlightenment, when philosophical and legal teachings proclaimed the ideas of equality, freedom and natural rights. These ideas have found their way into national constitutions (for example, France and the USA) and international documents such as the Universal Declaration of Human Rights of 1948 and the European Convention on Human Rights of 1950. S. A. Avakian [3, p.312] emphasized that the constitutional consolidation of human rights has become an important stage in the development of the legal system, marking the transition from the natural law concept to the positive consolidation of fundamental freedoms in the basic laws of states.

Despite the improvement of legal mechanisms, the emergence and rapid development of digital technologies in the 21st century raise new questions about the ability of modern norms to ensure adequate protection of the individual in the global information space.

The beginnings of the idea of human rights and freedoms can be attributed to antiquity, when the first ideas about civil and political rights related to participation in public life of the Greek polis and the Roman Republic were formed. However, these ideas did not apply to the entire population, but only to limited categories of citizens with privileges.

In the Middle Ages, the concept of human rights developed within the framework of a religious worldview, which was reflected in the formation of the principles of justice and justice.

* **Schitsle Yaroslav Vladimirovich** – Postgraduate student at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute Private Educational Institution of Higher Education (Saint Petersburg). E-mail: ya.schuetzle@gmail.com
The scientific supervisor – **Mamitova Natalia Viktorovna** – Doctor of Law, Professor. E-mail: nvmamitova@mail.ru

Magna Carta (Magna Carta, 1215) had a significant impact on the formation of human rights, limiting the arbitrariness of the monarch and establishing the basic principles of personal protection. In the age of Enlightenment (XVII–XVIII centuries), the philosophers J. Locke, S. L. Montesquieu, J.-J. Rousseau et al. developed the theory of "natural" rights, endowing man with inalienable freedoms. It was during this period that constitutional documents appeared recognizing the right to life, freedom, and property as the basis of a state governed by the rule of law. Thus, the ideas of the Enlightenment were reflected in the Declaration of Independence of the United States (1776) and the Declaration of the Rights of Man and Citizen in France (1789).

The 20th century was marked by a significant increase in international legal acts aimed at protecting human rights. This process was driven by the tragic experience of the world wars and the needs of the new world order. The fundamental document was the Universal Declaration of Human Rights of 1948, which laid the conceptual foundation for subsequent international conventions and covenants: the International Covenant on Civil and Political Rights (1966), the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (1966) and others.

Historical development testifies to the constant expansion of the list of rights and freedoms, as well as their adaptation to changing socio-political conditions. Philosophical teachings have had a significant impact on the formation of the basic principles of human rights. Classical liberalism (J. Locke, A. Smith) established the idea of individual freedom, limited only to the extent that it does not violate the rights of other people. The Philosophy of Enlightenment (Voltaire, D. Diderot) laid the foundations of the idea of equality and universality of human dignity, and also separated the concepts of "citizen" and "subject", thus marking the transition to the concept of civil society. In the 19th and 20th centuries, Marxism, existentialism and neo-positivism made their own adjustments to the understanding of human rights, focusing on social aspects (the right to work, social security, education), as well as personal self-determination.

In modern scientific thought, it is important to take into account not only the "classical" set of rights and freedoms (civil and political), but also new generations of human rights – socio-economic, collective, environmental, informational. The latter are becoming increasingly relevant in the digital age.

The growth of Internet communications generates the phenomenon of digital anonymity, which, according to N. V. Varlamova [4, p.15], represents a new form of realization of the right to privacy, requiring special mechanisms of legal protection. On the one hand, anonymity is a mechanism for protecting the right to privacy and freedom of expression, especially in societies with a high degree of censorship. On the other hand, it creates risks of spreading slander, extremist information and criminal acts in the "dark" segment of the Internet. The legal regulation of digital anonymity should balance the need to protect personal data and ensure transparency of online interactions.

M. A. Gracheva [5, p.124] notes that the protection of personal data in the digital age requires an integrated approach that takes into account both the technological features of information processing and fundamental human rights.

In the context of universal digitalization, the concept of personal integrity takes on new dimensions. The fundamental right to privacy, first formulated at the end of the 19th century, is becoming particularly relevant in the digital age.

As noted by Warren S. D. and Brandeis L. D. [11, p.195], the right to privacy encompasses not only the right to physical privacy, but also the right to information autonomy. Traditional ideas about the right to inviolability of home and private life are complemented by the right to protection of digital data, including personal and biometric data.

The growing volume of information collected, the use of big Data, and the widespread adoption of machine learning algorithms threaten personal privacy. The collection and processing of personal data is regulated by international acts (for example, the EU Regulation on the Protection of Personal Data – GDPR), as well as the national legislation of many countries.

However, the question remains as to how effectively the existing regulations protect citizens from unauthorized use of their data by large corporations and government agencies. Technology companies often get ahead of the legislation by using new data analysis tools for targeted advertising, political manipulation, and social engineering.

In the future, it is necessary to improve legislation and practical protection mechanisms. This may include the development of more detailed data collection requirements, increased oversight by independent regulators, and the development of technologies that allow users to manage their personal data independently.

In the digital age, the Internet has become the most important platform for self-expression, but this comes with the risk of spreading disinformation, calls for violence, and propaganda of extremism. States face a dilemma: to protect freedom of speech and at the same time prevent abuses that could harm society and national security.

To solve this problem, various jurisdictions are introducing mechanisms for blocking and filtering content, and expanding the responsibilities of Internet service providers and platform owners. However, there is a danger of misuse of these tools in the fight against extremism or "fake news."

International organizations urge States to respect the principle of proportionality and to prevent excessive censorship on the Internet. The European Court of Human Rights is shaping the progressive practice of protecting digital rights, creating new standards for national legal systems.

Social networks have become a key element of public communications, allowing not only to express opinions, but also to organize social movements, political campaigns, and charity events. However, the monopolization of the digital market by large companies raises questions about the transparency of algorithms that rank content and the possible manipulation of public opinion.

In addition, social networks influence the psychological state and behavior of people, forming "information bubbles" when users see only a limited range of points of view. This can contribute to the radicalization and polarization of society.

From a legal point of view, ensuring that users can protect their rights (for example, in cases of defamation, copyright infringement, or discrimination) is critical. Companies should also be required to be transparent about their moder-

ation practices. In this regard, the problem of algorithmic content management becomes particularly important, since such systems create new forms of power that require new approaches to accountability and transparency.

The political and legal aspects of regulating digital platforms are closely related to issues of censorship, privacy, and disinformation. In modern conditions, the problem of cross-border regulation of the Internet is becoming urgent. The illusion of a limitless Internet is being destroyed by the emergence of national regulatory systems.

It is important to note that the architecture of digital platforms directly affects fundamental rights. This is especially relevant in the context of intellectual property protection.

In recent years, there has been a tendency to strengthen government control over digital platforms. On the one hand, this is due to the need to combat illegal content, protect intellectual property, prevent terrorist threats and spread disinformation. On the other hand, government restrictions can lead to censorship and suppression of criticism of the government.

There are different approaches to regulation in international practice:

– The European Union: implements strict legislation in the field of personal data protection (GDPR) and is working on the regulation of digital services (Digital Services Act), aiming to increase the transparency of Internet companies.

– USA: they maintain a fairly liberal regime based on the First Amendment to the Constitution and the Communications Decency Act (Section 230 CDA), but at the same time strengthen measures against the spread of hostile propaganda.

– China: introduces a strict Internet filtering system (the so-called "Great Chinese Firewall"), arguing that it is necessary to preserve social stability, but in fact restricts access to many international platforms and foreign information resources.

A.K. Zharova notes that the legal protection of intellectual property in the context of digitalization is facing new challenges due to the specifics of the dissemination of information on the Internet [6, p.36]. Legislative approaches to regulating digital platforms vary significantly and largely depend on the political and legal traditions of a particular state.

The development of digital technologies requires a rethink of traditional human rights protection mechanisms. As emphasized by E.A. Lukasheva [8, p.234], legal mechanisms for the protection of human rights were formed gradually, reflecting the evolution of public consciousness and state institutions.

In the modern world, along with government regulation and supervision, public control is becoming increasingly important. Non-governmental organizations, civil society groups, and investigative journalists actively monitor the activities of IT companies, assessing their privacy policies, transparency, and compliance with human rights standards.

E.V. Talapina notes that the evolution of human rights in the digital age is characterized by the emergence of new legal institutions and protection mechanisms [9, p.125]. The interaction of government agencies with Internet companies involves the search for a compromise between the requirements of legislation and commercial interests.

The growing role of global digital giants (Google, Meta, Amazon) leads to the fact that they often become "de facto" regulators, defining rules for millions of users. In this context, it is important to ensure transparency of moderation algorithms and procedures, as well as the possibility of judicial protection in case of blocking, deletion of content or abuse by companies.

The issue of international regulation is of particular importance. L. A. Bygrave notes [10, p.89] that Internet governance through contractual mechanisms creates new challenges for traditional legal structures and requires innovative approaches to regulation.

In the context of personal data protection, the GDPR is of fundamental importance, which establishes that the protection of individuals with respect to the processing of personal data is a fundamental right [2]. This position is reflected in international documents of a more general nature. Thus, the International Covenant on Civil and Political Rights [1] establishes that no one may be subjected to arbitrary or unlawful interference in their personal and family life.

Comprehensive measures are needed to ensure the protection of traditional human rights and freedoms in the online environment:

1. Modernization of legislation: both at the national and international levels, taking into account the specifics of the digital environment. This includes regulating issues of anonymity, personal data, freedom of speech, and the powers of Internet companies.

2. Strengthening institutional control mechanisms: through independent bodies and public organizations capable of detecting abuses in the field of data collection and content moderation.

3. Expanding international cooperation: to share experiences and harmonize legal norms, taking into account the global nature of the digital environment.

4. Support for technological initiatives: aimed at ensuring privacy, cryptographic protection and transparency of online interactions (distributed systems, blockchain, and open source).

5. Increasing the level of legal and digital literacy of the population: so that users are aware of their rights and can effectively protect them in the online space.

In the long term, successful protection of human rights in the digital age requires constant dialogue and interaction between all stakeholders.

Thus, based on all of the above, it can be concluded that the digital transformation requires a rethink of traditional rights and the creation of new legal mechanisms. A dialogue is needed between the government, business and civil society to form a sustainable digital ecosystem that protects the interests of citizens.

Bibliographic list

1. The International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on December 16, 1966, Version 2200 (XXI) of 1496).-one of the main events of the General Assemblies is) // www.consultant.ru

2. Regulation No. 2016/679 of the European Parliament and of the Council of the European Union "On the Protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free circulation of such data" dated April 27, 2016 (General Data Protection Regulation, GDPR) // www.consultant.ru

3. *Avakian S. A.* Constitutional law of Russia: training course: in 2 volumes. Moscow: Norma, 2024. 864 p.

4. *Varlamova N. V.* Digital rights – a new generation of human rights? // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 4. pp. 9–46.

5. *Gracheva M. A.* Protection of personal data in the era of digitalization // Law. 2023. № 2. pp. 123–135.

6. *Zharova A. K.* Legal protection of intellectual property in the digital age // Lawyer. 2023. № 3. Pp. 34–42.

7. *Kartashkin V. A.* Human rights: international protection in the context of globalization. Moscow: Norm, 2023. 288 p.

8. *Lukasheva E. A.* Human rights: textbook. 3rd ed. Moscow: Norma, 2023. 512 p.

9. *Talapina E. V.* The evolution of human rights in the digital age // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 3. pp. 122–146.

10. *Bygrave L. A.* Internet management on the basis of a contract. Oxford: Oxford University Press, 2023. 256 p.

11. *Warren S.D., Brandeis L. D.* The right to privacy // Harvard Law Review. 1890. Volume 4, No. 5. pp. 193–220.

For citation: *Shitsle Ya.V.* Basic rights of citizens and their transformation in the era of information technology development // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 154 – 157.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_150

Научная статья

УДК: 340.12
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_158

Н.С. Щерова*

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЮРИДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация. *В настоящее время различные научные работы посвящены изучению категории правовых ценностей, их понятию, признакам, структуре. Однако представляется важным исследовать данный вопрос в историческом контексте. В этом может помочь особый источник – печатные периодические издания, в частности, специализированной направленности. Актуальность исследования определяется возрастающей ролью средств массовой информации в общественно-политических и государственно-правовых процессах. Отраслевые журналы оказывают влияние на формирование правового сознания как общества, так и отдельной личности. Их содержание представлено разнообразными темами, одной из которых является рассмотрение понятий свободы, справедливости, законности и иных явлений, объединенных понятием «правовые ценности». Целью статьи является их изучение на основе конкретных материалов из отечественных юридических журналов второй половины XIX – начала XX вв. Автор приходит к выводу о том, что редакционные коллективы обращали внимание на необходимость опубликования в юридической периодике работ, в которых нашла отражение характеристика основных правовых ценностей. Особенностью публикаций были их фундаментальный характер, научный подход, большой объем, что свидетельствует о важности подобных вопросов для редакций журналов, читательской аудитории и общества в целом.*

Ключевые слова: *юридические журналы XIX в., отраслевая периодика, правовые ценности, свобода, справедливость, свобода вероисповедания.*

В среде научного сообщества широкое распространение получило понятие «правовые ценности», относительно определения которого ведется дискуссия. Так, правовые ценности можно охарактеризовать как «систему принципов, постулатов и суждений, которые определяют отношение индивида, локального сообщества или общества в целом к правовой реальности» [4, с. 137], «идеальные правовые образования и принципы, определяющие представление личности о значимости права, оценке явлений, которые происходят в обществе, с помощью права, формируют определенную модель поведения личности и которые предназначены для обеспечения правового порядка и дисциплины в обществе» [3, с. 209].

Фундаментальными правовыми ценностями современного общества признаются свобода, справедливость, законность, равенство, безопасность, ответственность и другие. В научной литературе предлагаются варианты разделения правовых ценностей на группы. К примеру, Н.С. Мантурова классифицирует правовые ценности следующим образом:

«1) ценности, закрепляющие и юридически обеспечивающие права и свободы личности (право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и т.д.);

2) вытекающие из гуманистической сущности права (гуманизм, свобода, равенство);

3) следующие из нормативно-регулятивной сущности права (законность, правопорядок и т.д.);

4) отражающие сущность права как меру человеческой свободы (свобода передвижения);

5) вытекающие из сущности права как нормативно-ценностного императива в качестве общеобязательного конкретного поведения;

* **Щерова Наталья Сергеевна** – преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: natalya.scherova@yandex.ru

6) направленные на формирование у граждан положительного отношения к праву как общечеловеческому благу» [6, с. 177].

Для романо-германской правовой семьи второй половины XIX – начала XX вв. выделяют различные правовые ценности, к примеру, свобода совести и вероисповедания, уважение прав личности, господство закона, социальная справедливость и равноправие [7, с. 146]. Традиция русского консерватизма XIX в. транслировала в качестве ценностей «эволюционность преобразований в контексте учета национальной культуры, гармоничное сочетание прав, обязанностей и ответственности, идеи всеединства, правды, справедливости, долженствования, приоритета общественных интересов при минимизации личностных начал и др.» [5, с. 8].

Об этих категориях рассуждали юристы, философы, что позволяет говорить о значимости указанного вопроса для общества. В связи с этим представляется интересным обратиться к анализу юридических периодических изданий второй половины XIX в. с целью изучения конкретных материалов, посвященных рассмотрению правовых ценностей.

Первые отечественные юридические печатные органы возникли в конце XVIII в. и к середине следующего столетия достигли своего расцвета. Во второй половине XIX в. отраслевые издания в области права были представлены значительным количеством наименований, в большинстве своем академического характера. Они состояли из объемных научных трудов, особенностью которых был глубокий анализ исследуемых вопросов.

Следует отметить, что содержание юридической периодики было разнообразным. В ней встречались материалы по различным отраслям права, международному правовому регулированию, судебной практике, юридической библиографии, ряд статей был связан с изучением структуры государственных органов, законодательных актов (как действующих, так и утративших юридическую силу) и т.д.

Среди огромного количества публикаций можно найти работы, в которых рассматривались такие категории и понятия, которые в современной науке получили название «правовые ценности», например, свобода, справедливость и др. В рамках данной статьи мы рассмотрим некоторые примеры подобных материалов из журналов «Юридический вестник» и «Вестник права». Выбор этих изданий обусловлен тем, что они являлись академическими, признанными научным сообществом и наиболее распространенными среди теоретиков и практиков права.

Работа В. Гольцева «Идея справедливости в трудах французских мыслителей XIX века (к истории ее происхождения и развития)», опубликованная в журнале «Юридический вестник» в 1892 г., посвящена становлению идеи справедливости. Ее содержание отличается у разных школ, научных течений, однако внимательное изучение мнений позволяет «придать этой идее определенное значение и еще большую практическую важность» [2, с. 4]. Именно поэтому автор материала обращается к рассмотрению попыток раскрытия в трудах различных ученых содержания понятия справедливости, объяснения истории его появления и развития.

Особая ценность данной публикации заключается в том, что В. Гольцев изучил взгляды тех мыслителей, о сочинениях которых отсутствовала информация в отечественной литературе. Например, он обратился к труду о нравственности французского мыслителя Клариссы Куанье. Основные начала свободы и справедливости одинаковы и постоянны у всех народов, но «затемняются нередко нашими страстями и своекорыстными интересами» [2, с. 9]. Базисом нравственности, по мнению К. Куанье, является идея права и обязанности. «Свобода, составляя достоинство личности, является нравственным двигателем, высшей целью которого служит справедливость» [2, с. 10]. Справедливость и свобода здесь тесным образом переплетаются: «Справедливость – произведение свободы. Среди борьбы с грубой силой, с деспотизмом, с гордостью или низостью человеческой природы, каждая победа свободы есть реализация справедливости» [2, с. 10]. В результате анализа взглядов мыслителя мы можем сделать вывод о том, что свобода и справедливость – это не только правовые категории, они соединяются и с нравственностью, что является нестандартным подходом к изучению этих явлений.

Рассуждения о понятии справедливости встречаются в материале А.С. Гольденвейзера «Герберт Спенсер. Идеи свободы и права в его философской системе», размещенном в журнале «Вестник права» (кн. 10, 1904 г.). Идея справедливости, согласно взглядам Г. Спенсера, состоит из двух элементов: «положительного – свободы действовать и пользоваться благами своих действий, и отрицательного – не препятствовать осуществлению того же другими» [1, с. 120]. Далее он выводит окончательную формулу справедливости, соединяющую в себе две эти части: «каж-

дый свободен делать, что хочет, лишь бы он не препятствовал такой же свободе другого» [1, с. 122]. И из этой формулы определяются права гражданина, относящиеся к разнообразным видам деятельности человека. К примеру, право на физическую неприкосновенность, право на свободу движения и передвижения, право пользования «всякой натуральной средой» (водой, землей, воздухом), право собственности, право на свободный обмен и на свободу договоров, право на свободу промысла, право на свободу верований и поклонения, право на свободу слова и печати. Таким образом, идея справедливости тесно связана с понятием свободы, о чем и пишет Г. Спенсер в своем научном труде.

Говоря о свободе как правовой ценности, важно отметить, что авторы в специализированной периодике особое внимание уделяли свободе вероисповедания. Это объяснялось тем, что среди всех естественных прав человека и гражданина право свободы религиозного исповедания занимает отдельное место: «если права личной неприкосновенности, свободы передвижения, даже право свободы слова, печати и сходок являются только юридической защитой естественной жизнедеятельности человека и беспрепятственного развития его нравственных сил и духовных дарований, то свобода совести является … «правом потому, что оно есть вместе с тем и нравственный долг» человека» [8, с. 85–86].

Религиозная свобода связана со смежными понятиями, такими как свобода совести и свободы веры, но по смысловому содержанию шире них. Право религиозной свободы, по мнению М.А. Рейснера, включает в себя не только возможность исповедовать религию и совершать богослужения, но и право учреждать и основывать новые религиозные общества, которые самостоятельно осуществляют свою деятельность, управляют религиозными делами без какого-либо вмешательства. Таким образом, в религиозную свободу, помимо свободы исповедания, включается свобода публичного культа или богослужения [8, с. 91].

Свобода исповедания имеет различные определения, и автор в своей работе приводит некоторые из них. Вместе с тем, он выводит свою трактовку данного понятия: «это есть право каждого человека беспрепятственно и без какого-либо ущерба для себя проявлять вообще внешним образом свои религиозные убеждения и, в частности, устанавливать, соответственно своим взглядам, домашнее богопочитание» [8, с. 96]. Таким образом, это право свободного выбора той или иной религии, практиковать и распространять религиозные убеждения, свобода осуществления обрядов, культов, богослужений.

Вместе с тем, предоставление свободы исповедания не означает отсутствия границ реализации данного права. В качестве ограничений свободы исповедания можно назвать следующие: никто не может нарушать закон, права других лиц и не исполнять возложенные на него обязанности под предлогом реализации права свободного исповедания; не допускается распространение безнравственности.

Структура права свободного исповедания включает в себя различные правомочия:

1) Право выбора религиозного направления, отсутствия принуждения в исповедании какой-либо веры;

2) Право лица не быть принуждаемым со стороны государства, вопреки своим религиозным убеждениям, к осуществлению религиозных обрядов, участию в богослужениях;

3) Право свободного выхода из состава религиозного общества, перемещения из одного в другое;

4) Право свободно организовывать собрания своих духовных единоверцев, отправлять богослужения и обряды в соответствии с предписаниями своей религии в своем частном помещении;

5) Право пользоваться в полном объеме и без ограничений всеми гражданскими и политическими правами, независимо от принадлежности к той или иной религии;

6) Право осуществлять все гражданские действия без обязанности совершать какие-либо религиозные обряды;

7) Право государственной защиты своих прав от посягательства на них со стороны религиозных обществ и духовных властей [8, с. 100–102].

Именно совокупность этих отдельных прав в полной мере отражает содержание свободы вероисповедания.

Таким образом, уже во второй половине XIX – начале XX вв. для российского общества особое значение приобрел вопрос изучения таких важных категорий, как свобода, справедливость,

законность и т.д., которые в современной науке обозначаются правовыми ценностями. Это позволяет сделать вывод о важности и необходимости их познания как для научного сообщества, так и для простого человека. И в этом оказала содействие отраслевая периодика.

На страницах юридических периодических изданий авторы рассуждали о понятии, признаках, структуре, особенностях реализации свободы в целом, свободы вероисповедания, справедливости. Для этих материалов характерны фундаментальность, глубина исследования, детальное рассмотрение различных аспектов того или иного понятия. Тексты были большими по объему, некоторые из них были напечатаны в нескольких номерах, что также свидетельствует о подробном изучении вопросов.

В настоящее время средства массовой информации, в том числе и специализированного характера, играют большую роль в общественной жизни, оказывают влияние на правосознание всего общества и каждого человека в отдельности. В связи с этим они могут воспользоваться практикой своих предшественников и распространять знания о правовых ценностях, поскольку это является важным фактором для формирования правовой культуры.

Библиографический список

1. *Гольденвейзер А.С.* Герберт Спенсер. Идеи свободы и права в его философской системе (окончание) // Вестник права. – 1904. – Кн. 10. – С. 92–150.

2. *Гольцев В.* Идея справедливости в трудах французских мыслителей XIX века // Юридический вестник. – 1892. – Кн. 1. – С. 3–16.

3. *Гришина О.А.* Правовая ценность в юридической системе общества / // Проблемы развития современного общества, Сборник научных статей 7-й Всероссийской национальной научно-практической конференции (20–21 января 2022 года). Том 3. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2022. – С. 207–210.

4. *Краснов А.В., Скоробогатов А.В.* Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 3. – С. 126–143.

5. *Кузубова А.Ю.* Правовые ценности русского консерватизма XIX века и правовое воспитание личности // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Том 9. – № 11А. – С. 7–14.

6. *Мантурова Н.С.* Социально-правовые ценности: основания для дефиниции // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 3(35). – С. 174–178.

7. *Никиташина Н.А.* Российские правовые ценности и модели поведения до и после революции 1917 года // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 146–148.

8. *Рейснер М.А.* Герберт Спенсер. Право свободного исповедания // Вестник права. – 1899. – № 2. – С. 85–102.

Для цитирования: *Щерова Н.С.* Отражение правовых ценностей в юридических журналах второй половины XIX – начала XX вв. // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 158 – 161.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_158

REFLECTION OF LEGAL VALUES IN LAW JOURNALS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Natalya S. Shcherova*

Annotation. *Currently, various scientific works are devoted to the study of the category of legal values, their concept, features, structure. However, it seems important to study this issue in a historical context. A special source can help in this – printed periodicals, in particular, specialized ones. The relevance of the study is determined by the increasing role of the media in socio-political and state-legal processes. Industry journals influence the formation of legal consciousness of both society and an individual. Their content is represented by various topics, one of which is the consideration of the concepts of freedom, justice, legality and other phenomena united by the concept of "legal values". The purpose of the article is to study them on the basis of specific materials from domestic legal journals of the second half of the 19th – early 20th centuries. The author comes to the conclusion that the editorial teams paid attention to the need to publish works in legal periodicals that reflected the characteristics of the main legal values. The peculiarity of the publications was their fundamental nature,*

* **Shcherova Natalya Sergeevna –** Lecturer the Department of Theory and History of State and Law, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University.. E-mail: natalya.scherova@yandex.ru

scientific approach, large volume, which indicates the importance of such issues for the editors of journals, the readership and society as a whole.

Keywords: *legal journals of the 19th century, industry periodicals, legal values, freedom, justice, freedom of religion.*

The concept of "legal values" has become widespread among the scientific community, and there is a debate about its definition. Thus, legal values can be described as "a system of principles, postulates and judgments that determine the attitude of an individual, a local community or society as a whole to legal reality" [4, p. 137], "ideal legal formations and principles that determine a person's understanding of the importance of law, the assessment of phenomena that occur in society, with the help of law, form a certain model of individual behavior and which are designed to ensure legal order and discipline in society" [3, p. 209].

Fundamental legal values of modern society are freedom, justice, legality, equality, security, responsibility and others. The scientific literature suggests options for dividing legal values into groups. For example, N.S. Manturova classifies legal values as follows:

"1) values that consolidate and legally ensure the rights and freedoms of the individual (the right to life, the right to freedom and personal integrity, etc.);

2) rights arising from the humanistic essence (humanism, freedom, equality);

3) following from the normative and regulatory essence of law (legality, law and order, etc.);

4) reflecting the essence of rights as a measure of human freedom (freedom of movement);

5) arising from the essence of law as a normative value imperative as a generally binding concrete behavior;

6) aimed at forming a positive attitude among citizens towards law as a universal human good" [6, p. 177].

For the Romano-German legal family of the second half of the 19th – early 20th centuries, various legal values are distinguished, for example, freedom of conscience and religion, respect for individual rights, the rule of law, social justice and equality [7, p. 146]. The tradition of Russian conservatism in the 19th century. She translated as values "the evolutionariness of transformations in the context of taking into account national culture, a harmonious combination of rights, duties and responsibilities, the idea of unity, truth, justice, duty, the priority of public interests while minimizing personal beginnings, etc." [5, p. 8].

Lawyers and philosophers have discussed these categories, which allows us to speak about the importance of this issue for society. In this regard, it is interesting to turn to the analysis of legal periodicals of the second half of the 19th century in order to study specific materials devoted to the consideration of legal values.

The first Russian legal printing bodies appeared at the end of the 18th century and reached their heyday by the middle of the next century. In the second half of the 19th century, industry publications in the field of law were represented by a significant number of titles, most of them academic in nature. They consisted of voluminous scientific papers, the feature of which was an in-depth analysis of the issues under study.

It should be noted that the content of the legal periodicals was diverse. It contained materials on various branches of law, international legal regulation, judicial practice, legal bibliography, and a number of articles related to the study of the structure of government agencies, legislative acts (both current and expired), etc.

Among the huge number of publications, one can find works in which such categories and concepts were considered, which in modern science are called "legal values", for example, freedom, justice, etc. In this article, we will look at some examples of similar materials from the journals Yuridicheskiy Vestnik and Vestnik Prava. The choice of these publications is due to the fact that they were academic, recognized by the scientific community and the most widespread among legal theorists and practitioners.

V. Goltsev's work "The idea of justice in the works of French thinkers of the 19th century (on the history of its origin and development)", published in the journal "Legal Bulletin" in 1892, is devoted to the formation of the idea of justice. Its content differs among different schools and scientific movements, but a careful study of opinions allows "to give this idea a certain meaning and even greater practical importance" [2, p. 4]. That is why the author of the material turns to the consideration of attempts to reveal the content of the concept of justice in the works of various scientists, explaining the history of its appearance and development.

The special value of this publication lies in the fact that V. Goltsev studied the views of those thinkers about whose writings there was no information in the Russian literature. For example, he turned to the work on the morality of the French thinker Clarissa Coigner. The basic principles of freedom and justice are the same and constant among all peoples, but "they are often obscured by our passions and self-serving interests" [2, p. 9]. The basis of morality, according to K. Coigner, is the idea of right and duty. "Freedom, constituting the dignity of the individual, is a moral engine, the highest goal of which is justice" [2, p. 10]. Justice and freedom are closely intertwined here: "Justice is a product of freedom. Amidst the struggle against brute force, despotism, pride or the baseness of human nature, every victory of freedom is the realization of justice" [2, p. 10]. As a result of the analysis of the thinker's views, we can conclude that freedom and justice are not only legal categories, they are also connected with morality, which is an unconventional approach to the study of these phenomena.

Arguments about the concept of justice are found in the material of A.S. Goldenweiser "Herbert Spencer. The ideas of freedom and law in his philosophical system", published in the journal "Bulletin of Law" (book 10, 1904). The idea of justice, according to G. Spencer's views, consists of two elements: "positive – freedom to act and enjoy the benefits of one's actions, and negative – not to interfere with the exercise of the same by others" [1, p. 120]. Further, he deduces the final formula of justice, combining these two parts: "everyone is free to do what he wants, as long as he does not interfere with the same freedom of another" [1, p. 122]. And from this formula, the rights of a citizen related to various types of

human activity are determined. For example, the right to physical integrity, the right to freedom of movement and movement, the right to use "any natural environment" (water, land, air), the right to property, the right to free exchange and freedom of contract, the right to freedom of trade, the right to freedom of belief and worship, the right to freedom of speech and the press. Thus, the idea of justice is closely related to the concept of freedom, which is what G. Spencer writes about in his scientific work.

Speaking about freedom as a legal value, it is important to note that the authors in specialized periodicals paid special attention to religious freedom. This was explained by the fact that among all the natural rights of man and citizen, the right to freedom of religious confession occupies a separate place: "if the rights of personal inviolability, freedom of movement, even the right to freedom of speech, press and gatherings are only legal protection of natural human activity and the unhindered development of his moral powers and spiritual talents, then freedom of conscience is ..."right because it is at the same time the moral duty of "man" [8, pp. 85–86].

Religious freedom is related to related concepts such as freedom of conscience and freedom of faith, but its semantic content is broader than them. The right to religious freedom, according to M.A. Reisner, includes not only the opportunity to profess religion and perform religious services, but also the right to establish and found new religious societies that independently carry out their activities and manage religious affairs without any interference. Thus, religious freedom, in addition to freedom of confession, includes freedom of public worship or worship [8, p. 91].

Freedom of confession has various definitions, and the author cites some of them in his work. At the same time, he deduces his interpretation of this concept: "this is the right of every person to freely and without any harm to himself to manifest his religious beliefs in general and, in particular, to establish, according to his views, domestic worship" [8, p. 96]. Thus, it is the right to freely choose one religion or another, to practice and spread religious beliefs, and the freedom to practice rituals, cults, and worship.

However, the granting of freedom of religion does not mean that there are no boundaries to the exercise of this right. The following restrictions can be mentioned as restrictions on freedom of confession:: No one may violate the law, the rights of others, or fail to perform their duties under the pretext of exercising their right to freedom of religion; spreading immorality is prohibited.

The structure of the right of free confession includes various powers:

1) The right to choose a religious direction, the absence of coercion in the profession of any faith;

2) The right of a person not to be forced by the state, contrary to his religious beliefs, to perform religious rites and participate in divine services;

3) The right to freely secede from a religious society and move from one to another;

4) The right to freely organize gatherings of one's spiritual co-religionists, to conduct divine services and rituals in accordance with the precepts of one's religion in one's private premises;

5) The right to enjoy fully and without restrictions all civil and political rights, regardless of belonging to a particular religion;

6) The right to carry out all civil actions without the obligation to perform any religious rites;

7) The right of state protection of one's rights from encroachment on them by religious societies and spiritual authorities [8, pp. 100–102].

It is the totality of these individual rights that fully reflects the content of religious freedom.

Thus, already in the second half of the 19th and early 20th centuries, the issue of studying such important categories as freedom, justice, legality, etc., which in modern science are designated by legal values, became of particular importance to Russian society. This allows us to draw a conclusion about the importance and necessity of their knowledge for both the scientific community and the common man. And the industry periodicals helped in this.

On the pages of legal periodicals, the authors discussed the concept, characteristics, structure, and features of the realization of freedom in general, freedom of religion, and justice. These materials are characterized by fundamentality, depth of research, and detailed consideration of various aspects of a particular concept. The texts were large in volume, some of them were printed in several issues, which also indicates a detailed study of the issues.

Currently, the mass media, including those of a specialized nature, play a major role in public life, influencing the legal consciousness of the whole society and each individual. In this regard, they can take advantage of the practice of their predecessors and spread knowledge about legal values, as this is an important factor for the formation of a legal culture.

Bibliographic list

1. *Goldenweiser A.S.* Herbert Spencer. The ideas of freedom and law in his philosophical system (ending) // Bulletin of Law. – 1904. – Book 10. – pp. 92–150.

2. *Goltsev V.* The idea of justice in the works of French thinkers of the 19th century // Legal Bulletin. – 1892. – Book 1. – pp. 3–16.

3. *Grishina O.A.* Legal value in the legal system of society / // Problems of development of modern society, Collection of scientific articles of the 7th All-Russian National Scientific and Practical Conference (January 20–21, 2022 year). Volume 3. Kursk: Yugo-Zapad. State University, 2022. pp. 207–210.

4. *Krasnov A.V., Skorobogatov A.V.* Legal value in Russia: theoretical, legal and retrospective analysis // Genesis: historical research. 2017. No. 3. pp. 126–143.

5. *Kuzubova A.Y.* The legal values of Russian conservatism of the 19th century and the legal education of personality // Issues of Russian and international law. – 2019. – Volume 9. – No. 11A. – pp. 7–14.

6. *Manturova N.S*. Socio-legal values: grounds for definition // Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. – 2013. – № 3(35). – Pp. 174–178.

7. *Nikitashina N.A.* Russian legal values and models of behavior before and after the 1917 Revolution // Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University. – 2017. – No. 22. – pp. 146–148.

8. Reisner M.A. Herbert Spencer. The right of free confession // Bulletin of Law. – 1899. – No. 2. – pp. 85–102.

For citation: *Shcherova N.S.* Reflection of legal values in law journals of the second half of the 19th – early 20th centuries // Theory of state and law. 2025. No. 4 (45). – P. 161 – 164.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_158

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК: 342.7
ББК: 67.400.03
DOI: **10.47905**/MATGIP_2025_4_46_165

А.А. Безуглая[*]
М.В. Мархгейм[**]

«ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ» ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РСФСР: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСЕЧКИ И РЕНОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ В ДЕЛЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *В данной статье осуществлен анализ конституционных текстов РСФСР и нормативных правовых актов СССР и РСФРС на предмет формализации в них права на образование. Выбор тематики исследования опосредован ролью образования в формировании духовно-нравственной личности, оппонирующей антиконституционным идеям. В ходе исследования авторами были выявлены «достижения» и «просчеты» законодателя, воплощенные в основных законах и правовых актах, а также отражены нормы, «закрепившиеся» за институтом преемственности правовых решений. Законодательные акты по обозначенной проблеме исследования были систематизированы в 4 группы / периода (исходя из сроков действия Основного Закона) и в дальнейшем поименованы: «дебют» законодателя; курс на индустриализацию; технократизация молодежи; формирование созидающего советского гражданина. В ходе исследования было отмечено, что право на образование из «кочующего» по конституционному тексту заняло прочное место в системе «основных прав и свобод», что подчеркивает его весомость для российского государства. Отмечено, что выхолащивание института образования, начавшееся в конце 4 периода, сопряжено с развитием идеи «самоопределения личности» в отрыве от должного внимания со стороны государства. Авторами был сформулирован вывод о необходимости восприятия образования вкупе с воспитанием Личности, что сопряжено с реализацией стоящих перед государством задач по обеспечению национальной безопасности Российского государства.*

Ключевые слова: *право на образование, воспитание молодежи, национальная безопасность, традиционные духовные ценности, противодействие антиконституционным (деструктивным) идеологиям.*

Целеустановка исследования

Право на образование, конституированное и законодательно детализированное в российской правовой системе, неизменно составляет фокус научных исследований «служителей» юридических [2, 3, 5, 6], педагогических [10, 11], философских [1, 4, 15], психологических [7, 9, 16] и иных наук. Предметная многогранность «образования», а также его стратегически актуализированное и фактически приравненное к традиционным ценностям состояние бесспорно пробуждают научный интерес для его дальнейшего исследования.

Дополнительным аргументом в пользу выбора указанной тематики выступает значимость образовательного процесса в России и его естественное влияние на формирование собственного (отвечающего государственной политике национальной безопасности) микроклимата в моло-

[*] **Безуглая Анна Артуровна** – ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности РАН, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: minasyan.anyuta@yandex.ru

[**] **Мархгейм Марина Васильевна** – заведующий кафедрой конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: markheim@bsuedu.ru

дежной среде. Именно образование, как нам представляется, выступает тем самым инструментом «мягкой силы» со стороны государства, влияющим на формирование «духовно-нравственной личности»(2), дезавуирующей деструктивные идеологии.

Конституционная обязанность получения основного общего образования (ч. 4 ст. 43 Базового закона) позволяет государству «примерить» на себя роль «нравственного скульптора», ориентирующего развитие личности по пути традиционных российских ценностей. Такая «миссия» государства всецело отвечает не только политике обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (в том числе и по пресечению вовлечения молодежи в противоправную экстремистскую деятельность), но и масштабирует эффективность деятельность органов публичной власти в сфере стратегического планирования.

Особую заинтересованность по обозначенной нами проблеме исследования вызывает разбор, прежде всего, конституционных текстов РСФСР и нормативных правовых актов СССР и РСФСР (анализируемый темпоральный период ограничивается временем существования СССР) на предмет формализации в них содержательных особенностей права на образование. Думается, что проведенный сравнительно-правовой анализ позволит выявить и этапизировать ретроспективные (исторические) особенности правового регулирования исследуемого права; обнаружить «потерянные» законодателем позитивные элементы советского регламентирования права на образование и обнажить его законодательные ошибки / осечки, предать научной огласке новаторские решения и продемонстрировать преемственность действий по правовому регулированию института образования в РСФСР. Полученные в ходе исследования результаты, как представляется, могут послужить дополнительным импульсом для стимулирования качественной и продуктивной работы современного законодателя, отвечающего (в широком смысле) за «легализацию» российских традиционных духовных ценностей.

Полагаем целесообразным начать исследование с разбора именно конституционных тестов, «диктующих» вектор правового регулирования права на образование в РСФСР.

«Зарождение» права на образование и его дальнейшее конституционное развитие в РСФСР

Основываясь на совокупном анализе конституций (основных законов) РСФСР и СССР, отметим единодушие в закреплении положений о праве на образование, что бесспорно подчеркивает его важность для советского государственного строительства. Подчеркнем, что особенность конституирования права на образование связана не только с изменением «конечного адресата» – правообладателя такого права, но и с тенденцией по уточнению конституционного фокуса со стороны законодателя.

Так, конституционные тексты РСФСР 1918 г. (23) [14, с. 33–49] и 1925 г.(23) [14, с. 74–118] в ст. 17 и ст. 8 соответственно определяют в качестве экзистенциальной задачи РСФСР предоставление трудящимся «полного, всестороннего и бесплатного образования». При этом Основной Закон 1918 г. адресует данное право исключительно «рабочим и беднейшим крестьянам» из числа трудящихся. Такая конституционная формулировка, как представляется, подчеркивает желание законодателя не только акцентировать внимание на проблеме малограмотности среди беднейших слоев общества, но и усилить «негативный шлейф» существования российского империализма. Полагаем, что данная юридическая конструкция может быть рассмотрена как «конституционный упрек», адресуемый представителям и последователям «прежней власти», где право на образование было имманентно социальной стратификации *того* общества. Но это всего лишь авторские догадки…

Следует также подчеркнуть, что Основным Законом РСФСР 1918 г. (в преамбульной части) предусматривалась обязанность Народного комиссариата «ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской Республики изучение основных положений … Конституции, а равно и их разъяснение и истолкование» [14, с. 33](23).

Более детализированный подход в части формализации и раскрытия особенностей права на образование был воплощен законодателем в Конституции (Основной Законе) РСФСР 1937 г. [14, с. 242–396]. Особо следует отметить, что в п. «х» ст. 19 Базового закона (при определении предметов ведения) за РСФСР закрепляется «руководство делом начального, среднего и высшего образования». Подчеркнем, что Конституция 1937 г. впервые определила основу уровневого образования в РСФСР, которая с учетом требований времени и по иным основаниям была модифицирована законодателем (данное конституционное положение до сих пор является основой структуры системы образования) (2 ст.10).

Следует уточнить, что ст. ст. 92, 96 и 99 Основного Закона РСФСР 1937 г. предусматривают за советами депутатов различных уровней организацию «исполнительных комитетов народного образования», приоритетной задачей которых является повышение культурно-образовательного уровня народных масс.

Отмеченные конституционные нормы корреспондируют положениям ст. 125, закрепляющей право на образование и одномоментно обязанностью его получения (в первой редакции Конституции – начального образования; в редакции Закона РСФСР от 15 марта 1957 г. «О внесении изменений в статью 125 Конституции (Основного Закона) РСФСР» – семилетнего образования; в редакции Закона РСФСР от 26 ноября 1959 г. «О внесении изменений в статью 125 Конституции (Основного Закона) РСФСР» – восьмилетнего образования). Исследуемая конституционная норма (как и аналогичные положения в предыдущих базовых законах РСФСР) акцентирует внимание на безвозмездном характере получения образования («включая высшее»), уточняя при этом адресата данного права – граждане РСФСР. В этой связи подметим, что законодатель пошел по пути расширения субъектного состава лиц, правомочных реализовывать данное право.

Следует отметить, несомненно, позитивное и одновременно новационное решение со стороны конституционного законодателя по формализации государственных социальных гарантий (имеются в виду стипендии) «подавляющему большинству учащихся в высшей школе» (в редакции, действовавшей до принятия Закона РСФСР от 13 марта 1948 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР»). Также на конституционном уровне была предусмотрена организация «бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся» на различных предприятиях. Как представляется, указанные конституционные положения стали фундаментом для законодательной конкретизации действий органов государства в сфере промышленно-экономического развития нашего государства.

Впервые на конституционном уровне (ст. 126) были формализованы положения, касающиеся гармонизации «возможностей» женщин и мужчин «в получении образования». Уточним, что такой подход был воспринят законодателем и в Конституции (Основном Законе) РСФСР 1978 г. (ст. 33).

Следует отметить, что образование, исходя из диспозиции ст. 139 Основного закона РСФСР 1937 г., не являлось препятствием для участия в выборах депутатов ни в части реализации активного избирательного права, ни в отношении пассивного. Как представляется, такая конституционная формулировка, с одной стороны, была направлена на подкрепление/упрочение принципа равноправия граждан РСФСР, с другой, – подсвечивала еще имеющийся дефицит правового урегулирования вопросов в сфере образования.

Дальнейшее исследование конституционных норм по обозначенной нами проблеме логично связывается с анализом положений Основного Закона РСФСР 1978 г. [14, с. 486–718], который является самым «изменяемым» за всю историю конституционного развития России. Этот факт и привносит соответствующие коррективы в проводимый нами разбор, «вынуждая» (для чистоты проводимого исследования) провести анализ «первичного» варианта Базового закона, а также проследить модернизацию конституционных положений вплоть до «официального» распада СССР.

Анализ «первой» редакции Основного Закона РСФСР 1978 г. позволяет заключить, что конституционный законодатель (в части закрепления положений о праве на образование) пошел по пути не только преемственности и сопутствующей «настроениям» времени детализации норм, но и артикуляции особой роли, можно сказать миссии, образования для русского народа. Такой «реверанс» со стороны законодателя де-юре отражен в конституционной Преамбуле, «которая является средоточием базовых ценностей России» [13; с. 69]. Именно «конституционная увертюра» [12, с. 14–22], являющаяся особой (при этом переменной) композиционной частью конституционного текста, определяет магистральные фокусы развития всего государства. В данном случае образование как раз и составило один из таких национальных векторов функционирования РСФСР. Исходя из Преамбулы, «Образование РСФСР», по сути, причисляется к государствообразующему, критически важному компоненту «всестороннего экономического, социального и культурного развития» … «в братской семье советских народов» [14, с. 486]. Такой подход советского законодателя коррелирует и с современными ценностными установками российского законодателя*, о чем

* В данном случае авторы рассматривают «российского законодателя» как собирательную категорию, представленную различными субъектами, управомоченными принимать нормативные правовые акты.

свидетельствуют документы стратегического планирования Российской Федерации [8] и Указ Президента от 09 ноября 2022 г. № 809(1). Следует подчеркнуть, что указанная редакция Преамбулы претерпела масштабные, можно сказать экзистенциальными изменения вследствие принятия Закона РСФСР от 15 декабря 1990 г № 423-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» – образование было «вытеснено» усиленной полемикой демократизации РСФСР.

Дальнейший анализ конституционных положений явил, что в ст. ст. 22 и 25 исследуемого Базового закона акцентируется внимание на развитии единой системы народного образования в РСФСР. Основной замысел законодателя заключается в фиксации корреляционных связей между образованием и последующей трудовой общественной деятельностью гражданина.

Следуя логике конституционной преемственности, законодателем в ст. 33 закрепляются положения о равноправии женщин и мужчин в вопросах получения образования. При этом абсолютно новационным конституционным решением являются положения ст. 32, закрепляющие в числе «дискриминационных оснований», в том числе и образование. Отметим, что в действующей Конституции России (ч. 2 ст. 19) эти положения не вошли в «копилку» института преемственности.

В соответствии с положениями ст. 38 Основного закона РСФСР 1978 г. «Граждане РСФСР имеют право на труд, – … – включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с … образованием».

Отметим, что Конституция РСФСР 1978 г. впервые закрепила право на образование (ст. 43) в качестве *основного права граждан РСФСР*, структурно включив его в отдельную Главу 6 «Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР». В данной связи следует подчеркнуть, что ст. 43 анализируемого Базового закона постулирует и обязанность граждан РСФСР получить «обязательное среднее образование». Также в исследуемой статье конституируются и новые формы обучения (заочное и вечернее); безвозмездность образования усиливается «бесплатной выдачей школьных учебников»; закрепляется возможность «обучения в школе на родном языке». Особо следует отметить позицию законодателя в части закрепления новационной для того времени особенности права на образование – «создание условий для самообразования». Данная конституционная формулировка, как нам представляется, стала своего рода «индикатором» времени, который не был воспринят действующим конституционным текстом 1993 г.

В ст. 50 Основного Закона РСФСР 1978 г. фактически постулируется светский характер народного образования в РСФСР, а изменения декабря 1990 г. юридически уточняют первоначальный посыл законодателя: «Государственная система образования носит светский характер» [14, с. 525].

Заключительной конституционной нормой, анализируемой нами по обозначенной проблеме, является п. «13» ст. 72, закрепивший за РСФСР «руководство народным образованием, культурными и научными организациями и учреждениями РСФСР». Полагаем, что указанное положение иллюстрирует особое значение народного образования, а также является логичным продолжением и уточнением положений начального варианта конституционной Преамбулы.

Подводя промежуточные выводы, отметим, что народное образование в РСФСР в любой его временной период являлось неотъемлемым и приоритетным компонентом государственной политики. Этот вывод основывается и на конституционных преобразованиях, явно отражающих возрастающие стремления РСФСР к всеобщему народному образованию. Декларируемое конституционно право на образование постепенно обрастало новыми адресатами, признаками и задачами. Совершенствование юридической техники конституционного законодателя выразилось не только в «частоте упоминаний» права на образование, но и увеличении в содержательного наполнения данного права и отнесении его к числу основных. Полагаем, что такие результаты в действительности иллюстрируют как накопившейся опыт конституционной редакции, так и неснижаемый «градус» фаворитизма по отношению к праву на образование.

Законодательная модернизация института образования в РСФСР

Конституционная модернизация права на образование неминуемо повлекла соответствующие нормативные изменения, которые в большей степени отражают глубинный и сущностный смыслы проводимого в РСФСР процесса народного образования. Исследование нормативных

правовых актов, принятых в период существования РСФСР и до распада СССР, поспособствует выявлению правовой тенденциозности законодателя, уточняющей конституционные замыслы. Этапы развития права на образование считаем целесообразным соотнести с периодами действия основных законов РСФСР.

I период (с конца 1917 г. по 10 мая 1925 г.) – ««дебют» законодателя» – отражает фундаментальную задачу советской власти: стремление ликвидировать безграмотность городского и сельского населения, что подтверждается следующими законодательными тенденциями(9):

– трансформация образования в светскую плоскость;

– актуализация роли внешкольного образования через создание системы общедоступных учреждений как исходных «очагов социалистической культуры»(3);

– учет числа лиц, получивших юридическое образование;

– иерархизация системы и структуры народного образования(4);

– учет национального состава автономных республик РСФСР как фактор упорядочивания структуры Народного Комиссариата Просвещения;

– интеграция специалистов с техническим и агрономическим образованием как детерминанта развития сельского хозяйства;

– повышение «культурно-политического уровня народных масс»(5) посредством ликвидации безграмотности среди взрослого городского и сельского населения;

– временная возмездность обучения в учебных заведениях в городах и поселках городского типа для некоторых категорий граждан;

– открытие частных художественно-профессиональных учебных заведений и промышленно-экономических курсов;

– повышение качества высшего образования и его связи с производством (была введена защита дипломных работ; обязательная производственная практика; предусматривается возмещение стипендиатом потраченных на него денежных средств; осуществляется стимулирование педагогического состава за счет повышения заработных плат);

– борьба с частным внешкольным образованием детей (следует отметить, что этот процесс возводится до уровня государственного значения);

– становление и последующее регулирование деятельности Единой трудовой школы, представленной двумя ступенями и 9 группами;

– формирование системы рабочих факультетов (рабфаков) как связующего элемента «пролетариата» и «трудового крестьянства»;

– бесплатность начального и среднего образования наряду с возмездным обучением в высших учебных заведениях для некоторых категорий граждан.

II период (с 11 мая 1925 г. по 20 января 1937 г.) – «курс на индустриализацию» – характеризуется ориентацией системы образования на развитие промышленности, обеспечиваемой посредством пополнения квалифицированных кадров. Этот этап представлен следующими системными решениями советского законодателя:

– сохранение тенденции по возмездности получения высшего образования, за исключением коммунистических высших учебных заведений, рабфаков и педагогических техникумов;

– реорганизация системы учреждений высшего образования, техникумов и рабфаков как способ достижения декларируемой цели по конвергенции «теоретического обучения и производственной практики»(6);

– формирование системы инспектирования народного образования на местном уровне;

– преобразование системы государственных университетов в целях подготовки научно-исследовательских кадров;

– обязательное распределение молодых специалистов вузов и техникумов на производство;

– установление системы ученых степеней и званий как индикаторов квалификации научных кадров;

– регламентация статуса и последующее упорядочивание деятельности сельскохозяйственных техникумов;

– законодательное фокусирование на развитие вузовского образования за счет перехода от «бригадно-лабораторного» к «лекционному» методу и отказа от многопредметности учебных планов и дробности программ;

– установление личной ответственности народных комиссаров и руководителей ведомств за работу вызов;

– введение всеобщего обязательного начального обучения как реализация важнейшей политической задачи государства по изживлению культурной и технологической отсталости широких масс трудящихся(7);

– формирование структуры начальной и средней школы, включающей три типа общеобразовательных школ: начальная, неполная средняя и средняя;

– акцентирование внимания на проблеме преподавания гражданской истории и географии в школах, а также на содержании информации по данным дисциплинам в учебных изданиях;

– установление персональных званий учителей начальных и средних школ;

– изменение политического курса с «педологической науки» на «лженауку» (следует отметить, что подобные решения со стороны органов государства были не «единичными», похожие действия были впоследствии предприняты и в отношении генетики в 1948 г. (что на долгое время заруинило ее развитие); это безусловно является одним из маркеров советского времени);

– организация школы рабочих подростков и персонально-технических школ;

– внедрение Российской Академии наук в советскую систему «ученых учреждений»;

– бесплатность обучения в школах фабрично-заводского ученичества (а также сокращение срока обучения), сопряженная с обязательностью «отработки» на производстве не менее трех лет.

III период (с 21 января 1937 г. по 11 апреля 1978 г.) – «технократизация молодежи» – претворение в жизнь курса по развитию социально-ориентированных отраслей экономики и ускорению технологического процесса, воплотившегося в следующих решениях законодателя:

– создание государственных трудовых резервов, формируемых в обязательном порядке за счет призыва лиц из числа городской и колхозной молодежи в ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения с последующей отработкой в течение 4 лет (уточним, что самовольных уход или отчисление из указанных учебных заведений карался заключение в трудовых колониях до 1 года. В 1955 году мобилизация трудовых резервов была отменена);

– укрепление связей школы и производства путем обязательного овладения учеником рабочей профессии (следует подметить, что коммунистическое строительство требовало интеграции высшей школы в жизнь и производство);

– уточнение типов учебных заведений, дающих полное среднее образование;

– внедрение «самообслуживания» в учебных заведениях как мероприятия по реализации привлечения учащихся к общественно-полезному труду;

– обязанность колхозов, промышленных предприятий, строек и совхозов направлять передовых работников в вузы и техникумы для их дальнейшей работы в них;

– упорядочивание деятельности и дальнейшая структуризация всей организации неполной средней общеобразовательной трудовой политехнической школы, средней общеобразовательной трудовой политехнической школы и вечерней (сменной);

– актуализация действий со стороны законодателя по повышению качества изучения иностранных языков (данное решение выступило детерминантой по формированию школ-интернатов и школ продленного дня и вечерних);

– увеличение контингента высококвалифицированных педагогических кадров;

– появление аспирантуры при вузах;

– изменение сроков обучения в вузах в связи с уточнением групп специальностей;

– введение платного обучения в старших классах, техникумах и вузах;

– сохранение бесплатного обучения для слушателей военных факультетов, национальных театральных и музыкальных студий, национальных групп хореографических училищ Москвы и Ленинграда, инвалидов-пенсионеров и их детей и воспитанников детских домов;

– введение пятибалльной системы оценки успеваемости и поведения;

– организация военно-морских училищ закрытого типа;

– возмездность обучения на подготовительных курсах при вузах и техникумах;

– переход ко всеобщему среднему образованию как этапу подготовки учащихся к высокопроизводительному труду и активному участию в общественной жизни (одна из целей XXIV съезда КПСС 1971 г.);

– проведение мероприятий по улучшению материально-технической базы учебных заведений вечернего и специально-заочного образования;

– организация институтов повышения квалификации преподавателей общественных наук;

– расширение штатов преподавателей в ведущих вузах страны, проводящих стратегически важные для государства научные исследования, за счет привлечения высококвалифицированных кадров вузов;

– преобразование профессионально-технических учебных заведений в ПТУ по подготовке высококвалифицированных кадров по наиболее сложным профессиям;

– систематизация законодательства в сфере образования, воплотившаяся в принятом Законе СССР от 19 июля 1973 г. «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» и последующем Законе РСФСР от 2 августа 1974 г. «О народном образовании» (законодательно определяется: образование реализуется на основе преемственности обучения и воспитания; связь образования с общественно полезным трудом; правовой статус органов и учреждений, реализующих образовательную деятельность, а также педагогических работников; правом на получение образования обладают как иностранные граждане, так и апатриды; завершение перехода ко всеобщему среднему образованию).

IV период (с 12 апреля 1978 г. по декабрь 1991 г.) – «формирование созидающего советского гражданина» – характеризуется наметившейся правовой тенденциозностью по формированию нового человека – активного строителя коммунизма, о чем свидетельствуют следующие решения:

– уточнение целей и задач обучения и воспитания в общеобразовательной школе, введение 11-летнего срока обучения, предложение по разработке научно обоснованных критериев оценки работы учителя;

– развитие сети специальных школ и интернатов для детей с нарушением речи;

– включение учащихся в систему общественно-трудовых отношений путем их активного участия в учебных цехах, производственных комбинатах, мастерских;

– привлечение в каникулярный летний период учащихся к работе в народном хозяйстве;

– актуализация высшего инженерного образования в целях подготовки большего числа квалифицированных кадров для работы в различных направлениях народного хозяйства;

– увеличение возможностей получения высшего образования людьми с ограниченными возможностями;

– предоставление высшим учебным заведениям статуса «самоуправляемых» / «автономных» организаций после их аккредитации соответствующим органом народного образования (отметим, что эти решения воспринимались государством как залог интеллектуального развития общества и соответственно повышения уровня культуры. По нашему мнению, это всего лишь маркер перехода к рыночной экономике);

– признание психологической службы как экзистенциального компонента всей системы народного образования;

– «оживление» системы народного образования в «российской деревне» посредством строительства учебных заведений, укомплектования сельских библиотек;

– принятие Временных положений, регламентирующих деятельность системы народного образования РСФСР(8) (было уточнено правовое положение высших, общеобразовательных, профессиональных, средне специальных учебных заведений; заведений для детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей; дошкольных и внешкольных учреждений. Следует подчеркнуть, что действующий ранее в правовой системе «лейтмотив» и по воспитанию учащихся (наряду с образованием) потерял свою былую актуальность).

Подводя итог данному этапу исследования, позволим себе синтезировать обнаружившиеся результаты. Отметим, что обозначенные нами периоды развития права на образования детализируют конституционные решения, явно отражая время их принятия. Первые два этапа законодательного внимания были неразрывно связаны с устремлением органов государства обеспечить правом на образование всех трудящихся. Для решения этой общегосударственной задачи была сформирована система народного образования, претворяющая в жизнь политику всеобщего начального образования. Наряду с институциональными изменениями, органы государства закрепляют связь образования с производством, что позволяет масштабировать промышленный потенциал страны. Третий этап характеризуются значительными изменениями в сфере образо-

вания, выразившимися в принятии специализированного нормативного правового акта, закрепившему переход ко всеобщему среднему образованию. Законодатель уделяет особое внимание формализации связи школы (включая и высшую) и общественно полезного труда. Заключительный этап связан с ростом возможностей получения высшего образования, а также продолжением работы законодателя по включению молодежи в систему общественно-трудовых отношений.

Заключительное слово

В целом следует заключить, что советским российским законодателем была проведена колоссальная работа по закреплению и дальнейшему развитию права на образование. Признавая тот факт, что принятие некоторых законодательных решений является довольно сомнительными и спорным, подчеркнем, что именно советское образование воспринималось в качестве бренда. Думается, что именно правовая регламентация симбиоза образования и духовно-нравственного воспитания молодежи, реализованная советским законодателем, послужила залогом не только формирования созидающего гражданина, но социально-экономического развития нашего государства.

Авторское послесловие

Следует подчеркнуть, что большинство онтологических компонентов института образования РСФСР (определенных в Законе 1974 г) не были восприняты законодателем при принятии Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 № 3266-1 «Об образовании». Полагаем, что это был, своего рода, «шаг назад» в законотворческой деятельности российских парламентариев, который воплотился в ослаблении духовной и культурной платформы развития нашего государства. Фактически в 1992 г. произошло выхолащивание ценностных ориентиров / установок как учащихся, так и педагогических работников; были искажены предназначение и роль народного образования (думается, что это произошло ввиду установления рыночных отношений «во всем»); государство переориентировалось с формирования «созидающего гражданина», конвергирующего жизнь и производство, на гражданина, обеспеченного гарантией «самоопределения личности» (полагаем здесь произошел переход от коллективизма к индивидуализму, который не является деструктивным или пагубным для конкретного человека, но оказался опустошительным, даже руинирующим для российского общества). Эта законодательная осечка, к большому сожалению, долго находилась в статусе «действующей». Нивелирование законодательных просчетов пришлось на долю действующего законодателя, активно включившего в дело по «спасению» «традиционных ценностей … в области образования и воспитания, работы с молодежью»(1).

Библиографический список

1. Указ Президента Указ Президента России от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

3. Постановление Народного комиссариата просвещения РСФСР от 4 июня 1919 года «Об организации дела внешкольного образования в РСФСР (Положение)». Сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_463.htm (дата обращения:09.04.2025).

4. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФС от 26 июня 1918 года «Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)». Сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_307.htm (дата обращения:11.04.2025).

5. Постановление XI Всероссийского Съезда Советов от 29 января 1924 года «О ликвидации неграмотности среди взрослого населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1935.htm (дата обращения:09.04.2025).

6. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 23 июля 1930 г. «О реорганизации вызов, техникумов и рабфаков». Сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3657.htm (дата обращения: 09.04.2025).

7. Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР от 14 августа 1930 года № 43 «О всеобщем обязательном начальном обучении». Сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr /ussr_3667.htm (дата обращения:09.04.2025).

8. Постановление Совета министров РСФСР от 23 февраля 1991 г. № 119 «О временных положениях, регламентирующих деятельность учреждений (организаций) системы образования и подготовки кадров в РСФСР». Сайт. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18273.htm (дата обращения: 11.04.2025).

9. Исследуемые акты (около 70) были взяты и в последующем синтезированы из Библиотеки нормативных-правовых актов СССР (https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_79.htm) и Электронной библиотеке «Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина» (http://музейреформ.рф/library).

10. *Андриенко Е.В., Горбачева И.М.* Семантическое поле категории «образование» в контексте философского знания // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 1 (17). С. 68–75.

11. *Багмет А.М., Емельянова Е.В., Прядко И.М.* Развитие образования, ориентированного на обеспечение верховенства права (на примере международного опыта) // Юридический мир. 2020. № 12. С. 48–52.

12. *Беляйкина А.И.* Образовательная организация как участник образовательных отношений и гарант реализации права на образование (на примере судебных решений) // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2. № 5 (25). С. 65–76.

13.. *Бойко А.И.* Проблема качества образования в социально-философском контексте // Гилея: научный вестник. 2015. № 101. С. 372–376.

14. *Бугашев С.И., Чепенко Я.К.* К вопросу о становлении права на образование в России на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2020. № 4. С. 15–117.

15. *Громова Н.С.* Конституционное право на образование и государственная образовательная политика в России на современном этапе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 5. С. 125–130.

16. *Гусейнов Р.Д., Гусейнова И.С., Пирмагомедова Э.А.* Профессиональная подготовка будущего учителя с позиции психологической антропологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 4–7.

17. Документы стратегического планирования. Министерство экономического развития Российской Федерации. Сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions /strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (дата обращения: 09.04.2025 г.).

18. *Ибатуллина Л.А.* Профилактика деструктивных проявлений в образовательных учреждениях на разных уровнях образования // В сборнике: Исследовательская трансформация педагогического образования: традиции как основа для инноваций. Сборник научных трудов X Международного форума по педагогическому образованию. Казань, 2024. С. 56–63.

19. *Комарова Э.П., Бакленева С.А., Фетисов А.С.* Смыслообразующая категория «контекст» как инструмент личностного саморазвития обучающегося в системе педагогического образования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 2. С. 37–40.

20. *Костенко А.А., Плужникова Е.А.* Методологические проблемы определения качества образования как педагогической категории // Образование в России: история, опыт, проблемы, перспективы. 2017. № 2 (7). С. 15–21.

21. *Мархгейм М.В.* Конституционно-правовые институты стран мира: взгляд российских ученых-юристов: Монография / А.А. Безуглая, В.В. Гелуненко, М.В. Мархгейм, Л.И. Никонова, А.Е. Новикова / под общ. ред. проф. М.В. Мархгейм. Deutschland, Gelsenkirchen, 2024, Henze Verlag. 200 с.

22. *Мархгейм М.В.* Преемственность как логика конституционного строительства России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 4(167). С. 67–72.

23. Отечественные конституции 1919–1978 гг. / Отв. ред. и авт. вступ. слова П.В. Крашенинников; сост: П.В. Крашенинников, О.А. Рузакова. М.: Статут, 2018. 719 с.

24. *Полежаев Д.В.* Качество образования как философская категория (методология, теория и практика современного воспитания) // В книге: управление качеством среднего профессионального образования. материалы Всероссийской научно-практической конференции. Министерство образования и молодежной политики Свердловской области; Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования». Екатеринбург, 2022. С. 41–48.

25. *Шаталов О.А.* Теоретические аспекты воспитания студентов в средней профессиональной школе // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2015. № 2 (26). С. 31–36.

Для цитирования: *Безуглая А.А., Мархгейм М.В.* «Точки бифуркации» права на образование в РСФСР: конституционно-правовые осечки и реновационные решения в деле духовно-нравственного развития общества // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 165 – 173.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_165

"BIFURCATION POINTS" OF THE RIGHT TO EDUCATION IN THE RSFSR: CONSTITUTIONAL AND LEGAL MISFIRES AND RENOVATION DECISIONS IN THE SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF SOCIETY

Anna A. Bezuglaya *
Marina V. Markhgeym *

Annotation. *This article analyzes the constitutional texts of the RSFSR and the normative legal acts of the USSR and the RSFSR for the formalization of the right to education in them. The choice of the research topic is mediated by the role of education in the formation of a spiritual and moral personality opposed to unconstitutional ideas. In the course of the study, the authors identified the "achievements" and "miscalculations" of the legislator, embodied in the basic laws and legal acts, as well as reflected the norms "fixed" for the institution of continuity of legal decisions. The legislative acts on the designated research problem were systematized into 4 groups / periods (based on the validity period of the Basic Law) and further named: the "debut" of the legislator; the course towards industrialization; the technocratization of youth; the formation of a creative Soviet citizen. In the course of the study, it was noted that the right to education has taken a firm place in the system of "fundamental rights and freedoms" from the "nomadic" constitutional text, which underlines its importance for the Russian state. It is noted that the emasculation of the institute of education, which began at the end of the 4th period, is associated with the development of the idea of "personal self-determination" in isolation from due attention from the state. The authors concluded that the perception of education, coupled with the upbringing of the Individual, is necessary, which is associated with the implementation of the tasks facing the state to ensure the national security of the Russian state.*

Keywords: *the right to education, youth education, national security, traditional spiritual values, countering unconstitutional (destructive) ideologies.*

The purpose of the study

The right to education, which is constitutionally and legislatively detailed in the Russian legal system, is invariably the focus of scientific research by the "servants" of legal [2, 3, 5, 6], pedagogical [10, 11], philosophical [1, 4, 15], psychological [7, 9, 16] and other sciences. The subject diversity of "education", as well as its strategically actualized and actually equated to traditional values, undoubtedly arouse scientific interest for its further research.

An additional argument in favor of choosing this topic is the importance of the educational process in Russia and its natural influence on the formation of their own (corresponding to the state policy of national security) microclimate among young people. It is education, as it seems to us, that acts as the very instrument of "soft power" on the part of the state, influencing the formation of a "spiritual and moral personality"(2), disavowing destructive ideologies.

The constitutional obligation to receive basic general education (Part 4 of Article 43 of the Basic Law) allows the state to "try on" the role of a "moral sculptor" who guides the development of a personality along the path of traditional Russian values. Such a "mission" of the state fully corresponds not only to the policy of ensuring the national security of the Russian Federation (including the suppression of the involvement of young people in illegal extremist activities), but also scales the effectiveness of the activities of public authorities in the field of strategic planning.

Of particular interest in the research problem we have identified is the analysis, first of all, of the constitutional texts of the RSFSR and the normative legal acts of the USSR and the RSFSR (the analyzed temporal period is limited to the time of the USSR's existence) with a view to formalizing the substantive features of the right to education in them. It seems that the conducted comparative legal analysis will make it possible to identify and stage the retrospective (historical) features of the legal regulation of the law under study.; to discover the positive elements of the Soviet regulation of the right to education that were "lost" by the legislator and to expose its legislative errors/misfires, to publicize innovative solutions to the scientific public and to demonstrate the continuity of actions on the legal regulation of the institute of education in the RSFSR. The results obtained in the course of the study, it seems, can serve as an additional impetus to stimulate the high-quality and productive work of a modern legislator responsible (in a broad sense) for the "legalization" of Russian traditional spiritual values.

We consider it advisable to start the study by analyzing the constitutional tests that "dictate" the vector of legal regulation of the right to education in the RSFSR.

The "origin" of the right to education and its further constitutional development in the RSFSR

Based on the combined analysis of the constitutions (basic laws) of the RSFSR and the USSR, we note the unanimity in consolidating the provisions on the right to education, which undoubtedly underlines its importance for Soviet statebuilding. We emphasize that the peculiarity of the constitution of the right to education is connected not only with the change of the "final addressee" – the right holder of such a right, but also with the tendency to clarify the constitutional focus on the part of the legislator.

* **Bezuglaya Anna Arturovna** – Leading Researcher at the Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: minasyan.anyuta@yandex.ru

* **Markhgeym Marina Vasilyevna** – Head of the Department of Constitutional and International Law at Belgorod State National Research University, Doctor of Law, Professor. E-mail: markheim@bsuedu.ru

Thus, the constitutional texts of the RSFSR of 1918 (23) [14, pp. 33–49] and 1925 (23) [14, pp. 74–118] in Articles 17 and 8, respectively, define as the existential task of the RSFSR the provision of "full, comprehensive and free education" to workers. At the same time, the Basic Law of 1918 addresses this right exclusively to "workers and the poorest peasants" from among the working people. Such a constitutional formulation seems to emphasize the desire of the legislator not only to focus on the problem of low literacy among the poorest strata of society, but also to strengthen the "negative plume" of the existence of Russian imperialism. We believe that this legal construction can be considered as a "constitutional rebuke" addressed to representatives and followers of the "former government", where the right to education was inherent in the social stratification of that society. But these are just the author's guesses….

It should also be emphasized that the Basic Law of the RSFSR of 1918 (in the preamble part) provided for the duty of the People's Commissariat to "introduce in all schools and educational institutions of the Russian Republic, without exception, the study of the basic provisions … The Constitution, as well as their explanation and interpretation" [14, p. 33](23).

A more detailed approach regarding the formalization and disclosure of the specifics of the right to education was embodied by the legislator in the Constitution (Basic Law) of the RSFSR of 1937 [14, pp. 242–396]. It should be especially noted that in paragraph "x" of Article 19 of the Basic Law (when defining the subjects of jurisdiction), the RSFSR is assigned "the leadership of primary, secondary and higher education." We emphasize that the 1937 Constitution for the first time, it defined the basis of level education in the RSFSR, which, taking into account the requirements of the time and for other reasons, was modified by the legislator (this constitutional provision is still the basis of the structure of the education system) (2 art.10).

It should be clarified that Articles 92, 96 and 99 of the Basic Law of the RSFSR 1937 provide for the councils of deputies of various the organization of "executive committees of public education", the priority of which is to raise the cultural and educational level of the masses.

These constitutional norms correspond to the provisions of Article 125, which establishes the right to education and simultaneously the obligation to receive it (in the first edition of the Constitution – primary education; as amended by the Law of the RSFSR of March 15, 1957 "On Amendments to Article 125 of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR" – seven-year education; as amended by the RSFSR Law of November 26, 1959 "On amendments to Article 125 of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR" – eight-year education). The constitutional norm under study (as well as similar provisions in previous basic laws of the RSFSR) focuses on the gratuitous nature of education ("including higher education"), specifying at the same time the addressee of this right – citizens of the RSFSR. In this regard, we would like to note that the legislator has taken the path of expanding the subject composition of persons authorized to exercise this right.

It should be noted, undoubtedly, a positive and at the same time innovative decision on the part of the constitutional legislator to formalize state social guarantees (meaning scholarships) to "the vast majority of students in higher education" (as amended before the adoption of the Law of the RSFSR of March 13, 1948 "On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the RSFSR"). Also, at the constitutional level, the organization of "free industrial, technical and agronomic training of workers" at various enterprises was provided. It seems that these constitutional provisions have become the foundation for the legislative specification of the actions of state bodies in the field of industrial and economic development of our state.

For the first time, at the constitutional level (Article 126), provisions concerning the harmonization of "opportunities" for women and men "in obtaining education" were formalized. To clarify, this approach was adopted by the legislator in the Constitution (Basic Law) of the RSFSR of 1978 (art. 33).

It should be noted that education, based on the disposition of Article 139 of the Basic Law of the RSFSR of 1937, was not an obstacle to participation in the elections of deputies either in terms of the exercise of active suffrage or in relation to passive. It seems that such a constitutional formulation, on the one hand, was aimed at reinforcing/consolidating the principle of equal rights for citizens of the RSFSR, on the other hand, it highlighted the existing lack of legal regulation of issues in the field of education.

Further study of the constitutional norms on the problem we have identified is logically linked to the analysis of the provisions of the Basic Law of the RSFSR of 1978 [14, pp. 486–718], which is the most "changeable" in the entire history of Russia's constitutional development. This fact brings appropriate adjustments to the analysis we are conducting, "forcing" (for the sake of purity of the research) to analyze the "primary" version of the Basic Law, as well as to trace the modernization of constitutional provisions up to the "official" collapse of the USSR.

An analysis of the "first" edition of the Basic Law of the RSFSR of 1978 allows us to conclude that the constitutional legislator (in terms of consolidating the provisions on the right to education) followed the path of not only continuity and the concomitant "mood" of the time of detailing the norms, but also articulating the special role, one might say mission, of education for the Russian people. Such a "curtsy" on the part of the legislator is de jure reflected in the constitutional Preamble, "which is the focus of Russia's basic values" [13; p. 69]. It is the "constitutional overture" [12, p. 14–22], which is a special (at the same time variable) compositional part of the constitutional text, determines the main focuses of the development of the entire state. In this case, education was just one of such national vectors of functioning of the RSFSR. Based on the Preamble, "The education of the RSFSR" is, in fact, considered a state-forming, critically important component of "comprehensive economic, social and cultural development" ... "in the fraternal family of the Soviet peoples" [14, p. 486]. This approach of the Soviet legislator correlates with the modern values of the Russian legislator, as evidenced by the strategic planning documents of the Russian Federation [8] and Presidential Decree No. 809(1) of November 09, 2022. It should be emphasized that this version of the Preamble has undergone large-scale, one might say existential changes due to the adoption of the RSFSR Law of December 15. 1990 No. 423-I "On Amendments and Additions to the Constitution (Basic Law) of the RSFSR" – education was "supplanted" by the intensified polemic of the democratization of the RSFSR.

Further analysis of the constitutional provisions revealed that Articles 22 and 25 of the Basic Law under study focus on the development of a unified public education system in the RSFSR. The main idea of the legislator is to fix correlations between education and the subsequent social work of a citizen.

Following the logic of constitutional continuity, the legislator establishes in Article 33 the provisions on the equality of women and men in matters of education. At the same time, the provisions of Article 32, which include education among the "discriminatory grounds", are an absolutely innovative constitutional decision. It should be noted that in the current Constitution of Russia (Part 2 of Article 19), these provisions are not included in the "piggy bank" of the Institute of succession.

In accordance with the provisions of Article 38 of the Basic Law of the RSFSR of 1978, "Citizens of the RSFSR have the right to work, ... including the right to choose a profession, occupation and work in accordance with ... education."

It should be noted that the Constitution of the RSFSR of 1978 for the first time established the right to education (Article 43) as the basic right of citizens of the RSFSR, structurally including it in a separate Chapter 6 "Basic rights, freedoms and duties of citizens of the RSFSR". In this regard, it should be emphasized that Article 43 of the analyzed Basic Law also postulates the obligation of citizens of the RSFSR to receive "compulsory secondary education." The article also establishes new forms of education (correspondence and evening); the gratuitousness of education is enhanced by the "free issuance of school textbooks"; the possibility of "studying at school in one's native language" is being consolidated. Of particular note is the position of the legislator regarding the consolidation of an innovative feature of the right to education at that time – "creating conditions for self-education." This constitutional formulation, as it seems to us, has become a kind of "indicator" of time, which was not perceived by the current constitutional text of 1993.

Article 50 of the Basic Law of the RSFSR of 1978 actually postulates the secular nature of public education in the RSFSR, and the amendments of December 1990 legally clarify the original message of the legislator: "The state education system is secular in nature" [14, p. 525].

The final constitutional norm that we are analyzing on this issue is clause 13 of Article 72, which assigns to the RSFSR "the leadership of public education, cultural and scientific organizations and institutions of the RSFSR." We believe that this provision illustrates the special importance of public education, and is also a logical continuation and clarification of the provisions of the initial version of the constitutional Preamble.

Summing up the intermediate conclusions, we note that public education in the RSFSR in any time period was an integral and priority component of state policy. This conclusion is also based on constitutional reforms, which clearly reflect the growing aspirations of the RSFSR for universal public education. The constitutionally declared right to education has gradually acquired new addressees, attributes and tasks. The improvement of the constitutional legislator's legal technique was reflected not only in the "frequency of mentions" of the right to education, but also in an increase in the content of this right and its attribution to the main ones. We believe that such results actually illustrate both the accumulated experience of constitutional drafting and the undiminished "degree" of favoritism towards the right to education.

Legislative modernization of the Institute of Education in the RSFSR

The constitutional modernization of the right to education inevitably entailed corresponding regulatory changes, which to a greater extent reflect the deep and essential meanings of the process of public education carried out in the RSFSR. The study of normative legal acts adopted during the existence of the RSFSR and before the collapse of the USSR will help to identify the legal bias of the legislator, clarifying constitutional intentions. We consider it advisable to correlate the stages of development of the right to education with the periods of validity of the basic laws of the RSFSR.

The first period (from the end of 1917 to May 10, 1925) – the "debut" of the legislator – reflects the fundamental task of the Soviet government: the desire to eliminate the illiteracy of the urban and rural population, which is confirmed by the following legislative trends (9):

– the transformation of education into a secular plane;

– actualizing the role of extracurricular education through the creation of a system of publicly accessible institutions as the initial "centers of socialist culture"(3);

– taking into account the number of persons who have received a law degree;

– hierarchization of the system and structure of public education(4);

– consideration of the national composition of the autonomous republics of the RSFSR as a factor in streamlining the structure of the People's Commissariat of Education;

– integration of specialists with technical and agronomic education as a determinant of agricultural development;

– raising the "cultural and political level of the masses"(5) by eliminating illiteracy among the adult urban and rural population;

– temporary compensation for education in educational institutions in cities and towns of urban type for certain categories of citizens;

– opening of private art and professional educational institutions and industrial and economic courses;

– improving the quality of higher education and its connection with production (the defense of theses was introduced; compulsory industrial practice; the scholarship holder is provided with compensation for the money spent on it; the teaching staff is stimulated by increasing salaries);

– the fight against private extracurricular education of children (it should be noted that this process is being elevated to the level of national importance);

– establishment and subsequent regulation of the Unified Labor School, represented by two levels and 9 groups;

– formation of a system of working faculties (faculty of labor) as a connecting element of the "proletariat" and the "working peasantry";

– free primary and secondary education, along with paid tuition in higher education institutions for some categories of citizens.

The second period (from May 11, 1925 to January 20, 1937) – "the course towards industrialization" – is characterized by the orientation of the education system towards the development of industry, provided through the replenishment of qualified personnel. This stage is represented by the following systemic decisions of the Soviet legislator:

– the continuation of the trend towards the retribution of higher education, with the exception of Communist higher education institutions, work schools and pedagogical colleges;

– reorganization of the system of institutions of higher education, technical schools and vocational schools as a way to achieve the declared goal of convergence of "theoretical education and industrial practice"(6);

– formation of a system of inspection of public education at the local level;

– transformation of the system of state universities in order to train scientific and research personnel;

– compulsory distribution of young specialists from universities and technical schools to production;

– establishment of a system of academic degrees and titles as indicators of the qualifications of scientific personnel;

– regulation of the status and subsequent streamlining of the activities of agricultural technical schools;

– legislative focus on the development of higher education through the transition from the "team-laboratory" to the "lecture" method and the rejection of multi-subject curricula and fractional programs;

– establishing the personal responsibility of people's commissars and heads of departments for the work of the Government;

– The introduction of universal compulsory primary education as the realization of the most important political task of the state to eliminate the cultural and technological backwardness of the broad masses of workers(7);

– formation of the structure of primary and secondary schools, including three types of general education schools: primary, lower secondary and secondary;

– focusing on the problem of teaching civil history and geography in schools, as well as on the content of information on these disciplines in educational publications;

– establishment of personal ranks of primary and secondary school teachers;

– a change in the political course from "pedological science" to "pseudoscience" (it should be noted that such decisions on the part of state bodies were not "isolated", similar actions were subsequently taken with regard to genetics in 1948 (which for a long time prevented its development); this is certainly one of the markers of the Soviet era);

– organization of a school for working teenagers and personal technical schools;

– the introduction of the Russian Academy of Sciences into the Soviet system of "scientific institutions";

– free education in factory apprenticeship schools (as well as shortening the period of study), coupled with the obligation to "work out" in production for at least three years.

The third period (from January 21, 1937 to April 11, 1978) – "technocratization of youth" – the implementation of a course on the development of socially oriented sectors of the economy and acceleration of the technological process, embodied in the following decisions of the legislator:

– creation of state labor reserves, formed on a mandatory basis by conscripting people from among urban and collective farm youth to vocational schools, railway schools and factory training schools, followed by 4 years of work (to clarify, unauthorized departure or expulsion from these educational institutions was punishable by imprisonment in labor colonies for up to 1 year. In 1955, the mobilization of labor reserves was canceled);

– strengthening the links between school and production by making it mandatory for students to master the working profession (it should be noted that communist construction required the integration of higher education into life and production);

– clarification of the types of educational institutions providing full secondary education;

– the introduction of "self-service" in educational institutions as measures to attract students to socially useful work;

– the duty of collective farms, industrial enterprises, construction sites and state farms to send advanced workers to universities and technical schools for their further work in them;

– streamlining the activities and further structuring of the entire organization of the incomplete secondary general education labor polytechnic school, secondary general education labor polytechnic school and evening (shift);

– updating the actions of the legislator to improve the quality of foreign language learning (this decision was the determinant for the formation of boarding schools and extended day and evening schools);

– increasing the number of highly qualified teaching staff;

– the emergence of postgraduate studies at universities;

– changing the terms of study at universities in connection with the clarification of groups of specialties;

– introduction of paid tuition in high schools, technical schools and universities;

– maintaining free tuition for students of military faculties, national theater and music studios, national groups of choreographic schools in Moscow and Leningrad, disabled pensioners and their children and children from orphanages;

– introduction of a five-point assessment system for academic performance and behavior;

– organization of closed-type naval schools;

– the cost of studying at preparatory courses at universities and technical schools;

– transition to universal secondary education as a stage of preparing students for high–performance work and active participation in public life (one of the goals of the XXIV Congress of the CPSU in 1971);

- carrying out measures to improve the material and technical base of evening and distance education institutions;

– organization of institutes for advanced training of teachers of social sciences;

– expanding the staff of teachers at the country's leading universities conducting research that is strategically important for the state by attracting highly qualified university staff;

– transformation of vocational schools into vocational schools for the training of highly qualified personnel in the most difficult professions;

– systematization of legislation in the field of education, embodied in the adopted Law of the USSR of July 19, 1973 "On approval of the Fundamentals of legislation of the USSR and the Union Republics on public education" and the subsequent Law of the RSFSR of August 2, 1974 "On public education" (legislatively defined: education is implemented on the basis of continuity of education and upbringing; the link of education with socially useful work; the legal status of bodies and institutions that carry out educational activities, as well as teaching staff; both foreign citizens and stateless persons have the right to receive education; completion of the transition to universal secondary education).

The fourth period (from April 12, 1978 to December 1991) – "the formation of a creative Soviet citizen" – is characterized by an emerging legal tendency towards the formation of a new person – an active builder of communism, as evidenced by the following decisions:

– clarifying the goals and objectives of education and upbringing in secondary schools, the introduction of an 11-year term of study, the proposal to develop scientifically based criteria for evaluating the teacher's work;

– development of a network of special schools and boarding schools for children with speech disorders;

– the inclusion of students in the system of social and labor relations through their active participation in educational workshops, production plants, workshops;

– attracting students to work in the national economy during the summer holidays;

– updating higher engineering education in order to train more qualified personnel to work in various areas of the national economy;

– increasing the opportunities for people with disabilities to receive higher education;

– granting higher education institutions the status of "self-governing" / "autonomous" organizations after their accreditation by the relevant public education authority (note that these decisions were perceived by the state as a guarantee of the intellectual development of society and, consequently, an increase in the level of culture. In our opinion, this is just a marker of the transition to a market economy);

– recognition of the psychological service as an existential component of the entire public education system;

– "revitalizing" the public education system in the "Russian countryside" through the construction of educational institutions and the staffing of rural libraries;

– adoption of Temporary Regulations governing the activities of the RSFSR public education system(8) (the legal status of higher, general education, vocational, and specialized secondary educational institutions; institutions for orphaned children and children left without parental care; preschool and extracurricular institutions has been clarified. It should be emphasized that the "leitmotif" previously in force in the legal system for the education of students (along with education) has lost its former relevance).

Summing up this stage of the study, let's synthesize the results that have emerged. It should be noted that the periods of development of the right to education that we have outlined detail constitutional decisions, clearly reflecting the time of their adoption. The first two stages of legislative attention were inextricably linked to the desire of State authorities to ensure the right to education for all workers. To solve this national problem, the public education system was formed, which implements the policy of universal primary education. Along with institutional changes, government agencies are consolidating the link between education and production, which makes it possible to scale the country's industrial potential. The third stage is characterized by significant changes in the field of education, expressed in the adoption of a specialized regulatory legal act that consolidated the transition to universal secondary education. The legislator pays special attention to formalizing the connection between schools (including higher education) and socially useful work. The final stage is associated with the growth of higher education opportunities, as well as the continuation of the legislator's work to include young people in the system of social and labor relations.

The final word

In general, it should be concluded that the Soviet Russian legislator carried out tremendous work to consolidate and further develop the right to education. Recognizing the fact that the adoption of some legislative decisions is rather dubious and controversial, we emphasize that it was the Soviet education that was perceived as a brand. It seems that it was the legal regulation of the symbiosis of education and spiritual and moral education of young people, implemented by the Soviet legislator, that served as the key not only to the formation of a creative citizen, but also to the socio-economic development of our state.

Author's afterword

It should be emphasized that most of the ontological components of the RSFSR Institute of Education (defined in the 1974 Law) were not perceived by the legislator when the Law of the Russian Federation of July 10, 1992 No. 3266-1 "On Education" was adopted. We believe that this was a kind of "step back" in the legislative activity of Russian parliamentarians, which resulted in the weakening of the spiritual and cultural platform for the development of our state. In fact, in 1992, the value orientations/attitudes of both students and teaching staff were emasculated; the purpose and role of public education were distorted (it seems that this happened due to the establishment of market relations "in everything"); the state shifted from forming a "creative citizen", converging life and production, to a citizen guaranteed by the "self-determination of the individual" (we believe there was a transition from collectivism to individualism, which is not destructive or harmful to a particular person, but turned out to be devastating, even ruinous for Russian society). Unfortunately, this legislative misfire has been in the "operational" status for a long time. The leveling of legislative miscalculations fell to the share of the current legislator, who actively engaged in the "rescue" of "traditional values ... in the field of education and upbringing, work with youth" (1).

Bibliographic list

1. Presidential Decree of the President of Russia dated November 09, 2022 No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of traditional Russian spiritual and Moral values" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.

2. Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 (as amended on 02/28/2025) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, intro. effective from 04/01/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Article 7598.

3. Resolution of the People's Commissariat of Education of the RSFSR dated June 4, 1919 "On the organization of extracurricular education in the RSFSR (Regulations)". Website. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_463.htm (date of request: 04/09/2025).

4. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated June 26, 1918 "On the organization of public education in the Russian Republic (Regulations)". Website. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_307.htm (date of request: 11.04.2025).

5. Resolution of the XI All-Russian Congress of Soviets of January 29, 1924 "On the elimination of illiteracy among the adult population of the Russian Socialist Federative Soviet Republic." Website. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1935.htm (date of request: 04/09/2025).

6. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated July 23, 1930 "On the reorganization of universities, technical schools and work schools". Website. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3657.htm (date of request: 09.04.2025).

7. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of August 14, 1930 No. 43 "On universal compulsory primary education." Website. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr /ussr_3667.htm (date of request: 04/09/2025).

8. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated February 23, 1991 No. 119 "On Temporary Regulations governing the activities of institutions (organizations) of the education and training system in the RSFSR". Website. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_18273.htm (date of request: 04/11/2025).

9. The acts under study (about 70) were taken and subsequently synthesized from the Library of Normative Legal Acts of the USSR (https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_79.htm) and the Electronic Library "Stolypin Museum of the History of Russian Reforms" (http://музейреформ.Russian Federation/library).

10. *Andrienko E.V., Gorbacheva I.M.* Semantic field of the category "education" in the context of philosophical knowledge // Economic and socio-humanitarian research. 2018. No. 1 (17). pp. 68–75.

11. *Bagmet A.M., Yemelyanova E.V., Pryadko I.M.* The development of education focused on ensuring the rule of law (using the example of international experience) // Legal World. 2020. No. 12. pp. 48–52.

12. *Belyakina A.I.* Educational organization as a participant in educational relations and a guarantor of the realization of the right to education (using the example court decisions) // Theory of law and interstate relations. 2022. Vol. 2. No. 5 (25). pp. 65–76.

13. *Boyko A.I.* The problem of quality of education in a socio-philosophical context // Gilea: scientific bulletin. 2015. No. 101. pp. 372–376.

14. *Bugashev S.I., Chepenko Ya.K.* On the formation of the right to education in Russia at the turn of the XX-XXI centuries // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art Criticism. Philological sciences. 2020. No. 4. pp. 15–117.

15. *Gromova N.S.* Constitutional right to education and state educational policy in Russia at the present stage // State and municipal administration in the XXI century: theory, methodology, practice. 2012. No. 5. pp. 125–130.

16. *Huseynov R.D., Huseynova I.S., Pirmagomedova E.A.* Professional training of future teachers from the perspective of psychological anthropology // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. No. 4 (147). pp. 4–7.

17. Strategic Planning documents. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Website. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_plani rovanie/ dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (accessed: 04/09/2025).

18. *Ibatullina L.A.* Prevention of destructive manifestations in educational institutions at different levels of education // In the collection: Research transformation of teacher education: traditions as a basis for innovation. Collection of scientific papers of the X International Forum on Teacher Education. Kazan, 2024. pp. 56–63.

19. *Komarova E.P., Bakleneva S.A., Fetisov A.S.* The semantic category "context" as a tool for personal self-development of students in the pedagogical education system // Bulletin of Voronezh State University. Series: Problems of higher education. 2022. No. 2. pp. 37–40.

20. *Kostenko A.A., Pluzhnikova E.A.* Methodological problems of determining the quality of education as a pedagogical category // Education in Russia: history, experience, problems, prospects. 2017. No. 2 (7). pp. 15–21.

21. *Markhgeym M.V.* Constitutional and legal institutions of the countries of the world: the view of Russian legal scientists: A monograph / A.A. Bezuglaya, V.V. Gelunenko, M.V. *Markhgeym*, L.I. Nikonov, A.E. Novikova / under the general editorship of Prof. M.V. Markhgeym. Deutschland, Gelsenkirchen, 2024, Henze Verlag. 200 pages.

22. *Markhgeym M.V.* Continuity as the logic of constitutional construction in Russia // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management. 2024. № 4(167). С. 67–72.

23. Domestic Constitutions of 1919–1978 / Ed. and auth. introduction. words by P.V. Krasheninnikov; comp.: P.V. Krasheninnikov, O.A. Ruzakova. Moscow: Statute, 2018. 719 p.

24. *Polezhaev D.V.* Quality of education as a philosophical category (methodology, theory and practice of modern education) // In the book: quality management of secondary vocational education. materials of the All-Russian scientific and practical conference. Ministry of Education and Youth Policy of the Sverdlovsk Region; State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education of the Sverdlovsk Region "Institute of Educational Development". Yekaterinburg, 2022. pp. 41–48.

25. *Shatalov O.A.* Theoretical aspects of student education in secondary vocational schools // Psychological and pedagogical journal Gaudeamus. 2015. № 2 (26). pp. 31–36.

For citation: *Bezuglaya A.A., Markhgeym M.V.* "Bifurcation points" of the right to education in the RSFSR: constitutional and legal misfires and renovation decisions in the spiritual and moral development of society // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 174 – 180.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_165

Научная статья

УДК: 332.02 + 346.52
ББК: 67.402
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_181

Г.В. Васильев*

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОЛГОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ БЮДЖЕТА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются недостатки политики обеспечения бюджетной устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации и предлагаются общие правовые подходы для разрешения проблемы государственного долга бюджетов субъектов Российской Федерации.*

Ключевые слова: *долговая устойчивость бюджета субъекта Российской Федерации, региональная финансовая политика.*

Основными проблемами в области долговой устойчивости субъекта Российской Федерации можно выделить:

– постепенное накопление государственного долга;

– неверное целеполагание в регулировании долговой устойчивости субъекта;

– долгосрочность мер по повышению долговой устойчивости бюджета субъекта путем замещения кредитора.

Рассмотрим коротко перечисленные проблемы.

На примере бюджетов некоторых субъектов Российской Федерации (таких как Республика Карелия) суммы как привлекаемых денежных средств, так и денежных средств направляемых на погашение долговых обязательств, всегда превышают размер государственного долга субъекта, но, при этом, размер долга за период с 2018 по 2022 практически не изменился. При этом значительная часть привлекаемых денежных средств направлена не на покрытие дефицита бюджета, а на погашение уже имеющихся долговых обязательств, а дефицит бюджета всякий раз значительно ниже суммы государственного долга.

Большая часть заемных денежных средств направляется на оплату существующих долгов, по данным на 2019 и 2022 года бюджет субъекта, даже имея профицит, все равно прибегает к кредитам, так как иного источника произвести оплату по уже существующим обязательствам кредитам у него нет. То есть в чистом виде набирает новые долги, чтобы просто отдать старые, в то время как фактически у бюджета субъекта Российской Федерации с точки зрения обеспечения функционирования государственных органов вовсе нет необходимости в привлечении заемных денежных средств в таком объеме, в котором они привлекаются, кроме как по оплате займов.

Государственная политика Российской Федерации по обеспечению долговой устойчивости, в свою очередь опирается на понятие «долговая устойчивость», которое было закреплено в статье 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации в 2019 году, представляется также неверным из-за своего целеполагания: долговая устойчивость – состояние, структура и сумма задолженности, позволяющие заемщику в полном объеме выполнять обязательства по погашению и обслуживанию этой задолженности, исключающие нанесение ущерба социально-экономическому развитию и необходимость ее списания и (или) реструктуризации. Таким образом, при регулировании долговой устойчивости целью ставится поддерживать платежеспособность, а не ликвидация государственного долга. [2]

Для повышения долговой устойчивости региона главной принятой мерой было предоставление бюджетных кредитов на «погашение» государственного долга бюджета субъекта Российской Федерации по кредитным обязательствам перед частными кредитными организациями

* **Васильев Георгий Владимирович –** аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт», Санкт-Петербург. E-mail: ivanklugge@yandex.ru

и по обязательствам по государственным ценным бумагам по процентной ставке 0,1 процента годовых по соглашению между Министерством финансов Российской Федерации и уполномоченным государственным органом субъекта федерации. [3] [4]

Однако в условиях нестабильности доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в случае недостаточности бюджетных средств бюджет субъекта может снова быть вынужден привлекать денежные средства по кредитам у частных кредитных организаций. В любом случае замена кредитора в обязательстве предусматривает сохранение самого обязательства, что в свою очередь означает зависимость бюджета субъекта Российской Федерации от федерального бюджета, а также перераспределение долгов одного субъекта федерации на всю Российскую Федерацию.

Ранее на примере бюджета Республики Карелия рассматривалось описываемое явление в состоянии с 2018 по 2022, теперь возьмем период до 01.01.2025. В Таблицах 1 и 2 представлены данные об объемах привлечения и погашения долговых обязательств и иные данные, поименованные в таблицах, согласно законам Республики Карелия о бюджете Республики Карелия на соответствующий финансовый период с 2018 по 2025 года, взятых в редакции на момент принятия – то есть к началу соответствующего финансового периода (в тысячах рублей) [1] [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12], а также об объеме государственного долга Республики Карелия, согласно данным, приведенным на сайте Минфина России. [1] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19] [20]

Таблица 1

год	Верхний предел долга	Объем расходов на обслуживание долга	Соотношение привлекаемых средств к направляемым на погашение		Объем долга согласно данным Минфина России	Размер дефицита бюджета
			привлечение	погашение		
2018	24 340 368,3	1 304 677,2	30 794 601	30 794 601	На 01.01.2018 20 517 735,2	0
2019	21 822 095,5	1 135 582	22 178 653,0	22 973 291,9	На 01.01.2019 20 723 211.70	Профицит 760 291,9
2020	21 851 591,4	1 200 000	25 019 268,7	22 763 928	На 01.01.2020 18 925 068	2 315 839,7
2021	28 483 696,9	1 296 752,8	29 396 182,6	24 972 910,7	На 01.01.2021 23 890 720	4 720 632,8
2022	27 819 023,5	941 463,4	20 872 725,0	21 918 005,7	На 01.01.2022 19 847 370	Профицит 1 061 587,4
2023	31 164 667,5	1 045 244,4	29 747 806,0	25 955 063,6	На 01.01.2023 27 371 925,13	3 793 403,2
2024	31 175 878,2	1 000 000,0	29 349 068,6	31 367 201,6	На 01.01.2024 32 664 537,38	Профицит 1 683 504,2
2025	28 594 123,5	2 200 000,0	24 259 577,6	27 340 995,6	На 01.01.2025 29 637 015,10	Профицит 1 927 250,3

При этом отдельно рассмотрим привлекаемые кредитные средства.

Таблица 2:

год	Частные кредитные организации		Бюджетные кредиты	
	привлечение	погашение	привлечение	погашение
2018	21 273 500	16 500 000,0	7 521 100,2	12 744 601
2019	11 972 653,0	14 007 266,8	8 206 000,0	8 766 025,1
2020	12 825 390,9	11 150 000	10 193 877,8	11 313 928
2021	20 857 779,6	17 274 457,6	6 538 403,0	7 098 428,1
2022	9 932 800,0	11 683 030,6	8 939 925,0	9 634 950,1
2023	14 760 192,2	11 877 480,7	12 987 613,8	13277562,9
2024	17 242 535,9	17 406 919,8	12 106 532,7	13 960 261,8
2025	11 319 070,6	10 785 993,0	12 940 507,0	16 554 992,6

Как видно из приведенных таблиц, суммы, как привлекаемых денежных средств, так и денежных средств направляемых на погашение долговых обязательств, почти всегда превышают

размер государственного долга субъекта, но, при этом, размер долга за рассматриваемый период – с 2018 по 2022 последних лет практически не изменился, а за период с 2022 по 2025 значительно увеличился. При этом значительная часть привлекаемых денежных средств направлена не на покрытие дефицита бюджета, а на погашение уже имеющихся долговых обязательств, а дефицит бюджета всякий раз значительно ниже суммы государственного долга. [1]

В таблицах 1 и 2 видно, что большая часть заемных денежных средств направляется на оплату существующих долгов, по данным на 2019, 2022, 2024 и 2025 года бюджет субъекта, даже имея профицит, все равно прибегает к кредитам, так как иного источника произвести оплату по уже существующим обязательствам кредитам у него нет. То есть в чистом виде набирает новые долги, чтобы просто отдать старые. В приведенных таблицах видно, что фактически у бюджета Республики Карелия вовсе нет необходимости в привлечении заемных денежных средств в таком объеме, в котором они привлекаются. [1]

Выплата кредитов в уменьшенном размере с постепенным уменьшением размера государственного долга не исключает того, что бюджет субъекта будет привлекать новые займы на обычных условиях. Перекредитовав бюджеты субъектов – федеральный бюджет, таким образом, только гарантировал частным кредиторам бюджетов субъектов возврат их долгов.

Перечисленное приводят к главной проблеме, которую можно выразить кратко – проводимая политика по поддержанию долговой устойчивости бюджета субъекта Российской Федерации превращает долговую устойчивость бюджета субъекта Российской Федерации из устойчивости бюджета перед долговыми обязательствами в устойчивость самого долга.

Государственный бюджет при его формировании в виде взимаемых налогов и сборов представляет собой изымаемую государством на обеспечение выполнения им своих функций часть денежной массы, образующуюся в ходе экономической деятельности субъектов данной деятельности. Когда соответствующим публично-правовым образованием производятся выплаты по долговым обязательствам и процентам на них в пользу частных банков, то таким образом, происходит возврат изъятых на государственные и социально-экономические нужды денежных средств обратно в пользу частных хозяйствующих субъектов. Такое состояние означает как неэффективность проводимой субъектом финансовой политики, так и слабость хозяйственной системы региона.

Для решения проблем накопления государственного долга и долгосрочности меры в виде перекредитования по льготной ставке за счет средств федерального бюджета представляется необходимым ввести и применять следующие правовые механизмы:

1. Предусмотреть возможность списания задолженности по бюджетным кредитам.

Весьма очевидной мерой по ликвидации задолженности, является, разумеется, ее полное списание. Введение такой меры должно предусматриваться в отношении задолженности по кредитам, полученным из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

2. Ввести для привлекаемых заемных средств у частных кредитных организаций льготного процента для кредитования на нужды государства.

Государственный бюджет при его формировании в виде взимаемых налогов и сборов представляет собой изымаемую государством на обеспечение выполнения им своих функций часть денежной массы, образующуюся в ходе экономической деятельности субъектов данной деятельности. Когда соответствующим публично-правовым образованием производятся выплаты по долговым обязательствам и процентам на них в пользу частных банков, то, таким образом, происходит возврат изъятых на государственные и социально-экономические нужды денежных средств обратно в пользу частных хозяйствующих субъектов. Такое состояние означает как неэффективность проводимой субъектом финансовой политики, так и слабость хозяйственной системы региона.

Однако в виду вынужденности регионов привлекать заемные денежные средства, в качестве вынужденной меры для снижения по крайней мере роста уровня задолженности представляется целесообразным установить кредитование на нужды бюджета субъекта региона по процентной ставке с возможно меньшей величиной.

Введение же сниженного процента по частным кредитам, позволит избежать необходимости привлекать займы из федерального бюджета, предотвращая, указанные выше, попадание бюджета субъекта Российской Федерации в зависимость от федерального бюджета, а также перераспределение долгов одного субъекта федерации на всю Российскую Федерацию

Помимо снижения общей долговой нагрузки списание долга и уменьшение процентной ставки по кредиту также окажет положительное влияние на привлечение будущих займов. В соответствии с положениями статьи 106 Бюджетного кодекса Российской Федерации объемы заимствований субъекта Российской Федерации не должны превышать общую сумму средств, направляемых на финансирование дефицита бюджета субъекта Российской Федерации, и объемов погашения долговых обязательств субъекта Российской Федерации.

Соответственно, снижение уровня долговых обязательств также должно приводить и к снижению уровня привлекаемых новых займов ввиду названного законодательного ограничения.

Касаемо неверного целеполагания, и, как итог, превращения устойчивости бюджета субъекта Российской Федерации перед долговой нагрузкой следует в целом переориентировать государственную политику в данной отрасли на погашение всех задолженностей и их минимизацию.

В этой связи представляется целесообразным, закрепить как общее положение не – способность в полном объеме выполнять обязательства по погашению и обслуживанию этой задолженности, исключающие нанесение ущерба социально-экономическому развитию и необходимость ее списания и (или) реструктуризации, а, наоборот, способность бюджета субъекта не направлять значительные суммы на погашение долга, вместо того, что направлять их на исполнение государственных функций субъектом Российской Федерации.

О необходимости такого изменения и об указанном неверном целеполагании также говорит признак долговой устойчивости, указанный в ее определении – состояние, исключающие необходимость ее списания и (или) реструктуризации. Ввиду положений статьи 105 бюджетного кодекса Российской Федерации, где под реструктуризацией государственного долга понимается изменение условий исполнения обязательств (погашения задолженности), связанное с предоставлением отсрочек, рассрочек исполнения обязательств, изменением объемов и (или) сроков уплаты процентов и (или) иных платежей, которое может производится с частичным списанием основного долга. [2]

То есть законодательно, на сегодняшний день, прямо закрепляется, что политика долговой устойчивости бюджета субъекта должна исключать списание долга, хотя бы частичное, то есть в том числе, прямо закрепляется в том числе «устойчивость долга».

В связи с чем предлагается, ввести следующее определение понятия «долговая устойчивость» – состояние, структура и сумма задолженности, позволяющие заемщику, обслуживать свой государственный долг, не привлекая для этих целей новые займы.

Ввиду внесения таких изменений и для целей реализации предложений по снижению уровня долговой нагрузки бюджетов субъектов, предполагается предусмотренную статьей 105 бюджетного кодекса Российской Федерации реструктуризацию государственного долга из нежелательной меры превратить в инструмент по планомерному снижению уровня государственного долга бюджета субъекта Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Васильев Г.В.* Проблема накопления государственного долга субъектом Российской Федерации // Теория государства и права. 2023. № 3(32). С. – 220–224

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/95351b068ed8020a8891410884e60ecb81f26164/

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2021 № 1206 «Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета для погашения долговых обязательств субъекта Российской Федерации (муниципального образования) в виде обязательств по государственным (муниципальным) ценным бумагам и кредитам, полученным субъектом Российской Федерации (муниципальным образованием) от кредитных организаций, иностранных банков и международных финансовых организаций, на 2021 год». (ред от 01.01.2023) // СПС «Гарант». – URL: https://internet.garant.ru/ #/document/76847637/paragraph/1:3

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.05.2022 № 815 «Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета для погашения долговых обязательств субъекта Российской Федерации (муниципального образования) в виде обязательств по государственным (муниципальным) ценным бумагам субъекта Российской Федерации (муниципального образования) и кредитам, полученным субъ-

ектом Российской Федерации (муниципальным образованием) от кредитных организаций, иностранных банков и международных финансовых организаций, на 2022 год» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416600/

5. Закон Республики Карелия от 21.12.2017 № 2205-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» (ред. от 21.12.2017) // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201712220007?index=0&rangeSize=50

6. Закон Республики Карелия от 21.12.2018 № 2337-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» (ред. от 21.12.2018) // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201812240010?index=0&rangeSize=50

7. Закон Республики Карелия от 19.12.2019 № 2440-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (ред. от 19.12.2019) // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201912230002?index=0&rangeSize=20

8. Закон Республики Карелия от 21.12.2020 № 2528-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» (ред. от 21.12.2020) // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/1000202012240016?index=0&rangeSize=50

9. Закон Республики Карелия от 15.12.2021 № 2656-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (ред. от 15.12.2021) // официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/1000202112160002?index=1250&rangeSize=50

10. Закон Республики Карелия от 21.12.2022 № 2776-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» (ред. от 21.12.2022) // СПС «Гарант». – URL: https:// internet.garant.ru/ #/document/23240712/paragraph/5:5

11. Закон Республики Карелия от 19.12.2023 № 2916-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» (ред. от 30.12.2023) // СПС «Гарант». – URL: https:// internet.garant.ru/# /document/23242820/paragraph/5:6

12. Закон Республики Карелия от 16.12.2024 № 3013-ЗРК «О бюджете Республики Карелия на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (ред. от 28.12.2024) СПС «Гарант». – URL: https:// internet.garant.ru/#/ document/23142104/paragraph/5:6

13. Информация о величине государственного и муниципального долга и уровне долговой нагрузки субъектов Российской Федерации на 1 января 2020 года // URL: https://minfin.gov.ru/ru/ document/ ?id_4=129624-informatsiya_o_velichine_gosudarstvennogo_i_ munitsipalnogo_dolga_i_urovne_dolgovoi_ nagruzki_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_yanvarya_2020_goda

14. Информация о величине государственного и муниципального долга и уровне долговой нагрузки субъектов Российской Федерации на 1 января 2021 года // URL: https://minfin.gov.ru/ru/ document/ ?id_4=135022-informatsiya_o_velichine_gosudarstvennogo_ i_munitsipalnogo_dolga_i_urovne_dolgovoi_nagruzki_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_yanvarya_2021_goda

15. Информация о величине государственного и муниципального долга и уровне долговой нагрузки субъектов Российской Федерации на 1 января 2022 года // URL: https://minfin.gov.ru/ru/ document/ ?id_4=135937-informatsiya_o_velichine_gosudarstvennogo_ i_munitsipalnogo_dolga_i_urovne_dolgovoi_ nagruzki_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_yanvarya_2022_goda

16. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2018 г. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121954-obem_ i_struktura_gosudarstvennogo_dolgasubektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2018_g.

17. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2019 г. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=126673-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_ na_1_yanvarya_2019_g.

18. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2023 г. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/ public_debt/subj/ subdbt?id_38=301284-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_ federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2023_g.

19. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2024 г. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/ public_debt/subj/ subdbt?id_65=306049-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_ federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2024_g.

20. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2025 г. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/ public_debt/ subj/subdbt?id_57=310725-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_ federatsii_i_dolga_ munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2025_g.

Для цитирования: *Васильев Г.В.* Правовые подходы, обеспечения долговой устойчивости бюджета субъекта Российской Федерации // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 181 – 186.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_181

LEGAL APPROACHES TO ENSURING DEBT SUSTAINABILITY OF THE BUDGET OF A CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Georgy V.Vasiliev*

Annotation. *The article examines the shortcomings of the policy of ensuring budgetary stability of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation and suggests general legal approaches to resolve the problem of public debt of the budgets of the constituent entities of the Russian Federation.*

Keywords: *debt sustainability of the budget of a constituent entity of the Russian Federation, regional financial policy.*

The main problems in the field of debt sustainability of a constituent entity of the Russian Federation are:
– gradual accumulation of public debt;
– incorrect goal setting in the regulation of the entity's debt sustainability;
– long-term measures to increase the debt sustainability of the budget of the subject by replacing the lender.

Let's briefly consider the problems listed below.

On the example of the budgets of some constituent entities of the Russian Federation (such as the Republic of Karelia), the amounts of both attracted funds and funds allocated for debt repayment always exceed the amount of the subject's state debt, but, at the same time, the amount of debt for the period from 2018 to 2022 practically did not change. At the same time, a significant part of the funds raised is directed not to cover the budget deficit, but to repay existing debt obligations, and the budget deficit is always significantly lower than the amount of public debt.

Most of the borrowed funds are used to pay existing debts. According to data for 2019 and 2022, the budget of the subject, even with a surplus, still resorts to loans, since it has no other source to pay for existing obligations to loans. That is, it collects new debts in its pure form in order to simply pay off the old ones, while in fact, the budget of a constituent entity of the Russian Federation, from the point of view of ensuring the functioning of state bodies, does not need to attract borrowed funds in the amount in which they are attracted, except for the payment of loans.

The state policy of the Russian Federation to ensure debt sustainability, in turn, is based on the concept of "debt sustainability", which was enshrined in Article 6 of the Budget Code of the Russian Federation in 2019, and also seems incorrect due to its goal setting: debt sustainability is the state, structure and amount of debt that allows the borrower to fully fulfill its obligations to pay off and service this debt, excluding damage to socio-economic development and the need for its write-off and (or) restructuring. Thus, when regulating debt sustainability, the goal is to maintain solvency, not eliminate public debt. [2]

To increase the region's debt sustainability, the main measure taken was to provide budget loans for "repayment" of the state debt of the budget of a constituent entity of the Russian Federation on credit obligations to private credit institutions and on obligations under state securities at an interest rate of 0.1 percent per annum under an agreement between the Ministry of Finance of the Russian Federation andthe authorized state body of the constituent entity of the Russian Federation. [3] [4]

However, in the conditions of unstable budget revenues of the Russian Federation's budgetary system, in case of insufficient budget funds, the budget of the subject may again be forced to attract funds for loans from private credit organizations. In any case, the replacement of the creditor in the obligation provides for the preservation of the obligation itself, which in turn means the dependence of the budget of the subject of the Russian Federation on the federal budget, as well as the redistribution of debts of one subject of the Federation to the entire Russian Federation.

Previously, using the example of the budget of the Republic of Karelia, the described phenomenon was considered in the state from 2018 to 2022, now let's take the period up to 01.01.2025. Tables 1 and 2 present data on the amount of debt attraction and repayment and other data specified in the tables in accordance with the laws of the Republic of Karelia on the budget of the Republic of Karelia for the corresponding financial period from 2018 to 2025, as amended at the time of adoption – that is, at the beginning of the corresponding financial period (in thousands of rubles) [1] [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12], as well as the volume of the state debt of the Republic of Karelia, according to the data provided on the website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. [1] [13] [14] [15] [16] [17] [18] [19] [20]

* **Vasiliev Georgy Vladimirovich –** Postgraduate student of «Law Institute», Saint Petersburg. E-mail: ivanklugge@yandex.ru

Table 1

year	Debt ceiling	Amount of debt servicing expenses	Ratio of funds raised to those allocated for repayment		Amount of debt according to the data of the Ministry of Finance of the Russian	Federation Size of the budget deficit
			attraction	repayment		
2018	24340 368,3,3	1 304 677,2	30 794 601	30 794 601	On 01.01.2018 20 517 735,2	0
2019	21 822 095,5	1 135 582	22 178 653,0	22 973 291,9	On 01.01.2019 20 723 211.7	Surplus 760 291,9
2020	21 851 591,4	1 200 000	25 019 268,7	22 763 928	On 01.01.2020 18 925 068	2315 839,7,7
2021	28 483 696,9	1 296 752,8	29 396 182,6	24 972 910,7	On 01.01.2021 23 890 720	4 720 632,8
2022	27 819 023,5	941 463,4	20 872 725,0	21 918 005.7	As of 01.01.2022 19 847 370	As Of 01.01.2022 19,847,370 Surplus 1 061 587,4
2023	31 164 667,5	1 045 244,4	29 747 806,0	25 955 063,6 On 01.01.2023	27 371925,13	3 793 403,2
2024	31 175 878,2	1 000 000,0	29 349 068,6	31 367 201,6 As	Of 01.01.2024 32,664,537.38	Surplus 1 683 504,2
2025	28 594 123,5	2 200 000,0	24,259,577. 6 27,340,995.	6 As Of 01.01.2025 29,637,015	. 10	Surplus 1,927,250. 3

At the same time, we will separately consider the attracted credit funds.

Table 2

year	Private credit organizations		Budget loans	
	attraction	repayment	attraction	repayment
2018	21 273 500	16 500 000,0	7 521 100,2	12 744 601
2019	11 972 653,0	14 007 266,8	8 206 000,0	8 766 025,1
2020	12 825 390,9	11 150 000	10 193 877,8	11 313 928
2021	20 857 779,6	17 274 457,6	6 538 403,0	7 098 428,1
2022	9 932 800,0	11 683 030,6	8 939 925,0	9 634 950,1
2023	14 760 192,2	11 877 480,7	12 987 613,8	13277562,9
2024	17 242 535,9	17 406 919,8	12 106 532,7	13 960 261,8
2025	11 319 070,6	10 785 993,0	12 940 507,0	16 554 992,6

As can be seen from the above tables, the amounts of both attracted funds and funds allocated to repay debt obligations almost always exceed the amount of the subject's state debt, but, at the same time, the amount of debt for the period under review – from 2018 to 2022 in recent years-has practically not changed, and for the period from 2022 to 2025 significantly increased. At the same time, a significant part of the funds raised is directed not to cover the budget deficit, but to repay existing debt obligations, and the budget deficit is always significantly lower than the amount of public debt. [1]

Tables 1 and 2 show that most of the borrowed funds are used to pay existing debts. According to data for 2019, 2022, 2024 and 2025, the budget of the subject, even with a surplus, still resorts to loans,since it has no other source to pay for existing obligations to loans. That is, in its pure form, it collects new debts just to pay off the old ones. The above tables show that in fact the budget of the Republic of Karelia does not need to attract borrowed funds in the amount in which they are attracted. [1]

Repayment of loans in a reduced amount with a gradual reduction in the amount of public debt does not exclude that the budget of the subject will attract new loans on normal terms. By re-crediting the budgets of the constituent entities, the federal budget, thus, only guaranteed the repayment of their debts to private creditors of the budgets of the constituent entities.

The abovementioned results lead to the main problem, which can be expressed briefly – the policy being implemented to maintain the debt sustainability of the budget of a constituent entity of the Russian Federation turns the debt sustainability of the budget of a constituent entity of the Russian Federation from the budget sustainability before debt obligations into the sustainability of the debt itself.

The state budget, when formed in the form of levied taxes and fees, is a part of the money supply withdrawn by the State to ensure the performance of its functions, which is formed in the course of the economic activities of the sub-

jects of this activity. When the relevant public legal entity makes payments on debt obligations and interest on them in favor of private banks, then in this way, the funds withdrawn for state and socio-economic needs are returned back to the benefit of private economic entities. This condition means both the inefficiency of the financial policy pursued by the subject and the weakness of the region's economic system.

To solve the problems of accumulation of public debt and long-term measures in the form of re-crediting at a preferential rate at the expense of the federal budget, it is necessary to introduce and apply the following legal mechanisms:

1. Provide for the possibility of writing off debt on budget loans.

A very obvious measure to eliminate debt is, of course, its complete write-off. The introduction of such a measure should be provided for in relation to debt on loans received from the budgets of the budgetary system of the Russian Federation.

2. Introduce a preferential interest rate for loans raised from private credit institutions to meet the needs of the state.

The state budget, when formed in the form of levied taxes and fees, is a part of the money supply withdrawn by the State to ensure the performance of its functions, which is formed in the course of the economic activities of the subjects of this activity. When the relevant public legal entity makes payments on debt obligations and interest on them in favor of private banks, then, in this way, the funds withdrawn for state and socio-economic needs are returned back to the benefit of private economic entities. This condition means both the inefficiency of the financial policy pursued by the subject and the weakness of the region's economic system.

However, in view of the regions' need to attract borrowed funds, as a necessary measure to reduce at least the growth in the level of debt, it seems appropriate to establish lending for the needs of the budget of the region's constituent entity at an interest rate as low as possible.

The introduction of a reduced interest rate on private loans will avoid the need to attract loans from the federal budget, preventing the above-mentioned budget of a subject of the Russian Federation from becoming dependent on the federal budget, as well as the redistribution of debts of one subject of the federation to the entire Russian Federation

In addition to reducing the overall debt burden, writing off debt and reducing the interest rate on the loan will also have a positive impact on attracting future loans. In accordance with the provisions of article 106 of the Budget Code of the Russian Federation, the volume of borrowings of a constituent entity of the Russian Federation should not exceed the total amount of funds allocated to finance the budget deficit of the constituent entity of the Russian Federation and the volume of repayment of debt obligations of the constituent entity of the Russian Federation.

Accordingly, a decrease in the level of debt obligations should also lead to a decrease in the level of new loans attracted due to the above-mentioned legislative restriction.

With regard to incorrect goal setting, and, as a result, improving the stability of the budget of the constituent entity of the Russian Federation before the debt burden, it is necessary to reorient the state policy in this industry in general to repay all debts and minimize them.

In this regard, it seems appropriate to fix as a general provision not the ability to fully fulfill obligations to repay and service this debt, excluding damage to socio-economic development and the need for its write-off and (or) restructuring, but, on the contrary, the ability of the subject's budget not to allocate significant amounts to debt repayment, instead of that they should be directed to perform state functions by a constituent entity of the Russian Federation.

The need for such a change and the specified incorrect goal setting is also indicated by the sign of debt sustainability specified in its definition – conditions that exclude the need for its write-off and (or) restructuring. In view of the provisions of Article 105 of the Budget Code of the Russian Federation, where the restructuring of public debt is understood as a change in the terms of performance of obligations (repayment of debt) associated with the provision of deferrals, installments of performance of obligations, changes in the volume and (or) terms of payment of interest and (or) other payments, which can be made with partial write-off of the principal debt. [2]

That is, the legislation, today, directly stipulates that the policy of debt sustainability of the budget of the subject should exclude debt write-off, at least partially, that is, among other things, "debt sustainability" is directly fixed.

In this connection, it is proposed to introduce the following definition of the concept of "debt sustainability" – the state, structure and amount of debt that allows the borrower to service its public debt without attracting new loans for this purpose.

In view of the introduction of such changes and for the purpose of implementing proposals to reduce the level of debt burden on the budgets of constituent entities, it is proposed to transform the restructuring of public debt provided for in Article 105 of the Budget Code of the Russian Federation from an undesirable measure into a tool for systematically reducing the level of public debt of the budget of a constituent entity of the Russian Federation.

Bibliographic list

1. *Vasiliev G. V.* The problem of accumulation of public debt by the subject of the Russian Federation // Theory of State and law. 2023. No. 3 (32). pp. 220–224

2. Budget Code of the Russian Federation / / SPS "ConsultantPlus". –URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/95351b068ed8020a8891410884e60ecb81f26164/

3. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1206 of 15.07.2021 " On Approval of the Rules for Granting, Using and Returning Budget Loans Received from the Federal Budget by Subjects of the Russian Federation for Repayment of Debt Obligations of a Subject of the Russian Federation (Municipal Formation) in the Form of Obligations under State (Municipal) Securities and Loans Received by a Subject of the Russian Federation (Municipal Formation) from

credit institutions, foreign banks and international financial organizations, for 2021". (ed. from 01.01.2023) // SPS "Garant". – URL: https://internet.garant.ru/#/document/76847637/parag raph/1:3

4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 815 of 05.05.2022 " On Approval of the Rules for Granting, Using and Returning Budget Loans Received from the Federal Budget by Subjects of the Russian Federation for Repayment of Debt Obligations of a Subject of the Russian Federation (Municipal Formation) in the Form of Obligations under State (Municipal) Securities of a Subject of the Russian Federation (Municipal formation) and Loans, received by the subject of the Russian Federation (municipal entity) from credit organizations, foreign banks and international financial organizations, for 2022 "/ / SPS "ConsultantPlus". – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_416600/

5. Law of the Republic of Karelia of 21.12.2017 No. 2205-SAM "On the budget of the Republic of Karelia for 2018 and for the planned period of 2019 and 2020" (as amended on 21.12.2017) / / official Internet portal of legal information(www.pravo.gov.ru) http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201712220007?index=0&rangeSize=50

6. Law of the Republic of Karelia of 21.12.2018 No. 2337-ZRK "On the budget of the Republic of Karelia for 2019 and for the planning period of 2020 and 2021" (as amended on 21.12.2018) / / official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) / / URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201812240010?index=0&rangeSize=50

7. Law of the Republic of Karelia of 19.12.2019 No. 2440-ZRK "On the budget of the Republic of Karelia for 2020 and for the planning period of 2021 and 2022" (as amended on 19.12.2019) / / official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) / / URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000201912230002?index=0&rangeSize=20

8. Law of the Republic of Karelia of 21.12.2020 No. 2528-SAM "On the budget of the Republic of Karelia for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023" (as amended on 21.12.2020) / / official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) / / URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000202012240016?index=0&rangeSize=50

9. Law of the Republic of Karelia of 15.12.2021 No. 2656-SAM "On the budget of the Republic of Karelia for 2022 and for the planning period of 2023 and 2024" (as amended on 15.12.2021) / / official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) / / URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 1000202112160002?index=1250& rangeSize=50

10. Law of the Republic of Karelia of 21.12.2022 No. 2776-SAM "On the budget of the Republic of Karelia for 2023 and for the planning period of 2024 and 2025" (as amended on 21.12.2022) / / SPS "Garant". – URL:https:// internet.garant.ru/#/document/23240712/parag raph/5:5

11. Law of the Republic of Karelia of 19.12.2023 No. 2916-SAM "On the budget of the Republic of Karelia for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026" (as amended on 30.12.2023) / / SPS "Garant". – URL: https:// internet.garant.ru/#/document/23242820/para graph/5:6

12. Law of the Republic of Karelia of 16.12.2024 No. 3013-ZRK "On the budget of the Republicof Karelia for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027" (as amended on 28.12.2024) SPS "Garant". – URL: https:// internet.garant.ru/#/document/23142104/para graph/5:6

13. Information on the size of state and municipal debt and the level of debt load of the constituent entities of the Russian Federation as of January 1, 2020 / / URL:https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129624-informatsiya_o_velichine_ gosudarstvennogo_i_munitsipalnogo_dolga_i_urovne_dolgovoi_nagruzki_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_ yanvarya_ 2020_goda

14. Information on the size of state and municipal debt and the level of debt load of the constituent entities of the Russian Federation as of January 1, 2021 / / URL:https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=135022-informatsiya_o_velichine_ gosudarstvennogo_i_munitsipalnogo_dolga_i_urovne_dolgovoi_nagruzki_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_ yanvarya_ 2021_goda

15. Information on the size of state and municipal debt and the level of debt load of the constituent entities of the Russian Federation as of January 1, 2022 / / URL:https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=135937-informatsiya_o_velichine_ gosudarstvennogo_i_munitsipalnogo_dolga_i_urovne_dolgovoi_nagruzki_subektov_rossiiskoi_federatsii_na_1_ yanvarya_ 2022_goda

16. Volume and structure of the state debt of the subjects of the Russian Federation and the debt of municipal formations as of January 1, 2018. https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121954-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_ dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2018_g..

17. Volume and structure of the state debt of the subjects of the Russian Federation and the debt of municipalities as of January 1, 2019 / / URL:https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=126673-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_ dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2019_g.

18. Volume and structure of the state debt of the constituent entities of the Russian Federation and municipal debt as of January 1, 2023. https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/subdbt?id_38=301284-obem_i_struktura_ gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2023_g..

19. Volume and structure of the state debt of the constituent entities of the Russian Federation and municipal debt as of January 1, 2024. https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/subdbt?id_65=306049-obem_i_struktura_ gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2024_g..

20. Volume and structure of the state debt of the constituent entities of the Russian Federation and municipal debt as of January 1, 2025. https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/subdbt?id_57=310725-obem_i_struktura_ gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2025_g..

For citation: *Vasiliev G.V.* Legal approaches to ensuring debt sustainability of the budget of a constituent entity of the Russian Federation // Theory of state and law. 2025. No. 4. P. 186 – 189.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_181

Научная статья

УДК: 342
ББК: 67.400
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_190

П.Д. Горбенко*

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятия «конституционализация» и анализу различных подходов к его определению. В работе показаны разные точки зрения на проблему конституционализации в системе науки конституционного права Российской Федерации. Подчеркивается важность дальнейшего изучения и развития концепции конституционализации для совершенствования правового порядка в России.*

Ключевые слова: *Конституция, конституционный строй, конституционное право, конституционализация, конституционализация российского права.*

В наши дни развитие отечественной юридической науки не стоит на месте. Третье десятилетие XXI века для Российской Федерации – это время глобальной перестройки экономического и политического блоков, трансформации гражданского общества и, конечно же, законодательства. Очевидно, что любые значимые изменения в правовом поле любого государства могут начинаться с изменений, связанных с конституционным строем, а также, например, с внесения поправок к основному закону – Конституции.

В науке совокупность правовых норм, закрепляющих в конституции и конституционном законодательстве основы взаимоотношений личности и государства, правового статуса человека и гражданина, принципы общественного, государственного и территориального устройства страны, социально-экономических отношений, организации системы государственной власти и местного самоуправления относятся к отрасли права, которая носит название «Конституционное» [2, с. 5].

Говоря о конституционном праве, В. В. Никулин и А. В. Пчелинцев определяют его в качестве ведущей отрасли в системе российского права, в силу чего, – по мнению авторов, – «оно является юридической основой для всех других отраслей права» [4, с. 3]. Е. В. Осиночкина отмечает, что термином «конституционное право» в юридической науке обозначают отрасль национального права (систему действующих правовых норм) в рамках конкретного государства [5].

Можем предположить, что изучение и понимание конституционного права Российской Федерации является необходимым условием для успешного изучения других отраслей права (гражданское, административное, семейное и т. д.).

Хотелось бы подробнее остановиться на таком понятии, как «конституционализация». В общем смысле – это процесс закрепления тех или иных правовых норм в Конституции. В отечественной правовой науке одним из первых об этом понятии еще в 2001 году высказался советский и российский правовед Ю. А. Тихомиров в своей работе «Коллизионное право» [Цит. по: 6, с. 189]. Он задавался несколькими вопросами, в числе которых роль законодательной власти, конституционной юстиции в процессах конституционализации; взаимосвязь между конституционализацией источников права и улучшением демократических процедур; результативность и эффективность конституционализации различных отраслей права, влияние конституционных норм на административное, финансовое, налоговое, социальное, уголовное право; воздействие конституционализации на модернизацию правового порядка (взглядов, концепций, механизмов

* **Горбенко Павел Дмитриевич –** аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт», Советник Управления по связям с представительными и исполнительными органами власти префектуры Центрального административного округа г. Москвы, Москва, Российская Федерация. E-mail: pvl.gorbenko@gmail.com

или процедур рассмотрения дел и статусов граждан в отраслях гражданского и социального права), его укрепление или усложнение, унификацию правопорядка (стирание границ между публичным и частным правом) [там же]. Все эти перечисленные вопросы означали лишь одно – необходимость более детальной проработки и углубленного изучения феномена «конституционализация».

Стоит отменить, что и сегодня ученные спорят о природе «конституционализации» и о наиболее подходящем к нему определении.

Так, Н. М. Добрынин определяет понятие «конституционализация» как в теоретическом, так и в практическом ключе. В первом случае – это «система политико-правовых знаний, доктрина, которая, основываясь на идеях и ценностях демократии, предполагает ограничение государственной публичной власти правом» [1, с. 26]. Во втором – это «сложившийся в определенном государстве политико-правовой режим ограничения публичной власти конституцией на основе соответствующих идей и ценностей, а также институтов и отношений» [там же].

В своей работе «Концепт «конституционализация» в исследовании политических партии» А. В. Курочкин также говорит о неоднозначности трактовки рассматриваемого нами понятия. «Большинство исследователей полагают, что конституционализация проявляется в обретении определенными правовыми явлениями усовершенствованной юридической формы… Другие ученые раскрывают в плоскости конституционализации не любой процесс обретения правовых форм, а лишь образование соответствующих конституционно-правовых институтов...» [3, с. 24].

В свою очередь, К. В. Чепрасов рассматривает конституционализацию «не только как процесс приведения норм иных отраслей права в соответствие с Конституцией Российской Федерации, но и как процесс ориентирующего и системного воздействия норм и принципов Конституции Российской Федерации, конституционного права в целом на определенные общественные отношения в рамках признанной природы этих норм и принципов как базовых, требующих развития нормами и принципами иных отраслей права» [7, с. 6].

В целом, наличие разных подходов и точек зрения к изучению конституционализации говорит о том, что именно данный процесс можно считать актуальным и одним из наиболее популярным в России, начиная с января 2020 года и продолжающегося по сегодняшний день.

Все началось с неожиданной отставки всего кабинета министров 15 января 2020 года, сразу после Послание Президента Федеральному Собранию. Именно тогда Владимиром Владимировичем Путиным был обозначен комплекс изменений, связанных с перераспределением своих полномочий, Государственной Думы и Совета Федерации.

По сути, Президент объявил о внесении поправок к Конституции Российской Федерации, а уже с 4 июля 2020 года поправки, одобренные в ходе общероссийского голосования, вступили в силу. В тот момент говорилось много о необходимости усиления роли федерального парламента, о контролирующей его функции и, в частности, про закрепления в Конституции, т.е. про конституционализацию, функцию так называемого парламентского контроля. Здесь стоит отметить введение новой статьи конституции, а именно статья 103.1 Конституции Российской Федерации, в которой прописана одна из основных функций законодательного органа власти Российской Федерации – парламентский контроль.

Как видим, конституционализация в системе науки конституционного права Российской Федерации стала особенно актуальна в последние годы, что подтверждают примеры из современной отечественной правовой практики. Множество определений, трактовок и подходов к изучению данного явления дает возможность для более детального и глубокого его изучения.

Библиографический список

1. *Добрынин Н. М.* Конституционализм, конституция России и конституционализация российского права: несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик // Государство и право. 2020. № 4. С. 25–37

2. Конституционное право в определениях, таблицах и схемах. Учебное пособие. В 2 ч. Ч. 1 // Л. С. Булгакова, О. А. Гуреева, М. Б. Кабанова, В. В. Лавров, Я. К. Чепенко; под общ. ред. Я. К. Чепенко. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. 75 с.

3. *Курочкин А. В.* Концепт «конституционализация» в исследовании политических партий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 2 (52). С. 23–28.

4. *Никулин В. В., Пчелинцев А. В.* Конституционное право России: учебное пособие. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2019. 80 с.
5. *Осиночкина Е. В.* О Конституционное право: учебное пособие. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2012. 275 с.
6. *Плотникова И. Н.* «Конституционализация»: к вопросу о понятии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, Вып. 2. С. 188–197.
7. *Чепрасов К. В.* Конституционализация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: сущность, развитие, конституционно-судебное влияние: дис. …канд. юрид. наук: 12.00.02. Челябинск, 2015. 246 с.

Для цитирования: *Горбенко П.Д.* Понятие конституционализации в системе науки конституционного права Российской Федерации // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 190 – 192.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_190

THE CONCEPT OF CONSTITUTIONALIZATION IN THE SYSTEM OF SCIENCE OF CONSTITUTIONAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pavel D. Gorbenko*

Annotation. *The article is devoted to the study of the concept of «constitutionalization» and the analysis of various approaches to its definition. The paper shows different points of view on the problem of institutionalization in the system of the science of constitutional law of the Russian Federation. The importance of further study and development of the concept of constitutionalization for improving the legal order in Russia is emphasized.*

Keywords: *Constitution, constitutional system, constitutional law, constitutionalization, constitutionalization of Russian law.*

Nowadays, the development of domestic legal science does not stand still. For the Russian Federation, the third decade of the 21st century is a time of global restructuring of economic and political blocs, transformation of civil society and, of course, legislation. Obviously, any significant changes in the legal field of any state can begin with changes related to the constitutional system, as well as, for example, with amendments to the basic law – the Constitution.

In science, the set of legal norms that consolidate in the constitution and constitutional legislation the foundations of the relationship between the individual and the state, the legal status of man and citizen, the principles of the social, state and territorial structure of the country, socio-economic relations, the organization of the system of state power and local self-government belong to the branch of law, which is called "Constitutional" [2, p. 5].

Speaking about constitutional law, V. V. Nikulin and A. V. Pchelintsev define it as the leading branch in the system of Russian law, which is why, according to the authors, "it is the legal basis for all other branches of law" [4, p. 3]. E. V. Osinochkina notes that the term "constitutional law" in legal science refers to a branch of national law (a system of existing legal norms) within a particular state [5].

We can assume that the study and understanding of the constitutional law of the Russian Federation is a prerequisite for the successful study of other branches of law (civil, administrative, family, etc.).

I would like to elaborate on the concept of "constitutionalization." In a general sense, it is the process of consolidating certain legal norms in the Constitution. In Russian legal science, Soviet and Russian jurist Yu.A. Tikhomirov was one of the first to speak about this concept back in 2001 in his work "Conflict of Laws" [Cit. according to: 6, p. 189]. He asked several questions, including the role of the legislature and constitutional justice in the processes of constitutionalization; the relationship between the constitutionalization of sources of law and the improvement of democratic procedures.; the effectiveness and effectiveness of the constitutionalization of various branches of law, the impact of constitutional norms on administrative, financial, tax, social, and criminal law; the impact of constitutionalization on the modernization of the legal order (views, concepts, mechanisms, or procedures for reviewing cases and statuses of citizens in the branches of civil and social law), its strengthening or complication, and the unification of law and order (blurring borders between public and private law) [ibid.]. All these listed issues meant only one thing – the need for a more detailed study and in-depth study of the phenomenon of "constitutionalization".

It should be noted that even today scientists are arguing about the nature of "constitutionalization" and the most appropriate definition for it.

Thus, N. M. Dobrynin defines the concept of "constitutionalization" both theoretically and practically. In the first case, it is "a system of political and legal knowledge, a doctrine that, based on the ideas and values of democracy, presupposes the limitation of state public authority by law" [1, p. 26]. In the second case, it is "the political and legal regime that

* **Gorbenko Pavel Dmitrievich –** Postgraduate student of Law Institute, Advisor to the Office of Relations with Representative and Executive Authorities of the Prefecture The Central Administrative District of Moscow, Moscow, Russian Federation. E-mail: pvl.gorbenko@gmail.com

has developed in a certain state to limit public power by the constitution on the basis of relevant ideas and values, as well as institutions and relations" [ibid.].

In his work "The concept of "constitutionalization" in the study of political parties," A.V. Kurochkin also talks about the ambiguity of the interpretation of the concept we are considering. "Most researchers believe that constitutionalization manifests itself in the acquisition of an improved legal form by certain legal phenomena ... Other scientists do not reveal any process of acquiring legal forms in the plane of constitutionalization, but only the formation of appropriate constitutional and legal institutions..." [3, p. 24].

In turn, K. V. Cheprasov considers constitutionalization "not only as a process of bringing the norms of other branches of law into line with the Constitution of the Russian Federation, but also as a process of orienting and systemic influence of the norms and principles of the Constitution of the Russian Federation, constitutional law in general, on certain public relations within the recognized nature of these norms and principles as basic, requiring development of norms and principles of other branches of law" [7, p. 6].

In general, the presence of different approaches and points of view to the study of constitutionalization suggests that this particular process can be considered relevant and one of the most popular in Russia, starting in January 2020 and continuing to the present day.

It all started with the unexpected resignation of the entire cabinet on January 15, 2020, immediately after the President's Address to the Federal Assembly. It was then that Vladimir Vladimirovich Putin outlined a set of changes related to the redistribution of his powers, the State Duma and the Federation Council.

In fact, the President announced amendments to the Constitution of the Russian Federation, and on July 4, 2020, the amendments approved during the nationwide vote entered into force. At that moment, there was a lot of talk about the need to strengthen the role of the federal parliament, about its controlling function, and, in particular, about enshrining in the Constitution, i.e., about constitutionalization, the function of so-called parliamentary control. It is worth noting the introduction of a new article of the Constitution, namely article 103.1 of the Constitution of the Russian Federation, which prescribes one of the main functions of the legislative authority of the Russian Federation – parliamentary control.

As we can see, constitutionalization in the system of the science of constitutional law of the Russian Federation has become especially relevant in recent years, which is confirmed by examples from modern domestic legal practice. Many definitions, interpretations and approaches to the study of this phenomenon provide an opportunity for a more detailed and in-depth study of it.

Bibliographic list

1. *Dobrynin N. M.* Constitutionalism, the Constitution of Russia and the constitutionalization of Russian law: several theses on the conjunction of meanings and legal practices // State and Law. 2020. No. 4. pp. 25–37

2. Constitutional law in definitions, tables and diagrams. The training manual. In 2 hours of Part 1 // L. S. Bulgakova, O. A. Gureeva, M. B. Kabanova, V. V. Lavrov, Ya. K. Chepenko; under the general editorship of Ya. K. Chepenko. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. 75 p.

3. *Kurochkin A.V.* The concept of "constitutionalization" in the study of political parties // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 14. No. 2 (52). pp. 23–28.

4. *Nikulin V. V., Pchelintsev A.V.* Constitutional law of Russia: the training manual. Tambov: Publishing Center of FSBEI HE "TSTU", 2019. 80 p

5. *Osinochkina E. V*. On Constitutional law: a textbook. Orenburg: Orenburg State University, 2012. 275 p.

6. *Plotnikova I. N.* "Constitutionalization": on the question of the concept // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2021. Vol. 21, Issue. 2. Pp. 188–197.

7. *Cheprasov K. V.* Constitutionalization of interaction between federal executive authorities and executive authorities of subjects of the Russian Federation: essence, development, constitutional and judicial influence: dis. ...kand. jurid. sciences': 12.00.02. Chelyabinsk, 2015. 246 p.

For citation: *Gorbenko P.D.* The concept of constitutionalization in the system of science of constitutional law of the Russian Federation // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46) . – P. 192 – 193.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_190

Научная статья

УДК: 342
ББК: 67.400
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_194

С.В. Евсеенкова*

ЛИФТОВАЯ ОТРАСЛЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИ ПРИОРИТЕТНЫЙ СЕКТОР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье обосновывается целесообразность отнесения лифтовой отрасли к числу стратегических и приоритетных секторов национальной экономики Российской Федерации. Рассматривается системная роль отрасли в обеспечении безопасности, энергоэффективности и комфорта жилищно-коммунального хозяйства, а также ее влияние на смежные сектора промышленности. Проведен анализ текущего состояния лифтового парка России, выявлены ключевые структурные проблемы, такие как высокий уровень износа, зависимость от импорта критически важных компонентов и дефицит квалифицированных кадров. В контексте современных геоэкономических вызовов и задач национальной безопасности особое внимание уделяется вопросам импортозамещения и развития отечественной производственно-технологической базы. Сделан вывод о том, что комплексное развитие лифтовой отрасли является неотъемлемым условием повышения качества жизни граждан, технологического суверенитета и устойчивого роста российской экономики в долгосрочной перспективе.*

Ключевые слова: *лифтовая отрасль России, стратегический сектор экономики, жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), импортозамещение, технологический суверенитет, безопасность лифтов, цифровая трансформация.*

Стратегические отрасли экономики Российской Федерации – в первую очередь те, где используются секретные разработки и технологии. Стратегически значимыми следует считать объединяющие страну отрасли экономики, позволяющие ей развиваться и обеспечивать национальную безопасность. Некоторые примеры стратегических отраслей: оборонно – промышленный комплекс (разработка и производство военной техники, вооружения, боеприпасов); космическая и авиационная промышленность; добыча полезных ископаемых (нефть, газ); атомная энергетика.

При этом мировая практика показывает, что даже оборонные и космические предприятия могут быть в частном ведении. Активы таких предприятий привлекательны для бизнеса, их использование способствует извлечению высокой прибыли и развитию бизнеса.

Стратегические отрасли экономики, имеющие существенное значение для сохранения суверенитета и обороноспособности страны, находятся под особым вниманием государства, в отношении них расширены финансовые преференции, меры государственной поддержки, включая дополнительные субсидии как производителям, так и потребителям такой продукции.

Кроме того, связанные с обеспечением технологического суверенитета страны, тринадцать отраслей росссийской экономики постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023г. № 603 "Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организа-

* **Евсеенкова Светлана Васильевна** – руководитель Департамента специальных проектов ФАУ «РосКапСтрой», вице-президент Евразийской Лифтовой Ассоциации. E-mail: svet@epage.ru

циям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации" (далее – постановление № 603) [1] определены в качестве приоритетных. Постановлением № 603 к приоритетным отнесены в том числе станкостроение и тяжелое машиностроение, авиационная, автомобильная, судостроительная, энергетическая, электронная и электротехническая отрасли.

Включенные в перечень, утвержденный постановлением № 603, отрасли также могут рассчитывать на особые условия по банковским кредитам, активное соучастие со стороны госинститутов.

Лифты – это транспорт, которым ежедневно пользуются сотни тысяч россиян, проживающие в многоквартирных домах высотной застройки. Лифт сравнивают с автомобилем, который при качественном монтаже и сервисном обслуживании может претендовать на звание самого безопасного вида транспорта.

Лифтовая отрасль выделялась в качестве приоритетной еще с советских времен: 1 февраля 1949 г. Советом Министров Союза ССР было издано постановление № 433 «Об организации производства лифтов» [2] в целях удовлетворения нужд народного хозяйства в лифтах и создания производственной базы для их изготовления.

В этой связи лифтовую отрасль следует отнести к числу стратегических отраслей российской экономики наравне с транспортом, энергетикой, производством космической и авиационной техники.

Основные критерии отнесения отрасли к стратегическим и приоритетным.

Для того, чтобы признать отрасль стратегически значимой для российской экономики, она должна соответствовать определяющим критериям:

1. Значимость для национальной безопасности. Отрасль должна обеспечивать выпуск продукции, которая поддерживает безопасность и обороноспособность страны.

Лифтовая отрасль производит продукцию двойного назначения – для гражданских объектов (многоквартирные дома, объекты социального, культурного и бытового назначения) и для оборонно-промышленного комплекса (различные специализированные платформы применяются при производстве габаритных изделий военно-оборонного и космического назначения, в том числе военной техники, вооружений, самолетов и космических аппаратов), а также подъемно-транспортное оборудование, находящееся на вооружении подразделений МЧС.

Специализированные лифтостроительные отечественные заводы выпускают сегодня промышленные лифты и подъемные платформы, без применения которых невозможна деятельность, в том числе оборонных и космических предприятий. Указанные лифты имеют собственную интеллектуальную систему управления, могут применяться для шахт с нестандартными размерами. Сегодня специализированные лифты используются в стратегически значимых российских аэропортах, таких, например, как аэропорт Нерюнгри, который является федеральным аэропортом в Якутии, обеспечивающем авиасообщение с главными городами России и, одновременно, запасным аэропортом на трансконтинентальных международных маршрутах из Северной Америки в Азию.

2. Влияние на смежные отрасли, то есть показатели стратегической отрасли должны существенно влиять на развитие других секторов экономики.

Лифтовая отрасль является неотъемлемой частью инфраструктуры современного строительства и играет ключевую роль в обеспечении безопасности, комфорта и доступности объектов недвижимости. Лифтовые системы обеспечивают вертикальную мобильность в жилых, общественных и промышленных зданиях, что напрямую влияет на качество жизни граждан и функциональность городской среды. В этой связи отмечается, что развитие инфраструктуры, в том числе транспорта и коммуникаций невозможно без применения высокотехнологичного оборудования (такого как лифты, эскалаторы, подъемные платформы для инвалидов, пассажирские конвейеры), оборудованного системой навигации в целях контроля технического состояния подъемного оборудования в течение всего жизненного цикла.

В свою очередь, оборудование системами навигации лифтов влияет на развитие цифровых и навигационных систем.

Кроме того, развитие лифтовой отрасли оказывает положительное влияние на обеспечение функциональной доступности мобильной среды для всех групп населения, включая мало-

мобильные, а также на обеспечение социальной устойчивости и безопасности городской среды. Так, по данным Росстата в 2023 году в только в Москве насчитывалось около 1,2–1,3 млн маломобильных граждан (включая людей с инвалидностью и временно травмированных). К 2025 году отмечается существенный рост этой категории населения, что потребует значительного количества подъемных платформ для маломобильных граждан в целях оборудования доступной среды в городах.

3. Экономическая значимость. Отрасль должна играть важную роль в экономике страны по объёму производства, численности занятых, инвестициям и другим показателям.

По информации Минпромторга России по состоянию на первое полугодие 2025 г. производственные мощности крупных российских производителей лифтовой продукции позволяют выпускать более 65 тысяч лифтов ежегодно. Порядка 60 тысяч лифтов в год требуется для оснащения лифтами новых объектов капитального строительства и замены вышедших за срок эксплуатации лифтов.

Профессиональное сообщество лифтовой отрасли Российской Федерации включает в себя разработчиков конструкторских, проектных решений и производителей лифтового оборудования, в том числе работников заводов – изготовителей лифтов и комплектующих деталей, экспертное сообщество. Количество специалистов, непосредственно занятых при производстве, монтаже, эксплуатации и обслуживании лифтового оборудования составляет в настоящее время более 150 тысяч человек.

На сегодняшний день в Российской Федерации более 30 заводов-изготовителей лифтов, часть из которых являются компаниями полного цикла, оказывающими заказчикам услуги от проектирования, производства и монтажа до технического обслуживания и замены систем вертикального транспорта (лифтов, эскалаторов и траволаторов). Лифтовые заводы локализованы как в Москве и Санкт-Петербурге, так и в других регионах России (например, ЕОНЕССИ – г. Красноярск; ТАТЛИФТ – г. Казань, ТЛЗ – г. Тюмень, КУЗБАСС/ЛИФТ – г. Кемерово).

Кроме того, развитие такой стратегической отрасли как инфраструктура, являющейся фундаментом любой экономической модели и главным фактором в улучшении инвестиционного климата и успешном привлечении инвестиций, невозможно без применения лифтового оборудования.

Роль государства в развитии стратегически значимых отраслей.

В поддержке государства нуждаются институты и механизмы, которые помогут частному сектору увеличить инвестиции в инфраструктуру, в том числе в транспорт и ЖКХ, одновременно с государством.

Внимание государства к лифтовой отрасли будет стимулировать иностранных инвесторов пересмотреть свои инвестиционные приоритеты в российской экономике, включив в них лифтовую сферу.

Государство имеет основополагающее значение в вопросах развития стратегических и приоритетных отраслей экономики:

реализуются мероприятия по финансированию исследований и разработок;

реализуются мероприятия по стимулированию инноваций, поощрению внедрения новых материалов, продуктов, процессов, методов управления;

реализуются мероприятия по созданию благоприятных условий для предприятий (например, по предоставлению налоговых льгот и субсидий).

Лифтовая отрасль в настоящее время очень перспективна для инвесторов, поскольку у нас на рынке сейчас преобладают импортные частотные преобразователи, лебедки и микроэлектроника. Лифтостроению не хватает отечественной элементной базы – от микроэлектроники до релейно-контакторной аппаратуры. Нужно развивать свою конкурентоспособность и вкладываться в разработку и формирование промышленно-технологической базы по выпуску отечественной микроэлектроники. Но любые НИОКР необходимо финансировать, и очевидно, что без выделения государством средств в этом вопросе не обойтись.

Включение лифтовой отрасли в перечень стратегически значимых приоритетных отраслей российской экономики будет способствовать созданию новых технологий в системе отечественного лифтостроения, а также придаст дополнительное стимулирование процессу замены изношенного лифтового парка в жилом фонде и на объектах социального, культурно-спортивного назначения.

В этой связи целесообразно все без исключения лифты и подъемные платформы, а также движущиеся дорожки и эскалаторы, включая платформы для маломобильных граждан, объединить и присвоить им новый единый ОКВЭД в Общероссийском классификаторе продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008), утвержденном и введенном в действие приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст, с последующим его включением в перечень стратегически значимых отраслей российской экономики.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 N 603 (ред. от 06.11.2024) "Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации". // www.consultant.ru

2. Постановление Совмина СССР от 01.02.1949 N 433 (ред. от 20.01.1967). "Об организации производства лифтов". Документ утратил силу или отменён. // www.consultant.ru

Для цитирования: *Евсеенкова С.В.* Лифтовая отрасль как стратегически приоритетный сектор российской экономики: вызовы и перспективы развития // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 194 – 197.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_194

ELEVATOR INDUSTRY AS A STRATEGICALLY PRIORITY SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY: CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Svetlana V. Evseenkova*

Annotation. *The article substantiates the expediency of classifying the elevator industry as one of the strategic and priority sectors of the national economy of the Russian Federation. The article considers the systemic role of the industry in ensuring the safety, energy efficiency and comfort of housing and communal services, as well as its impact on related industrial sectors. The analysis of the current state of the Russian elevator fleet has been carried out, key structural problems have been identified, such as a high level of wear and tear, dependence on imports of critical components and a shortage of qualified personnel. In the context of modern geo-economic challenges and tasks of national security, special attention is paid to the issues of import substitution and the development of the domestic production and technological base. It is concluded that the comprehensive development of the elevator industry is an essential condition for improving the quality of life of citizens, technological sovereignty and sustainable growth of the Russian economy in the long term.*

Keywords: *Russian elevator industry, strategic economic sector, housing and communal services (housing and communal services), import substitution, technological sovereignty, elevator safety, digital transformation.*

The strategic sectors of the economy of the Russian Federation are primarily those where secret developments and technologies are used. The sectors of the economy that unite the country, allowing it to develop and ensure national security, should be considered strategically important. Some examples of strategic industries are: the military-industrial complex (development and production of military equipment, weapons, ammunition); space and aviation industries; mining (oil, gas); nuclear energy.

At the same time, world practice shows that even defense and space enterprises can be privately managed. The assets of such enterprises are attractive to businesses, and their use contributes to generating high profits and business development.

Strategic sectors of the economy that are essential for preserving the country's sovereignty and defense capability are under special state attention, and financial preferences and government support measures have been expanded for them, including additional subsidies to both producers and consumers of such products.

* **Evseenkova Svetlana Vasilyevna** – Head of the Department of Special Projects at FAA RosKapStroy, Vice-President of the Eurasian Elevator Association. E-mail: svet@epage.ru

In addition, thirteen branches of the Russian economy are related to ensuring the technological sovereignty of the country by decree of the Government of the Russian Federation dated April 15, 2023. No. 603 "On Approval of Priority Areas for Projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation and Regulations on the Conditions for Classifying Projects as Projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation, on Providing Information on Projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation and Maintaining a register of these Projects, as well as on the Requirements for organizations, authorized to submit opinions on the compliance of projects with the requirements for projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation" (hereinafter referred to as Resolution No. 603) [1] are identified as priorities. Resolution No. 603 prioritizes machine tool and heavy machinery, aviation, automotive, shipbuilding, energy, electronic and electrical industries.

Industries included in the list approved by Resolution No. 603 can also count on special conditions for bank loans and active participation from state institutions.

Elevators are vehicles used daily by hundreds of thousands of Russians living in high-rise apartment buildings. An elevator is compared to a car, which, with high-quality installation and maintenance, can claim to be the safest mode of transport.

The elevator industry has been a priority since Soviet times: on February 1, 1949, the Council of Ministers of the USSR issued Resolution No. 433 "On the organization of elevator production" [2] in order to meet the needs of the national economy in elevators and create a production base for their manufacture.

In this regard, the elevator industry should be considered one of the strategic sectors of the Russian economy, along with transport, energy, and the production of space and aviation equipment.

The main criteria for classifying the industry as strategic and priority.

In order to recognize the industry as strategically important for the Russian economy, it must meet the defining criteria:

1. Importance for national security. The industry must ensure the production of products that support the security and defense capability of the country.

The elevator industry produces dual–use products for civilian facilities (apartment buildings, social, cultural and residential facilities) and for the military-industrial complex (various specialized platforms are used in the production of large-size military-defense and space products, including military equipment, weapons, aircraft and spacecraft), as well as lifting and transport equipment in service with the units of the Ministry of Emergency Situations.

Specialized domestic elevator-building plants today produce industrial elevators and lifting platforms, without which it is impossible to operate, including defense and space enterprises. These elevators have their own intelligent control system and can be used for shafts with non-standard dimensions. Today, specialized elevators are used at strategically important Russian airports, such as Neryungri Airport, which is a federal airport in Yakutia, providing flights to the main cities of Russia and, at the same time, a backup airport on transcontinental international routes from North America to Asia.

2. Impact on related industries, that is, the indicators of a strategic industry should significantly influence the development of other sectors of the economy.

The elevator industry is an integral part of the infrastructure of modern construction and plays a key role in ensuring the safety, comfort and accessibility of real estate. Elevator systems provide vertical mobility in residential, public and industrial buildings, which directly affects the quality of life of citizens and the functionality of the urban environment. In this regard, it is noted that the development of infrastructure, including transport and communications, is impossible without the use of high-tech equipment (such as elevators, escalators, lifting platforms for the disabled, passenger conveyors) equipped with a navigation system to monitor the technical condition of lifting equipment throughout its life cycle.

In turn, elevator navigation systems are influencing the development of digital and navigation systems.

In addition, the development of the elevator industry has a positive impact on ensuring the functional accessibility of the mobile environment for all groups of the population, including those with limited mobility, as well as on ensuring the social sustainability and safety of the urban environment. Thus, according to Rosstat, in 2023 in Moscow alone there were about 1.2–1.3 million people with limited mobility (including people with disabilities and temporarily injured). By 2025, there is a significant increase in this category of the population, which will require a significant number of lifting platforms for people with limited mobility in order to provide an accessible urban environment.

3. Economic importance. The industry should play an important role in the country's economy in terms of production, employment, investment, and other indicators.

According to the Ministry of Industry and Trade of Russia, as of the first half of 2025, the production capacities of large Russian manufacturers of elevator products can produce more than 65,000 elevators annually. About 60,000 elevators per year are required to equip new capital construction facilities with elevators and replace elevators that have expired.

The professional community of the elevator industry of the Russian Federation includes developers of engineering and design solutions and manufacturers of elevator equipment, including employees of factories manufacturing elevators and components, and the expert community. The number of specialists directly involved in the production, installation, operation and maintenance of elevator equipment is currently more than 150,000 people.

To date, there are more than 30 elevator manufacturing plants in the Russian Federation, some of which are full-service companies providing services to customers from design, production and installation to maintenance and replace-

ment of vertical transport systems (elevators, escalators and travelators). Elevator plants are located both in Moscow and St. Petersburg, as well as in other regions of Russia (for example, EONESSI – Krasnoyarsk; TATLIFT – Kazan, TLZ – Tyumen, KUZBASS/ELEVATOR – Kemerovo).

In addition, the development of such a strategic industry as infrastructure, which is the foundation of any economic model and the main factor in improving the investment climate and successfully attracting investments, is impossible without the use of elevator equipment.

The role of the state in the development of strategically important industries.

State support is needed by institutions and mechanisms that will help the private sector increase investments in infrastructure, including transport and housing, at the same time as the state.

The government's attention to the elevator industry will encourage foreign investors to reconsider their investment priorities in the Russian economy, including the elevator sector.

The state is of fundamental importance in the development of strategic and priority sectors of the economy:

Measures are being implemented to finance research and development;

Measures are being implemented to stimulate innovation, encourage the introduction of new materials, products, processes, and management methods.;

Measures are being implemented to create favorable conditions for enterprises (for example, to provide tax incentives and subsidies).

The elevator industry is currently very promising for investors, as our market is now dominated by imported frequency converters, winches and microelectronics. The elevator industry lacks a domestic element base, from microelectronics to relay–contactor equipment. We need to develop our competitiveness and invest in the development and formation of an industrial and technological base for the production of domestic microelectronics. But any R&D needs to be funded, and it is obvious that the government cannot do without allocating funds in this matter.

The inclusion of the elevator industry in the list of strategically important priority sectors of the Russian economy will contribute to the creation of new technologies in the domestic elevator construction system, as well as provide additional incentives for the process of replacing worn-out elevator equipment in housing and social, cultural and sports facilities.

In this regard, it is advisable to combine all elevators and lifting platforms, as well as moving walkways and escalators, including platforms for people with limited mobility, and assign them a new unified OKVED in the All-Russian Classifier of Products by Type of Economic Activity (OKPD2) OK 034-2014 (KPES 2008), approved and put into effect by Rosstandart order dated January 31. 2014 No. 14-ct, with its subsequent inclusion in the list of strategically important sectors of the Russian economy.

Bibliographic list

1. Decree of the Government of the Russian Federation of 04/15/2023 N 603 (ed. dated 11/06/2024) "On approval of priority areas for Projects of Technological sovereignty and Projects of structural adaptation of the Economy of the Russian Federation and Regulations on the Conditions for Classifying Projects as Projects of Technological Sovereignty and Projects of Structural Adaptation of the Economy of the Russian Federation, on Providing information on projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the Economy of the Russian Federation and maintaining a register of these projects, as well as on the requirements to organizations, authorized to submit opinions on the compliance of projects with the requirements for projects of technological sovereignty and projects of structural adaptation of the economy of the Russian Federation." // www.consultant.ru

2. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 02/01/1949 N 433 (as amended on 01/20/1967). "On the organization of elevator production". The document is invalid or cancelled. // www.consultant.ru

For citation: *Evseenkova S.V.* Elevator industry as a strategically priority sector of the Russian economy: challenges and development prospects // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 197 – 199.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_194

Научная статья

УДК: 342.734
ББК: 67.405
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_200

Е.Г. Копалкина*

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПЕНСИОННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу реализации социальных и пенсионных прав осужденных и той функции в этом процессе, которую выполняют омбудсмен в силу своего особого конституционно-правового статуса. Представлена статистическая информация о количестве и основной тематике поступающих обращений от граждан, находящихся в местах лишения свободы, в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченного по правам человека в Иркутской области, в том числе по вопросам пенсионного и социального обеспечения, за 2022–2024 годы. Анализ организационных и законодательных проблем реализации права на пенсионное и социальное обеспечение позволяет определить особенности социальной защиты осужденных в современных условиях и пути дальнейшей ее оптимизации.*

Ключевые слова: *социальное обеспечение, пенсия, социальные выплаты, Уполномоченный по правам человека, Иркутская область, осужденные, пособие, общественный контроль, социальные гарантии, социальная защита.*

Понятие социальной защиты осужденных раскрывается в Положении о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы, утв. Приказом Минюста РФ от 30.12.2005 № 262. *Социальная защита осужденных в исправительном учреждении* представляет собой комплексную деятельность по оказанию им социальной помощи и поддержки, создающей предпосылки для их исправления в период отбывания наказания и ресоциализации после освобождения, оказанию содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобождаемым из мест лишения свободы. Социальная помощь оказывается всем осужденным, в первую очередь инвалидам, престарелым, пенсионерам, лицам, переведенным из воспитательных колоний, беременным женщинам, женщинам, имеющим при себе детей, несовершеннолетним, лицам, больным неизлечимыми или трудноизлечимыми болезнями, не имеющим определенного места жительства, утратившим родственные связи, страдающим алкогольной или наркотической зависимостью.

Важнейшей формой социальной защиты является *социальное обеспечение* (социальные пособия, пенсии, компенсации и др.) в период временной нетрудоспособности, инвалидности, беременности и родов, производственной травмы, старости или смерти члена семьи и др. [1, с. 33]. Право на социальное обеспечение осужденные имеют *на общих основаниях* в соответствии с ч. 7 ст. 12 и ч. 1, 2 ст. 98 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Современным пенитенциарным законодательством закреплены важнейшие принципы социальной защиты и прав осужденных: законность, гуманизм, равенство, справедливость и др. [8, с. 212], выступающие как общеправовые нормы-принципы, через которые, по мнению исследователя Ю.Б. Корсаненковой, прослеживается определенная взаимосвязь уголовного права и права социального обеспечения [5, с. 71].

На соблюдение и восстановление социальных и пенсионных прав, осужденных сегодня в первую очередь направлена деятельность *общественной наблюдательной комиссии [7, с. 18]*

* **Копалкина Евгения Геннадьевна** – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии, Байкальский государственный университет (Иркутск). E-mail: kopalkina2017@list.ru

и Уполномоченного по правам человека [10, с. 55]. Как показывает исследование И. В. Чечельницкого, в современном обществе обострена проблема справедливости, больше понимаемая гражданами в *правочеловеческом контексте*, и создание института Уполномоченного по правам человека в нашей стране «во многом стало соразмерным ответом на возросший в конце XX столетия запрос общества на социальную справедливость» [10, с. 58], который «силу своего уникального конституционно-правового статуса способен подняться над формальными догмами законодательства и посмотреть на правовую коллизию шире, с точки зрения социальной справедливости» [10, с. 59]. Основным результатом его деятельности являются восстановление нарушенных прав и совершенствование законодательства.

Большой массив обращений в защиту своих прав поступают *от граждан, находящихся в местах принудительного содержания*. Согласно публичным докладам о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в 2022 году поступило 4 938 таких обращений, в 2023 году – 3 962, в 2024 году – 2 857, что на 42,14 % меньше, чем в 2022 году (см. рис. 1). Как отмечается Т.Н. Москальковой, такая тенденция обусловлена результатами работы органов государственной власти по улучшению условий содержаний лиц в учреждениях уголовно-исполнительной системы (содействие в переводе поближе к месту жительства родственников, привлечение к труду, медицинское обеспечение, обжалование действий сотрудников УИС и др.).

Рис. 1. Количество и основная тематика обращений в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2022–2024 годы [3]

В целом же обращения по вопросам реализации *права на социальное обеспечение* находятся на третьем месте среди всех обращений, поступивших в адрес Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (после гуманитарных вопросов СВО и прав человека в уголовном процессе), и к 2024 году практически увеличились *в 1,5 раза* (в 2022 году – 4 843, в 2023 году – 6 203, в 2024 году – 7 298).

Реализация осужденными права на социальное обеспечение позволяет не только удовлетворять свои жизненные потребности (приобретение продуктов питания, предметы первой необходимости и др.) [9, с. 17], но и выполнять имеющиеся обязательства – перечислять алименты, возмещать ущерб, причиненный преступлением, а также иные долговые обязательства, в том числе по содержанию жилых помещений.

Согласно статистической информации, представленной в публичных ежегодных отчетах Уполномоченного по правам человека в Иркутской области около 15–16 % от общего числа осужденных получают пенсию или иные социальные выплаты (см. табл. 1).

Таблица 1.

Динамика изменения численности лиц, получающих пенсии и иные социальные выплаты, из числа отбывающих наказание в исправительных учреждениях на территории Иркутской области за 2023–2024 годы [2]

	2024	2023
Число лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях на территории Иркутской области	6 541	6 882
Численность осужденных, получающих пенсии и иные социальные выплаты, из них:	1 053	1 034
Пенсия по инвалидности	597	601
Пенсия по старости	235	237
Пенсия по случаю потери кормильца	27	32
Социальная выплата ветерану боевых действий	125	–
Иные выплаты	69	164

В Иркутской области несмотря на снижение общего числа осужденных, динамика обращений от осужденных, которые не могут в полной мере реализовать социальные и пенсионные права, *значительно увеличилась* – в 2024 году больше на 48,1 % по сравнению с 2023 годом (+ 212,5 % по сравнению с 2022 годом, + 209,8 % по сравнению с 2021 годом). На рис. 2 представлена также основная тематика поступивших обращений от осужденных в адрес Уполномоченного по правам человека в Иркутской области: больше всего обращений по вопросам пенсионного обеспечения, инвалидности (освидетельствования для установления группы, внесения изменений в ИПРА, своевременное получение ТСР), дополнительных гарантий по социальной защите жилищных прав лиц из числа детей-сирот и получения пособия по временной нетрудоспособности.

Рис. 2 Количество поступивших обращений от осужденных в адрес Уполномоченного по правам человека в Иркутской области в целях соблюдения и восстановления социальных и пенсионных прав за 2023–2024 годы [2]

Основными проблемами, выявленными в ходе рассмотрения региональным омбудсменом обращений, являются:

– *неоткрытие листка временной нетрудоспособности* осужденному, 1) освобожденному медицинским работником от работы в связи с заболеванием, 2) при направлении в больницу на обследование в связи с подозрениями на обострение социально значимого заболевания;

– *несвоевременное направление* бухгалтерией исправительного учреждения *сведений* в Отделение Социального фонда России по Иркутской области, необходимых для назначений и выплаты пособий по обязательному социальному страхованию.

– *неправомерные избыточные удержания* бухгалтерией исправительного учреждения денежных средств с лицевого счета осужденного 1) в нарушении нормы – не более 75 % для возмещения ущерба по исполнительным документам и расходов по его содержанию (для инвалидов 1 и 2 группы, несовершеннолетних осужденных, осужденных беременных женщин, осужденных женщин, имеющих детей домах ребенка исправительного учреждения – не более 50 %), 2) с пенсии по случаю потери кормильца, получаемой осужденным, с которой удержания не могут быть взысканы, 3) по исполнительному производству, которое уже было окончено.

Поскольку поступающие обращения региональным омбудсменом рассматриваются как свидетельство о том, что поставленные задачи перед группой социальной зашиты ГУФСИН России по Иркутской области выполняются не в полной мере, то в качестве основных рекомендаций он формулирует такие, как:

– усиление ведомственного и внутреннего контроля за деятельностью групп социальной зашиты исправительных учреждений Иркутской области;

– организация регулярного обучения специалистов групп социальной защиты осужденных в целях совершенствования и актуализации знаний и навыков, необходимых для выполнения возложенных на них задач.

На наш взгляд, если следовать концепции криминологической, уголовно-правовой и уголовно-исполнительной координационной модели взаимодействия с осужденными к лишению свободы, предложенной исследователями И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеевым, то группа социальной зашиты осужденных как структурное подразделение исправительного учреждения выполняет функции, связанные с пенсионным и социальным обеспечением, как *неприсущие* уголовно-исполнительной системе, наряду с организацией питания, обучения, бытового устройства и медицинского обслуживания [4, с. 224]. И возможно их стоит передать в полномочия новому совещательному органу – *координационному центру*, ответственному за организацию сотрудничества учреждений и органов, участвующих в работе с осужденными на весь период прибывания их в местах принудительного содержания. В целом же, проблемы реализации осужденными своих социальных и пенсионных прав связаны не только с деятельностью самих исправительных учреждений, но и с существенными пробелами в нашем законодательстве, например, при определении правового статуса осужденных в отношении их прав и обязанностей по обязательному пенсионному страхованию [6, с. 88], что хорошо показано в исследовании И.Р. Маматказина.

Библиографический список

1. *Агеева Е.В.* Подходы к роли социальной защиты населения в жизни общества и современные вызовы, стоящие перед ней // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 2. С. 33.

2. Ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Иркутской области // https://upch38.ru/

3. Ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // https://ombudsmanrf.org/

4. *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Криминологическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная координационная модель взаимодействия с осужденными к лишению свободы // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. № 2. – С. 224–232.

5. *Корсаненкова Ю.Б.* Право социального обеспечения и уголовное и уголовно-исполнительное право: межотраслевые связи // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2020. – № 6. – С. 68–86.

6. *Маматказин И.Р.* Проблемы формирования пенсионных прав лиц, осужденных к лишению свободы // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. № 3. – С. 88–100.

7. *Минстер М.В.* Общественный контроль за обеспечением прав лиц, содержащихся в местах лишения свободы: законодательство и практика реализации // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. № 6. – С. 18.

8. *Овчинников О.А.* Особенности социальной защиты осужденных в Российской Федерации и за рубежом // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 212–215.

9. *Сывороткина С.Ю.* Порядок пенсионного обеспечения лиц, осужденных к лишению свободы // Юридическая гносеология. – 2021. – № 3. – С. 15–18.

10. *Чечельницкий И.В.* Институт Уполномоченного по правам человека в Российской федерации в контексте запроса общества на социальную справедливость // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 4 (80). – С. 54–63.

Для цитирования: *Копалкина Е.Г.* Роль Уполномоченного по правам человека в реализации права на пенсионное и социальное обеспечение в местах принудительного содержания: региональный аспект // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 200 – 204.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_200

THE ROLE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE REALIZATION OF THE RIGHT TO PENSION AND SOCIAL SECURITY IN PLACES OF FORCED DETENTION: A REGIONAL ASPECT

Evgeniya G. Kopalkina[*]

Annotation. *The article is devoted to the implementation of the social and pension rights of convicts and the function in this process that the Ombudsman performs due to his special constitutional and legal status. Statistical information is provided on the number and main topic of incoming appeals from citizens in places of deprivation of liberty to the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk Region, including on pension and social security issues, for 2022–2024. The analysis of organizational and legislative problems of the realization of the right to pension and social security allows us to determine the features of social protection of convicts in modern conditions and ways to further optimize it.*

Keywords: *social security, pension, social benefits, Commissioner for Human Rights, Irkutsk region, convicts, benefits, public control, social guarantees, social protection.*

The concept of social protection of convicts is disclosed in the Regulation on the Group of Social Protection of Convicts of Correctional Institutions of the Penal System, approved by the Government of the Russian Federation. By Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 12/30/2005 No. 262. The social protection of convicts in a correctional institution is a comprehensive activity to provide them with social assistance and support, creating the prerequisites for their correction during the period of serving their sentence and re-socialization after release, providing assistance in the work and household arrangements of persons released from prison. Social assistance is provided to all convicts, primarily the disabled, the elderly, pensioners, persons transferred from educational colonies, pregnant women, women with children, minors, persons with incurable or intractable diseases who do not have a fixed place of residence, have lost family ties, and suffer from alcohol or drug addiction.

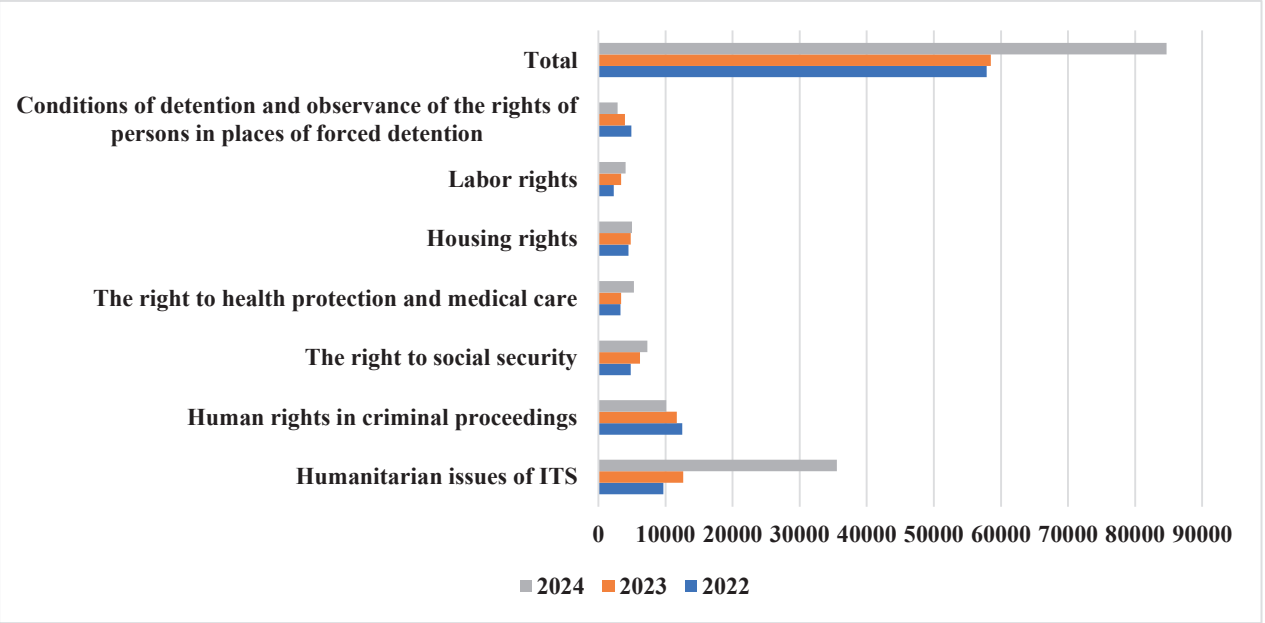
The most important form of social protection is social security (social benefits, pensions, compensations, etc.) during temporary disability, disability, pregnancy and childbirth, work injury, old age or death of a family member, etc. [1, p. 33]. Convicts have the right to social security on a general basis in accordance with Part 7 of art. 12 and Part 1, 2 of art. 98 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation.

Modern penitentiary legislation enshrines the most important principles of social protection and the rights of convicts: legality, humanism, equality, justice, etc. [8, p. 212], acting as general legal norms-principles through which, according to researcher Yu.B. Korsanenkova, a certain relationship between criminal law and social security law can be traced [5, p. 71].

Today, the activities of the public monitoring commission [7, p. 18] and the Commissioner for Human Rights [10, p. 55] are primarily aimed at observing and restoring the social and pension rights of convicts. As I. V. Chechelnitsky's research shows, the problem of justice is aggravated in modern society, which is more understood by citizens in a human rights context, and the creation of the institution of the Commissioner for Human Rights in our country «in many ways became a proportionate response to society's increased demand for social justice at the end of the 20th century» [10, p. 58], who «by virtue of his unique constitutional and legal status is able to rise above the formal dogmas of legislation and look at the legal conflict more broadly, from the point of view of social justice» [10, p. 59]. The main result of his activity is the restoration of violated rights and the improvement of legislation.

A large number of appeals in defense of their rights come from citizens who are in places of forced detention. According to public reports on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, 4,938 such appeals were received in 2022, 3,962 in 2023, and 2,857 in 2024, which is 42.14% less than in 2022 (Figure 1). As noted by T.N. According to Ms Moskalkova, this trend is due to the results of the work of state authorities to improve the conditions of detention of persons in institutions of the penal correction system (assistance in transferring relatives closer to their place of residence, employment, medical care, appealing against the actions of prison staff, etc.).

[*] **Kopalkina Evgeniya Gennadievna** – PhD, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology, Baikal State University (Irkutsk). E-mail: kopalkina2017@list.ru



In general, appeals on the implementation of the right to social security are in third place among all appeals received by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation (after humanitarian issues of human rights and human rights in criminal proceedings), and by 2024 they had practically increased 1.5 times (in 2022 – 4,843, in in 2023 – 6,203, in 2024 – 7,298).

The realization of the right to social security by convicts allows not only to satisfy their vital needs (purchase of food, basic necessities, etc.) [9, p. 17], but also to fulfill existing obligations – to transfer alimony, compensate for damage caused by a crime, as well as other debt obligations, including the maintenance of residential premises.

According to statistical information provided in the public annual reports of the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk Region, about 15–16% of the total number of convicts receive a pension or other social benefits (Table 1).

Table 1.

Dynamics of changes in the number of persons receiving pensions and other social benefits from among those serving sentences in correctional institutions in the Irkutsk region in 2023–2024 [2]

	2024	2023
The number of persons serving sentences in correctional institutions in the Irkutsk region	6 541	6 882
The number of convicts receiving pensions and other social benefits, including:	1 053	1 034
Disability pension	597	601
Old-age pension	235	237
Survivor's pension	27	32
Social payment to a combat veteran	125	–
Other payments	69	164

In the Irkutsk region, despite the decrease in the total number of convicts, the dynamics of appeals from convicts who cannot fully exercise their social and pension rights has increased significantly – in 2024, an increase of 48.1% compared to 2023 (+ 212.5% compared to 2022, + 209.8% compared to 2021). In Fig. 2 also presents the main topics of the appeals received from convicts to the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk region: most of the appeals are related to pension provision, disability (examinations to establish a group, amendments to the IPRA, timely receipt of TCR), additional guarantees for the social protection of housing rights of orphans and receiving benefits due to temporary disability.

The main problems identified during the consideration of appeals by the regional ombudsman are:

– failure to open a temporary disability certificate to a convicted person, 1) released from work by a medical professional due to illness, 2) when referred to a hospital for examination due to suspected exacerbation of a socially significant disease.

– the accounting department of the correctional institution did not send timely information to the Department of the Social Fund of Russia for the Irkutsk region necessary for appointments and payment of compulsory social insurance benefits.

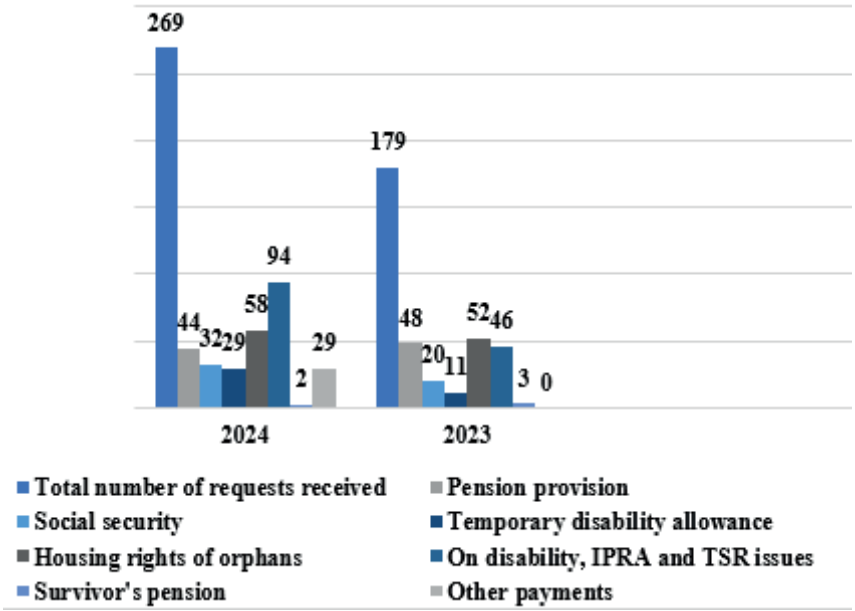


Fig. 2 The number of appeals received from convicts to the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk region in order to comply with and restore social and pension rights for 2023–2024 [2]

– illegal excessive deductions by the accounting department of the correctional institution of funds from the personal account of the convicted person 1) in violation of the norm – no more than 75% for compensation of damage according to executive documents and expenses for its maintenance (for disabled persons of groups 1 and 2, juvenile convicts, convicted pregnant women, convicted women with children in children's homes of the correctional institution – no more than 50%), 2) from a survivor's pension received by a convicted person, from which deductions cannot be collected, 3) from enforcement proceedings that have already been completed.

Since the incoming appeals by the regional ombudsman are considered as evidence that the tasks assigned to the social protection group of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Irkutsk region are not being fully fulfilled, he formulates as the main recommendations such as:

– strengthening departmental and internal control over the activities of social protection groups of correctional institutions of the Irkutsk region;

– organization of regular training for specialists of social protection groups of convicts in order to improve and update the knowledge and skills necessary to perform the tasks assigned to them.

In our opinion, if we follow the concept of the criminological, criminal law and penal enforcement coordination model of interaction with those sentenced to imprisonment, proposed by researchers I.Ya. Kozachenko and D.N. Sergeev, then the group of social protection of convicts as a structural unit of a correctional institution performs functions related to pension and social security, as non-inherent the penal system, along with the organization of food, education, household appliances and medical care [4, p. 224]. And perhaps they should be delegated to a new advisory body, the coordination center, responsible for organizing cooperation between institutions and bodies involved in working with convicts for the entire period of their stay in places of forced detention. In general, the problems of convicts exercising their social and pension rights are related not only to the activities of correctional institutions themselves, but also to significant gaps in our legislation, for example, when determining the legal status of convicts in relation to their rights and obligations under compulsory pension insurance [6, p. 88], which is well shown in the research and I.R. Mamatkazina.

Bibliographic list

1. *Ageeva E.V.* Approaches to the role of social protection of the population in the life of society and the modern challenges facing it // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 33.

2. Annual reports of the Commissioner for Human Rights in the Irkutsk region // https://upch38.ru/

3. Annual reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation // https://ombudsmanrf.org/

4. *Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N.* Criminological, criminal law and penal enforcement coordination model of interaction with those sentenced to imprisonment // All-Russian Journal of Criminology. 2016. Vol. 10. No. 2. P. 224–232.

5. *Korsanenkova Yu.B.* The law of social security and criminal and criminal law-executive law: cross-industry relations // Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law. 2020. No. 6. P. 68–86.

6. *Mamatkazin I.R.* Problems of formation of pension rights of persons sentenced to imprisonment // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 3. P. 88–100.

7. *Minster M.V.* Public control over ensuring the rights of persons held in places of deprivation of liberty: legislation and implementation practice // Baikal Research Journal. 2016. Vol. 7. No. 6. P. 18.

8. *Ovchinnikov O.A.* Features of social protection of convicts in the Russian Federation and abroad // Law and the state: theory and practice. 2022. No. 2 (206). P. 212–215.

9. *Serotkina S.Y.* The procedure for pension provision of persons sentenced to imprisonment // Legal epistemology. 2021. No. 3. P. 15–18.

10. *Chechelnitsky I.V.* Institute of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the context of society's demand for social justice // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2021. No 4 (80). P. 54–63.

For citation: *Kopalkina E.G.* The role of the Commissioner for Human Rights in the realization of the right to pension and social security in places of forced detention: a regional aspect // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46).- P. 204 – 207.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_200

Научная статья

УДК: 342
ББК: 67.401
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_208

О.И. Мамина*

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье рассматривается концепция электронного правительства (e-government) как мирового тренда, к которому стремятся развитые государства мира. Основное внимание уделяется опыту отдельных стран в построении архитектуры электронных правительств, включая США, Канаду, Великобританию, Японию и другие. Анализируются этапы внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в государственное управление, цели и методы реализации проектов e-government. Особое внимание уделяется идее «сервисного» правительства и её восприятию в России, приводятся данные о популярности электронных государственных ресурсов в разных странах и сравниваются показатели использования портала госуслуг в России с мировыми.*

Исследуя основные модели электронного правительства (европейскую, азиатскую и американскую) а также особенности и подходы соответствующих стран к внедрению информационных технологий в государственное управление, отмечается, что в России формируется собственная модель электронного правительства, которая используя опыт разных стран, имеет свои уникальные характеристики. Подчёркивается, что российская модель включает в себя историческую правопреемственность в государственном управлении и необходимость адаптации к отсутствию информационной грамотности у части населения.

Ключевые слова: *электронное правительство (e-government), государственное управление, сервисное государство, стратегическое планирование, государственные услуги, информационное общество, защита прав и свобод, персональные данные, сравнительный анализ.*

Электронное правительство (e-government) относится к мировому тренду, к которому стремятся развитые государства. Зарубежными исследователями e-government фактически воспринимается как концепция управления государственными ресурсами в единой информационно-телекоммуникационной среде, при этом электронное правительство – это магистральная идея информационного общества и информационного пространства. Объединяющее начало построения e-government связано с тем, что оно не влияет на сложившиеся в разных странах политико-правовое традиции и конституционные основы.

Обращаясь к сравнительному анализу российского и международного опыта внедрения означенного тренда в государственное управление, действительно целесообразно ориентироваться именно на внедряемые и интегрируемые информационно-коммуникационные технологии в управление государством, то есть e-government. При этом отметим, что ни форма правления, ни форма государственного устройства, ни политический режим не оказывают существенного влияния на построение архитектуры электронных правительств в разных странах мира. За редким исключением, кроме довольно бедных стран (Африка), стран с сугубо тоталитарными режимами, как например Северной Корее, идея электронного правительства воспринята на всех уровнях и всеми государствами.

Сама идея e-government возникла относительно недавно, около 30 лет назад и вначале носила сугубо теоретический аспект своей реализации, но с совершенствованием информационной

* **Мамина Оксана Ивановна –** доцент кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Юридического института ФГАОУВО «Российский университет транспорта», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: maminaoi.miit@mail.ru

сети интернет, стала облекаться в нормативных актах. Первым государством, принявшим доктрину e-government было в 1990 г. США, в законодательстве которого была закреплена доктрина электронного правительства. Множество работ американских исследователей были посвящены изучению влияния информационных технологий на социальные основы общества и государства, взаимодействия государственных структур через информационные сети, трансформация идей демократии, прав и свобод, человека и гражданина, в контексте информационного общества, в том числе и проблемы цифровой демократии, данная проблематика повлияла на научные исследования европейских, азиатских, российских ученных [9, с.1377–1382]. Вслед за США доктрины e-government, были приняты в Великобритании, Канаде, Австралии, Сингапуре. С середины 90-х годов к данным странам присоединились Япония, Германия, Франция, Норвегия, Финляндия, Португалия, Австралия и некоторые другие, закрепившие на государственном уровне правовые основы построения информационного общества и электронного правительства. Начиная с 2000-х годов Дубай и Катар, а также Индия, Китай, Бразилия приступили к развитию данной доктрины в своих государствах.

Как ранее отмечалось, в США в 1991 году была принята «Стратегия электронного правительства (EGovernment Strategy)»[*]. Ее основа сводилась к поэтапному переходу от прямого обращения в систему государственных органов, к информационному контенту. Цель организации e-government заключалась в создании условий эффективности работы всего государственного механизма путем развития информационных технологий и, в первую очередь, – развития информационных сервисов для населения, а также внедрения возможностей получения услуг населением на разных уровнях государственного управления (первый этап, должен был быть реализован до 1995 года). Также предполагалось исключение любых параллельных, дублируемых, двойных и т.д. полномочий органов власти, упразднение избыточных и не актуальных функций государственных органов (второй этап программы, должен быть был реализован к 1997 году), развитие инициативного подхода в работе всех структур государства и общества (например для бизнеса облегчалось подача налоговых деклараций, что к концу 2000 года привело к подаче 78 % всех деклараций через интернет в электронном виде). Примером для граждан США стал тот факт, что уровень коррупции снизился на 4% в год при работе с порталами органов власти [2, с.595].

Изменения с введением электронного правительства коснулись и Канады. А начиная с 2001 г. Канада прочно удерживает первое место по успешности реализации «электронного государства», второе место занимает Сингапур, а за ним следуют США. Правительство Канады приступило к интегрированию ИКТ в государственное управление и к решению вопроса об открытом доступе к информации государственных структур Канады своих граждан, еще в 1994 году.

Как и в США воплощение проекта e-government предполагалась в 3 этапа: первый был рассчитан на два года и предполагал создание информационного пространства в виде официальных сайтов органов власти, наполнение данных сайтов необходимой информацией, то есть от «бумажной услуги» оказываемой государственными структурами к «информационной услуге». Второй этап был рассчитан на полтора года и предполагал объединение в единую информационную сеть всех информационных порталов, включая построение необходимой архитектуры автоматизированных процессов, т.е. идеи «безопасный город», «умный дом», «электронный паспорт». Цель данного этапа повысить доверие у населения к государственным структурам, в том числе провести идею «сервисного» правительства, т.е. правительства, предоставляющего услуги. Третий этап связан с реализацией канадской программы «электронного государства» (Government online) в виде единого государственного сервиса.

Напомним, что идея «сервисного» правительства также была воспринята в России, и ее сторонники отстаивают идею нового изменения типа социального государства, т.к. происходит отождествление понятий социальное государства и сервисное государства, при том, что любое сервисное государство является социальным[1, с.249]. Например, с позиции Устиновича Е.С. «сервисное государство» выступает элементом концепции государственного управления с изменениями в сущности самой исполнительной власти[8, с.21]. Фактически данная теория

[*] U.S. Government Accountability Office, 'Critical Infrastructure Protection: Update to national Infrastructure Protection Plan Includes Increased Emphasis oN№ Risk Management and Resilience', GAO – 10 – 296, 2010. // URL: https://www.gao.gov/new.items/d10296.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

реализуется в современной России на практике в виде такого явления как «менеджеризация» системы публичного управления (государственной службы) с целью «повышения эффективности управления». Не разделяя данную концепцию, все же считаем целесообразным определять общероссийскую «менеджеризация», как сугубо российское явление. Даже сами авторы концепции «сервисного правительства» в рамках «сервисного государства» именуемого в литературе как «перестраивающееся правительство», американские правоведы Д. Осборн и Т. Гэблер в своих работах отмечали, «смысл модели «сервисное государство» состоит в представлении граждан в качестве клиентов государства, что приведет к повышению ответственность представителей государства т.е. государственных служащих. Вместе с тем, государство не слуга и не продавец своих собственных услуг, а строгий судья и контролер за качеством оказываемого сервиса»[10, с.29]. Сегодня в управленческой деятельности к какой отрасли она бы не относилась, будь то государственная служба, медицина, образование и т.д. «потерян основной критерий различия функций государственного управления и государственных услуг, их ценности для всей системы исполнительной власти, о чём свидетельствуют положения об органах исполнительной власти и административные регламенты субъектов Российской Федерации»[3, с.21].

Солидаризируясь с А. А. Смирновым, считающим, что в современных российских реалиях «укоренилась тенденция смутного и бессистемного смешивания понятий публичного (функция, полномочие) и частного (услуга) права»,[6, с.130] отметим, что зачастую действительно происходит подмена понятий частноправовой услуги и государственной, что приводит к судебным спорам, дестабилизации обстановки и в конечном итоге подрыве доверия населения к институтам электронного правительства

Также в мире, начиная с 90-х годов существует эффективная практика электронного правительства, например в Японии, западноевропейских странах, США, где в качестве основного метода его осуществления применяется индикативное планирование. Наиболее востребованными электронными ресурсами e-government в мировой практике на конец 2019 года, являются сайты Швеции – 77% населения пользуются данными услугам; Норвегии (70%), Сингапуре и Дании (61%), Англия и Япония в этом отношении имеют самые низкие показатели (23%)[*]. Однако на сайте госуслуг в России (https://www.gosuslugi.ru) зарегистрированы по данным Минцифры порядка 90% пользователей интернета, а в России их число приближается к 70 %, таким образом, каждый второй россиянин зарегистрирован на основном государственном портале и пользуется сервисами госуслуг, что фактически дает основание предполагать, что Россия приближена к мировым показателям пользования государственными электронными ресурсами.

Обратив внимание на развитие и построение концепции e-government в Сингапуре, Тайване, Китае можно отметить, что объединяющим началом для данных государств является особая модель управления электронным правительством, становление которой началось в середине 90-х годов с целью либерализации и демократизации азиатского общества. Формирование «правительства онлайн» не проходило (как в США, Канаде, или Германии) три фазы, а было введено единовременно как комплекс мер широкой реформы государственного управления, цели которой сводились к «оптимизации количества министерств и ведомств, омоложению состава государственных служащих, сокращению расходов на государственный аппарат и борьбе с коррупцией». Итогом реформы для Сингапура стала повсеместная реализация электронного обмена и использование в деловых и иных отношений информационной сети Интернет. Фактически все государственные органы в Тайване в достаточно короткий период (3 месяца) перешли на автоматизированный обмен информации, электронного документооборота и предоставления государственных услуг.

Целью проекта «Правительство онлайн» в странах Азии «стало повышение качества государственного управления и обеспечение доступа всех граждан к публикуемой правительством информации». При этом данные страны не поддержали идею сервисного государства, были определены с незначительной корректировкой следующие цели «правительства онлайн»:

1. Информационная – суть, которой сводилась к открытому доступу к любой информации каждого гражданина страны, с предоставлением открытого доступа к любому государственному

[*] UnODA в докладе «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» // URL: https://www.un.org/disarmament/ru/достижения – в – сфере – информатизации – и – т/ (дата обращения: 03.05.2025).

ресурсу (за исключением государственной тайне), коммерческое деятельности, социальным структурам (например, библиотекам).

2. Сервисная, т.е. деятельность специально уполномоченных органов в предоставлении государственных услуг. При этом многие ранее государственные услуги были выведены за пределы таковых и стали оказываться или коммерческими структурами или были либерализованы как права каждого. Получение государственных услуг получило единообразную форму с некоторыми особенностями и характером которые были связаны с самой услугой (например сроки или дополнительные проверки).

3. Полная открытость всей архитектуры правительства онлайн. Отметим, что в данное правительство входят не только органы государственной власти, но и коммерческие и полугосударственные структуры в рамках государственно частных консорциумов.

4. Привлечение каждого гражданина, коммерческое лицо, в работу правительства онлайн, через систему сервисов, в том числе оценки качества предоставляемых услуг.

5. Взаимосвязь каждого с каждым, т.е. постоянное взаимодействие в информационном пространстве.

6. Ответственность. Не только государственные структуры, в случае оказания государственных услуг несли ответственность, но и граждане имеют определенные обязанности к органам власти, примером может являться эффективная борьба в Китае с так называемой коронавирусной инфекцией.

Взаимоответственность личности (коммерческой структуры) и государства – эта та недостающая, на наш взгляд, составляющая, которая азиатскую модель построения электронного правительства ставит в более привилегированное положение к европейской и американской модели. По нашему глубокому убеждению именно взаимоответственность будет являться тем фундаментом эффективного государственного управления на всех уровнях, будь то электронный или обычный.

Следует также обратить внимание и на новейшие тенденции формирования e-government в мире. Одной из последних стран принявших концепцию электронного правительства стал Вьетнам, где данная программа была возведена в статус государственной в конце 2019 года. Вьетнам начал программу развития электронного правительства наряду с реформой административных процедур в начале 2000-х годов и добился определенных результатов. Тем не менее, процесс реализации является медленным и ограниченным с точки зрения воздействия на социально-экономическое развитие страны. Развития цифрового правительства и цифровой экономики во Вьетнаме связан с подходом заметно отличаемым от подхода электронного правительства во всем мире, в том числе в странах азиатской модели организации электронного правительства.

Развивая электронные технологии, страна фактически входит в четвертую промышленную революцию. По мнению премьер – министра Нгуен Суан Фука после его инаугурации, высказанного на конференции в январе 2019 г., Вьетнам готов содействовать и сопровождать все действия и решения для реализации стратегии, плана действия по стимулированию развития и созданию индустрии 4.0, т.е. индустрии 4 промышленной революции.

Правительство Вьетнама признало, что ключевая инициатива по реформированию государственного управления связана с электронным правительством, которое повышает прозрачность управления, а также экономит время, экономит затраты и сводит к минимуму усилия как правительства, так и пользователей (граждан). Основными показателями в оценке развития цифрового правительства во Вьетнаме являются: 1) лидерство и управление для понимания поддержки высокого уровня; 2) ориентация на пользователя для понимания спроса со стороны людей и организаций; 3)изменение бизнес-процессов для оценки более эффективных процессов; 4) возможности, культура и навыки для определения возможностей для внедрения; 5) общая инфраструктура для оценки эффективности внедрения; 6) управление данными для понимания роли данных в поддержании эффективности; и 7) кибербезопасность, конфиденциальность и устойчивость для оценки потенциальных неблагоприятных последствий цифрового развития и разработки стратегий снижения рисков[*].

[*] Электронный ресурс http://vietnamnews.vn/politics-laws/427970/e-government-pushes-reform -pm.html# 4CVVq7WtGukkP7wF.97 (Дата обращения 05.05.2025)

Рассматривая разнообразные мировые тенденции и подходы к формированию электронного правительства, следует также обратить внимание на европейскую модель. Центральным звеном в ней выступает государство с довольно существенным финансированием программ по внедрению информационных и телекоммуникационных технологий.

«Франция, Дания, Австрия, Италия, Великобритания имеют лидирующие позиции в рейтинге электронных правительств, которые ежегодно составляются Организацией Объединенных Наций. Эти государства одни из первых приняли нормативные акты, регулирующие порядок предоставления услуг в электронной форме. По континентально-европейской модели электронного правительства можно сказать, что она характеризуется: «наличием надгосударственных институтов (Европарламент, Еврокомиссия, Европейский суд), рекомендации которых обязательны для исполнения всеми странами Европейского союза; высокой степенью интеграции европейских народов и стран, что проявляется в единой валюте, в едином общеевропейском информационном пространстве, в подготовке новой единой Конституции, в свободном передвижении капиталов, энергии, информации; жестким законодательством, регулирующим информационные отношения и информационные потоки, циркулирующие в европейском информационном пространстве.

Управление и деятельность национальных правительств и надгосударственных структур в европейской модели обусловлены применением высоких технологии с ориентацией на нужды граждан-пользователей информационными сетями и системами. Данный тип управления позволяет потребителю (избирателю, гражданину, представителю общественности) получать правительственную информацию в режиме реального времени и успешно выполнять свой гражданский долг, используя систему электронного голосования или сервисные услуги правительства при уплате налогов и штрафов»[**].

Британские исследователи в ряде научных работ раскрывают влияние ИКТ на государственную политику в сфере информации, общеевропейские тенденции развития электронного правительства, роль актов Европейского Союза, международного сотрудничества в сфере развития электронного правительства, проблемы цифровой идентификации граждан при предоставлении государством публичных услуг, методы управления при помощи Интернета, а также исследуют цифровую демократию, процесс принятия решений государственными органами в цифровую эпоху, влияние технологий на государство и демократию и анализируют отдельные стратегии развития электронного государства (В. Даттон, В. Кутракоу, М. Липе, Б. Лоадер, Дж. Морисон, Б. Хаг, Д. Холмс).

Подводя промежуточные итоги формирования e-government в мировой практике, следует выделить устоявшиеся три основные модели, имеющие свою реализацию на Американском, Европейском и Азиатском континентах. По мнению Корнилова Д.А. «на современном этапе в мировой практике выделяют несколько моделей e-government: европейская (Франция, Германия, Швеция и др.), азиатская (Япония, Южная Корея) и американская модель (США, Канада)»[5, с.20].

Отличительной особенностью названных моделей является процесс трансформации e-government, поэтому анализируя российские реалии и зарубежный опыт, мы попытаемся рассмотреть исходя из мировых тенденций e-government, модельный ряд особенностей характерных для каждой модели реализуемой в той или иной стране:

– акцент на эффективности деятельности: достижение результата при снижении расходов (азиатская модель e-governmenta);

– повсеместное внедрение бизнес-методов в практику государственного управления (американская модель e-governmenta);

– уход от иерархических механизмов координации деятельности (европейская модель e-governmenta);

– преобладание экономичных, горизонтальных, компактных организационных форм над громоздкими, многофункциональными структурами (европейская модель e-governmenta);

– клиентоориентированность: гражданин рассматривается как «клиент» государства, как потребитель (пользователь, заказчик) государственных услуг (американская модель e-governmenta);

[**] UnODA в докладе «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» Электронный ресурс. // URL: https://www.un.org/disar mament/ru/достижения – в – сфере – информатизации – и – т/ (дата обращения: 05.05.2025).

– степень удовлетворения требований гражданина (потребителя) определяет качество предоставляемых услуг (азиатская модель e-governmenta);

– интеграция в практику государственного управления принципов всеобщего менеджмента качества (азиатская модель e-governmenta), где качество рассматривается через призму удовлетворения потребителя[4, с.8–9].

Четвертая модель пока только формируется, но уже по праву можно назвать ее российской. Бесспорно, Россия включилась в процесс развития электронного правительства начиная с середины 2000-х годов и активно продвигается в данной деятельности. Были проведены ряд реформ, в том числе судебная, административная, земельная, налоговая, и т.д. итогами которых стало формирование необходимых информационных и технологических ресурсов. Кроме реформистской направленности в развитие электронного правительства существенную роль оказали гражданское общество и научное сообщество, разработав концепцию такого правительства. Так, по мнению Иншаховой Е.Г. считающей, что создание электронного правительства в какой-то мере преобразует функционирование государства. Однако это касается не только эффективной работы исполнительной власти главной целью являются отношения между гражданами и властью, а также осознание того, что обслуживание населения призвано быть одной из ключевых составляющих всего процесса [7, с.4].

Наша страна стала внедрять информационные технологии почти во все сферы государственно-общественного направления, при этом в России нет какой-то четкой ориентации на ту или иную модель. Берется опыт разных стран, разных континентов. В свою очередь, это может привести к проблемам, однако внедряя на 20 лет позже информационные технологии стран, стоящих у истоков идеи электронного правительства, Россия в чем-то не только догнала, но и задала темпы развития (примером может являться концепция цифровой платформы СБЕР, смысл которой создать вокруг человека набор сервисов удобных для его жизни, бизнеса, экономике, общества и т.д). Поэтому, Россия может стать одной из первых стран, которая запустит полноценную цифровую валюту, а так же в рамках цифровой среды развивает идею цифровой экономики, которая требует принятия мер, обеспечивающих безопасность. Она требует выстраивания взаимоотношений, тонкой грани между защитой персональных данных людей, защитой их частной жизни, прав и свобод с одной стороны, а с другой – возможностью использования данных о людях для их же удобства. В итоге, любые российские преобразования с интересом воспринимаются в мировой практике, но главным звеном все же должен являться человек, его интересы и потребности. Это положение зачастую забывают как в России, так и в странах азиатского, американского и европейского континентов, вкладывая в финансирование электронных технологий огромные сумы, при этом подменяя понятие «необходимые потребности» понятием «удобства» человека.

Таким образом, подводя итоги, можно заключить, что на начало 2025 года следует выделять, наряду с тремя сложившимся мировыми моделями электронного правительства, и четвертую – российскую. Данный вывод связан с тем, что Российская модель e-governmenta, включает помимо ориентированных особенностей каждой из имеющихся моделей, и свои собственные характеристики. К ним можно отнести: историческую правопреемственность в государственном управлении системой распределения нагрузок, через показатели, критерии и программы, при довольно жесткой централизации процесса управления со стороны исполнительной власти в лице Правительства РФ. Второй особенностью является «насаживание» сверху на совершенно неподготовленное сознание российских людей идеям «электронного правительства», с учетом вообще отсутствия информационной грамотности населения определенных территорий или коренных народов России. Современное российское законодательство регулирует лишь часть отношений, возникающих в сфере предоставления электронных государственных услуг. Поэтому предоставление государственных услуг должна дорабатываться с учетом практики ее применения, в том числе в направлении повышения адресности результатов, учета всех негативных отзывов.

Россия при формировании электронных технологий в работе «электронного правительства» пошла по особому пути. Создавая на базе данной технологии набор сервисов удобных для его жизни каждого, государство передает часть своих полномочий новой организационной структуре, которой ранее в мировом масштабе не существовала. Однако данная структура, контролируется государством, которое и определяет приоритетные направления развития в обществе, экономике, государстве.

Значительный опыт зарубежных стран по становлению электронного правительства и интегрированию ИКТ в сектор предоставления государственных и муниципальных услуг необходимо учитывать в процессе становления электронного правительства в Российской Федерации. По мнению автора, проанализировав мировой опыт необходимо для эффективного развития электронного правительства в России сочетать рыночные методы с методами централизованного государственного регулирования.

Библиографический список

1. *Бачило И.Л.* Государство и право XXI века. Реальное и виртуальное М.: Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. – С. 249.
2. *Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А.* Информационное право. М. 2017. – С. 595.
3. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. № 4 (84). – 2013. – С. 21
4. *Ковалева Н.Н.* Органы публичной власти как субъекты управления в информационной сфере / Н.Н. Ковалева // Информационное право. – 2023.- №2. – С. 8–9.
5. *Корнилов Дмитрий Анатольевич.* Методология адаптационного стратегического планирования и прогнозирования : автореферат дис. ... доктора экономических наук. – Нижний Новгород, 2007.- С. 20.
6. *Смирнова А.А.* О соотношении государственных услуг, функций и полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 130.
7. *Сурин А.В.* Стратегии развития электронного правительства / А.В. Сурин // Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество). – 2024. – № 2. – С. 4.
8. *Устинович Е.С.* Современные теории государственного управления: основные концепции и их характеристики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 9. – С. 21.
9. *Чепус А.В.* Стратегия развития «электронного правительства» в Российской Федерации. В сборнике: Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник научных трудов международных научно-практических конференций. Отв. редакторы: В.П. Вершинин, А.Л. Третьяков. Москва, 2023. С. 1377–1382.
10. *Waldo D.* The Administrative State: A Study of the Political Theory of American Public Administration, 2nd ed. New York, London, 1984. P 29.

Для цитирования: *Мамина О.И.* Электронное правительство как элемент модернизации государственного управления: российский и зарубежный опыт // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 208 – 214.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_208

ELECTRONIC GOVERNMENT AS AN ELEMENT OF MODERNIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Oksana I. Mamina*

Annotation. *The article examines the concept of e-government as a global trend that developed countries are striving for. The main focus is on the experience of different countries in building e-government architecture, including the USA, Canada, Great Britain, Japan and others. The stages of the introduction of information and communication technologies (ICT) into public administration, goals and methods of implementing e-government projects are analyzed. Special attention is paid to the idea of a "service" government and its perception in Russia, data on the popularity of electronic government resources in different countries are provided, and the indicators of the use of the public services portal in Russia are compared with global ones.*

Examining the three main models of e-government (European, Asian and American), as well as the characteristics and approaches of the respective countries to the introduction of information technology in public administration, it is noted that Russia forms its model of e-government using the experience of different countries, but at the same time has its own unique characteristics. It is emphasized that the Russian model includes historical succession in public administration and the need to adapt to the lack of information literacy among a part of the population.

* **Oksana Ivanovna Mamina** is an Associate Professor of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics at the Law Institute of the Russian University of Transport, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: maminaoi.miit@mail.ru.

Keywords: *e-government, public administration, service state, strategic planning, public services, information society, protection of rights and freedoms, personal data, comparative analysis.*

Electronic government (e-government) refers to the global trend that developed countries are striving for. Foreign researchers actually perceive e-government as a concept of managing public resources in a unified information and telecommunications environment, while e-government is the backbone idea of the information society and information space. The unifying principle of building an e-government is due to the fact that it does not affect the political and legal traditions and constitutional foundations that have developed in different countries.

Turning to a comparative analysis of the Russian and international experience in implementing this trend in public administration, it is indeed advisable to focus specifically on the implemented and integrated information and communication technologies in government, that is, e-government. At the same time, it should be noted that neither the form of government, nor the form of government, nor the political regime have a significant impact on building the architecture of electronic governments in different countries of the world. With rare exceptions, except for rather poor countries (Africa), countries with purely totalitarian regimes, such as North Korea, the idea of e-government is accepted at all levels and by all states.

The very idea of e-government arose relatively recently, about 30 years ago, and initially had a purely theoretical aspect of its implementation, but with the improvement of the Internet information network, it began to be embodied in regulations. The first state to adopt the e-government doctrine was the United States in 1990, whose legislation enshrined the e-government doctrine. Many works by American researchers have been devoted to the study of the impact of information technology on the social foundations of society and the state, the interaction of government structures through information networks, the transformation of ideas of democracy, human and civil rights and freedoms in the context of the information society, including the problems of digital democracy, this issue has influenced scientific research in European, Asian, Russian scientists [9, pp.1377–1382]. Following the US, the e-government doctrines were adopted in the UK, Canada, Australia, and Singapore. Since the mid-90s, these countries have been joined by Japan, Germany, France, Norway, Finland, Portugal, Australia and some others, which have consolidated at the state level the legal foundations for building an information society and e-government. Since the 2000s, Dubai and Qatar, as well as India, China, and Brazil, have begun to develop this doctrine in their countries.

As previously noted, the "eGovernment Strategy"* was adopted in the USA in 1991. Its basis was a gradual transition from direct access to the system of government agencies to information content. The purpose of the e-government organization was to create conditions for the effectiveness of the entire state mechanism through the development of information technology and, first of all, the development of information services for the population, as well as the introduction of opportunities for public services at different levels of government (the first stage was to be implemented before 1995). It was also supposed to exclude any parallel, duplicated, double, etc. the elimination of redundant and irrelevant functions of government agencies (the second stage of the program was to be implemented by 1997), the development of a proactive approach in the work of all structures of the state and society (for example, it was easier for businesses to file tax returns, which by the end of 2000 led to the filing of 78% of all declarations via the Internet in in electronic form). An example for US citizens was the fact that the level of corruption decreased by 4% per year when working with government portals [2, p.595].

Changes with the introduction of e-government have also affected Canada. And since 2001, Canada has firmly held the first place in terms of the success of the implementation of the "electronic state", Singapore ranks second, followed by the United States. The Government of Canada began integrating ICT into public administration and addressing the issue of open access to information from government agencies in Canada for its citizens back in 1994.

As in the USA, the implementation of the e-government project was supposed to be in 3 stages: the first was designed for two years and involved the creation of an information space in the form of official government websites, filling these sites with the necessary information, that is, from a "paper service" provided by government agencies to an "information service". The second stage was designed for a year and a half and involved the integration of all information portals into a single information network, including the construction of the necessary architecture of automated processes, i.e. the ideas of "safe city", "smart home", "electronic passport". The purpose of this stage is to increase public confidence in government structures, including the idea of a "service" government, i.e. a government that provides services. The third stage is related to the implementation of the Canadian Government online program in the form of a single government service.

It should be recalled that the idea of a "service" government has also been adopted in Russia, and its supporters advocate the idea of a new type of welfare state, since the concepts of a welfare state and a service state are being identified, despite the fact that any service state is social[1, p.249]. For example, from the perspective of Ustinovich E.S., the "service state" acts as an element of the concept of public administration with changes in the essence of the executive branch itself [8, p.21]. In fact, this theory is being implemented in modern Russia in practice in the form of such a phenomenon as the "managerization" of the public administration (civil service) system in order to "improve management efficiency." Without sharing this concept, we still consider it appropriate to define the all-Russian "managerization" as a purely Russian phenomenon. Even the authors of the concept of a "service government" within the framework of a "service state" referred to in the literature as a "restructuring government", American jurists D. Osborne, etc. Gabler noted in

* U.S. Government Accountability Office, 'Critical Infrastructure Protection: Update to national Infrastructure Protection Plan Includes Increased Emphasis oN№ Risk Management and Resilience', GAO – 10 – 296, 2010. // URL: https://www.gao.gov/new.items/d10296.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

his works, "the meaning of the "service state" model is to represent citizens as clients of the state, which will lead to increased responsibility of state representatives, i.e. civil servants. At the same time, the state is not a servant or a seller of its own services, but a strict judge and controller of the quality of the service provided"[10, p.29]. Today, in management activities, which industry would it not belong to, be it the civil service, medicine, education, etc. "the main criterion for distinguishing the functions of public administration and public services, their value for the entire system of executive power, has been lost, as evidenced by the regulations on executive authorities and the administrative regulations of the subjects of the Russian Federation"[3, p.21].

In solidarity with A. A. Smirnov, who believes that in modern Russian realities "there is a tendency of vague and haphazard mixing of the concepts of public (function, authority) and private (service) law,"[6, p.130] we note that often there is a substitution of the concepts of private law and public services, which leads to litigation, destabilizing the situation and ultimately undermining public confidence in e – government institutions

There has also been an effective e-government practice in the world since the 90s, for example in Japan, Western European countries, and the United States, where indicative planning is used as the main method of its implementation. By the end of 2019, the most in-demand electronic resources of e-government in the world were the websites of Sweden – 77% of the population use these services; Norway (70%), Singapore and Denmark (61%), England and Japan have the lowest rates in this regard (23%)*. However, on the website of public services in Russia (https://www.gosuslugi.ru According to the Ministry of Digital Affairs, about 90% of Internet users are registered, and in Russia their number is approaching 70%, thus, every second Russian is registered on the main state portal and uses public services, which in fact suggests that Russia is close to the global indicators of the use of state electronic resources. resources.

Paying attention to the development and construction of the e-government concept in Singapore, Taiwan, and China, it can be noted that the unifying principle for these states is a special e-government management model, the formation of which began in the mid-90s with the aim of liberalizing and democratizing Asian society. The formation of an "online government" did not take place (as in the USA, Canada, or Germany) three phases, and it was introduced simultaneously as a set of measures for a broad public administration reform, the goals of which were to "optimize the number of ministries and departments, rejuvenate the composition of civil servants, reduce spending on the state apparatus and fight corruption." The result of the reform for Singapore was the widespread implementation of electronic exchange and the use of the Internet in business and other relations. In fact, all government agencies in Taiwan have switched to automated information exchange, electronic document management and provision of public services in a fairly short period (3 months).

The goal of the Government Online project in Asian countries "was to improve the quality of public administration and ensure that all citizens have access to information published by the government." At the same time, these countries did not support the idea of a service state, and the following goals of online government were identified with minor adjustments:

1. Information – the essence of which was reduced to open access to any information of every citizen of the country, with the provision of open access to any state resource (with the exception of state secrets), commercial activities, social structures (for example, libraries).

2. Service, i.e. the activities of specially authorized bodies in the provision of public services. At the same time, many previously public services were moved beyond those and began to be provided either by commercial entities or were liberalized as everyone's rights. The receipt of public services received a uniform form with some features and nature that were related to the service itself (for example, deadlines or additional checks).

3. Full openness of the entire government architecture online. It should be noted that this government includes not only state authorities, but also commercial and semi-governmental structures within the framework of public-private consortia.

4. Involving every citizen, commercial person, in the work of the government online, through a system of services, including evaluating the quality of services provided.

5. The relationship of everyone with everyone, i.e. constant interaction in the information space.

6. Responsibility. Not only government agencies were responsible for the provision of public services, but citizens also have certain responsibilities to government authorities, an example being the effective fight in China against the so-called coronavirus infection.

The mutual responsibility of the individual (commercial structure) and the state is, in our opinion, the missing component that puts the Asian model of building e–government in a more privileged position to the European and American models. We are deeply convinced that mutual responsibility will be the foundation of effective public administration at all levels, whether electronic or conventional.

We should also pay attention to the latest trends in the formation of e-government in the world. One of the last countries to adopt the concept of e-government was Vietnam, where this program was elevated to state status at the end of 2019. Vietnam launched an e-government development program along with the reform of administrative procedures in the early 2000s and has achieved some results. However, the implementation process is slow and limited in terms of its impact on the socio-economic development of the country. The development of digital government and the digital economy in Vietnam is associated with an approach markedly different from that of e-government around the world, including in the countries of the Asian model of e-government organization.

* UnODA in the report "Achievements in the field of information and telecommunications in the context of international security" // URL: https://www.un.org/disarmament/ru/достижения – in – the–field- of- informatization – and–so/ (date of access: 05/03/2025).

By developing electronic technologies, the country is actually entering the fourth industrial revolution. According to Prime Minister Nguyen Xuan Phuc, after his inauguration, expressed at a conference in January 2019, Vietnam is ready to facilitate and accompany all actions and decisions to implement the strategy, action plan to stimulate the development and creation of industry 4.0, i.e. industry 4 of the industrial revolution.

The Government of Vietnam has recognized that a key initiative to reform public administration is related to e-government, which increases the transparency of governance, as well as saves time, saves costs and minimizes the efforts of both the government and users (citizens). The main indicators in assessing the development of digital government in Vietnam are: 1) Leadership and management to understand high-level support; 2) User orientation to understand demand from people and organizations; 3) changing business processes to evaluate more efficient processes; 4) capabilities, culture, and skills to identify implementation opportunities; 5) overall infrastructure to evaluate implementation effectiveness; 6) data management to understand the role of data in maintaining efficiency; and 7) cybersecurity, privacy, and resilience to assess the potential adverse effects of digital development and development of risk mitigation strategies*.

Considering various global trends and approaches to the formation of e-government, we should also pay attention to the European model. The central link in it is the state, with fairly substantial funding for programs to introduce information and telecommunication technologies.

"France, Denmark, Austria, Italy, and the United Kingdom hold leading positions in the e-government rankings compiled annually by the United Nations. These States were among the first to adopt regulations governing the provision of services in electronic form. According to the continental European model of e-government, it can be said that it is characterized by: "the presence of supranational institutions (the European Parliament, the European Commission, the European Court of Justice), whose recommendations are binding on all countries of the European Union; a high degree of integration of European peoples and countries, which is manifested in a single currency, in a single pan-European information space, in the preparation of a new unified Constitution, in the free movement of capital, energy, information; strict legislation regulating information relations and information flows circulating in the European information space.

The management and activities of national governments and supranational structures in the European model are conditioned by the use of high technology with a focus on the needs of citizens who use information networks and systems. This type of management allows consumers (voters, citizens, and members of the public) to receive government information in real time and successfully fulfill their civic duty using an electronic voting system or government services when paying taxes and fines.*"

In a number of scientific papers, British researchers reveal the impact of ICT on public information policy, pan-European trends in the development of e-government, the role of acts of the European Union, international cooperation in the development of e-government, the problems of digital identification of citizens in the provision of public services by the state, management methods using the Internet, and also explore digital democracy, the decision-making process. government agencies in the digital age, the impact of technology on the state and democracy and analyze individual strategies for the development of the electronic state (V. Dutton, V. Kutrakou, M. Lipe, B. Loader, J. Morison, B. Hug, D. Holmes).

Summing up the interim results of the formation of e-government in world practice, it is necessary to identify three well-established main models that have their implementation on the American, European and Asian continents. According to Kornilov D.A., "at the present stage in world practice, there are several models of e-government: European (France, Germany, Sweden, etc.), Asian (Japan, South Korea) and American model (USA, Canada)"[5, p.20].

A distinctive feature of these models is the process of e-government transformation, therefore, analyzing Russian realities and foreign experience, we will try to consider, based on global e-government trends, a range of features characteristic of each model implemented in a particular country.:

- focus on efficiency: achieving results while reducing costs (Asian e-governance model);
– widespread implementation of business methods in the practice of public administration (the American e-governance model);
– moving away from hierarchical mechanisms for coordinating activities (the European e-governance model);
– the predominance of economical, horizontal, compact organizational forms over bulky, multifunctional structures (European e-government model);
– customer orientation: a citizen is considered as a "client" of the state, as a consumer (user, customer) of public services (American model of e-government);
- the degree of satisfaction of the citizen's (consumer's) requirements determines the quality of the services provided (Asian e-governance model);
- integration into the practice of public administration of the principles of universal quality management (the Asian e-governance model), where quality is viewed through the prism of customer satisfaction [4, pp.8–9].

The fourth model is still being formed, but it can rightfully be called the Russian one. Undoubtedly, Russia has been involved in the development of e-government since the mid-2000s and is actively advancing in this activity. A number of reforms were carried out, including judicial, administrative, land, tax, etc. The results of which were the formation of the necessary information and technological resources. In addition to the reformist orientation, civil society and the scientific community have played a significant role in the development of e-government by developing the concept of such

* Electronic resource http://vietnamnews.vn/politics-laws/427970/e-government-pushes-reform -pm.html#4 CVVq7WtGukkP7wF.97 (accessed 05.05.2025)

* UnODA in the report "Achievements in the field of information and telecommunications in the context of international security" Electronic resource. // URL: https://www.un.org/disar mament/ru /achievements – in–the–field – of – informatization– (accessed 05.05.2025).

a government. So, according to Inshakhova E.G., who believes that the creation of e-government to some extent transforms the functioning of the state. However, this applies not only to the effective work of the executive branch, the main goal is the relationship between citizens and the government, as well as the realization that public service should be one of the key components of the entire process [7, p.4].

Our country has begun to introduce information technologies into almost all spheres of public policy, while in Russia there is no clear orientation towards one model or another. The experience of different countries and different continents is taken. In turn, this can lead to problems, but by introducing information technologies from countries at the origin of the idea of e-government 20 years later, Russia has not only caught up with, but also set the pace of development (an example is the concept of the BEAC digital platform, the meaning of which is to create a set of services around a person that are convenient for him life, business, economy, society, etc.). Therefore, Russia may become one of the first countries to launch a full-fledged digital currency, as well as develop the idea of a digital economy within the digital environment, which requires taking measures to ensure security. It requires building relationships, a fine line between protecting people's personal data, protecting their privacy, rights and freedoms on the one hand, and on the other, the ability to use data about people for their own convenience. As a result, any Russian transformations are perceived with interest in world practice, but the main link should still be the person, his interests and needs. This provision is often forgotten both in Russia and in the countries of the Asian, American and European continents, investing huge sums in financing electronic technologies, while replacing the concept of "necessary needs" with the concept of "convenience" of a person.

Thus, summing up, we can conclude that at the beginning of 2025, along with the three established global models of e–government, a fourth one should be singled out – the Russian one. This conclusion is due to the fact that the Russian e-government model includes, in addition to the oriented features of each of the existing models, its own characteristics. These include: historical succession in the public administration of the load distribution system, through indicators, criteria and programs, with a rather strict centralization of the management process by the executive branch represented by the Government of the Russian Federation. The second feature is the "impaling" of the ideas of "electronic government" on top of the completely unprepared consciousness of Russian people, taking into account the general lack of information literacy of the population of certain territories or indigenous peoples of Russia. Modern Russian legislation regulates only a part of the relations that arise in the provision of electronic public services. Therefore, the provision of public services should be refined taking into account the practice of its application, including in the direction of increasing the targeting of results, taking into account all negative reviews.

Russia has taken a special path in the formation of electronic technologies in the work of the "electronic government". By creating a set of services based on this technology that are convenient for everyone's life, the state transfers part of its powers to a new organizational structure that previously did not exist on a global scale. However, this structure is controlled by the state, which determines the priority directions of development in society, economy, and the state.

The significant experience of foreign countries in the development of e-government and the integration of ICT into the provision of public and municipal services must be taken into account in the process of the development of e-government in the Russian Federation. According to the author, having analyzed the world experience, it is necessary to combine market methods with methods of centralized state regulation for the effective development of e-government in Russia.

Bibliographic list

1. *Bachilo I.L.* The state and law of the XXI century. Real and virtual M.: YURKOMPANIE Law Publishing House, 2012. – p. 249.

2. *Bachilo I.L., Lopatin V.N., Fedotov M.A.* Information law. M. 2017. – P. 595.

3. *Ershov V.V.* Legal and individual regulation of public relations as paired categories // Russian justice. № 4 (84). – 2013. – P. 21.

4. *Kovaleva N.N.* Public authorities as subjects of management in the information sphere / N.N. Kovaleva // Information law. – 2023.- No. 2. – pp. 8–9.

5. *Kornilov Dmitry Anatolyevich.* Methodology of adaptive strategic planning and forecasting : abstract of the dissertation... Doctor of Economics. Nizhny Novgorod, 2007. p. 20.

6. *Smirnova A.A.* On the correlation of public services, functions and powers of executive authorities // Journal of Russian Law. 2015. No. 3. pp. 130.

7. *Surin A.V.* Strategies for the development of e-government / A.V. Surin // Bulletin of the Moscow University, Ser. 21, Management (state and society). – 2024. – No. 2. – p. 4.

8. *Ustinovich E.S.* Modern theories of public administration: basic concepts and their characteristics // State power and local self-government. – 2019. – No. 9. – p. 21.

9. *Chepus A.V.* Strategy of development of "electronic government" in the Russian Federation. In the collection: Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law. Collection of scientific papers of international scientific and practical conferences. Editors: V.P. Vershinin, A.L. Tretyakov. Moscow, 2023. pp. 1377–1382.

10. *Waldo D.* The Administrative State: A Study of the Political Theory of American Public Administration, 2nd ed. New York, London, 1984. p. 29.

For citation: *Mamina O.I.* Electronic government as an element of modernization of public administration: Russian and foreign experience // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 214 – 218.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_208

Научная статья

УДК: 343.163
ББК: 67.72
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_219

Р.М. Махьянова*

МОДЕРНИЗАЦИЯ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. *Надзорная деятельность органов прокуратуры относится к одному из приоритетных направлений прокурорской деятельности, а процесс ее организации и осуществления требует современных преобразований в целях повышения эффективности, определения основных принципов проверки, обеспечения верховенства закона, восстановления нарушенных прав и интересов человека и гражданина. В качестве основного модернизационного инструмента автором предлагается использовать тактику надзорной деятельности прокуратуры. Тактическое сопровождение прокурорско-надзорного процесса способствует его детализации, использованию научных знаний, передового опыта прокурорской деятельности и внедрению искусственного интеллекта. Разработана авторская классификация надзорной деятельности прокуратуры, основу которой составили конкретные стадии и входящие в их содержание неотъемлемые обеспечительные элементы (этапы и подэтапы). Использование на практике предложенной классификации позволит сформировать у прокуроров объективное представление о надзорной деятельности как о единой системе, состоящей из комплекса взаимосвязанных между собой мероприятий, имеющих определенные цели и задачи. Уточнено авторское определение понятия «надзорная деятельность прокуратуры», сформулированы основные принципы надзорной деятельности.*

Ключевые слова: *надзорная деятельность прокуратуры, модернизация, тактика, стадии, принципы проверки.*

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что ее разработка имеет важное научно-практическое значение для совершенствования и повышения эффективности надзорной деятельности прокуратуры, формирования концептуального подхода к ее содержанию, принципам и порядку осуществления. Автором в представленном исследовании отождествлены понятия: надзорная деятельность прокуратуры, прокурорско-надзорный процесс, проверка.

В настоящей статье автором развиваются научные положения о сущности и содержании надзорной деятельности прокуратуры и ее тактическом обеспечении.

Надзорная деятельность органов прокуратуры выражается в проведении проверок по отраслям надзора, закрепленным в действующем законодательстве о прокурорском надзоре. Проверка требует от прокурора совершения осмысленных и обоснованных действий. Процесс осмысления способствует аргументации, обоснованию, доказательности, поиску и выбору рационального решения в конкретной ситуации.

В целях оценки на предмет соответствия законности деятельности должностных и иных лиц, подвергнутых проверке, прокурор анализирует условия складывающейся надзорной ситуации, устанавливает логическую связь между причинами и последствиями, которые наступили в результате нарушения законов, разрабатывает тактику дальнейших действий. О целесообразности тактического оснащения проверки отмечали в своих работах ученые и практики [7, с. 71,72].

Вместе с тем вопросы прокурорской тактики до настоящего времени не исследованы в науке и практике [6, с. 6]. В этих целях автором проведены исследования теоретико-

* **Махьянова Римма Мубараковна** – кандидат юридических наук, доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доцент. E-mail: r@9099177842.ru

прикладных основ тактики надзорной деятельности прокуратуры, по результатам которых разработаны ее терминологический аппарат и основной алгоритм разработки (определены основные элементы, которые могут быть предметом дальнейших самостоятельных научных исследований) [13, 170 с.].

Автором обосновано, что использование тактики надзорной деятельности в практической деятельности прокуроров, в особенности алгоритма ее разработки, целесообразно осуществлять с помощью искусственного интеллекта ввиду большого объема информации, подлежащей переработке и дальнейшему хранению [12, с.195–199]. Предложен порядок разработки и реализации тактики надзорной деятельности прокуратуры [14, 67–77].

Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры – это поиск, разработка и реализация рациональных решений в надзорных ситуациях, складывающихся при организации и проведении проверок. Процесс разработки тактики предъявляет особые требования к интеллектуальным способностям прокурорского работника, его мыслительной деятельности. Исследование показало, что мышление прокурора (*тактическое мышление прокурора*) должно быть поисковым, оригинальным, аналитическим, изобретательным и т.д.

Некоторые ученые отмечали, что мыслительный процесс – это частный случай процесса, который регулируется внутренними соотношениями, складывающимися внутри этого же процесса [1, S. 148].

Условия надзорной ситуации, складывающейся в ходе проверки, определяют содержание тактики для выработки ее формы (в виде активных и (или) пассивных действий).

Таким образом, выделяются два ключевых элемента тактики: *тактическое мышление прокурора* [11, 117–128] и *надзорная ситуация*. Надзорная ситуация подвержена изменениям, что требует от прокурора проведения постоянного мониторинга ее условий. Обстоятельства надзорной ситуации должны анализироваться прокурором в целях принятия решения.

Всякое мышление осуществляется посредством операций, которые актуализирует задача, которая играет роль пускового механизма, вызывающего осуществление операции [2, S. XI, 528, 529].

Кроме того, учеными активно проводятся научные исследования, связанные с теорией ситуаций (в философии [4, 274 с.], криминалистике [8, 395 с.].

Теория принятия решений предусматривает – ситуационный анализ, поиск необходимой информации, разработку решений, в целях выбора наиболее лучшего из них. Такой подход является общим, и может быть использован при разработке тактики в профессиональной и иной деятельности.

О необходимости поиска рационального решения в практической деятельности отмечено некоторыми учеными в трудах по теории принятия решений [16, 400 с.].

В соответствии с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации осуществление надзорной деятельности [17] выражается в проведении прокурорских проверок, в ходе которых прокуроры выявляют и устраняют нарушения законов, вскрывают причины и условия им способствующие, принимают меры, направленные на их устранение, предупреждение в целях обеспечения верховенства закона. Основной целью указанного правового средства является оценка деятельности должностных и иных лиц на соответствие Конституции Российской Федерации и действующему законодательству, которая осуществляется на основе анализа собранных в ходе проверки объективных фактов (доказательств), свидетельствующих о наличии (отсутствии) нарушений законности.

Проверки реализуются прокурорами с учетом установленной законом компетенции путем выполнения обоснованных и последовательных действий в соответствии с поставленными целями и задачами во взаимосвязи со спецификой предмета и объекта надзора применительно к условиям складывающейся надзорной ситуации.

Анализ научной и практической литературы по прокурорскому надзору свидетельствует о том, что в законодательных актах о прокурорской деятельности и в организационно-распорядительных документах Генеральной прокуратуры Российской Федерации не регламентирован порядок организации и проведения прокурорской проверки.

Отсутствуют и фундаментальные современные научно-практические исследования о сущности надзорной деятельности органов прокуратуры, определения ее основных элементов, со-

ставляющих систему (порядок) ее организации и осуществления. Не изменилась ситуация в данном направлении, несмотря на законодательные новеллы, посвященные вопросам уведомления поднадзорного объекта о проведении прокурорской проверки.

Кроме того, использование на практике указанных нововведений вызывает определенные трудности [9, 49 с.].

Вместе с тем, опыт прокурорской деятельности дает основание полагать, что порядок и принципы осуществления надзорной деятельности, определение ее взаимосвязанных элементов не в меньшей, а возможно в большей степени влияют на достижение качества и цели надзорных мероприятий.

Как уже было упомянуто ранее, надзорная деятельность представляет собой сложный систематизированный процесс, смысл определения ее понятия большинством ученых сводится к действиям прокурора по выявлению, устранению и предупреждению нарушений законов, привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности, принятию мер к возмещению ущерба [18, с. 11]. Ранее ученые формулировали понятие прокурорского надзора как специфическую деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемую от имени Российской Федерации и состоящую в проверке точности соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения законов, действующих на ее территории [19, с. 9]. Другие ученые полагают, что прокурорский надзор выражается в деятельности прокуроров, направленной на предупреждение, выявление и пресечение нарушений законов, принятие своевременных мер к их устранению и привлечению виновных в их совершении лиц к уголовной и иным установленным законом видам юридической (дисциплинарной, административной, материальной) ответственности [15, с. 51].

С учетом опыта прокурорской деятельности, в частности, проверочной, представляется, что содержание приведенных определений не раскрывают сущность данного процесса в полном объеме, что негативно влияет на качество проверок и формирует у прокуроров необъективное представление об этом сложном явлении, как в науке, так и на практике.

Под *надзорной деятельностью прокуратуры* нами понимается совершение прокурором в конкретной надзорной ситуации упорядоченных действий, связанных со сбором и оценкой доказательств, свидетельствующих об имеющиеся фактах нарушений законов, им способствующих обстоятельств (либо отсутствие таковых) в целях их своевременного и полного устранения и предупреждения правовыми средствами прокурорского надзора.

Надзорная ситуация – это совокупность информационных данных о состоянии законности на поднадзорном объекте в конкретном периоде времени и влияющих на ее динамику факторов, прогнозирующих результаты надзорной деятельности и определяющих в процессе ее осуществления содержание и порядок использования тактических приемов.

Доказательства составляют документы, материалы и иные факты, относящиеся к объекту и предмету надзора, полученные прокурором легитимным путем в ходе проводимой проверки. Указанные доказательства впоследствии составляют основу документа прокурорского реагирования.

Последовательность действий прокурора представляется целесообразным предложить в виде *системы* с присущими ее содержанию элементами.

Согласно словарному толкованию термин «система» представляет собой определенный порядок в расположении и связи действий; нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей [22, с. 667].

Термин «системный» характеризует целенаправленность, упорядоченность, организованность [10, 121 с.]. Вышеизложенное относится и к надзорной (проверочной) деятельности прокуратуры.

Опыт прокурорской деятельности свидетельствует о том, что систему проверочной деятельности прокурора составляют основные последовательные стадии (этапы), соблюдение которых, на наш взгляд, обязательно, что связано, прежде всего, с упорядоченностью действий прокурора.

Первые признаки стадийности осуществления прокурорского надзора наметились в Положении о прокурорском надзоре в СССР [23].

Тенденция выделения основных стадий надзорной деятельности прокуратуры также прослеживается и в других трудах советских ученых [3, 144 с.]. В поддержку данной позиции неко-

торыми современными учеными отмечено проведение прокурорами комплекса типичных взаимосвязанных действий [21, 291с.].

В соответствии с положениями действующего законодательства о прокурорском надзоре целесообразно выделить две универсальные стадии проверки: 1) проведение проверки; 2) реализация результатов проверки.

Данная система может быть применима как в случае выявления нарушений закона, так и при их отсутствии.

Однако, в целях детализации действий прокурора при осуществлении проверочной деятельности и использования концептуального подхода к вопросам содержания, порядка и принципов осуществления надзорной деятельности прокуратуры, предлагается к использованию в практической деятельности следующие стадии и обеспечивающие их выполнение этапы и подэтапы.

Вопросы определения стадий надзорной деятельности прокуратуры исследованы в трудах советских ученых [3, 144 с.], в том числе, как основной фактор повышения эффективности прокурорского надзора [20, с. 25].

Стадия № 1 «Проведение проверки». Этапы: а) организационно-подготовительные мероприятия; б) сбор, анализ и закрепление доказательств; в) разбор результатов проверки.

Также предлагаются универсальные подэтапы организационно-аналитического характера, выполнение которых способствует достижению качества и результативности конкретной стадии: оценка прокурором эффективности собственных действий на предмет достижения цели и выполнения задач конкретной стадии, в том числе, использование тактико-методического ресурса; принятие управленческих решений, обусловленных целью и задачами стадии; постоянный анализ и оценка обстоятельств надзорной ситуации; координация деятельности специалистов (при их наличии); тактико-методическое обеспечение.

Стадия № 2. «Принятие мер по результатам проведенной проверки». Этапы: а) комплексная оценка прокурором доказательств, полученных в ходе проверки во взаимосвязи с надзорными характеристиками поднадзорного объекта на предмет состояния законности (данные из базы электронной карты надзорных характеристик объекта надзора); б) определение целесообразных форм прокурорского реагирования и должностных лиц, которые правомочны устранить выявленные нарушения закона, им способствующие обстоятельства; в) составление документов реагирования в соответствии с требованиями действующего законодательства и организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации; г) участие прокурора в рассмотрении актов реагирования, при необходимости с привлечением специалиста (эксперта), участвовавшего в проведении проверки (в особенности в надзорных ситуациях не типичного типа); д) оценка прокурором эффективности собственных действий на предмет достижения цели и выполнения задач указанной стадии, в том числе, использование тактико-методического ресурса.

Подэтапы: принятие управленческих решений, обусловленных целью и задачами стадии; постоянный анализ и оценка обстоятельств надзорной ситуации; тактико-методическое обеспечение.

Стадия № 3. «Контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах реагирования». Этапы: а) получение прокурором документальных доказательств, свидетельствующих о своевременности и полноте мер, принятых на поднадзорном объекте в целях восстановления законности и достижения профилактического эффекта; б) оценка прокурором полученных доказательств на предмет выполнения в полном объеме требований, изложенных в документах реагирования; в) оценка полученных доказательств на предмет их принятия (не принятия) прокурором; г) принятие прокурором понуждающих мер к выполнению требований, изложенных в документах реагирования (в случае если отказано в удовлетворении его требований (в полном объеме или в части).

Подэтапы: принятие управленческих решений, обусловленных целью и задачами стадии; постоянный анализ и оценка обстоятельств надзорной ситуации; тактико-методическое обеспечение.

Как показывает опыт профессиональной деятельности, в целях обеспечения качества проверки и достижения ее результативности, прокурорам представляется целесообразным использовать поиск и разработку рациональных действий на основе результатов анализа и оценки условий складывающейся надзорной ситуации, начиная с момента организации проверки (под-

готовки к ее проведению) и заканчивая реализацией ее результатов в полном объеме, т.е. до выполнения всех требований прокурора, в том числе посредством применения им понуждающих к этому мер.

Здесь речь идет о разработке и реализации тактики надзорной деятельности прокуратуры, использование которой влияет, прежде всего, на повышение качества проверки. Вместе с тем, как нами отмечалось ранее, вопросы теоретико-прикладных основ тактики прокурорского надзора до настоящего времени не были предметом научных исследований. Этим объясняется отсутствие такого понятия и в базовом законе об организации и деятельности прокуратуры. Целесообразность использования тактики при осуществлении надзорной деятельности и законодательного закрепления обусловлена целями достижения качества проводимых проверок и повышения эффективности прокурорского надзора.

На эффективность проверок также влияют основные (исходные) положения, которыми прокуроры должны руководствоваться при осуществлении надзорной деятельности.

В действующем законодательстве закреплены общие принципы организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [17], которые, в том числе, распространяются и на надзорную деятельность.

Вместе с тем опыт надзорной практики позволяет сделать обоснованный вывод о том, что процесс проведения проверки, кроме принципов, установленных законом, основывается на специальных, присущих только ей, принципах. Принципы надзорной деятельности – это первооснова, те исходные положения, которыми надлежит руководствоваться прокурорам при проведении надзорных мероприятий. В этой связи вопрос определения принципов надзорной деятельности представляется чрезвычайно важным и целесообразным, прежде всего, в целях достижения результативности прокурорских проверок.

Обзор научно-практических источников показал, что современными учеными предложены следующие принципы проверок: законность, своевременность, эффективность, компетентность, целенаправленность и т.д. [5, 165 с.].

Мы поддерживаем вышеприведенную позицию ученых и практиков в части нормативного закрепления основных принципов организации и осуществления надзорной деятельности органов прокуратуры.

Прокурорская проверка является сложным мероприятием и во многом носит творческий поисковый характер, предъявляя самые высокие требования к личным и профессиональным качествам прокурорских работников.

Кроме того, положительный опыт проведения проверок позволяет сформулировать следующие основные положения, которыми надлежит руководствоваться прокурорским работникам при осуществлении надзорной деятельности.

1. Проверка должна проводиться на условиях строгого соблюдения установленных действующим законодательством оснований, поводов, сроков и компетенции. В ходе проверки прокурор обязан соблюдать действующее законодательство, требования организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ.

2. Проверка является комплексным мероприятием, реализация которого должна осуществляться путем совершения прокурором последовательных действий, объединяемых в соответствии с поставленными целями и задачами во взаимосвязанные между собой надзорные стадии.

3. Прокурор в ходе проверки обязан производить свои действия независимо от чьих-либо и собственных интересов, быть справедливым и беспристрастным, проявлять внимание, гуманизм.

4. Проверка должна охватывать всю информационную структуру надзорной ситуации, которая включает в себя не только характеристики состояния законности на поднадзорном объекте, но и факторы, связанные с предметом и объектом надзора, а также субъективного характера, влияющие на ее динамику.

5. В процессе проверки (от начала ее проведения и до реализации ее результатов в полном объеме) должны быть: получены объективные доказательства (письменные документы, объяснения, заключения, справки и т.п.), подтверждающие факты нарушений закона, им способствующие обстоятельства; выявлены виновные лица, а также лица, потворствовавшие совершению нарушений закона, и наступившие негативные последствия (в случае наличия таковых).

6. В ходе проверки прокурор обязан осуществлять взаимодействие с лицами, участвующими в проверке, а в случае привлечения специалиста – координировать его деятельность; осуществлять деловое сотрудничество при реализации своих полномочий, контактировать с должностными и иными лицами по вопросам, связанным с проведением проверки.

7. По окончании проверки должны быть достигнуты цели и выполнены задачи каждой надзорной стадии, в этом случае проверка считается завершенной (оконченной). При этом необходимо учитывать и принятие прокурором понуждающих мер в случае невыполнения его требований (полностью или частично).

Таким образом, учитывая изложенное, возможно определить основные принципы надзорной деятельности (проведения проверок и реализации их результатов): 1) законность; 2) стадийность; 3) объективность; 4) всесторонность; 5) доказательность; 6) сотрудничество; 7) завершенность проверки.

Результаты, полученные в ходе проведенного нами исследования, имеют большую теоретическую значимость для совершенствования надзорной деятельности прокуратуры в части формирования концептуального подхода к ее содержанию, порядку и принципам осуществления, а использование их в практической деятельности будет способствовать достижению эффективности прокурорских проверок, укреплению таких общих принципов организации и деятельности прокуратуры, как законность и гласность.

Кроме того, в целях дальнейшего преобразования надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации полагаем необходимым осуществить:

– издание самостоятельного нормативного правового акта, регламентирующего порядок, содержание и принципы надзорной деятельности прокуратуры;

– внедрение результатов научно-практического исследования основ тактики надзорной деятельности прокуратуры в практическую деятельность прокуроров, способствующих модернизации надзорной деятельности прокуратуры и использований технологий искусственного интеллекта [24, 25].

Библиографический список

1. *Köhler W.* Gestalt Psychology / W. Köhler. – L., 1930. – S. 148. – Текст: непосредственный.

2. *Selz O.* Die Gesetze der Productive und Reproduktiven Geistestätigkeit. Kurzgefasste Darstellung / O. Selz. – Bonn, 1924. – S. 16. – Текст: непосредственный; Zur Psychologie des Produktiven Denkens und des Irrtums, 1922. – S. XI, 528, 529. – Текст: непосредственный.

3. *Берензон А.Д.* Работа прокурора по общему надзору: Вопросы общей методики / А. Д. Берензон, В. Г. Мелкумов ; ответственный редактор гос. советник юстиции 2 кл. И. В. Черменский. – Москва : Юридическая литература, 1974. – 144 с. – Текст: непосредственный;

4. *Векленко П. В.* Ситуационный подход в познании : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.01 / Векленко Павел Васильевич [Место защиты: Алтайский государственный университет]. – Барнаул, 2013. – 274 с. – Текст: непосредственный.

5. *Винокуров Ю. Е.* Прокурорский надзор. Том 1. Общая часть : учебник для академического бакалавриата и специалитета / Ю.Е. Винокуров, А.Ю. Винокуров. – 14-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2017. – 165 с. – Текст: непосредственный.

6. *Винокуров Ю.Е.* К вопросу о понятии «Научный продукт» (Версия) / Ю.Е. Винокуров. – Текст: непосредственный // Вестник научной школы «Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов Российской Федерации»; ответственный редактор А.Ю. Винокуров. – Выпуск седьмой. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2018. – С. 6.

7. *Винокуров Ю.Е.* Предупреждение преступлений и других правонарушений средствами общего надзора прокуратуры / Ю.Е. Винокуров. – Текст: непосредственный // Вопросы борьбы с преступностью. – Москва: Юридическая литература. – 1986. – С. 71, 72.

8. *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.09 / Волчецкая Татьяна Станиславовна. – Москва, 1997. – 395 с. – Текст: непосредственный;

9. *Карпышева Ю.О.* Актуальные проблемы принятия прокурором решения о проведении проверки исполнения законов в порядке ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» / Ю.О. Карпышева. – 49 с. – Текст: непосредственный.

10. *Коршунов И.Л.* Общая теория систем: учебное пособие / И.Л. Коршунов, А.В. Омельян. – Санкт-Петербург: издание Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2021. – 121 с. – Текст: непосредственный.

11. *Махьянова Р.М.* «Тактическое мышление прокурора: понятие, содержание и влияние на состояние законности» // «Российский юридический журнал» № 5. 2024. С. 117–128.

12. *Махьянова Р.М.* Использование технологий искусственного интеллекта при осуществлении надзорной деятельности прокуратуры / Р.М. Махьянова // Юридическая наука. – № 1. – 2024. – С. 195–199.

13. *Махьянова Р.М.* Тактический аспект надзорной деятельности органов прокуратуры: монография / Р.М. Махьянова. – Москва : Военный университет им. князя Александра Невского Минобороны России, 2022. – 170 с. – ISBN 978-5-6048563-8-3;

14. *Махьянова Р.М.* Тактика надзорной деятельности прокуратуры: порядок разработки и реализации // Lex russica. № 78 (6). 2025 г. С. 67–77. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.223.6.067-077.

15. Настольная книга военного прокурора: пособие / под общей редакцией зам. Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора С. Н. Фридинского. – Москва: Граница, 2014. – Издание 2-е, исправленное и дополненное / ответственный редактор начальник организационного управления ГВП, кандидат юридических наук И.И. Бутрим. – 439 с. – Текст: непосредственный.

16. *Петровский А.Б.* Теория принятия решений: учебник для студентов высших учебных заведений / А.Б. Петровский. – Издательский центр «Академия», 2009. – 400 с. – ISBN 978-5-7695-5093-5. – Текст: непосредственный;

17. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

18. Прокурорский надзор / под редакцией доктора юридических наук, профессора Ю.Е. Винокурова. – Москва: Юрайт, 2017. – С. 11. – Текст: непосредственный.

19. Прокурорский надзор / под редакцией доктора юридических наук, профессора Ю.Е. Винокурова. – Москва: Юрайт, 2003. – С. 9. – Текст: непосредственный.

20. *Скворцов К.Ф.* Проблемы совершенствования прокурорского надзора / К.Ф. Скворцов. – Текст: непосредственный // Совершенствование прокурорского надзора в СССР : сборник статей. – Москва, 1973. – С. 25.

21. Теоретические и организационные основы прокурорской проверки: монография; под общей редакцией доктора юридических наук Н.В. Субановой. – Москва, 2016. – 291 с. – Текст: непосредственный.

22. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва. 2014. С. 667.

23. Положение о прокурорском надзоре в СССР: Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 // Ведомости ВС СССР. 1955. № 8.

24. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы».

25. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»).

Для цитирования: *Махьянова Р.М.* Модернизация надзорной деятельности прокуратуры // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 219 – 225.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_219

MODERNIZATION OF THE SUPERVISORY ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Rimma M. Makhyanova*

Annotation. *Supervisory activities of the prosecutor's office are one of the priority areas of prosecutorial activity, and the process of its organization and implementation requires modern transformations in order to improve efficiency, determine the basic principles of verification, ensure the rule of law, restore violated rights and interests of a person and citizen. The author proposes to use the tactics of supervisory activities of the prosecutor's office as the main modernization tool. Tactical support of the prosecutorial and supervisory process contributes to its detailing, the use of scientific knowledge, advanced experience of prosecutorial activity and the introduction of artificial intelligence. The author's classification of supervisory activities of the prosecutor's office has been developed, based on specific stages and integral security elements (stages and substages) included in their content. The practical use of the proposed classification will allow prosecutors to form an objective understanding of supervisory activities as a single system consisting of a set of interrelated activities with specific goals and objectives.*

* **Makhyanova Rimma Mubarakovna** – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Military Administration, Administrative and Financial Law of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Associate Professor. E-mail: r@9099177842.ru

The author's definition of the concept of "supervisory activity of the prosecutor's office" has been clarified, and the basic principles of supervisory activity have been formulated.

Keywords: *supervisory activity of the prosecutor's office, modernization, tactics, stages, principles of verification.*

The relevance of the topic of the article is due to the fact that its development has an important scientific and practical significance for improving and increasing the efficiency of the prosecutor's office's supervisory activities, forming a conceptual approach to its content, principles and procedure for implementation. In the presented study, the author identified the concepts of: supervisory activities of the prosecutor's office, prosecutorial supervisory process, verification.

In this article, the author develops scientific provisions on the essence and content of the prosecutor's office's supervisory activities and its tactical support.

Supervisory activities of the prosecutor's office are expressed in conducting inspections in the areas of supervision enshrined in the current legislation on prosecutorial supervision. The inspection requires the prosecutor to perform meaningful and reasonable actions. The process of comprehension contributes to argumentation, justification, evidence, search and selection of a rational solution in a specific situation. In order to assess the compliance of the activities of officials and other persons subject to inspection with the law, the prosecutor analyzes the conditions of the developing supervisory situation, establishes a logical connection between the causes and consequences that occurred as a result of the violation of laws, and develops tactics for further actions. Scientists and practitioners noted the advisability of tactical equipment for inspections in their works [7, p. 71,72]. At the same time, issues of prosecutorial tactics have not yet been studied in science and practice [6, p. 6]. For these purposes, the author conducted research into the theoretical and applied foundations of the tactics of supervisory activities of the prosecutor's office, based on the results of which its terminological apparatus and the main algorithm for development were developed (the main elements that can be the subject of further independent scientific research were determined) [13, 170 p.]. The author substantiates that it is advisable to implement the use of supervisory activity tactics in the practical activities of prosecutors, especially the algorithm for its development, using artificial intelligence due to the large volume of information subject to processing and further storage [12, pp. 195–199]. A procedure for developing and implementing the tactics of supervisory activity of the prosecutor's office is proposed [14, 67–77].

The tactics of supervisory activities of the prosecutor's office are the search, development and implementation of rational solutions in supervisory situations that arise during the organization and conduct of inspections. The process of developing tactics places special demands on the intellectual abilities of the prosecutor's employee, his thinking activity. The study showed that the prosecutor's thinking (the prosecutor's tactical thinking) should be exploratory, original, analytical, inventive, etc.

Some scientists noted that the thought process is a special case of the process that is regulated by internal relationships that develop within this same process [1, p. 148].

The conditions of the supervisory situation that develops during the inspection determine the content of the tactics for developing its form (in the form of active and (or) passive actions).

Thus, two key elements of tactics are distinguished: the prosecutor's tactical thinking [11, 117–128] and the supervisory situation. The supervisory situation is subject to change, which requires the prosecutor to constantly monitor its conditions. The circumstances of the supervisory situation must be analyzed by the prosecutor in order to make a decision. All thinking is carried out through operations that are actualized by a task, which plays the role of a trigger mechanism that causes the operation to be carried out [2, p. XI, 528, 529].

In addition, scientists are actively conducting scientific research related to the theory of situations (in philosophy [4, 274 p.], forensics [8, 395 p.].

The theory of decision-making provides for situational analysis, searching for the necessary information, developing solutions in order to select the best of them. This approach is general and can be used in developing tactics in professional and other activities.

The need to find a rational solution in practical activities has been noted by some scientists in their works on the theory of decision-making [16, 400 p.].

In accordance with the provisions of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" and the organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, the implementation of supervisory activities [17] is expressed in conducting prosecutorial inspections, during which prosecutors identify and eliminate violations of laws, reveal the causes and conditions that contribute to them, take measures aimed at their elimination, prevention in order to ensure the rule of law. The main purpose of this legal tool is to assess the activities of officials and other persons for compliance with the Constitution of the Russian Federation and current legislation, which is carried out on the basis of an analysis of objective facts (evidence) collected during the inspection, indicating the presence (absence) of violations of the law.

Inspections are carried out by prosecutors taking into account the competence established by law by performing reasonable and consistent actions in accordance with the set goals and objectives in conjunction with the specifics of the subject and object of supervision in relation to the conditions of the developing supervisory situation. An analysis of scientific and practical literature on prosecutorial supervision shows that the legislative acts on prosecutorial activity and the organizational and administrative documents of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation do not regulate the procedure for organizing and conducting a prosecutorial inspection.

There are also no fundamental modern scientific and practical studies on the essence of the supervisory activities of prosecutorial bodies, the definition of its main elements that make up the system (procedure) for its organization and

implementation. The situation in this area has not changed, despite legislative innovations devoted to the issues of notifying the supervised object about the prosecutorial inspection.

In addition, the practical use of these innovations causes certain difficulties [9, 49 p.].

At the same time, the experience of prosecutorial activity gives reason to believe that the procedure and principles for implementing supervisory activities, the definition of its interrelated elements affect the achievement of the quality and purpose of supervisory measures to no lesser, and possibly to a greater extent.

As mentioned earlier, supervisory activity is a complex systematized process, the meaning of its definition by most scientists is reduced to the actions of the prosecutor to identify, eliminate and prevent violations of laws, bring the guilty persons to justice established by law, and take measures to compensate for damages [18, p. 11]. Previously, scientists formulated the concept of prosecutorial supervision as a specific activity of state federal prosecutor's offices, carried out on behalf of the Russian Federation and consisting in checking the accuracy of compliance with the Constitution of the Russian Federation and the implementation of laws in force on its territory [19, p. 9]. Other scientists believe that prosecutorial supervision is expressed in the activities of prosecutors aimed at preventing, identifying and suppressing violations of laws, taking timely measures to eliminate them and bringing the guilty persons to criminal and other types of legal (disciplinary, administrative, material) liability established by law [15, p. 51]. Taking into account the experience of prosecutorial activity, in particular, verification, it seems that the content of the given definitions does not fully reveal the essence of this process, which negatively affects the quality of inspections and forms in prosecutors an objective idea of this complex phenomenon, both in science and in practice.

By supervisory activities of the prosecutor's office we mean the performance by the prosecutor in a specific supervisory situation of orderly actions related to the collection and assessment of evidence indicating existing facts of violations of laws, circumstances contributing to them (or the absence thereof) for the purpose of their timely and complete elimination and prevention by legal means of prosecutorial supervision.

A supervisory situation is a set of information data on the state of legality at the supervised object in a specific period of time and factors influencing its dynamics, predicting the results of supervisory activities and determining the content and procedure for using tactical techniques in the process of its implementation.

Evidence consists of documents, materials and other facts related to the object and subject of supervision, obtained by the prosecutor in a legitimate way during the inspection. The said evidence subsequently forms the basis of the prosecutor's response document.

It seems appropriate to propose the sequence of actions of the prosecutor in the form of a system with elements inherent in its content.

According to the dictionary interpretation, the term "system" is a certain order in the arrangement and connection of actions; something whole, representing a unity of regularly arranged and interconnected parts [22, p. 667].

The term "systemic" characterizes purposefulness, orderliness, organization [10, 121 p.]. The above also applies to the supervisory (verification) activities of the prosecutor's office.

Experience of prosecutorial activity shows that the system of verification activities of the prosecutor consists of basic sequential stages (phases), the observance of which, in our opinion, is mandatory, which is associated, first of all, with the orderliness of the prosecutor's actions.

The first signs of the stage-by-stage nature of the implementation of prosecutorial supervision were outlined in the Regulation on prosecutorial supervision in the USSR [23].

The tendency to identify the main stages of the prosecutor's office's supervisory activities can also be traced in other works by Soviet scientists [3, 144 p.]. In support of this position, some modern scientists have noted that prosecutors carry out a set of typical interrelated actions [21, 291 p.].

In accordance with the provisions of the current legislation on prosecutorial supervision, it is advisable to identify two universal stages of verification: 1) conducting an inspection; 2) implementing the results of the inspection.

This system can be applied both in the case of violations of the law, and in their absence.

However, in order to detail the actions of the prosecutor in the implementation of verification activities and the use of a conceptual approach to issues of the content, procedure and principles of the implementation of the prosecutor's office's supervisory activities, the following stages and stages and sub-stages that ensure their implementation are proposed for use in practical activities. The issues of determining the stages of supervisory activities of the prosecutor's office are studied in the works of Soviet scientists [3, 144 p.], including as the main factor in increasing the effectiveness of prosecutorial supervision [20, p. 25].

Stage No. 1 "Conducting an inspection". Stages: a) organizational and preparatory activities; b) collection, analysis and consolidation of evidence; c) analysis of the inspection results.

Also proposed are universal sub-stages of an organizational and analytical nature, the implementation of which contributes to the achievement of the quality and effectiveness of a specific stage: assessment by the prosecutor of the effectiveness of his own actions in achieving the goal and fulfilling the tasks of a specific stage, including the use of tactical and methodological resources; making management decisions conditioned by the goal and tasks of the stage; ongoing analysis and assessment of the circumstances of the supervisory situation; coordination of the activities of specialists (if any); tactical and methodological support.

Stage No. 2. "Taking measures based on the results of the conducted inspection". Stages: a) a comprehensive assessment by the prosecutor of the evidence obtained during the inspection in conjunction with the supervisory characteristics of the supervised entity for the state of legality (data from the electronic database of the supervisory characteristics of the supervised entity); b) determining appropriate forms of prosecutorial response and officials who are authorized to eliminate the identified violations of the law, the circumstances contributing to them; c) drawing up response documents

in accordance with the requirements of the current legislation and the organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation; d) participation of the prosecutor in the consideration of response acts, if necessary, with the involvement of a specialist (expert) who participated in the inspection (especially in atypical supervisory situations); d) assessment by the prosecutor of the effectiveness of his or her own actions to achieve the goal and fulfill the objectives of the specified stage, including the use of tactical and methodological resources.

Sub-stages: making management decisions conditioned by the goal and objectives of the stage; ongoing analysis and assessment of the circumstances of the supervisory situation; tactical and methodological support.

Stage No. 3. "Monitoring compliance with the prosecutor's requirements set out in the response documents." Stages: a) receipt by the prosecutor of documentary evidence indicating the timeliness and completeness of the measures taken at the supervised facility in order to restore legality and achieve a preventive effect; b) assessment by the prosecutor of the evidence obtained for the purpose of fully complying with the requirements set out in the response documents; c) assessment of the evidence obtained for the purpose of its acceptance (non-acceptance) by the prosecutor; d) adoption by the prosecutor of coercive measures to comply with the requirements set out in the response documents (if his requirements are denied (in full or in part).

Substages: making management decisions based on the goal and objectives of the stage; continuous analysis and assessment of the circumstances of the supervisory situation; tactical and methodological support.

As experience of professional activity shows, in order to ensure the quality of the audit and achieve its effectiveness, prosecutors consider it advisable to use the search and development of rational actions based on the results of the analysis and assessment of the conditions of the developing supervisory situation, starting from the moment of organizing the audit (preparing for its implementation) and ending with the implementation of its results in full, i.e. until all the requirements of the prosecutor are met, including through the use of compelling measures.

Here we are talking about the development and implementation of the tactics of supervisory activities of the prosecutor's office, the use of which affects, first of all, improving the quality of the audit. At the same time, as we noted earlier, the issues of the theoretical and applied foundations of the tactics of prosecutorial supervision have not been the subject of scientific research to date. This explains the absence of such a concept in the basic law on the organization and activities of the prosecutor's office. The appropriateness of using tactics in the implementation of supervisory activities and legislative consolidation is determined by the goals of achieving the quality of inspections and increasing the effectiveness of prosecutorial supervision. The effectiveness of inspections is also influenced by the basic (initial) provisions that prosecutors must follow when implementing supervisory activities. The current legislation establishes the general principles of the organization and activities of the prosecutor's office of the Russian Federation [17], which, among other things, also apply to supervisory activities.

At the same time, the experience of supervisory practice allows us to make a reasonable conclusion that the process of conducting an inspection, in addition to the principles established by law, is based on special principles inherent only to it. The principles of supervisory activity are the fundamental basis, the initial provisions that prosecutors should be guided by when conducting supervisory activities. In this regard, the issue of determining the principles of supervisory activity seems extremely important and appropriate, first of all, in order to achieve the effectiveness of prosecutorial inspections.

A review of scientific and practical sources has shown that modern scientists have proposed the following principles of inspections: legality, timeliness, efficiency, competence, purposefulness, etc. [5, 165 p.].

We support the above position of scientists and practitioners in terms of the normative consolidation of the basic principles of organizing and implementing supervisory activities of prosecutorial bodies.

A prosecutorial inspection is a complex event and in many ways has a creative exploratory nature, making the highest demands on the personal and professional qualities of prosecutorial employees. In addition, the positive experience of conducting inspections allows us to formulate the following basic provisions that should be followed by prosecutors when carrying out supervisory activities.

1. The inspection must be carried out in strict compliance with the grounds, reasons, deadlines and competence established by the current legislation. During the inspection, the prosecutor is obliged to comply with the current legislation, the requirements of the organizational and administrative documents of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

2. The inspection is a comprehensive event, the implementation of which must be carried out by the prosecutor through the performance of successive actions, combined in accordance with the set goals and objectives into interconnected supervisory stages.

3. During the inspection, the prosecutor must act independently of anyone else's or his own interests, be fair and impartial, and show attention and humanism.

4. The inspection must cover the entire information structure of the supervisory situation, which includes not only the characteristics of the state of legality at the supervised facility, but also factors related to the subject and object of supervision, as well as subjective factors that affect its dynamics.

5. During the inspection (from the beginning of its implementation until the implementation of its results in full), the following must be obtained: objective evidence (written documents, explanations, conclusions, certificates, etc.) confirming the facts of violations of the law, the circumstances contributing to them; identifying the guilty persons, as well as persons who condoned the violations of the law, and the negative consequences that occurred (if any).

6. During the inspection, the prosecutor must interact with the persons participating in the inspection, and in the case of involving a specialist, coordinate his activities; carry out business cooperation in the exercise of their powers, contact officials and other persons on issues related to the inspection.

7. Upon completion of the inspection, the goals and objectives of each supervisory stage must be achieved, in which case the inspection is considered completed (finished). It is also necessary to take into account the adoption of coercive measures by the prosecutor in the event of non-fulfillment of his requirements (in whole or in part).

Thus, taking into account the above, it is possible to determine the basic principles of supervisory activities (inspections and implementation of their results): 1) legality; 2) staging; 3) objectivity; 4) comprehensiveness; 5) evidence; 6) cooperation; 7) completeness of the inspection.

The results obtained in the course of our study are of great theoretical significance for improving the supervisory activities of the prosecutor's office in terms of forming a conceptual approach to its content, procedure and principles of implementation, and their use in practical activities will contribute to achieving the effectiveness of prosecutorial inspections, strengthening such general principles of organization and activities of the prosecutor's office as legality and publicity.

In addition, in order to further transform the supervisory activities of the prosecutor's office of the Russian Federation, we believe it is necessary to implement:

- publication of an independent normative legal act regulating the procedure, content and principles of supervisory activities of the prosecutor's office;

- implementation of the results of scientific and practical research of the fundamentals of the tactics of supervisory activities of the prosecutor's office in the practical activities of prosecutors, contributing to the modernization of the supervisory activities of the prosecutor's office and the use of artificial intelligence technologies [24, 25].

Bibliographic list

1. *Köhler W.* Gestalt Psychology / W. Köhler. – L., 1930. – S. 148. – Text: direct.

2. *Selz O.* The Concept of Productive and Reproduktive Psychology. Theory of Psychological Analysis / O. Selz. – Bonn, 1924. – S. 16. – Text: direct; Zur Psychologie des Produktiven Denkens und des Irrtums, 1922. – S. XI, 528, 529. – Text: direct.

3. *Berenzon A.D.* The Work of the Prosecutor for General Supervision: Questions of General Methodology / A. D. Berenzon, V. G. Melkumov; editor-in-chief of the state. Justice Advisor 2nd grade I. V. Chermensky. – Moscow: Legal Literature, 1974. – 144 p. – Text: direct;

4. *Veklenko P. V.* Situational approach to cognition: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy: 09.00.01 / Veklenko Pavel Vasilievich [Place of protection: Altai State University]. – Barnaul, 2013. – 274 p. – Text: direct.

5. *Vinokurov Yu. E.* Prosecutor's supervision. Volume 1. General part: textbook for academic bachelor's and specialist's degrees / Yu. E. Vinokurov, A. Yu. Vinokurov. – 14th edition, revised and supplemented. – Moscow: Yurait, 2017. – 165 p. – Text: direct.

6. *Vinokurov Yu.E.* On the Concept of "Scientific Product" (Version) / Yu.E. Vinokurov. – Text: direct // Bulletin of the Scientific School "Improving the Efficiency of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation"; editor-in-chief A.Yu. Vinokurov. – Issue seven. – Moscow: Moscow University for the Humanities, 2018. – P. 6.

7. *Vinokurov Yu.E.* Prevention of Crimes and Other Offenses by Means of General Supervision of the Prosecutor's Office / Yu.E. Vinokurov. – Text: direct // Issues of Combating Crime. – Moscow: Legal Literature. – 1986. – P. 71, 72.

8. *Volchetskaya T.S.* Forensic situationology: dissertation for the degree of Doctor of Law: 12.00.09 / Volchetskaya Tatyana Stanislavovna. – Moscow, 1997. – 395 p. – Text: direct;

9. *Karpysheva Yu.O.* Actual problems of the prosecutor's decision to conduct an inspection of the implementation of laws in accordance with Art. 21 of the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" / Yu.O. Karpysheva. – 49 p. – Text: direct.

10. *Korshunov I.L.* General system theory: textbook / IL Korshunov, AV Omelyan. – St. Petersburg: publication of the St. Petersburg State University of Economics, 2021. – 121 p. – Text: direct.

11. *Makh'yanova, R.M*. "Tactical thinking of the prosecutor: concept, content and influence on the state of legality" // "Russian Law Journal" No. 5. 2024. Pp. 117–128.

12. *Makh'yanova, R.* Use of artificial intelligence technologies in the implementation of supervisory activities of the prosecutor's office / R. Makh'yanova // Legal science. – No. 1. – 2024. – Pp. 195–199.

13. *Makh'yanova, R.* Tactical aspect of supervisory activities of the prosecutor's office: monograph / R. Makh'yanova. – Moscow: Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of Russia, 2022. – 170 p. – ISBN 978-5-6048563-8-3; 14. Makhyanova R. Tactics of supervisory activities of the prosecutor's office: the procedure for development and implementation // Lex russica. No. 78 (6). 2025. P. 67–77. https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.223.6.067-077.

15. Handbook of the military prosecutor: manual / under the general editorship of the Deputy. Prosecutor General of the Russian Federation – Chief Military Prosecutor S.N. Fridinsky. – Moscow: Granitsa, 2014. – 2nd edition, corrected and supplemented / editor-in-chief Head of the Organizational Department of the GVP, PhD in Law I.I. Butrim. – 439 p. – Text: direct.

16. *Petrovsky A.B.* Decision-making theory: a textbook for students of higher educational institutions / A.B. Petrovsky. – Publishing center "Academy", 2009. – 400 p. – ISBN 978-5-7695-5093-5. – Text: direct;

17. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 // Coll. legislation of the Rus. Federation. 20.11.1995. No. 47. Art. 4472.

18. Prosecutor's supervision / edited by Doctor of Law, Professor Yu.E. Vinokurov. – Moscow: Yurait, 2017. – P. 11. – Text: direct.

19. Prosecutor's supervision / edited by Doctor of Law, Professor Yu.E. Vinokurov. – Moscow: Yurait, 2003. – P. 9. – Text: direct.

20. *Skvortsov K.F.* Problems of Improving Prosecutor's Supervision / K.F. Skvortsov. – Text: direct // Improving Prosecutor's Supervision in the USSR: Collection of Articles. – Moscow, 1973. – P. 25.

21. Theoretical and Organizational Foundations of Prosecutor's Inspection: Monograph; General Editorship of Doctor of Law N.V. Subanova. – Moscow, 2016. – 291 p. – Text: direct.

22. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow. 2014. P. 667.

23. Regulation on Prosecutor's Supervision in the USSR: Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of 05.24.1955 // Vedomosti of the USSR Supreme Soviet. 1955. No. 8.

24. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030".

25. Order of the Prosecutor General's Office of Russia of 14.09.2017 No. 627 "On Approval of the Concept of Digital Transformation of Prosecutor's Office Bodies and Organizations until 2025" (together with the "Concept of Digital Transformation of Prosecutor's Office Bodies and Organizations of the Russian Federation until 2025").

For citation: *Makhyanova R.M.* Modernization of the supervisory activities of the Prosecutor's office // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46).- P. 225 – 230.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_219

Научная статья

УДК: 340
ББК: 67.0
DOI**:** 10.47905/MATGIP_2025_4_46_231

А.Е. Носырева*

ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ В АСПЕКТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация. *Квалифицированная юридическая помощь, обеспечение права на доступ к правосудию, а также представительство в органах и учреждениях являются приоритетными направлениями института адвокатуры, которые обусловлены конституционным началом обеспечения равенства граждан перед законом и судом. На сегодняшний день эффективное взаимодействие адвокатов с людьми, имеющих инвалидность, на личностном и профессиональном уровне помогает добиваться справедливости и уважения достоинства их личности, а также восстанавливать нарушенные или ограниченные права. В научной статье осмысливается роль адвокатуры в реализации прав и основных свобод инвалидов, что представляет социально-правовую значимость для дальнейших исследований в науке. В дополнение, в работе были отражены наиболее значимые проблемы по защите прав и основных свобод лиц с инвалидностью.*

Ключевые слова: *адвокатура, квалифицированная юридическая помощь, защита прав людей с инвалидностью, pro-bono.*

Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, в том числе людей с инвалидностью, является фундаментом справедливого мира[5]. Несмотря на то, что международное сообщество признаёт важность и растущую роль международного права в защите прав инвалидов, национальное законодательство остаётся одним из наиболее эффективных средств содействия социальным изменениям и улучшения положения людей с инвалидностью. В частности, доступ к квалифицированной юридической помощи адвокатов является одним из важнейших правовых принципов в обеспечении их прав.

В сущности, адвокатская деятельность как мощный правозащитный механизм играет важнейшую роль в обеспечении конституционных прав личности, по предоставлению гражданам гарантии отстаивать свои законные интересы и восстанавливать нарушенные или ограниченные права. Адвокатура представляет собой институт гражданского общества, который не входит в систему органов государственной власти. Солидарна с мнением М.С. Новичихина, который пишет в своей научной работе, что: адвокат – это «помогающая профессия», ведь именно адвокат обязан обеспечивать права граждан с помощью правового инструментария[7, с.99].

Термин «адвокатура» (с латинского языка «advocate»: «ad» – «кого-то», «кому-то», а «vocare» – «признанный защищать», «призванный оказать помощь») имеет древнеримское происхождение, определяющее статус гражданина, наделенного полномочиями защищать права и основные свободы подзащитного в суде, вести дело. В языках мира можно встретить похожие определения: во французском языке – «avoué»,«avocat», в голландском языке – «advocaat», в итальянском языке – «avvocato» и прочее. Адвокат представлен в качестве общественного лица, призванного оберегать права своего доверителя с помощью знаний законов и различных отраслей права (психологии, медицины, социологии, профессиональной этики и иных междисциплинарных наук[6]).

* **Носырева Алена Евгеньевна** – адвокат Некоммерческой Организации «Коллегия адвокатов» №64 Яйского района Кемеровской области, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического Института Кемеровского государственного университета, член Кузбасского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация историков права». E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7929-2725.

Исторически, первые упоминания об адвокатуре имелись в писаниях Древнего Рима: «патрон» (от латинского слова: «patronus» – покровитель) обязан защищать неполноправных членов римского общества[3, с. 12]. При этом, патрон должен был быть знающим законодательство своей страны, силен в ораторском искусстве, предан интересам своих клиентов и верен этике своей профессии.

В Англии институт адвокатуры берет свое начало в 1285 году в годы правления Эдуарда I Второй Вестминстерский статут[3, с.27] определял, что при судах должны состоять опытные адвокаты в области обычного и статутного права. В середине XV века адвокатура была дифференцирована на три категории: барристеры «barristers» (квалифицированный адвокат, обладающий расширенной компетенцией по защите прав граждан в суде и учреждениях), солиситоры «solicitors» (адвокат, который вправе вести дела в магистратских судах графств или подготавливать материал для барристеров) и атторнеи «attornies» (адвокат, выступающий в качестве представителя стороны при заключении сделок).

Во Франции статус представителя по делу был упомянут в 1270 году в Учреждении Людовика Святого, согласно которого правозащитник обязан отстаивать интересы нуждающихся (бедных, обездоленных, калек и прочих). Адвокаты ручались добросовестно исполнять свои обязанности, представляя только правые интересы[3, с.18]. Во Франции адвокатура имела классификацию на две категории: «avoué» (представитель со стороны суда, который следил за судопроизводством) и «avocat» (независимый оратор, эрудит римского и канонического права, который имел расширенный перечень компетенций по защите прав и основных свобод граждан).

В отечественной истории, впервые в Псковской судной грамоте XV века была закреплена гарантия участия «пособника» в судебном поединке, который назначался в интересах вдов, престарелых и юродивых. В 1716 году в годы правления Петра I Воинский устав (глава «Об адвокатах и полномочных»), ставший основой для реформирования правовой системы империи, на законодательном уровне отразил статус «профессиональных ходатаев»[7, с.100]. В 1864 году Судебным уставом организован институт присяжных и частных поверенных своего клиента с позиции высокой культуры и профессиональной чести [8, с.307]. После, 07 марта 1918 года Декретом о суде № 2 создан институт «правозаступников» интересов трудового народа.

Юридически, институт адвокатуры в странах мира признается в качестве основного условия демократического и правового развития государства, так как без оказания квалифицированной юридической помощи гражданам будут серьезно подорваны их права: на справедливое судебное разбирательство и эффективное средство защиты. Как верно заметил А.В. Шумилин, адвокатура – это основной механизм по «оказанию юридической помощи гражданам независимо от органов власти, государственных учреждений и суда» [14, с.60].

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 №63-ФЗ[13] устанавливает, что адвокат является защитником и(или) представителем своего доверителя, который законно и добросовестно должен отстаивать его интересы: оказывать квалифицированную юридическую помощь(в установленных законом случаях оказывать помощь бесплатно); давать разъяснения (консультации) по действующему законодательству; представлять интересы в суде, органах государственной власти и учреждениях; составлять процессуальные документы (ходатайства, заявления, жалобы и прочее); соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката; регулярно повышать профессиональный уровень и знания и так далее. В сущности, адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

При этом, профессиональная деятельность адвоката может носить: индивидуальный характер, связанный с выполнением непосредственной помощи доверителю (социальной группы) или системный характер, который, включает помимо профессиональной деятельности, осуществление адвокатом общественной, благотворительной, научной деятельности.

Обеспечение равенства граждан перед законом и судом вне зависимости от состояния здоровья, пола, национальности, вероисповедания и прочих признаков непосредственно связано с предоставлением государством свободного доступа к защите и профессиональному представительству адвокатов (в том числе: доступ к бесплатной юридической помощи в рамках государственной, негосударственной системы, а также по системе pro-bono на безвозмездной основе [9, с.739]).

Ретроспективный анализ показывает, что первые упоминания об оказании бесплатной помощи (консультаций) связано с опытом Франции в XIII-XIV веке, когда на адвокатское сообще-

ство (инны) были возложены обязательства по оказанию помощи малоимущему населению. На сегодняшний день в России действует Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 №324-ФЗ[12], который регламентирует виды юридической помощи, перечень граждан, которые могут получить такую помощь (малоимущие, дети-сироты, инвалиды I и II групп, граждане, проходившие(ящие) военную службу в Вооруженных силах России при условии участия в специальной военной операции, а также члены их семей и так далее), квалифицированные требования и прочее. Юридическая помощь, оказывающаяся по системе бесплатной юридической помощи адвокатскими организациями, может компенсироваться государством в установленном законом размере.

В свою очередь, pro-bono (от латинского словосочетания «pro bono publico» – «ради общественного блага») – представляет собой форму оказания правовой помощи льготной категории гражданам на безвозмездной основе. Исторически, pro-bono зародилось в начале XIX века в США под руководством частных компаний, которые оказывали помощь бесплатно гражданам, находящимся за чертой бедности. В России система pro-bono только начинает набирать обороты. В частности, в 2007 году был создан Центр координации юридической помощи Pro Bono [4, с.11]. В свою очередь, ежегодно адвокатские образования участвуют во всероссийских программах: Адвокаты-гражданам, Правовая помощь участникам специальной военной операции и членам их семей, Правовая помощь детям (детям с инвалидностью) и так далее, организуют приемные дни pro bono, проводят правовое информирование в учебных, образовательных, воспитательных учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей, учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и прочее.

На практике, институт адвокатуры как неправительственная организация имеет фундаментальное значение для самоопределения правового статуса людей с инвалидностью и достижения реализации их прав во всех сферах жизнедеятельности (получить доступ к образованию, урегулировать трудовой спор, получить государственные льготы, воспользоваться правом на реабилитацию). Х. Микоша отметила, что: права личности – это не просто универсальное понятие, прописанное в Конституции, это динамичное отражение реализации законных интересов и восстановления нарушенных прав [1, с.1384]. И именно адвокатура как ключевой инструментарий направлена на достижение справедливости в отношении людей с инвалидностью, которое является одним из важнейших человеческих ценностей.

Необходимо подчеркнуть, что граждане с инвалидностью в силу наличия признака ограниченной жизнедеятельности по состоянию здоровья (статья 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [11]) в большей степени нуждаются в социальной и правовой защите конституционных свобод. Практически, доступ к правосудию для многих лиц с инвалидностью остается недостижимым из-за экономических, социальных, поведенческих и иных барьеров в общественной жизни[2,с.51].

На практике они сталкиваются с дискриминацией и (или) насилием, в два раза чаще, чем другие члены общества, не имеющие инвалидности. Им необоснованно отказывают в доступе к различным видам услуг и ресурсов. Не менее актуальным является материальная трудность инвалидов, которые живут за чертой бедности (или имеют непропорционально более низкие уровни дохода), поэтому они не могут себе позволить выплатить транспортные расходы, гонорар представителям из-за стоимости юридических услуг.

В дополнение, проблема предвзятого отношения уполномоченных органов к людям с психическими, физическими, интеллектуальными недостатками приводит к ограничению их в возможности защищать себя (например: необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; их показания часто признаются недостоверными; состояние здоровья воспринимается в качестве повода к криминальному поведению других лиц; сложность коммуникации инвалидов с сотрудниками суда, правоохранительными органами и многое другое). На практике встречаются случаи, когда в ходе осуществления процессуальных действий право потерпевших с инвалидностью на защиту не обеспечивалось (не назначался защитник по назначению; не разъяснялось право и порядок подачи иска о возмещении материального и морального вреда от преступления; отсутствовал специалист по переводу). Действующее законодательство России не предусматривает дополнительных гарантий для реализации свидетелями и потерпевшими с инвалидностью своих прав. В случае получения статуса подозреваемого (обвиняемого) в уголовных делах граждане с инвалидностью могут столкнуться с неправомерным осуждением, ошибочной идентифи-

кацией, ограничением в праве на защиту (отсутствие инклюзивных и коммуникационных технологий; процессуальные документы не имели надлежащего перевода по системе Брайля; сложности участия в следственных действиях и прочее).

Равно как, правовая неграмотность инвалидов приводит к обесцениванию их правового статуса, многие граждане не знаю своих прав, обязанностей и гарантий, закрепленных в законодательстве, не понимают юридические последствия подписания официальных, процессуальных документов, что доказывает повышенную значимость института адвокатуры как профессионального нравственного советника. Адвокат помогает стать услышанным лицо с инвалидностью в юридических и социальных вопросах.

Статья 13 Конвенции о правах инвалидов[5] предписывает необходимость обеспечения на равной основе права: получать надлежащие юридические услуги; восполнять ограничения (нарушения) путем рассмотрения жалоб, и надлежащего расследования дела в целях их поощрения к участию в системе правосудия. Кроме того, механизмы рассмотрения жалоб должны быть доступны на местном уровне, особенно в сельской местности, а также для людей, находящихся в специализированных учреждениях.

Юридически, институт адвокатуры обладает квалифицированностью и глубокими познаниями. Адвокат эффективно взаимодействует с гражданами, имеющие инвалидность, толерантно относятся к их социальным трудностям; оказывают психологическую поддержку; убедительно аргументируют свои доводы в поддержку доверителя; проводят анализ каждой индивидуальной ситуации человека и дает объективную оценку правовым последствиям; понимает правовые принципы, процедуры; ориентируется в законодательстве и юридических пробелах законодательства; надлежащим образом сопровождает инвалида во всех судебных инстанциях и учреждениях.

Обязанность содействовать равенству всех людей, чтобы каждый инвалид имел право на доступ к правосудию, квалифицированной юридической помощи наравне с другими, лежит в основе деятельности современного института адвокатуры. Адвокатура во многом выступает индикатором «здоровья»[10] самого государства к демократии и защите прав личности.

Библиографический список

1. *Meekosha M., Soldatic K.* Human Rights and the Global South: the case of disability // Third World Quarterly. – 2011. – no.32(8). – P.1383–1397.

2. *Ruckus J.* Transformative Justice for Elimination of Barriers to Access to Justice for Persons with Psychosocial or Intellectual Disabilities // Laws. – 2023. – no.12(3). – P.51–55. DOI:10.3390/laws12030051

3. *Гаврилова А.В.* История правозащитного движения: учебное пособие / А. В. Гаврилова. ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – 196 с.

4. *Гула М.В.* «Pro-bono» в России: сущность и особенности // Вестник Национального института бизнеса. – 2019. – С.10–15.

5. Конвенция о правах инвалидов*:* принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006 // Бюллетень международных договоров. – 2013. – №7.

6. *Либанова С.Э.* Роль и значение института адвокатуры как института гражданского общества и неотъемлемой части судебной системы, руководствующейся принципов состязательности // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – №1. – С.139–141.

7. *Новичихин М. С.* Эволюция адвокатуры в России // Право: история, теория, практика: материалы III Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. – С. 99–108.

8. *Носырева А.Е*. Выдающийся оратор и присяжный поверенный Федор Никифорович Плевако // 160 лет российской адвокатуры: история и современность: Сборник работ участников конкурса, посвященного юбилею адвокатуры в России / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – М., 2024. – С.307–314.

9. *Носырева А.Е.* Концепция доступа к правосудию инвалидов // Норма. Закон. Законодательство. Право: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции молодых учёных (г. Пермь, 16–17 апреля 2021 года) / науч. редактор О. А. Кузнецова – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С.738–742.

10. Об адвокатуре // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – URL: https://fparf.ru/onbar/about/ (дата обращения: 27.01.2025).

11. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 №324-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 28.11.2011. – №48. – ст.6725.

12. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 №181-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 27.11.1995. – № 48. – ст.4563.
13. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 №63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 10.06.2002. – №23. – ст.2102.
14. *Шумилин А.В.* Адвокатура как важнейший институт правовой системы современного государства // Образование и право. – 2021. – №3. – С.59–65. DOI 10.24412/2076-1503-2021-3-59-65

Для цитирования: *Носырева А.Е.* Институт адвокатуры в аспекте юридической защиты прав людей с инвалидностью // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 231 – 235.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_231

INSTITUTE OF ADVOCACY IN THE ASPECT OF LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF PEOPLE WITH DISABILITIES

Alyona E. Nosyreva*

Annotation. *Qualified legal assistance, ensuring the right of access to justice, as well as representation in bodies and institutions are priority areas of the institution of advocacy, which are conditioned by the constitutional principle of ensuring the equality of citizens before the law and the court. Today, effective interaction between lawyers and people with disabilities, on a personal and professional level, helps to achieve justice and respect for their dignity, as well as to restore violated or limited rights. The scientific article reflects on the role of advocacy in the implementation of the rights and fundamental freedoms of persons with disabilities, which is of social and legal significance for further research in science. In addition, the work reflected the most significant problems in protecting the rights and fundamental freedoms of persons with disabilities.*

Keywords: *advocacy, qualified legal assistance, protection of rights of people with disabilities, pro-bono.*

Recognition of the inherent dignity of all members of the human family, including persons with disabilities, is the foundation of a just world [5]. Although the international community recognizes the importance and growing role of international law in protecting the rights of persons with disabilities, national legislation remains one of the most effective means of promoting social change and improving the situation of persons with disabilities. In particular, access to qualified legal assistance from lawyers is one of the most important legal principles in ensuring their rights.

In essence, advocacy as a powerful human rights mechanism plays a vital role in ensuring the constitutional rights of the individual, providing citizens with a guarantee to defend their legitimate interests and restore violated or limited rights. The advocacy is an institution of civil society that is not part of the system of state authorities. I agree with the opinion of M.S. Novichikhin, who writes in his scientific work that: an advocate is a «helping profession», because it is the advocate who is obliged to ensure the rights of citizens with the help of legal instruments [7, p. 99].

The term «advocacy» (from the latin «advocate»: «ad» – «someone», «to someone», and «vocare» – «recognized to defend», «called to provide assistance») is of ancient roman origin, defining the status of a citizen empowered to defend the rights and fundamental freedoms of a defendant in court, to conduct a case. Similar definitions can be found in the languages of the world: in french – «avoué», «avocet», in dutch – «advocaat», in italian – «avvocato» and others. A advocate is presented as a public figure called upon to protect the rights of his client with the help of knowledge of laws and various branches of law (psychology, medicine, sociology, professional ethics and other interdisciplinary sciences [6]).

Historically, the first mentions of advocacy were in the writings of Ancient Rome: a «patron» (from the latin word: «patronus» – patron) was obliged to protect the disenfranchised members of roman society [3, p. 12]. At the same time, the patron had to be knowledgeable about the legislation of his country, strong in oratory, devoted to the interests of his clients and true to the ethics of his profession.

In England, the institution of advocacy dates back to 1285 during the reign of Edward I. The Second Statute of Westminster[3, p.27] determined that the courts should have experienced lawyers in the field of common and statutory law.

In the mid-15th century, the legal profession was differentiated into three categories: barristers (qualified lawyers with extensive competence to protect the rights of citizens in court and institutions), solicitors (lawyers who have the right to conduct cases in county magistrates' courts or prepare material for barristers) and attorneys (lawyers acting as a representative of a party in transactions).

In France, the status of a representative in a case was mentioned in 1270 in the Institute of Saint Louis, according to which a human rights defender is obliged to defend the interests of the needy (the poor, the disadvantaged, the disabled, etc.). Advocates pledged to conscientiously fulfill their duties, representing only legitimate interests [3, p. 18]. In

* **Nosyreva Alyona Evgenievna** – advocate of Nonprofit Organization «College of advocates» №64 Yaysky district Kemerovo region, senior teaching fellow of the department of theory and history of state and law Law Institute Kemerovo State University, member of the Kuzbass regional branch of the All-russian public organization «Association of Legal Historians». E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7929-2725.

France, the advocacy was classified into two categories: «avoué» (a representative from the court who monitored the proceedings) and «avocat» (an independent speaker, an erudite of roman and canon law, who had an expanded list of competencies in protecting the rights and fundamental freedoms of citizens).

In Russian history, for the first time in the Pskov Judicial Charter of the 15th century, a guarantee of participation of an «accomplice» in a judicial duel, which was appointed in the interests of widows, the elderly and holy fools, was established. In 1716, during the reign of Peter I, the Military Regulations (chapter «On Advocates and Plenipotentiaries»), which became the basis for reforming the legal system of the empire, reflected the status of «professional petitioners» at the legislative level [7, p. 100].

In 1864, the Judicial Charter organized the institution of sworn and private attorneys of their client from the position of high culture and professional honor [8, p.307]. Later, on March 7, 1918, Decree on the Court №2 created the institution of «advocates» of the interests of the working people.

Legally, the institution of advocacy in countries around the world is recognized as the main condition for the democratic and legal development of the state, since without the provision of qualified legal assistance to citizens, their rights will be seriously undermined: to a fair trial and an effective means of protection. As A.V. Shumilin correctly noted, advocacy is the main mechanism for «providing legal assistance to citizens regardless of government bodies, state institutions and the court» [14, p.60].

The Federal Law «On advocate practices and advocacy in the Russian Federation » dated 31.05.2002 №63-FZ[13] establishes that an advocate is a defender and(or) representative of his client, who must legally and in good faith defend his interests: provide qualified legal assistance (in cases established by law, provide assistance free of charge); provide explanations (consultations) on current legislation; represent interests in court, government bodies and institutions; draw up procedural documents (petitions, applications, complaints, etc.); comply with the code of professional ethics of an advocate; regularly improve their professional level and knowledge, and so on. In essence, an advocate is an independent professional adviser on legal issues.

In this case, the professional activity of advocates may be: individual in nature, associated with providing direct assistance to a client (social group) or systemic in nature, which includes, in addition to professional activity, the lawyer's implementation of social, charitable, and scientific activities.

Ensuring equality of citizens before the law and the courts, regardless of their health status, gender, nationality, religion and other characteristics, is directly related to the provision by the state of free access to protection and professional representation of advocates (including: access to free legal assistance within the framework of the state, non-state system, as well as through the pro-bono system on a gratuitous basis [9, p.739]).

Retrospective analysis shows that the first mentions of the provision of free assistance (consultations) are associated with the experience of France in the 13th–14th centuries, when the advocate's community (inns) were entrusted with the obligation to provide assistance to the poor. Today, the Federal Law «On Free Legal Aid in the Russian Federation» of 21.11.2011 № 324-FZ[12] is in effect in Russia, which regulates the types of legal aid, the list of citizens who can receive such aid (low-income individuals, orphans, disabled persons of groups I and II, citizens who have served in the Armed Forces of Russia subject to participation in a special military operation, as well as members of their families, etc.), qualified requirements and etc. Legal aid provided under the free legal aid system by law firms may be compensated by the state in the amount established by law.

In turn, pro-bono (from the latin phrase «pro bono public» – «for the public good») is a form of providing legal assistance to privileged citizens on a gratuitous basis. Historically, pro-bono originated in the early 19th century in the United States under the guidance of private companies that provided assistance free of charge to citizens below the poverty line. In Russia, the pro-bono system is just beginning to gain momentum. In particular, in 2007 was created, the Pro Bono Legal Assistance Coordination Center [4, p.11]. In turn, the legal entities annually participate in all-Russian programs: Advocates-people, Legal aid to participants in a special military operation and their family members, Legal aid to children (children with disabilities), etc., organize pro bono reception days, conduct legal information in educational, educational, and training institutions for children left without parental care, institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency and etc.

In practice, the institution of advocacy as a non-governmental organization is of fundamental importance for the self-determination of the legal status of people with disabilities and the achievement of the implementation of their rights in all spheres of life (gain access to education, resolve a labor dispute, receive state benefits, exercise the right to rehabilitation). H. Mikosha noted that: individual rights are not just a universal concept prescribed in the Constitution, they are a dynamic reflection of the implementation of legitimate interests and the restoration of violated rights [1, p. 1384]. And it is advocacy as a key tool aimed at achieving justice for people with disabilities, which is one of the most important human values.

It should be emphasized that citizens with disabilities, due to the presence of a sign of limited life activity due to health reasons (Article 1 of the Federal Law «On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation» [11]), are in greater need of social and legal protection of constitutional freedoms. In practice, access to justice for many persons with disabilities remains unattainable due to economic, social, behavioral and other barriers in public life [2, p. 51].

In practice, they face discrimination and(or) violence twice as often as other members of society who do not have disabilities. They are unjustifiably denied access to various types of services and resources. No less pressing is the financial hardship of people with disabilities who live below the poverty line (or have disproportionately lower income levels), so they cannot afford to pay for transportation costs, fees for representatives due to the cost of legal services.

In addition, the problem of biased attitude of authorized bodies towards people with mental, physical, and intellectual disabilities leads to limitations in their ability to defend themselves (for example: unjustified refusal to initiate a criminal case; their testimony is often considered unreliable; health status is perceived as a reason for criminal behavior

of others; the difficulty of communication between disabled people and court employees, law enforcement agencies, and much more).

In practice, there are cases when during the implementation of procedural actions the right of disabled victims to defense was not ensured (no appointed defense attorney was appointed; the right and procedure for filing a claim for compensation for material and moral damage from the crime was not explained; there was no translation specialist). The current legislation of Russia does not provide for additional guarantees for the implementation of their rights by witnesses and victims with disabilities. In the event of receiving the status of a suspect (accused) in criminal cases, citizens with disabilities may face wrongful conviction, erroneous identification, restrictions on the right to defense (lack of inclusive and communication technologies; procedural documents were not properly translated into Braille; difficulties in participating in investigative actions and etc.).

Just as the legal illiteracy of disabled people leads to the devaluation of their legal status, many citizens do not know their rights, obligations and guarantees enshrined in legislation, do not understand the legal consequences of signing official, procedural documents, which proves the increased importance of the institution of advocacy as a professional moral advisor. An advocate helps a person with a disability to be heard in legal and social matters.

Article 13 of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities [5] requires that persons with disabilities be provided with the right to: adequate legal services; to have their disabilities (violations) redressed through complaints and proper investigation of the case in order to encourage them to participate in the justice system. In addition, complaint mechanisms should be accessible at the local level, particularly in rural areas, and for people in institutions.

Legally, the institution of advocacy has qualifications and deep knowledge. The advocates effectively interacts with citizens with disabilities, is tolerant of their social difficulties; provides psychological support; convincingly argues their arguments in support of the client; analyzes each individual situation of a person and gives an objective assessment of the legal consequences; understands legal principles, procedures; is oriented in legislation and legal gaps in legislation; properly accompanies the disabled person in all judicial instances and institutions.

The duty to promote equality of all people, so that every disabled person has the right to access justice, qualified legal assistance on an equal basis with others, lies at the heart of the activities of the modern institution of advocacy. The advocacy in many ways acts as an indicator of the «health» [10] of the state itself for democracy and the protection of individual rights.

Bibliographic list

1.*Meekosha M., Soldatic K.* Human Rights and the Global South: the case of disability // Third World Quarterly. – 2011. – no.32(8). – P.1383–1397.

2.*Ruckus J.* Transformative Justice for Elimination of Barriers to Access to Justice for Persons with Psychosocial or Intellectual Disabilities // Laws. – 2023. – no.12(3). – P.51–55. DOI:10.3390/laws12030051

3. *Gavrilova A.V.* History of the human rights movement: a textbook / A. V. Gavrilova. State Educational Institution of Higher Professional Education «Kemerovo State University». – Kemerovo: Kuzbassvuizdat, 2007. – 196 p.

4. *Gula M.V.* «Pro-bono» in Russia: essence and features // Bulletin of the National Institute of Business. – 2019. – P.10–15.

5. Convention on the Rights of Persons with Disabilities: adopted by the General Assembly Resolution of 13.12.2006 // Bulletin of International Treaties. – 2013. – no.7.

6. *Libanova S.E.* The Role and Significance of the Institute of Advocacy as an Institute of Civil Society and an Integral Part of the Judicial System Guided by the Principles of Advocacy // Problems in Russian Legislation. Law Journal. – 2008. – no.1. – P. 139–141.

7. *Novichikhin M.S.* Evolution of the Advocacy in Russia // Law: History, Theory, Practice: Proceedings of the III International Scientific Conference (St. Petersburg, July 2015). – St. Petersburg: Svoe Publishing House, 2015. – P. 99–108.

8. *Nosyreva A.E.* Notable speaker and attorney Fyodor Nikiforovich Plevako // 160 years of the Russian Advocacy: history and modernity: Collection of works by participants in the competition dedicated to the anniversary of the advocacy in Russia / Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. – M., 2024. – P. 307–314.

9. *Nosyreva A.E.* Concept of access to justice for persons with disabilities // Norm. Law. Legislation. Right: collection of materials from the XXIII International scientific and practical conference of young scientists (Perm, April 16–17, 2021) / scientific editor O. A. Kuznetsova – Perm: Perm State National Research University, 2021. – P. 738–742.

10. About advocacy // Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. – URL: https://fparf.ru/onbar/about/ (date of access: 27.01.2025).

11. Federal Law «On Free Legal Aid in the Russian Federation» dated 21.11.2011 No. 324-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 28.11.2011. – no. 48. – art. 6725.

12. Federal Law «On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation» dated 24.11.1995 No. 181-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 27.11.1995. – no. 48. – art. 4563.

13. Federal Law «On advocate practices and advocacy in the Russian Federation» dated 31.05.2002 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 10.06.2002. – no. 23. – art. 2102.

14. *Shumilin A.V.* Advocacy as the most important institution of the legal system of a modern state // Education and Law. – 2021. – no. 3. – P. 59–65. DOI 10.24412/2076-1503-2021-3-59-65.

For citation: *Nosyreva A.E.* Institute of Advocacy in the aspect of legal protection of the rights of people with disabilities // Theory of state and law. 2025. No. 4(46). – P. 235 – 237.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_231

Научная статья

УДК: 34.096
ББК: 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_238

А.В. Чепус*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье рассматривается правовое регулирование миграционных процессов на фоне развития концепции цифрового государства. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на управление миграцией, включая использование информационных технологий для обеспечения прозрачности и эффективности миграционных процедур. В частности, анализируется введения эксперимента «Мигрант ID», в том числе и иные предложенные законодателем инициативы и стратегии, направленные на интеграцию цифровых решений в миграционное законодательство как на федеральном, так и региональных уровнях, что позволяет оптимизировать процессы регистрации и учета мигрантов.*

Автор приходит к выводу о том, что успешное внедрение цифровых инструментов в миграционную политику требует комплексного подхода, в первую очередь, комплексного правового регулирования, а так же развитие сотрудничества между государственными органами и частным сектором. В заключение, статья формулирует рекомендации по гармонизации правового регулирования и цифровых инноваций для эффективного управления миграционными процессами в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: *миграционное законодательство, цифровое государство, Мигрант ID, миграционная стратегия, электронное правительство.*

Миграционные процессы происходящие в современной мире характеризуются сложностью и вызовами, которые свойственны каждому государству, при этом Российская Федерация не является исключением. Миграционные процессы, связаны не только с вопросами правового регулирования, их важность определяется и социально-экономическими особенностями развитии стран, политическими и иными составляющими. Ключевым моментом является осознание, что миграционные процессы представляют собой не только экономическую, социальную, но и информационную динамику, требующую многоаспектного и вдумчивого подхода к разрешению возникающих вызовов. В современном мире, где информация и технологии становятся ключевыми факторами, правовое регулирование миграции требует применения инновационных методов, направленных на упрощение и улучшение контроля над миграционными потоками. В этом контексте развитие концепции цифрового государства в России может сыграть важную роль в оптимизации миграционных процессов. Одним из ключевых документов, определяющих направление государственной миграционной политики, является «Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года» [4].

Юридическое регламентирование миграционных процессов в России требует более критического осмысления применяемых законодательных актов и методов их реализации, с учетом развития концепции цифрового государства. Критически важно подчеркнуть, что жизненно необходимыми являются правовые инструменты, которые были бы одновременно строгими и справедливыми, принимая во внимание права человека и предоставляя надежную защиту как для самих мигрантов, так и для граждан России.

Развивая концепцию цифрового государства, следует обратить внимание на имеют свои особенности и вызовы, с которыми Российская Федерация столкнулась в 2025 году. Так с увели-

* **Чепус Алексей Викторович** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики», Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия. E-mail: alexal_2004@mail.ru

чением числа мигрантов, как трудовых, так и беженцев, возникает необходимость в разработке и реализации эффективной миграционной политики, которая как было указана ранее регламентируется Концепцией, реализация которой заканчивается в этом году. Кроме того, существуют и другие проблемы: 1. Нехватка информации о мигрантах; 2. Проблемы легализации и интеграции мигрантов; 3. Негативные последствия нелегальной миграции, этот перечень можно продолжать и далее.

Меры государственного регулирования за счет информационных систем направленные на стабилизацию процессов заполнения вакансий за счет трудовых мигрантов в недостаточно представленных отраслях с одной стороны, встречается с риском подавления роста заработных плат, усилением конкуренции за рабочие места и расширением области теневой экономики с другой. Вопрос нелегальной миграции обостряется её отрицательным воздействием на построение цифрового общества и на общественную стабильность. Мигранты без легального статуса часто сталкиваются с проблемами при устройстве на работу, получении медицинской помощи и образования, что усиливает социальное недовольство и провоцирует конфликты между приезжими и коренным населением. Также, нелегальная миграция способствует увеличению уровня преступности, террористической активности и прочих дестабилизирующих факторов, снижая уровень безопасности и общественное благополучие.

Решение данной проблематики в контексте Российской Федерации требует глубокого и многогранного подхода, включающего пересмотр и усовершенствование законодательной базы, усиление контроля за миграционными процессами, за счет именно информационных систем, а также разработку и реализацию программ, способствующих интеграции мигрантов в информационную социокультурную среду.

Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года, была разработана с целью создания эффективной системы управления миграцией, учитывающей социальные, экономические и демографические факторы. Основные направления концепции включают: обеспечение прав и законных интересов мигрантов; упрощение процедур легализации; создание условий для интеграции мигрантов в российское общество. Одним из ключевых аспектов концепции является использование цифровых технологий для улучшения миграционных процессов. Это предполагает разработку электронных сервисов для подачи заявлений, получения информации и контроля за нахождением мигрантов.

Таким образом, правовое регулирование миграционных процессов в рамках концепции построения цифрового государства требует разрешения ряда вопросов. Во-первых, разработка законодательного регулирования на уровне федерации и каждого субъекта. В самой концепции государственной миграционной политики России до 2025 года, отмечается, что «нынешние нормативно-правовые акты, регулирующие миграционные процессы, не вполне удовлетворяют существующие и будущие потребности российского общества и государственной структуры. Этот вызов стал особенно заметен в связи с обострением потребности в разработке миграционного законодательства в 1990-е годы из-за интенсивных миграционных потоков из государств-преемников Советского Союза, что, в свою очередь, повлияло на качество этих законодательных инициатив» [7]. Однако, эта проблема не снята до сих пор, ни на законодательном уровне не в процессе построения цифрового государства, не решен данный вопрос и в рамках e-government.

Правовое регулирование должно быть адаптировано к новым технологиям и к новым вызовам. Это включает создание нормативных актов, разрешающих использование электронных документов и упрощение процедур регистрации мигрантов. Как верно, указывает профессор Комаров С.А., заметный рост информационных технологий и появление новых институтов (электронное правительство, электронное правосудие, электронное образование, электронные платежные системы, умные дороги, беспилотный транспорт), требующих качественной правовой основы для своего функционирования [8, с.9].

Сюда так же следует отнести упрощения доступа к государственным услугам со стороны лиц, официально въезжающих и находящихся на законных основаниях на территории России. Развивая упрощенный доступ, мигранты могут получать все необходимые документы, на стадии въезда в страну. Следующим направление совершенствования законодательства в сфере миграции должно стать сокращение издержек, как самих органов публичной власти, так и лиц, въезжающих в страну, в первую очередь, речь идет об экономии времени. Не мало важным аспектом в развитии концепции цифрового государства в развитии миграционной политики должно быть

уделено вниманию прозрачности за деятельностью органов власти, что приведет к снижению потенциальных угроз коррупции.

Цель любой реформы, является улучшение качества в том числе услуг, что в случае с миграционной политикой должно повлиять на более оперативное и персонализированное обслуживание, анализ деятельности, предотвращения нарушения законодательства.

Во-вторых, создание единой цифровой платформы, так одной из ключевых задач является создание единой информационной базы данных о мигрантах, которая позволит эффективно отслеживать их перемещение и статус. Со стороны Государственной Думы РФ был инициирован эксперимент «Мигрант ID», принятый Федеральный закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» [1].

Эксперимент направлен на создание цифровых электронных документов иностранных граждан, которые приезжают в Россию не как туристы, а с целью работы. Цифровой паспорт будет содержать ФИО, сведения о гражданстве, биометрические данные, трудовой патент, информацию о месте жительства и работы, данные о переводах за рубеж и правонарушениях. Согласно предлагаемым поправкам в закон, иностранец имеет право въехать в Россию только в случае, если ему одобрили заявку на оформление электронного паспорта. По прибытии в Россию иностранец должен передать свои биометрические данные и стать на учет. «Мигрант ID» должны будут получать все категории мигрантов: приезжающие с целью работы или получения образования, а также члены их семей.

Таким образом, идея Российских властей создать единый документ «Мигрант ID», что по мнению разработчиков закона, не только упростит миграционные процессы, но и повысит уровень безопасности. Однако создание такой платформы затруднительно из-за степени разработки терминологии; точности законодательных норм, регулирующих механизмы привлечения к юридической ответственности за нарушения в сфере миграционного права Российской Федерации; абсолютной регламентация процедуры перемещения в пределах Российской Федерации; состояния нормативно-правового регулирования трудовой миграции. «В контексте развития теоретической базы указанной дисциплины стоит отметить, что нормативно-правовая база пока не включает в себя определения ряда важных понятий и терминов, включая «миграция», «место временного проживания», «приглашающая сторона». Также отсутствует закрепление обязанностей и юридической ответственности для приглашающих лиц» [3].

Также крайне важно осознавать, что специализированная лексика в данной области играет ключевую роль. Отсутствие точно определенных и юридически зафиксированных понятий приводит к затруднениям в идентификации субъектов, на которые распространяется действие данных правовых регламентов и уж тем более создание единой цифровой платформы.

В-третьих, защита прав мигрантов, подразумевающая меры государственного регулирования, поэтому принципы юридического подхода к урегулированию миграционных процессов в защите прав мигрантов берут начала в нормах международного права. Этот правовой подход базируется на механизме, который должен быть применен при формулировании и реализации миграционной политики. В его основе лежит необходимость соблюдения международных норм и стандартов в области прав человека, а также необходимость учета специфики прав и свобод различных групп мигрантов, включая группы, наиболее подверженные риску [6].

Продолжая мысль о важности цифровизации в контексте защиты прав мигрантов, отмечу, что цифровизация должна обеспечить доступ мигрантов к актуальной и достоверной информации о своих правах и обязанностях в рамках международного сотрудничества. Создание многоязычных онлайн-порталов и мобильных приложений, где мигранты могут находить информацию о процессе легализации, правовых нормах, доступных социальных услугах и других аспектах, существенно упростит их взаимодействие с государственными органами. Например, предоставление информации о необходимых документах для получения визы или вида на жительство может быть реализовано через интерактивные сервисы. Цифровизация процессов требует особого внимания к вопросам безопасности данных, что подразумевает защиту личных данных. Необходимы четкие проработанные и закрепленные в концепции цифрового государства, механизмы защиты информации мигрантах, а также прозрачные практики, касающиеся сбора и обработки данных, чтобы избежать злоупотреблений и дискриминации.

Таким образом, цифровизация миграционных процессов является ключевым фактором, который может не только упростить административные процедуры, но и существенно улучшить защиту прав мигрантов. Создание доступной и инклюзивной цифровой среды поможет обеспечить равноправие для всех, вне зависимости от их миграционного статуса, содействуя гармоничному социальному развитию.

Необходимо выделить, что тематика миграции охватывает интересы как на уровне федерации, так и на уровне её составных единиц. Законы России позволяют органам власти её субъектов активно влиять на процессы управления миграцией. Бюджетный кодекс страны определяет методы формирования доходов регионов и распределения финансовых ресурсов в них [2]. В условиях ограниченной поддержки со стороны центрального правительства, региональные органы власти имеют полномочия на проведение инициатив, финансируемых из средств регионального бюджета.

Критически значимым оказывается обстоятельство использования денежных активов, перечисляемых из федерального бюджета в бюджет субъекта Российской Федерации, предназначенных для конкретных целевых расходов. Произвольное использование этих средств может влечь за собой разнообразные формы ответственности.

Эдилов Р. Э. высказывает мнение о недостатках текущей системы управления миграционными процессами. Он подчеркивает, что существующие миграционные законы РФ еще не способны полноценно способствовать реализации эффективной миграционной политики в стране [9, с.204 – 206]. Следует отметить, что миграционная обстановка постоянно эволюционирует, требуя адаптации и улучшения нормативной базы как на уровне федерального, так и на уровне регионального законодательства.

Обращу внимание еще на один не решенный вопрос, без которого построение миграционных процессов на высоком цифровом уровне невозможно, а именно отсутствует разграничение полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в таких нормативно-правовых актах как Федеральный закон от 19 февраля 1993 года № 4528–1 «О беженцах», Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4530–1 «О вынужденных переселенцах».

«Дисбаланс на рынке труда, характеризующийся избытком рабочих ресурсов в определенных регионах и их дефицитом в других, может найти свое решение на уровне региональной политики. Эту неоднородность лучше всего видят местные органы власти, которые напрямую сталкиваются с данными проблемами. Вопреки этому, основная ответственность и регулирование в этом аспекте приходится на плечи государственных структур. Так, специалисты в области экономики труда, включая Л. В. Андриченко, предлагают передать полномочия по управлению миграционными процессами от центральных к региональным властям, однако оставляют открытым вопрос механизмов такой передачи» [5, с.112 – 120].

Вместе с тем, национальная миграционная стратегия, должна находиться в совместной разработке с законодательными (представительными) органами власти регионов, с администрациями глав регионов. В частности, анализ компетенций федеративных органов власти в контексте миграции выявил определенные недостатки. Отсутствие четких разграничений полномочий между федеральными и региональными уровнями ведет к невозможности адекватного решения миграционных задач. Эффективность местной миграционной политики зависит от того, насколько точно субъекты федерации могут оценить потребность в трудовых ресурсах и их интеграцию. Следовательно, обновление подходов к миграционной политике должно быть направлено на обеспечение социальной адаптации и поддержки мигрантов на региональном уровне, с переносом вектора развития цифровых технологий в регионы.

Таким образом, цифровизация представляет собой важный инструмент для модернизации миграционной политики в России. В условиях глобализации и увеличения миграционных потоков, использование информационных технологий в управлении миграцией способно повысить эффективность работы государственных органов, обеспечить большую прозрачность процессов и улучшить взаимодействие между мигрантами и государством. Цифровое государство создает платформу, на которой можно интегрировать разные аспекты миграционной политики, включая учет мигрантов, легализацию их статуса, социальную поддержку и интеграцию в общество. Одним из ключевых преимуществ построения концепции цифрового регулирования миграционных процессов, является возможность упрощения сложных и зачастую бю-

рократических административных процедур. Современные технологии, такие как электронные сервисы и мобильные приложения, позволяют мигрантам легко получать необходимые услуги – от подачи заявлений на визу до регистрации в государственных органах. Это не только сокращает время и затраты самих приезжих, но и снижает административные барьеры что, в свою очередь, повышает уровень удовлетворенности мигрантов от взаимодействия с государственными структурами.

Внедрение цифровых решений в миграционную политику должно сопровождаться жесткими мерами по защите данных самих мигрантов. Мигранты часто уязвимы в правовой и социально-экономической сферах, что требует от государства реализации надежной политики конфиденциальности в обработке личной информации. Создание безопасных платформ для хранения и обработки информации о мигрантах поможет избежать злоупотреблений и повысить уровень доверия к государственным органам.

Для успешной реализации цифровизации в миграционной политике необходимо обеспечить соответствующее оснащение и обучение государственных служащих. Переход к электронным системам и сервисам требует изменения в подходах к работе, внедрения новых навыков и знаний. Обучение персонала и модернизация инфраструктуры могут создать ощутимый эффект, повысив качество предоставляемых услуг и снижая количество ошибок в управлении миграционными процессами.

Несмотря на многочисленные преимущества цифровизации, этот процесс также сопряжен с определенными вызовами. Необходимость создания единой информационной системы, интеграция данных из различных государственных структур, а также вопросы финансирования и технической инфраструктуры требуют внимания и решений на уровне государственной политики. Более того, важно учитывать этические аспекты применения технологий, чтобы избежать потенциальной дискриминации мигрантов и защитить их права.

Цифровизация миграционной политики в России способствует оптимизации управления миграционными потоками и защиты прав мигрантов. Концепция цифрового государства, интегрированная в миграционную политику, может привести к значительным позитивным изменениям как для самих мигрантов, так и для общества в целом. Создание инклюзивной и доступной среды для всех категорий граждан позволит не только повысить уровень доверия между мигрантами и государством, но и содействовать устойчивому социально-экономическому развитию страны. Поэтому разработка концепции миграционной политики после 2025 года необходимый шаг в продолжении работы в этом направлении, учитывая возникающие вызовы и стремясь к созданию справедливой и открытой миграционной системы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 23.05.2025 N 121-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 23.05.2025.

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 30.09.2024).

3. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ, 19.08.1996, N 34, ст. 4029.

4. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru) 31 октября 2018 г.

5. *Андриченко Л. В.* Региональные аспекты управления миграционными процессами // Журнал экономики труда. – 2020. – Т. 7, № 3. – С. 112–120.

6. Поощрение и защита прав человека, включая пути и способы поощрения прав человека-мигранта: доклад Генерального секретаря ООН от 9 августа 2013 г. A 68/292. URL: http /www.un.org/ru/ga/68/meetings/resources.shtml. (дата обращения: 08.10.2024).

7. *Степанов В. А.* Актуальные проблемы законодательства в сфере миграции: пути решения // Вопросы управления. – 2010. – № 12.

8. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – С. 9.

9. *Эдилова Р. Э.* Нормативно-правовое регулирование миграционных отношений в России: проблемы и пути их преодоления // Молодой ученый. – 2012. – № 2. – с. 204–206.

Для цитирования: *Чепус А.В.* Правовое регулирование миграционных процессов в контексте развития концепции цифрового государства // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 238 – 243.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_238

LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL STATE CONCEPT

Alexey V. Chepus*

Annotation. *The article examines the legal regulation of migration processes against the background of the development of the digital state concept. Particular attention is paid to the impact of digitalization on migration management, including the use of information technology to ensure transparency and efficiency of migration procedures. In particular, the introduction of the "Migrant ID" experiment is analyzed, including other initiatives and strategies proposed by the legislator aimed at integrating digital solutions into migration legislation at both the federal and regional levels, which makes it possible to optimize the processes of registration and registration of migrants. The author concludes that the successful implementation of digital tools in migration policy requires an integrated approach, primarily comprehensive legal regulation, as well as the development of cooperation between government agencies and the private sector. In conclusion, the article formulates recommendations on the harmonization of legal regulation and digital innovations for effective management of migration processes in a rapidly changing world.*

Keywords: *migration legislation, digital state, Migrant ID, migration strategy, e-government.*

Migration processes taking place in the modern world are characterized by complexity and challenges that are peculiar to every state, while the Russian Federation is no exception. Migration processes are not only related to issues of legal regulation, their importance is also determined by the socio-economic features of the development of countries, political and other components. The key point is to realize that migration processes represent not only economic, social, but also informational dynamics that require a multidimensional and thoughtful approach to solving emerging challenges. In today's world, where information and technology are becoming key factors, legal regulation of migration requires the use of innovative methods aimed at simplifying and improving control over migration flows. In this context, the development of the digital state concept in Russia can play an important role in optimizing migration processes. One of the key documents defining the direction of the state migration policy is the "Concept of the State Migration Policy of Russia until 2025" [4].

The legal regulation of migration processes in Russia requires a more critical understanding of the applicable laws and methods of their implementation, taking into account the development of the concept of a digital state. It is critically important to emphasize that legal instruments that are both strict and fair are vital, taking into account human rights and providing reliable protection for both migrants themselves and Russian citizens.

When developing the concept of a digital state, it is necessary to pay attention to the specific features and challenges that the Russian Federation faced in 2025. Thus, with the increasing number of migrants, both labor and refugees, there is a need to develop and implement an effective migration policy, which, as mentioned earlier, is regulated by the Concept, the implementation of which ends this year. In addition, there are other problems.: 1. Lack of information about migrants; 2. Problems of legalization and integration of migrants; 3. The negative consequences of illegal migration, the list can go on and on.

Government regulation measures through information systems aimed at stabilizing the processes of filling vacancies at the expense of migrant workers in underrepresented industries, on the one hand, run the risk of suppressing wage growth, increased competition for jobs and the expansion of the shadow economy, on the other. The issue of illegal migration is exacerbated by its negative impact on building a digital society and on social stability. Migrants without legal status often face problems when applying for a job, receiving medical care and education, which increases social discontent and provokes conflicts between newcomers and the indigenous population. Illegal migration also contributes to an increase in crime, terrorist activity and other destabilizing factors, reducing the level of security and public well-being.

Addressing this issue in the context of the Russian Federation requires a deep and multifaceted approach, including reviewing and improving the legislative framework, strengthening control over migration processes through information systems, as well as developing and implementing programs that promote the integration of migrants into the information socio-cultural environment.

* **Chepus Alexey Viktorovich** – Doctor of Law, Professor of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics, Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia. E-mail: alexal_2004@mail.ru

The concept of Russia's state migration policy until 2025 was developed with the aim of creating an effective migration management system that takes into account social, economic and demographic factors. The main directions of the concept include: ensuring the rights and legitimate interests of migrants; simplification of legalization procedures; creation of conditions for the integration of migrants into Russian society. One of the key aspects of the concept is the use of digital technologies to improve migration processes. This involves the development of electronic services for submitting applications, obtaining information and monitoring the presence of migrants.

Thus, the legal regulation of migration processes within the framework of the concept of building a digital state requires the resolution of a number of issues. First, the development of legislative regulation at the level of the federation and each subject. The very concept of Russia's state migration policy until 2025 notes that "current regulatory legal acts regulating migration processes do not fully meet the existing and future needs of Russian society and government structures. This challenge became particularly noticeable due to the increased need to develop migration legislation in the 1990s due to intensive migration flows from the successor states of the Soviet Union, which, in turn, affected the quality of these legislative initiatives" [7]. However, this problem has not been resolved so far, neither at the legislative level nor in the process of building a digital state, nor has this issue been resolved within the framework of e-government.

Legal regulation must be adapted to new technologies and new challenges. This includes the creation of regulations allowing the use of electronic documents and simplification of registration procedures for migrants. As Professor Komarov S.A. correctly points out, there is a noticeable increase in information technologies and the emergence of new institutions (e-government, e-justice, e-education, electronic payment systems, smart roads, unmanned vehicles) that require a high-quality legal framework for their functioning [8, p.9].

This should also include simplification of access to public services by persons who are officially entering and legally staying in Russia. By developing simplified access, migrants can obtain all the necessary documents at the stage of entry into the country. The next direction for improving legislation in the field of migration should be to reduce costs, both for public authorities themselves and for persons entering the country, primarily to save time. An important aspect in the development of the digital state concept in the development of migration policy should be paid attention to transparency over the activities of government authorities, which will lead to a reduction in potential threats of corruption.

The goal of any reform is to improve the quality of services, which, in the case of migration policy, should affect more prompt and personalized service, activity analysis, and prevention of violations of the law.

Secondly, the creation of a single digital platform, as one of the key tasks is to create a single information database about migrants, which will effectively track their movement and status. The State Duma of the Russian Federation initiated the "Migrant ID" experiment, and adopted Federal Law No. 121-FZ dated 05/23/2025 (as amended on 07/31/2025) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on conducting an experiment to introduce additional registration mechanisms for foreign citizens" [1].

The experiment is aimed at creating digital electronic documents for foreign citizens who come to Russia not as tourists, but for the purpose of work. The digital passport will contain a full name, information about citizenship, biometric data, an employment patent, information about the place of residence and work, data on transfers abroad and offenses. According to the proposed amendments to the law, a foreigner has the right to enter Russia only if he has approved an application for an electronic passport. Upon arrival in Russia, a foreigner must transfer their biometric data and register. All categories of migrants will have to receive a "migrant ID": those who come for the purpose of work or education, as well as members of their families.

Thus, the idea of the Russian authorities is to create a single document "Migrant ID", which, according to the developers of the law, will not only simplify migration processes, but also increase the level of security. However, the creation of such a platform is difficult due to the degree of terminology development; the accuracy of the legislative norms governing the mechanisms of bringing to legal responsibility for violations in the field of migration law of the Russian Federation; the absolute regulation of the procedure of movement within the Russian Federation; the state of legal regulation of labor migration. "In the context of the development of the theoretical framework of this discipline, it is worth noting that the regulatory framework does not yet include definitions of a number of important concepts and terms, including "migration", "place of temporary residence", "inviting party". There is also no consolidation of duties and legal responsibility for the inviting persons" [3].

It is also extremely important to realize that specialized vocabulary plays a key role in this area. The lack of precisely defined and legally fixed concepts leads to difficulties in identifying the subjects to which these legal regulations apply, and even more so the creation of a single digital platform.

Thirdly, the protection of migrants' rights implies measures of state regulation, therefore, the principles of a legal approach to the regulation of migration processes in the protection of migrants' rights originate in the norms of international law. This legal approach is based on a mechanism that should be applied in the formulation and implementation of migration policy. It is based on the need to comply with international norms and standards in the field of human rights, as well as the need to take into account the specifics of the rights and freedoms of various groups of migrants, including those most at risk [6].

Continuing the idea of the importance of digitalization in the context of protecting migrants' rights, I would like to note that digitalization should ensure migrants' access to up-to-date and reliable information about their rights and obligations within the framework of international cooperation. The creation of multilingual online portals and mobile applications where migrants can find information about the legalization process, legal norms, available social services and other aspects will significantly simplify their interaction with government agencies. For example, providing information about the necessary documents for obtaining a visa or residence permit can be implemented through interactive services. Digitalization of processes requires special attention to data security issues, which implies the protection of personal data. Clear mechanisms

for protecting migrants' information, as well as transparent practices regarding data collection and processing, are needed to avoid abuse and discrimination, which are elaborated and enshrined in the concept of a digital state.

Thus, digitalization of migration processes is a key factor that can not only simplify administrative procedures, but also significantly improve the protection of migrants' rights. Creating an accessible and inclusive digital environment will help ensure equality for all, regardless of their migration status, contributing to harmonious social development.

It should be emphasized that the topic of migration covers interests both at the level of the federation and at the level of its constituent entities. The laws of Russia allow the authorities of its subjects to actively influence migration management processes. The Budget Code of the country defines the methods of generating regional incomes and allocating financial resources in them [2]. With limited support from the central Government, regional authorities have the authority to implement initiatives funded from the regional budget.

The fact of using monetary assets transferred from the federal budget to the budget of a constituent entity of the Russian Federation intended for specific targeted expenditures is critically important. Arbitrary use of these funds may entail various forms of liability.

Edilov R. E. expresses his opinion about the shortcomings of the current migration management system. He emphasizes that the existing migration laws of the Russian Federation are not yet able to fully contribute to the implementation of an effective migration policy in the country [9, pp.204–206]. It should be noted that the migration situation is constantly evolving, requiring adaptation and improvement of the regulatory framework at both the federal and regional legislative levels.

I would like to draw your attention to another unresolved issue, without which building migration processes at a high digital level is impossible, namely, there is no differentiation between the powers of federal executive authorities and executive authorities of constituent entities of the Russian Federation in such normative legal acts as Federal Law No. 4528-1 of February 19, 1993 "On Refugees", the Law of the Russian Federation Dated February 19, 1993, No. 4530-1 "On internally displaced persons".

"The imbalance in the labor market, characterized by an excess of labor resources in certain regions and a shortage in others, can be resolved at the regional policy level. This heterogeneity is best seen by local authorities who are directly confronted with these problems. Despite this, the main responsibility and regulation in this aspect falls on the shoulders of government agencies. Thus, experts in the field of labor economics, including L. V. Andrichenko, they propose to transfer the authority to manage migration processes from central to regional authorities, but they leave open the question of the mechanisms of such transfer" [5, pp.112–1120].

At the same time, the national migration strategy should be jointly developed with the legislative (representative) authorities of the regions, with the administrations of the heads of the regions. In particular, an analysis of the competencies of federal authorities in the context of migration has revealed certain shortcomings. The lack of clear lines of authority between the federal and regional levels leads to the impossibility of adequately addressing migration challenges. The effectiveness of local migration policy depends on how accurately the subjects of the federation can assess the need for labor resources and their integration. Therefore, updating approaches to migration policy should be aimed at ensuring social adaptation and support for migrants at the regional level, with the transfer of the vector of digital technology development to the regions.

Thus, digitalization is an important tool for modernizing migration policy in Russia. In the context of globalization and increasing migration flows, the use of information technology in migration management can increase the efficiency of government agencies, ensure greater transparency of processes and improve interaction between migrants and the state. The digital state creates a platform where different aspects of migration policy can be integrated, including registration of migrants, legalization of their status, social support and integration into society. One of the key advantages of building the concept of digital regulation of migration processes is the ability to simplify complex and often bureaucratic administrative procedures. Modern technologies, such as electronic services and mobile applications, allow migrants to easily obtain the necessary services, from applying for a visa to registering with government agencies. This not only reduces the time and costs of the visitors themselves, but also reduces administrative barriers, which, in turn, increases the level of satisfaction of migrants from interacting with government agencies.

The introduction of digital solutions into migration policy should be accompanied by strict measures to protect the data of migrants themselves. Migrants are often vulnerable in the legal and socio-economic spheres, which requires the State to implement a reliable privacy policy in the processing of personal information. Creating secure platforms for storing and processing information about migrants will help avoid abuse and increase the level of trust in government agencies.

For the successful implementation of digitalization in migration policy, it is necessary to provide appropriate equipment and training for civil servants. The transition to electronic systems and services requires a change in approaches to work, the introduction of new skills and knowledge. Staff training and infrastructure modernization can have a tangible effect by improving the quality of services provided and reducing the number of errors in migration management.

Despite the many advantages of digitalization, this process is also fraught with certain challenges. The need to create a unified information system, the integration of data from various government agencies, as well as issues of financing and technical infrastructure require attention and solutions at the level of public policy. Moreover, it is important to take into account the ethical aspects of the use of technology in order to avoid potential discrimination against migrants and protect their rights.

Digitalization of migration policy in Russia contributes to the optimization of migration flow management and protection of migrants' rights. The concept of a digital state integrated into migration policy can lead to significant posi-

tive changes both for migrants themselves and for society as a whole. Creating an inclusive and accessible environment for all categories of citizens will not only increase the level of trust between migrants and the state, but also contribute to the sustainable socio-economic development of the country. Therefore, the development of a migration policy concept after 2025 is a necessary step in continuing work in this direction, taking into account emerging challenges and striving to create a fair and open migration system.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 121-FZ of 05/23/2025 (as amended on 07/31/2025) "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on Conducting an Experiment on the Introduction of Additional Accounting Mechanisms for Foreign Citizens" // Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru , 05/23/2025.

2. Budget Code of the Russian Federation: Federal Law of 07/31/1998 No. 145-FZ (as amended on 30.09.2024).

3. On the procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation: Federal Law Federal Law No. 114-FZ dated 08/15/1996 (as amended on 04/07/2020) // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 08/19/1996, No. 34, art. 4029.4.

Decree of the President of the Russian Federation dated October 31, 2018 No. 622 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025" // published on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) October 31, 2018

5. *Andrichenko L. V.* Regional aspects of migration management // Journal of Labor Economics. 2020. Vol. 7, No. 3. pp. 112–120.

6. Promotion and protection of human rights, including ways and means of promoting human rights of migrants: report of the UN Secretary-General dated August 9, 2013 A 68/292. URL: http /www.un.org/ru/ga/68/meetings/resources.shtml . (date of reference: 08.10.2024).

7. *Stepanov V. A.* Actual problems of legislation in the field of migration: ways to solve // Management issues. – 2010. – № 12.

8. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph /Edited by S.A. Komarov, Moscow: MATGiP Publishing House, 2022, pp. 9.

9. *Edilova R. E.* Regulatory and legal regulation of migration relations in Russia: problems and ways to overcome them // Young Scientist. – 2012. – No. 2. – pp. 204–206.

For citation: *Chepus A.V.* Legal regulation of migration processes in the context of the development of the digital state concept // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). P. 243 – 246.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_238

Научная статья

УДК: 342.5 + 342.7
ББК: 67.400
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_247

К.В. Шафигулин*

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СОХРАНЯТЬ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. *Статья посвящена установленной на государственном уровне обязанности человека и гражданина по сбережению своего здоровья.*

Осуществлен анализ федерального законодательства в сфере охраны здоровья граждан и иных правовых актов, в которых содержится законодательная обязанность по сохранению своего здоровья, а также рассмотрены изменения, затронувшие статью 72 Конституции Российской Федерации через призму формирования новой обязанности.

При исследовании обязанности сохранять и беречь свое здоровье гражданином выявлена проблематика, касающаяся реализации данной правовой нормы. В настоящее время в Федеральном законе «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» и некоторых иных правовых актах закреплена подобная обязанность. Однако существующее закрепление носит формальный характер, так как санкция за неисполнение данной обязанности отсутствует, что делает ее соблюдение необязательным. Учитывая проведенный анализ и мнения ряда исследователей, выявлено, что установить четкие правила поведения для человека, при соблюдении которых он однозначно будет здоров, то есть будет заботиться о своем здоровье, весьма затруднительно, и лишено здравого смысла. Создание юридической санкции за несбережение своего здоровья, как и выработка императивных правил поведения с целью его сохранения может привести к нарушению конституционного права на личную неприкосновенность человека. В результате проведенного исследования были сформированы выводы, позволяющие рассмотреть закрепление обязанности по сбережению своего здоровья применяя положительную санкцию, которая будет стимулировать добросовестное отношение к своему здоровью, формировать культуру здорового образа жизни.

В результате предложены отдельные изменения в ряд федеральных законов, которые позволят урегулировать общественные отношения в части соблюдения человеком обязанности сохранять свое здоровье, что, в конечном итоге, позволит создать полноценную конструкцию, предусматривающую не только право на медицинскую помощь, но обязанность беречь здоровье.

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации; конституционная обязанность; право на охрану здоровья; право на медицинскую помощь; обязанность беречь здоровье; соматические права; юридическая ответственность; позитивная (поощрительная) санкция.*

Введение

В современной России правовым фундаментом для построения правового государства выступает Конституция Российской Федерации*** или иными словами – Основной Закон страны.

* **Шафигулин Кирилл Витальевич –** ведущий юрисконсульт ФГБУ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины имени А.М. Никифорова» МЧС России; Санкт-Петербург, Российская Федерация; аспирант ЧОУ ВО «Юридический институт»; ORCID: 0009-0006-5273-1181. E-mail: kusha1@bk.ru

** Автор выражает благодарность профессору кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, профессору кафедру конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт», доктору юридических наук, доценту, заслуженному юристу Российской Федерации **Владимиру Анатольевичу Винокурову** за осуществление научного руководства при подготовке автором настоящей работы.

*** Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 6 октября. № 0001202210060013.

Данный главный нормативный правовой акт государства содержит в себе не только основные нормы права, в соответствии с которыми выстраивается вся правовая система и определяется ее иерархичность, но и включает в себя элементы обязанностей гражданина. Закрепление в Конституции России и обязанностей (в меньшей степени) и прав (в большей степени) человека позволяет Основному Закону страны определять и направления для развития, и основные моральные и нравственные ценности, в рамках которых человек будет жить и совершенствоваться.

Конституция Российской Федерации гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статья 17). В Основном Законе страны предусмотрена глава, закрепляющая политические, социальные, экономические и личные права человека. Следует отметить, что при подготовке проекта Конституции Российской Федерации учеными в области права, государственными деятелями[*] были выверены нормы, содержащиеся в этой главе, поскольку заключали в себе опыт предшествующих поколений, который и сегодня позволяет нашей державе держать курс на всестороннее развитие человека и государства, и – главное: устанавливает их взаимную устойчивую правовую связь. Подобного рода связь между гражданином и публичной властью (которая выражена в правомочных органах) формирует систему, где государство не только наделяет человека правами, но гарантирует и обеспечивает гражданина свободой, ограниченной только в разумных пределах. Человек и гражданин, в свою очередь осуществляет вклад в развитие своей страны, общества и государства, то есть добросовестно выполняет взятые на себя обязательства.

Примечательно, что еще Карл Маркс в своих трудах отмечал принципиальную особенность при построении государственности, излагая ее так: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» [1, с. 13]. Изложенное оправдывает закрепление в Основном Законе страны наряду с конституционными правами и конституционные обязанности, которые каждый гражданин обязан выполнять, стремясь обеспечить благополучие и процветание России.

В ряде случаев Конституция Российской Федерации содержит однозначную конструкцию, когда при наличии определенного права предусмотрена соответствующая обязанность. Так, каждый имеет право на образование, но при этом основное общее образование обязательно (части 1 и 4 статьи 43); каждый имеет право на доступ к культурным ценностям, одновременно получив обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия (части 2 и 3 статьи 44). Однако, в большинстве случаев в Конституции Российской Федерации прямая конструкция «право – обязанность» не используется. Например, зафиксировано, что «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» при отсутствии какой-либо прямой обязанности в этой области со стороны каждого, получившего такое право. Объяснить это можно тем, что Основной Закон страны устанавливает, что каждый гражданин России «обладает всеми правами и свободами и несет равные обязанности», причем не только тех, что перечислены в Основном Законе страны, но и «других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» (часть 2 статьи 6; часть 1 статьи 55).

Существующее конституционное изложение прав, свобод и некоторых обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации позволили при отсутствии обязанности, привязанной к конкретному праву, фиксировать соответствующие обязанности в федеральных законах.

В отношении последнего приведенного примера следует заметить, что лишь с принятием в 2011 году Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[**] для граждан была законодательно установлена обязанность в сфере охраны здоровья (статья 27). С одной стороны, предусмотрено, что «граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья», а с другой стороны, определены следующие формы заботы о сохранении здоровья, в частности: 1) прохождение медицинских осмотров, а в отдельных случаях – медицинских обследований и лечения, профилактика заболеваний; 2) соблюдение режима лечения и правил поведения пациента в медицинских организациях.

---

[*] См.: состав рабочей комиссии по доработке проекта Конституции Российской Федерации, утвержденный распоряжением Президента Российской Федерации от 12 мая 1993 года № 334-рп // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 20. Ст. 1828.

[**] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[*] пункт «ж» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, был изложен в новой редакции. В дополнение к имевшемуся предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, затрагивающего координацию вопросов здравоохранения, появилась задача по формированию культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью.

Рассмотрим введенную норму через призму конституционных обязанностей, как соответствующую праву каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, причем на медицинскую помощь, оказываемую гражданам в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатно.

Основная часть

В Конституции Российской Федерации вот уже больше 30 лет существует норма, в соответствии с которой закреплено право каждого на охрану здоровья и оказание медицинской помощи (статья 41). Под «каждым» следует понимать не только граждан Российской Федерации, но также проживающих на законных основаниях в России иностранцев и лиц без гражданства.

За указанный период во исполнение данной конституционной нормы в нашем государстве сформирован значительный массив нормативных правовых актов, которые регулируют систему здравоохранения страны в целом, а также закрепляют обязанности государства заботиться о здоровье своих граждан с основной целью – сбережение народа России.

Концепция сбережения народа России, как главного носителя суверенитета и, более того, признание этого народа главным достоянием страны отражена в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[**]. Данный документ, являясь совокупностью официально принятых взглядов, определяет на высшем государственном уровне основной вектор развития государства в ближайшие годы, расстановку приоритетов, и выработку принципов государственной деятельности. Как определено в указанной Стратегии, государственная социально-экономическая политика направлена на обеспечение национальной безопасности и напрямую связана с созданием условий для укрепления здоровья граждан, увеличения их продолжительности жизни (пункт 29). Целями указанной политики является устойчивый естественный рост населения (пункт 32), основанный, в том числе, на укреплении здоровья. Государство ставит перед собой разумные пути развития в этом секторе, в числе которых повышение качества и доступности медицинской помощи, а также повышение мотивации граждан к ведению здорового образа жизни (подпункты 5 и 7 пункта 33).

Конституционный Суд Российской Федерации как высший судебный орган конституционного контроля в России регулярно подкрепляет своими решениями тезисы о том, что «жизнь и здоровье человека – высшее благо, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности», уточняя, что «забота об их сохранении и укреплении образует одну из основополагающих конституционных обязанностей государства»[***], одновременно подчеркивая, что основой человеческого существования, наряду с правом на жизнь, признается право на охрану здоровья человека[****].

---

[*] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

[**] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351

[***] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 года № 49-П по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 1 (ч. II). Ст. 289.

[****] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 года № 816-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевченко Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 и абзацем вторым статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 42. Ст. 4970.

Государством в целях сохранения здоровья каждого устанавливается и обеспечивается система обязательного медицинского страхования, по принципу которого каждый гражданин страны имеет право на получение медицинской помощи, причем бесплатной.

Федеральный законодатель, преследуя цель сохранения здоровья гражданина при реализации его права на труд, предусматривает для отдельных категорий граждан проведение обязательного предварительного медицинского осмотра при заключении трудового договора[*], закрепляет обязанность работодателя в целях охраны здоровья и сохранения способности к труду, предупреждения и своевременного выявления профессиональных заболеваний проводить медицинские осмотры (предварительные и периодические) отдельных категорий работников[**], а также устанавливает ежегодное прохождение диспансеризации или профилактического медицинского осмотра для государственных служащих, в частности, для сотрудников имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах принудительного исполнения Российской Федерации, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах Российской Федерации[***].

Одним из новых явлений в деятельности по развитию сферы здравоохранения являются масштабные национальные проекты. Решением главы государства был инициирован национальный проект «Здравоохранение»[****], основными целями которого были определены: ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь; обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год; оптимизация работы медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь, сокращение времени ожидания в очереди при обращении граждан в указанные медицинские организации, упрощение процедуры записи на прием к врачу[*****].

Перечисленные аспекты правовых актов достаточно ясно отражают и политику государства по отношению к здоровью гражданина и объем взятых задач органами публичной власти по реализации сохранения и укрепления здоровья каждого человека и населения страны в целом.

Как уже было отмечено, с 2011 года действует весьма общая норма, закрепленная в части 1 статьи 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан», согласно которой «граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья». Исходя из данной нормы и требований, установленных в частях 2 и 3 указанной статьи, можно предположить, что под названной обязанностью подразумевается прохождение медицинского осмотра, в ряде случаев – медицинского обследования и лечения, осуществление профилактики определенных заболеваний, а также соблюдение режима лечения и правил поведения пациента в медицинских организациях.

Интересно отметить, что нормы, зафиксированные в названной выше статье 27, используют органы судебной власти в случае, когда выносят решение по таким категориям дел как взыскание морального вреда ввиду некачественно оказанной медицинской услуги или возмещение ущерба (с медицинской организации). Так, Воронежский областной суд учел в действиях потерпевшего (заявителя) нарушение поименованной статьи путем грубой небрежности, которая заключалась в «самолечении, запоздалого обращения за квалифицированной медицинской

---

[*] См.: статьи 69, 220 Трудового кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. .2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

[**] См.: статью 24 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

[***] См.: статью 10 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7608.

[****] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.

[*****] Паспорт национального проекта «Здравоохранение», утвержденный президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 года № 16 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

помощью, что содействовало возникновению и/или увеличению вреда»[*]. Шимановский районный суд Амурской области при вынесении решения констатировал, что гр-ка Т. не выполняла обязанность по сохранению своего здоровья, и выражено это было в позднем обращении за медицинской помощью, усугублением своего затруднительного дыхания курением, отказом наблюдаться у специалистов в назначенные ими сроки, и как следствие «своим бездействием гр-ка Т. пустила свое состояние своего здоровья на самотек»[**]. Отказывая гр-ну Р. в удовлетворении требований о взыскании морального вреда с медицинского учреждения, Советский районный суд города Краснодара мотивировал это нарушением статьи 27 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», разъяснив, что «гр-н Р. осознанно не обращался за лечением, тогда когда это требовалось для сохранения его здоровья, кроме того, самостоятельно провел хирургическую операцию по ампутации ногтевой фаланги», в том числе «не следовал рекомендациям врачей по сохранению здоровья»[***].

Подобный подход со стороны судебной власти используется, в основном, для обоснования уменьшения вины (причинителя вреда) или вообще ее исключения.

Следует обратить внимание на то, что при регулировании вопросов в различных областях деятельности, законодателем в отдельных случаях затрагиваются моменты, касающиеся обязанности некоторых категорий граждан беречь свое здоровье.

Например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в статье 43 закрепляет, что обучающиеся обязаны «заботиться о сохранении и об укреплении своего здоровья»[****]. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» в статье 26 определил, что военнослужащие обязаны «заботиться о сохранении своего здоровья», что уточнено в Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, где для военнослужащих определена обязанность не только «заботиться о сохранении своего здоровья», но также «повседневно заниматься закаливанием, физической подготовкой и спортом, воздерживаться от вредных привычек (курения, употребления алкоголя), не допускать употребления наркотических средств…» (пункт 20)[*****], и в Корабельном уставе Военно-Морского Флота, где для матроса корабля помимо обязанности заботиться о своем здоровье, предусмотрена необходимость «совершенствовать свою физическую подготовку, соблюдать правила личной и общественной гигиены» (пункт 8 статьи 216)[******].

Исходя из анализа норм приведенного выше законодательства, становится понятно, что обязанность по сохранению своего здоровья у гражданина Российской Федерации присутствовала в некоторых правовых актах именно на федеральном уровне, использовалась судами при осуществлении правосудия, одновременно являлась, с одной стороны, формально-закрепленной, а с другой стороны, носящей морально-нравственный характер. За несоблюдение обязанности по сбережению своего здоровья, любая, возможная в праве, ответственность в настоящее время не установлена. Иными словами, санкции за отрицательное влияние на свое здоровье или несоблюдения каких-либо принципов ведения здорового образа жизни для организма человека не существует.

При этом изменения Конституцию Российской Федерации, осуществленные в 2020 году, позволяют нам говорить о том, что правовая тенденция заключается в формировании обязанно-

[*] Апелляционное определение Воронежского областного суда от 20 января 2022 года по делу № 33-269/2022 (33-7810/2021), по делу о компенсации морального вреда, причиненного вследствие некачественной медицинской помощи // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[**] Решение Шимановского районного суда Амурской области от 26.09.2022 по делу № 2-365/2022, по делу о взыскании с медицинского учреждения компенсации морального вреда // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[***] Решение Советского районного суда города Краснодара от 13.10.2014 по делу № 2-4833/2014~М-5328/2014, по делу о признании незаконным бездействия и компенсации морального вреда // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[****] Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

[*****] Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 47 (ч. I). Ст. 5749.

[******] Корабельный устав Военно-Морского Флота, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 года № 511 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 31. Ст. 5698.

сти по сбережению своего здоровья на конституционном уровне, и, соответственно, в воспитании соответствующей ответственности за несбережение своего здоровья гражданином с возможным закреплением и применением правовых мер с целью стимулирования соблюдения этой обязанности.

Поскольку государство в рамках принятых решений и проводимой политики принимает на себя обязанность по сохранению здоровья человека, обязуется содержать систему здравоохранения и пристально реагирует на общественные отношения в области сбережения здоровья человека, обеспечивает достаточный уровень финансирования предусмотренных мер, направляемых на профилактику здоровья и на лечение гражданина, то возникает закономерный вопрос: справедливо ли в этом случае, что сам человек несет обязанность по сбережению своего здоровья лишь в части моральной?

Некоторые ученые в своих работах выделяют право распоряжаться своим телом в отдельную правовую группу, обозначая такие права как «соматические», то есть не поддающиеся полному ограничению в современной демократизации общества. Предложил именовать такие права соматическими В.И. Крусс, который понимал их как «право человека самостоятельно распоряжаться своим телом…» [2, с. 43]. Собственное понятие соматических прав предложил Д.Г. Василевич, который в узкоюридическом смысле понимает их как «признанную государством и обществом возможность определенного поведения, выражающуюся в распоряжении своим телом» [3, с. 31]. Весьма широкий спектр соматических прав предлагает М.А. Лаврик, предложивший их неполный перечень: право на смерть; права человека относительно его органов и тканей; сексуальные права человека; репродуктивные права человека; право на перемену пола [4, с. 22]. Осуществив рассмотрение соматических прав как ключевой категории биоправа, Е.Р. Брюхина и Е.С. Третьякова, посчитали возможным выделение самостоятельной группы прав, именуемых соматическими [5, с. 577].

В результате проведенных вышеупомянутыми специалистами исследований, можно прийти к выводу, с одной стороны, о юридической сложности в определении того, как правильно распоряжаться соматическими правами, а с другой взаимосвязанной стороны, о невозможности привлечения человека к ответственности за их нарушение.

Научная дискуссия о необходимости не только охранять здоровье человека, но и самому человеку заботиться об этом, рассматривается с различных точек зрения. Так, Ф.В. Цомаратова и Н.В. Путило в своем научном исследовании, касающемся внесения изменений в статью 72 Конституции Российской Федерации с точки зрения формирования нового института общественного здоровья, указывают, что здоровье населения «является ресурсным потенциалом развития любого государства…», замечая далее, что «более здоровое население продуктивнее с точки зрения его вклада в общественное развитие, требует меньшей поддержки в виде медицинских услуг и социальных пособий, лучше обеспечит себя в долгосрочной перспективе» [6, с. 93, 97].

Другие авторы, анализируя необходимость заботиться о своем здоровье, рассматривая ее через призму юридической обязанности, делают вывод что «закрепление данной обязанности генетически связанно с состоянием несвободы лица», отмечая что ее закрепление на нормативном уровне в отношении каждого «аконституционно и свидетельствует об “инструментальном” восприятии человека как своего рода орудия труда» [7, с. 31]. Интересно, что такое мнение, с одной стороны, благоразумно и носит гуманистический характер, а с другой стороны, по сути, нарушает правовой баланс «право – обязанность».

Противоположенное мнение изложено О.О. Салагай и К.В. Сошкиной, при рассмотрении вопроса личной ответственности за сохранение здоровья. Эти авторы указывают на то, что, по их мнению, выбор разрушительных форм поведения, включая потребление алкоголя и табака, самокалечения и др. говорит не о праве распоряжения личными неимущественными правами, а о «злоупотреблением соматическим правом человека» [8, с. 97]. Остается надеется, что мнение данных авторов в части использования указанной продукции, было сформировано в отношении лиц, чрезмерно или неразумно их потребляющих, без императивного применения такого подхода к каждому. В то же время в этом же научном исследовании справедливо отмечено, что «низкая ответственность граждан в целом обосновывает более высокую дискрецию государства с точки зрения нормативного регулирования в том случае, если государством были обеспечены все права защиты человека» [8, с. 102], что еще раз подтверждает, на наш взгляд, справедливость

введения на конституционном уровне новой обязанности в рамках формирования культуры ответственного отношения к своему здоровью.

Со своеобразной позиции освещена тема сохранения здоровья как юридической обязанности в трудах С.Н. Шишкова и С.В. Полубинской, где с точки зрения элементов юридической ответственности, таких как: требование совершить положительные действия и необходимость нести ответственность в отношении обязанности сохранения своего здоровья, авторы видят основную трудность «в невозможности определить, какая именно совокупность конкретных поведенческих актов гражданина позволяет констатировать, что он действительно исполняет обязанность, возложенную на него ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ» [9, с. 93].

Классический вариант нормы права (как общего правила поведения [10, с. 10]) имеет строение, куда входят: 1) гипотеза; 2) диспозиция; 3) санкция [11, с. 221]. Так, по определению В.С. Нерсесянца норма права представляет собой «общее правило регулирования общественных отношений, согласно которому его адресаты должны при определенных условиях (гипотеза) действовать как субъекты определенных прав и обязанностей (диспозиция), иначе последуют определенные невыгодные для них последствия (санкция)» [12, с. 124]. И похожие объяснения третьей составляющей – санкции, которая рассматривалась исключительно как наказание, содержатся во многих теоретических работах, особенно советского периода.

Интересно, что некоторые авторы предлагают лишать граждан за неисполнение обязанности по сохранению здоровья оплаты их лечения за счет средств фондов обязательного медицинского страхования. Например, Н.Н. Седова утверждает, что «Невыполнение гражданами своих обязанностей по охране здоровья лишает их права на получение бесплатной медицинской помощи» [13, с. 9].

В то же время, с развитием общественной мысли, в начале 2000-х годов появилась целое направление исследований, в которых санкция рассматривается не как наказание, а наоборот, как поощрение. Например, Н.А. Гущина прямо высказывается о том, что «правовое поощрение – позитивная санкция, являющаяся разновидностью социальных санкций» [14, с. 294]. Рассматривая наградные нормы права, В.А. Винокуров делает вывод о том, что «санкция в наградной норме права всегда положительная» [15, с. 35]. Некоторые ученые предлагают вводить в научный оборот новую категорию «позитивная (поощрительная) санкция» [16].

Изложенные мнения ученых, а также анализ действующего законодательства, позволяют говорить о том, что конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь создает все условия для формирования обязанности по сбережению своего здоровья, которая должна быть закреплена в отраслевых нормах. С позиции классического понимания нормы права у такой обязанности должна быть юридически закрепленная санкция, которая будет мотивировать гражданина к правильному поведению. Однако, надо полагать, что применение санкции в виде наказания весьма проблематично, в том числе и в связи с неопределенностью многих положений, поскольку это касается частной жизни человека, право на неприкосновенность которой предусмотрено Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 23).

Выводы

Обязанность граждан сохранять свое здоровье, как было выше отмечено, существует в федеральных законах. При внесении в 2020 году поправок в Конституцию Российской Федерации в статью 72 были включены нормы, предусматривающие, по сути, обязанность государства (Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) создавать условия для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью. Учитывая сложный механизм пересмотра положений, включенных в главу 2 Основного Закона страны, в статье 41 которой предусмотрено лишь право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, названная поправка, появившаяся в главе 3, позволяет рассматривать ее и как обязанность граждан ответственно относится к своему здоровью, что соответствует правовому подходу, по которому не может быть прав без обязанностей.

При наличии обязанности сохранять свое здоровье, должна быть предусмотрена и ответственность за ее невыполнение. Опираясь на мнения ученых и по результатам проведенного исследования, очевидно, что применение неблагоприятных мер за невыполнение обязательства сберегать свое здоровье не будет являться эффективным инструментом. Поэтому предла-

гается использовать меры поощрения как положительные санкции к тем, кто эту обязанность выполняет.

На наш взгляд, применение мер поощрения или наступление благоприятных последствий при сбережении гражданином своего здоровья будет являться наиболее приемлемой (позитивной) санкцией, что позволит создать действенный правовой механизм, где закрепленная обязанность сберегать свое здоровье будет корреспондироваться с волей человека по соблюдению такой нормы, подкрепленной объективным стимулом.

В этой связи предлагается внести в статью 27 Федерального закона «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» изменение, дополнив ее частью 4 следующего содержания:

«4. Граждане, осуществляющие свою деятельность в соответствии с нормами трудового законодательства Российской Федерации, заботящиеся о сохранении своего здоровья, выполняющие требования по прохождению ежегодной диспансеризации, находившиеся в состоянии временной нетрудоспособности не более определенного срока в календарном году и по болезням, не связанным с невыполнением обязанности сохранять свое здоровье, поощряются органами государственной власти, органами публичной власти в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Библиографический список

1. *Маркс К.* Временный Устав Международного Товарищества Рабочих // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 16. – 882 с.

2. *Крусс В.И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

3. *Василевич Д.Г.* Взаимодействие соматических и иных прав и свобод человека и гражданина // Вестник экономической безопасности. 2018. № 4. С. 30–35.

4. *Лаврик М.А.* К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16–26.

5. *Брюхина Е.Р., Третьякова Е.С.* Теоретико-правовое обоснование биоэтики и биоправа в их взаимосвязи и взаимодействии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 4. С. 568–589.

6. *Цомартова Ф.В., Путило Н.В.* Общественное здоровье: от принципа управления здравоохранением до конституционно-правовой ценности // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 93–109.

7. *Пресняков М.В.* Обязанность граждан заботиться о своем здоровье: можно ли заставить человека быть здоровым? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 24–33.

8. *Салагай О.О., Сошкина К.В.* Концепция личной ответственности за сохранение здоровья: правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 94–104.

9. *Шишков С.Н., Полубинская С.В.* Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.

10. *Крашенинников П.В.* Закон и законотворческий процесс. – М.: Статут, 2017. – 160 с.

11. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Под ред. проф. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. – Издательство «Зерцало», 2000. – 656 с.

12. *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 272 с.

13. *Седова Н.Н.* Кому помешали этические комитеты? // Медицинское право. 2012. № 1. С. 6–10.

14. *Гущина Н.А.* Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 294 с.

15. *Винокуров В.А.* Государственное наградное право: Монография. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 608 с.

16. *Кокурина О.Ю.* Дискуссионные проблемы наградного права: «позитивная ответственность» и «позитивные санкции» как юридические понятия // Административное право и процесс. 2020. № 6. С. 32–44.

Для цитирования: *Шафигулин К.В.* К вопросу об обязанности гражданина Российской Федерации сохранять свое здоровье: конституционно-правовой аспект // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 247 – 254.

DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_247

ON THE ISSUE OF THE DUTY OF A CITIZEN OF THE RUSSIAN FEDERATION TO PRESERVE HIS HEALTH: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Kirill V. Shafigulin*

Annotation. *The article is devoted to the duty of a person and a citizen to preserve their health, established by the state at the constitutional level.*

The analysis of federal legislation in the field of public health protection and other legal acts, which contain a legislative obligation to preserve one's health, has been carried out, as well as the changes affecting Article 72 of the Constitution of the Russian Federation through the prism of the formation of a new obligation.

In the study of the obligation to preserve and protect one's health, a citizen identified problems related to the implementation of this legal norm. Currently, the Federal Law "On the Basics of Citizens' Health in the Russian Federation" and some other legal acts enshrine a similar obligation. However, the existing consolidation is of a formal nature, since there is no sanction for non-fulfillment of this obligation, which makes its observance optional. Taking into account the analysis and the opinions of a number of researchers, it was revealed that it is very difficult and devoid of common sense to establish clear rules of behavior for a person, under which he will definitely be healthy, that is, he will take care of his health. The creation of a legal sanction for not preserving one's health, as well as the development of imperative rules of conduct in order to preserve it, can lead to a violation of the constitutional right to personal inviolability of a person. As a result of the conducted research, conclusions were formed that allow us to consider the consolidation of the obligation to save one's health by applying a positive sanction, which will stimulate a conscientious attitude to one's health, form a culture of a healthy lifestyle.

As a result, separate amendments to a number of federal laws have been proposed that will regulate public relations in terms of a person's observance of the duty to preserve their health, which, ultimately, will create a full-fledged structure providing not only the right to medical care, but the duty to protect their health.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation; constitutional obligation; right to health protection; right to medical care; duty to protect health; somatic rights; legal responsibility; positive (incentive) sanction.*

Introduction In modern Russia, the Constitution of the Russian Federation[i], or in other words, the Basic Law of the country, is the legal foundation for building a state governed by the rule of law. This main normative legal act of the state contains not only the basic norms of law, in accordance with which the entire legal system is built and its hierarchy is determined, but also includes elements of the duties of a citizen. The consolidation of human duties (to a lesser extent) and rights (to a greater extent) in the Russian Constitution allows the Basic Law of the country to determine both the directions for development and the basic moral and moral values within which a person will live and improve.

The Constitution of the Russian Federation guarantees human and civil rights and freedoms in accordance with generally accepted principles and norms of international law (article 17). The Basic Law of the country provides for a chapter that enshrines political, social, economic and personal human rights. It should be noted that when preparing the draft Constitution of the Russian Federation, legal scholars and statesmen[ii] verified the norms contained in this chapter, since they combined the experience of previous generations, which today allows our country to pursue a course for the comprehensive development of man and the state, and, most importantly, establishes their mutual a stable legal relationship. This kind of connection between a citizen and public authority (which is expressed in competent authorities) forms a system where the state not only grants human rights, but guarantees and provides citizens with freedom limited only within reasonable limits. A person and a citizen, in turn, contribute to the development of their country, society and the state, that is, faithfully fulfill their obligations.

It is noteworthy that Karl Marx in his writings noted a fundamental feature in the construction of statehood, stating it as follows: "There are no rights without duties, no duties without rights" [1, p. 13]. The above justifies the consolida-

* **Shafigulin Kirill Vitalievich –** Senior Legal Adviser at the Federal State Budgetary Institution "All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine named after A.M. Nikiforov" of the Ministry of Emergency Situations of Russia; St. Petersburg, Russian Federation; postgraduate student at the Law Institute; ORCID: 0009-0006-5273-1181.E-mail: kusha1@bk.ru

The author expresses gratitude to the Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute", Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation **Vladimir Anatolyevich Vinokurov** for the implementation of scientific guidelines in the preparation of the author of this work.

[i] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2022. October 6. № 0001202210060013.

[ii] See: The composition of the working commission on finalizing the draft Constitution of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 334-rp of May 12, 1993 // Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation. 1993. No. 20. Art. 1828.

tion in the Basic Law of the country, along with constitutional rights and constitutional duties that every citizen must fulfill in an effort to ensure the well-being and prosperity of Russia.

In some cases, the Constitution of the Russian Federation contains a single-digit construction, when, in the presence of a certain right, a corresponding obligation is provided for. Thus, everyone has the right to education, but basic general education is compulsory (parts 1 and 4 of Article 43); everyone has the right to access cultural property, while at the same time receiving the duty to take care of the preservation of historical and cultural heritage (parts 2 and 3 of Article 44). However, in most cases, the direct construction "right – duty" is not used in the Constitution of the Russian Federation. For example, it is recorded that "everyone has the right to health protection and medical care" in the absence of any direct obligation in this area on the part of everyone who has received such a right. This can be explained by the fact that the Basic Law of the country establishes that every citizen of Russia "has all the rights and freedoms and bears equal duties," not only those listed in the Basic Law of the country, but also "other universally recognized human and civil rights and freedoms" (part 2 of Article 6; part 2 of the Constitution of the Russian Federation). 1 of article 55).

The existing constitutional statement of the rights, freedoms and certain duties of a person and citizen in the Russian Federation made it possible, in the absence of a duty tied to a specific right, to fix the corresponding duties in federal laws.

With regard to the last example given, it should be noted that it was only with the adoption in 2011 of the Federal Law "On the Fundamentals of Public Health Protection in the Russian Federation"[i] that the duty in the field of health protection was legally established for citizens (article 27). On the one hand, it stipulates that "citizens are obliged to take care of their health", and on the other hand, the following forms of health care are defined, in particular: 1) undergoing medical examinations, and in some cases, medical examinations and treatment, disease prevention; 2) compliance with the treatment regimen and the rules of patient behavior in medical organizations.

The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power"[ii], paragraph "g" of Part 1 of Article 72 of the Constitution of the Russian Federation, was set out in a new wording. In addition to the existing subject of joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, which affects the coordination of health issues, the task of forming a culture of responsible attitude of citizens to their health has emerged.

Let us consider the introduced norm through the prism of constitutional obligations, as corresponding to everyone's right to health protection and medical care, and to medical care provided to citizens in state and municipal healthcare institutions free of charge.

The main part The Constitution of the Russian Federation has been in existence for more than 30 years, according to which everyone's right to health protection and medical care is enshrined (article 41). "Everyone" should be understood not only as citizens of the Russian Federation, but also as foreigners and stateless persons legally residing in Russia.

During this period, in pursuance of this constitutional norm, our state has formed a significant array of regulatory legal acts that regulate the country's healthcare system as a whole, as well as consolidate the state's responsibilities to take care of the health of its citizens with the main goal of saving the people of Russia.

The concept of saving the people of Russia as the main bearer of sovereignty and, moreover, the recognition of this people as the main asset of the country is reflected in the National Security Strategy of the Russian Federation[iii]. This document, being a set of officially accepted views, defines at the highest state level the main vector of development of the state in the coming years, setting priorities, and developing principles of state activity. As defined in this Strategy, the State socio-economic policy is aimed at ensuring national security and is directly related to creating conditions for improving the health of citizens and increasing their life expectancy (paragraph 29). The objectives of this policy are sustainable economic population growth (paragraph 32), based, among other things, on health promotion. The State sets itself reasonable development paths in this sector, including improving the quality and accessibility of medical care, as well as increasing the motivation of citizens to lead a healthy lifestyle (sub-paragraphs 5 and 7 of paragraph 33).

The Constitutional Court of the Russian Federation, as the highest judicial body of constitutional control in Russia, regularly reinforces with its decisions the thesis that "human life and health are the highest good, without which many other goods and values lose their significance," clarifying that "concern for their preservation and strengthening forms one of the fundamental constitutional duties of states"[iv], while emphasizing that the basis of human existence, along with the right to life, recognizes the right to human health[v].

---

[i] Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6724.

[ii] Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11, article 1416.

[iii] The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Article 5351.

[iv] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 25, 2020 No. 49-P in the case of checking the constitutionality of subparagraph 3 of paragraph 5 of the Decree of the Governor of the Moscow Region "On the introduction of a high-readiness regime in the Moscow Region for the Management bodies and forces of the Moscow Regional Emergency Prevention and Response System and certain measures to prevent the spread of the new coronavirus infection (COVID-2019) in the Moscow region" in connection with the request of the Protva City Court of the Moscow region // Collection of legislation Of the Russian Federation. 2021. No. 1 (Part II). Article 289.

[v] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 19, 2009 No. 816-O-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Andrey A. Shevchenko for violation of his constitutional rights by the second paragraph of paragraph 2 of Article 1083 and the second paragraph of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 42. St. 4970.

In order to preserve the health of everyone, the State establishes and provides a system of compulsory medical insurance, according to which every citizen of the country has the right to receive medical care, and free of charge.

The federal legislator, pursuing the goal of preserving the health of a citizen while exercising his right to work, provides for certain categories of citizens to conduct a mandatory preliminary medical examination at the conclusion of an employment contract[i], establishes the obligation of the employer to conduct medical examinations in order to protect health and preserve the ability to work, prevent and timely detect occupational diseases (preliminary and periodic) individual categories of employees[ii]. It also establishes an annual medical examination or preventive medical examination for government employees, in particular, for employees with special ranks and serving in institutions and bodies of the penal enforcement system, enforcement agencies of the Russian Federation, the federal fire service of the State Fire Service and customs authorities of the Russian Federation[iii].

Large-scale national projects are one of the new phenomena in the development of the health sector. By the decision of the head of state, the national Healthcare project[iv] was initiated, the main objectives of which were defined as: eliminating the personnel shortage in medical organizations providing primary health care; ensuring that all citizens receive preventive medical examinations at least once a year; optimization of the work of medical organizations providing primary health care, reduction of waiting time in line when citizens apply to these medical organizations, simplification of the procedure for making an appointment with a doctor[v].

The listed aspects of legal acts quite clearly reflect both the state's policy towards the health of a citizen and the scope of the tasks undertaken by public authorities to implement the preservation and promotion of the health of each person and the population of the country as a whole.

As already noted, since 2011, a very general rule has been in force, fixed in part 1 of Article 27 of the Federal Law "On the Basics of Public Health Protection," according to which "citizens are obliged to take care of their health." Based on this norm and the requirements set out in parts 2 and 3 of this article, it can be assumed that this duty means undergoing a medical examination, in some cases, medical examination and treatment, the prevention of certain diseases, as well as compliance with the treatment regimen and rules of patient behavior in medical organizations.

It is interesting to note that the norms set out in the above-mentioned article 27 are used by judicial authorities in cases where they make decisions on such categories of cases as recovery of moral damage due to poorly provided medical services or compensation for damage (from a medical organization). Thus, the Voronezh Regional Court took into account in the actions of the victim (the applicant) a violation of the above-mentioned article by gross negligence, which consisted in "self-medication, late seeking qualified medical care, which contributed to the occurrence and/or increase of harm[vi]." The Shimanovsky District Court of the Amur Region, when making the decision, stated that Ms. T. had not fulfilled her duty to preserve her health, and this was expressed in her late request for medical help, aggravation of her breathing difficulties by smoking, refusal to be monitored by specialists at the time they appointed, and as a result, "by her inaction, Ms. T. allowed let your state of health take its course[vii]." Refusing Mr. R. in satisfying the claims for recovery of moral damage from a medical institution, the Sovetsky District Court of Krasnodar motivated this by a violation of Article 27 of the Federal Law "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation", explaining that "Mr. R. he did not consciously seek treatment when it was necessary to preserve his health, in addition, he performed a surgical operation to amputate his nail leg," including "did not follow the recommendations of doctors to preserve his health[viii]."

A similar approach on the part of the judiciary is mainly used to justify reducing the guilt (of the harm-doer) or to exclude it altogether.

It should be noted that when regulating issues in various fields of activity, the legislator in some cases highlights issues related to the duty of certain categories of citizens to take care of their health.

---

[i] See: Articles 69, 220 of the Labor Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. .2002. No. 1 (ch. I). St. 3.

[ii] See: Article 24 of the Federal Law "On the Basics of Public Health protection in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6724.

[iii] See: Article 10 of the Federal Law "On Social Guarantees to Employees of Certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Article 7608.

[iv] Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 "On National Goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 20, article 2817.

[v] The passport of the national Healthcare project, approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 16 dated December 24, 2018 // The document has not been published. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[vi] The appeal ruling of the Voronezh Regional Court dated January 20, 2022 on the case № 33-269/2022 (33-7810/2021), in the case of compensation for moral damage caused as a result of poor-quality medical care // The document was not published. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[vii] The decision of the Shimanovsky District Court of the Amur region dated 09/26/2022 in case No. 2-365/2022, in the case of recovery of compensation for moral damage from a medical institution // The document was not published. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

[viii] The decision of the Sovetsky District Court of Krasnodar dated 13.10.2014 in case No. 2-4833/2014~M-5328/2014, in the case of recognition of illegal inaction and compensation for moral damage // The document was not published. Access from the ConsultantPlus legal reference system.

For example, the Federal Law "On Education in the Russian Federation" stipulates in article 43 that students must "take care of maintaining and strengthening their health[i]." The Federal Law "On the Status of Military Personnel" in article 26 determined that military personnel are obliged to "take care of their health," which is clarified in the Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation, which defines the duty for military personnel not only to "take care of their health," but also to "engage in daily hardening, physical training and sports, abstain from harmful habits (smoking, alcohol consumption), and avoid the use of narcotic drugs..." (paragraph 20)[ii], and in the Naval Regulations of the Navy, where, in addition to the duty to take care of their health, the ship's crew provides for the need to "improve their physical fitness, observe the rules of personal and public hygiene" (paragraph 8 of article 216)[iii].

Based on the analysis of the norms of the above legislation, it becomes clear that the obligation to preserve one's health for a citizen of the Russian Federation was present in some legal acts at the federal level, was used by the courts in the exercise of justice, and was at the same time, on the one hand, formally fixed, and on the other hand, morally-moral character. For non-compliance with the duty to preserve one's health, any legal liability is currently not established. In other words, there are no sanctions for a negative impact on one's health or non-compliance with any principles of leading a healthy lifestyle for the human body.

At the same time, the amendments to the Constitution of the Russian Federation implemented in 2020 allow us to say that the legal trend is to form a duty to preserve one's health at the constitutional level, and, accordingly, to foster appropriate responsibility for non-preservation of one's health by a citizen, with the possible consolidation and application of legal measures to encourage compliance withfulfilling this duty.

Since the state, within the framework of the decisions taken and the policy pursued, assumes the responsibility to preserve human health, undertakes to maintain the health care system and closely reacts to public relations in the field of saving human health, ensures an adequate level of funding for the envisaged measures aimed at preventing health and treating citizens, there is a need toThe question is: is it fair in this case that the person himself has a duty to preserve his health only in part of the moral?

In their works, some scientists distinguish the right to dispose of one's body into a separate legal group, designating such rights as "somatic", that is, they cannot be completely limited in the modern democratization of society. V.I. Kruss proposed calling such rights somatic, who understood them as "the right of a person to independently dispose of his body ..." [2, p. 43]. D.G. proposed his own concept of somatic rights. Vasilevich, who in a narrow legal sense understands them as "the possibility of a certain behavior recognized by the state and society, expressed in the disposal of one's body" [3, p. 31]. A very wide range of somatic rights is offered by M.A. Lavrik, who proposed an incomplete list of them: the right to death; human rights regarding his organs and tissues; sexual human rights; reproductive human rights; the right to change sex [4, p. 22]. Having considered somatic rights as a key category of biological rights, E.R. Bryukhina and E.S. Tretyakov, considered it possible to single out an independent group of rights, called somatic [5, p. 577].

As a result of the research conducted by the above-mentioned specialists, it is possible to conclude, on the one hand, about the legal difficulty in determining how to properly manage somatic rights, and on the other hand, about the impossibility of holding a person accountable for their violation.

The scientific discussion about the need not only to protect human health, but also to take care of it, is considered from various points of view. So, F.V. Tsomaratova and N.V. Putilo, in his scientific study concerning amendments to Article 72 of the Constitution of the Russian Federation in terms of forming a new institution of public health, points out that public health "is a resource potential for the development of any state...", further noting that "a healthier population is more productive in terms of its contribution to social development, which requires less support in the form of medical services and social benefits, will provide itself better in the long term" [6, pp. 93, 97].

Other authors, analyzing the need to take care of one's health, considering it through the prism of a legal duty, conclude that "the consolidation of this duty is genetically linked to the state of a person's non-freedom," noting that its consolidation at the normative level in relation to everyone is "unconstitutional and indicates an "instrumental" perception of a person as one's own a kind of labor tool" [7, p. 31]. It is interesting that such an opinion, on the one hand, is reasonable and humanistic, and on the other hand, in fact, violates the legal balance of "law – obligation".

The opposite opinion was expressed by O.O. Salagai and K.V. Soshkina, when considering the issue of personal responsibility for maintaining health. These authors point out that, in their opinion, the choice of destructive behaviors, including alcohol and tobacco consumption, self-mutilation, etc. He speaks not about the right to dispose of personal non-property rights, but about "abuse of a person's somatic right" [8, p. 97]. It remains to be hoped that the opinion of these authors regarding the use of these products was formed in relation to persons who consume them excessively or unreasonably, without the imperative application of such an approach to everyone. At the same time, the same scientific study rightly noted that "the low responsibility of citizens as a whole justifies a higher discrimination of the state in terms of regulatory regulation in the event that the state has provided all human rights protection" [8, p. 102], which once again confirms, in our opinion, the justice of introducing a new duty at the constitutional level within the framework of forming a culture of responsible attitude to one's health.

---

[i] Collection of legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (part I). Article 7598.

[ii] The Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation dated November 10, 2007 No. 1495 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 47 (part I). Article 5749.

[iii] The Ship's Charter of the Navy, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 511 dated July 31, 2022 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 31. Article 5698.

From a peculiar position, the topic of preserving health as a legal obligation is highlighted in the works of S.N. Shishkov and S.V. Polubinskaya, where, from the point of view of elements of legal responsibility, such as the requirement to take positive actions and the need to be responsible for the duty to preserve one's health, the authors see the main difficulty "in the inability to determine which particular set ofthe number of specific behavioral acts of a citizen allows us to state that he is indeed fulfilling the duty assigned to him by Part 1 of Article 27 of Federal Law No. 323-FZ" [9, p. 93].

The classical version of the rule of law (as a general rule of conduct [10, p. 10]) has a structure that includes: 1) hypothesis; 2) disposition; 3) sanction [11, p. 221]. Thus, according to V.S. Nersesyants, a rule of law is "a general rule for regulating public relations, according to which its addressees must, under certain conditions (hypothesis), act as subjects of certain rights and duties (disposition), otherwise certain unfavorable consequences (sanction) will follow" [12, p. 124]. And similar explanations of the third component, sanctions, which were considered solely as punishment, are found in many theoretical works, especially of the Soviet period.

Interestingly, some authors propose that citizens should be deprived of the obligation to preserve their health by paying for their treatment at the expense of compulsory health insurance funds. For example, N.N. Sedova argues that "Citizens' failure to fulfill their duties to protect their health deprives them of the right to receive free medical care" [13, p. 9].

At the same time, with the development of public thought, in the early 2000s, a whole line of research appeared in which sanction is considered not as punishment, but on the contrary, as encouragement. For example, N.A. Gushchina explicitly states that "legal encouragement is a positive sanction, which is a type of social sanctions" [14, p. 294]. Considering the award rules of law, V.A. Vinokurov concludes that "the sanction in the award rule of law is always positive" [15, p. 35]. Some scientists propose to introduce a new category of "positive (encouraging) sanction" into scientific circulation [16].

The stated opinions of scientists, as well as an analysis of current legislation, suggest that the constitutional right to health protection and medical care creates all the conditions for the formation of an obligation to preserve one's health, which should be enshrined in industry norms. From the point of view of the classical understanding of the rule of law, such an obligation should have a legally fixed sanction that will motivate a citizen to behave correctly. However, it must be assumed that the application of sanctions in the form of punishment is very problematic, including due to the uncertainty of many provisions, since it concerns a person's private life, the right to inviolability of which is provided for by the Constitution of the Russian Federation (part 1 of Article 23).

Conclusions The obligation of citizens to preserve their health, as mentioned above, exists in federal laws. When amendments to the Constitution of the Russian Federation were introduced in 2020, norms were included in article 72, which essentially provide for the obligation of the state (the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation) to create conditions for leading a healthy lifestyle and forming a culture of responsible attitude of citizens towards their health. Given the complex mechanism for reviewing the provisions included in chapter 2 of the Basic Law of the country, article 41 of which provides only for everyone's right to health protection and medical care, the said amendment, which appeared in chapter 3, allows it to be considered as the duty of citizens to take responsibility for their health, which corresponds to the legal approach, according to who cannot have rights without obligations.

If there is a duty to preserve one's health, responsibility for its non-fulfillment must also be taken into account. Based on the opinions of scientists and the results of the conducted research, it is obvious that the application of adverse measures for failure to fulfill the obligation to protect one's health will not be an effective tool. Therefore, it is proposed to use incentive measures as positive sanctions against those who fulfill this duty.

In our opinion, the use of incentive measures or the occurrence of beneficial consequences when a citizen saves his health will be the most acceptable (positive) sanction, which will create an effective legal mechanism where the obligation to protect one's health will correspond to the human will to comply with such a norm, supported by an objective incentive.

In this regard, it is proposed to amend article 27 of the Federal Law "On the Fundamentals of Public Health in the Russian Federation" by supplementing it with Part 4 as follows:

"4. Citizens who carry out their activities in accordance with the norms of the labor legislation of the Russian Federation, who take care of maintaining their health, who fulfill the requirements for annual medical examinations, who were temporarily disabled for no more than a certain period of time in a calendar year and for illnesses unrelated to failure to fulfill the duty to preserve their health, are encouraged by state authorities and public authorities in accordance with the procedure established by the Government of the Russian Federation".

Bibliographic list

1. *K. Marx.* Provisional Charter of the International Workers' Association // K. Marx and F. Engels. Essays. Second edition. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1960. Vol. 16. – 882 p.

2. *Kruss V.I.* Personal ("somatic") human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: towards a problem statement // State and Law. 2000. No. 10. pp. 43–50.

3. *Vasilevich D.G.* Interaction of somatic and other human and civil rights and freedoms // Bulletin of Economic Security. 2018. No. 4. pp. 30–35.

4. *Lavrik M.A.* On the theory of somatic human rights // Siberian Law Bulletin. 2005. No. 3. pp. 16–26.

5. *Bryukhina E.R., Tretyakova E.S.* Theoretical and legal substantiation of bioethics and biopraw in their interrelation and interaction // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2023. No. 4. pp. 568–589.

6. *Tsomartova F.V., Putilo N.V.* Public health: from the principle of healthcare management to constitutional and legal value // Journal of Russian Law. 2023. No. 1. pp. 93–109.
7. *Presnyakov M.V.* The duty of citizens to take care of their health: is it possible to force a person to be healthy? // Actual problems of Russian law. 2022. No. 10. pp. 24–33.
8. *Salagai O.O., Soshkina K.V.* The concept of personal responsibility for maintaining health: a legal aspect // Journal of Russian Law. 2020. No. 8. pp. 94–104.
9. *Shishkov S.N., Polubinskaya S.V.* Taking care of one's health as a legal obligation // State and Law. 2020. No. 10. pp. 81–89.
10. *Krasheninnikov P.V.* The law and the legislative process. – M.: Sta-tut, 2017. – 160 p.
11. General theory of the State and law. Academic course in 2 volumes. Edited by prof. M.N. Marchenko. Volume 2. Theory of Law. – Zertsalo Publishing House, 2000. 656 p.
12. *Nersesyants V.S.* Theory of law and the state. Moscow: Norma: INFRA–M, 2013. 272 p.
13. *Sedova N.N.* Who was prevented by the ethics committees? // Medical law. 2012. No. 1. pp. 6–10.
14. *Gushchina N.A.* Incentive norms of Russian law: theory and legislative practice. – St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2003. – 294 p.
15. *Vinokurov V.A.* State award law: A monograph. Moscow: Moscow University Press, 2014. 608 p.
16. *Kokurina O.Y.* Debatable problems of award law: "positive responsibility" and "positive sanctions" as legal concepts // Administrative law and process. 2020. № 6. pp. 32–44.

For citation: *Shafigulin K.V.* On the issue of the duty of a citizen of the Russian Federation to preserve his health: constitutional and legal aspect // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46).- P. 255 – 260.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_247

Научная статья

УДК: 342.4
ББК: 67.0
DOI**:** 10.47905/MATGIP_2025_4_46_261

В.М. Шеншин*

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ[1]

Аннотация. *В настоящем исследовании автор акцентирует внимание на синопсисе конституционных предписаний, носящих контекст «безопасности». Сравниваются статья 55 Конституции Российской Федерации, на основании которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом и статья 56, в соответствии с которой ограничение прав и свобод при введении режима чрезвычайного положения возможно в связи с принятием федерального конституционного закона. Делается вывод о необходимости внесения изменений в статью 114 Конституции, в соответствии с которой предлагается наделить Правительство Российской Федерации полномочиями по осуществлению мер не только в сфере государственной безопасности, но и иных ее видов. Исследуется структура федеральных органов исполнительной власти, которые напрямую связаны с вопросами обеспечения безопасности. Указывается на имеющиеся в российском законодательстве проблемы, связанные с обеспечением Росгвардией и войсками национальной гвардии государственной и общественной безопасности, предлагаются меры по устранению пробелов в нормативных правовых актах.*

Ключевые слова: *безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, безопасность государства, безопасность личности, общества и государства, полномочия, Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, войска национальной гвардии, Росгвардия, режим чрезвычайного положения, режим военного положения.*

Проблемам безопасности всегда уделялось пристальное внимание. Обеспечение соответствующего вида безопасности осуществляется значительным перечнем государственных органов, органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

В настоящем исследовании на основе конституционных предписаний проводится анализ ряда положений о федеральных органах исполнительной власти, входящих в раздел I Указа Президента Российской Федерации от 11 мая 2024 г. № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» – «Федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, федеральные службы и федеральные агентства, подведомственные этим федеральным министерствам», и которые обеспечивают предписанный им российским законодательством соответствующий вид безопасности.

Обратимся к Конституции Российской Федерации и посмотрим на виды безопасности, нашедшие свое отражение в ней. Исследуемый контекст затрагивает только напрямую слово «безопасность», все вытекающие из этого моменты автором не рассматривались.

* **Шеншин Виктор Михайлович** – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vitya-shen@mail.ru

[1] Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001).

Частью 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации (далее по тексту – Конституция), как составляющей основы конституционного строя, предусмотрен запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на *подрыв безопасности государства*.

В части 3 статьи 55 Конституции речь идет об *обеспечении безопасности государства*, когда это необходимо для ограничения прав и свобод человека и гражданина. При этом такие ограничения возможны только в связи с принятием федерального закона. Важность этой нормы состоит в том, что она отличается от статьи 56 Конституции в которой затрагиваются вопросы обеспечения безопасности граждан в условиях чрезвычайного положения, и когда ограничение прав и свобод возможно только в соответствии с федеральным конституционным законом. Известно, что в 2022 году на территориях ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей введен режим военного положения, при этом никакого федерального закона об ограничении прав и свобод принято не было, хотя в Конституции сделан аспект на принятии такого закона. В сравнении со статьей 56 Конституции где речь идет о принятии федерального конституционного закона при ограничении отдельных прав и свобод с указанием пределов, и срока их действия статья 55 Конституции ставит граждан в затруднительное положение и создает предпосылки к нарушению их прав и свобод. Для того, чтобы этого не происходило, требуется корректировка статьи 55 Конституции, вместе с тем изменения в главу 2 Основного Закона страны возможны при определенных обстоятельствах и условиях, существование которых не обосновано. Следовательно, к примеру, должностные лица войск национальной гвардии и полиции при обеспечении режима военного положения должны внимательно подходить к ограничению прав и свобод человека и гражданина, не допускать нарушений законности.

Акцентируем внимание на том, что пунктом 4 статьи 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» установлено правило согласно которого рассматриваемый Федеральный конституционный закон предусматривает возможность ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. Рассматриваемым актом предусмотрено, что могут возлагаться и иные обязанности.

Часть 1 статьи 18 указанного Федерального конституционного закона предусматривает особенность, которая характеризует состояние прав и свобод, которые ограничиваются указанным нормативным правовым актом и иными федеральными законами. Известно, что подобные законы принимаются во исполнение конституционных положений. Вместе с тем, мы видим нестыковку части 3 статьи 55 Конституции и приведенных положений Федерального конституционного закона. Руководствуясь принципом законности ни один закон не должен противоречить Конституции Российской Федерации.

Пунктом «м» части 1 статьи 71 Конституции продекларирован подход, в соответствии с которым вопросы *безопасности* находятся в ведении Российской Федерации.

Однако обеспечение *общественной и экологической безопасности* находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что вытекает из пунктов «б» и «д» части 1 статьи 72 Конституции.

Из смысла статьи 71 Конституции вытекает, что в ведении Российской Федерации находятся любые вопросы относительно безопасности, в том числе и ее виды. Статья 71 предписывает, в том числе субъектам Российской Федерации принимать решения в сфере обеспечения общественной и экологической безопасности. Решения по иным видам безопасности субъектами Российской Федерации приниматься не должны. Однако стоит отметить, что, к примеру, российскими регионами заключаются соглашения с иностранными государствами в сфере продовольственной безопасности (поставки зерна), энергетической безопасности (поставки электроэнергии) и др.

Часть 2 статьи 74 Конституции содержит предпосылки по *обеспечению безопасности* при ограничении перемещения товаров и услуг.

В статье 79.1 Конституции указывается на принятие Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению международного мира и *безопасности*.

При принесении присяги Президент Российской Федерации произносит слова, затрагивающие защиту *безопасности государства* (статья 82).

Особый интерес представляет пункт д.1 статьи 83 Конституции на основании которого Президент Российской Федерации наделен полномочием по назначению на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождению от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, *безопасности государства*, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, *общественной безопасности*.

Пункт «к» части 1 статьи 102 Конституции раскрывает сферу ведения Совета Федерации. Одной из таких сфер является проведение консультаций по предложенным Президентом Российской Федерации кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, *безопасности государства*, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности.

В пункте «ж» статьи 83 Конституции содержатся предписания, которые направлены на формирование главой государства Совета Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения *безопасности личности, общества и государства*.

В пункте «д» части 1 статьи 114 Конституции в качестве полномочия Правительства Российской Федерации названо осуществление мер по обеспечению *государственной безопасности*. Отсюда следует, что Правительство мер по обеспечению иных видов безопасности, кроме как государственной, если руководствоваться данным пунктом, не осуществляет, что выглядит странным. А потому напрашивается вывод о необходимости внесения изменений в данную норму, в которой следует прописать после слов: «государственной безопасности» – «и иных видов безопасности».

Итак, краткое исследование конституционных предписаний, которые содержат словосочетание – «безопасность» показало, что в Конституции употребляются следующие понятия – *безопасность государства, безопасность, общественная безопасность, экологическая безопасность, обеспечение безопасности*, *безопасность личности, общества и государства, государственная безопасность*. Приведенные дефиниции говорят о разобщенности основ обеспечения безопасности, содержащихся в Конституции, что не позволяет законодателю, правоприменителю, научному сообществу, гражданам и юридическим лицам в должной мере правильно понимать заложенный в Конституции смысл такого понятия, как «безопасность». Все это в своей совокупности неблагоприятно влияет на национальную безопасность России. Кстати, самого термина – национальная безопасность мы в Конституции не встретим. Лишь Стратегия национальной безопасности Российской Федерации раскрывает указанную дефиницию, называя, к примеру, государственную и общественную безопасность стратегическим национальным приоритетом.

Указом Президента Российской Федерации от 11 мая 2024 г. № 326 раскрывается структура федеральных органов исполнительной власти. Нас интересует раздел I. Далее автору представляется необходимым рассмотреть особенности правового регулирования обеспечения такими органами соответствующего вида безопасности в той последовательности, как они указаны в Указе Президента России.

Так, на основании Указа Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 в качестве одной из задач МВД России предусмотрено обеспечение *общественной безопасности* (подп. 4 пункта 4). В этом же акте на МВД России возложены такие полномочия как формирование основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел на основе анализа и прогнозирования обеспечения *общественной безопасности*; организация и проведение мероприятий по *обеспечению безопасности граждан* и правопорядка в общественных местах.

Отметим, что пункт 6 Указа Президента РФ № 699 возлагает на территориальный орган задачи по обеспечению *общественной безопасности* на территории субъекта Российской Федерации.

Подпункты 2, 4, 6 пункта 13 Указа Президента РФ № 699 предписывают территориальному органу такие полномочия, как – разработка мер по укреплению правопорядка на основе положения дел в области обеспечения *общественной безопасности*; участие в разработке законов субъекта Российской Федерации в области охраны общественного порядка и *обеспечения общественной безопасности*, а также в разработке и реализации региональных и межрегиональных про-

грамм в этой области; обеспечение совместно с органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления *безопасности граждан* и общественный порядок в общественных местах на территории субъекта Российской Федерации.

Руководитель территориального органа на основании подп. 36 пункта 19 наделен другими полномочиями по вопросам охраны общественного порядка и *обеспечения общественной безопасности*, принятыми в пределах его компетенции, и нормативными правовыми актами МВД России.

Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868 определено, что МЧС России осуществляющим функции по обеспечения *пожарной безопасности* и *безопасности людей на водных объектах*.

Основными задачами МИД России, как это указано в Указе Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865, являются обеспечение дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты *безопасности*, совместно с другими федеральными органами исполнительной власти *безопасности граждан, учреждений и других объектов Российской Федерации* за рубежом, в том числе в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций, включая ситуации, возникающие вследствие угроз или актов международного терроризма.

МИД России в сфере безопасности наделено такими полномочиями как – реализация дипломатическими и международно-правовыми средствами усилий Российской Федерации по *обеспечению глобальной и региональной безопасности*, в том числе с учетом ее ответственности как постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, участника общеевропейского процесса и других региональных механизмов; участвует в разработке и реализации государственной политики в области *обеспечения безопасности государства*.

Минобороны России наделено полномочиями – в качестве органа в области обороны осуществляет реализацию государственной политики в области космической деятельности в интересах обороны и *безопасности* Российской Федерации; в пределах своей компетенции организует мероприятия в целях *обеспечения безопасности государства*; организует деятельность по обеспечению *информационной безопасности*; организует проведение мероприятий *по ядерной и радиационной безопасности*.

ФСТЭК России осуществляет реализацию государственной политики, организацию межведомственной координации и взаимодействия, специальные и контрольные функции в области *государственной безопасности*, в том числе, по такому вопросу, как – обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

К задачам ФСТЭК России отнесена реализация в пределах своей компетенции государственной политики в области *обеспечения безопасности* значимых объектов критической информационной инфраструктуры.

Минюст России участвует в разработке и реализации основных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере *международной информационной безопасности*.

ФСИН России в ходе осуществления своей деятельности выполняет такие задачи – как – *обеспечение безопасности* содержащихся в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или в виде принудительных работ, и в следственных изоляторах осужденных, лиц, содержащихся под стражей, а также работников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений и следственных изоляторов; *обеспечение безопасности* находящихся на территории психиатрических больниц (стационаров)специализированного типа с интенсивным наблюдением лиц.

В качестве полномочий ФСИН России Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 названо обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации *безопасности объектов* уголовно-исполнительной системы, а также органов Минюста России.

Из предназначения СВР России, как это указано в Федеральном законе от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» вытекает, что Служба является составной частью сил обеспечения *безопасности* Российской Федерации и призвана защищать *безопасность личности, общества и государства* от внешних угроз. Органы внешней разведки осуществляют разведывательную деятельность посредством оказания содействия в реализации мер, осуществляемых государством в интересах *обеспечения безопасности Российской Федерации.*

ФСБ России в пределах своих полномочий осуществляет государственное управление в области *обеспечения безопасности Российской Федерации*, борьбы с терроризмом, обеспечивает *информационную безопасность* Российской Федерации.

Росгвардия выполняет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения *общественной безопасности* в пределах своих полномочий. На Росгвардию в числе прочего возложены задачи по организации участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и обеспечении *общественной безопасности*; осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за *обеспечение безопасности* объектов топливно-энергетического комплекса.

Из полномочий, которыми наделена Росгвардия в исследуемой сфере мы можем выделить – обеспечение участия войск национальной гвардиив охране общественного порядка и *обеспечении общественной безопасности*; определение совместно с МВД России порядка организации взаимодействия войск национальной гвардии с МВД России и его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и *обеспечении общественной безопасности*; организация участия войск национальной гвардии в пределах их полномочий в *обеспечении безопасности объектов* государственной охраны и защиты охраняемых ими объектов.

Акцентируем внимание на том, что в целях обеспечения *государственной и общественной безопасности*, защиты прав и свобод человека и гражданина, на основании Указа Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации.

Встает вопрос о том, какой вид безопасности обеспечивает Росгвардия на основании Указа Президента РФ от 30 сентября 2016г. № 510 при осуществлении функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, если в этом акте сказано – «*а также в сфере обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий*»? Представляется, что здесь идет смешение вопросов обеспечения как государственной, так и общественной безопасности, постольку, поскольку, например, осуществление функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии должна реализовываться и при обеспечении государственной безопасности.

Войска национальной гвардии предназначены для обеспечения *государственной и общественной безопасности*. Рассматривая государственную безопасность нужно отметить, что ее обеспечение включает в себя обеспечение конституционного строя, то есть статей 1–15 Конституции Российской Федерации. Выявленная особенность дает основание полагать, что войска при обеспечении государственной безопасности должны охранять, к примеру, государственную, муниципальную и частную собственность (ч. 2 статьи 8 Конституции). Тем самым идет смешение при обеспечении государственной безопасности и общественной безопасности, ущерб которой могут, например, причинять преступления или административные правонарушения в сфере экономики.

ФСО России ведает в пределах своих полномочий вопросами *безопасности государства*.

ФСВТС России осуществляет такое полномочие, как – определение в пределах своей компетенции отдельных мероприятий по реализации основных направлений государственной политики в области военно-технического сотрудничества, преждевременное распространение сведений о которых может нанести ущерб *безопасности государства*.

Росфинмониторинг осуществляет оценку угроз *национальной безопасности*, возникающих в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом; информирует соответствующие государственные органы и организации об угрозах *национальной безопасности*, которые возникают в результате совершения операций (сделок) с денежными средствами или иным имуществом; разрабатывает меры по нейтрализации угроз *национальной безопасности*.

ФМБА России осуществляет функцию по федеральному государственному контролю (надзору) за обеспечением *безопасности донорской крови и ее компонентов*.

ФМБА России осуществляет следующие полномочия в установленной сфере деятельности: осуществляет государственное регулирование *безопасности при использовании атомной энергии*; осуществляет создание, ведение и развитие единой базы данных по проведению мероприя-

тий, связанных с *обеспечением безопасности донорской крови и ее компонентов, развитием, организацией и пропагандой донорства крови и ее компонентов*.

На Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации возложена задача по организации обеспечения работы, жизнедеятельности и *безопасности должностных лиц* в период их пребывания на специальных объектах в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации.

ГУСП осуществляет следующие полномочия:

осуществляет в установленном порядке федеральный государственный строительный надзор, федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, федеральный государственный надзор в области *промышленной безопасности* в отношении специальных объектов и объектов их инфраструктуры, специальные разрешительные и контрольные функции в области *промышленной безопасности, безопасной эксплуатации* энергетических систем, систем теплоснабжения, электрических и тепловых сетей;

обеспечивает *информационную безопасность*;

обеспечивает *безопасность* и антитеррористическую защищенность *специальных объектов*, объектов их инфраструктуры и иных объектов, находящихся в ведении ГУСПа;

Управление делами Президента Российской Федерации организует в установленном порядке проведение ведомственного и внутреннего контроля качества и *безопасности медицинской деятельности*; участвует совместно с соответствующими федеральными органами государственной власти в исполнении поручений Президента Российской Федерации по отдельным вопросам *обеспечения государственной и общественной безопасности*.

Отметим, что у тех федеральных органов исполнительной власти, у которых в их положениях нет указания на обеспечение ими того или иного вида безопасности, мы не рассматривали, например, Росархив.

В проведенном исследовании автор останавливался только на тех видах безопасности, которые указаны в статутных документах федеральных органов исполнительной власти, которые осуществляют:

МВД России – общественную безопасность;

МЧС России – пожарную безопасность и безопасность людей на водных объектах;

МИД России – безопасность, региональную безопасность, безопасность государства;

Минобороны России – безопасность государства, информационную безопасность;

ФСТЭК России – государственную безопасность, безопасность критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

Минюст России – международную информационную безопасность;

ФСИН России – безопасность лиц;

СВР России – безопасность государства, безопасность личности, общества и государства;

ФСБ России – безопасность государства, информационную безопасность;

Росгвардия – общественную безопасность;

ФСО России – безопасность государства;

ФСВТС России – безопасность государства;

Росфинмониторинг – национальную безопасность;

ФМБА России – безопасность донорской крови и ее компонентов;

Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации – безопасность должностных лиц, промышленную безопасность, информационную безопасность;

Управление делами Президента Российской Федерации – безопасность медицинской деятельности, государственную и общественную безопасность.

Таким образом, видами безопасности, предусмотренными в положениях о каждом из федеральных органов исполнительной власти и вместе с тем, нашедшими свое отражение в Стратегии национальной безопасности являются безопасность личности, общества и государства, государственная безопасность, общественная безопасность, информационная безопасность, национальная безопасность. Та ситуация, которая сложилась в российском законодательстве относительно «безопасности государства» и «государственной безопасности» позволяет высказаться о том, что в своей основе это неидентичные понятия.

В науке отмечается, что безопасность государства составляет предупреждение и предотвращение опасностей, ему угрожающих, сохранение стабильности его функционирования [1];

защищенность конституционного строя, суверенитета и национальной целостности государства от внешних и внутренних угроз [2]; положение, при котором государству не угрожает опасность, и которого добиваются высшие органы власти с помощью действующих в этих целях специальных государственных органов, а также всего населения [3].

Ряд исследователей говорят об отделении «безопасности государства» от «государственной безопасности». При этом у них «безопасность государства» есть безопасность личности, безопасность общества [4].

Итак, безопасность государства – это безопасность личности, общества и государства; государственная безопасность основана на защите конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности.

Библиографический список

1. *Шашурина Г.В.* Понятие и сущность системы внутренней безопасности. Лекция. М., 2001. С. 6.
2. Геополитика. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. С. 41.
3. Политическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 105.
4. *Кристалинский Л.Б., Баранов С.В.* Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 8. С. 65–72.

Для цитирования: *Шеншин В.М.* О теоретических подходах к проблеме обеспечения безопасности России // Теория государства и права. – 2025. – № 4 (46). – С. 261 – 267.
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_261

ON THEORETICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF ENSURING RUSSIA'S SECURITY

Viktor M. Shenshin*

Annotation. *In this study, the author focuses on a synopsis of constitutional regulations in the context of "security." The article compares Article 55 of the Constitution of the Russian Federation, on the basis of which human and civil rights and freedoms may be restricted by federal law, and article 56, according to which restriction of rights and freedoms during the introduction of a state of emergency is possible in connection with the adoption of a federal constitutional law. It is concluded that it is necessary to amend article 114 of the Constitution, according to which it is proposed to empower the Government of the Russian Federation to implement measures not only in the field of state security, but also other types of it. The structure of the federal executive authorities, which are directly related to security issues, is being investigated. It points out the problems existing in Russian legislation related to the provision of the Rosgvardiya and the troops of the National Guard of state and Public security, and suggests measures to eliminate gaps in regulatory legal acts.*

Keywords: *security, national security, state security, public safety, state security, security of the individual, society and the state, powers, President of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, federal executive authorities, National Guard troops, Rosgvardiya, state of emergency, martial law regime.*

Security issues have always received close attention. The provision of the appropriate type of security is carried out by a significant list of state bodies, state authorities, state authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies.

Based on constitutional prescriptions, this study analyzes a number of provisions on federal executive authorities included in section I of the Decree of the President of the Russian Federation dated May 11, 2024. No. 326 "On the Structure of Federal Executive Authorities" – "Federal ministries, federal services and federal agencies whose activities are managed by the President of the Russian Federation, federal services and federal agencies subordinate to these federal ministries", and which provide the appropriate type of security prescribed by Russian legislation.

Let's turn to the Constitution of the Russian Federation and look at the types of security reflected in it. The context under study only directly affects the word "security", all the points that follow from this were not considered by the author.

* **Shenshin Viktor Mikhailovich –** Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, Senior Researcher at the Center for Security Studies at the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: vitya-shen@mail.ru

Part 5 of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitution), as part of the basis of the constitutional system, prohibits the creation and operation of public associations whose goals or actions are aimed at undermining the security of the state (emphasis added).

Part 3 of article 55 of the Constitution deals with ensuring the security of the State when it is necessary to restrict human and civil rights and freedoms. However, such restrictions are possible only in connection with the adoption of a federal law. The importance of this provision lies in the fact that it differs from article 56 of the Constitution, which deals with issues of ensuring the safety of citizens in a state of emergency, and when restrictions on rights and freedoms are possible only in accordance with federal constitutional law. It is known that in 2022, martial law was introduced in the territories of the LPR, DPR, Zaporizhia and Kherson regions, while no federal law on the restriction of rights and freedoms was adopted, although the Constitution makes an aspect on the adoption of such a law. In comparison with article 56 of the Constitution, which deals with the adoption of a federal constitutional law while restricting certain rights and freedoms, specifying the limits and duration of their validity, article 55 of the Constitution puts citizens in a difficult position and creates prerequisites for the violation of their rights and freedoms. In order to prevent this from happening, it is necessary to adjust article 55 of the Constitution, however, changes to chapter 2 of the Basic Law of the country are possible under certain circumstances and conditions, the existence of which is not justified. Consequently, for example, officials of the National Guard and police forces, while ensuring martial law, should carefully restrict human and civil rights and freedoms and prevent violations of the rule of law.

We would like to emphasize that paragraph 4 of Article 1 of Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of January 30, 2002 "On Martial Law" establishes a rule according to which the Federal Constitutional Law under consideration provides for the possibility of restricting the rights and freedoms of citizens of the Russian Federation, foreign citizens, stateless persons, and the activities of organizations regardless of the organizational and legal forms and forms of ownership, the rights of their officials. The act in question provides that other duties may be imposed.

Part 1 of Article 18 of the said Federal Constitutional Law provides for a feature that characterizes the state of rights and freedoms that are limited by the said normative legal act and other federal laws. It is known that such laws are adopted in compliance with constitutional provisions. At the same time, we see a discrepancy between part 3 of article 55 of the Constitution and the above provisions of the Federal Constitutional Law. Guided by the principle of legality, no law should contradict the Constitution of the Russian Federation.

Paragraph "m" of part 1 of Article 71 of the Constitution declares the approach according to which security issues are under the jurisdiction of the Russian Federation.

However, ensuring public and environmental safety is the joint responsibility of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation, which follows from paragraphs "b" and "e" of part 1 of Article 72 of the Constitution.

It follows from the meaning of article 71 of the Constitution that the Russian Federation is responsible for any issues related to security, including its types. Article 72 prescribes, among other things, the subjects of the Russian Federation to make decisions in the field of ensuring public and environmental safety. The subjects of the Russian Federation should not make decisions on other types of security. However, it is worth noting that, for example, Russian regions conclude agreements with foreign states in the field of food security (grain supplies), energy security (electricity supplies), etc.

Part 2 of article 74 of the Constitution contains prerequisites for ensuring security when restricting the movement of goods and services.

Article 79.1 of the Constitution states that the Russian Federation has taken measures to maintain and strengthen international peace and security.

When taking the oath of office, the President of the Russian Federation utters words that threaten the protection of State security (article 82).

Of particular interest is paragraph D.1 of Article 83 of the Constitution, on the basis of which the President of the Russian Federation is empowered to appoint, after consultation with the Federation Council, and dismiss the heads of federal executive authorities (including federal ministers) responsible for defense, State security, internal affairs, justice, foreign affairs, prevention of emergency situations and elimination of consequences of natural disasters, public safety.

Paragraph "k" of part 1 of Article 102 of the Constitution reveals the sphere of competence of the Federation Council. One of these areas is the holding of consultations on candidates proposed by the President of the Russian Federation for the post of heads of federal executive authorities (including federal ministers) responsible for defense, State security, internal affairs, justice, foreign affairs, emergency prevention and disaster management, and public safety.

Paragraph "g" of article 83 of the Constitution contains prescriptions aimed at the formation by the Head of State of the Security Council of the Russian Federation in order to assist the Head of State in exercising his powers to ensure the security of the individual, society and the State.

In paragraph "d" of part 1 of Article 114 of the Constitution, the Government of the Russian Federation is authorized to implement measures to ensure State security. It follows that the Government does not implement measures to ensure other types of security, other than state security, if we are guided by this paragraph, which looks strange. Therefore, the conclusion suggests itself that it is necessary to amend this norm, which should be written after the words: "state security" – "and other types of security."

So, a brief study of the constitutional prescriptions that contain the phrase "security" has shown that the Constitution uses the following terms: state security, security, public safety, environmental safety, security, security of the individual, society and the state, state security. These definitions indicate the disunity of the fundamentals of security contained in the Constitution, which does not allow the legislator, law enforcement officer, scientific community, citizens and legal entities to properly understand the meaning of such a concept as "security" in the Constitution. All of this has an

adverse effect on Russia's national security. By the way, we will not find the very term national security in the Constitution. Only the National Security Strategy of the Russian Federation discloses this definition, calling, for example, state and public security a strategic national priority.

Decree of the President of the Russian Federation No. 326 dated May 11, 2024 reveals the structure of federal executive authorities. We are interested in section I. Further, it seems necessary for the author to consider the specifics of the legal regulation of the provision by such bodies of the appropriate type of security in the sequence indicated in the Decree of the President of Russia.

Thus, on the basis of Presidential Decree No. 699 of December 21, 2016, one of the tasks of the Ministry of Internal Affairs of Russia is to ensure public safety (sub-paragraph 4 of paragraph 4). In the same act, the Ministry of Internal Affairs of Russia is entrusted with such powers as the formation of the main directions of state policy in the field of internal affairs based on the analysis and forecasting of public safety; the organization and conduct of measures to ensure the safety of citizens and law and order in public places.

It should be noted that paragraph 6 of Decree of the President of the Russian Federation No. 699 assigns to the territorial authority the tasks of ensuring public safety on the territory of the subject of the Russian Federation.

Sub-paragraphs 2, 4, and 6 of paragraph 13 of Decree of the President of the Russian Federation No. 699 prescribe to the territorial body such powers as – development of measures to strengthen law and order based on the state of affairs in the field of public safety; participation in the development of laws of the subject of the Russian Federation in the field of public order protection and public safety, as well as in development and implementation of regional and interregional programs in this field; ensuring, together with the executive authorities of the subject of the Russian Federation and local self-government bodies, the safety of citizens and public order in public places on the territory of the subject of the Russian Federation.

The head of the territorial body, on the basis of subsection 36 of paragraph 19, is endowed with other powers on issues of protecting public order and ensuring public safety, adopted within his competence, and regulatory legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Decree of the President of the Russian Federation No. 868 of July 11, 2004 determined that the Russian Ministry of Emergency Situations performs functions to ensure fire safety and human safety at water facilities.

The main tasks of the Russian Foreign Ministry, as stated in Presidential Decree No. 865 of July 11, 2004, are to provide diplomatic and international legal means of security protection, together with other federal executive authorities, for the safety of citizens, institutions and other facilities of the Russian Federation abroad, including in crisis situations. and emergency situations, including situations arising from threats or acts of international terrorism.

The Russian Ministry of Foreign Affairs has such powers in the field of security as the implementation by diplomatic and international legal means of the efforts of the Russian Federation to ensure global and regional security, including taking into account its responsibility as a permanent member of the United Nations Security Council, a participant in the pan–European process and other regional mechanisms; participates in the development and implementation of state policy in the field of ensuring the security of the state.

The Russian Ministry of Defense is empowered – as a defense agency, it implements state policy in the field of space activities in the interests of defense and security of the Russian Federation; organizes events within its competence to ensure state security; organizes information security activities; organizes nuclear and radiation safety measures.

The FSTEC of Russia implements state policy, organizes interdepartmental coordination and interaction, and performs special and supervisory functions in the field of state security, including on issues such as ensuring the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation.

The tasks of the FSTEC of Russia include the implementation, within its competence, of state policy in the field of ensuring the security of significant objects of critical information infrastructure.

The Ministry of Justice of Russia participates in the development and implementation of the main directions of the state policy of the Russian Federation in the field of international information security.

In the course of its activities, the Federal Penitentiary Service of Russia performs such tasks as ensuring the safety of convicted persons, persons in custody, as well as employees of the penitentiary system of the Russian Federation, and officials who are held in institutions executing criminal penalties in the form of imprisonment or forced labor, and in investigative isolators. and citizens located on the territories of these institutions and pre-trial detention facilities; ensuring the safety of psychiatric hospitals (inpatient units) located on the territorya specialized type with intensive supervision of individuals.

As the authority of the Federal Penitentiary Service of Russia by Decree of the President of the Russian Federation dated October 13, 2004.

No. 1314 is called ensuring the security of facilities of the penal enforcement system, as well as bodies of the Ministry of Justice of Russia, in accordance with the legislation of the Russian Federation.

The purpose of the SVR of Russia, as stated in Federal Law No. 5-FZ of January 10, 1996 "On Foreign Intelligence", implies that the Service is an integral part of the security forces of the Russian Federation and is designed to protect the security of individuals, society and the state from external threats. Foreign intelligence agencies carry out intelligence activities by assisting in the implementation of measures taken by the State in the interests of ensuring the security of the Russian Federation.

The FSB of Russia, within the limits of its powers, carries out state administration in the field of ensuring the security of the Russian Federation, combating terrorism, and ensuring the information security of the Russian Federation.

Rosgvardiya performs the functions of developing and implementing state policies and legal regulation in the field of public safety within the limits of its powers. Rosgvardiya, among other things, is tasked with organizing the participa-

tion of National Guard troops in protecting public order and ensuring public safety; and carrying out federal state control (supervision) over ensuring the safety of fuel and energy complex facilities.

Among the powers vested with the Rosgvardiya in the field under study, we can distinguish – ensuring the participation of National Guard troops in the protection of public order and ensuring public safety; determining, together with the Ministry of Internal Affairs of Russia, the procedure for organizing the interaction of National Guard troops with the Ministry of Internal Affairs of Russia and its territorial bodies (units) when performing tasks to protect public order and ensuring public safety; organization of the participation of National Guard troops, within the limits of their powers, in ensuring the security of state security facilities and the protection of objects protected by them.

We would like to emphasize that in order to ensure state and public security and protect human and civil rights and freedoms, the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation was established on the basis of Decree No. 157 of the President of the Russian Federation dated April 5, 2016.

The question arises as to what kind of security Rosgvardiya provides on the basis of Presidential Decree No. 510 dated September 30, 2016, when carrying out the functions of developing and implementing state policy and regulatory regulation in the field of activities of the National Guard troops, in the field of arms trafficking, in the field of private security activities, in the field of private detective work, in the field of non-departmental security, if this act says – "as well as in the field of ensuring public safety within the limits of their powers"? It seems that there is a mixture of issues of ensuring both state and public security, insofar as, for example, the function of developing and implementing state policy and regulatory regulation in the field of activities of the National Guard troops should also be implemented while ensuring state security.

The National Guard troops are designed to ensure state and public security. Considering state security, it should be noted that its provision includes ensuring the constitutional order, that is, articles 1–15 of the Constitution of the Russian Federation. This feature suggests that troops, while ensuring state security, should protect, for example, state, municipal and private property (Part 2 of Article 8 of the Constitution). Thus, there is a confusion in ensuring state security and public security, which can be damaged, for example, by crimes or administrative offenses in the economic sphere.

The Federal Security Service of Russia is responsible, within the limits of its powers, for state security issues.

The FSMTC of Russia exercises such authority as determining, within its competence, certain measures to implement the main directions of state policy in the field of military–technical cooperation, the premature dissemination of information about which may damage the security of the state.

Rosfinmonitoring evaluates threats to national security arising from transactions (transactions) with cash or other property; informs relevant government agencies and organizations about threats to national security that arise from transactions (transactions) with cash or other property; develops measures to neutralize threats to national security.

The FMBA of Russia performs the function of federal state control (supervision) over ensuring the safety of donated blood and its components.

The FMBA of Russia exercises the following powers in the established field of activity: carries out state regulation of safety in the use of atomic energy; creates, maintains and develops a unified database of activities related to ensuring the safety of donated blood and its components, the development, organization and promotion of blood donation and its components.

The Main Directorate of Special Programs of the President of the Russian Federation is entrusted with the task of organizing the provision of work, vital activity and safety of officials during their stay at special facilities in accordance with the procedure determined by the President of the Russian Federation.

GUSP exercises the following powers:

carries out, in accordance with the established procedure, federal state construction supervision, federal state sanitary and epidemiological supervision, federal state supervision in the field of industrial safety in relation to special facilities and their infrastructure, special licensing and control functions in the field of industrial safety, safe operation of energy facilities systems, heat supply systems, electrical and thermal networks;

provides information security;

ensures the safety and anti-terrorist security of special facilities, their infrastructure and other facilities under the jurisdiction of the GUSPa;

The Office of the President of the Russian Federation organizes, in accordance with the established procedure, departmental and internal quality and safety control of medical activities; participates jointly with relevant federal government agencies in the execution of instructions from the President of the Russian Federation on certain issues of ensuring state and public safety.

It should be noted that those federal executive authorities that do not have an indication in their regulations that they provide this or that type of security, we did not consider, for example, the Rosarchive.

In the conducted research, the author focused only on those types of security that are specified in the statutory documents of the federal executive authorities that carry out:

the Ministry of Internal Affairs of Russia – public safety;

EMERCOM of Russia – fire safety and safety of people on water bodies;

Russian Foreign Ministry – security, regional security, state security;

Russian Ministry of Defense – state security, information security;

FSTEC of Russia – state security, security of the critical information infrastructure of the Russian Federation;

Ministry of Justice of Russia – International Information Security;

FSIN of Russia – security of persons;

SVR of Russia – security of the state, security of the individual, society and the state;

FSB of Russia – state security, information security;
Rosgvardiya – public safety;
Federal Security Service of Russia – State Security;
FSMTC of Russia – State Security;
Rosfinmonitoring – National security;
FMBA of Russia – safety of donated blood and its components;
The Main Directorate of Special Programs of the President of the Russian Federation – safety of officials, industrial safety, information security;
The Office of the President of the Russian Federation – the safety of medical activities, state and public safety.

Thus, the types of security provided for in the regulations on each of the federal executive authorities and at the same time reflected in the National Security Strategy are the security of the individual, society and the state, state security, public safety, information security, national security. The situation that has developed in Russian legislation regarding "state security" and "state security" suggests that these are fundamentally non-identical concepts.

Science notes that the security of the state is the prevention and prevention of the dangers that threaten it, the preservation of the stability of its functioning [1]; the protection of the constitutional order, sovereignty and national integrity of the state from external and internal threats [2]; a position in which the state is not threatened, and which is sought the highest authorities with the help of special state bodies operating for these purposes, as well as the entire population [3].

A number of researchers speak about the separation of "state security" from "state security". At the same time, they have the "security of the state" is the security of the individual, the security of society [4].

So, the security of the state is the security of the individual, society and the state; state security is based on the protection of the constitutional order, sovereignty, and territorial integrity.

Bibliographic list

1. *Shashurina G.V.* The concept and essence of the internal security system. Lecture. Moscow, 2001. p. 6.
2. Geopolitics. Moscow: TERRA Book Club, 2002. p. 41.
3. Political Encyclopedia: in 2 volumes. Moscow: Mysl, 1999. Vol. 1. P. 105.
4. *Kristalinsky L.B., Baranov S.V.* Evolution of the political theory of civil society: The critical aspect // Izvestiya Irkutsk State University. The series "Political Science. Religious studies". 2014. Vol. 8. pp. 65–72.

For citation: *Shenshin V.M.* On theoretical approaches to the problem of ensuring Russia's security // Theory of state and law. 2025. No. 4 (46). – P. 267 – 271
DOI: 10.47905/MATGIP_2025_4_46_261

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: http://matgip.ru/trebuem

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

Студенты и аспиранты, как правило, публикуются в соавторстве со своими научными руководителями.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц (большее количество страниц – в порядке исключения).

К статье прилагаются:

а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;

б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: http://matgip.ru/trebuem

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

Undergraduate and graduate students typically publish in collaboration with their supervisors.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages (more pages are an exception).

Attached to the article:

a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;

b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic ber, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д. 19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: http://matgip.ru/magazine
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.05.2025. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 33,45. Усл. п.л. 31,60. Тираж 100 экз. Заказ № 63333.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»